

ВЕРГИЛИЙ • БУКОЛИКИ • ГЕОРГИКИ • ЭНЕИДА

ВЕРГИЛИЙ

БУКОЛИКИ • ГЕОРГИКИ • ЭНЕИДА

БЕРГИЛИЙ

БУКОЛИКИ
ГЕОРГИКИ

ЭНЕИДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1979

ВЕРГИЛИЙ

БУКОЛИКИ·ГЕОРГИКИ·ЭНЕИДА

Перевод с латинского

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией
*С. Алта, М. Гаспарова, С. Ошерова,
А. Тахо-Годи и С. Шервинского*

Вступительная статья

М. ГАСПАРОВА

Комментарии

Н. СТАРОСТИНОЙ И Е. РАВИНОВИЧ

Художник

Б. МАРКЕВИЧ

В $\frac{70404-410}{028(01)-79}$ Без объявления

© Вступительная статья, переводы, отмеченные знаком *, комментарии Е. Рабинович, оформление. Издательство «Художественная литература», 1979 г.

© Скан и обработка: *glarus63*

ВЕРГИЛИЙ — ПОЭТ БУДУЩЕГО

Вергилию не повезло в России. Его не знали и не любили: «перелицованные «Энеиды» разных авторов русскому читателю всегда были более знакомы, чем «Энеида» настоящая. Сближению с Вергилием мешало сперва гимназическое отвращение, потом — языковой барьер. Поэмы, в которых главное — рассказ, могут нравиться и в переводе; поэмы, в которых живет и звучит каждое слово (а таков весь Вергилий), требуют переводчика-языкотворца, какие бывают редко. Для Гомера таким был Гнедич, для Вергилия такого не нашлось. Не нашлось потому, что романтический XIX век, мечтавший о поэзии естественной и непосредственной, не любил цивилизованной римской классики и предпочитал ей греческую. XX век, расставшись с романтизмом, понял, что естественность и непосредственность в поэзии — миф и что громоздкая сложность и противоречивая напряженность римской цивилизации едва ли не понятнее нашему времени, — и вновь сумел воспринять и оценить Вергилия. Последние пятьдесят лет в Европе были подлинным вергилианским возрождением, и волны его начинают докатываться и до нас. Это отрадно: поэзия Вергилия — это поэзия, открытая в будущее, и всякой культуре, которая не боится будущего, она близка.

О жизни античных писателей мы обычно знаем очень мало, и по большей части это легенды. Вергилий — исключение. Он был величайшим из римских поэтов, все сведения о нем ловились с жадностью, и многие из них дошли до нас через античных биографов и комментаторов. Мы не только знаем точные даты его рождения и смерти — родился 15 октября 70 года, умер 21 сентября 19 года до н. э.; мы знаем даже мелкие подробности о его внешности, образе жизни и характере.

Он был рослый, крепкого телосложения, смуглый лицом. Среди литературного и светского римского общества он всегда казался мужиковатым: глядя на него, вспоминали, что отец его, мелкий землевладелец из-под Мантуи, совсем недавно выбился в люди то ли из ремесленников, то ли из поденщиков. Он был застенчив: когда на улицах сбегался народ посмотреть на знаменитого поэта, он прятался в первый попавшийся дом. В Неаполе, где он обычно жил, его прозвали «Недотрогой». Здоровья он был слабого, женщин не любил, жил затворником, с друзьями встречался редко. Увлекался науками — медициной и особенно математикой. Всю жизнь мечтал бросить поэзию и отдаться философии: об этом написано одно из самых ранних его стихотворений («Смесь», V), об этом он говорил друзьям за считанные месяцы перед смертью. Разговаривал он тяжело и несвязно, выступать публично не умел. Но стихи читал замечательно, и профессиональные ораторы завидовали тонкости и выразительности его интонаций.

Над стихами он работал самоотверженно. Юношей он учился писать у молодых поэтов-новаторов, чьим правилом было: каждая строка должна быть обдуманной, каждое слово неожиданным, лучше меньше, да лучше. Этим заветам он остался верен на всю жизнь. Маленькие «Буколики» он писал три года, «Георгики» семь лет, «Энеиду» одиннадцать лет. Если посчитать, то окажется, что в «Буколиках» и «Георгиках» он сочинял меньше чем по стиху в день. А работа была ежедневной: поутру он на свежую голову слагал и диктовал писцу сразу по многу стихов, а потом в течение дня их отдельвал, оттачивал и сокращал — часто до нуля. Последнюю свою вещь, «Энеиду», он писал неуверенно, как начинающий: сперва сочинил все двенадцать книг в прозе, потом частями, по настроению, перекла-

дывал их в стихи. Он боялся, что мастерство спугнет у него вдохновение; поэтому то, что не давалось ему сразу, он оставлял вчерне или откладывал на будущее. В «Энеиде» у него несколько десятков строк в разных местах так и остались дописанными лишь до половины. До последних дней он считал поэму недоработанной и неудачной: даже императору Августу, настойчиво требовавшему показать хоть что-нибудь из этого неведомого чуда, он согласился прочесть лишь три книги — вторую, четвертую и шестую. Умирая, он попросил друзей подать ему рукопись; они отказались, понимая, что он бросит ее в огонь. Тогда он попросил, по крайней мере, не издавать ничего, что не издал бы он сам; и «Энеида» появилась в свет лишь посмертно, бережно подготовленная друзьями-поэтами по распоряжению самого Августа.

Хотя он и выглядел мужиком среди горожан, хотя и действительно родился в деревне в часе пути от Мантуи (еще век спустя там показывали тополь, по обычаю посаженный в день его рождения), хотя он и прославлял в «Георгиках» сельский труд, но человеком «от земли» он не был и деревню любил не как крестьянин, а как дачник. Неаполь и окрестная Кампания, где он жил, были излюбленным местом отдыха для изящного римского общества. На родину, в северную Италию, он возвращался, кажется, только один раз — в 41 году, когда во время гражданской войны было конфисковано мантуанское имение его отца. Так как это событие нашло отражение в «Буколиках» (I и IX) то античные комментаторы нагромодили на него целый ворох легенд о том, как поэт чуть не погиб от рук грубого центуриона (имя которого всякий раз выдумывалось по-новому); но все, вероятно, было проще, начальники конфискационных операций Азиний Поллион и Корнелий Галл были сами писателями, смолоду знакомыми Вергилию, и добиться восстановления в правах ему было нетрудно. За пределы Италии и Сицилии он выбрался только в последний год своей жизни: решив, что для завершения «Энеиды» ему необходимо своими глазами увидеть греческие и троянские места, он отправился в путь, с полупути решил вернуться, но в Греции занемог от солнечного удара, а высадившись в Италии, через несколько дней умер. Прах его похоронили близ Неаполя.

Этому тихому и замкнутому меланхолику вместе со всем своим поколением пришлось пережить, ни много ни мало,

конец света. В книгах по истории этот конец света называется скромнее: падение Римской республики и установление империи. Но для современников это было гораздо страшнее. Рим и мир для них означали одно и то же — весь знакомый им круг земель, широкой полосой облежавших Средиземное море, находился под властью Рима. Республика, управляемая постоянно заседающим сенатом и ежегодно сменяемыми консулами, представлялась единственной мыслимой в Риме формой правления. Конец такой формы правления означал крушение Рима; а восстановление ее — хотя бы под неофициальным надзором «первого человека в сенате», «авторитетом превосходящего всех, властью же равного товарищам по должности» (именно так определял свою роль в государстве император Август), — такое восстановление ее воспринималось как негаданное чудесное спасение Рима и всего человечества. Что потом эта власть Августа послужит началом и образцом для политического режима совсем иного рода — этого, разумеется, не предугадывал никто. А само по себе возвышение «первого человека в сенате» не представляло для Рима ничего нового. Такими «первыми людьми» были и Сципион, и Катон, и другие герои, прославившие республику; правда, их в сенате бывало по несколько, а Август был один, но это было только на благо: ведь именно соперничество «первых людей», перешедшее от слов к оружию, и привело Рим и весь мир на край гибели, от которой чудесно спас его Август.

Все подробности этой гибели и этого спасения были на памяти у Вергилия и его сверстников. Вергилий родился в 70 году до н. э. — это был год консульства Помпея и Красса, двух соперничающих «первых людей», вступивших во временный, но грозный союз против общих врагов. Прошло десять лет — в 60 году к этому союзу присоединился третий претендент на власть, Юлий Цезарь, и союз стал еще грознее. Прошло еще десять лет — к 50 году Красс погиб на Востоке, и Цезарь с Помпеем стояли лицом к лицу с огромными армиями, готовые к войне. Прошло еще десять лет, самых страшных: была война, Помпей погиб, Цезарь стал диктатором, Цезарь был убит заговорщиками в сенате, мстить за Цезаря встали его полководец Антоний и приемный сын Октавиан, была их война против сената, массовые репрессии, массовые конфискации (тогда-то Вергилий и лишился было отцовского имени), и на пороге

была уже новая война, между двумя победителями, но в последний момент их удалось временно примирить,— это было в 40 году, и Вергилий приветствовал этот проблеск надежды в знаменитой IV эклоге своих «Буколик». Прошло еще десять лет неустойчивого равновесия и тревожного накопления сил — и отсроченная война вспыхнула; в 31 году в морской битве при Акции сошлись Октавиан во главе всех сил Италии и Запада и Антоний с Клеопатрой во главе всех сил Востока. Победа осталась за Октавианом. Через год Антоний и Клеопатра погибли, через два года Октавиан вернулся в Рим триумфатором и миротворцем, и Вергилий читал ему во славу мира только что завершенные «Георгики». Прошло еще десять лет, Октавиан принял почетное имя Августа и «авторитетом превосходил всех», на монетах чеканились слова: «Возрожденная республика», в речах прославлялись гражданские доблести, Рим отстраивался, хозяйство налаживалось, границы укреплялись, Август готовил по древним обрядам «столетние торжества», знаменующие конец века смут и начало века возрождения, и торопил Вергилия заканчивать «Энеиду», поэму о предначертанном величии Рима, а Вергилий медлил. Принужденное чтение трех книг «Энеиды» перед Августом произошло около 22 года, а в 19 году Вергилий умер. Два года спустя были отпразднованы «столетние торжества», пелся гимн богам, сочиненный Горацием, другом покойного Вергилия и лучшим после него поэтом Рима, и в самой середине этого гимна говорилось об Энее и начале Рима почти вергилиевскими словами.

Нынешний историк уверенно видит во всех этих событиях симптомы трудной, но неизбежной перестройки Рима из маленького города-государства в центр огромной средиземноморской державы. Но современники воспринимали эти события не широким взглядом, а тревожным сердцем. Они истолковывали их прямее и проще: все беды оттого, что испортились люди, пали нравы, над общим разумом и общим долгом возобладали эгоистические страсти. Самых опасных страстей было три: алчность, тщеславие и похоть; утоляя их, человек противопоставляет себя другим и этим разрушает общество. Рим едва не погиб именно оттого, что большие люди затевали в нем смуты, чтобы возвеличиться каждый в своем тщеславии; средние пользовались этим, чтобы насытить каждый свою алчность; а мелкие — чтобы ублажить каждый свою похоть. И если Рим все же не погиб, то

лишь потому, что явился человек, поставивший общее благо выше личного, и судьбу Рима выше собственной корысти,— это был «восстановитель республики» Август. Таково было общее чувство современников; полнее и чище всего его выразил в своих стихах Вергилий.

Это дорого обошлось Вергилию в глазах потомства. Читатели многих столетий, по опыту хорошо знавшие, что такое монархия и что несет она для поэзии, воспринимали этот восторг Вергилия перед обновлением Рима в лучшем случае как недалекоевидное простодушие, а в худшем — как сознательную лезть. Вергилий казался им певцом рождающейся Римской империи — если не наемным, а искренним, то тем хуже для него. Это несправедливо. Для поколения, пережившего ужас гражданских войн, благодатность нового порядка была не пустым словом, а выстраданным убеждением: Вергилий и Гораций были не столько первыми поэтами империи, сколько последними поэтами республики. В официальные певцы нового режима они не годились (хотя Август и старался об этом) — официальные певцы были совсем другие, неожиданные для нас. «Лучшие поэты нашего века — Вергилий и Рабирий» (Веллей. История, II, 36), — гласит случайно долетевшее до нас суждение современной критики; этот неведомый Рабирий, автор (по-видимому) панегирической поэмы о битве при Акци, был прочно забыт уже через сто лет, и сейчас о нем не знает никто, но стихи его, вероятно, были как раз по вкусу Августу. Вергилий же хотел писать не об Августе, а о Риме; а получались у него стихи не о Риме, а о человеке, природе и судьбе.

Произведения Вергилия стали классикой, потому что они давали людям то, для чего существует литература: взаимопонимание. В них каждый находил то, что было ему доступно и близко, и все это не исключало, а дополняло одно другое. Неискушенный читатель мог увлекаться нежными чувствами «Буколик», важными наставлениями «Георгик», драматическими событиями «Энеиды». Искушенный читатель мог наслаждаться уточненной словесной тканью произведения, где каждый оборот фразы, каждое слово, каждый звук были одновременно и предельно естественны, и предельно необычны. Знарок словесности мог любоваться, как Вергилий вставляет в свои стихи целые пересказанные отрывки и переведенные строки из Гомера и Феокрита, но так, что они органически входят в новый

текст и служат новому смыслу, обогащая его древними воспоминаниями. Практический политик мог оценить, как издали и исподволь подводит Вергилий читателя к приятию той программы возрождения древних римских доблестей, которую в эти же годы декларировал Август. И, наконец, всякий с несомненностью чувствовал, что стихи Вергилия как-то откликаются на его собственный жизненный опыт, а также на опыт каждого современника и, может быть, каждого человека вообще, — хотя, вероятно, и не смог бы сказать, в чем этот опыт состоит.

Мы не можем сейчас проследовать по всем этим пяти ступеням. Говорить о совершенстве языка, стиха и стиля не над подлинником, а над переводом невозможно. Переключки Вергилия с его греческими образцами интересны лишь для филологов, политические выводы из его стихов — лишь для историков. Оглядываться на них придется, но только изредка. Главная же речь будет о самом поверхностном и о самом глубоком слоях значений поэзии Вергилия — о том, который доступен пересказу всякого читающего, и о том, который открылся для понимания лишь в науке XX века.

2

Вергилий написал три больших произведения: «Буколики», «Георгики», «Энеиду». Все они написаны о разном и с виду совсем непохожи друг на друга. Но если взглядеться, мы увидим: все они подхватывают и развивают одну мысль и одно чувство — отречение от прошлого и перерождение для будущего.

«Буколики» написаны в 41—39 годах до н. э. — в самый разгар гражданских войн после гибели Цезаря. Это, конечно, было не первое произведение тридцатилетнего поэта. Античность твердо помнила, что еще до этого у Вергилия было немало ученических опытов: в первые же десятилетия после смерти поэта они были старательно собраны и дошли до нас как «Приложение к Вергилию». Это небольшая мифологическая поэма («эпиллий») «Скопа», небольшая полумифологическая-полудидактическая поэма «Комар», лирическая lamentация в двух частях «Лидия» и «Проклятия», две маленькие стихотворные картинки из простонародного быта «Трактирщица» и «Завтрак» и цикл мелких стихотворений на случай «Смесь». Насколько до-

стоверна принадлежность всех этих произведений Вергилию, об этом между учеными до сих пор идут безнадежные споры. Ясно одно: если даже не все они написаны самим юным Вергилием, то они происходят из тех поэтических кружков, к которым он в молодости принадлежал и в которых учился писать.

Это были кружки молодых поэтов, за которыми закрепилось прозвище «новаторов» («неотериков»): сперва ироническое, потом, у историков,— серьезное. Римская поэзия к этому времени насытилась уже два века своей сознательной историей (а греческая — семь): этого было недостаточно, чтобы достичь совершенства, но достаточно, чтобы выработать шаблоны языка и стиля, удобные и крепкие, но грубые и однообразные. Их-то и взялись обновить неотерики: оживить поэтические архаизмы модным языком образованного общества, перестроить латинские словосочетания по образцу гибких греческих. Их идеалом была греческая поэзия самой последней эпохи — александрийской: осознанное владение художественным наследием всех веков, игра темной ученостью и элегантною простотой, ироническая многозначность, холодное совершенство на безразличном материале. Их экспериментальными жанрами были маленькая мифологическая поэма, большая любовная элегия, мелкое стихотворение на случай. Начало этому поэтическому движению положили поэты, всего лишь на десять — пятнадцать лет старше Вергилия,— Катулл (почти земляк его, родом из Вероны), Лициний Кальв, Гельвий Цинна (упоминаемый в IX эклоге). Вергилий, приехав учиться в Рим около 54—53 годов до н. э., может быть, не застал уже Катулла в живых; но толчок, который тот дал всей молодой поэзии, чувствовался очень сильно. За старыми неотериками пошли младшие, по возрасту близкие Вергилию: Азиний Поллион (адресат IV эклоги), Корнелий Галл (герой X эклоги), Варий Руф (упоминаемый в IX эклоге); к ним присоединился и молодой Вергилий. Стихотворения из «Приложения к Вергилию» обнаруживают много перекличек с тем, что мы видим в сохранившихся стихах Катулла («Смесь» — с мелкими стихами, «Скопа» и «Комар» — с эпиллиями), и с тем, что мы знаем о несохранившихся стихах других поэтов. Но знаменательно, что для своего выступления в свет Вергилий выбрал не один из этих испытанных жанров, а совсем новый — буколический.

Слово «Буколики» означает «пастушеские стихи» — то же, что в новоевропейской литературе стало называться «пастораль». Стихотворения этого жанра назывались «эклоги» («выборки») или «идиллии» («картинки») — разницы между этими терминами не было, только в новое время стали (довольно искусственно) считать, что эклога требует более действия, а идиллия — более чувства. Основателем жанра был сицилийский поэт III века до н. э. Феокрит, работавший на острове Косе и в Александрии. Собрание его сочинений впервые было издано только в I веке до н. э. и при Вергилии еще читалось как новинка. Жанр этот был порождением городской книжной культуры: просвещенные писатели и читатели, утомясь светским изяществом, вкладывали свои изысканные чувства в уста грубых пастухов и любовались, какой эффект, иногда умилительный, а чаще комический, это производит. Чем реалистичнее выписывались подробности пастушеского быта — запах козьих шкур, циновки убогих хижин, пересчет стад, нехитрые трапезы, крепкие перебранки, песенные переклички, явно воспроизводящие подлинные народные заповеди, — тем выигрывшее это было для греческой буколки.

Вергилий обратился к буколическому жанру именно потому, что он позволял ему говорить сразу как бы и от себя и не от себя. Мифологический эпиллий, вроде «Скопы», был слишком объективен для него, любовная элегия Галла или сатирический ямб Горация — слишком субъективны. Пафос стихов Катутла, привлекавший (и привлекающий) к ним читателей, — это пафос эгоцентрического самоутверждения: если общество рассыпается, если все прежние его узы, политические и прочие, вызывают лишь омерзение, то единственной системой ценностей остается строй моих чувств, и всякий мгновенный порыв моей приязни или неприязни заслуживает поэтического увековечения. Вергилию такой этический солипсизм чужд с самого начала, поэтому он ставит в центр стихотворения не себя, а человека вообще — хотя бы в образе буколического пастуха; а подбирает и располагает стихотворения таким образом, чтобы темы их охватили весь мир — хотя бы с буколическим упрощением.

В «Буколиках» десять стихотворений: нечетные — в диалогической форме, четные — в повествовательной. Все сюжеты не выходят за рамки заданных пастушеских условностей. I эклога: прощаются два пастуха, один — изгоняемый из родных мест,

другой — спасенный милостью римского правителя. II эклога: влюбленный пастух сетует в одиночестве на равнодушие своего любимца. III эклога: двое пастухов сперва пререкаются, потом состязаются в пении, потом примиряются как равные в искусстве. IV эклога: «более высокая песня» о том, что близок срок свершения древних пророчеств и воцарения нового золотого века. V эклога: один пастух поет, как умирает юный Дафнис, и вся природа его оплакивает, другой — как Дафнис в небе становится богом, и вся природа ликует. VI эклога: пастухи поймали сонного бога Силена, и он, чтобы его отпустили, рассказывает им древние сказания от самого сотворения мира. VII эклога: опять два пастуха состязаются в пении. VIII эклога: опять отвергнутый пастух сетует на безответную любовь, а отвергнутая пастушка ворожкой возвращает к себе возлюбленного. IX эклога: опять селянина изгоняют из родных мест, и два пастуха жалеют о нем и вспоминают его песни. X эклога — эпилог: Корнелий Галл, покровитель и друг поэта, мучится от любви, поет об этом песню, и вся природа ему сострадает. Перед нами ненавязчивая, но несомненная симметрия построения: крайняя пара эклог, I и IX, — человек и земля; следующая, II и VIII, — человек и любовь; следующая, III и VII — человек и песня; следующая, IV и VI, — прошлое и будущее; срединная, V, — земное и божественное; заключительная, X, — синтез: здесь и природа, и любовь, и песня, и боги. Даже когда два пастуха переключаются нарочито отрывочными четверостишиями (эклога VII), темы их сменяются не случайным образом: сперва они сужаются — поэзия, боги, любовь, природа и быт; потом расширяются — природа и любовь, природа, любовь и боги; а когда очередной певец не в силах продолжать в том же духе, это засчитывается ему как поражение. В феокритовском образце Вергилия ничего подобного не было: там больше непосредственности и живости, но меньше стройности и всеохватности.

Место действия эколг Вергилия — Аркадия в глуши греческого Пелопоннеса, край бога-свирельника Пана. Образы «аркадских пастушков» стали нам так привычны по позднейшим пасторалям, что требуется усилие, чтобы вспомнить: первым поселил своих пастухов в отдаленной Аркадии именно Вергилий, у Феокрита местом действия были знакомые ему Сицилия и Кос. Именно из-за отдаленности Аркадия сразу становится страной не реальной, а условной и сказочной, «пейзажем души»: там

рядом и море, как в Сицилии, и река Минций, как в Мантуе, отсюда можно пешком сходить в Рим, а на полях там одновременно идет и жатва, и пахота (II, 26; VII, 13; I, 19; II, 10 и 66). Населяющие ее пастухи — тоже гораздо более условные и сказочные, чем у Феокрита, начиная с самого звучания их греческих имен: для греков они были привычны, и Тирсис или Титир легко представлялись им неуклюжими рабами-козопасами, для римлян (как и для нас) они — экзотичны и напоминают не только о рабах, но и о богах и героях. Вергилий вслэчески усиливает это впечатление: он затушевывает феокритовские подробности низменного быта, утвари вокруг его пастухов меньше, а цветов и трав больше; «Завтрак» из раннего Вергилия в «Буколиках» уже невозможен. Чувство меры, проявляемое при этом Вергилием, удивительно: пастухи остаются пастухами, но читатель видит в них прежде всего людей, страдающих или радующихся, прекрасных и чистых; у Феокрита они всегда немного смешны, у Вергилия почти никогда. Одни и те же любовные жалобы поет у Феокрита косматый киклоп (идиллия XI), а у Вергилия истомленный Коридон (эклога II), и звучат они по-разному; одно и то же песенное состязание у Феокрита кончается лихим торжеством (идиллия V), а у Вергилия благородным примирением (эклога III). И так до мелочей: все мотивы остаются те же, а эмоциональный мир становится иным.

В центре переживаний этого буколического мира царит, разумеется, любовь. Даже согнанные с земли пастухи эклог I и IX полны воспоминаний о своих возлюбленных, и даже песенные состязания эклог III и VII звучат обращениями к милым. «Все покоряет Любовь, и мы покоримся Любви!»¹ — этот мгновенно запоминающийся стих из концовки последней эклоги кажется выводом и итогом. Но это не так. Для Вергилия в идейном строе «Буколик» эта мысль не конец, а начало. Он пишет в дни, когда разнузданность страстей поставила Рим над краем гибели, и одна из этих страстей — та самая, которую моралисты сурово называют «похоть», а поэты нежно — «любовь». Воспевать ее так беззаботно, как делали это александрийцы, он не может. Слова «Все покоряет Любовь...» вложены в уста Корнелия Галла, друга Вергилия, лирического поэта, измученного краса-

¹ Здесь и далее стихи даются в дословном переводе.

вицей, которой он посвящал свои элегии. Галлу сочувствуют и деревья, и животные, и пастухи, и боги. Кому уподоблен Галл в этой патетической картине последней, X эклоги,— ясно из другой, центральной, V эклоги: это Дафнис, мифический пастух-полубог, умерший безвременною смертью. Отчего он умер — об этом Вергилий не говорит, но говорит его источник, Феокрит: Дафнис один из всех не захотел покориться любви, был замучен оскорбленной Афродитой и утопился в реке. Что было с Дафнисом потом — об этом Феокрит не говорит, но говорит опять Вергилий: он стал богом, вознесся на небеса и оттуда расточает земле благодатный мир,— ни волк больше не страшен овцам, ни охотник оленям. Уже античные комментаторы видели здесь аллегорическое изображение апофеоза Юлия Цезаря: в 44 году Цезарь был убит, в 43 году в небе явилась комета, и народ не сомневался, что это душа Цезаря, в 42 году сенат объявил Цезаря причисленным к богам, а в 41 году Вергилий написал свою эклогу. И как Цезарь — бог для всех, потому что изгоняет из мира насилие («спокойствие Дафнису любо»— V, 61), так его наследник Октавиан — бог для Вергилия и его пастухов, потому что он защищает от насилия их мантуанские пажити («нам бог спокойствие это доставил»— I, 6). Так апофеоз любви в образе Галла оборачивается апофеозом преодоления любви в образе Дафниса: высшим благом оказывается не «любовь», а «спокойствие».

Преодоление любви — это нимало не отмена любви, это лишь ее очищение и преобразование. Мир не становится безлюбным, но любовь перестает в нем быть пагубной и становится благодетельной. Что это такое, дают понять две эклоги, с двух сторон примыкающие к центральной, дафнисовской,— IV и VI. В VI эклоге пленный Силен поет песню о сотворении мира из хаоса, о быстро мелькнувшем золотом «сатурновом» веке и о веренице любовных историй героического века, с все более трагическими исходами: утонувший Гил, скотоложница Пасифая (о ней — всего подробнее), людоедка Сцилла, детоубийца Филомела. Этот причудливый каталог неотерических тем напоминает и о древней «Феогонии» Гесиода, и о еще не написанных «Метаморфозах» Овидия, и, вероятно, об элегиях самого Галла, лестное упоминание о котором тоже вплетено в песню Силену. Но общий смысл ясен: любовная страсть — это темная сила, обращающая людей в животных, и ее вторжение в людскую

жизнь означало конец золотого века. В IV эклоге перед нами, наоборот, картина не былого, а будущего золотого века, наступающего по предсказаниям сивиллы: рождается божественный младенец, и по мере того, как он растет, смиряются дикие звери, земля сама родит колосья, а дубы — мед, являются и минуют последние герои, борющиеся с природой, как аргонавты, или друг с другом, как троянские бойцы, и, наконец, все мироздание сливается в едином роднящем ликовании. О любви здесь нет ни слова, хотя чувство, животворящее этот возрожденный мир, трудно назвать иначе, как вселенскою любовью; и только в последних строках эклоги, когда поэт переводит взгляд от дальнего будущего снова к ближнему, вдруг возникают неожиданные слова: «Мальчик, пачни в улыбке узнавать свою мать! долгою мукою были ей десять твоих месяцев. Мальчик, пачни! ведь кого обошли улыбкою мать и отец, того ни бог не допустит к трапезе, ни богиня к ложу» (IV, 60—63). Не плотская любовь, а материнская — вот для Вергилия символ его золотого века.

Для античности этот образ так необычен, что IV эклога на две тысячи лет осталась самым загадочно-привлекательным произведением древней поэзии. Христианство не сомневалось, что Вергилий здесь предсказал рождение Христа; ученые нового времени нашли здесь отголоски греко-иудейских «сивиллиных вещаний», а сквозь них — библейских пророчеств. Но повод к написанию эклоги был, по-видимому, гораздо более земным. В 40 году было жестоко подавлено восстание против Октавиана, возглавленное братом Антония; Антоний заступился за разбитых и высадился в Италии; новая война казалась неизбежной; но стараниями консула этого года, поэта и воина Азиния Поллиона, между двумя хозяевами державы удалось восстановить мир. Мир был скреплен браком Антония с сестрой Октавиана и браком Октавиана с Скрибонией, дочерью видного римского сенатора. От обоих браков ожидалось сыновья, рождение которых должно было упрочить достигнутый союз; у самого консула Поллиона тоже в этом году родился сын. В такой обстановке образ младенца-миротворца в эклоге, посвященной Поллиону («в твое, Поллион, консульство наступит краса нового века...») — IV, 11) становится не столь уже удивительным. Надежды оказались обманчивы: у Антония сыновья не родились, у Октавиана родилась дочь Юлия, впоследствии обвиненная

в разврате и скончавшаяся в ссылке. Но для Вергилия это примирение, прославленное IV эклогией, было первым случаем без боязни взглянуть в будущее «в надежде славы и добра» — и, взглянув, он уже не отводил от него глаз.

3

«Буколики» принесли Вергилию славу. Их не только читали и ценили знатоки — актеры исполняли их на сцене, и народ рукоплескал, потому что стихи были прекрасные, а чувства понятные. Из начинающего экспериментатора он сразу стал ведущим поэтом своего поколения — тем более что Азиний Поллион все больше отходил от стихов к прозе, а Корнелий Галл от литературы к политике — увлечение, которое, как мы увидим, оказалось для него роковым. Теперь Вергилий — центральная фигура нового литературного кружка, все более и более задающего тон в духовной жизни Рима. Кружок этот объединен не только поэтической, но и политической программой, а организатора этого кружка зовут Меценат.

Меценат принадлежал к тем же младшим неотерикам, из которых вышел и Вергилий. Он и сам был поэтом, но не очень удачливым; зато у него был практический ум, живой и гибкий. Он рано подружился с молодым Октавианом и, не занимая никаких постов, был при нем как бы советником по дипломатическим и идеологическим вопросам. Замирение 40 года в значительной степени было делом его рук. По-видимому, он первый подумал, что для того, чтобы «авторитетом превосходить всех», Октавиану нужна организация общественного мнения, а для организации общественного мнения полезно дружить с талантливыми писателями. И он сплотил вокруг себя тех писателей своего и младшего поколения, для которых мысль о Риме все прочнее связывалась с мыслью об Октавиане. Первым из них был, конечно, Вергилий, с ним его друг Варий Руф, потом к ним присоединился молодой Гораций; входили в кружок несколько знатоков-любителей и мелких поэтов, чьи имена нам уже ничего не говорят; несколько в стороне, но с сочувствием держался гордый Азиний Поллион. Деятельность этого кружка заполнила все 30-е годы. Наметилось даже что-то вроде разделения труда: Азиний Поллион писал трагедии, Варий — эпос (по-ви-

димому, философский, под заглавием «О смерти»), Вергилий дописывал «Буколики», Гораций сочинял сатиры и ямбы. Во второй половине 30-х годов произошло некоторое перераспределение жанров: Поллион перешел к истории, Варий — к трагедии, Вергилий — к эпосу, Гораций стал пробовать свои силы в лирике. За этими работами и встретили они победу при Акциии и единовластие Октавиана.

Эпосом, над которым работал в эти годы Вергилий, были «Георгики».

Слово «Георгики» означает «Земледельческие стихи». Это не название жанра, а название темы; а жанр «Георгик» — это дидактическая поэма, без сюжета, из одних описаний и наставлений. В наше время такой жанр мало популярен, и современный читатель вправе спросить: почему Вергилий, вступая в творческую зрелость, избрал столь неблагоприятно-абстрактную поэтическую форму, да еще в ответ на вполне конкретную политическую заинтересованность его кружка? Но причины для этого были достаточно веские, и их было по меньшей мере три.

Первая причина — политическая. Вопрос о развитии земледелия в Италии был в эти годы самой важной государственной проблемой. Собственно, гражданские войны в Риме и начались со споров, кому владеть необширной италийской пахотной землей; и каждый круг этих войн заканчивался переделом земли в пользу ветеранов победившей стороны. Такой раздел, и очень болезненный, произвел и Октавиан (тогда-то и пострадали от конфискации мантуанские земляки Вергилия); теперь прочность его власти во многом зависела от того, приживутся ли его отвыкшие от земли солдаты на новых наделах. Проблема была даже не экономическая, а морально-политическая: что Италия все равно не прокормит себя своим хлебом и будет развивать виноградарство и скотоводство, а хлеб ввозить, было ясно всякому практику; но что занятия земледелием поднимут павшую нравственность и возродят гражданские доблести древних пахарей и воинов, живущих трудами рук своих, — на это возлагались самые серьезные надежды. Подъем крестьянского хозяйства стоит в центре общественного внимания, и старейший римский писатель-сенатор, неутомимый Варрон издает в свои восемьдесят лет (в 37—36 гг.) деловитый трактат «О сельском хозяйстве», во многом перекликающийся с «Георгиками». Поэтому можно не считать большим преувеличением слова

Вергилия («Георгики», III, 41), что он писал, «повинуясь нелегким веляньям» самого Мецената.

Вторая причина — художественная. Дидактическая поэма была излюбленной формой всех античных поэтов-новаторов. Повествовательная поэма с сюжетом из привычного круга мифологических тем (Вергилий небрежно перечисляет некоторые из них в начале III книги) налагала на них гораздо больше традиционных канонических условностей, а дидактическая поэма позволяла широко привлекать новый и необычный материал. Освоение нетрадиционного поэтического материала традиционными поэтическими средствами было трудной задачей, и удачное ее разрешение ценилось очень высоко. Так было в Александрии, так было и у римских александрийцев — неотериков: имена таких греческих поэтов, как Арат, автор поэмы по астрономии и метеорологии, и его подражатель Никандр, автор поэм о ядах и противоядиях (в наши дни почти не читаемых даже специалистами), пользовались величайшим почетом, а основоположник жанра, древний Гесиод, автор сельскохозяйственной поэмы «Труды и дни», считался равным Гомеру. В «Буколиках» Вергилий выступил римским соперником Феокрита, в «Георгиках» он выступает римским соперником самого Гесиода, — это был естественный шаг вперед, которым могла гордиться вся римская поэзия.

Третья, и главная, причина — личная. Вергилия привлекало в дидактической поэме именно то, что отвращает от нее современного читателя, — бессюжетность и безгеройность. Мы видели, что в свое время Вергилий уклонился от разработки жанра любовной элегии и занялся буколической поэмой едва ли не оттого, что ему претил эгоцентризм неотерической лирики. В буколической поэме не было эгоцентризма, но оставался, так сказать, антропоцентризм: человек был в центре внимания, страждущие пастухи заполняли эклогу своими переживаниями, а окружающая природа сочувствовала им и оведала жар их чувств вечерними прохладами. Вергилий понимал, что это тоже несерьезно, что на самом деле человек совсем не центр вселенной и не предмет примущественного попечения богов — слишком он для этого неразумно живет и непомерно страдает, лучшее свидетельство чему — вся римская современность. Человек — лишь частица огромного мира природы, и даже не главная частица; в мировом круговороте он повинуетя общим законам, и чем покорнее повинуетя, тем лучше для него. Это была постоянная мысль всей антично-

сти. «В чем счастье?»— спрашивал человек. «В том, чтобы жить сообразно с природой»,— отвечал философ. Философ умел мыслить отвлеченно и представлял себе строй природы в виде небесной геометрии и причинно-следственной метафизики; поэт мыслил конкретно и представлял его себе в виде холмистых равнин Италии, где бродят блеющие стада и пахарь клонится над медленным плугом. Таковы «Георгики»: это поэма не агрономическая, а философская.

У Вергилия был здесь великий предшественник — Тит Лукреций, автор поэмы «О природе вещей». Предание связало их имена: рассказывали, что Лукреций умер в 55 году, в тот день, когда неведомый ему Вергилий справлял свое совершеннолетие. Лукреций тоже был свидетелем гражданских войн, тоже жил среди разваливающегося общества, но, в отличие от Вергилия, он не видел никакого просвета и впереди. Однако он умел не чувствовать страха, и в поэме своей учил этому и других. Общество губят алчность, тщеславие, похоть, говорил он, но исток у этих трех страстей один: страх смерти. Достаточно отрешиться от страха смерти — и человек обретет безмятежность, которая и есть счастье. В самом деле, для человека смерть — ничто: когда она есть — ее еще нет, когда она есть — его уже нет; а для вселенной смерть — тем более ничто: ведь материя вечна, и из тех же атомов, из которых состоим мы, будут вновь и вновь слагаться иные тела и иные миры,— для Лукреция, эпикурейца и атомиста, это непреложно. К этому приятию смерти и растворению в вечном бытии Лукреций и призывает с таким вдохновенным пафосом, равного которому нет, пожалуй, во всей античной литературе.

Вергилий тоже в молодости искал спасенья в эпикурействе, его учителем был неаполитанский эпикуреец грек Сирон, имя поэта читается в одном из свитков местной философской школы, открытых археологами. В Лукреция он вчитывался неотступно: ученые подсчитали, что в «Георгиках» реминисценции из Лукреция приходятся по разу на каждые двенадцать стихов. Но принять взгляд Лукреция он не мог. Он был человеком следующего поколения, которое отстрадало в римском аду еще одним сроком больше и теперь видело — или внушало себе, что видит,— проблеск спасения впереди. И его поэма не о неминуемости смерти, а о неминуемости возрождения по ту сторону смерти. Что такое возрождение реально, этому Вергилия учат

не философские домыслы, а та насущная повседневность, о которой он пишет: ведь именно так каждое зерно сеятеля умирает в борозде, а потом возрождается новым колосом. «По кругу идет труд земледельца, и год его возвращается на следы свои» (II, 401—402). Для Лукреция круг обновления материи замыкался в бесконечности и вечности, для Вергилия — в годовой череде полевых работ на крестьянском наделе; а счастье, обретаемое там и здесь, — одно и то же. «Блажен, кто мог познать причины вещей... — восклицает Вергилий, с несомненно-стью имея в виду Лукреция, — но счастлив и тот, кто знает лишь сельских богов...» и т. д. (II, 490—540): тщеславие не толкает его к распрям, алчность — к преступлениям, и дом его целомудрен. «Счастье — в том, чтобы жить сообразно с природой», — говорила философия; но для философа сообразно с природой живет философ, а для поэта — мужик. Счастье Лукреция доступно лишь мыслителю и прозорливцу, счастье Вергилия — всякому, кто честно делает свое земное дело.

Философская мысль создает единство поэмы, сельскохозяйственная тема служит материалом для ее развертывания. Как деревенский уроженец и дачный житель, Вергилий знал предмет и по личным впечатлениям; но в основном «Георгики», как положено было дидактическим поэмам, писались по книгам. Позднейшие писатели относятся к сельскохозяйственному авторитету Вергилия вполне серьезно: Колумелла его хвалит, Плиний с ним спорит, а Сенека его оправдывает, напоминая, что поэт хотел «не поучать пахарей, а услаждать читателей» (письмо 86). Сенека прав: все сельскохозяйственное содержание «Георгик» — это лишь набор примеров к главной мысли поэмы — о единстве и круговороте природы. Вергилий бывает и фантастичен — например, когда говорит, что любое дерево можно привить на любое дерево; и несистематичен — например, когда винограду он посвящает полтора-два строка, а маслине шесть; но первое — потому, что родство всех деревьев для него символ единства всей природы, а второе — потому, что он славит труд, а виноград требует больше труда, чем маслина. Зато каждая картина в отдельности представляет собой совершенство по продуманности деталей и точности слов. Вергилий недаром трудился над небольшой поэмой семь лет: если в истории латинского поэтического языка вершиной является творчество Вергилия, то в творчестве Вергилия вершиной являются

«Гсоргики». «Порознь — обычные слова, а вместе — необычные», — раздраженно определяли новый стиль римские критики.

Дробные картины сельской жизни и труда продуманно ложатся в четкий план четырех книг: о земледелии (I), о плодоводстве и виноградарстве (II), о скотоводстве (III), о пчеловодстве (IV). Первая пара книг — о неодушевленной природе, вторая — об одушевленной, обе начинаются пространными вступлениями — воззванием к сельским богам и воззванием к Октавиану. Первая книга в каждой паре сурова и мрачна, вторая — светлее и отраднее: I книга, о труде, побеждающем природу, заканчивается описанием страшных знамений земли и неба после смерти Цезаря, II книга — восторженной хвалой крестьянскому счастью; концовка III книги — скотский мор, картина торжества смерти (такой же картиной кончал свою поэму Лукреций), концовка IV книги — сказочное самозарождение пчелиного рода, картина торжества жизни. Таким образом, первая половина поэмы посвящена единению с природой, вторая — победе над смертью; обе темы восходят к «Буколикам», но здесь разработаны подробно и по-новому.

В IV эклоге «Буколик» возвещалось, что на землю возвращается золотой век и земля вновь все будет сама дарить человеку. Это прекрасно, но это ненадежно: что чудесно дано, то может быть и чудесно отнято (как уже когда-то было), а прочно лишь то счастье, которое человек добыл сам — собственным трудом. На заре человечества золотой век был младенчески беструдным, у зрелого человечества он будет трудовым: именно через труд включает себя человек во вселенское единство природы. Для того и отнял Юпитер у человека древний золотой век, чтобы человек в поте лица преобразил сам себя, научившись знаниям и умениям, и преобразил природу, которая без него бы вечно клонилась к вырождению. Обе мысли — и о вырождении природы, и о совершенствовании человека — эпикурейские, лукрециевские; но Вергилий словно выворачивает их контекст наизнанку, задавая вопрос не «почему это так?», а «для чего это так?» и отвечая: для блага людей. В строе природы человеку назначено свое место, и назначение это — именно в том, чтобы плыть против течения природы (I, 197—203). Всю эту диалектику Вергилий вмеждает в одно-единственное слово, ключевое для поэмы: «недобрый труд все победил» (I, 145—146). Труд — «недобрый» (*improbus*), потому что для человека он — тягость,

а для природы он — насилие; но только он ведет их к общему их благу. Ближайшие причастники этого блага — крестьяне, и особенно крестьяне Италии, где умереннее всего и небо, и земля (хвала Италии — II, 136—176). Они уже живут в золотом трудовом веке, им посвящает Вергилий знаменитое славословие: «О, блаженные слишком — когда б свое счастье знали! — жители сел...» (II, 458—459). И опять в этой хвале — диалектический парадокс: как благодатный труд оказывается «недобрым», так благодатное счастье — «незнаемым»: счастье — в свободе от мнимых благ похоти, тщеславия и корысти, а люди не понимают этого и по-прежнему тоскуют по ним. Настоящее счастье — это отречение от счастья.

В V эклоге «Буколик» воспевался Дафнис, который отрекся от любви, умер и возродился богом. В «Георгиках» Вергилий возвращается к этому и словно рассматривает под увеличительным стеклом все четыре момента этой темы: и любовь, и отречение, и смерть, и возрождение. Любовь — это неистовая животная течка и случка, бьющиеся за самку быки и истекающие похотливым соком кобылицы; а чтобы человек не подумал, что к нему это не относится, Вергилий тут же напоминает миф о Леандре и припечатывает свой рассказ словами: «любовь у всех одна» (III, 244). И не только любовь, а и всякая страсть: звериное тщеславие лошадей, на скачках рвущихся к мете, тоже ничем не отличается от людского. Отречение от любви и от всякой страсти — это пчелиное царство IV книги «Георгик»: пчелы не знают совокупления, а собирают молодь в траве и листе; пчелы не знают алчности, и добро у них общее, а «труд у всех один» (IV, 184); пчелы не знают тщеславия и с легкостью жертвуют жизнью: в бою — за царя, а в труде — за пропитание общины; и поэтому они божественны и блаженны. Смерть — это скотский мор в финале III книги: похоть в животных питается, конечно, надеждой на продление рода, но надежда эта мнимая, и страсть не спасает от вымирания. Наконец, возрождение по ту сторону смерти — это миф о чуде Аристея, завершающий всю поэму: аркадский полубог Аристей, наученный бессмертными, приносит в жертву быков, и из их разлагающихся туш — таких же, какие мы видели в картине мора, — вылетают молодые рои божественных пчел: «смерти, стало быть, нет» (IV, 226), а есть лишь обновление жизни. Этот заключительный рассказ Вергилий строит по александрийским законам маленькой мифологи-

ческой поэмы с обязательным вставным «рассказом в рассказе», оттеняющим главный,— и этот вставной эпизод у него уже откровенно символичен: это миф об Орфее, который ведет из царства мертвых к новой жизни любимую Эвридику, но не исполняет назначенного самоотречения, во «влюбленном безумии» (IV, 488) оглядывается на нее и теряет ее навек. Этим символом (освященным именем величайшего мифического поэта и пророка) завершается жизненный урок дидактической поэмы Вергилия.

4

В прологе к III книге «Георгики» Вергилий писал, какой храм мечтает он воздвигнуть в родной Мантуе в честь Октавиана, и побед его, и предков его, и обещал: «Скоро препояшусь я воспевать жаркие битвы Цезаря и нести хвалу ему в дальние века...» (III, 46—47). Современники с уверенностью ожидали панегирической поэмы об Августе — может быть, с прологом о мифических троянских предках его рода. «Георгики» были закончены, и Вергилий уже года два работал над новой поэмой,— а молодой горячий поэт Секст Проперций, только что примкнувший к кружку Мецената, возвещал о ней так: «Вергилию, ныне воскрешающему битвы Энея и стены на лавинийском берегу, любопеть победные корабли Цезаря при Фебовом Акции,— отступите же, поэты римские и греческие: это рождается нечто выше самой «Илиады!»» (II, 34, 61—66). Но шло время, и сперва друзья Вергилия, а после смерти его и все читатели узнали: об Августе и Акции в поэме упоминается лишь мимоходом, посвящена же она только Энею, троянскому предку Августа и римлян, описывает времена мифологические и называется «Энеида».

Миф об Энее был древний. В «Илиаде» (XX, 300—307) говорилось, что Энею, сыну Афродиты и Анхиса, не суждено было пасть под Троей, а суждено — и ему, и роду его — править над потомками троянцев. В пору греческой колонизации этот миф распространился по Средиземноморью и прижился в Италии: в этрусских раскопках найдены статуэтки Энея, выносящего Анхиса из Трои. С возвышением Рима в III веке миф приобретает окончательный вид: Эней, покинув Трою, после долгих скитаний приплыл именно в край латинов, и потомки его основали здесь Рим. Сын Энея Асканий был отождествлен с Юлом, пред-

ком рода Юлиев; Юлий Цезарь гордился таким происхождением, и Август изображал на своих монетах Энея с Анхисом на плечах. Большинство имен, упоминаемых в «Энеиде»— в том числе и Дидона, и Турн,— были в легендах и летописях и до Вергилия, но это были только имена, только заполнение пустых родословных. Мифологического эпоса на местном материале в латинской поэзии до Вергилия не было.

Выбор сюжета был исключительно удачен. Август как спаситель Рима официально считался вторым его основателем; поэтому напоминание о первом основании Рима было своеобразно и многозначительно. Август считался потомком Юлиев, поэтому выбор Энея в герои оказывался очень уместен. Август пришел к власти, победив Антония, а Антонию, в числе прочего, вменялась в вину любовь к восточной царице и намерение перенести столицу державы из Рима на восток; поэтому рассказ о том, как предок римского народа по воле богов плыл из Трои на запад, и даже любовь Дидоны не могла его удержать, приобретал дополнительную назидательность. А главное, выбор троянского героя позволял насытить поэму гомеровскими воспоминаниями, оживить ими бледные римские предания, закрепить в художественном образе теоретические комбинации, представлявшие Рим в Средиземноморье законным наследником Греции. Вергилий, соперник Феокрита и соперник Гесиода, выступал теперь соперником Гомера,— для всей римской культуры это было как бы экзаменом на зрелость, и современники это понимали.

Но для самого Вергилия выбор мифологического сюжета вместо современного имел еще одно значение. Отход в прошлое позволял ему оставаться поэтом будущего. Ведь годы шли, и будущее, возведенное в IV эклоге, постепенно становилось настоящим, и многое, чего не видно было издали, делалось явным вблизи. Покой и блеск в Риме был; но молочные реки не спешили разливаться, победы над внешним врагом оставались больше дипломатическими, чем военными, и власть Августа оформлялась не только в шуме народных восторгов, но и в тишине негласных политических сделок. Жертвой одной из таких сделок пал друг Вергилия Корнелий Галл: он был помещником Египта, его обвинили в превышении власти, он покестил самоубийством, и Вергилию велено было вычеркнуть упоминание о нем из последней книги «Георгик». Чтобы хвала такой

современности оставалась добровольной и не становилась при-
нужденной, нужно было отодвинуть точку зрения вдаль, вос-
становить дистанцию искусственно. Такой точкой для Вергилия
и стало мифологическое время «Энеиды»: Рима еще нет, но
судьба его уже предначертана, и перспектива ее раскрывается
от первобытной простоты царя Эвандра до всемирного величия
Августа и (это знаменательно!) продолжателей Августа в бу-
дущем: кульминация пророчеств о Риме в VI книге «Энеиды»—
не имя Августа, а имя юного Марцелла, который должен был
стать его преемником и только что безвремено умер.

И другая, еще более глубокая причина побуждала Вергилия
писать поэму не о Риме, а о судьбе Рима. Мысль о месте чело-
века в мире, сквозная мысль его творчества, оставалась у него
недодуманной. «В чем счастье?»—спрашивал человек. «В том,
чтобы забыться в вымышленном мире поэтической условно-
сти»,—отвечал поэт в «Буколиках»; «в том, чтобы замкнуться
в кругу трудового общения с природой»,—отвечал он в «Георги-
ках». Но такой ответ не мог удовлетворить римлянина: антич-
ный человек был не только труженик, но был и воин и гражданин.
Судьбу его дома можно было представить замкнутой лини-
ей годового круговорота; судьбу его города можно было
представить себе лишь незамкнутой линией исторического пути,
уходящего в неизвестность. (Философ мог утверждать, что и
этот путь — круговой, что и для государства за началом и рас-
цветом неминуемы упадок и конец, но гражданин руководство-
ваться этой мыслью не мог.) Повороты на этом пути были не
такие предвидимые, как в жизни земледельца; а бороться на
этом пути приходилось не с безликой природою, а с такими же
живыми людьми. Делать выбор здесь приходилось чаще, и вы-
бор был мучительнее. Чем руководствоваться, в чем черпать
силы? Чтобы ответить на этот вопрос, не годилась поэма без
героя, подобная «Георгикам», нужна была поэма о герое, кото-
рый ищет для себя и для других пути в будущее. Такую и на-
писал Вергилий «Энеиду».

Поэма о будущем была для античной литературы опытом
небывалым. «Илиада» и «Одиссея» создавались как поэмы о
прошлом. Греческий мир расставался тогда с родовой эпохой
и переходил к государственной; все покидаемое казалось невоз-
вратно прекрасным, каждая подробность его была дорога и бе-
режно вписывалась в стихи, за счет этих подробностей поэмы

безмерно разрастались, но именно это и привлекало к ним любовное внимание слушателей и читателей. Ностальгия о прошлом определяла всю поэтику гомеровского эпоса. Обращая свой эпос в будущее, Вергилий должен был пересоздать ее заново до малейших мелочей. Эпическое любование минувшим должно было замениться драматической заинтересованностью в предстоящем, обилие подробностей — обдуманном отбором, величавая плавность — патетической напряженностью. Все это Вергилий сделал: мотивы, из которых соткана его поэма, — гомеровские, но ткань, в которую они сплетаются, — новая.

В «Энеиде» двенадцать книг. Начинается поэма на седьмом году странствий Энея; на пути в Италию он застигнут бурей и прибит к берегам Карфагена (I); он рассказывает карфагенской царице Дидоне о падении Трои (II) и о своих скитаниях (III); он любит Дидону, но рок велит ему продолжать путь, и покинутая Дидона убивает себя на костре (IV). Минуя Сицилию, где он чтит играми память отца (V), Эней прибывает в Италию и, спустившись с Сивиллой в Аид, узнает там от тени Анхиса славную судьбу своего потомства (VI). Царь Латин ласково принимает Энея и обещает ему руку своей дочери, но жених ее Турн идет на Энея войной (VII); Эней едет за помощью к соседнему царю Эвандру на место будущего Рима и получает в дар от Вулкана и Венеры доспехи и щит с изображением грядущей истории Рима (VIII). Тем временем Турн теснит троянцев (IX); вернувшийся Эней отражает врагов, но Турн убивает его друга Палланта, сына Эвандра (X); следует погребение павших, возобновление войны, подвиги амазонки Камиллы (XI) и, наконец, единоборство вождей, в котором Эней, мстя за Палланта, поражает Турна (XII). Композиция поэмы намечена твердой рукой: во-первых, первая половина и вторая половина, «странствия» (I—VI) и «битвы» (VII—XII), сопоставляются как «римская Одиссея» и «римская Илиада»; во-вторых, первая треть и последняя треть противопоставляются как испытание отречением (I—IV) и испытание одолением (IX—XII), между которыми лежит откровение цели (V—VIII); в-третьих, четные книги с напряжением действия и нечетные с ослаблением напряжения правильно чередуются между собой.

Почти все эпизоды «Энеиды» подобраны по образцу гомеровских: начало с середины действия, буря у чужих берегов, рассказ героя на пиру о своих скитаниях, задерживающая ге-

роя женщина (Дидона — Калипсо), поминальные игры, спуск за пророчеством в царство мертвых, война из-за женщины, печаль воителей, битва в отсутствие героя, изготовление оружия, ночная вылазка, перемирие и нарушение перемирия, совет богов, умерщвление друга и месть за него в последнем единоборстве,— все это имеет знаменитые прототипы в «Илиаде» и «Одиссее», и Вергилий их не скрывает, а подчеркивает. Но выглядят они в контексте «Энеиды» совершенно по-новому. Достаточно вспомнить: в «Одиссее» герой, рассказывая о странствиях, почти нигде не упоминает об их цели, она как бы сама собой подразумевается; и в «Илиаде» герои почти никогда не вспоминают о причине и целях войны, война для них — состояние естественное и обычное. В «Энеиде» наоборот: каждая пристань блуждающих троянцев пробуждает вопрос, не здесь ли долгожданный конец пути; и каждый удар в войне между троянцами и латинами сопровождается мыслью, что все могло быть иначе и должно стать иначе. Эта устремленность к развязке пронизывает всю поэму до самых малых эпизодов: даже когда Вергилий в надгробных играх по Анхису нарочито воспроизводит надгробные игры по Патроклу, то из красочного, но нехитрого рассказа («Илиада», XXIII, 651—699): «был кулачный бой, и Эпей вызвал всякого охотника, но отважился один Эвриал; долго бились они, и Эпей побил Эвриала», получается целая маленькая драма («Энеида», V, 362—472): «вызвал Дарет всякого охотника, но было страшно, и не стерпел тогда старый Этелл; сошлись они, промахнулся Этелл, упал, и все испугались; но от обиды прибавилось у него сил, он вскочил, и ударил, и вышел победителем». Так всюду; гомеровских реминисценций в «Энеиде» меньше, чем феокритовских в «Буколиках», но они еще более неузнаваемы. Вергилий ими гордился. «Ведь легче,— говорил он,— украсть у Геркулеса палицу, чем у Гомера стих».

Если бы Вергилий взялся писать панегирическую поэму, ему пришлось бы архаизировать современность, воспевая битвы недавних дней высоким гомеровским стилем: это было традицией, уже отец римского эпоса Энний описывал римского трибуна в бою словами Гомера об Аяксе. Взавшись за мифологическую поэму, Вергилий смог поступить наоборот: оживить древность мироощущением современности. На первых же страницах поэмы мы чувствуем эту разницу: у Гомера волнение народного собрания сравнивается с бурей («Илиада», II, 144—149), у Вер-

гилля буря (и какая!) сравнивается с волнением народного собрания (I, 148—153),— за этими картинами стоит совсем разный жизненный опыт. Тесный и обжитой мир Гомера превращается в бесконечно раздвинутый мир всесветной державы. Расширился космос: боги стали далеки от людей, и связь мировых событий непонятна людям. Расширилось пространство: Эней путешествует не по неведомым сказочным морям, а по местам, где уже побывали троянские и греческие колонисты и где слава Троянской войны долетела уже до Карфагена. Расширилось время: если Одиссей получал в Анде предсказание только о собственной ближайшей участи, то Эней получает пророчество об отдаленнейшем будущем своих неведомых потомков. Наконец,— и это главное,— расширился духовный мир человека, и динамика действия переместилась из сферы поступков в сферу переживаний: слава войн и битв перестала быть самоценной и стала лишь внешним проявлением и подтверждением воли судьбы, а все силы героя обращаются к тому, чтобы постичь эту волю судьбы и сообразоваться с ней.

Что такое судьба? Древний человек представлял это гораздо проще, чем современный. Все события имеют свои причины и свои следствия; их переплетение и образует судьбу. Многое в ней предсказуемо. Даже невежда может предсказать человеку: «Если тебе проколют сердце, ты умрешь». Кто более проницателен (например, врач), может сделать предсказание менее тривиальное: «Если ты выпьешь много вина и выйдешь на холод, ты умрешь». Кто еще шире охватывает взглядом связь событий (например, бог), может предсказать даже так: «Если ты встретишь человека, обутого на одну ногу, ты умрешь»; когда люди обращаются к оракулам, они обычно получают именно такие ответы. А всю бесконечную ткань сплетений судьбы не под силу объять, вероятно, никому. Вергилия порой упрекали (даже в античности) за то, что он сохранил в своей поэме гомеровские образы олимпийских богов. Но они были ему нужны именно для того, чтобы показать эту иерархию осведомленности, причастности судьбе. Выше всех — Юпитер: он видит будущность до самых дальних далей, его пророчеством «без времен и пределов» (I, 278) открывается поэма. Ниже его — Юнона, Венера и прочие боги: им открыты лишь ближние рубежи судьбы, и не всем одни и те же. И ниже всех — человек, который не видит ничего и может лишь молить об откровении: таков Эней, кото-

рый лишь на полупути от Трои узнает, что он плывет в Италию, и лишь приплыв в Италию, узнает, зачем он сюда плыл.

Но это еще не все. Если знание людей о своих будущих целях так неполно, то и действия их взаимно противоречивы. Допустим, Рим и Карфаген начинают войну, оба обращаются к богам и оба получают пророчества о победе. Противоречия здесь нет: действительно, сперва Ганнибал победит Рим, а потом Сципион победит Карфаген. Но чья победа будет последней, люди не знают, и поэтому война идет жестокая, и история движется медленнее, чем могла бы. Как здесь быть человеку? Перед ним два пути. Или — вновь и вновь обращаться к богам, пытаясь узнать все более дальние и непонятные звенья судьбы и безропотно подчиняя узанному свои действия: это путь Энея. Или — уверовать, что то звено, которое открыто тебе, — последнее и главное, и утверждать себя в служении этой цели: это путь его антагонистов, Дидоны и Турна. «На ближнюю судьбу есть дальняя судьба» (I, 209), — утешается Венера, глядя на бедствия Энея; «На чуждую судьбу есть моя судьба!» (IX, 136) — восклицает Турн, бушуя перед троинским лагерем. Перед нами опять контраст жертвенного самоотречения и страстного самоутверждения; и мы видим: ни то, ни другое невозможно без борьбы. Человек вписывается в историю, как земледелец в кругооборот природы: обоим предстоит «недобрый труд» одолевать противотечение.

Вся первая половина «Энеиды» — это школа самоотречения, которую проходит Эней. В «Георгиках» страсти были показаны в самом отталкивающе-животном их виде, в «Энеиде» — в самом возвышенно-благородном; но отречения требуют и такие. Тщеславие Энея — это его воинская честь, героическая готовность победить или умереть; алчность — это его патриотизм, его желание сохранить свой дом и родину; похоть — это его любовь к Дидоне, любовь двух товарищей по изгнанической судьбе, едва ли не самая человеческая во всей античной поэзии; но все это он должен забыть. Он носит постоянный эпитет *pius*, «благочестивый» (немыслимый у Гомера); обычно слово это значит «преданный богам, предкам, родным, друзьям», всему, что связывает с прошлым, — здесь это значит «преданный богам и судьбе», тому, что связывает с будущим. В начале он еще не таков: тень Гектора говорит ему: «Троя пала, беги, тебе суждено основать за морем новую Троию!» — но при первом взгляде на

горящий город он забывает все, хватается меч и бросается умирать, и нужно еще явление Венеры, чтобы он вспомнил о родных, и чудо над Асканием, чтобы он пошел за судьбой. Затем — подневольное плавание, попукаемое новыми и новыми велениями свыше: ложный оракул на Делосе, прояснение его на Крите, сбивающее ведание гарпии, указание пути от Гелена, Венера направляет Энея в Карфаген, Меркурий гонит его из Карфагена, тень Анхиса призывает в Аид, — и все это на фоне неотступной тоски: «о, трижды и четырежды блаженны те, кто пали у отчих стен!..» (I, 94—95). Трижды отрывается Эней от города и дома: сперва от любимой Трои (и в ней от Креусы), потом от любящей Дидоны (и с ней от Карфагена), потом от спутников, остающихся в Сицилии (и ставящих там новую Трои), — и все это против воли. «Против воли я твой, царица, берег покинул», — скажет он Дидоне (VI, 460); не всякий читатель уловит, что этот стих — повторение катулловского (66, 39): «Против воли, царица, твое я темя покинул», — говорит Беренике ее локон, ставший созвездием; но кто уловит, тот услышит: труден человеку путь к небесам.

Перелом, предельное отрешение от прошлого и рождение для будущего — это VI книга «Энеиды», спуск и выход из царства мертвых, символ, знакомый нам по Дафнису и Орфею. В начале перед Энеем в последний раз проходит пережитое — тень Деифоба напоминает о родине, тень Дидоны о любви; в середине познается вечное — круговорот очищения душ от телесных страстей (это — точка соприкосновения природы и истории, кругового и прямого пути, «Георгик» и «Энеиды»); в конце открывается будущее — вереница героев римского народа от древнейших царей до Августа и Марцелла. Здесь, на самом переломе поэмы устами Анхиса произносятся ее ключевые стихи, знаменитая формула исторической миссии Рима (VI, 847—853): «Пусть другие тоньше выкуют дышащую бронзу, живыми выведут облики из мрамора, лучше будут говорить речи, тростью расчертят движение небес и предскажут восходы светил, — ты же, римлянин, помни державно править народами, и будут искусства твои: налагать обычаи мира, щадить покоренных, а заносчивых смирать оружием». Эти слова замечательны: поэт говорит о Риме, но в поле его зрения — весь круг земной, а в мысли его — мир между его народами. Эгоцентризма (на этот раз национального) нет и здесь. Римляне — народ

избранный, но не потому, что он лучше других, а потому, что он способнее поддерживать мирное единство всех остальных народов. Символ этого единства — начало самого римского народа: скоро мы увидим, как в нем сливаются и троянцы, и латины, и этруски, и дорогие сердцу поэта Эвандровы аркадiane. Имени Трои больше нет: троянское зерно умерло и проросло новым колосом. Власть Рима над миром — не право, а бремя, оно требует от несущего жертв, и прежде всего — отрешения от чреватых раздорами страстей (VI, 832: «Дети, дети, не приучайте сердце к таким войнам!») — отечески обращается Анхис к теним — ни много ни мало — Цезаря и Помпея). Выдержит ли римлянин этот нравственный экзамен?

И тут начинается вторая половина поэмы, война за Лацию, веренища коротких, но кровавых битв, о которых не любит перечитывать современный читатель. Зачем они? Затем, что испытания Энея не кончились, самое тяжелое — впереди. До сих пор он отрекался от себя во имя судьбы — теперь он должен убивать других во имя судьбы. Это — его «недобрый труд» в истории: творить людям зло для их же блага, водворять мир войной. Война у Вергилия страшнее, чем у Гомера. Она почти гражданская: ведь сражаются народы, которые уже вступили в союз и вскоре сольются воедино. В ней гибнут самые молодые и цветущие: Нис с Эвриалом, Паллант, Лавс, Камилла. В ней Эней встречается, можно сказать, с самим собой: Турн, его соперник, — это такой же герой, по-гомеровски бездумный, преданный ратной чести и защищающий отечество от пришельцев, каким был Эней в начале «Энеиды». Сможет ли Эней сохранить в битвенном пылу свою с таким трудом достигнутую отрешенность от людских страстей, соблюдет ли завет: «щадить покоренных и смирять заносчивых»? И мы видим: по крайней мере, два раза у него не хватает на это сил, два раза он забывает обо всем и начинает рубить без разбора налево и направо, как гомеровский витязь, — воевать ради войны, а не ради мира. В первый раз — тотчас после гибели юного Палланта (в X книге); во второй раз — и это знаменательно, — в самых последних строках поэмы, в исходе единоборства с Турном, убийцей Палланта: поверженный Турн признает себя побежденным и просит лишь о пощаде во имя отца («и у тебя ведь был Анхис!»), — но Эней замечает на нем полз, снятый с Палланта, и, вспыхнув, поражает молящего мечом. (У Вергилия нет мелочей: внимательный

читатель вспомнит, что на бляхах этого пояса были изображены Данаиды и Египтиады, прообраз всех мифологических братоубийств: X, 496—499.) С лучшим своим героем Вергилий расстаётся в момент худшего его поступка: слава року спета, слава человеку оборвана на полуслове.

А стоит ли рок славы? Стоит ли возрождение смерти? Не обманет ли будущее? Всем смыслом своего творчества Вергилий отвечал: стоит. Он был человеком, который пережил конец света и написал IV эклогу: он верил в будущее. Иное дело — его читатели: они относились к этому по-разному. Были эпохи, верившие в будущее и отрекавшиеся от прошлого, и для них героем «Энеиды» был Эней; были эпохи, предпочитавшие верить в настоящее и жалеть о прошлом, и для них героем «Энеиды» была Дидона, о которой сочинялись трогательные драмы и оперы. Вергилий тоже жалел свою Дидону, и жалел горячо, — но так, как зоркий жалеет близорукого. Его героем был не тот, кто утверждает свою личность, а тот, кто растворяет ее — в круговороте природы и в прямоте судьбы. О таких он мог сказать, как сказал о своих крестьянах: они счастливы, хоть и не знают своего счастья. Сливая свою волю с судьбой, человек уподобляется не менее, чем самому Юпитеру, который в решающий момент отрекается от всякого действия: «рок дорогу найдет» (X, 113). Безликий, сам себя обезличивающий Эней кажется зияющей пустотой в ряду пластических образов античного эпоса, — но это пустота силового поля. Людей XIX века она удивляла, люди XX века научились ее ценить.

Не так ли сам Вергилий от произведения к произведению растворял себя в той судьбе, которая оказалась его уделом, — в поэзии? От полулирических «Буколик» он шел к дидактическим «Георгикам» и затем к мифологическому эпосу «Энеиды». В «Буколиках» читателю всех веков мерещился образ самого поэта; в «Георгиках» слышался его голос; в «Энеиде» поэта нет — он растворился в языке и мифе. Начиная это введение в поэзию Вергилия, мы видели высокого, смуглого и застенчивого человека, упорно, вдумчиво и неудовлетворенно трудящегося над стихами. Теперь мы можем забыть этого человека: перед нами — его стихи.

М. Гаспаров

БУКОЛИКИ

Эклога I

Мелибей, Титир.

Мелибей

Титир, ты, лежа в тени ширковветвистого бука,
Новый пастуший напев сочиняешь на тонкой свирели,—
Мы же родные края покидаем и милые пашни,
Мы из отчизны бежим,— ты же учишь леса, прохладаясь,
5 Имени вторить своей красавицы Амариллиды.

Титир

Мелибей, нам бог спокойствие это доставил —
Ибо он бог для меня, и навек,— алтарь его часто
Кровью будет поить ягненок из наших овчарен.
Он и коровам моим пастись, как видишь, позволил,
10 И самому мне играть, что хочу, на сельской тростинке.

Мелибей

Нет, не завидую я, скорей удивляюсь: такая
Смута повсюду в полях. Вот и сам увожу я в печали
Коз моих вдаль, и одна еле-еле бредет уже, Титир.
В частом орешнике здесь она только что скинула двойню,
15 Стада надежду, и — ах! — на голом оставила камне.
Помнится, эту беду — когда бы я был поумнее! —
Мне предвещали не раз дубы, пораженные небом.
Да, но кто же тот бог, однако, мне, Титир поведай.

Т и т и р

Глупому, думалось мне, что город, зовущийся Римом,
20 С нашим схож, Мелибей, куда — пастухи — мы обычно
Из году в год продавать ягнят народившихся носим.
Знал я, что так на собак похожи щенки, а козлята
На матерей, привык, что с бóльшим меньшее схоже.
25 Но меж других городов он так головою вознесся,
Как над ползучей лозой возносятся ввысь кипарисы.

М е л и б е й

Рим-то тебе увидеть что было причиной?

Т и т и р

Свобода.

Поздно, но все ж на беспечность мою она обратила
Взор, когда борода уж белее при стрижке спадала.
Все-таки взор обратила ко мне, явилась, как только,
30 Амариллидой пленен, расстался я с Галатеей.
Ибо, пока, признаюсь, Галатее была мне подругой,
Не было ни на свободу надежд, ни на долю дохода.
Хоть и немало тельцов к алтарям отправляли загоны,
Мы хоть и сочный творог для бездушного города жали,
35 С полной пригоршней монет не случалось домой воротиться.

М е л и б е й

Что, я дивился, богам ты печалишься, Амариллида,
И для кого ты висеть оставляешь плоды на деревьях?
Титира не было здесь! Тебя эти сосны, о Титир,
Сами тебя родники, сами эти кустарники звали.

Т и т и р

40 Что было делать? Никак не выйти б иначе из рабства.
Столь благосклонных богов я в месте ином не узнал бы.
Юношу видел я там, для кого, Мелибей, ежегодно
Дней по дважды шести алтари наши дымом курятся.
Вот какой он ответ просящему дал, не помедлив:
45 «Дети, пасите коров, как прежде, быков разводите!»

Мелибей

- Счастье тебе, за тобой под старость земля остается —
Да и довольно с тебя, хоть пастбища все окружает
Камень нагой да камыш, растущий на иле болотном.
Не повлияет здесь корм непривычный на маток тяжелых,
50 И заразить не сможет скота соседское стадо.
Счастье тебе, ты здесь на прибрежьях будешь знакомых
Между священных ручьев наслаждаться прохладною тенью.
Здесь, на границе твоей, ограда, где беспрестанно,
В ивовый цвет залетя, гиблейские трудятся пчелы,
55 Часто легким ко сну приглашать тебя шепотом будет.
Будет здесь петь садовод под высокой скалой, на приволье.
Громко — любимцы твои — ворковать будут голуби в роще,
И неустанно стенать на соседнем горлинка вязе.

Титир

- Ранее станут пастись легконогие в море олени
60 И обнажившихся рыб на берег прибой перебросит,
Раньше, в скитаньях пройдя родные пределы, изгнанник
К Арару парф испить подойдет, а к Тибру германец,
Чем из груди у меня начнет исчезать его образ.

Мелибей

- Мы же уходим — одни к истомленным жаждою афрам,
65 К скифам другие; дойдем, пожалуй, до быстрого Окса
И до британнов самих, от мира всего отделенных.
Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
70 Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полям, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали!
Груши теперь, Мелибей, прививай, рассаживай лозы!
Козы, вперед! Вперед, — когда-то счастливое стадо!
75 Не полюбуюсь теперь из увитой листвою пещеры,
Как повисаете вы вдалеке на круче тернистой,
Песен не буду я петь, вас не буду пасти, — без меня вам
Дрок зацветший щипать и ветлу горьковатую, козы!

Т и т и р

80 Все ж отдохнуть эту ночь ты можешь вместе со мною
Здесь на зеленой листе: у меня творога изобилье,
Свежие есть плоды, созревшие есть и каштаны.
Уж в отдаленье — смотри — задымились сельские кровли,
И уж длиннее от гор вечерние тянутся тени,

Эклога II

Страсть в Коридоне зажег прекрасный собою Алéксис.
Был он хозяину люб — и пылал Коридон безнадежно.
Он что ни день уходил под частые буки, в прохладу
Их густолиственных крон, и своих неотделанных песен
5 Жалобы там обращал к лесам и горам, одинокий.

«Песням моим ты не внемлешь, увы, жестокий Алéксис!
Иль не жалеешь ничуть? Доведешь ты меня до могилы!
Даже и скот в этот час под деревьями ищет прохлады,
Ящериц даже укрыл зеленых терновник колючий,
10 И Тестиллида уже для жнецов, усталых от зноя,
К полднику трет чабер и чеснок, душистые травы.
Вторя мне громко, пока я слежу за тобою прилежно,
Пеньем цикад кустарник звенит под солнцем палящим.
Иль не довольно того, что гнев я Амариллиды
15 Либо презренье терпел, выносил и упреки Меналка? —
Хоть черномазый он был, а ты белолицый, Алéксис!
Не доверляй чересчур, прекрасный юноша, цвету:
Мало ли белых цветов, но темных ищут фиалок.
Ты презираешь меня; откуда я, кто — и не спросишь,
20 Сколько скота у меня, молока белоснежного сколько.

Тысячи бродят овец у меня по горам сицилийским,
Нет в парном молоке ни в зной недостатка, ни в стужу.
Те же я песни пою, которые, стадо сгоняя,
Пел Амфион у Диркэ на том Аракинфе Актейском.

25 Я уж не так некрасив: недавно себя я увидел
С берега в глади морской; суди нас — так Дафнис, пожалуй,
Не устрасил бы меня, если только не лгут отраженья.
О, лишь бы ты захотел со мною в скудости сельской,
В хижинах низеньких жить, стрелять на охоте оленей

30 Или же коз погонять хворостиной из мальвы зеленой.
Вместе со мною в лесах подражал бы пением Пану.
Первым Пан изобрел скрепленные воском тростинки,
Пан, предводитель овец и нас, пастухов, повелитель.
Так не жалей же о том, что натер себе губы свирелью.

35 Чтобы сравняться с тобой, как только Аминт не старался!
Есть свирель у меня из семи тростинок цикуты
Слепленных, разной длины, — Дамет ее, умирая,
Передал мне и сказал: вторым ей станешь владельцем.
Так сказал мне Дамет — и Аминт завидует глупый.

40 Двух еще горных козлят с трудом достал я в ущелье
Небезопасном, их шерсть пока еще в крапинах белых.
Вымя овцы они два раза в день осушают — тебе я
Их берегу, хоть давно у меня Тестиллида их просит, —
Да и получит, коль ты от нас презираешь подарки.

45 Мальчик прекрасный, приди! Несут корзинами нимфы
Ворохи лилий тебе; для тебя белоснежной наядой
Сорваны желтый фиоль и высокие алые маки;
Соединен и нарцисс с душистым цветом аниса;
С благоуханной травой сплела она и лаванду;

50 Нежных фиалок цветы ноготки желтизной оживляют.
Бледных плодов для тебя нарву я с пуховым налетом,
Также каштанов, моей излюбленных Амариллидой.
Слив восковых прибавлю я к ним, — и сливы уважу!
Лавр, тебя я сорву, вас, мирты, свяжу с ним теснее.

55 Благоуханья свои вы все воедино сольете!..
Ты простоват, Коридон! К дарам равнодушен Алексис.
Если ж дарами борьбу затевать, — Июл не уступит.
Горе! Что я натворил? В своем я безумии Австра
Сам напустил на цветы, кабанов в прозрачные воды...

60 Что, безрассудный, бежишь? И боги в лесах обитали,
Да и дарданец Парис. Пусть, крепости строя, Паллада
В них и живет,— а для нас всего на свете милее
Наши пусть будут леса. За волком гонится львица,
Волк — за козой, а коза похотливая тянется к дреку,—
65 А Коридон, о Алексис, к тебе! У всех свои страсти.
Видишь, волю на ярмах уж обратно плуги свои тащат,
Скоро уж солнце, клонясь, удвоит растущие тени.
Я же горю от любви. Любовь возможно ль измерить?
Ах, Коридон, Коридон! Каким ты безумьем охвачен!
70 Недообрезал листвы я у лоз виноградных на вязе...
Лучше б сидеть да плести что-нибудь полезное, к делу
Гибкий камыш применив иль ивовых прутьев нарезав.
Этот Алексис отверг — другой найдется Алексис».

Эклога III

Меналк, Дамет, Палемон.

Меналк

Ты мне, Дамет, скажи: скотина чья? Мелибея?

Дамет

Стадо Эгона — его мне пасти поручил он недавно.

Меналк

Бедные овцы! Ой, скот злополучный! Покамест хозяин
Льнет к Неере, боясь, не дала б она мне предпочтенья,
5 Маток два раза в час доит пастух посторонний —
И молока он лишает ягнят, и маток — здоровья.

Дамет

Поберегись, на людей наговаривать остерегайся!..
Знаем мы, кто тебя... — козлы-то недаром косились! —
В гроте священном каком... а резвые нимфы смеялись!

Меналк

10 Видели, верно, как я у Микона серпом своим на́зло
Лозы с деревьев срезал и губил молодые посадки?

Д а м е т

Иль как у Дафниса ты вот здесь, меж буков столетних,
Лук и тростинки сломал? Ведь ты, Меналк непутевый,
С зависти сох, увидав, что мальчику их подарили;
15 Не навредивши ему, ты, наверно бы, с жизнью расстался.

М е н а л к

Как поступать господам, коль так обнагтели воришки?
Разве, подлец ты, подлец, я не видел, как ты у Дамона
Свел потихоньку козла? — залаяла громко Лициска.
Я лишь успел закричать: «Куда ж он, куда удирает?»
20 Титир, скот собери!» — а ты уже скрылся в осоке.

Д а м е т

Разве козленка он сам не отдал бы мне, побежденный
В пенье? Свирилью своей его заслужил я по праву.
Знай, что моим уже был козленок, Дамон и не спорил,
Лишь говорил, что пока передать открыто не сможет.

М е н а л к

Как? Ты его победил? Да была ль у тебя и свирель-то,
Воском скрепленная? Ты ль не привык хрипящею дудкой,
25 Неуч, на стыке дорог выводить свои жалкие песни?

Д а м е т

Хочешь, кто в чем силен, испытаем друг перед другом?
Эту корову свою, чтобы ты отказать не вздумал,—
30 Дважды доится на дню, двух выменем кормит теляток,—
Ставлю. А ты с чем выходишь на спор, что ставишь залогом?

М е н а л к

Я не решусь ничего в заклад поставить из стада:
Строгий отец у меня и придира мачеха дома,—
Два́ раза в день он сам отару считает, козлят же
35 Он иль она... Мой заклад, наверно, призна́ешь ты бóльшим,—
Раз уж сошел ты с ума: два буковых кубка я ставлю.
Точены оба они божественным Алкимедонтом.
Поверху гибкой лозой резец их украсил искусный,
Гроздья свисают с нее, плющом бледнолистным прикрыты.

- 40 Два посредине лица: Конён... Как же имя другого?..
Тот на благо людей начертал весь круг мирозданья
И предсказал жнецу и согбенному пахарю сроки.
Спрятав, их берегу, губами еще не касался.

Д а м е т

- Тот же Алкимедонт и мне два выточил кубка.
45 Мягким он ручки обвил аканфом, посередине
Изображен им Орфей с лесами, идущими следом.
Спрятав, их берегу, губами еще не касался.
Видя корову мою, не станешь расхваливать кубки.

М е н а л к

- Нынче тебе не сбежать. Идем, на все я согласен.
50 Первый нам встречный — судьей. Как раз Палемона я вижу.
Сделаю так, чтобы впредь ни с кем не тягался ты в пенё.

Д а м е т

Ну начинай, что ни есть, — за мною задержки не будет.
Ни от кого не бегу. Но, сосед Палемон, ты поближе
К сердцу спор наш прими — ведь это не малое дело.

П а л е м о н

- 55 Пойте, благо втроем на мягкой траве мы уселись.
Все плодоносит кругом, и поля, и деревья; одеты
Зеленью свежей леса — пора наилучшая года!
Ты начинаешь, Дамет, а ты, Меналк, отвечаешь.
В очередь будете петь — состязания любят Камены.

Д а м е т

- 60 Первый Юпитеру стих — все полно Юпитером, Музы!
Он — покровитель полей, он к нашим внимателен песням.

М е н а л к

Я же — Фебом любим. У меня постоянно для Феба
Есть приношения — лавр с гиацинтом, алеющим нежно.

Д а м е т

- 65 Яблоком бросив в меня, Галатея игривая тут же
В ветлы бежит, а сама, чтобы я увидал ее, хочет.

М е н а л к

Мне добровольно себя предлагает Аминт, мое пламя,—
Делия даже не столь моим знакома собакам.

Д а м е т

Я для Венеры моей подарок достал: я заметил
Место, где в вышине гнездо себе голуби свили.

М е н а л к

70 Мальчику с дерева снял я подарок,— что мог, то и сделал:
Яблок десяток послал золотых и еще к ним добавлю.

Д а м е т

Ах, что мне говорит — и как часто! — моя Галатей!
Ветры, хоть часть ее слов донесите до слуха бессмертных!

М е н а л к

75 Много ли проку мне в том, что тобой я, Аминт, не отвергнут,
Если я сеть сторожу, пока кабанов ты гоняешь?

Д а м е т

Ты мне Филлиду пришли, Иолл,— мое нынче рождение;
Сам приходи, когда телку забью для праздника жатвы.

М е н а л к

Всех мне Филлида милей: когда уезжал я, рыдала;
«Мой ненаглядный, прощай, мой Иолл, прощай!» — говорила.

Д а м е т

80 Волки страшны стадам, дожди — урожаем созревшим,
Бури — деревьям, а мне попрекания Амариллиды.

М е н а л к

Сладостна всходам роса, отнятым земляничник козлятам,
Стельным коровам — ветла, а меня лишь Аминт услаждает.

Д а м е т

85 Любит мою Поллион, хоть она и простецкая, Музу.
Вы для чтеца своего пасите, Камены, телицу.

М е н а л к

В новом вкусе стихи Поллион сам пишет — пасите,
Музы, тельца, что уж рогом грозит и песок подрывает.

Д а м е т

Тот, кому друг Поллион, да возвысится другу на радость!
Мед да течет для него, и аммóм ежевика приносит.

М е н а л к

90 Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни,—
Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрягает.

Д а м е т

Дети, вы рвете цветы, собираете вы землянику,—
Прочь убегайте: в траве — змея холодная скрыта.

М е н а л к

95 Овцы, вперед забегать берегитесь — здесь ненадежен
Берег, глядите: вожак и тот до сих пор не просохнет.

Д а м е т

Титир, пасущихся коз пока отгони от потока,—
Сам, как время найду, в источнике их перемою.

М е н а л к

В кучу стоняйте овец, молоко свернется от зноя —
Вот и придется опять сосцы сжимать понапрасну.

Д а м е т

100 Ой! До чего же мой бык исхудал на пастбище сочном! —
Сушит любовь равно и стада, и тех, кто пасет их.

М е н а л к

Этих уж, верно, любовь не сушила — а кожа да кости!
Видно, глазом дурным ягнят моих кто-то испортил.

Д а м е т

105 В землях каких, скажи,— и признаю тебя Аполлоном! —
Неба пространство всего шириною в три локтя открыто?

М е н а л к

В землях каких, скажи, родятся цветы, на которых
Писано имя царей? — и будет Филлида твоею.

П а л е м о н

Нет, такое не мне меж вас разрешать состязанье.
Оба телицы равно вы достойны,— и каждый, кто сладкой
110 Не убоится любви, а горькой не испытает.
Время, ребята, закрыть канавы, луга утолились.

Эклога IV

Музы Сицилии, петь начинаем важнее предметы!
Заросли милы не всем, не всем тамариск низкорослый.
Лес воспоем, но и лес пусть консула будет достоин.

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
5 Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
10 Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.
При консульате твоём тот век благодатный настанет,
О Поллион! — и пойдут чередою великие годы.
Если в правленье твое преступленья не вовсе исчезнут,
То обессият и мир от всечасного страха избавят.
15 Жить ему жизнью богов; он увидит богов и героев
Сонмы, они же его увидят к себе приобщенным.
Будет он миром владеть, успокоенным доблестью отчей.
Мальчик, в подарок тебе земля, не возделана вовсе,
Лучших первин принесет, с плющом блуждающий баккар

20 Перемешав и цветы колокассий с аканфом веселым.
Сами домой понесут молоком отягченное вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут.
Будет сама колыбель услаждать тебя щедро цветами.
Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом
25 Сгинет, но будет расти повсеместно аммом ассирийский.
А как научишься ты читать про доблесть героев
И про деянья отца, познавать, что есть добродетель,
Колосом нежным уже понемногу поля зажелтеют
И с неводеланных лоз повиснут алые гроздья;
30 Дуб с его крепкой корой засочится медом росистым.
Все же толика еще сохранится прежних пороков
И повелит на судах Фетиду испытывать, грады
Поясом стен окружать и землю взрезать бороздами.
Явится новый Тифис и Арго, судно героев
35 Избранных. Боле того: возникнут и новые войны,
И на троянцев опять Ахилл будет послан великий.
После же, мужем когда тебя сделает возраст окрепший,
Море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут
Мену товаров вести — все всюду земля обеспечит.
40 Почва не будет страдать от мотыг, от серпа — виноградник;
Освободит и волов от ярма хлебопашец могучий;
Шерсть не будет хитро различной морочить окраской, —
Сам, по желанью, баран то в пурпур нежно-багряный,
То в золотистый шафран руно перекрашивать будет,
45 И добровольно в полях багрянец ягнят принарядит.
«Мчитесь, благие века!» — сказали своим веретенам
С твердою волей судеб извечно согласные Парки.
К почестям высшим гряди — тогда уже время наступит, —
Отпрыск богов дорогой, Юпитера высшего племя!
50 Мир обозри, что плывет под громадою выгнутой свода,
Земли, просторы морей обозри и высокое небо.
Все обозри, что вокруг веселится грядущему веку,
Лишь бы последнюю часть не утратил я длительной жизни,
Лишь бы твои прославить дела мне досталодыханья!
55 Не победить бы меня ни фракийцу Орфею, ни Лину,
Если и матерью тот, а этот отцом был обучен —
Каллиопеей Орфей, а Лин Аполлоном прекрасным!

Даже и Пан, пред аркадским судом со мною состязаясь,
Даже и Пан пред аркадским судом поражение признал бы.
60 Мальчик, мать узнавай и ей начинай улыбаться,—
Десять месяцев ей принесли страданий немало.
Мальчик, того, кто не знал родительской нежпой улыбки,
Трапезой бог не почтит, не допустит на ложе богиня.

Эклога V

Меналк, Мопс.

Меналк

Что бы нам, Мопс, если мы повстречались, искусные оба—
Я — стихи говорить, ты — дуть в тростинки свирели,—
Здесь не усесться с тобой под эти орехи и вязы?

Мопс

5 Старший ты, и тебя, Меналк, мне слушаться надо,—
Хочешь, сядем в тени, волнуемой легким Зефиром,
Хочешь, в пещеру зайдем. Смотри, как все ее своды
Дикий оплел виноград,— везде его редкие кисти.

Меналк

В наших горах лишь Аминт поспорить может с тобою.

Мопс

Что же? — он спорить готов, что и Феб ему в пенью уступит!

Меналк

10 Первым, Мопс, начинай: о влюбленной спой ты Филлиде;
Вспомни Алкона хвалу или спой про вызовы Кодра.
Так начинай,— на лугу за козлятами Титир присмотрит.

М о п с

Лучше уж то, что на днях на коре неокрепшего бука
Вырезал я, для двоих певцов мою песню разметив,
15 Спеть попытаюсь — а ты вели состязаться Аминту.

М е н а л к

Так же, как гибкой ветле не равняться с седою оливой
Или лаванде простой не спорить с пурпурной розой,
Так, по суду моему, не Аминту с тобой состязаться.
Но перестанем болтать, уже мы с тобою в пещере.

М о п с

20 Плакали нимфы лесов над погибшим жестокою смертью
Дафнисом, — реки и ты, орешник, свидетели нимфам, —
В час, как, тело обняв злополучное сына родного,
Мать призывала богов, упрекала в жестокости звезды.
С пастбищ никто в эти дни к водопою студеному, Дафнис,
25 Стада не вел, в эти дни ни коровы, ни овцы, ни кони
Не прикасались к струе, муравы не топтали зеленой.
Даже пунийские львы о твоей кончине стенали,
Дафнис, — так говорят и леса, и дикие горы.
Дафнис армянских впрягать в ярмо колесничное тигров
30 Установил и вести хороводы, чествуя Вакха;
Мягкой листвою обвивать научил он гибкие копыя.
Как для деревьев лоза, а гроздь для лоз украшенья
Или для стада быки, а для пашни богатой посева, —
Нашею был ты красой. Когда унесли тебя судьбы,
35 Пáлес и сам Аполлон поля покинули наши.
И в бороздах, которым ячмень доверяли мы крупный,
Дикий овес лишь один да куколь родится злосчастный.
Милых фиалок уж нет, и ярких не видно нарциссов,
Чертополох лишь торчит да репей прозябает колючий.
40 Землю осыпьте листвою, осените источники тенью,
Так вам Дафнис велит, пастухи, почитать его память.
Холм насыпьте, на нем такие стихи начертайте:
«Дафнис я — селянин, чья слава до звезд достигала,
Стада прекрасного страж, но сам прекраснее стада».

Меналк

- 45 Богоподобный поэт, для меня твоя дивная песня —
Что для усталого сон на траве, — как будто при зное
Жажду в ручье утолил, волною стекающем сладкой.
Ты не свирелью одной, но и пеньем наставнику равен.
50 Мальчик счастливый, за ним вторым ты будешь отныне.
Я же, какие ни есть, тебе пропою, отвечая,
Песни свои и Дафниса в них до неба прославлю,
К звездам взнесу, — ведь и я любим был Дафнисом тоже.

Моис

- Может ли быть для меня, о Меналк, дорожке подарок?
Мальчик достоин и сам, чтоб воспели его, и об этих
55 Песнях твоих Стилихон мне уже с похвалой отзывался.

Меналк

- Светлый, дивится теперь вратам незнакомым Олимпа,
Ныне у ног своих зрит облака и созвездия Дафнис.
Вот почему и леса ликованьем веселым, и села
Полны, и мы, пастухи, и Пан, и девы дриады.
60 Волк скотине засад, никакие тенета оленям
Зла не помыслят чинить — спокойствие Дафнису люблю.
Сами ликуя, теперь голоса возносят к светилам
Горы, овраги, леса, поют восхваления скалы,
Даже кустарник гласит: он — бессмертный, Меналк, он
бессмертный!
65 Будь благосклонен и добр к своим: алтаря вот четыре,
Дафнис, — два для тебя, а два престола для Феба.
С пенным парным молоком две чаши тебе ежегодно
Ставить я буду и два с наилучшим елеем кратёра.
Прежде всего оживлять пиры наши Вакхом обильным
70 Буду, зимой у огня, а летом под тенью древесной,
Буду я лить молодое вино, Ареусии нектар.
С песнями вступят Дамет и Эгон, уроженец ликтейский.
Примется Алфесибей подражать плясанию сатиров.
Так — до скончанья веков, моления ль торжественно будем
75 Нимфам мы воссылать иль поля обходить, очищаясь.
Вепрь доколе не разлюбит высот, а рыба — потоков,
Пчел доколе тимьян, роса же цикаду питает,

Имя, о Дафнис, твое, и честь, и слава пребудут!
Так же будут тебя ежегодно, как Вакха с Церерой,
80 Все земледельцы молить — ты сам их к молениям побудишь!

М о п с

Как я тебя отдарю, что дам за песню такую?
Ибо не столь по душе мне свист набежавшего Австра,
Ни грохотание волн, ударяющих в берег скалистый,
Ни многоводный поток, что в утесистой льется долине.

М е н а л к

85 Легкую эту свирель тебе подарю я сначала.
«Страсть в Коридоне зажег...» — певал я с этой свирелью,
С нею же я подбирал: «Скотина чья? Мелибея?»

М о п с

Ты же мой посох возьми — его Антигену я не дал,
Он хоть и часто просил и в то время любви был достоин.
90 Посох в ровных узлах, о Меналк, и медью украшен.

Эклога VI

Первой решила, что петь пристойно стихом сиракузским,
И средь лесов обитать не гнушалась наша Талия.
Стал воспевать я царей и бои, но щипнул меня Кинфий
За ухо, проговорив: «Пастуху полагается, Титир,
5 Тучных овец пасти и петь негромкие песни!»
Стало быть (ибо всегда найдется, кто пожелает,
Вар, тебя восхвалять и петь о войнах прискорбных),
Сельский стану напев сочинять на тонкой тростинке.
Не без приказа пою. Но, Вар, кто мое сочиненье
10 Будет с любовью читать, увидит: все наши рощи,
Верески все воспевают тебя! Нет Фебу приятней
В мире страницы, чем та, где есть посвящение Вару.

В путь, Пиериды мои!.. Хромид и Мназилл, мальчуганы,
Раз подсмотрели: Силен лежит, уснувший, в пещере.
15 С вечера был он хмелен, как обычно,— жилы надулись,
И, соскользнув с головы, плетеницы поодаль лежали.
Тут же тяжелый висел и канфар на ручке потертой.
Тихо подкравшись (старик их обманывал часто обоих,
Петь им суля), на него плетениц накинули путы.
20 К ним, робевшим еще, подходит союзницей Эгла,
Эгла, найдя красы несравненной, и только открыл он
Веки, она шелковицею лоб и виски его мажет.

Он же, их шутке смеясь: «Что меня оплетаете? — молвит. —
Дети, пустите меня! Сумели — так с вас и довольно.
25 Песни, каких вы просили, спую, — но лишь вам, мальчуганы,
Ей же награду найду не такую». Сказал он и начал.
Ты увидал бы тогда, как пляшут фавны и звери
В такт и качают дубы непреклонными кронами, вторя.
Даже о Фебе не так веселятся утесы Парнаса,
30 Исмар с Родопой — и те не столько дивятся Орфею.
Петь же он начал о том, как в пустом безбрежном пространстве
Собраны были землі семена, и ветров, и моря,
Жидкого также огня; как зачатки эти, сплотившись,
Создали все; как мир молодой из них появился.
35 Почва стала твердеть, отграничивать в море Нерее,
Разные формы вещей принимать начала понемногу.
Земли дивятся лучам дотоль неизвестного солнца,
И воспарению туч, с высоты низвергающих ливни,
И поражает их лес, впервые возросший, и звери
40 Редкие, что по горам, дотоле неведомым, бродят.

Вот о камнях он Пирры поет, о царстве Сатурна
И о кавказских орлах, о хищенье поет Прометея.
Пел он, как, возле воды оставив юношу Гилла,
Звали его моряки, «Гилл! Гилл!» — неслось побережьем.
45 Пел, как жилось хорошо — если б не было стад! — Пасифае,
Как ее страсть облегчил, полюбив ее, бык белоснежный.
Женщина бедная! Ах! Каким ты безумьем объята!
Дочери Прета и те по-коровьи в поле мычали, —
Всё же из них ни одна не пошла на постыдное ложе
50 Скотского брака, хотя и страшилась плуга на шею,
Хоть и частенько рогов на лбу своим ровном искала.
Женщина бедная! Ах! Теперь по горам ты блуждаешь.
Он же на мягком простер гиацинте свой бок белоснежный,
Бледную шиплет траву и жвачку жует под дремучим
55 Ясенем иль на лугу за коровою гонится. Нимфы!
Нимфы диктейские! Рощ, молю, заградите опушки, —
Может быть, вам на глаза блуждающий вдруг попадется
След быка, если он травой увлечется зеленой
Или за стадом пойдет. Когда бы его проводили
60 Сами к какому-нибудь гортинскому хлеву коровы!
Деву, что яблоч красой гесперидовых залюбовалась,

Пел он, Фарзонтиад замшелюю горькой корою
Стан облакал, из земли высоко подымал он деревья.
Пел и о том, как шедшего вдоль по теченью Пермеса
65 Галла одна из сестер увела в Аонийские горы.
Пел, как навстречу ему поднялся весь хор Аполлона,
Пел, как сказал ему Лин языком божественной песни,
Кудри цветами убрав и душистою горькой травю:
«Эти тростинки тебе (возьми их!) Музы даруют.
70 Ранее ими владел аскрейский старец; нередко
Ясени стройные с гор их пением долу сводил он.
Им и поведай о том, как возникла Гринийская роща,
Чтобы равно ни одна Аполлоном впредь не гордилась».

Что мне добавить? — он пел и о Нисовой Сцилле, чье лопу,
75 Снега белей, говорят, опоясали чудища, лая;
Как Одиссея суда в пучину она заманила
И истерзала, увы, пловцов уstraшенных морскими
Псами; припомнил потом превращенные члены Терей
И Филомелой ему, как дар, поднесенные яства.
80 Вспомнил о бегстве ее и о том, как на крыльях нежданных,
Бедная, стала порхать над своею же собственной кровлей.

Все, что в оные дни замыслил Феб и блаженный
Слышал когда-то Эврот, что выучить лаврам велел он,
Все он поет, и к звездам несут его голос долины,—
85 Но уже вечер велит овец загонять по овчарням
И поголовье считать, наступив не по воле Олимпа.

Эклога VII

Мелибей, Коридон, Тирсис.

Мелибей

Как-то уселся в тени под лепечущим иликом Дафнис,
Тирсис меж тем с Коридоном стада воедино собрали,
Тирсис — овец, а коз Коридон, молоком отягченных,—
Оба в цветущей поре и дети Аркадии оба,
5 В пенье искусны равно, отвечать обоюдно готовы.

Тут, пока нежные я защищаю от холода мирты,
Стада вожак и супруг, козел затерялся, и тут же
Дафниса вижу, и он меня тоже заметил: «Скорее!
К нам подходи, Мелибей! Козел твой цел и козлята!»
10 Если свободен, присядь отдохнуть в прохладе,— не бойся,
По лугу сами сойдут твои к водопою коровы.
Мягким здесь камышом зеленые кроет побережья
Минций, и пчел доносится гул из священного дуба».
Как поступить? Под рукой ни Филлиды нет, ни Алкиппы,
15 Кто бы ягнят без меня, от вымени отнятых, запер.
Был поединок меж тем — Коридона с Тирсисом — знатный!
Все же я делом своим пренебрег ради их состязанья.
Вот приступили они, на стихи отвечая стихами,—
Те, что поются в черед, стихи Пиеридам угодны.
20 Первым вступил Коридон, отвечал ему в очередь Тирсис.

К о р и д о н

Нимфы, наша любовь, Либетриды! Или вы дайте
Песню такую же мне, как нашему Кодру,— стихами
К Фебу приблизился он,— иль, если не всем это впору,
Пусть на священной сосне моя звонкая флейта повиснет.

Т и р с и с

25 Вы увенчайте плющом, пастухи, молодого поэта —
Пусть же у Кодра кишки от зависти лопнут,— но если
Станет расхваливать он чересчур, наперстлянкой натрите
Лоб мне, чтобы певца он не сглазил своими хвалами.

К о р и д о н

30 Делия, мальчик Микон шелковистую голову вепря
Дарит тебе и, как ветви, рога матерого оленя.
Мне бы добычу его — изваянием мраморным встанешь,
Ноги обвяжут тебе пунцовых шнуровки котурнов.

Т и р с и с

Только сосуд с молоком да лепешку тебе ежегодно
Буду я ставить, Приап: ты сада скромного сторож.
35 Мраморный ты у меня, но до времени: если приплодом
Стадо умножишь мое, целиком ты из золота будешь.

К о р и д о н

Ты, о Нереева дочь, Галатея, гиблейского меда
Слаще, белей лебедей, плюща бледнолистого краше,
Только лишь под вечер в хлев возвратятся, насытятся, коровы,
40 О, приходи, если помнишь еще своего Коридона!

Т и р с и с

Пусть я горше тебе покажусь сардонийского сока,
Злее терновника, трав бесполезней, извергнутых морем,
Ежели мне этот день не кажется длительней года.
Сыты вы, к дому теперь! — имейте же совесть, коровы!

К о р и д о н

45 Дремы приют, мурава, источники, скрытые мохом,
Вы, земляничники, их осенившие редкою тенью,
В солнцестоянье стада защитите,— лето подходит
Знойное, почки уже набухают на лозах обильных.

Т и р с и с

В доме у нас и очаг, и лучины смолистые; пламя
50 Жарко горит, косяки почернели от копоти вечной.
Столько же дела нам здесь до зимнего холода, сколько
Лютым волкам до скота иль до берега бурным потокам.

К о р и д о н

Здесь можжевельник растет, каштаны топорщатся рядом,
Всюду, опавши, плоды под своими лежат деревьями.
55 Все веселится кругом. Но если б красавец Алексис
Горы покинул, тебе и поток бы сухим показался.

Т и р с и с

Высохло поле; трава, умирая от злобного зноя,
Жаждет. Лоза на холме напрасно о тени тоскует,—
Зазеленеют леса с возвращеньем нашей Филлиды,
60 И благотворным дождем многократно прольется Юпитер.

К о р и д о н

Любит Алкид тополя, а Вахх — виноградные лозы,
Мирт — Венерой любим, а лавр — его собственный — Фебом.
Любит Филлида орех,— пока его любит Филлида,
Не пересилить его ни мирту, ни Фебову лавру.

Т и р с и с

65 Вяз прекрасен в лесу, сосна — украшение сада,
Тополь растет у реки, а ель на высоких нагорьях,
Если бы чаще со мной ты, Ликид прекрасный, видался,
Вяз бы лесной с садовой сосной тебе уступили!

М е л и б е й

70 Помню я все,— и как Тирсис не мог, побежденный, бороться.
С этого времени стал для нас Коридон — Коридоном,

Эклога VIII

Дамон, Алфесибей.

Музу двух пастухов, Дамона и Алфесибей,
Пенью которых, забыв о траве, дивилась корова,
Чье состязанье не раз в изумленье вводило и рысей,
И заставляло стихать, свой бег изменяя, потоки,—
5 Музу припомним теперь Дамона и Алфесибей.

Твой пролегает ли путь через бурные русла Тимава
Иль огибает края Иллирийского моря,— придет ли
День, когда я твои удостоюсь прославить деянья,
Время придет ли, дано ли мне будет рассеять по миру
10 Песни твои, что одни лишь достойны котурна Софокла?
Начал с тебя и кончу тобой,— прими ж эти песни!
Сам ты велел их начать,— теперь же мне дай дозволенье
Плющ у тебя на челе вплести в победные лавры.

Ночи прохладная тень едва низошла с небосклона,
15 В час, когда на траве роса всего слаще скотине,
Петь так начал Дамон, к стволу прислонившись оливы:
«О, народись, Светоносец, и день приведи благодатный!
Нисы моей между тем недостойной обманут любовью,
Жалуюсь я и к богам,— в ручательстве слишком
20 В этот последний свой час обращаюсь теперь, умирая.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Рощ звонкозвучных листвой и шумящими соснами Мэнал
Вечно одет, любви пастухов он и Пана внимает,
Первого в наших горах ненавистника праздной свирели.
25 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Мопсу Ниса дапа — чего не дожидаться влюбленным!
Вместе коня и грифона впрягут, и, время настанет,—
Вместе с псами пойдут к водопою пугливые лапы!
30 Факелов, Мопс, настружай, ведут молодую супругу!
Муж, сыпь орехи! Для вас разлучается с Этою Геспер.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

К мужу достойному в дом ты вошла! А нас презираешь,
И ненавистны тебе моя дудка и козы; противно,
35 Что борода у меня неподстрижена, брови косматы.
Значит, смертных дела, полагаешь, богам безразличны?
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Маленькой в нашем саду тебя я впервые увидел,
С матушкой рвать ты зашла росистые яблоки,— я же
40 Вас провожал, мне двенадцатый год пошел в это лето,
И уж до ломких ветвей я мог с земли дотянуться.
Лишь увидал — и погиб! Каким был охвачен безумьем!
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Знаю теперь, что такое Амур. На суровых утесах,
Верно, Родопа, иль Тмар, или край гарамантов далекий
45 Мальчика произвели не нашего рода и крови.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Мать научил свирепый Амур детей своих кровью
Руки себе запятнать! И ты не добрее Амура.
Мать, жестокая мать,— или матери мальчик жесточе?
50 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Ныне пусть волк бежит от овцы, золотые приносит
Яблоки кряжистый дуб и ольха расцветает нарциссом!
Пусть тамарисков кора источает янтарные смолы,
С лебедем спорит сова,— и Титир да станет Орфеем,
55 Титир — Орфеем в лесах, меж дельфинов — самим Арионом!
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

В море пускай обратится весь мир! О рощи, прощайте!
В бурные волны стремглав с утеса высокого брошусь!
Дар пусть примет она последний от близкого к смерти,
60 Ряд меналийских стихов прерви, прерви, моя флейта!»

Так пел Дамон. А стихи отвечавшего Алфесибей,
Музы, поведайте вы: не все человеку доступно.
«Воду сперва принеси, алтарь опоясай тесемкой,
Сочных вербен возожги, воскури благовоннейший ладан!
65 Справлю обряд колдовской, помутить попытаюсь волшебю
Здравый любовника ум: все есть, не хватает заклятий.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

С неба на землю луну низвести заклятия могут;
Ими Цирцея в свиней обратила друзей Одиссея,
70 Змей холодных волшба разрывает надвое в поле;
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Изображение твое обожу я, во-первых, тройною
Нитью трех разных цветов; потом, обведя, троекратно
Вкруг алтаря обношу: угодно нечетное богу.
75 Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Свяжешь трижды узлом три цвета, Амариллида;
Свяжешь и тут же скажи: плету я тенета Венеры.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Глина ссыхается, воск размягчается, тем же согреты
80 Жаром — от страсти моей да будет с Дафнисом то же.
Малость посыпав муки, затепли лавры сухие.
Дафнис сжигает меня, я Дафниса в лавре сжигаю.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Дафнисом пусть любовная страсть овладеет, какая
85 Телку томит, — и она по лесам и чащобам дремучим
Ищет быка, у реки под зеленой ложится ольхою,
В муках своих позабыв от сгустившейся ночи укрыться.
Дафнис такой пусть любовью горит, — врачевать я не стану.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

90 Эти одежды свои мне оставил когда-то изменник
Верным залогом любви,— тебе их, Земля, возвращаю
Здесь, на пороге моем. За Дафниса будут залогом:
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклатья!

95 Трав вот этих набор и на Понте найдённые яды
Мерис мне передал сам — их много родится на Понте.
Видела я, и не раз, как в волка от них превращался
Мерис и в лес уходил; нередко души умерших
Он из могил вызывал и сводил урожай к соседу.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклатья!

100 Амарилида, за дверь ты вынеси пепел, к потоку,
Там через голову брось, но назад не смотри. Присушу я
Дафниса так,— хоть ему ни заклатья, ни боги не страшны!
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклатья!

На алтаре — посмотри! — взметнувшимся пламенем

105 Вспыхнул сам по себе, пока медлю. Ко благу да будет! пепел
Что это? И не пойму... Залаял Гилак у порога...
Верить ли? Иль создает себе сам сновиденья, кто любит?
Полно! Заклатьям конец! Домой возвращается Дафнис».

Эклога IX

Ликид, Мерис.

Ликид

Мерис, куда тебя ноги несут? Направляешься в город?

Мерис

Вот чего мы, Ликид, дождались: пришлец, завладевший
Нашей землицей,— чего никогда я досель не боялся,—
«Это мое,— нам сказал,— уходите, бывшие владельцы!»
5 В горести, выгнанный вон,— до чего ж переменчиво
счастье! —
Этих козлят я несу для него же — будь ему пусто!

Ликид

Всё ж говорят, и не зря, что оттуда, где начинают
К нашей равнине холмы спускаться отлогим наклоном,
Вплоть до реки и до тех обломанных бурей буков
10 Песнями землю свою ваш Меналк сохранил за собою.

Мерис

Правду, Ликид, сказали тебе,— но, при звоне оружия,
Песни мои не сильнее голубей, когда, по рассказам,
На хаонийских полях почуют орла приближенье.

- Да, когда б из дупла, прокаркав слева, ворона
15 Не повелела мне впредь не пускаться в новые тяжбы,
Больше ни Мерису здесь не жить бы, ни даже Меналку,

Л и к и д

- Кто же надумал, увы, такое злодейство? С тобою
Лучшей утехи своей мы едва, о Меналк, не лишились!
Нимф кто пел бы у нас? Кто землю травой и цветами
20 Стал бы здесь устилать, родники укрывал бы листвою;
Песни бы пел, какие на днях у тебя я подслушал,—
К Амариллиде как раз ты спешил, к моему наслажденью:
«Титир, пока я вернусь, попаси моих коз,— я не долго,
А наедятся — веди к водопою. Когда же обратно.
25 Будешь идти, берегись, не встретиться с козлом — он
будучий!»

М е р и с

Лучше споем, что Вару он пел, еще не отделив:
«Имя, о Вар, твое — лишь бы Мантуя нашей осталась,
Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая бедной,—
В песнях своих возносить до созвездий лебеди будут!»

Л и к и д

- 30 Пусть же пчелы твои кирнейских тисов избегнут!
Пусть же дрок и коров насытит, чтоб вымя надулось!
Если что есть, начинай! И меня Пиериды портом
Сделали, и у меня есть песни; меня называют
Тоже певцом пастухи,— да не очень я им доверяю:
35 Знаю, что песни мои недостойны Вария с Цинной —
Право, как гусь гогочу посреди лебединого пенья.

М е р и с

- Молча, Ликид, в уме я песни перебираю,
Вспомнить смогу ли,— одна все ж есть достойная песня:
«О Галатея, приди! В волнах какая забава?
40 Здесь запестрела весна, земля возле рек рассыпает
Множество разных цветов; серебристый выситесь тополь
Возле пещеры, шатром заплетаются гибкие лозы.
О приходи! Пусть волны, ярясь, ударяются в берег!»

Л и к и д

- А не пропеть ли нам то, что, помнится, ясною ночью
45 Пел ты один? Я знаю напев,— слова бы припомнить!
«Дафнис, зачем на восход созвездий смотришь ты вечных?
Цезаря ныне взошло светило; сына Дионы,
То, под которым посея урожай обрадован будет,
И на открытых холмах виноград зарумянится дружно.
50 Груши, Дафнис, сажай — плоды пусть внуки срывают!»

М е р и с

- Всё-то уносят года,— и память. Бывало, нередко
Мальчиком целые дни проводил я, помню, за пеньем,
Сколько я песен забыл! Сам голос Мериса ныне
Уж покидает его. Онемел я от волчьего взгляда.
55 Все же ты песни мои от Меналка нередко услышишь,

Л и к и д

- Мерис, так говоря, ты мои лишь удвоил желанья.
Ради тебя приумолкла вода и не движется; ветры
Стихли. Только взгляни — совсем не колеблется воздух,
Здесь как раз полпути до города. Вон Бианора
60 Холм погребальный уже показался. Тут, где селяне
Лоз пререзают листву, давай пропоем свои песни!
Рядом козлят положи. Мы вовремя в город поспеем.
А коли страшно, что ночь нагонит дождя до прихода
В город, можем идти мы и петь — так легче дорога.
65 А чтоб идти нам и петь, тебя я избавлю от ноши.

М е р и с

Нет, мальчуган, перестань: сперва неотложное справим,
А как Меналк подойдет, тогда и споем на досуге.

Эклога X

К этой последней моей снизойди, Аретуза, работе.
Галлу немного стихов сказать я намерен, но только б
И Ликориде их знать. Кто Галлу в песнях откажет?
Пусть же, когда ты скользить под течением будешь

- сиканским,
5 Горькой Дорида струи с твоей не смешает струею.
Так начинай! Воспоем тревоги любовные Галла,
Козы ж курносые пусть тем временем шиплют кустарник.
Не для глухих мы поем,— на все отвечают дубравы.

- В рощах каких, в каких вы ущельях, девы наяды,
10 Были, когда погибал от страсти своей злополучной
Галл? Ни Пинд не задерживал вас, ни вершины Парнаса,
Ни Аганиппа, что с гор в долины Аонии льется,
Даже и лавры о нем, тамариски печалились даже,
Сам, поросший сосной, над ним, под скалою лежащим,
15 Плакал и Мэнал тогда, и студёные кручи Ликея.
Овцы вокруг собрались,— как нас не чуждаются овцы,
Так не чуждайся и ты, певец божественный, стада,—
Пас ведь отары у рек и сам прекрасный Адóнис.

- Вот пришел и овчар, с опозданием пришли свинопасы,
20 Вот подошел и Мэналк, в желудевом настое намокший,

Все вопрошают: «Отколь такая любовь?» Появился
Сам Аполлон: «Что безумствуешь, Галл,— говори, — твоя
радость,

В лагерь ужасный, в снега, с другим Ликорида сбежала»,
Вот пришел и Сильван, венком украшенный сельским,
25 Лилии крупные нес и махал зацветшей осокой.
Пан, Аркадии бог, пришел — мы видели сами:
Соком он был бузины и суриком ярко раскрашен.
«Будет ли мера?» — спросил. Но Амуру нимало нет дела.
30 Ах, бессердечный Амур, не сыт слезами, как влагой
Луг не сыт, или дроком пчела, или козы листвою.

Он же в печали сказал: «Но все-таки вы пропоете
Вашим горам про меня! Вы, дети Аркадии, в пеньбе
Всех превзошли. Как сладко мои упокоятся кости,
Ежели ваша свирель про любовь мою некогда скажет!
35 Если б меж вами я жил селянином, с какой бы охотой
Ваши отары я пас, срезал бы созревшие гроздья.
Страстью б, наверно, пылал к Филлиде я, или к Аминту,
Или к другому кому, — не беда, что Аминт — загорелый.
Ведь и фиалки темны, темны и цветы гиацинта.
40 Он бы со мной среди ветел лежал под лозой виноградной,
Мне плетеницы плела б Филлида, Аминт распевал бы,
Здесь, как лед, родники, Ликорида, мягки луговины,
Роши — зелены. Здесь мы до старости жили бы рядом.
Но безрассудная страсть тебя заставляет средь копий
45 Жить на глазах у врагов, при стане жестокого Марса.
Ты от отчизны вдали — об этом не мог я и думать! —
Ах, жестокая! Альп снега и морозы на Рейне
Видишь одна, без меня, — лишь бы стужа тебя пощадила!
Лишь бы об острый ты лед ступней не порезала нежных!

50 Я же достану свирель, стихом пропою я халкидским
Песни, которые мне сицилийский передал пастырь.
Лучше страдать мне в лесах, меж берлогами диких
животных,
И, надрезая стволы, доверять им любовную нежность,
Будут стволы возрастать, — возрастай же с ними,
о нежность!

- 55 С нимфами я между тем по Меналу странствовать буду,
Злобных травить кабанов,— о, мне никакая бы стужа
Не помешала леса оцеплять парфенийские псами.
Вижу себя,— как иду по глухим крутоярам и рощам
Шумным. Правится мне пускать с парфянского лука
60 Стрелы Цидонии,— но исцелить ли им яростный пыл мой?
Разве страданья людей жестокого трогают бога?
Нет, разошлись мне и гамадриады, и песни
Здесьние. Даже и вы, о леса, от меня отойдите!
Божеской воли своим изменить мы не в силах стараньем!
65 Если бы даже в мороз утоляли мы жажду из Гебра
Или же мокрой зимой подошли к берегам Ситонийским,
Иль, когда сохнет кора, умирая, на вязе высоком,
Мы эфиопских овец пасли под созвездием Рака.
Все побеждает Амур; итак — покоримся Амуру!»
- 70 О Пиериды, пропел ваш поэт достаточно песен,
Сидя в тени и плетя из проскурников гибких кошелку.
Сделайте так, чтоб они показались ценными Галлу,
Галлу, к кому, что ни час, любовь моя так возрастает,
Как с наступленьем весны ольховые тянутся ветки.
- 75 Встанем: для тех, кто поет, неполезен сумрак вечерний,
Где можжевельник — вдвойне; плодам он не менее вреден.
Козоньки, к дому теперь, встал Геспер,— козоньки, к дому!

ГЕОРГИКИ

Книга первая

Как урожай счастливый собрать, под какою звездою
Землю пахать, Меценат, и к вязам подвязывать лозы
Следует, как за стадами ходить, каким попеченьем
Скот разводить и каков с бережливými пчелами опыт,
5 Стану я здесь воспевать. Ярчайшие светочи мира,
Вы, что по кругу небес ведете бегущие годы,
Либер с Церерой благой! Через ваши деяния почва
Колосом тучным смогла сменить Хаонии желудь
И обретенным вином замешать Ахелоевы чаши!
10 Также и вы, для селян божества благодатные, фавны!
С фавнами вместе сюда приходите, о девы дриады!
Ваши дары я пою. И ты, кто ударом трезубца
Из первозданной земли коня трепетавшего вывел,
Грозный Нептун! И ты, покровитель урочищ, где щиплют
15 Триста коров белоснежных траву среди зарослей Кеи!
Рощи покинув свои, Ликей тенистые склоны,
Пан, блюститель овец, приди, коли помнишь свой Мэнал,
Будь благосклонен ко мне, о тегеец! Минерва, маслину
Нам подарившая! Ты, о юноша, нам показавший
20 Плуг, и Сильван, кипарис молодой несущий с корнями!
Боги, богини! Вы все, которых о поле забота!
Вы, что питаете плод, чье было не сеяно семя,
Вы, что обильно с небес дождем поливаете всходы!

Ты, наконец, — как знать, какие собранья бессмертных
25 Вскоре воспримут тебя, — городá ли увидеть, о Цезарь,
Иль все пределы земли пожелаешь, иль целой вселенной,
Ты, как земных податель плодов и властитель погоды,
Будешь смертными чтим, материнским увенчанный миртом?
30 Станешь ли богом морей беспредельных, и чтить мореходы
Будут тебя одного, покоришь ли ты крайнюю Фулу,
Куплен ли Тефией будешь в зятя за все ее воды,
Новой примкнешь ли звездой к медлительным месяцам лета
Меж Эригоной и к ней простертыми сзади Клешнями?
Их Скорпион пламенеющий сам добровольно отводит,
35 Освобождая тебе в небесах пространства избыток.
Кем ты ни будь (назвать царем тебя Тартар не смеет,
Ты не сгораешь и сам столь сильною жаждою власти,
Хоть Элизийским полям дивятся исстари греки,
И не спешит выходить Прозерпина на зов материнский),
40 Легкий даруй нам ход, начинаньям способствуй отважным
И, пожалев поселян, еще не знакомых с дорогой,
Нас предводи, наперед призывания наши приема.

Ранней весной, когда от седых вершин ледяная
Льется вода и земля под Зефиром становится рыхлой,
45 Пусть начинает стенать, со вдавленным двигаясь плугом,
Вол, и сошник заблестит, добела бороздою оттертый.
Нива ответит потом пожеланьям селян ненасытных,
Ежели двá раза жар испытает и двá раза холод.
Жатвы такой ожидай, что будут ломиться амбары!
50 Но перед тем, как взрезáть начнем незнакомое поле,
Надобно ветры узнать и различные смены погоды,
Также отеческих мест постигнуть обычай и способ;
Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет:
Здесь счастливее хлеб, а здесь виноград уродится.
55 Здесь плодам хорошо, а там зеленеет, не сеян,
Луг. Не знаешь ли сам, что Тмол ароматы шафрана
Шлет, а Индия — кость, сабей же изнеженный — ладан,
Голый халиб — железо, струю бобровую с тяжким
Запахом — Понт, а Эпир — кобыл для побед олимпийских?
60 Установила навек законы и жизни условия
Разным природа краям, когда при начале вселенной

Девкалион побросал на пустынную землю камень,—
Вышли же люди из них — род крепкий! За дело же! Тотчас
Тучной почву земли, от первых же месяцев года,
65 Мощные пусть взрывают волю, чтобы пыльное лето
Свежий прогрело отвал, обожгло его пламенем солнца.
Если же почва скупа, незадолго тогда до Арктура
Будет довольно в нее борозду неглубокую врезать,
Здесь — чтоб не мог повредить урожаю счастливому плевел,
70 Там — чтобы тощий песок не утратил сырости скудной.
Но торопись, пусть год отдыхает поле под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая.
Или, как сменится год, золотые засеивай злаки
Там, где с поля собрал урожай, стручками шумящий,
75 Или где вика росла мелкоплодная, с горьким лупином,
Чьи, целым лесом шумя, поднимаются ломкие стебли.
Ниву посев иссушает льняной, иссушает овсяный,
Также спялет и мак, напитанный дремой летейской.
Но с промежутками в год посев их бывает оправдан,
80 Лишь бы ты почву сырым удобрил щедро навозом
Или нечистой золой утомленное поле посыпал.

Так, сменяя посев, полям ты покой предоставишь.
Так не обманет надежд, коль и вовсе не вспахано, поле.
Пользу приносит земле опалая истощенную ниву,
85 Пусть затрещавший огонь жнивье легковесное выжжет.
То ли закрытую мощь и питанье обильное земли
Так извлекают, иль в них бывает пламенем всякий
Выжжен порок и, как пот, выходит ненужная влага,
Или же множество пор открывает и продухов тайных
90 Жар, которыми сок восходит к растениям юным,
То ль, укрепляясь, земля сжимает раскрытые жилы,
Чтобы ни частый дождь, ни сила палящего солнца
Не погубили семян, ни Борея пронзительный холод.
Тот, кто мотыгой дробит нерадивые глыбы, кто выйдет
95 В поле с плетеной своей бороной, тот пашне помощник.
Он с олимпийских высот белокурой замечен Церерой,
Также и тот, кто отвал, который он поднял на пашне,
Станет распахивать вновь наклоненным в сторону плугом,
Кто, постоянно трудясь на полях, над ними хозяин.
100 Влажных молитве вы лет, а зим молитве бездождных,

О земледельцы! Хлеба веселят, коль зима не без пыли;
Нива обильна. Таким урожаем и Мизия вряд ли
Может хвалиться, такой не дивится и Гáргара жатве!
Что мне добавить о том, кто, бросив семя, на пашню
105 Тотчас налег, чтобы комья разбить неподатливой почвы,
Или же воду привел на посев и пустил по канавкам;
Кто, когда поле горит и от зноя трава умирает,
Вдруг из-под самых бровей обрыва нагорного воду
Выведет? — и, грохоча, ниспадает она, и сдвигает
110 Мелкие камни, волной освежая засохшие нивы.
Или о том, кто, боясь, что поляжет под грузом колосьев
Нива, на пищу скоту обратит ее пышные всходы,
Лишь с бороздами ростки подымутся вровень? О том ли,
Кто от набухнувших нив ответит застойную воду,—
115 А особливо, когда в ненадежные месяцы года
Паводок, ширясь, вокруг затопит поднявшимся илом
Всё, и остатки воды, согревшись, начнут испаряться.
Все же, хоть тягостный труд и людьми и волами приложен
Был к обработке земли, однако же наглые гуси,
120 И стримонийский журавль, и с корнем горьким цикорий
Делу в ущерб. Тень тоже вредит. Отец пожелал сам,
Чтоб земледельческий труд был нелегок, первый искусством
Пахаря вооружил, к работе нуждой побуждая,
Не потерпев, чтоб его закоснело в бездействии царство.
125 Вовсе не знали поля до Юпитера пахарей власти.
Даже значком отмечать иль межой размежевывать нивы
Не полагалось. Всё сообща добывали. Земля же
Плодоносила сама, добровольно, без понужденья.
Он же, Юпитер, и яд даровал отвратительным змеям,
130 Волку велел выходить на добычу и морю — вздыматься,
Мед с ливны он страхнул, огонь от людей он запрятал,
Остановил и вино, бежавшее всюду ручьями,
Чтобы уменья во всем достигал размышляющий опыт,
Мало-помалу, и злак выводить из борозд научился,
135 Чтобы из жилы кремня извлекал он огонь потаенный.
Реки впервые тогда об ольхах долбленных узнали,
В первый раз мореход назвал и исчислил светила,
Звезды Плеяд и Гиад и сияющий Аркт Ликаона.
Зверя сетями ловить и птиц обманывать клеем
140 Способ нашли, оцеплять лесные урочища сами,

- Тот по широкой реке замётным неводом плещет
В поисках глуби, другой сеть мокрую тащит по морю;
Вот и железо у них, и пил визжащие зубья, —
А поначалу бревно кололи некрепкое клином.
- 145 Разные тут мастерства появились; труд неустанный
Все победил, да нужда в условиях гнетущая тяжких.
Землю железом пахать научила впервые Церера
В пору, когда по священным лесам оказалась нехватка
В ягодах и желудях и Додона питать перестала.
- 150 Вскоре постигла хлеба и невзгода: злая изгара
Стебли грызет, волчец на ниве торчит непригодный,
И погибает посев, сменяется лесом колючим.
Вот и орех водяной, и репей на ухоженной ниве,
Дикий овес и злосчастный пшенец господствует в поле.
- 155 Если усердно рыхлить не потрудишься граблями почву,
Шумом отпугивать птиц и листву, затеняющую ниву,
Острым серпом прорезать, молениями дождь призывая,
Будешь ты видеть, увы, что полны закрома у соседа,
Голод же свой утолять по лесам, дубы сотрясая.
- 160 Надо сказать, каковы хлебопашцев суровых орудья,
Те, без которых нельзя ни засеять, ни вырастить жатву.
Первым делом — сошник могучего гнutoго плуга,
С медленным ходом колес элевсинской богини телега,
И молотильный каток, волокуша и тяжкие грабли;
- 165 Не обойтись без простых плетеных изделий Келея
И деревянных решёт, мистических веял Иакха,—
Предусмотрительно ты изготовишь все это задолго,
Если достойной ты ждешь от полей божественных славы,
Для рукояти в лесу присмотрев молодую вязину,
- 170 Изю всех сил ее гнут, кривизну придавая ей плуга.
В восемь от корня ступней протянув деревянное дышло,
Приспособляют хватки, а с тылу — рассоху с развилкой.
Валят и липу в лесу для ярма, и бук легковесный
Для рукояти берут, чтобы плуг поворачивать сзади.
- 175 Дерево над очагом подлежит испытанию дымом.

Много могу передать старинных тебе наставлений,
Если ты прочь не бежишь и забот не чуждаешься мелких.
Ток надо прежде всего вальком увесистым сгладить,

Землю рукой перебрать и сплотить ее вязкою глиной,—
180 Не проросла бы травой, не дала бы от рыхлости трещин,
Иначе много грозит напастей: то мышка-малышка
Дом заведет под землей и свои там устроит амбары,
Либо лишенные глаз кроты себе нор понароют.
Жабу ты в яме найдешь: землей порожденные твари
185 Все налицо: червяк населит огромные груды
Хлеба, а то муравей, страшшийся старости скудной.
Также миндаль наблюдай, когда он в лесу изобильно
Цветом покрыт и к земле душистыми никнет ветвями.
Ежели много плодов, за ними последуют злаки,—
190 Значит, при щедрой жаре молотьбы дождешься ты щедрой.
Если ж обилье листвы раскинется тенью чрезмерной,
Цеп понапрасну тогда бить пышную будет солому.
Видывал я: кое-кто семена готовит для сева,
Их селитрой сперва и отстоем маслин поливая,
195 Чтобы крупнее зерно в шелухе-обманщице было,
Чтобы на слабом огне поскорее оно разбухало.
Видел, что давний отбор, испытанный вящим стараньем,
Перерождается все ж, коль людская рука ежегодно
Зерен крупнейших опять не повыберет. Волею рока
200 Так ухудшается все и обратным несется движеньем,—
Точно гребец, что насилу челнок свой против течения
Правит, но ежели вдруг его руки нежданно ослабнут,
Он уж стремительно вспять увлекаем встречным теченьем.

Следует, кроме того, нам также созвездье Арктура,
205 И восходенье Козлят наблюдать, и яркого Змея,
Как морякам, плывущим домой по бурной пучине,
Понт проходя иль пролив Абидосский, где устриц обилье,
Лишь уравниют Весы для сна и для бдения время
И пополам небеса разделят меж светом и тенью,
210 В дело пускайте волов, хлебопашцы, ячмень засевайте
Вплоть до последних дождей сурового солнцеворота.
Тут же и мак Церерин, и лен засеянный надо
Слоем земли покрывать да налечь расторопней на плуги,
Почва пока не мокра и тучи пока лишь нависли.
215 Боб засевают весной; и тебя, мидийка, тогда же
Рыхлые борозды ждут. Что ни год, и о просе работа,
Чуть лишь Телец белоснежный своим позолоченным рогом

Год приоткроет, и Пес уступит звезде супротивной.
Если ж надумаешь ты под пшеницу иль грубую полбу
220 Землю готовить, стремясь получить от нее лишь колосья,
Раньше на западе пусть золотые зайдут Атлантиды,
Пусть и Кносский Венец, сияющий звездами, канет
Раньше, чем ты бороздам семена подходящие вверишь,
225 Года надежду спеша поручить неподатливой почве.
Многие сев начинают, когда не зашла еще Майя,—
Разочарует потом пустыми колосьями нива.
Если же вику начнешь засевать с кормовыми бобами
И не обделишь трудом пелузийскую ты чечевицу,
Ясные знаки тебе ниспосланы будут Боотом:
230 Тут надо сев начинать, продолжать до срединных морозов,

Вот для чего, свой круг разделив соразмерно на части,
Солнце сроки вершит, проходя сквозь двенадцать созвездий,
Пять поясов небеса охватили; под блещущим солнцем
Вечно пылает один, сжигается пламенем вечно.
235 Крайние пояса два простираются справа и слева,—
Синие, эти во льду коченеют, в дождях беспросветных.
Пояса два, что идут между средним и крайними, боги
Смертным отдали в дар,— и их разделяет дорога,
Чтобы вращался по ней наклонных знаков порядок.
240 Возле Рифейских твердынь, близ Скифии, мир недоступно
Высится и под уклон понижается к Австрам Ливийским.
Встала вершина одна над нами навечно, другую
Видит у ног своих Стикс и маны в подземных глубинах.
Там, извиваясь рекой, выползает размером огромный
245 Змей и этак и так оплетает Арктов обоих,
Арктов, которым в волнах океанских страшно намокнуть,
Там,— как молва говорит,— глубокая ночь молчалива,
И под покровом ее темнота не редет густая.
Здесь Аврора встает и день постепенно приводит,
250 И лишь задышат на нас, запыхавшись, кони Востока,
Там зажигает, багрян, вечерние светочи Веспер.
Так нам возможность дана предсказать по неверному небу
Смены погоды, и дни для жнитва, и время для сева,
Сроки, когда ударять обманчивый веслами мрамор
255 Следует, в море когда выводить оснащенные флоты
Иль когда нам по лесам своевременно сваливать сосны.

Мы не напрасно следим, как заходят и всходят созвездья,
Как изменяются, в чем, четыре времени года.

Если холодным дождем задержан в доме земледелец,
260 Многое, с чем бы спешить пришлось под безоблачным
небом,

Выполнить можно: тогда сошника отбивает оратай
Попригнувшийся зуб; из дерева точат корыта,
Или же ставят тавро на скоте иль число на припасах,
Или же колья острят, куют двурогие вилы,
265 Или для вьющихся лоз жгуты америйские крутят.

Можно удобную плеть и утварь из красной лозины,
Жарить можно зерно на огне и размалывать камнем.

Да и по праздничным дням кое-что выполнять позволяют
Божий закон и людской. Ручьи очищать благочестье

270 Не запрещало, в полях огораживать тыном посевы,
Птицам силки расставлять, сжигать терновник колючий,
Блеющих стадо овец погружать в целебную реку.

Часто тогда селянин ленивца-осла погоняет,

275 Маслом его нагрузив и всяким добром огородным,
С рынка ж обратно везет для жернова камень и деготь,

Разные дни приводит луна, не все деревенским
Благоприятны трудам. Ты пятого — бойся: он бледный
Орк произвел и богинь Эвменид; Земля нечестивца
Крея в тот день родила, Япета, Тифея и оных

280 Для сокрушенья небес вступивших в заговор братьев.

Трижды на Пелион водрузить они Оссу пытались,
Трижды на Оссу взвалить Олимп многолиственный. Так-то!
Трижды перуном Отец разбросал взгроможденные горы.

285 Счастлив семнадцатый день для посадки лозы виноградной,
Для прирученья быков, прибавления к ткацкой основе
Нитей. Девятый хорош для побега, ворам же враждебен.

Многое лучше всегда совершается ночью прохладной
Или когда на заре росится земля под Денницей.

290 Ночью пустую стерню и ночью же луг пересохший
Лучше косить, — по ночам достаточно влажности мягкой.
Вечером долгим иной, при светильнике, глаз не смыкая,
Время проводит зимой, ножом заостряя лучины.

Свой продолжительный труд облегчая тем временем песней,
Звонко бегущий челнок пропускает жена по основе
295 Иль на огне молодое вино сладковатое варит,
С жидкости пену листком снимая в клокочущем чане.
Скашивать следует в зной золотые Церерины нивы.
В самую надо жару вымолачивать спелые зерна.
300 Гольй паши, сей голый,— зима поневоле досужна.
Большею частью зимой земледельцы живут урожаем
И, веселясь, меж собой учиняют совместно пирушки.
Гения время, зима, предлагает забыть о заботах.
Так происходит, когда прибывает груженое судно
305 В порт и корму моряки украшают в веселье цветами.
Время, однако, собирать в ту пору и желуди с дуба,
Ягоды лавров, маслин, шелковицу с пурпуровым соком.
Ставить пора и силки журавлям, тенёта оленям,
Зайцев ушастых травить, поражать камнями ланей,
310 Ловко пеньковый ремень пращи балаарской вращая,—
Снег в это время глубок и лед на реках громоздится.

Что об осенних теперь непогодах скажу и созвездьях,—
Как поубавится день и зной на исходе, что должен
Не упустить селянин? Иль на спаде весны дожденосной,
Если поля колосятся уже и молочные зерна
315 На молодых стебельках, что ни день, наливаются дружно?
Часто, когда земледел жнецов выводил уже в поле
Зрелое и уж срезал колосья с ломких соломин,
Видывал я: как в бою, все сразу, ветры сшибались,
С корнем посев, отягченный зерном, из земли вырывая,
320 Вверх ивширь его разнося,— так черные вихри
Носят колосья зимой пустые с летучей соломой.
Часто движется вод огромное по небу войско,
Страшные бури свои собирают с дождем беспросветным
Тучи, в выси накопаясь, и вдруг низвергаются с неба
325 Ливнем таким, что богатый посев, всю работу воловью
Смоет,— канавы полны, пересохшие за лето реки
Ширятся шумно, кипит пучиной вздыхающей море.
Сам же Отец посреди этой облачной ночи десницей
Мечет перуны свои, громада земли содрогаемь
330 Потрясена; убегает зверье, а души людские
Назем простер унизительный страх. Грозовые стрелы

Разом Родопу, Афон и Керавнии пламенной горы
С неба разят — и стремителен Австр, и дождь непрогляден,
Воли прибой, и берег морской, и дубравы стенают.
335 Этого бойся, следи за месячным ходом созвездий,
Знай, отходит куда Сатурна звезда ледяная
И по каким из кругов вращается пламень Киленца.
Прежде всего — богов почитай, годичные жертвы
340 В злчных лугах приноси богине, великой Церере,
Тотчас, едва лишь зима отойдет, уже ясной весною.
Жирен в ту пору баран и вина особенно мягки,
Легкий сладостен сон и тенисты нагорные роши.
Сельская вся молодежь да творит поклоненье богине.
345 С перебродившим вином молока замешай ты и меду,
Трижды пускай зеленыя обойдет благосклонная жертва,
Хор и товарищи пусть ее с торжеством провожают.
Криком Цереру в свой дом пускай призывают, и раньше
Пусть своим острым серпом никто не коснется колосьев,
350 Чем, поначалу листвою виски увенчавши дубовой,
Пляской Цереру почитит неискусной и песней священной.

А чтоб узнать мы могли заране по признакам верным,
Будет ли зной, или дождь, или ветры, несущие холод,
Сам повелел нам Отец доверять Луны предсказаньям,
355 Знать наперед, под созвездьем каким обрушатся Австры,
Чтобы скотину держал селянин недалеко от хлеба:
Ветер подует едва, и тотчас пучина морская
Пухнуть, волнуясь, начнет; по высоким горам раздается
Треск сухой, и ему берега зашумевшие вторят
Гулом широким своим, и рош учащается шорох.
360 Море тогда не щадит крутобоких судов, в это время
Быстрые мчатся нырки, из просторов спасаясь открытых,
К берегу с криком спешат, меж тем как морские лысухи
Рады на суше играть, и, родные покинув болота,
Выше самих облаков летит голенастая цапля.
365 Часто, лишь ветер задул, увидишь, как падают с неба
Звезды стремглав, а от них, темноту прорезая ночную,
Пламенный тянется путь и, длинный, во мраке белеет.
То облетающий лист, иль легкая вьется солома,
Или плывет перо, резвясь на поверхности водной.
370 Если ж оттуда гроза, где Борей свирепствует, если

Дом Зефира гремит или Эвра, то бухнут канавы,
Сплошь всплывают поля, корабельщик спешит среди моря
Мокрые снять паруса. Никогда неожиданно ливень
Не навредит: как ему разразиться, к долинам глубоким
375 Воздуха житель, журавль, поспешает; корова на небо
Смотрит и воздух в себя ноздрями раздутыми тянет.
Или же звонкая вокруг озерков облетает касатка,
Или же в тине начнут свою вечную жалобу лягвы.
380 Часто из тайных хором муравей выносит яички,
Узенький путь расчищая себе, и огромную воду
Радуга пьет; то, снявшись с полей и в стаю собравшись,
Скопием крыльев густым расшумится вороном войско,
Разных птиц морских наблюдай, и тех азиатских,
Любящих рыться в траве у заводей пресных Каистра,—
385 Ревностно плечи себе поливают обильною влагой,
То устремятся в волну головой, то в воду сбегают
И веселятся, плещась и напрасно стараясь намокнуть.
Полным голосом дождь зловедая кличет ворона
И по сухому песку одна-одинешенька бродит.
390 Знают и девушки, ночь коротая за пряжей урочной,
Что непогода грозит, когда замигает святильня
В глиняном их черепке и грибами нагар нарастает.

В самый, однако же, дождь мы солнце и ясное небо
Можем предвидеть — на то свои существуют приметы.
395 Так, в это время у звезд не бывает блистание тусклым,
И восходящей луне не нужно братнина света.
Тонкие в небе тогда не тянутся шерсти волокна,
Не раскрывают тогда, Фетиды любимицы, чайки
Крыльев своих у воды, на солнышке; грязные свињи
400 Сена не станут трепать и вверх подбрасывать рылом.
Но до низин облака ниспадают, над полем ложатся.
Солнца в то время закат наблюдая с высокого места,
Тщетно выводит сова безнадежную позднюю песню.
Вот появляется Нис высоко в лазури, и Сцилла
405 Новые муки опять из-за волоса красного терпит.
Где б она, легким крылом разрезая эфир, ни спасалась,
Страшный, неистовый враг, проносясь по воздуху с шумом,
Сциллу преследует Нис; где же Нис по воздуху мчится,
Быстро там легкий эфир рассекает крылом своим Сцилла.

410 Вдруг три раза подряд, а то и четыре, гортанным
Голосом каркать начнут по своим высоким хоромам
Вороны, развеселясь необычно, в каком-то восторге
Между собою в листве зашумят: по простевии ливней
415 Сладостно юный приплод и милые гнезда увидеть!
Впрочем, не верю я в то, чтобы им был свыше дарован
Некий особенный дар заранее предвидеть события.
Но лишь погода, а с ней и небес подвижная влага
Новой дорогой пойдут, и Австрами влажный Юпитер
Редкое поуплотнит и плотное делает редким,
420 Сразу меняется душ настроенье, чувства иные
Нежели в дни, когда пронесились по небу тучи,
Поднят грудь,— оттого на полях и пернатых концерты,
И ликование стад, и гортанные воронов клики.

Если ты будешь следить за солнечным зноем и сменой
425 Лун, чередой проходящих, тебя никогда не обманет
Завтрашний день, не введут в заблужденье прозрачные ночи.
Если, когда, нарождаясь, луна пламенеть начинает,
Тусклым серпом ее круг в пространстве черном охвачен,—
Ливня великого ждать тогда земледельцам и морю.
430 Если же лик свой зальет румянцем девическим, будет
Ветер — при ветре всегда золотая краснеет Селена.
Коль по четвертому дню (одно из вернейших гаданий)
Чистая небом идет и ее не притуплены рожки,
В этот, стало быть, день и в те, что за ним народятся,
435 Месяц весь до конца ни дождя не случится, ни ветра.
Спасшись, тогда моряки воздадут вам на суше хваленья.
Чадо Ино Меликерт, Панопея и Главк-беотиец!
Солнце восходит своим, а равно погружением в море
Знаки подаст — и они всех прочих надежнее знаков,—
440 И поутру на заре, и когда зажигаются звезды.
Ежели солнечный круг при восходе покроется крапом,
Спрячется если во мглу и середка его омрачится,
Жди непременно дождей,— уже угрожает от моря
Нот, и деревьям твоим, и посевам, и стаду зловредный,
445 Если ж лучи на заре из туманов плотных прорвутся
В разные стороны вдруг иль если бледная ликом
Встанет Аврора, шафран покинув Тифонова ложа,—
Горе! Худо лоза защитит поспевшие гроздья,—

Так сокрушительно град по кровлям твоим загрохочет!
450 Вот что еще: лишь солнце начнет опускаться с Олимпа,
Будет полезно следить тем более; видим мы часто,
Как по нему самому разливаются разные краски:
Цвет лазоревый — дождь предвещает, огненный — Эвры.
Если же пятна начнут мешаться с огнем золотистым,
455 Всё — ты увидишь — тогда закипит одновременно ветром
И облаками; никто пусть ночью такой не предложит
В море отправиться мне, от кола отвязавши веревку!
Если же, день возвращая иль день возвращенный скрывая,
Будет сияющим круг, облаков опасаться не надо:
460 Лишь удалой Аквилон, как увидишь, леса закачает,
И, наконец: что Веспер сулит, откуда нагонит
Ветер пустых облаков, что в мыслях у влажного Австра,—
Солнце тебя обо всем известит. Кто солнце посмел бы
Лживым назвать? О глухих мятежах, о кознях незримых
465 Предупреждает оно, о тайком набухающих войнах.
В час, когда Цезарь угас, пожалело и солнце о Риме,
Лик лучезарный оно темнотою багровоющей скрыло.
Ночи навечной тогда устранился мир нечестивый.
А между тем недаром земля, и равнина морская,
470 И зловещатели псы, и не вовремя вставшие птицы
Знаки давали. Не раз бросалась на нивы циклопов,
Горны разбив и кипя,— и это мы видели! — Этна,
Клубы катила огня и размякшие в пламени камни.
Частый оружия звон Германия слышала в небе.
475 К землетрясениям дотоль непривычные, вдруг содрогнулись
Альпы, в безмолвье лесов раздавался откуда-то голос
Грозный, являться порой таинственно-бледные стали
Призраки в темную ночь, и животные возговорили.
Дивно промолвить! Земля поразверзлась, реки недвижны.
480 В храмах слоновая кость прослезилась и бронза вспотела.
Залил леса и понес на своем хребте сумасшедшем
Царь всех рек Эридан, и стада, и отары с хлевами
Он по полям за собой потащил. Постоянно в то время
На трепухе не к добру проступали зловещие жилы,
485 Алая кровь то и дело текла из фонтанов, и волчий
Вой по ночам долетал до стен городских на высотах.
Не упало вовек с небес безоблачных столько
Молний, и столько комет никогда не пылало зловещих.

490 Как друг на друга идут и сражаются, равны оружием,
Воинов римских ряды, узрели вторично Филиппы.
Не устыдились, увы, всевышние нашею кровью
Дважды Гема поля и Эматии долы удобрить.
Истинно время придет, когда в тех дальних пределах
495 Согнутым плугом своим борозду прорезающий пахарь
Дротики в почве найдет, изъязвленные ржою шершавой;
Тяжкой мотыгой своей наткнется на шлемы пустые
И богатырским костям подивится в могиле разрытой.
Боги родимой земли! Индигеты, Ромул, мать Веста!
Вы, что тускский Тибр с Палатином римским храните!
500 Юноше ныне тому одолеть злоклучения века
Не возбраняйте! Давно и довольно нашею кровью
Мы омываем пятно той Лаомедонтовой Трои.
Приревновали тебя давно уже неба чертоги,
Цезарь, жалеют они, что триумфы справляешь земные.
505 Правда с кривою здесь смешались, всё войны по свету...
Как же обличья злодейств разнородны! Нет уже плугу
Должной чести. Поля засыхают с уходом хозяев
Прежних; и серп кривой на меч прямой перекован.
Там затевает Евфрат, а там Германия брани:
510 Здесь, договоры порвав, города-соседи враждуют
Непримиримо, и Марс во всем свирепствует мире.
Так происходит, когда, из темниц вырываясь, квадриги
Бега не в силах сдержать и натянуты тщетно поводья;
Кони возницу несут и вожжей не чувствуют в беге.

Книга вторая

О хлебопашестве я рассказал и созвездьях небесных.
Ныне тебя воспою, о Вакх, воспою и деревья
Дикие леса, и плод неспешно растущей маслины.
К нам, о родитель Леней! Кругом твоими дарами
5 Полнится все, для тебя созревшими гроздьями поле
Отягчено, и пенится сбор виноградный в точилах.
К нам, о родитель Леней, приди и вместе со мною
Суслом новым окрась себе голени, скинув котурны!

Прежде всего, деревья создает различно природа.
10 Много таких, что совсем человеческой воли не знали,
Сами собою растут, по полям широко рассеваясь
Иль по извилинам рек: ветла мягколистная, тополь,
Гибкий дрок и с листвою седой серебристая ива.
Часть же деревьев растет, коль посажено семя: каштаны
15 Стройные, и в лесу высочайший Юпитеров эскул
С пышною кроной и дуб, что у греков оракулом признан.
Целый лес прегустой иные от корня пускают:
Вишня иль вяз, например; сам лавр парнасский — он тоже,
Маленький, тянется вверх, осенен материнскою тенью.
20 Так природой самой устроено, чтоб зеленели
Всякого рода леса, и кусты, и священные рощи.
Есть и другие пути, добытые опытом долгим.

Этот, срезав побег с материнского нежного тела,
Сунет его в борозду; тот вроет пенек или всадит
25 Кольшечек с острым концом; расщепленную накрест, сажают
Ветку, а иногда сгибают податливый отпрыск
Аркой и сажают его отводкой в родимую землю.
Вовсе не надо корней для иных, и смело садовник
Той же земле черенок, с макушки срезав, ввергает.
30 Даже, коль ствол обрубить, и то — непостижное дело! —
Корень маслины опять из засохшего дерева лезет.
Видели мы: деревья без ущерба сменяют чужими
Ветви свои, и глядишь — привитые зреют на груше
Яблоки, сливы меж тем каменистым кизилом алеют,
35 Так изучайте ж, когда и какие потребны приемы,
О земледельцы! Плодов смягчайте грубость уходом.
Земли пускай не лежат без дела: с Вакхом полезно
Исмар сдружить, а Табури одеть обширный в маслины.

Будь же со мной и моей начатой сопутствуй работе,
40 О украшенья, о часть моей величайшая славы,
Ты, Меценат! Полети с парусами в открытое море!
Нет, я все охватить не стремлюсь моими стихами,
Нет, если даже я сто языков, сто уст возымел бы,
Голос железный. Скользи полоскою прибрежною рядом,
45 Не отходя от земли. Тебя поэтической басней
Не задержу, ни двусмыслием слов, ни приступом долгим.

Те деревья, что привольно выросли на свету и просторе,
Хоть и бесплодны, зато возвышаются бодры и крепки,
Мошь им почва дает. Но если б такие деревья
50 Кто-нибудь стал прививать и доверил их вырытым ямам,
Дикость пропала б у них и, чуя уход постоянный,
Стали послушно б они подчиняться любому искусству.
То же и с хилым ростком, взошедшим у самого корня,
Будет, коль всю рассадить по пространству широкому поросль,
55 Здесь же глубокую тень материнские ветви бросают,
Здесь не даст он плода, для завязей соков не хватит.
Ежели, знай, принялось от семени дерево, будет
Медленен рост его, тень оно даст лишь далеким потомкам,
Будет и плод вырождаться, забыв о сочности прежней,
60 Будут и гроздья хиреть, незавидная птицам добыча.

Стало быть, надобно труд прилагать к любому растению,
И к бороздам приучать, и ходить за каждым прилежно.
Все же маслину от пня разводите, лозу же отводкой
Лучше, пафосский же мирт от крепкой желательна ветки.
65 Лучше с корнями сажать орех крепкоствольный, и ясень
Мощный, и с пышным венцом громадное древо Геракла.
Так же и дуб Отца Хаонийского; стройная пальма
Так же родится, и ель, — для грядущих кораблекрушений!
Почку привить миндаля к земляничному дереву можно.
70 Яблоки сочные вдруг на бесплодном зреют платане,
Бук — каштаны дает; на ясене диком желеет
Грушевый цвет, и свишня под вязом желуди топчет.
Способ же есть не один прививки отводок и почек:
Можно в толще коры, в том месте, где почки выходят
75 И уже тонкую ткань прорывают, надрез неширокий
Сделать в самом узле и дерева чуждого отпрыск
В щелку вставить, уча с корой постепенно срастаться.
Или ж стволы без сучков надсекают и клином глубоко
В толщу проводят пути; потом черенок плодоносный
80 Вводят в надрез, и пройдет немного времени — мощно
Тянет уже к небесам благодатное древо ветви,
Юной дивится листе и плодам на себе чужеродным.
Помни при этом, что вид не один существует могучих
Вязов, лотосов, ив иль идейских дерев, кипарисов.
85 Также и жирных маслин имеются разные виды:
Круглые, длинные есть и горькие — эти для масла.
Те же в плодовых садах Алкиноя известны различья
Груш крустумийских, и груш сирийских, и грузных волемов.
Гроздь с деревьев у нас иные свисают, чем гроздь,
90 Что с метимнейской лозы собирает по осени Лесбос;
Фасский есть виноград и белый мареотидский, —
Первому лучше земля пожирней, второму — полегче;
Псифия — лучший изюм для вина, лагеос — этот
Пьется легко, но свяжет язык и в ноги ударит.
95 Как не прославить мне вас, скороспелый, красный, ретийский?
Все-таки спора о них не веди с погребями Фалерна.
Есть аминейский — дает он самые стойкие вина;
Тмол уступает ему и царь винограда — фанейский.
Мелкий аргосский еще, — ни один у него не оспорит
100 Ни многосочья его, ни способности выстоять годы.

Нежный родосский, приличный богам и второй перемене,
Не обойду и тебя, ни тебя, бумаст полногроздый!
Но чтобы все их сорта перечислить и все их названья,
Цифр не хватит, да их и подсчитывать незачем вовсе,
105 Ибо число их узнать — все равно, что песок по песчинкам
Счесть, который Зефир подымает в пустыне Ливийской,
Иль, когда Эвр на суда налегает, узнать попытаться,
Сколько о берег крутой разбивается волн ионийских.

Земли же производить не всякие всякое могут:
110 Ивы растут по рекам, по болотам илистым ольхи.
На каменистых горах разрастается ясень бесплодный,
Благоприятно для мирт побережье, открытые солнцу
Любит холмы виноград, а тис — Аквилонову стужу.
Ты посмотри, как в дальних краях земледел покоряет
115 Мир, — на арабов взгляни, на гелонов с расписанным телом,
Родина есть у дерев. Эбен лишь Индия знает,
Ветви, которые жгут в курильницах, — только сабеи.
Упомянуть ли еще о бальзамных деревьях, точащих
120 Смолы, иль о плодах зеленого вечно аканфа?
О эфиопских лесах, белеющих мягкою шерстью?
Иль как серийцы с листвы собирают тончайшую пряжу?
Что о лесах я скажу, где крайний предел Океана,
В Индии, где никогда, взлетев, вершины древесной
Не достигала стрела, откуда б ее ни пустили?
125 Люди, однако же, там ловки, как схватят колчаны!
Мидия горький сок доставляет с устойчивым вкусом, —
Плод благодатный, и нет действительней помощи телу,
Ежели чашу с питьем отравят мачехи злые,
Всяческих трав намешав и к ним заклинивший добавив
130 Пагубных, — лучше ничем не выгонишь злостного яда.
Дерево то велико и очень походит на лавры.
Если б широко вокруг иной оно запах не лило,
Счел бы за лавр; листвы никогда не сорвет с него ветер;
Цвет его крепко сидит. Устраняют тем соком мидяне
135 Запах из уст и еще — стариковскую лечат одышку.

Но ни мидийцев земля, что всех богаче лесами,
Ни в красоте своей Ганг, ни Герм, от золота мутный,
Все же с Италией пусть не спорят; ни Бактрия с Индом,

Ни на песчаных степях приносящая ладан Панхайя.
140 Пусть не вспахали быки, огонь выдыхая ноздрями,
Эти места, и зубов тут не сеяно Гидры свирепой,
Дроты и копыя мужей не всходили тут частою нивой,—
Но, наливаясь, хлеба и Вакха массийская влага
Здесь изобильны, в полях и маслины, и скот в преизбытке.
145 Здесь и воинственный конь выходит на поле гордо.
Белы твои, о Клитумн, стада, постоянно омыты
Влагой священной твоей, а бык, драгоценная жертва,
Римским триумфам не раз до божьих сопутствовал храмов.
Здесь неизменно весна и лето во время любое,
150 Дважды приплод у отар, и дважды плоды на деревьях.
Хищных тигров тут нет, ни львиного злого потомства,
Здесь собирателей трав аконит не обманет злосчастных,
Нет и чешуйчатых змей, огромные кольца влачащих
И, проползая тайком, вращающих тело спиралью.
155 Столько отменных прибавь городов и труд созиданья,
Столько по скалам крутым твердынь, людьми возведенных,
Столько под скалами рек, обтекающих древние стены!
Море напомяну ли, к ней подступившее справа и слева?
Множество разных озер; напомяну ли Ларий обширный
160 Или тебя, о Бенак, как море, вздымающий волны?
Упомяну ли еще о портах и молах Лукрина
Или о море, что, вдаль плотиной отогнано мощной,
В негодованье шумит и у гавани Юлия ропщет,
А закипевший Тиррен мешается с влагой Аверна?
165 Не у нее ли ручьи серебра и залежи меди
В недрах, течет не она ль изобильно золотом чистым?
Крепких она и мужей, сабинских потомков и марсов,
И лигурийцев, трудом закаленных, и с копыями вольсков
Родина, Дециев всех и Мариев, сильных Камиллов,
170 И Сципионов, столпов войны, и твоя, достославный
Цезарь, который теперь победительно в Азии дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь отвращает,
Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаяев!
Мать и мужей! Для тебя в искусство славное древних
175 Ныне вхожу, приоткрыть святые пытаюсь истоки.
В римских петь городах я буду аскрейскую песню.
Свойства земли изложу,— какое в какой плодородье,
Цвет опишу, и к чему различные почвы пригодней,

Первым делом: земля неудобная, горки скупые,
180 Где и суглинок залег, и камни на поле кустистом,—
Те для Палладиных рош хороши, для живучей маслины.
Признак тому, что растет маслина и дикая там же
И покрывает своей опадающей ягодой землю.
Если же почва жирна и смягчающей влагой богата,
185 Если на почве сырой трава вырастает обильно,
Как наблюдаем подчас среди гор в углубленной долине,
Ибо туда от высот скалистых льются потоки,
Ил благоворный неся; если поле открыто на Австры,
Ежели папоротник питает, плугам ненавистный,—
190 Значит, с годами оно тебе вырастит мощные лозы.
Много получишь вина; принесут в изобилии гроздья
Сок, который потом золотой возливаем мы чашей,—
Жирный тирренец меж тем на кости слоновой играет
У алтаря, и несут на блюдах дымящийся потрох.
195 Если же крупный скот и телят разводить ты захочешь,
Или ягнят, или коз, грозу насаждений, то лучше
Перебирайся в леса, подальше, к равнинам Тарента
Злачным, как те, что теперь утрачены Мантуей бедной,
Где в камышах на реке лебединые плещутся стаи.
200 Много там чистых ручьев, и пастбищ для стада достанет.
Сколько за день травы скотина твоя нащипала,
Столько в недолгую ночь возместят прохладные росы.
Черного цвета земля жирна и плугу послушна,
Рыхлая (этого мы достигаем, ее обработав),
205 Лучше всего для хлебов; не видали, чтоб с поля иного
Столько к дому возов на неспешных волах возвращалось.
Ежели где-нибудь лес сведет в нетерпении пахарь,
Роши, что столько годов бесполезными были, повалит,
Ежели древние он с корнями вырвет жилища
210 Птиц и те в высоту устрелятся, гнезда покинув,
Новая эта земля заблещет под тяжестью плуга!
А худосочный песок с камнями, на поле наклонном,
Разве лишь пчел угостит розмарином да скромной лавандой.
Пористый туф, говорят, и хелидрой изъеденный черной
215 Мел,— обиталище змей, никакая им местность иная
Пищи приятней не даст и подземных удобней извилин.
Почва, с которой туман испаряется дымкой летучей,
Та, что, влагу, испив, с охотой обратно выводит

И постоянно, весь год, зеленеет свежей травю
220 И не язвит сошника солонистою едкою порчей,—
Вязы тебе оплетет благородной лозой виноградной,
Много маслин принесет — увидишь по опыту, — эта
И хороша для скота, и выгнутый лемех приемлет.
Пашет такие поля богатая Капуя, берег
225 Возле Везувия, где немилостив Кланий к Ацеррам.
Ныне скажу, как узнать любую почву ты сможешь.
Почва рыхла иль чрезмерно плотна, сначала исследуй,
Ибо одна для хлебов подходяща, другая — для Вакха:
Та, что плотней, Церере мила, полегче — Лиэю.
230 Высмотришь место сперва, потом прикажешь глубокий
Вырыть колодезь и весь засыпать доверху снова
Той же землей, и ее притопчешь крепко ногами.
Если не хватит земли, — легка, скотине и лозам
Больше подходит она; откажется ж если вместиться,
235 Ежели выше краев над полной подыметя ямой, —
Почва плотна; упористых глыб, тяжелых и жирных,
Жди и землю взрезай на волах молодых и могучих.
Почва соленая есть, ее называем мы «горькой».
Хлеб не родится на ней, ибо вспашка ее не смягчает.
240 Не сбережет ни качеств лозы, ни названья плодовых.
Вот как ее распознать: плетенья тугого корзину
Или от жома достань цедилку с задымленной кровли,
Землю соленую в них родниковой пресной водою
Ты замешай, и вода с трудом просочится оттуда,
245 Вскоре, как быть и должно, закапают крупные капли.
Вкус указание даст очевидное, привкусом горьким
Жалостно рот искривив любого, кто пробовать станет.
Почву жирную мы, наконец, и таким отличаем
Способом: если в руках ее мять, не становится пылью,
250 Но наподобье смолы прилипает, клейкая, к пальцам.
Влажная почва растит высоченные стебли — чрезмерно,
Значит, богата она. Земли нам столь пышной не надо, —
Пусть такая земля не вредит неокрепшим колосьям.
Тяжесть и легкость свою безмолвно земля обнаружит
255 Весом; легко и на глаз угадать, черноземна ли почва
Или же нет. А мороз окаянный предвидеть заране —
Трудно: ели одни да еще вредоносные тисы
Могут нам дать иногда указанья да плющ темнолистый.

- 260 Все во вниманье приняв, позаботься землю пораньше
Выжечь, рядами канав изрѣзать покатые склоны;
Глыбы земли отвалив, Аквилону их надо подставить,
Раньше чем станешь сажать благодатные лозы. Всех лучше —
С рыхлою почвой поля; на пользу им изморозь, ветер
И здоровяк земледел, перепахивать землю охочий.
- 265 Те из хозяев, кому не чужда никакая забота,
Место сначала найдут подходящее и заготовят
Саженцы, после же их по порядку рассаживать будут,
Чтоб не узнали они, что мать у детей подменили.
Боле того, на коре отмечают и сторону света,
270 Чтобы стояли они, как прежде, бок подставляя
Австру со зноем его или к северу тыл обращали:
Надобно всё сохранить — так прежние важны привычки.
Раньше узнай, где лозы сажать, по склонам ли горным
Иль на равнине. Разбив на участки тучное поле, —
275 Тесно сажай: в тесноте не ленивей лоза плодоносит.
Если ж на склоне горы у тебя расположен участок,
Можешь ряды выверять не так уже строго, но все же
Свой виноградник сперва поровнее разбей на квадраты.
Так на войне легион, растянувшись, строит когорты,
280 И на открытой стоит равнине пешее войско,
В строгих и ровных рядах, и широкое зыблется поле
Медью горящей, но бой пока не завязан, и бродит
Марс между вражеских войск, еще не принявший решенья.
Все пусть равным числом дорожек измерено будет
285 Не для того, чтобы вид утешал лишь праздную прихоть,
Но потому, что земля не даст иначе всем равной
Силы, и отпрыски лоз протянуться не смогут в пространство.
Может быть, как глубоко сажаются лозы, ты спросишь?
Я бы решился лозу борозде неглубокой доверить.
290 Глубже намного сажать деревья следует в землю,
Эскул прежде всего, который настолько вершиной
Тянется в ясный эфир, насколько в Тартар корнями.
И никогда-то его ни стужи, ни ветры, ни ливни
Не сокрушат, — стоит недвижим; он много потомков
295 И поколений навек проводил, победив долголетьем.
Вширь туда и сюда простерев могучие ветви,
Сам над собой на руках он огромную тень свою держит.

Так же пускай на закат у тебя не глядит виноградник.
Да не сажай между лоз ореха; верхних побегов
300 Не обрывай, черенков у деревьев не сламывай сверху, —
Дерево дружно с землей. Ножом притупившимся бойся
Ранить росток. Не сажай между лозами дикой маслины:
Неосторожный пастух нередко искру роняет —
И потаенный огонь, под жирною скрытый корою,
305 Ствол забирает, потом, в листву перекинувшись, громкий
Треск в высоте издает и, набег по ветвям продолжая,
Победоносный, уже над вершинной листвою торжествует.
Рошу он пламенем всю охватил, над нею вздымает
Черную к небу, клубясь смолянистою копотью, тучу —
310 А особенно, когда на деревья вдобавок нагрянет
Буря, и ветер, несясь, перекидывать станет пожары.
Лозы хиреют тогда с корневищем своим сокрушенным
И не подымутся вновь, зеленея роскошной листвою.
Выжить одной лишь дано горьколистной меж ними маслине.

315 Пусть не внушает тебе какой-нибудь умный советчик,
Чтобы ты землю копал под холодным дыханьем Борея.
Почву зима леденит и сжимает, корням при посадке,
Слипшимся между собой, в глубину проникать не давая.
320 Белая птица к нам прилетит, ненавистная змеям,
Иль как придут холода, но пока еще знойное солнце
Не донеслось на конях до зимы, а уж лето проходит.
Благоприятна весна и лесам, и рошам кудрявым,
Земли взбухают весной и просят семян детородных,
325 Тут всемогущий Отец Эфир, изобильный дождями,
Недра супруги своей осчастливив любовью, великий,
С телом великим ее сопряжет, все живое питает.
Чаши глухие лесов звенят голосами пернатых;
Снова в положенный срок Венеру чувствует стадо;
330 Нива родит и растит. С дыханием теплым Зефира
Лоно раскрыли поля. Избыточна нежная влага.
Новому солнцу ростки уже не страшатся спокойно
Ввериться, и виноград не боится, что Австры задуют
Или что с неба нашьют Аквилоны могучие ливень.
335 Гонит он почки свои, всю сразу листву распуская.

Быть лишь такими могли недавно возникшего мира
Дни, не могло быть иной, столь устойчивой ясной погоды.
Верится мне, что была лишь весна, весну неизменно
Праздновал мир, и весь год лишь кроткие веяли Эвры
340 Вплоть до поры, когда свет увидела тварь и железный
Род людской из земли впервые голову поднял,
Хищные звери в лесах показались и звезды на небе.
И не могли бы стерпеть испытаний подобных растения,
Если б такой перерыв между зноем и стужей покоя
345 Не приносил, и земля не знала бы милости неба.

Вот что еще: какие б кусты на полях ни сажал ты,
Больше навоза клади да прикрой хорошенько землю,
Пористых сверху камней наложи да немых ракушек,—
Воды меж них протекут и воздушные струйки проникнут.
350 Лучше тогда насажденья взойдут. Иной из хозяев
Груды навалит камней, а иной тяжелой плитою
Землю придавит, ища от стремительных ливней защиты,
Также от знойного Пса, калящего яростно почву.
Порассади черенки, окучивать надобно лозы,
355 Чаще у самых корней мотыгой взмахивать крепкой
Иль, налегая на плуг, разрыхлять между лозами землю,
А иногда и упорных волов проводить в междурядьях.
Тут припаси камыши, из ободранных веток подпорки;
Колышков вязовых впрок наготовь и рогаток-двурожек,
360 Чтоб, опираясь на них, научились выдерживать лозы
Ветра налеты и вверх по лесенке сучьев взбирались.
Нежной покамест листвою зеленеет младенческий возраст,
Юную надо щадить. Пока жизнерадостно к небу
Веточки тянет она и, свободная, в воздух стремится,
365 Листьев касаться серпом не следует острым, а нужно
Только рукой обрывать,— однако же часть оставляя.
А как начнут обнимать, понемногу окрепнув корнями,
Вязы, срезай им излишек волос, укорачивай руки.
Раньше им боязен серп, теперь же властью суровой
370 Смело воздействуй на них и сдерживай рост их чрезмерный.
Надо ограду сплести, не пускать в виноградник скотину,
Зелень пока молода и бедствий еще не знавала.
Лозам, кроме зимы непогожей и жгучего лета,
Тур лесной и коза, охочая к ним особливо,

375 Пагубны; часто овца и корова их жадная щиплет.
Даже от холода зим в оковах белых мороза
Или от летней жары, гнетущей голые скалы,
Меньше беды, чем от стад, что зубом своим ядовитым
Шрам оставляют на них — прокушенных стволиков метку.
380 Козья вина такова, что у всех алтарей убивают
Ваху козла и ведут на просцении древние игры.
Вот почему в старицу порешили внуки Тесея
Сельским талантам вручать награды,— с тех пор они стали
Пить, веселиться в лугах, на мехе намаасленном прыгать.
385 У авзонийских селян — троянских выходцев — тоже
Игры ведут, с неискусным стихом и несдержанным смехом,
Страшные хари надев из долбленной коры, призывают,
Вах, тебя и поют, подвесив к ветви сосновой
Изображенья твои, чтобы их покачивал ветер.
390 После того избыльно лоза, возмужав, плодоносит.
В лоне глубоких долин — виноград и в рощах нагорных,
Всюду, куда божество обратило свой лик величавый.
Будем же Ваху почет и мы воздавать по обряду
Песнями наших отцов, подносить плоды и печенье.
395 Пусть приведенный за рог козел предстанет священный,
Потрох будем потом на ореховом вертеле жарить.

При разведении лоз и другой немало заботы;
Не исчерпаешь ее! В винограднике следует землю
Трижды-четырежды в год разрыхлять и комья мотыгой,
400 Зубьями книзу, дробить постоянно; кусты от излишней
Освобождать листвы. По кругу идет земледельца
Труд, вращается год по своим же следам прошлогодним.
В дни, когда виноград потерял уже поздние листья
И украшение лесов спесено Аквилоном холодным,
405 Дельный заботы свои уж на будущий год простирает
Сельский хозяин: кривым сатурновым зубом останки
Он дочищает лозы, стрижет и подрезкой образит.
Первым землю копай; свози и сжигай, что обрезал,
Первым, и первым снеси запасти подпорки и колья.
410 Самым последним сбирай. Два раза лозу затеняют
Листья, два раза трава грозит заглушить насажденья.
С этим борьба не легка. Восхваляй обширные земли,—
Над небольшою трудись. Чтобы лозы подвязывать, надо

Веток терновых в лесу понарезать, набрать очерету
415 По берегам, не забыть при этом и вербу простую.
Вот привязали лозу, вот серп от листвы отдыхает,
И виноградарь поет, дойдя до последнего ряда.
Все ж надо землю еще шевелить, в порошок превращая,
И хоть созрел виноград, Юпитера все же страшиться.

420 Наоборот, для маслин обработки не надо, маслины
Не ожидают серпа, не требуют цепкой мотыги.
Лишь укреплятся в земле и ко всяким ветрам приобькнут,
Выделит почва сама, козь вскрыть ее загнутым зубом,
Влаги им вдоволь. Вспаши — и обильные даст урожаи.
425 Стоит трудиться над ней, многоплодной оливою мира!
Что до плодовых деревьев, то, ствол почувствовав крепким,
В силу войдя, они сами собой поднимаются быстро,
К небу стремясь, — никакой им помощи нашей не надо.
Да и в лесу дерева увешаны густо плодами;
430 Каждый пернатых приют краснеет от ягод кровавых.
Щиплет скотина китис. На хвойных смолу добывают,
Ею ночные огни питаются, свет разливая.
Так сомневаться ль еще в благородном труде пловодства?

Но о больших деревьях не довольно ли? Ветлы и дроки
435 Скромные корм скоту и тень пастухам доставляют,
Эти идут на плетни, те сок накаплиют для меда.
Видеть отраднo Китóр, волнующий рощами буксов,
Нарика бор смоляной; просторы нам видеть отраднo,
Что не знавали мотыг, никаких забот человека.
440 Хоть не приносят плодов нагорные пуши Кавказа,
Где их неистовый Эвр и треплет, и, вырвав, уносит,
Разного много дают: немало полезного леса,
Для мореходов — сосну, для стройки — кедр с кипарисом,
Спицы обычных колес и круги для сельских повозок.
445 Рубят из тех же деревьев кузова кораблей крутобоких.
Вязы богаты листвою, а прутьями гибкими — ветлы;
Древки мирта дает и кизил, с оружием дружный.
Тисы гнут, чтобы их превращать в итурейские луки;
Легкая липа и букс, на станке обработаны, форму
450 Могут любую принять, — их острым долбят железом.
Легкая также ольха по бушующим плавает водам,

Спущена в Пад; рои скрывают пчелы по дуплам
Иль в пустоте под корою загнившего дерева прячут.
Что же нам Вакха дары принесли, чтобы тем же их вспомнить?
455 Вакх и причиной бывал преступлений различных: он смертью
Буйных кентавров смирил — и Рета, и Фола; тогда же
Пал и Гилей, что лапифам грозил кратёром огромным.

Трижды блаженны — когда б они счастье свое сознавали! —
Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
460 Им справедливо земля доставляет нетрудную пищу.
Пусть из кичливых сеней высокого дома не хлынет
К ним в покои волна желателей доброго утра,
И не дивятся они дверям в черепаховых вставках,
Золотом тканых одежд, эфирейской бронзы не жаждут;
465 Пусть их белая шерсть ассирийским не крашена ядом,
Пусть не портят они оливковых масел корицей,—
Верен зато их покой, их жизнь простая надежна.
Всем-то богата она! У них и досуг и приволье,
Гроты, озер полнота и прохлада Темпейской долины,
470 В поле мычанье коров, под деревьями сладкая дрема,—
Все это есть. Там и роши в горах, и логи со зверем;
Трудолюбивая там молодежь, довольная малым;
Вера в богов и к отцам уваженье. Меж них Справедливость,
Прочь с земли уходя, оставила след свой последний.

475 Но для себя я о главном прошу: пусть милые Музы,
Коим священо служу, великой исполнен любовью,
Примут меня и пути мне покажут небесных созвездий,
Муку луны изъяснят и всякие солнца затмения.
Землетрясенья отколь; отчего вздымается море,
480 После ж, плотины прорвав и назад отступив, опадает;
И в океан почему погрузиться торопится солнце
Зимнее; что для ночей замедленных встало препоной.
Пусть этих разных сторон природы ныне коснуться
Мне воспрепятствует кровь, уже мое сердце не грея,—
485 Лишь бы и впредь любить мне поля, где льются потоки,
Да и прожить бы всю жизнь по-сельски, не зная о славе,
Там, где Сперхий, Тайгет, где лакедемонские девы
Вакха славят! О, кто б перенес меня к свежим долинам
Гема и приосенил ветвей пространною тенью!

490 Счастливы те, кто вещей познать сумел основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к коленям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта.
Но осчастливлен и тот, кому сельские боги знакомы,—
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры.
495 Фасци — народная честь — и царский его не волнует
Пурпур, или раздор, друг на друга бросающий братьев;
Или же дак, что движется вниз, от союзника Истра;
Рима дела и падения царств его не тревожат.
Ни неимущих жалеть, ни завидовать счастью имущих
500 Здесь он не будет. Плоды собирает он, дар доброхотный
Нив и ветвей; он чужд законов железных; безумный
Форум ему незнаком, он архивов народных не видит.
Тот вешлом шевелит ненадежное море, а этот
Меч обнажает в бою иль к царям проникает в чертоги.
505 Третий крушит города и дома их несчастные, лишь бы
Из драгоценности пить и спать на сарранском багрянце.
Прячет богатства иной, лежит на закопанном кладе;
Этот в восторге застыл перед рострами; этот пленился
Плеском скамей, где и плещ, отцы, в изумленье разинут
510 Рот; приятно другим, облившись братскою кровью,
Милого дома порог сменить на глухое изгнанье,
Родины новой искать, где солнце иное сияет.
А земледелец вспахал кривым свою землю оралом,—
Вот и работы на год! Он краю родному опора,
515 Скромным пенатам своим, заслужённым волам и коровам.
Не отдохнешь, если год плодов еще не дал обильных,
Иль прибавленья скоту, иль снопов из Церериных злаков,
Не отягчил урожаем борозд и амбаров не ломит.

Скоро зима. По дворам сикионские ягоды дают.
520 Весело свиньи бредут от дубов. В лесу — земляничник.
Разные осень плоды роняет с ветвей. На высоких,
Солнцу открытых местах виноград припекается сладкий.
Милые льнут между тем к отцовским объятиям дети.
Дом целомудренно чист. Молоком нагруженное, туго
525 Вымя коровье. Козлы, на злачной сойдясь луговине,
Сытые, друг против друга стоят и рогами дерутся.
В праздничный день селянин отдыхает, в траве
развалившись,—

Посередине костер, до краев наполняются чаши.
Он, возливая, тебя, о Леней, призывает. На вязе
530 Вешают тут же мишень, пастухи в нее дротики мечут.
Для деревенской борьбы обнажается грубое тело.
Древние жизнью такой сабиняне жили когда-то,
Так же с братом и Рем. И стала Этрурия мощной.
535 Стал через это и Рим всего прекраснее в мире,—
Семь своих он твердынь крепостной опоясал стеною.
Раньше, чем был у царя Диктейского скипетр, и раньше,
Чем нечестивый стал род быков для пиров своих резать,
Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью.
540 И не слышали тогда, чтобы труб надувались гортани,
Чтобы ковались мечи, на кремневых гремя наковальнях.

Но уж немалую часть огромной прошли мы равнины,—
Время ремни развязать у коней на дымящихся выях.

Книга третья

Также и вас воспоем, великая Пáлес и славный
Пастырь Амфризский, и вас, леса и потоки Ликей!
Всё остальное, что ум пленило бы песнями праздный.
Всё — достоянье толпы: жестокого кто Эврисфея,
5 Кто и Бузýрида жертв ненавистного ныне не знает?
Кем не воспет был юноша Гилл или Делос Латóнин?
Гипподамíя, Пелоп, с плечом из кости слоновой
Конник лихой? Неторным путем я пойду и, быть может,
Ввысь подымусь и людские уста облечу, торжествуя!
10 Первым на родину я — лишь бы жизни достало! — с собою
Милых мне Муз приведу, возвратясь с Аонийской вершины.
Первый тебе принесу идумейские, Мантуя, пальмы;
Там на зеленом лугу из мрамора храм я воздвигну
Возле воды, где, лениво виясь, блуждает широкий
15 Минций, побережья свои тростником скрывающий мягким.
Цезарь будет стоять в середине хозяином храма.
В тирский багрец облачен, я сам в честь его триумфально
Сто погоню вдоль реки колесниц, четверней запряженных!
Греция вся, покинув Алфей и рощи Малорка,
20 Будет ремнем боевым и ристаньем коней состязаться.
Я между тем, увенчав чело свое ветвью оливы,
Буду дары приносить. Мне заране отрадно: ко храму

Шествие я предвожу, быков убиение вижу,
Сцену, где вертится пол с кулисами, где перед действием
25 Пурпурный занавес вверх британнами ткаными вздернут.
Изобразу на дверях — из золота с костью слоновой —
Бой гангаридов, доспех победителя в битвах, Квирина;
Также кипящий войной покажу я широко текущий
30 Нил и медь кораблей, из которой воздвиглись колонны;
Азии грады явлю покоренные, участь Нифата;
Парфов, что будто бегут, обернувшись же, стрелы пускают;
Два у различных врагов врукопашную взятых трофея,
Две на двух берегах одержанных сразу победы;
В камне паросском резец, как живые, покажет и лица:
35 Ветвь Ассарака, семью, чей род Юпитером начат,
Вас, родитель наш Трос, и Кинфий, Трои создатель!
Зависть злосчастная там устрашится фурий и строгих
Струй Коцита и змей ужасающих вокруг Иксиона,
Свивших его с колесом, и неодолимого камня.
40 Нет, за дриадами вслед — к лесам, к нетронутым рошам!
Ты, Меценат, повелел нелегкое выполнить дело.
Ум не зачнет без тебя ничего, что высоко. Рассей же
Леность мою! Киферон громогласно нас призывает,
Кличут тайгетские псы, Эпидавр, коней укротитель, —
45 И не умолкнет их зов, повторяемый отгулом горным.
Вскоре, однако, начну и горячие славить сраженья
Цезаря, имя его пронесу через столькие годы,
Сколькими сам отделен от рожденья Тифонова Цезарь.

Если кто-либо, пленен олимпийской победною ветвью,
50 Станет коней разводить иль волов для плуга, пусть ищет
Маток прежде всего. Наружность у лучшей коровы
Грозная; и голова должна быть огромной, и шея —
Мощной; до самых колен свисает кожа подбрудка.
Бок чем длинней у нее, тем лучше корова; все крупно
55 В ней, и нога; рога же изогнуты, уши мохнаты.
В белых пезинах я предпочел бы корову, такую,
Чтобы терпеть не желала ярма и рогом грозила,
Мордою схожа была с быком, держалась бы прямо
И, как пойдет, следы концом хвоста заметала.
60 Срок Луцине служить и вступать своевременно в браки
Тянется до десяти, начавшись по пятому году, —

Возраст иной для отёлов негод, ненадежен для плуга.
В этот, стало быть, срок, пока молодо стадо и бодро,
Пустишь быков. Скотину знакомь с Венерой весною
65 Ранней, кровь обновляй, молодых примешивай к старым.
Лучшие самые дни убегают для смертных несчастных
Ранее всех; подойдут болезни и грустная старость,
Скорби, — а там унесет безжалостной смерти немилость.
В стаде найдутся всегда, каких заменить ты захочешь.
70 Будешь их смело сменять. Чтобы впредь не жалеть о потерях,
Исподволь заготовляй пополнение для старого стада.

Что до коней, то подбор и у них производится так же.
Тех, кого ты взрастить пожелал в надежде на племя,
С самых младенческих дней окружи особой заботой.
75 Прежде всего, на лугу племенных кровей жеребенок
Шествует выше других и мягко ноги сгибает.
Первым бежит по дороге, в поток бросается бурный
И не боится шага мосту неизвестному сверить.
Шумов пустых не пугается он; горда его шея,
80 Морда — точеная, круп налитой, и подтянуто брюхо.
Великолепная грудь мускулиста. Всех благородней
Серая масть иль гнедая; никто не отдаст предпочтенья
Белой иль сивой. Едва прогремит издалёка оружие,
Конь уже рвется вперед, трепещет, ушами поводит,
85 Ржет и, наполнив огнем, ноздрями его выдыхает.
Грива густа; коль тряхнет, на плечо она падает вправо.
А между ребер — хребта ложбина глубокая. Оземь
Бьет он ногой, и звенит роговиной тяжелой копыто.
Был по предаюнь таким, амиклейцем смиренней Поллуксом,
90 Киллар, также и те, что воспеты поэтами греков:
Марсовых пара коней и великого выезд Ахилла.
Да и Сатурн, что спешил по конской шее рассыпать
Гриву, завидев жену, и, бегством поспешным спасаясь,
Зычным ржаньем своим огласил Пелиона высоты.

95 Если болезнь изнурила коня иль от старости стал он
Слаб, то его удали; не щади этот возраст постыдный.
Старый, холоден он к Венере и неблагодарный
Труд понапрасну вершит, а коль дело доходит до схватки,
Словно в соломе пожар, который велик, но бессилен,

100 Тщетно ярится. Смотри особливо на нрав, и на возраст,
И на повадки коня, и на родословную тоже;
Как переносит позор, наблюдай, как пальмой гордится.
Или не видел ты? — вот безудержно кони лихие
Мчатся вскачь, и вослед из затворов гремят колесницы.
105 Напряжены упованья возниц, и бьющийся в жилах
Страх их выпил сердца, но ликують они, изгибают
Бич и вожжи, клонясь, отдают, и ось, разогревшись,
Их, пригнувшихся, мчит, а порой вознесенных высоко;
Что-то их гонит вперед — и несутся в пустое пространство.
110 Не отдохнуть ни на миг. Песок лишь взвивается желтый.
Мочит их пена, кропит дыханье несущихся сзади.
Это ль не жажда хвалы, не страсть к одержанью победы!
Первым посмел четверню в колесницу впречь Эрихтоний
И победителем встать во весь рост на быстрых колесах.
115 Повод и кругом езда — от пелефронийцев лапифов,
И на коня, и с коня научивших наездника прыгать
В вооруженье, сгибать непокорные конские ноги.
Оба искусства трудны. Коневоды всегда молодого
Ищут коня, что нравом горяч и бегаёт быстро, —
120 Пусть другой и гнался за врагом, обратившимся в бегство,
Родиной пусть он Эпир называл и микенскую крепость,
Племя ж свое по прямой выводил из Нептунова рода.

Если исполнено все, как срок настанет, заботы
Надо направить на то, чтоб от жира тугим становился
125 Тот, кто избран вождем и общим назначен супругом, —
Свежей травы нарезать и водой ключевой обеспечить,
Также мукой, чтобы смог он труд свой выполнить сладкий
И чтобы голод отцов не сказался на хилом потомстве.
А кобылиц между тем худобой истощают нарочно,
130 Только лишь явится пыл и к первому совокупленью
Их устремит: им листвы не дают, от фонтанов отводят.
Часто их бегом еще растрясаят, томят их на солнце
В зной, когда молотьба, и стоит над током тяжелый
Стон, и Зефир, налетев, пустую взвивает мякину.
135 Так поступают, чтоб жир не закрыл чересчур изобильный
Их детородных полей, не забухли бы борозды праздно,
Но чтоб ловили жадней и глубже внедряли Венеру.

Вот и на убыль опять об отцах забота, на прибыль—
О матерях. Как срок подойдет, жеребые бродят,
140 Пусть никто им тянуть не позволит тяжелых повозок,
Или дороги прыжком перемахивать, или по лугу
Быстрым галопом бежать, или в быстром плавать потоке.
Пусть их привольно пасут на просторе, вдоль полноводных
Рек, где по берегу мох и самые злачные травы,
145 Где им в пещерах уютно, и тень под утесом прохладна.
Возле Силарских лесов и Альбурна, где падубов рощи,
Есть — и много его — насекомое с римским названьем
«Азилус» — греки его называют по-своему «ойстрон».
Жалит и резко жужжит; испуганный гудом, по лесу
150 Весь разбегается скот, оглашая неистовым ревом
Небо, и лес всполошив, и русло сухое Танагра.
В гневе ужасном своем применила когда-то Юнона,
Вздумав телицу сгубить Инахову, чудище это.
Вот и его берегись — к полудню свирепее жалит —
155 И от покрытых коров отгоняй; паси же скотину,
Только лишь солнце взойдет или ночь приведет нам созвездья.

А как отелятся, вся на телят переходит забота.
Прежде всего выжигают тавро с названием рода.
Обозначают, каких на племя оставить желают
160 И для святых алтарей, каких — перепаживать землю
Иль на целинной земле крутые отваливать глыбы.
Весь остальной молодежь на лугах пасется со стадом.
Тех, кого приучить к полевым захочешь работам,
Сызмала ты упражняй, настойчиво их приручая,
165 Нрав доколь у юнцов податлив и возраст подвижен.
Раньше из тонких лозин сплетенный круг им на шею
Вешай. Потом, когда их свободная шея привыкнет
К рабству, им надевай хомуты из веревок, попарно
Соединяй и ходить приучай одинаковым шагом.
170 Пусть до срока они лишь порожние тянут повозки
И оставляют следы лишь на самой поверхности пыльной.
Пусть лишь потом заскрипит под грузом тяжелым телега
С буквой осью, таща вдобавок и медное дышло.
Для молодежи, еще не приученной, надо не только
175 И луговой, и болотной травы приносить, и шершавых

Листьев ветлы, но и злаков с полей. Отелившись, коровы
Впредь наполнять молоком белоснежным не станут подойник,
Новорождённым отдав целиком свое сладкое вымя.

Если ж тебя привлекает война и жизнь строевая,
180 Или ты хочешь скользить колесом по Алфею у Пизы,
Иль колесницы полет стремить у Юпитера в рощах,
Первое дело — чтоб конь приучился к оружию и духу
Воинских схваток, привык и к трубному звуку, и к стону
Тяжеловесных колес, и к бряцанью удила на конюшне.
185 Чтобы все больше потом похвалам воспитателя нежным
Был бы он рад, чтобы тот его хлопал ладонью по шее.
Должен он это постичь, едва от сосцов материнских
Отнят. Пусть морду он сам в недоуздок мягкий просунет, —
Слабый, дрожащий еще, своих еще лет не сознавший.
190 Но как три года пройдет, тогда, по четвертому году,
Пусть он выделять «круг» начинает и сдержанным шагом
Оземь звенеть и одну за другой вымахивать ноги.
Пусть это будет — как труд; пусть ветры на спор вызывает
И, по равнине летя на просторе, не сдержан вожжами,
195 Запечатляет следы на поверхности глади песчаной.
Крепкий так Аквилон налетает от Гиперборейских
Стран и скифские к нам непогоды несет и сухие
Тучи, — нивы тогда волнами идут под дыханьем
Легким его, и шумят высокие леса вершины,
200 И широко в берега прибой ударяет вспененный,
Мчится он, бегом своим и поля и моря подметая.
Так подготовленный конь среди мет на ристаньях элейских,
Взымыленный, будет из губ выпускать кровавую пену,
Выю под иго склонив, боевую возить колесницу.
205 Ежели конь укрошен, позволяй, чтоб от сытого корма
В весе он стал прибавлять. Строптивым нором бывает
Неукрошенных коней. Смиришь его будто, — не хочет
Хлесткой плети терпеть, удилами подчиняться железным.

Способ их мощь укреплять наилучший, однако, — Венеру
210 Вовсе от них отстранять, чтобы их не язвило желанье,
Предпочитает ли кто коров иль коней разведение.
С этой целью быков уведят подальше, пастись их
Там оставляют одних, за горой иль рекою глубокой;

Или, в хлеву заперев, у наполненных держат кормушек,
215 Ибо их силы сосет постепенно, сжигает их видом
Самка и им не дает о лугах вспоминать и о рощах.
Сладки красоты ее, они заставляют нередко
Двух горделивых быков друг с другом рогами сражаться.
В Сильском обширном лесу пасется красивая телка,
220 А в отдаленье меж тем с великой сражаются силой,
Ранят друг друга быки, обливаются черною кровью,
Рог вонзить норовят, бодают друг друга с протяжным
Ревом; гудят им в ответ леса на высоком Олимпе.
В хлеве одном теперь им не быть: побежденный соперник
225 Прочь уходит, живет неведомо где одиноко.
Стонет, свой помня позор, победителя помня удары
Гордого,— и что любовь утратил свою без отмишенья,
И, оглянувшись на хлев, родное селенье покинул.
С тщаньем сугубым теперь упражняет он силы, меж твердых
230 Скал всю ночь он лежит, простерт на непостланном ложе,
Только колючей листвою питаюсь да острой осокой.
Он испытует себя и гневу рога свои учит.
Он на стволы нападает дубов, ударяется в ветер
Лбом и взрывает песок, и взвывает, к битве готовясь.
235 После же, восстановив свою мощь, вновь силы набравшись,
Двигает рать, на врага, уже все позабывшего, мчится,—
Словно волна: далеко забелеется в море открытом,
И, удлинясь, свой пенит хребет, и потом, закружившись,
Страшно гремит между скал, и, бросившись, рушится шумно,
240 Величиною с утес; и даже глубинные воды
В крутях кипят, и со дна песок подымается черный.

Так-то всяческий род на земле, и люди, и звери,
И обитатели вод, и скотина, и пестрые птицы
В буйство впадают и в жар: вся тварь одинаково любит.
245 Львица, о львятах забыв, не станет иною порою
В бешенстве лютом бродить по равнине; медведь косолапый
Так не звереет в лесу и бед не творит без разбору,
Сколько тогда; грозны кабаны, и тигры опасны.
Горе! Плохо тогда заблудиться в пустыне Ливийской!
250 Разве ты не видал, как дрожат, напрягая все тело,
Кони, едва лишь до них донесется знакомый им запах?

Нет, тогда ни вожжам человека, ни плети жестокой,
Ни пропастьм, ни скалам, ни встречным не удержать их
Рекам, крутящим в волнах камня горных обвалов.
255 Так же свирепствует вепрь сабинский, точит он бивни,
Оземь копытцами бьет и боком о дерево трется,
С той и с другой стороны приучает плечи к увечьям.
А человек молодой, у которого в жилах струится
Пламя жестокой любви? В час поздний, в темень ночную,
260 В самую бурю плывет возмущенной пучиной. Грохочет
Неба огромная дверь. Гудят, разбиваясь о скалы,
Воды, и тщетно его родители бедные кличут
И злополучно вослед погибнуть готовая дева.
А не покорны ль любви пестрошерстые Ваховы рыси?
265 Волки свирепые? Псы? Даже смиренные правом олени
Битвы ведут. Но неистовой всех ярятся кобылы.
Пыл тот сама в них Венера влила, когда челюстями
Тех потнийских квадриг было сжевано Главково тело.
Властно их гонит любовь за Гаргар и за Асканий
270 Гулкий; взбегают они вскачь на гору, переплывают
Реки, едва лишь огонь разогреет их жадные недра,—
Больше весной, ибо жар о весне возвращается в кости.
Грудью встречают Зефир и стоят на утесах высоких,
Ветром летучим полны,— и часто вовсе без мужа
275 Плод зарождается в них от ветра — вымолвить дивно!
Тут по утесам они, по скалам, по глубоким долинам
Порознь бегут — пет, Эвр, не к тебе, не в пределы Востока,
Мчатся туда, где Кавр и Борей, где темнейший родится
Австр, где он небеса омрачает стужей дождливой.
280 Тут-то тягучий течет, называемый меж пастухами
Верным названьем его, «гишоман», из кобыльей утробы,—
Мачехи злые тот сок исконок веков собирали,
Всяческих трав добавляли к нему и слов не безвредных.

Так,— но бежит между тем, бежит невозвратное время,
285 Я же во власти любви по частностям всяким блуждаю.
Полно — о крупном скоте; еще остается забота —
Про руноносных овец рассказать и коз длинношерстных.
Вот пад чем, селянин, потрудись и жди себе чести!
Не сомневаюсь я в том, как трудно все это словами
290 Преодолеть и почтенность придать невысоким предметам.

Но увлекает меня к высотам пустынным Парнаса
Некая нежная страсть. Мне любо на этих нагорьях,
Там, где ничья колея не вилась до криницы Кастальской.
Чтимая Пáлес! Начнем петь ныне голосом полным.

- 295 Прежде всего, мой совет, чтобы в теплом хлеву насыщались
Овцы травую, доколь не вернется весеннее время.
Папоротник я велю и солому стелить, не жалея,
На земляные полы, чтобы стужа зимой не вредила
Нежной скотине, чтоб ей ни чесотки не знать, ни подседов.
- 300 Перехожу к другим. Листвы земляничника надо
Козам давать и поить их свежей водой родниковой.
Оберегай от ветра хлевá, пусть к югу выходят,
Чтобы без солнца не быть и зимой, доколе холодный
Не западет Водолей, оросив окончание года.
- 305 К этим другим отнестись с не меньшей должны мы заботой:
Столько же пользы от коз, хоть овечья милетская стоит
Дорого шерсть, коль она проварена в пурпуре тирском.
Чаще потомство у коз, у них молока изобилье:
Сколько уж струй излило от дойки опавшее вымя,—
- 310 Жми лишь потуже сосцы, и пуше запенятся струи!
Бороды, кроме того, стригут не без пользы седые
У кинифийских козлов и шерсть шелковистую козью,—
Для лагерей — на шатры, на плащи для рабов корабельных.
Козы пасутся в лесах, на высоких вершинах Ликей,
- 315 Между колючих кустов и зарослей, любящих кручи.
Сами приходят домой — не собьются — и младших приводят.
Столько несут молока, что насили порог переступят.
Тщательно предохраняй их от зимних вéтров и стужи;
Прочих забот от тебя почти не потребуют козы —
- 320 Весело им подноси их сытное пойло, а также
Ветви с листвою и не думай зимой запирать сеновалы.
Но лишь, явясь на призыв Зефиров, обильное лето
Коз и овец погонит пастись на луга и в ущелья,
Вместе с Денницею тогда выходи на простор и прохладу,
- 325 Утром пораньше, когда еще белы бывают лужайки
И на траве молодой — роса, любимая стадом.
После, в четвертом часу, когда уже зной накалится
И оглашают кусты однозвучным звоном цикады,

330 Стадо к колодцу ведем иль к пруду глубокому — воду
Пить, которая к ним по долбленому желобу льется.
В самый же зной разгар поищи потенистей долину,
Там, где с мощным стволом Юпитеров дуб на просторе
Ветви раскинул свои, где, черной темнея листвою,
335 Падубов роща густых священную тень простирает.
Чистой их снова водой напои и паси их, лишь только
Солнце зайдет, и опять прохладный Вesper умерит
Зной, и снова Луна оживит росую ущелья,
Чайками вновь берега огласятся, щеглами — дубравы.

Упомяну ли еще пастухов ливийских сухие
340 Пастбища, хижин их, где живут друг от друга далёко?
Часто весь день, и всю ночь, и целые месяцы кряду
Стадо пасется, бродя по широкой пустыне без крова
Вовсе, — там и краев не видать у равнины! С собою
345 Всё африканский пастух волочит: жилище, и лара,
И амиклейского пса, и оружие, и критский колчан свой, —
Бдительный римлянин так в привычном вооруженье
С грузом увесистым в путь отправляется, чтобы нежданно
Перед врагом оказаться в строю, раскинув свой лагерь.
Иначе — там, где скифы живут, близ вод Меотийских,
350 Там, где желтый песок, взбаламученный, крутится в Истре,
Там, где Родопы загиб под самый полюс протянут.
Там в хлевах, взаперти, подолгу содержат скотину;
Нет там в поле травы и нет листвы на деревьях,
Но, безотраднa, лежит подо льдом глубоким, в сугробах
355 Снежных земля, и они в семь локтей высоты достигают.
Там постоянно зима, постоянно холодом дышат
Кавры. Смурую мглу там солнце рассеять не в силах,
Мчится ль оно на конях наивысшего неба достигнуть
Иль колесницу купать в румяных волнах Океана.
360 Вдруг на бегущей воде застывают нежданные корки,
И уж река на хребте железные держит ободья, —
Прежде приют кораблей, теперь же — разлзатых повозок.
Трещины медь там нередко дает; каленеют одежды
Прямо на теле; вино не течет, топором его рубят.
365 Целые заводи вдруг обращаются в крепкую льдину,
И, в бороде затвердев непрочесанной, виснут сосульки.

Снег меж тем все идет и воздух собой заполняет;
И погибают стада; стоят неподвижно, морозом
Скованы, туши быков, под невиданным грузом олени
370 Стынут, сбившись толпой,— рогов лишь видны верхушки.
Не посылая собак, не трудясь расставлять и тенета,
Их, уstraшенных уже, пробивающих снежную гору
Тщетно грудью своей, не пугая их красной метелкой,
Копьями бьют, подойдя к ним вплотную, и громко ревуших
375 Так добивают; потом уносят с радостным гиком.
Сами ж в землянках своих спокойно досуги проводят
Там, в глубине; натааскают полен дубовых и цельных
Вязов к своим очагам и жгут их в пламени дымном.
В играх зимнюю ночь проводят, вину подражая
380 Брагою или питьем из перебродившей рябины.
Так и живут дикари под Медведицей гиперборейской
Злобные. Тяжко терпеть им удары рифейского Эвра —
И прикрывают тела звериною рыжею шкурой.

Если заботишься ты о руне, то колючего леса
385 Надо тебе избегать и волчца, и репья, но и злчных
Пастбищ. Овец выбирай тонкорунных, с белою шерстью.
Пусть у тебя заведется баран белоснежный,— но если
Черный язык у него и влажное нёбо, такого
Брось: чтобы темными он не испортил пятнами шерсти
390 Новорожденных ягнят, и высмотри в стаде другого.
Редкостным белым руном—коль тому позволительно верить,—
Пан, Аркадии бог, обольстил тебя, Феба, обманно,
В лес густой заманив,— и просящего ты не отвергла!

Хочет ли кто молока, пусть дрок и трилистник почаще
395 Сам в кормушку несет, а также травы присоленной:
Будет милей им вода, и туже натянется вымя,
Сóли же вкус в молоке останется еле заметный.
Многие вовсе ягнят, от вымени отнятых, к маткам
Не допускают, надев им на рыльца намордник железный.
400 То молоко, что они на заре или днем надоили,
Ночью твoroжат, а то, что пóтемну иль на закате
Выдоят, в город пастух уносит в плетеных корзинах,
Или, слегка присолив, запасают на зимнее время.

Но и собак не оставь заботой, выкармливай разом
405 Резвых спартанских щенят и молоссов, нравом горячих,
Жирною сывороткой. При таких сторожах опасаться
Нечего будет хлевам ни волков, ни воров полуночных,
С тыла на них нападать не будет ибер несмирённый.
410 Псами придется не раз преследовать робких онагров,
Зайцев псами травить, на коз охотиться диких,
Громким лаем вспугнув кабанов, из логов лесистых
Их выгонять; на горах с собаками будешь нередко
Криком своим заводить матерого в сети оленя.

Также учись и хлева ароматным окуривать кедром,
415 Духом гальбана умей отвратную выгнать хелидру.
Чисть кормушки,— не то завестись в них может гадюка;
Трогать опасно ее. От света бежит она в страхе.
Или привыкшая жить в норе, под укрытьем, медянка,—
420 Худшая стада напасть! — чей яд молоко отравляет,
Там приживется — хватай, пастух, тут камни и палки!
Вставшую грозно беду, надувшую шею со свистом,
Смело рази! Побежит она, голову робкую пряча,—
Тела изгибы меж тем и хвост постепенно слабеют,
425 И уж последний извив по земле еле-еле влачится.
Водится злая змея еще в Калабрийских ущельях,—
Вся в чешуе, извивается, грудь поднимая высоко,
Длинное брюхо ее усевают крупные пятна.
В пору, когда из глубин вырываются бурно потоки,
Смочена влажной весной и дождливыми Австрами почва,
430 Эта гнездится в земле у стоячей воды, утоляя
Гнусную жадность свою болтливою лягвой и рыбой.
Но, лишь начнет подсыхать, лишь треснет земля на припеке,
В место сухое ползет и, вращая глаза огневые,
Жаждой томясь, вне себя от жары, свирепствует в поле.
435 Да не потянет меня заснуть безмятежно под небом
Иль где-нибудь на траве полежать среди роши нагорной
В дни, когда, кожу сменив, обновленная, юностью блещет,
Вьется, дома своих оставив малюток иль яйца,
К солнцу поднявшись, а рот языком растроённым мигает.

440 И о болезнях скажу, о признаках их и причинах.
Овцы чесоткою злой болеют, козь ливень холодный

Тело прохватит у них иль ужасною зимней порою
Лютый мороз; а еще: коль у стриженных пот остается
С них не омытый; иль куст ободрал им кожу колючий.
445 Ради того пастухи в реках купают отары
Пресных; при этом вожак погружается в кипень и с шерстью
Мокрою вдоль по реке несется по воле теченья.
Или же горьким тела масличным мажут отстоем,
С ним метаргий смешав и добавив естественной серы,
450 Также идейской смолы и для мази пригодного воска,
Лука морского еще, чемерицы пахучей и дегтя.
Лучше, однако же, нет против этого бедствия средства,
Нежели, если ножом кто сможет разрезать верхушку
Самых нарывов: живет и питает себя потаенно
455 Зло, между тем как пастух врачующих рук не желает
К язвам сам приложить и сидит, на богов уповая!
Боле того, коль недуг до костей проникает овечьих,
В теле свирепствует жар и болящие гложет суставы,
Надо его устранить: рассечь овце из-под низу
460 Вену меж ног, чтобы кровь могла свободная хлынуть,—
Так поступает бизальт и быстрые также гелоны,
В бегстве к Родопе несясь, в пустыни ли гетские,— эти
Кислое пьют молоко, смешав его с конскою кровью.
Если увидишь овцу, которая чаще отходит,
465 Тени ища, иль траву луговую ленивее шиплет,
Сзади последних идет и на пастбище прямо средь поля
Падает или одна удаляется поздною ночью,
Тотчас беду пресеки железом, пока не проникла
Злая зараза во все тобой небреженное стадо.
470 Бури, предвестницы зим, не чаще бросаются с моря,
Чем на хлева нападает болезнь, и не одиночек
Губит коварный недуг, но стадо целое сразу,
Все упованье его, все племя, старых и малых.
Может об этом узнать, кто сейчас поднебесные Альпы,
475 Норика замки в горах и Тимава Иáпида нивы,
Годы спустя, посетит — опустевшие царства пастушьи,
Весь безграничный простор с тех пор заброшенных пастбищ.

Там когда-то беда приключилась от порчи воздушной,
Людам на горе жара запылала осенняя люто,

480 Смерти весь род предала животных домашних и диких,
И отравила пруды, и заразой луга напитала.
Смертный исход различен бывал: огневица сначала
Жилы сушила, потом несчастным корчила члены;
После жидкость текла изобильно, в себя вовлекая
485 Кости все до одной, постепенно язвимые хворью.
Часто при службе богам к алтарю подведенная жертва
Под увенчавшей ее белоснежной повязкой с тесьмами
Между прервавших обряд служителей падала мертвой.
Если же нож успевал прикончить жертву, бывало,
490 Потрох кладут на алтарь, но огонь разгореться не может,
И на вопросы уже предсказатель не в силах ответить.
Если подставить клинок, еле-еле окрасится кровью,
Бледная жижа из жил поверхность песка окропляет.
Там умирают толпой телята меж трав благодатных
495 Или же с юной душой расстаются у полных кормушек.
Бесятся кроткие псы, заболевших свиней сотрясает
Кашель, дышать не дает и душит опухшие глотки.
Падает бедный, забыв и труды, и траву луговую,
Конь, любящий победы, избегая ручьев, то и дело
500 Оземь копытами бьет; не горяч и не холоден, каплет
Пот с поникших ушей,— ледяной перед самою смертью.
Шкура, суха и жестка, противится прикосновенью,—
Перед кончиной сперва появляются признаки эти;
Но коль постигший недуг становится все тяжелее,
505 Жаром пылают глаза, в груди глубоко дыханье
Выхода ищет и стон прерывистый слышен, икота
Долгая мучит бока, из ноздрей же черная льется
Кровь и шершавый язык стесняет забухшее горло.
Ползу приносит тогда введенье при помощи рога
510 Соков Ленея: одно их лишь это от смерти спасало.
Вскоре для них и вино обратилось в погибель,— воспрянув,
Стали беситься они и в муках смертельных — о боги!
Благо пошлите благим, врагам лишь — такое безумье! —
Рвали зубами в клоки, неистово тело терзали.
515 Вот, однако, и вол в парú от тяжелого плуга
Валится, кровь изо рта изрыгает с пеною вместе,
Вот он последний стон издает — и печалится пахарь;
Он отпрягает вола, огорченного смертью собрата,
И, не окончив труда, свой плуг в борозде оставляет.

520 Гибнет вол, — и ни тени дубрав, ни мягким лужайкам
Не оживить в нем души, ни речке, которая льется
По полю между камней, электра чище; впадают
Снизу бока, в глазах неподвижных смертная тупость,
Весом своим тяготясь, склоняется доземи шея.

525 Польза какая ему от трудов и заслуг, — что ворочал
Тяжкую землю? Меж тем ни дары массийские Вакха
Не навредили ему, ни пиры с двойной переменной, —
Только листва да трава пасущихся были питаньем,
Ясные были питьем родники и с течением быстрым

530 Реки; здоровый их сон не бывал прерываем заботой!
В те же лихие года, — говорят, — по местностям этим
Тщетно искали быков для Юнониных священнодействий,
И колесницу везли к алтарю два буйвола разных.
Землю мотыгой рыхлить уже не под силу — ногтями

535 В почву врывають зерно; по крутым нагорным дорогам
Люди, шеи пригнув, скрипящие тащат повозки!
Волк не блуждает уже у овчарен и козней не строит,
Он уж не бродит вокруг стад по ночам: жесточе забота
Волка гнетет. Горячий олень и робкая серна

540 Ходят промежду собак у самых жилищ человека.
Всех обитателей вод, плавучих всякой породы
Вдоль по морским берегам, как останки кораблекрушенья,
Моет прибой; к непривычным рекам спешають тюлени;
Дохнет ехидна — не впрок ей извивы подземных укрытий, —

545 И с чешуей торчащей змея водяная; пернатым
Стал даже воздух и тот неблагоприятен: свергаясь,
С жизнью своей расстаются они в подоблачной выси.
Мало того — бесполезна была и пастбищ замена.
Стало искусство во вред; и врачи уступили болезни —

550 Амифаонов Меламп и Хирон, рожденный Филирой.
Бросив стигийскую тьму, свирепствует вновь Тисифона
Бледная, перед собой Боязнь гоня и Болезни,
И, выпрямляясь, главу что ни день, то выше подьемлет!
Блеяньем вечным овец, коров постоянным мычаньем

555 Оглашены берега и холмы, сожженные зноем.
Целые толпы зверья предаёт она смерти и в самых
Стойлах груды валит гниющих в гнусном распаде
Туш, пока их землей не засыплот и в яму не спрячут.

560 Даже и кожу нельзя было в дело пустить, даже потрох
Чистой водою промыть или их на огне обезвредить.
Также нельзя было стричь изъеденной грязью и хворью
Шерсти, даже нельзя прикасаться к испорченной вóльне.
Если же кто надевал вредоносную шкуру, по телу
565 Тотчас шли пупыри воспаленные, и по зловонным
Членам стекал омерзительный пот,— дожидались недолго,
Вскоре болящая плоть в священном огне отгорала.

Книга четвертая

Ныне о даре богов, о меде небесном я буду
Повествовать. Кинь взор, Меценат, и на эту работу!
На удивленье тебе расскажу о предметах ничтожных,
Доблестных буду вождей воспевать и всего, по порядку,
5 Рода нравы, и труд, и его племена, и сраженья.
Малое дело, но честь не мала,— если будет угодно
То благосклонным богам и не тщетна мольба Аполлону!

Прежде всего, выбирай хорошо защищенное место
Для обитания пчел (известно, что ветер мешает
10 Взятку домой доносить), где ни овцы, ни козы-бодуны
Соком цветов не сомнут и корова, бредущая полем,
Утром росы не стряхнет и поднявшихся трав не притопчет.
Пестрых ящериц пусть со спинкой пятнистой не будет
Возле пчелиных хором, и птиц никаких: ни синицы,
15 Ни окровавившей грудь руками преступными Прокны.
Опустошают они всю округу, нередко хватают
Пчел на лету,— для птенцов безжалостных сладкую пищу,
Чистые пусть родники и пруды с зеленеющей ряской
Будут близ ульев, ручей в мураве пусть льется тихонько.
20 Тальмою вход осени иль развесистой дикой маслиной.
Только лишь ранней весной у новых царей зароятся

Пчелы, едва молодежь, из келий умчась, заиграет,—
Пусть от жары отдохнуть пригласит их берег соседний,
И в благодатную тень ближайшее дерево примет.
25 Посередине — течет ли вода иль стоит неподвижно —
Верб наложи поперек, накидай покрупнее камней.
Чтобы почаще могли задержаться и крылья расправить
Пчелы и их просушить на солнце, когда запоздавших
Эвр, налетев, разметет иль кинет в Нептунову влагу.
30 Пусть окружает их дом зеленая касия, запах
Распространяет тимьян, духовитого чобра побольше
Пусть расцветает, и пьют родниковую влагу фиалки.
Улья же самые строй из древесной коры иль из гибких,
Туго плетенных лозин; а в каждом улье проделай
35 Узенький вход, потому что зимою морозы сгущают
Мед, а от летней жары чересчур он становится жидок.
То и другое для пчел одинаково страшно. Недаром
Каждую щелку они залепляют старательно воском
В доме своем, и соком цветов, и узой заполняют,
40 Собранной с почек весной и с тою же целью хранимой,—
Крепче она и смолы, добытой на Иде Фригийской.
Часто — коль верить молве — в прорытых ходах, под землею
Ставили пчелы свой лар, иль их находили глубоко
Спрятанных в пемзе, а то и под сводами дупел, в деревьях.
45 Сам, заботясь о них, в жилищах пчелиных все щели
Жидкой замазкой промажь да присыпь понемножку листвою.
Не допускай, чтобы тис рос около пасеки, раков
Рядом нельзя опалать докрасна; болот опасайся;
Мест, гда запах дурной от всяких отбросов; где скалы
50 Полые гулки и звук голосов отражается эхом.

Стало быть, зиму едва золотое под землю загонит
Солнце и вновь небеса приоткроет сиянием летним,
Тотчас пчелы начнут облетать луговины и рощи,—
Жатву с ярких цветов собирают; касаясь легонько
55 Гладкой поверхности рек, летают, счастливые чем-то,
Род свой и гнезда блюдут; потом воздвигают искусно
Новые соты и их наливают медом тягучим.
Если ж покинувший дом, к высокому небу плывущий
Через безоблачный зной ты рой пчелиный заметишь,—
60 Черной туче дивясь, увлекаемой ветром, за нею

Понаблюдай! полетят непременно к зеленым жилищам,
К пресной воде. Им в этих местах ароматов любимых —
Тертой мяты насыпь и обычной травки-вешанки.
Чем-нибудь громко звони, потрясай и Матери бубен,
65 Сами усядутся все на хоромы душистые, сами —
Это в привычке у них — в глубокие скроются люльки.

Если же выйдут они, задвигавшись вдруг, на сраженье, —
Ибо нередко вражда меж двумя возникает царями, —
То настроенье толпы, воинственный пыл ополчения
70 Можешь заране признать. Возбуждает еще отстающих
Громко звенящая медь, меж тем как подобное звуку
Труб, возглашающих бой, раздастся из улья жужжанье.
Вот торопливо сошлись друг с другом, трепещут крылами,
Хоботом жало острят и конечности приспособляют.
75 Вот, окружая царя и ставку военную, сбившись
В кучу густую, врага вызывающим криком торопят.
Так при первом тепле, едва лишь поля обнажатся,
Мчатся вон из дверей и сходятся; в небе высоко —
Шум; смешавшись, они в огромный ком громоздятся
80 И упадают стремглав, — град сыплется с неба не гуще,
Желуди реже дождем с сотрясенного падают дуба!
Сами же оба царя, в строю, крылами сверкая,
В маленьком сердце своем великую душу являют,
Не уступать порешив, пока победитель упорный
85 В бегстве тыл обратить не принудит тех или этих.
Но их воинственный пыл и любое такое сраженье
Пыли ничтожный бросок подавляет, и снова все тихо.
Только, когда призовешь обоих вождей ты из боя,
Тотчас того, кто слабей, чтоб вреда не принеся тунеядец,
90 Смерти предай: в свободном дворце пусть царствует лучший.
Сразу признаешь: один, крапленный золотом, блещет —
Двух они разных пород, — отличен от всех красотой,
Крыльев чешуйки блестят; другой, обленившийся, гадок
И тяжело волочит, бесславный, огромное брюхо.
95 Вид каков у царей, такова и у подданных внешность.
Те безобразны собой, косматы, как путник, томимый
Жаждой, плюющий землей, едва лишь с дороги пришедший,
Весь пропыленный. А те сверкают, искрятся блеском,
Золотом ярким горят, и тельце их в крапинках ровных.

100 Лучшие те племена. От них, как время наступит,
Сладкий выжмешь ты мед, и не только сладкий, —
Медом смягчают таким вкус терпкий вина молодого.

Если летают рои, предаваясь без толку играм,
Соты свои позабыв, покои прохладные бросив,
105 Их неустойчивый дух отвори от забав бесполезных.
Сделать же это легко: у царей ты крылышки вырви.
Стоит лишь их задержать, и пчела ни одна не решится
Вверх куда-то взлететь или из лагеря вылазку сделать.
Запахом желтых цветов пусть их сады приглашают,
110 Пусть устрашая воров и пернатых серпом деревянным,
Геллеспонтийский Приан бережет их своим попеченьем.
С горных высот принеся чабреца и сосенок юных,
Пусть их возле жилищ насаждает хозяин радивый;
Сам пусть руки натрет тяжелой работою; сам пусть
115 В землю воткнет черенки и польет их дождем благосклонным.

О, несомненно, не будь при самом конце я работы,
Не отдавай парусов, не спеши уже к пристани править,
Я, вероятно б, воспел, каким прилежащем украсить
Пышные можно сады и розарии Пестума, дважды
120 В год цветущие, как вынимаемым струям цикорий
Рад и петрушка вблизи ручейков; о том рассказал бы,
Как, извиваясь в траве, разрастается в целое брюхо
Тыква, про гибкий акаф, про нарцисс, до морозов зеленый,
Или бледнеющий плющ, или мирт, с побережьями дружный.
125 Припоминается мне: у высоких твердынь эбалийских,
Там, где черный Галез омывает поля золотые,
Я корикийского знал старика, владевшего самым
Скромным участком земли заброшенной, неподходящей
Для пахоты, непригодной для стад, неудобной для Вакха.
130 Малость все ж овощей меж кустов разводил он, сажая
Белые лилии в круг с вербеной, с маком съедобным, —
И помышлял, что богат, как цари! Он вечером поздно
Стол, возвратясь, нагружал своею, некупиленной снедью.
Первым он розу срывал весною, а осенью фрукты.
135 А как лихая зима ломать начинала морозом
Камни и коркою льда потоков обуздывать струи,
Он уж в то время срезал гиацинта нежного кудри

И лишь ворчал, что лето нейдет, что медлят Зефиры.
Ранее всех у него приносили приплод и роились
140 Пчелы; первым из сот успевал он пенистый выжать
Мед; там и липы росли у него, и тенистые сосны.
Сколько при цвете весной бывало на дереве пышном
Завязей, столько плодов у него созревало под осень.
Из лесу даже носил и рассаживал взрослые вязы,
145 Крепкую грушу и терн, подросший уже, не без ягод;
Также платан, чья уж тень осеняла сошедшихся выпить.
Многое знаю еще, но, увы, ограничен объемом,
Об остальном умолчу и другим рассказать предоставлю.

Ну же, вперед! Изложу, какие свойства Юпитер
150 Пчелам сам даровал в награду за то, что за звонким
Шумом куретов, за их громкозвучной последовав медью,
Неба владыку они воскормили в пещере Диктейской.
Общих имеют детей лишь они, и дома-общезитъя
В городе; жизнь их идет в подчинении строгим законам.
155 Родину знают они и своих постоянных пенатов.
Помня о близкой зиме, работают пчелы усердно
Летом, в общей казне храня, что трудом соборали.
О пропитанье одни заботятся и, по согласью,
Делают дело в полях, другие внутренность дома
160 Мажут нарцисса слезой и клейкой древесной смолою,
Этим для сот основанья кладут, чтоб после привесить
Крепко держащийся воск; иные молоденьких учат,
Улья надежду; меж тем иные сгущают прозрачный
Мед и кельи свои наполняют нѣктаром жидким.
165 Есть и такие меж них, чей удел быть стражем у двери:
В очередь эти следят за дождем и за тучами в небе;
От прилетающих груз принимают; иль, войском построясь,
Трутней от ульев своих отгоняют,— ленивое стадо.
Дело кипит, чабрецом отзывается мед благовонный.
170 Так и циклопы: одни куют из податливой глыбы
Молнии, воздух меж тем другие вбирают мехами
И выдувают опять; иные же звонкую в воду
Медь погружают, и вся гудит наковальнями Этна.
Мощным движеньем они поднимают в очередь руки,
175 Переворачивают с бока на бок железо щипцами.
Так и кекроповых пчел,— коль великое сравнивать с малым,—

Всех обрекает на труд прирожденная страсть к накопленью,
Разных по-разному: тем, кто постарше, забота об улье,
Об укреплении сот, о строенье дедаловых зданий.
180 Те, что моложе, устав от трудов, уже позднею ночью
Чобр на лапках несут; берут с земляничника тоже,
С голубоватой ветлы, с лаванды и сальвии красной,
С липы богатой берут, с гиацинтов железного цвета.
Отдых от дел одинаков у всех, и труд одинаков.
185 Утром из двери валят, и нет запоздавших; а после,
В час, когда Веспер велит наконец с полей удалиться,
Сбор прекратив, прилетают домой и холятся в ульях.
Шум раздается, жужжат по краям и порогам жилища.
После ж, по спальням когда расположатся, все замолкает
190 На ночь, и нужный им сон объемлет усталые члены.
Если же дождик навис, они от жилища далеко
Не отлетают; коль Эвр грозит, не верят погоде,
Рядом, у стен городских, осторожные, по воду ходят,
Лишь на короткий полет решаясь; и камешки часто
195 (Так при волне неустойчивый челн песком нагружают)
В лапках несут и, качаясь, летят средь бездны пустынной.
Ты удивисься, как жизнь подобная по сердцу пчелам!
Плотский чужд им союз: не истощают любовью
Тел своих, не рожают детей в усилиях тяжких.
200 Новорождённых они со сладких злаков и листьев
Ртом берут, назначают царя и малюток-квиритов,
Строят сызнова двор и все царство свое восковое.
Часто стирали они, по жесткому ползая щебню,
Крылья,— и душу свою отдавали охотно под ношей.
205 Вот что за тяга к цветам, что за честь собиранье меда!
Так, хоть у них у самих ограниченный возраст и вскоре
Их обрывается жизнь (до седьмого не выжить им лета),
Все ж остается их род бессмертным, и многие годы
Дом Фортуна хранит, и предки числятся предков.
210 Так царя своего ни в Египте не чтут, ни в обширной
Лидии, ни у парфян, ни на дальнем Гидаспе мидийском.
Ежели царь невредим, живут все в добром согласье,
Но лишь утратят его, договор нарушается, сами
Грабят накопленный мед и сотов рушат вошину.
215 Он — охранитель их дел; ему все дивятся и с шумом
Густо теснятся вокруг; сопутствуют целой толпою,

Носят нередко его на плечах, защищают в сраженье
Телом своим и от ран прекрасную смерть обретают.

Видя такие черты, наблюдая такие примеры,
220 Многие думали: есть божественной сущности доля
В пчелах, дыханье небес, потому что бог наполняет
Земли все, и моря, и эфирную высь,— от него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Все, что рождается, берет тончайшие жизни частицы
225 И, разложившись, опять к своему возвращает истоку.
Смерти, стало быть, нет — взлетают вечно живые
К сонму сияющих звезд и в горнем небе селятся.

Если же тесный их дом с кладовыми, полными меда,
Ты пожелаешь открыть, воды набери для начала
230 В рот, а перед собой носи, от пчел ограждаясь,
236 Дым; свыше меры их гнев; оскорбленные, яд свой внедряют
Через укусы, внутри оставляя незримые жала,
238 Впившись в жилы, и так, врага уязвив, издыхают.
231 Дважды готовый припас вынимай: по первому разу,
Только прекрасный свой лик покажет Тайгета Плеяда
Дольней земле, океан стопой попирая с презреньем,
И по второму, когда, убегая от Рыб водянистых,
235 Грустная, с неба, сойдя, погружается в зимние воды.
239 Если ж суровой зимы ты боишься, заранее тревожась,
240 Если подавленных душ тебе жаль и хором разоренных,
Чобром окуривать их и воск удалять непригодный
Не сомневайся,— затем, что нередко соты съедает
Ящерица: таракан, от света бегущий, гнездится
В них и на корме чужом сидящий шмель нерабочий;
245 Или же шершень лихой заберется, вояка отменный;
Шашалы,— мерзостный род,— иль еще, неавистный Минерве,
Редкие сети свои паук в сенях поразвесит.
Чем их сильнее разорят, тем с большим рвением будут
Наново восстанавливать развалины падшего рода,
250 Мед копить и слеплять цветочным житницы соком.

Если же (ибо дала злоключенья людские и пчелам
Жизнь) их тело начнет от прискорбной чахнуть болезни,
Тотчас об этом узнать по явственным признакам можешь:

255 Сразу не тот уж цвет у больных; худобою ужасной
Обезображен их вид; тела постигнутых смертью
Вон из жилища несут, в процессии шествуют скорбной.
Часто они у дверей, сцепившись лапками, виснут
Или без дела сидят в своих сокровенных покоех,
260 Голодом измождены, неподвижны, скованы стужей.
Громче гуденье тогда раздается, жужжат непрестанно,—
Так порой зашумит холодный Австр по деревьям,
Так, отливая от скал, беспокойное море рокочет
Иль за заслонкой в печи огонь, разгоревшись, бушует.
Прежде всего мой совет: окурять благовонным гальбаном,
265 Мед по тростинкам в дома проводить — поощрять изнемогших
И со своей стороны, маня их к пище знакомой.
В мед хорошо примешать и тертых чернильных орехов,
Розовых листьев сухих, вина, сгущенного варкой,
270 Также с пифийской лозы на солнце вяленных гроздьев,
Золототысячника с его запахом крепким и чобра.
Есть вдобавок в лугах цветов — ему земледельцы
Дали название «амелл»; растение приметить нетрудно:
Целую рощу оно от единого корня пускает.
275 Сам цветок — золотой, лепестков на венчике много,
И отливают они лиловатостью темной фиалки.
Часто этим цветком богов алтари украшают.
Вкусом он терпок. Его по долинам, после покоса,
Рвут пастухи иль еще по теченью извилистой Меллы.
В благоуханном вине ты вывари корни растенья
280 И у отверстий входных в наполненных выставь корзинах.

Если же кто-нибудь вдруг весь род целиком потеряет,
Пчел взять негде ему и новое вывести племя,
Я для него изложу пастуха-аркадийца открытье
Славное,— как из убитых тельцов, из испорченной крови
285 Пчелы при нем родились. Итак, я это преданье
Перескажу, повторив от начала его, по порядку.
Там, где счастливый народ живет, в Канопе Пеллейском,
Около Нила, что степь затопляет в пору разлива,
290 Там, где селяне к полям подъезжают в расписанных лодках,
Где постоянно грозит стрелоносного парфа соседство,
Там, где, черным песком удобряя зеленый Египет,
На семь делясь рукавов, медлительно катится к морю

Мощная эта река, у индов смуглых начавшись,—
Способ тот принят везде, и всегда он принесит удачу.
295 Малое прежде всего, как раз подходящее к делу
Место находят; его ограничивают черепицей
Низенькой кровли, теснят стенами, в которых четыре
К солнцу наклонных окна, на четыре стороны света.
После теленка берут, чей уж выгнулся двухгодовалый
300 Рог. Противится он что есть сил, но ему затыкают
Ноздри, чтоб он не дышал. Под ударами он издыхает.
Кожа цела, но внутри загнивают отбитые части.
Труп оставляют, дверь заперев; под бока подстилают
Всяких зеленых ветвей, и чобра, и свежей лаванды.
305 Делают это, едва лишь Зефир задвигает волны,
Прежде, чем луг молодой запестреет цветами, и прежде,
Нежели к балке гнездо говорунья подвесит касатка.
В жидком составе костей размягченных тем временем крепнет
Жар, и вдруг существа,— их видеть одно удивленье! —
310 Лап сперва лишены, но уж крыльями шум издавая,
Кучей кишат, что ни миг, то воздуха больше вбирают
И, наконец, словно дождь, из летней пролившийся тучи,
Вон вылетают иль как с тетивы натянутой стрёлы
В час, когда на поле бой затевают быстрые парфы.

315 Музы, кто ж из богов открыл нам это искусство?
Где же начало берет это новое знание людское?
Некий пастух Аристей, покинув долину Пеней,
Пчел — говорят — потерял от болезни и голода. Стал он
Возле реки, у ее священных истоков, и, горько
320 Жалуясь, к матери так обратился: «О мать, о Кирена!
Над глубиною царишь ты омутов этих,— открой мне,
Как совершилось, что ты, от светлой крови бессмертных
(Если, как ты говоришь, Аполлон Тимбрейский отец мне),
Року немилым меня зачала? Куда же девалась
325 К сыну любовь? Ты зачем уповать мне велела на небо?
Смертной жизни моей всю славу, которой достиг я
Хитрым искусством моим, заботясь о стаде и хлебе,
Все испытал,— хоть ты мне и мать, я ныне теряю.
Что ж! Материнской рукой плодоносные вырви деревья,
330 В стойла враждебный огонь занеси, уничтожь урожай,
Выжги посев, топором на лозы обрушься двуострым,

Если тронута так моей ты славы крушением!»
Мать услыжала меж тем на дне своей спальни глубиной
Голос некий, — вокруг нее нимфы милетскую пряди
335 Пряжу окраски густой стекольно-зеленого цвета.
Дрима была там, Ксанфó, Лигейя была с Филодокой,
Золото влажных волос вдоль шеи спустившие белой;
Там и Низея была, Спíо, Кимодока, Талíя;
Рядом с Ликóбридой там белокурой сидела Кидиппа, —
340 Дева покамест, а та впервые познала Луцину;
Клио с сестрой Бероэ, Океановы дочери обе,
При золотых поясах и в пестрых шкурах звериных;
Опис, Эфира была и азийская Деиопея,
С резвой, свой наконец отложившей колчан Аретузой.
345 Нимфам Климена вела рассказ о том, как напрасно
Меры Вулкан принимал, как Марс исхищрялся влюбленный;
С Хаоса повесть начав, исчисляла богов похождения.
Песнью захвачены той, пока с веретен отвивают
Мягкий урок свой, матери слух поражает вторично
350 Стон Аристея, — и все на своих сиденьях хрустальных
Диву дались; но из них лишь одна Аретуза решила
И, золотой головой поднявшись из вод, закричала
Издали: «О! Не напрасно тебя этот стон встревожил:
Сам, Кирина-сестра, твоей всей жизни забота,
355 Скорбный стоит Аристей над отцом, потоком Пенеем,
Слезы горячие льет и тебя называет жестокой!»
Мать, чье сердце пронзил неожиданный страх, отвечает:
«К нам приведи же его, приведи! — он может касаться
Божьих порогов», — и вот велит расступиться широко
360 Водам, чтоб юноша мог между ними пройти. Наподобье
Согнутых скал поднялись и застыли недвижные волны,
Юноше дали проход и его в глубину проводили.
Матери дому дивясь, любуясь на влажное царство,
Скрытые сводом пещер озёра и гулкие роши,
365 Шел он — и был поражен воды превеликим движеньем:
Все под громадой земли текущие видел он реки
Разных краев; среди них признал он и Фázис, и Ликос,
Видел источник, отколь Энипей вырывается бурно,
Также отец Тиберин; он и Анио видел течение,
370 Средь громахающих скал Гипанис с Каиком Мезийским,
И Эридан, чьи рога золотые над бычьей личиной

Блещут — река ни одна по землям, возделанным пышно,
С мощью такой не течет, устремляясь к пурпурному морю.
После того, как вошел он под свод свисавшего пемзой
375 Терема, только лишь плач услышала Кирена сыновний,
Как уж прозрачной воды ключевой друг за другом подносят
Нимфы, для рук подают полотенца с подстриженной шерстью,
Снедью они загружают столы и полные ставят
Чаши, уже алтари огнем панхейским дымятся.
380 Мать сказала: «Возьми вина меотийского кубок
И возлиянье сверши Океану!» Потом помолилась
И Океану — отцу всех вещей, и нимфам-сестрицам,
Столько хранящим лесов и столько потоков хранящим,
Трижды в жаркий огонь прозрачный вылила нѣктар,
385 Трижды пламя взвилось, полаяя, под самые своды.
Знаменьем этим свой дух укрепив, приступила Кирена:

«В бездне морской у Карпафа живет тайновидец Нептунов,
Это — лазурный Протей; на двуногих конях, в колеснице,
Или на рыбах несясь, просторы он меряет моря.
390 Ныне он прибыл опять в Гематийские гавани, снова
В отчей Паллене живет. Мы, нимфы, его почитаем,
Даже сам старец Нерей: известно все тайновидцу —
Все, что было и есть и что в грядущем случится.
Благоволит к нему и Нептун, чей в море безбрежном
395 Скот он пасет без числа и отвратных с виду тюленей.
Путами, сын мой, сперва его оплети, чтоб недуга
Вещий причину раскрыл и благому помог бы исходу.
А без насилья не даст никаких наставлений; мольбою
Ты не приклонишь его, — применяй же силу и узы
400 К пленнику, — будут тогда бесполезны его ухищренья.
Я же сама, лишь зажжет свой зной полуденный солнце,
В час, когда жаждет трава и стада́ взыскают прохлады,
В тайный приют старика тебя приведу, где усталый,
Выйдя из волн, он лежит, — чтоб легко ты схватил его спящим.
405 Будешь его ты держать руками и путами, он же
Станет выскальзывать, вид принимая различных животных,
Будет шипеть, как огонь, пронзительно и вырывать
Станет щетинистым вдруг кабаном иль тигром свирепым,
Львицею с желтым хребтом, чешуйчатый станет драконом;
410 Всячески будет из пут уходить, в струе растворившись.

Но чем он пуше начнет к своим прибегать превращениям,
Тем ты крепче, мой сын, на пленнике стягивай пути
Вплоть до того, как опять он примет первоначальный
Вид,— как предстал он тебе, закрывающим сонные очи».

- 415 Молвив, она излила на ладонь амвросии дивной
И ароматом ее надушила юноше тело —
И от прически его благовоньем повеяло сладким.
Силен и ловок он стал. Обширное озеро было
В полой горе, постоянно туда наносило при ветре
420 Много воды, на два разделявшей встречных теченья.
В бурю оно морякам служило пристанищем верным.
Там укрывался Протей, в глубине под скалою огромной.
В этом морском тайнике, поставив к свету спиною
Сына, она отошла и поодаль в облаке скрылась.
425 Сириус знойный уже, опаляя жаждущих индов,
В небе пылал, и пути половину прошло уже солнце.
Вяла трава; обмелев до ила надонного, реки,
Разгорячась от жары, кипели, и сохли истоки.
В это-то время Протей из волн к пещере привычной
430 Шел, и влажный народ безмерного моря в восторге
Прыгал, ширóко вокруг соленой брызгаясь влагой.
На берегу, разбредясь, улеглись и дремали тюлени.
Сам же Протей,— так пастух, пасущий стада по нагорьям
В час, когда Веспер домой уже с пастбища стадо пригонит
435 И привлекают волков своим бляньем овцы, считает,
Все ли,— сел на скалу и стал проверять поголовье.
Только его одолеть Аристей почуял возможность,
Только лишь дал старику простереть утомленные члены,
Голосом громким вскричал — и вмг закладывает в объятья
440 Спящего. Тот, своего не забывши, однако, искусства,
Стал превращаться опять в различные дивные вещи:
В страшного зверя, в огонь и в быстротекущую реку.
Но, как побегу обман никакой не помог,— побежденный,
Стал он собою опять и уже человеческой речью:
445 «Кто же дозволил тебе, юнец дерзновеннейший, к нашим
Тайным дворцам подойти,— сказал,— что нужно?» Пастух же:
«Знаешь, сам знаешь, Протей! Тебя ведь никто не обманет.
Брось же обманы и ты. Согласно богов повеленью
Я попросить пришел прорицания в горе постигшем».

450 Так он сказал. И пророк, наконец, с необычною силой
Стал очами вращать, горящими светом лазурным,
Страшно проскрежетал и уста разверз, прорицая:

«Некоего божества ты, видно, преследуем гневом.
Важное ты искупаешь: тебе Орфей несчастливец
455 Беды наслал не в меру вины,— чего боги не терпят,—
Значит, разгневан певец жестоко жены похищеньем,
Ибо, когда от тебя убежала, чтоб кинуться в реку,
Женщина эта, на смерть обреченная, не увидала
460 В гуще травы, возле ног, огромной змеи приборежной.
Хоры сверстниц дриад огласили тут воплем вершины
Гор, тогда залились твердыни Родопы слезами,
Кручи Пангейских высот с воинственной областью Реса,
Плакали геты, и Гебр, и Орифия с ними актейка.
Сам же он горе любви умерял черепаховой лирой,
465 Пел, отрада-жена, о тебе у волны, одинокий,
Пел при рождении дня и пел при его угасанье;
В Тенара устье вошел, в преддверье глубокое Дита,
В рощу отважно проник, омраченную темною жуткой,
К сонму теней подошел и к царю, наводящему трепет,—
470 К жестким сердцам, которых мольбы не смягчают людские.
Тронуты пеньем его, из жилищ подземных Эреба
Души бесплотные шли и тени лишившихся света,
Словно тысячи птиц, что в деревьях скрываются, если
Веспер сгонит их с гор иль зимний ливень грозовый.
475 Матери шли и отцы, разобщенные с жизнью герои
Храбрые, отроки шли и в брак не вступившие девы,
Дети, которых костер на глазах у родителей прииял,
Все, кто охвачен кольцом тростников безотрадных Коцита,
Черною тинной его, отвратительной топью болотной,
480 Те, кто навечно пленен девятью оборотами Стикса.
Боле того,— поражен и чертог, и Смерти обитель,
Тартар, и с кольцами змей голубых над челом Эвмениды.
Пасть тройную свою удержал, раскрыв было, Цербер,
Ветер внезапно затих, колесо Иксионово стало.
485 Вот уже, выбравшись вон, он всех избег злоключений,
И уж на воздух земной возвращенная шла Эвридика,
Следуя сзади (такой им приказ дала Прозерпина),
Только безумием вдруг был охвачен беспечный любовник,—

Можно б его и простить — но не знают прощения маны! —
490 Остановился и вот Эвридику свою на пороге
Света, забывшись,— увы! — покорившись желанью, окинул
Взором,— пропали труды, договор с тираном нарушен!
В миг тот три раза гром из глубин раздался Аверна.
Та: «Кто сгубил и тебя, и меня, злополучную? — молвит,—
495 Чей столь яростен гнев? Жестокие судьбы обратно
Вновь призывают меня, и дрема туманит мне очи.
Ныне прощай навсегда! Уношусь, окутана ночью,
Слабые руки, увы, к тебе — не твоя — стираю».
Только сказала — и вдруг от него, как дым, растворенный
500 В воздухе тонком, бежит, отвернувшись внезапно,— и друга,
Тщетно хватавшего мрак, сказать ей желавшего много,
Боле с тех пор не видала она, и лодочник Орка
Не допустил, чтоб Орфей через озеро вновь переехал.
Что было делать? Как быть, коль похищена дважды супруга?
505 Плачем как маны смягчить, как пеньем тронуть бессмертных?
А Эвридика меж тем в стигийской ладье холодела.
И, как преданье гласит, подряд семь месяцев долгих
Он под высокой скалой, на пустынном прибрежье Стримона
Плакал, под сводом пещер прохладных о том повествуя,—
510 Песнями тигров смирял и сдвигал дубы вековые.
Так Филомела, одна, в тени тополевой тоскуя,
Стонет, утратив итенцов, из гнезда селянином жестоким
Вынутых вдруг, бесперых еще; она безугодно
Плачет в ночи, меж ветвей свою несчастливую песню
515 Знай повторяет, вокруг все жалобой скорбною полня.
И не склонялся с тех пор ни к Венере он, ни к Гименею.
В гиперборейских льдах, но снежным стенам Танайса,
Там, где рифейских стуж не избыть, одиноко блуждал он —
Об Эвридике скорбел, напрасном даре Аида!
520 Пренебреженные им по обету, Киконии жены
Между божественных жертв и оргий Вакха ночного
Там растерзали его и останки в степи разметали.
Голову только одну, разлученную с мраморной шеей,
Мчал, в пучине своей вращая, Гебр Оэагров.
525 Но Эвридику еще уста охладевшие звали,
Звали несчастную — ах! — Эвридику, с душой расставаясь,
И берега далеко по реке: «Эвридика!» — гласили».
Так Протей провещал и нырнул в глубокое море,

Где же нырнул, кругами пошла над теменем пена.
530 Что ж до Кирены, она к уstraшенному так обратилась:

«Сын мой, теперь отложить докучные можно заботы!
Знаем, откуда болезнь: эту пагубу злостную нимфы,
Те, что вели хоровод с Эвридикой в дубраве дремучей,
Пчелам наслали твоим. А теперь дары и моленья,
535 Мира прося, принесешь — почтишь напей незлобивых.
Ибо услышат они и простят, и гнев их утихнут.
Как же их надо молить, тебя научу по порядку;
Самых роскошных быков четырех, отменнейшей стати,
Тех, что пасут для тебя на горах луговины Ликея,
540 Выбери, столько ж телиц, чья шея ярма не знавала.
Возле святилищ богов, наверху, алтаря ты четыре
Установи и из горл истечь дай крови священной.
Самые туши быков расsey по дубраве тенистой.
После, когда небеса зарей заалеют девятой,
545 Маков летейских снесешь погребальным ты даром Орфею.
Черной масти овцу умертвишь; возвратишься в дубраву
И Эвридику почтишь — ей в жертву заколешь телицу».
Он не помедлил, тотчас исполнил приказ материнский.
К месту святилищ идет, алтари, как велела, возводит;
550 Самых роскошных быков четырех отменнейшей стати
Вывел и столько же телиц, чья шея ярма не знавала.
После, когда небеса зарей заалели девятой,
Дар поминальный принес он Орфею и в рошу вернулся.
Тут (нет сил и сказать о таком неожиданном чуде!)
555 Видит: из бычьих утроб загнивших, из каждого брюха,
Пчелы выходят, ключом закипают в поломанных ребрах,
Тучей огромной плывут и уже на вершине древесной,
Сбившись роем, как кисть лозы виноградной, свисают.

Пел я эти стихи про уход за землей, за стадами
560 И деревьями, меж тем как Цезарь великий войною
Дальний Евфрат поражал и в народах, по доброй их воле,
Как победитель, закон утверждал, по дороге к Олимпу.
Сладостной в те времена был я — Вергилий — питаем
Партенопеей; трудясь, процветал и не гнался за славой;
565 Песней пастушьей себя забавлял и, по юности смелый,
Титира пел в тени широковетвистого бука.

ЭНЕИДА

Книга первая

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
5 Долго и войны он вел, — до того, как, город построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,
10 Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,
Столько трудов. Неужель небожителей гнев так упорен?
Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.
15 Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство возвысить.
Только слыхала она, что возникнет от крови троянской
20 Род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.
Царственный этот народ, победной гордый войною,
Ливии гибель неся, придет: так Парки судили,
Страх пред грядущим томил богиню и память о битвах
Прежних, в которых она защищала любезных аргивян.

25 Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь не забыла
Суд Париса, к своей красоте оскорбленной презренье,
И Ганимеда почет, и царский род ненавистный.
Гнев ее не слабел; по морям бросаемых тевкров,
30 Что от данайцев спаслись и от ярости грозной Ахилла,
Долго в Лаций она не пускала, и многие годы,
Роком гонимы, они по волнам соленым блуждали.
Вот сколь огромны труды, положившие Риму начало.

Из виду скрылся едва Сицилии берег, и море
35 Вспенили медью они, и радостно подняли парус,
Тотчас Юнона, в душе скрывая вечную рану,
Так сказала себе: «Уж мне ль отступить, побежденной?
Я ль не смогу отвратить от Италии тевкров владыку?
Пусть мне судьба не велит! Но ведь сил достало Палладе
40 Флот аргивян спалить, а самих потопить их в пучине
Всех за вину одного Оилеева сына Аякса?
Быстрый огонь громовержца сама из тучи метнула
И, разбросав корабли, всколыхнула ветрами волны.
Сам же Аякс, из пронзенной груди огонь выдыхавший,
45 Вихрем вынесен был и к скале пригвожден островерхой.
Я же, царица богов, громовержца сестра и супруга,
Битвы столько уж лет веду с одним лишь народом!
Кто же Юноны теперь почитать величие станет,
Кто, с мольбой преклонясь, почтит алтарь мой дарами?»
50 Так помышляя в душе, огнем обиды объята,
В край богиня спешит, ураганом чреватый и бурей:
Там, на Эолии, царь Эол в пещере обширной
Шумные ветры замкнул и друг другу враждебные вихри,—
Властью смирив их своей, обуздав тюрьмой и цепями.
55 Ропщут гневно они, и горы рокотом грозным
Им отвечают вокруг. Сидит на вершине скалистой
Сам скиптродержец Эол и гнев их душ укрощает,—
Или же б море с землей и своды высокие неба
В бурном порыве сметут и развект в воздухе ветры.
60 Но всемогущий Отец заточил их в мрачных пещерах,
Горы поверх взгромоздил и, боясь их злобного буйства,
Дал им владыку-царя, который, верен словью,
Их и сдержать, и ослабить узду по приказу умеет.

Стала Эола молить Юнона такими словами:
65 «Дал тебе власть родитель богов и людей повелитель
Бури морские смирать или вновь их вздымать над пучиной.
Ныне враждебный мне род плывет по волнам Тирренским,
Морем в Италию мча Илион и сраженных пенатов.
70 Ветру великую мощь придай и обрушь на корму им,
Врозь разбросай корабли, рассеяй тела по пучинам!
Дважды семеро нимф, блистающих прелестью тела,
Есть у меня, но красой всех выше Деиопея.
Я за услугу твою тебе отдам ее в жены,
Вас на все времена нерушимым свяжу я союзом,
75 Чтобы прекрасных детей родителем стал ты счастливым».

Ей отвечает Эол: «Твоя забота, царица,
Знать, что ты хочешь, а мне надлежит исполнять повеленья.
Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера милость,
Ты мне право даешь возлежать на пирах у всевышних,
80 Сделав меня повелителем бурь и туч дожденосных».

Вымолвив так, он обратным концом копья ударяет
В бок пустотелой горы,— и ветры уверенным строем
Рвутся в отверстую дверь и несутся вихрем над сушей.
На море вместе напав, до глубокого дна возмущают
85 Воды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий
Африк, вздувая валы и на берег бешено мча их.
Крики троянцев слились со скрипом снастей корабельных.
Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает бурное море.
90 Вторит громом небосвод, и эфир полыхает огнями,
Близкая верная смерть отовсюду мужам угрожает.
Тело Энею сковал внезапный холод. Со стоном
Руки к светилам воздев, он молвит голосом громким:
«Трижды, четырежды тот блажен, кто под стенами Трои
95 Перед очами отцов в бою повстречался со смертью!
О Диомед, о Тидид, из народа данайцев храбрейший!
О, когда бы и мне довелось на полях илионских
Дух испустить под ударом твоей могучей десницы,
Там, где Гектор сражен Ахилла копьем, где огромный
100 Пал Сарпедон, где так много несло Симоента течение
Пандирей, шлемов, щитов и тел троянцев отважных!»

Так говорил он. Меж тем ураганом ревущая буря
Яростно рвет паруса и валы до звезд воздымает.
Сломаны весла; корабль, повернувшись, волнам подставляет
105 Борт свой; несется вослед крутая гора водяная.
Здесь корабли на гребне волны, а там расступились
Воды, дно обнажив и песок взметая клубами.
Три корабля отогнав, бросает Пот их на скалы
(Их италийцы зовут Алтарями, те скалы средь моря,—
110 Скрытый в пучине хребет), а три относит свирепый
Эвр с глубины на песчаную мель (глядеть на них страшно),
Там разбивает о дно и валом песка окружает.
Видит Эней: на корабль, что вез ликийцев с Оронтом,
Падает сверху волна и бьет с неслыханной силой
115 Прямо в корму и стремглав уносит кормчего в море.
Рядом корабль другой повернулся трижды на месте,
Валом гоним, и пропал в воронке водоворота.
Изредка видны пловцы средь широкой пучины ревущей,
Доски плывут по волнам, щиты, сокровища Трои.
120 Илионея корабль и Ахата прочное судно,
То, на котором Абант, и то, где Алет престарелый,—
Все одолела уже непогода: в трещинах днища,
Влагу враждебную внутрь ослабевшие швы пропускают.

Слышит Нептун между тем, как шумит возмущенное море,
125 Чует, что воля дана непогоде, что вдруг всколыхнулись
Воды до самых глубин,— и в тревоге тяжелой, желая
Царство свое обозреть, над волнами он голову поднял.
Видит: Энея суда по всему разбросаны морю,
Волны троянцев гнетут, в пучину рушится небо.
130 Тотчас открылись ему сестры разгневанной козни.
Эвра к себе он зовет и Зефира и так говорит им:
«Вот до чего вы дошли, возгордившись родом высоким,
Ветры! Как смеете вы, моего не спросив изволенья,
Небо с землею смешать и поднять такие громады?
135 Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны,—
Вы же за эти дела наказаны будете строго!
Мчитесь скорей и вашему так господину скажите:
Жребием мне вручены над морями власть и трезубец,
Мне — не ему! А его владенья — тяжкие скалы,
140 Ваши, Эвр, дома. Так пусть о них и печется

И над темицей ветров Эол господствует прочной». Так говорит он, и вмиг усмиряет смятенное море, Туч разгоняет толпу и на небо солнце выводит. С острой вершины скалы Тритон с Кимотоей столкнули
145 Мощным усилием суда, и трезубцем их бог поднимает, Путь им открыв сквозь обширную мель и утишив пучину, Сам же по гребням валов летит на легких колесах. Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной Бунт, и безродная чернь, ослепленная гневом, мятется.
150 Фанелы, камни летят, превращенные буйством в оружие, Но лишь увидят, что муж, благочестьем и доблестью славный, Близится,— все обступают его и молча внимают Слову, что вмиг смягчает сердца и душами правит. Так же и на море гул затих, лишь только родитель,
155 Гладь его обозрев, пред собою небо очистил И, повернув скакунов, полетел в колеснице послушной.

Правят свой путь между тем энеады усталые к суше — Лишь бы поближе была! — и плывут к побережьям Ливийским. Место укромное есть, где гавань тихую создал,
160 Берег собою прикрыв, островок: набегая из моря, Здесь разбивается зыбь и расходится легким волнением. С той и с другой стороны стоят утесы; до неба Две скалы поднялись; под отвесной стеною безмолвна Вечно спокойная гладь. Меж трепещущих листьев — поляна,
165 Темная роща ее осеняет пугающей тенью. В склоне напротив, средь скал нависших таится пещера, В ней — пресноводный родник и скамьи из дикого камня. Нимф обиталище здесь. Суда без привязи могут Тут на покое стоять, якорями в дно не впиваясь.
170 Семь собрав кораблей из всего их множества, в эту Бухту входит Эней; стосковавшись по суше, троянцы На берег мчатся скорей, на песок желанный ложатся, Вольно раскинув тела, увлажненные солью морскою. Тотчас Ахат из кремня высекает яркую искру,
175 Листья сухие огонь подхватили, обильную пищу Дали сучья ему — от огнива вспыхнуло пламя. Вынув подмоченный хлеб и благой Цереры орудья, Люди, усталость забыв, несут спасенные зерна, Чтоб, на огне просушив, меж двух камней размолоть их.

180 Сам Эней между тем, на утес взобравшись высокий,
Взглядом обводит простор: не плывут ли гонимые ветром
Капис или Антей, кораблей не видать ли фригийских
И не блеснут ли щиты с кормы Кайка высокой.
Нет в окоеме судов! Но над морем,— заметил он,— бродят
185 Три оленя больших; вереницею длинной за ними
Следом все стадо идет и по злачным долинам пасется.
Замер на месте Эней, и Ахатом носимые верным
Быстрые стрелы и лук схатил он в руки поспешно.
Прежде самих вожаков уложил, высоко носивших
190 Гордый убор ветвистых рогов; потом уже стадо
Стрелами он разогнал врассыпную по рошам зеленым.
Кончил не раньше Эней, чем семь огромных оленей
Наземь поверг, с числом кораблей число их сравнивши.
В гавань оттуда идет победитель, меж спутников делит
195 Вйна, что добрый Акест поднес, кувшины наполнив,
В дар троянским гостям, покидавшим Тринакрии берег.
Всех вином оделив, он скорбящих сердца ободряет:
«О друзья! Нам случилось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям
200 Бог положил предел; вы узнали Сциллы свирепость,
Между грохочущих скал проплыв; утесы циклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить.
Через превратности все, через все испытанья стремимся
205 В Лаций, где мирные нам прибежища рок открывает:
Там предначертано вновь воскреснуть троянскому царству.
Ныне крепитесь, друзья, и для счастья себя берегите!»
Так он молвит друзьям и, томимый тяжелой тревогой,
Боль подавляет в душе и глядит с надеждой притворной.
210 Спутники тут за добычу взялись, о пире заботясь:
Мясо срывают с костей, взрезают утробу, и туши
Рубят в куски, и дрожащую плоть вертелами пронзают,
Ставят котлы на песке, и костры разводят у моря.
Все, возлежа на траве, обновляют пищею силы,
215 Старым вином насыщая себя и дичиною жирной.
Голод едой утолив и убрав столы после пира,
Вновь поминают они соратников, в море пропавших,
И, колеблясь душой меж надеждой и страхом, гадают,
Живы ль друзья иль погибли давно и не слышат зовущих.

220 Благочестивый Эней об отважном тоскует Оронте,
Плачет тайком о жестокой судьбе Амика и Лика,
Также о храбром скорбит Гиасе и храбром Клоанте.

Кончился пир; в этот миг с высоты эфира Юпитер,
Парусолетных морей равнину, простертые земли
225 И племена обозрев, широко расселенные в мире,
Встал на вершине небес и на Ливии взгляд задержал свой.
Тут к Отцу, что в душе был таких забот преисполнен,
Грустная, слезы в глазах блестящих,— подходит Венера,
Молвит такие слова: «Над делами бессмертных и смертных
230 Вечная власть тебе вручена и молнии стрелы,—
Чем виноват пред тобой мой Эней, о Родитель? Троянцы
Чем виноваты, скажи? Почему для них, претерпевших
Столько утрат, недоступен весь мир, кроме стран Италийских?
Знаю: годы пройдут, и от крови Тевкра старинной
235 Там, в Италии, род победителей-римлян восстанет,
Будут править они полновластно морем и сушей,—
Ты обещал. Почему же твое изменилось решенье?
Видя Трои закат и крушение, я утешалась
Мыслью, что тевкров судьбу иная судьба перевесит.
240 Но и поныне мужей, испытывавших столько страданий,
Та же участь гнетет. Где предел их бедам, властитель?
Мог ведь герой Антенор, ускользнув из рук у ахейцев,
В бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства проникнуть
И без вреда перейти бурливый Источник Тимава
245 Там, где, сквозь девять горл из глубин горы вырываясь,
Он попирает поля, многошумному морю подобен.
Там Антенор основал Патавий — убежище тевкров,
Имя племени дал и оружие Трои повесил;
В сладостном мире теперь он живет, не зная тревоги.
250 Мы же — потомство твое, нам чертог небесный сулил ты,
Мы, потеряв корабли, из-за гнева одной лишь богини
(Страшно молвить) вдали от Италии вновь оказались.
Вот благочестью почет! Ты так нашу власть возрождаешь!»

Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных и смертных
255 Светлой улыбкой своею, что с небес прогоняет ненастье,
Дочери губ коснулся Отец поцелуем и молвил:
«Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.

Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,
И до небесных светил высоко возвеличишь Энея
260 Великодушного ты. Мое неизменно решенье.
Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает
Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред тобою:
Долго сраженья вести он в Италии будет, и много
Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет,
265 Третье лето доколь не узрит, как он Ладием правит,
Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.
Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне, —
Илом был он, пока Илионское царство стояло), —
Властвовать будет, доколь обращенье луны не отмерит
270 Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских
Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
Полных трижды сто лет, пока царица и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
275 После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
280 Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною делея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
Так я решил. Года пролетят, и время настанет:
Род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией
285 Будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян.
Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
290 Стран восточных; ему воссылаются будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людям законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость,
295 Связана сотней узлов, восседая на груди оружия,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой».

Так он сказал и с небес посылает рожденного Майей,
Чтоб Карфагена земля и новая крепость для тевкров
Дверь отворила свою, чтоб Дидона перед гостями,
300 Воле судеб вопреки, ненароком границ не закрыла.
Мчится, плывя на крылах, по воздуху в Ливию вестник,
Там исполняет приказ: но веленью бога пунийцы
Тотчас жестокость свою позабыли; первой царица,
Сердцем к миру склонясь, дружелюбием исполнилась
к тевкрам.

305 Благочестивый Эней, от забот и дум не сомкнувший
Глаз во всю ночь, поутру, лишь забрезжил рассвет
благодатный,
Все решил разузнать: куда их забросило ветром,
Кто владеет страной (невозделано было побережье) —
Люди иль звери одни, — и спутникам тотчас поведать.
310 Флот под сводом лесов укрыв в углубленье скалистом,
Там, где деревья вокруг нависают пугающей тенью,
В путь пустился Эней, с собою взяв лишь Ахата;
Шел он, зажавши в руке две пики с жалом железным.
Мать явилась ему навстречу среди леса густого,
315 Девы обличье приняв, надев оружие девы —
Или спартанки, иль той Гарналики фракийской, что мчится
Вскачь, загоня коней, настигая крылатого Эвра.
Легкий лук за плечо на охотничий лад переброшен,
Отданы кудри во власть ветеркам, свободное платье
320 Собрано в узел, открыв до колен обнаженные ноги.
Первой молвит она: «Эй, юноши, мне вы скажите,
Может быть, видели вы сестер моих? Здесь они бродят,
Каждая носит колчан и одета шкурой пятнистой
Рыси; гонят они кабана свирепого с криком».

325 Так Венере в ответ сказал рожденный Венерой:
«Нет, я здесь не видал и не слышал сестер твоих, дева, —
Как мне тебя называть? Ты лицом не похожа на смертных,
Голос не так звучит, как у нас. Ты, верно, богиня, —
Или Феба сестра, иль с нимфами крови единой.
330 Счастлива будь, кто б ты ни была! Облегчи нам заботу:
Где мы, под небом каким, на берег края какого
Нас занесло, ты открой. Ни людей, ни места не зная,

Здесь мы блуждаем, куда нас прибило волнами и ветром.
Мы ж пред твоим алтарем обильные жертвы заколем».

- 335 Им отвечает она: «Я чести такой недостойна.
Девушки тирские все колчаны носят такие,
Ходят, ноги обвив ремнем пурпурных котурнов.
Царство пунийцев ты зришь, Агеноров город тирийский;
Прежде подвластен был край ливийцам, в бою необорным,
340 Ныне правит страной Дидона, от брата из Тира
В этот бежавшая край. Велика обида, и так же
Повесть о ней велика: лишь о главном вам расскажу я.
Был ей мужем Сихей, богатеиший среди финикийцев.
Крепко любила его жена, впервые вступивши
345 В брак, ибо отдал отец непорочной злосчастную замуж.
Царствовал в Тире тогда Дидоны брат вероломный
Пигмалион, в преступных делах превзошедший всех смертных.
Распря меж них началась, и он, нечестивый, Сихей
Тайно пред алтарем сразил коварным железом,
350 Чувства сестры он презрел, ослеплен лишь золотом жаждой.
Долго злодейство свое от вдовы тосковавшей скрывал он,
Тщегной надеждой хитро сестру влюбленную тешил.
Но однажды во сне явился ей призрак супруга
Непогребенного. Лик, на диво бледный, подъямля,
355 Грудь пред ней обнажив пронзенную, всё ей открыл он
Про оскверненный алтарь, про убийство, скрытое в доме.
Призрак ее убедил скорей покинуть отчизну
И, чтобы бегству помочь, старинный клад указал ей —
Золото и серебро, в потайном зарытые месте.
360 Мужу послушна, жена для побега спутников ищет,—
Все, в ком страх был силен или ненависть злая к тирану,
Сходятся к ней. Захватив корабли, что готовы к отплытью
Были, золотом их нагружают. Увозят скупого
Пигмалиона казну. Возглавляет женщина бегство.
365 В эти приплыли места, где теперь ты могучие видишь
Стены, где ныне встает Карфагена новая крепость.
Здесь купили клочок земли, сколько можно одною
Шкурой быка охватить (потому и название Бирса).
Но расскажите и вы, от каких берегов вы плывете,
370 Кто вы, стремитесь куда?» И Эней на это ответил,—
Голос его из груди со вздохом вырвался тяжким:

«Если с первых причин начать рассказ мой, богиня,
Летопись наших трудов не успеешь выслушать за день,
Прежде чем Веспер взойдет и ворота Олимпа запрутся.
375 Мы из Трои плывем (и до вашего слуха, быть может,
Имя Трои дошло); по волнам, по водным равнинам
Всюду носимся мы; сюда нас буря примчала.
Благочестивым зовусь я Энеем; спасенных пенатов
Я от врага увожу, до небес прославлен молвою.
380 Род от Юпитера мой; в Италию отчую плыл я,
Следуя воле судьбы. Мать-богиня мне путь указала.
На двадцати кораблях я в просторы Фригийские вышел,—
Ныне осталась их семь, разбитых волнами и ветром.
Я же, безвестен и сир, по Ливийским пустыням скитаюсь,
385 Нет мне в Европу пути, и в Азию нет мне возврата».
Тут прервала его мать, не в силах жалобы слышать:
«Верю: кто ни был бы ты,— не против воли всевышних
388 Воздух живительный пьешь, если в город тирийцев ты прибыл.
390 Я возвещаю тебе, что вернутся спутники с флотом,
Ветер изменит свой бег и примчит их в надежную гавань,
Если меня не вотще научили предки гаданью.
Видишь: там дважды шесть лебедей летят вереницей.
Пав с высоких небес, Юпитера спутник крылатый
395 Их разогнал; а ныне они ликующим строем
Или стремятся к земле, иль, спустившись, ее озирают.
Вот они все собрались, заплескали крыльями шумно,
Снова вся стая взвилась, небосклон опоясала с кликом.
Так же твоих друзей корабли иль стоят на причалах,
400 Или, подняв паруса, втекают в широкие устья.
Ты же прямо иди, не сворачивай с этой дороги».

Молвив, направилась вспять,— и чело озарилось сияньем
Алым, и вокруг разлился от кудрей амвросии запах,
И соскользнули до пят одежды ее, и тотчас же
405 Поступь выдала им богиню. В то же мгновенье
Мать узнал Дарданид и воскликнул вслед убежавшей:
«Сына вводила зачем, жестокая, обликом лживым
Ты в заблужденье не раз? Почему ни руку с рукою
Соединить не дала, ни твой подлинный голос услышать?»
410 Так он с укором сказал и путь свой к стенам направил.
Воздухом темным тогда окружила Венера идущих,

Облака плотный покров вокруг них сгустила богиня,
Чтоб ни один человек ни увидеть, ни тронуть не мог их
Иль задержать по пути и спросить о причине прихода.
415 После в Пафос удалилась сама дорогой воздушной —
В свой любезный приют, где курится в храме сабейский
Ладан на ста алтарях и венки аромат разливают.

В путь пустились меж тем мужи, повинувшись тропинке,
Всходят по склону холма, что над городом новым вздымался
420 И взирал с высоты на растущую рядом твердыню.
Смотрит Эней, изумлен: на месте хижин — громады;
Смотрит: стремится народ из ворот по дорогам мощным.
Всюду работа кипит у тирийцев: стены возводят,
Города строят оплот и катят камни руками
425 Иль для домов выбирают места, бороздой их обводят,
427 Дно углубляют в порту, а там основанья театра
Прочные быстро кладут иль из скал высекают огромных
Множество мощных колонн — украшение будущей сцены.
430 Так по цветущим полям под солнцем раннего лета
Трудятся пчелы: одни приплод возмужалый выводят
В первый полет; другие меж тем собирают текущий
Мед и соты свои наполняют сладким нектаром.
Те у сестер прилетающих груз принимают, а эти,
435 Выстроившись, гонят стада ленивых трутней от ульев:
Всюду работа кипит, и от меда плывут ароматы.
«Счастливы те, для кого уж возводятся крепкие стены!»
Так восклицает Эней и на кровли глядит городские.
Входит он в город, покрыт (о, чудо!) облаком плотным,
440 В гущу вступает толпы, незримым для всех оставаясь.

В городе роща была; под ее приветливой сенью
В день, когда в Ливию их забросило ветром и бурей,
Знак тирийцы нашли, явленный царицей Юноной:
Быстрого череп коня, — затем, что много столетий
445 Будет их род отважен в бою и нужды не узнает.
Здесь величавый храм возводила Дидона Юноне, —
Был он дарами богат и любовью взыскан богини;
Медные к входу вели ступени; балки скреплялись
Медью, скрипели шипы дверные из меди блестящей.
450 Только лишь храм меж дерев очам пришельцев открылся,

Страх Энея утих: на спасенье надеяться снова
Смеет герой и средь бед опять в грядущее верить.
В храма преддверье войдя, в ожиданье прихода Дидоны
Смотрит диковины он, изумленный богатствами царства,
455 Ловким рукам мастеров и трудам их искусным дивится.
Тут одну за другой илионские битвы он видит,
Слух о которых молва разнесла по целому свету:
Здесь и Атрид, и Приам, и Ахилл, обоим ужасный.
Став перед ними, Эней со слезами молвит Ахату:
460 «Где, в какой стороне не слышали о наших страданьях?
Вот Приам. Он и тут награжден хвалой посмертной.
Слезы — в природе вещей, повсюду трогает души
Смертных удел; не страшись: эта слава спасет нас, быть
может».

Молвит и душу свою услаждает картиной бесплотной,
465 Плачет, и слезы лицо орошают обильным потоком,
Ибо видит он вновь под Пергамом грозные битвы:
Вот ахейцы бегут, а юноши Трои теснят их,
Вот на фригийцев Ахилл налетел в своей колеснице,
Шлемом косматым блестя; а там со слезами узнал он
470 Белые Реса шатры на картине: многих, обьятых
Первым предательским сном, тут убил Диомед кровожадный,
В греческий лагерь увел горячих коней, не успевших
С пастбищ троянских травы и воды из Ксанфа отведать.
Вот на картине другой Троил, свой щит обронивший:
475 Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом,
Навзничь упал он, но мчат скакуны колесницу пустую;
Не выпуская вожжей, по земле он влачится затылком,
И наконецником пыль бороздит копые боевое.
К храму идут между тем беспощадной Паллады троянки,
480 Кудри свои распустив, несут покрывало богине,
Скорбно молят ее, ладонями в грудь ударяя;
Но отвернулась от них и потупила взоры Минерва.
Гектора трижды влачит Ахилл вокруг стен илионских,
Тело его продает он за золото старцу Приаму, —
485 Громкий вырвался стон из груди Энея, едва лишь
Он увидел доспех, колесницу и друга останки,
Только узрел, как Приам простирал безоружные руки.
Также узнал он себя в бою с вождями ахейцев,
Рядом — пришельцев из стран Зари — Мемноновы рати.

490 Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья,
Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом,
Груды нагие она золотой повязкой стянула,
Дева-воин, вступить не боится в битву с мужами.

Тою порой, кад дарданец Эней смотрел и дивился,
495 Не отводя ни на миг от картин изумленного зора,
К храму царица сама, прекрасная видом Дидона,
Шла, многолюдной толпой окруженная юношей тирских.
Так на Эвроты берегах или Кинфа хребтах хороводы
Водит Диана, и к ней собираются горные нимфы:
500 Тысячи их отовсюду идут за нею, — она же
Носит колчан за спиной и ростом их всех превосходит
(Сердце Латоны тогда наполняет безмолвная радость), —
Так же, веселья полна, средь толпы выступала Дидона,
Думы трудам посвятив и заботам о будущем царстве.
505 В храма преддверье вступив, под сводчатой кровлей царица
Тотчас садится на трон, и стражи ее окружают;
Суд вершит и законы дает мужам и работы
Поровну делит она иль по жребию их назначает.
Вдруг увидел Эней: средь большого стечения народа
510 Храбрый Клоант и Антей и Сергест приближаются к храму,
Тевкры следом идут, которых свирепые ветры,
По морю врозь разбросав, отнесли к другим побережьям.
Замер Эней, поражен, изумленный Ахат содрогулся;
Страшно и радостно им: обретенным спутникам руку
515 Жаждают скорее пожать, но смущает сердца неизвестность.
Чувства свои подавив, из-за облака слушают оба,
Что испытали друзья, для чего явились к тирийцам,
Где оставили флот. Ибо с каждого судна посланцы
К храму спешили сейчас и молили о милости громко.

520 После того как ввели их к царице и дали им слово,
Илионей, старейший из них, промолвил степенно:
«О царица, тебе даровал Юпитер воздвигнуть
Город и диких племен надменность смирить правосудьем!
Молят троянцы тебя, по морям гонимые ветром:
525 Жалких, нас пощади, корабли спаси от пожара!
Чтит всевышних наш род, — так взгляни на нас благосклонно.
Мы пришли не с мечом — разорять карфагенских пенатов,

Не для того, чтоб, ограбивши вас, умчаться с добычей,
Чуждо насилею нам, и надменности нет в побежденных!

530 Место на западе есть, что греки зовут Гесперией,
В древней этой стране, плодородной, мощной оружием,
Прежде жили мужи энотры; теперь их потомки
Взяли имя вождя и назвали себя «италийцы».

Путь мы держали туда.

535 Вдруг тученосный восстал Орион над пучиной морскою,
Дерзкие ветры снесли корабли на скрытые мели,
Буря, нас всех одолев, размела по волнам и по скалам
Непроходимым суда; лишь немногие здесь оказались...

540 Что тут за люди живут, коль ступить на песок не дают нам?
Что за варварский край, если нравы он терпит такие?
Нам, угрожая войной, сойти запрещают на берег!
Если людей презираете вы и оружие смертных,
Бойтесь бессмертных богов, что помнят и честь и нечестье.
Нашим царем был Эней: справедливостью, храбростью
в битвах

545 И благочестьем никто не мог с ним в мире сравниться.
Если его пощадила судьба, если воздухом дышит
Он, если видит эфир и к жестоким теням не спустился,—
Страха в нас нет. Да и ты не раскаешься, если услугу
Первая нам оказать поспешишь: в краях Сицилийских

550 Есть города и войска, и Акест — троянец по крови.
Пусть нам позволят лишь флот подвести, ураганом
разбитый,
Бревна из леса добыть, их приладить, вытесать весла.
Если вновь мы найдем царя и спутников, если
Сможем в Италию плыть — то радостно путь свой направим

555 В Лаций, в Италию мы. Но если в море Ливийском
Ты погиб, наш отец, и нет надежды для Юла,
Мы к сицилийским пойдем проливам, откуда приплыли,
Будем готовых искать пристанищ в царстве Акеста».

560 Молвил Илионей, и опять вскричали дарданцы
Все, как один.

Скромно взор опустив, отвечала им кратко Дидона:
«Тевкры, отбросьте страх, прогоните заботы из сердца!
Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это
Бдительно так рубежи охранять меня заставляет.

565 Кто ж, энеады, о вас и кто о Трое не знает,
Кто не слышал о пожаре войны, об отваге троянцев?
Нет, не настолько сердца очерствели в груди у пунийцев,
Прочь не гонит коней от тирийского города Солнце.
Если в великую вы Гесперию, к пашням Сатурна,
570 Или к Эриксу плыть захотите, в царство Акеста,—
Вам помогу, припасы вам дам, отпущу невредимо.
Если же в царстве моем захотите со мною остаться,—
Город, что я возвожу,— он ваш! Корабли приводите!
Будут равны предо мной всегда троянец с тирийцем.
575 Если б и царь ваш Эней, ураганом тем же подхвачен,
Прибыл сюда! А я разошлю по всему побережью
Вестников и прикажу обыскать до крайних пределов
Ливию: может быть, он по лесам иль селеньям блуждает».

Храбрый Ахат и родитель Эней от речи царицы
580 Духом воспрянули вмг и прорваться сквозь облако жаждут.
Первым Эней Ахат ободряет: «Отпрыск богини,
Дума какая, скажи, у тебя в душе зародилась?
Видишь, опасности нет, и спутники с флотом вернулись.
Только один не вернулся корабль: мы видели сами,
585 Как он тонул. В остальном же сбылись предсказания Венеры».
Чуть лишь промолвил он так,— и тотчас же вокруг них
разлитое

Облако разорвалось и растаяло в чистом эфире.
Встал пред народом Эней: божественным светом сияли
Плечи его и лицо, ибо мать сама даровала
590 Сыну кудрей красоту и юности блеск благородный,
Радости гордый огонь зажгла в глазах у героя.
Так словеную кость украшает искусство, и ярче
Мрамор иль серебро в золотой блистают оправе.
Взорам нежданно представ, к собранью всему и к царице
595 Так обращается он: «Троянец Эней перед вами,
Тот, кого ищите вы, из Ливийского моря спасенный.
Ты, Дидона, одна несказанными бедами Трои
Тронута, нас, беглецов, уцелевших от сечи данайской,
Нас, лишенных всего, испытавших в морях и на суше
600 Столько тяжких трудов, принимаешь в дом свой и в город.
Сил нам не хватит теперь воздать тебе благодарность,—
Всем, сколько в мире их есть, не сделать этого тевкрам.

Если всевышние чтят благочестье и есть справедливость
Здесь, на земле,— то мысль, что ты поступила как должно,
605 Будет наградой тебе. Неужели тебя породивший
Век не счастлив? Ужель не достойны родители славы?
Реки доколе бегут к морям, доколе по склонам
Горным тени скользят и сверкают в небе светила,—
Имя дотоле твое пребудет в хвале и почете,
610 Земли какие бы нас ни призвали». Промолвив, Сергеста
Обнял он левой рукой, а правой — Илионея,
Храброго после привлек Гиаса с храбрым Клоантом.

Гостя увидев едва, в изумленье застыла Дидона,
Тронута страшной судьбой, и ему она так отвечала:
615 «Что за жребий, скажи, через столько опасностей гонит,
Сын богини, тебя? К берегам этим диким какая
Сила тебя занесла? Ты — Эней, Анхиз — твой родитель,
В крае Фригийском, вблизи Симоента, рожден ты Венерой.
Помню доныне, как Тевкр в Сидон явился однажды:
620 Изгнан из края отцов, стремился он новое царство
С помощью Бела добыть; а Бел, мой отец, плодородный
Кипр тогда разорил и под властью держал, победитель.
С этого времени мне известны бедствия Трои,
Ведомо имя твое и царей имена пеласгийских.
625 Тевкрам хоть был он врагом, но о них с похвалой отозвался
И утверждал, что рожден от корня старинного тевкров.
Что ж, поспешите, мужи, и под кров мой войдите скорее!
Бедствий таких же сама я извела много: повсюду
Нас Фортуна гнала и лишь здесь осесть разрешила.
630 Горе я знаю — оно помогать меня учит несчастным».
Вымолвив это, она увела Энея в палаты
Царские; в храме богам назначив почетные жертвы,
К берегу двадцать быков отправляет царица троянцам,
Сотню огромных свиней со щетиной жесткой и сотню
635 Жирных ягнят и овец; и с ними веселого бога
Дар посылает она.

Дом изнутри между тем убирают с роскошью царской;
Пир в покоях дворца готовят; ковры расстилают:
Тканы искусно они и украшены пурпуром гордым.
640 Стол отягчен серебром, на золоте кубков чеканных

Выбиты длинной чредой деянья славные предков
Подвиги многих мужей от начала древнего рода.

Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя
К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата,
645 Чтобы Аскания он известил и привел его в город:
Полон родитель всегда об Аскании милым заботы.
Также велит он дары принести, что из гибнущей Трои
Им спасти удалось: от шитья золотого тяжелый
Плащ и шафранный покров с узором из листьев аканта,—
650 В дар получила его спартанка Елена от Леды,
Но, из Микен устремляясь в Пергам к беззаконному браку,
Дивный убор увезла. И еще принести приказал он
Жезл, что в прежние дни всегда Илиона носила,
Старшая дочь Приама-царя, и с ним ожерелье
655 Из жемчугов, и венец золотой, сверкавший камнями.
Быстро двинулся в путь Ахат, к кораблям поспешая.
Замысел новый меж тем питает в душе Киферея,
Новый готовит обман: чтоб к Дидоне, плененной дарами,
Вместо Юла пришел Купидон, изменивший обличье,
660 Сердце безумьем зажег и разлил в крови ее пламя,
Ибо Венеру страшит двоедушье тирийцев двуличных,
Гнев Юноны гнетет всю ночь богиню тревогой.
С речью такую она обратилась к крылатому сыну:
«Сын мой, ты — моя мощь, лишь в тебе моя власть и величье,
665 Сын, ты Юпитера стрел не боишься, сразивших Тифона,
Я прибегаю с мольбой к твоей божественной силе!
Знаешь ты: брат твой Эней, гонимый злобой Юноны,
Долго по глади морской и по всем побережьям блуждает.
Сам ты об этом скорбел со мною скорбью единой.
670 Ныне Дидона его задержать стремится словами
Льстивыми. Я же боюсь Юнонина гостеприимства:
Чем обернется оно? Ужель она случай упустит?
Вот и задумала я, упредив ее козни, царице
Пламенем сердце зажечь, чтоб никто не мог из всевышних
675 Чувства ее изменить, чтоб, как я, любила Энея.
Выслушай замысел мой, как все это можно устроить:
Царственный мальчик сейчас (о нем всех больше пекусь я),
Вызванный милым отцом, собирается в город сидонский.
Дар он несет, что спасен был из волн и пламени Трои.

680 Мальчика я, усыпив, умчу на высоты Киферы
Или укрою в своем идалийском священном приюте,
Чтобы моих он козней не знал и не мог помешать им.
Ты на одну только ночь свой облик изменишь обманно;
685 Мальчик сам, ты прими привычный мальчика образ,
Чтобы, лишь только тебя на колени посадит Дидона,
Здесь же, на царском пиру, среди возлияний Лиэя,
Только обнимет тебя, поцелуй тебе сладкий подарит,—
Тайное пламя вдохнуть в нее, отравив ее тайно».
Матери милой словам повинуется бог, и снимает
690 Крылья, и радостно в путь выступает Юла походкой.
Внука Венера меж тем погружает в сладкую дрему
И на руках уносит его в Идалийские рощи,
Где меж высоких дерев, овеваемый запахом сладким,
Спит он в душистой тени прекрасных цветов майорана.

695 Весело шел Купидон к тирийцам вслед за Ахатом,
Царские нес им дары, повинувся матери слову.
Прибыли оба, когда на завешенном гордою тканью
Ложе своим золотом возлегла посредине царица.
Рядом родитель Эней, троянские юноши рядом,
700 Все за столом возлегли на пурпурных пышных покрывах.
Слуги воду для рук и корзины с дарами Цереры
Подали; следом несут полотенца со стриженной шерстью.
В доме рабынь пятьдесят чередою длинной носили
Разные яства гостям, благовонья курили пенатам,
705 Сто рабынь и столько же слуг, им возрастом равных,
Ставили блюда на стол, подавали емкие чаши.
Много тирийцев в тот день веселый чертог посетило.
Всем царица велит на ложа возлечь расписные,
Все дивятся дарам Энея, дивятся на Юла,
710 Речи притворной его и лицу цветущему бога,
Смотрят на плащ и покров с узором из листьев аканта.
Пристальной всех остальных финикиянка бедная смотрит,
Не наглядится никак, обреченная будущей муке:
Сердце ее распалили дары и мальчик прекрасный.
715 Он же, за шею обняв Энея, краткое время
Побыл с мнимым отцом, чтоб любовь его только насытить,
После к царице пошел. А та глядит неотрывно,
Льнет всей грудью к нему, и ласкает его, и не знает,

Бедная, что у нее на коленях бог всемогущий.
720 Он же, наказ не забыв, начинает память о муже
В ней понемногу стирать, чтобы к новой любви обратились
Праздная дума ее и любить отвыкшее сердце.

Кончили все пировать; убирают столы челядинцы,
725 Емкий приносят кратёр, до краев наполняются кубки.
Шум по чертогам течет, и возгласы в воздухе реют;
Ярко лампы горят, с потолков золоченых свисая,
Пламенем мрак одолев, покой озаряют обширный.
Тут велела подать золотую чашу царица,
Множеством ценных камней отягченную, — Бела наследье,
730 Чистым вином налила, — и молчанье вокруг воцарилось.
«Ты даровал чужеземным гостям права, о Юпитер!
Сделай же так, чтобы радость принес и тирийцам и тевкрам
Нынешний день. Пусть память о нем сохранят и потомки!
О Юнона и Вакх, податель веселья, пребудьте
735 С нами! Вы же наш пир благосклонно почтите, тирийцы!»
Молвила так и, на стол пролив почетную влагу,
Первой коснулась она губами чаши священной,
Битию в руки ее отдала и пить пригласила.
Пенную чашу сполна осушил он до дна золотого;
740 Прочие гости — за ним. Золоченую взявши кифару,
Тут Иопад заиграл, Атлантом великим обучен.
Пел о блужданьях луны, о трудных подвигах солнца,
Люди откуда взялись и животные, дождь и светила,
Влажных созвездье Гиад, Арктур и двойные Трионы,
745 Зимнее солнце спешит отчего в Океан окупуться,
Летняя ночь отчего спуститься медлит на землю.
Плеском ладоней его наградили тирийцы и тевкры.
Так, возлежа меж гостей и ночь коротая в беседах,
Долго впивала любовь несчастная Тира царица.
750 Все о Приаме она и о Гекторе все расспросила,
То пытала, в каких Мемнион явился доспехах,
То каков был Ахилл, то о страшных конях Диомеда.
«Но расскажи нам, мой гость, по порядку о кознях данайцев,
Бедах сограждан твоих и о ваших долгих скитаньях, —
755 Молвит Энею она, — ибо вот уж лето седьмое
Носит всюду тебя по волнам морским и по суше».

Книга вторая

Смолкли все, со вниманьем к нему лицом обратившись.
Начал родитель Эней, приподнявшись на ложе высоком:
«Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица!
Видел воочию я, как мощь Троянской державы —
5 Царства, достойного слез,— сокрушило коварство данайцев;
Бедственных битв я участником был; кто, о них повествуя,
Будь он даже долоп, мирмидонец иль воин Улисса,
Мог бы слезы сдержать? Росистая ночь покидает
Небо, и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
10 Но если жажда сильна узнать о наших невзгодах,
Краткий услышать рассказ о страданиях Трои последних,
Хоть и страшится душа и бежит той памяти горькой,
Я начну. Разбиты в войне, отвергнуты роком,
Стали данайцев вожди, когда столько уж лет пролетело,
15 Строить коня, подобье горы. Искусством Паллады
Движимы дивным, его общивают распиленной елью,—
Лживая бродит молва — по обету ради возврата.
Сами же прячут внутри мужей, по жребью избранных,
Наглухо стену забив и в полой утробе громады
20 Тайно замкнувши отряд отборных бойцов снаряженных.

Остров лежит Тенедос близ Трои. Богат, изобилен
Был он и славен, доколь стояло Приамово царство,

Ныне там бухта одна — кораблей приют ненадежный.
Враг, отплывши туда, на пустынном скрылся побережье;
25 Мы же верим: ушли, корабли устремили в Микены!
Тотчас долгую скорбь позабыла тевкров держава.
Настежь створы ворот: как сладко выйти за стены,
Видеть брошенный стан дорийцев и берег пустынный.
30 Здесь — долопов отряд, там — Ахилл кровожадный стояли,
Здесь был вражеский флот, а там два войска сражались.
Многих дивит погибельный дар безбрачной Минерве
Мощной громадой своей; и вот Тимет предлагает —
С умыслом злым иль Трои судьба уж так порешила —
35 В город за стены ввести коня и в крепость поставить.
Капис и те, кто судил осмотрительней и прозорливей,
В море низвергнуть скорей подозрительный дар предлагают,
Или костер развести и спалить данайские козни,
Или отверстие пробить и тайник в утробе разведать.
Шаткую чернь расколов, столкнулись оба стремленья...

40 Тут, нетерпением горя, несется с холма крепостного
Лакоонт впереди толпы многолюдной сограждан,
Издали громко кричит: «Несчастные! Все вы безумны!
Верите вы, что отплыли враги? Что быть без обмана
Могут данайцев дары? Вы Улисса не знаете, что ли?
45 Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,
Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
Стенам грозить, дома наблюдать и в город проникнуть.
Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий таится!
Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев».
50 Молвил он так и с силой копые тяжелое бросил
В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
Пика впицась, задрожав, и в утробе коня потрясенной
Гулом отдался удар, загудели полости глухо.
Если б не воля богов и не разум наш ослепленный,
55 Он убедил бы взломать тайник аргосский железом, —
Троя не пала б досель и стояла твердыня Приама.

Вдруг мы видим: спешат пастухи дарданские с криком,
Прямо к царю незнакомца ведут, связав ему руки,
Хоть и вышел он к ним и по собственной воле им сдался.
60 Так подстроил он все, чтобы Троя открыть для ахейцев,

В мужество веря свое, был готов он к обоим исходам:
Или в обмане успеть, иль пойти на верную гибель.
Пленного видеть скорей не терпится юношам Трои:
Все подбегают к нему, в насмешках над ним состязаясь...
65 Ныне о кознях услышь данайских — и все преступленья
Ты постигнешь, узнав об одном!
Пленник стоял на виду у толпы, безоружный, смущенный,
Медленно взглядом обвел он фригийцев ряды и воскликнул:
«Горе! Какая земля теперь иль море какое
70 Могут дать мне приют? Что, жалкому, мне остается?
Больше места мне нет средь данайцев — но вот и дарданцы,
В гневе упорны, моей желают крови и казни!»
Стон его всех нас смягчил и умерил враждебную ярость,
Мы его просим сказать, от какой происходит он крови,
75 Что нам принес. Пусть он скажет: на что надеялся, сдавшись?
77 «Царь! Всю правду тебе я открою, что б ни было дальше,
И отрицать не стану, что я по рожденью аргосец.
Это прежде всего; пусть Фортуна несчастным Синона
80 Сделала — лживым его и бесчестным коварной не сделать!
Верно, из чьих-нибудь уст ты имя слыхал Паламеда,
Сына Бела: ведь он был повсюду молвою прославлен.
Ложно его обвинив по наветам напрасным в измене
Из-за того, что войну порицал он, пеласги безвинно
85 Предали смерти его — а теперь скорбят по умершем.
Был он родственник нам, и с ним мой отец небогатый
С первого года войны меня в сраженья отправил.
Твердо покуда стоял у власти и в царских советах
Силу имел Паламед, — и у нас хоть немного, но были
90 Слава, почет... Но когда коварного зависть Улисса
Со свету друга сжила (то, о чем говорю я, известно),
Жизнь я с тех пор влачил во мраке, в горе и скорби,
Гнев питая в душе за его безвинную гибель.
Но не смолчал я, грозя отомстить, чуть случай найдется.
95 Если в Аргос родной суждено мне вернуться с победой;
Речью бездумною той я ненависть злобную вызвал.
В этом причина всех бед. С тех пор Улисс то и дело
Начал меня устрашать обвиненьями, сеять средь войска
Темные слухи: искал он оружие, вину свою зная.
100 Не успокоился он, покуда помощь Калханта...

Но для чего я вотще вспоминаю о прежних невзгодах?
Что я медлю? Коль все равны пред вами ахейцы,—
Слышали вы обо мне довольно! Казнь начинайте!
Этого жаждет Улисс и щедро заплатят Атриды!»

105 Мы же хотим обо всем разузнать, расспросить о причинах,
Не заподозрив злодейств, пеласгийских не зная уловок.
Он продолжал свою речь, трепеща от притворного страха:
«Чаще данайцы меж тем, истомленные долгой войною,
Стали о бегстве мечтать, о том, чтобы Троию покинуть,—

110 О, хоть бы сделали так! Но часто свирепые бури
Им не давали отплыть, и Австр устращала уходящих.
Больше всего бушевала гроза в широком эфире
После того, как воздвигли коня из бревен кланевых.
Мы, не зная, как быть, Эврипила тогда посылаем

115 Феба оракул спросить,— но печальный ответ он приносит:
«Кровью ветры смирить, заклав невинную деву,
Вам, данайцы, пришлось, когдаплыли вы к берегу Трои,—
Кровью должны вы снискать возврат и в жертву бессмертным
Душу аргосца принести». И едва мы ответ услышали,

120 Трепет холодный прошел по костям и замерло сердце:
Кто судьбой обречен, кого Аполлон избирает?
Тут на глазах смятенной толпы итакиец Калханта
На середину повлек, громкогласно требуя, чтобы
Волю богов он открыл. Хитреца злодеянье и прежде

125 Мне предрекали не раз, грядущее втайне провидя.
Дважды пять дней прорицатель молчал и скрывался, чтоб
жертву
Не называть и на смерть никого не обречь предсказаньем,—
После молчанья прервал, понуждаемый криком Улисса,
По уговору меж них меня на закланье назначил.

130 Тут уж никто не роптал: ведь смерть, которой боялся
Каждый, теперь одного, ему на горе, постигла.
Близился день роковой. Готовили все для обряда:
Соль с мукой пополам, вокруг висков мне тугие повязки.
Вырвался я, признаюсь, оковы порвал и от смерти

135 Ночью в густых тростниках у болотного озера скрылся,
Ждал, чтоб ушли, подняв паруса,— если только поднимут!
Больше надежды мне нет ни древнюю родину снова,
Ни двоих сыновей, ни отца желанного видеть.

140 Может быть, требуя с них за бегство наше расплаты,
Смертью несчастных мою вину покарают ахейцы...
Именем вышних богов, которым ведома правда,
Именем верности — коль остается еще среди смертных
Неоскверненной она, — молю: над нашими сжался
Бедами! Сжался над тем, кто столько вынес безвинно!»

145 Жизнь мы даруем ему, хитреца слезам сострадавая.
Первым Приам приказал от тесных пут ему руки
Освободить и к нему обратился с приветливой речью:
«Кто бы ты ни был, теперь забудь покинутых греков.
150 Нашим ты будешь. Но мне ответь на вопрос мой правдиво:
Этот чудовищный конь для чего возведен? Кем построен?
Что стремились создать, — орудье войны иль святыню?»
Так он сказал. А Синон, в пеласгийских уловках искусный,
Начал, к небу воздев от оков свободные руки:
«Вечных огней божества нерушимые, вами клянусь я,
155 Вами, меч и алтарь нечестивый, которых избег я,
Вами, повязки богов, что носил я, идя на закланье!
Нет мне греха разорвать священные узы данайцев,
Нет греха ненавидеть мужей и сказать без утайки
Все, что скрывают они. Я не связан законом отчизны!
160 Ты лишь обетам своим храни, сохраненная Троя,
Верность, коль щедро тебе отплачу и правду открою!
Веры в победный исход и надежд залогом для греков
Помощь Паллады была всегда. Когда ж нечестивый
Сын Тидея и с ним Улисс — злодейств измыслитель —
165 В храм священный вошли, роковой оттуда Палладий
Силой исторгли, убив сторожей высокой твердыни,
Образ священный схватив, дерзновенно смели коснуться
Кровью залитой рукой девичьих повязок богини, —
Тотчас на убыль пошла, покидая данайцев, надежда,
170 Силы сломились у них, и богиня им стала враждебна.
Гнев свой Тритония им явила в знаменьях ясных:
В лагерь едва был образ внесен — в очах засверкало
Яркое пламя, и пот проступил на теле соленый;
И, как была, со щитом и копьем колеблемым, дева —
175 Страшно об этом сказать — на месте подпрыгнула трижды.
Тут возвещает Калхант, что должны немедля дапайцы
Морем бежать, что Пергам не разрушат аргосские копыя,

- Если в Аргосе вновь не испросят примет, возвративши
Благоволенье богов, что везли на судах они прежде.
180 Ныне стремятся они по ветру в родные Микены,
С тем чтобы милость богов вернуть и внезапно явиться,
Море измерив опять. Так Калхант толкует приметы.
Образ же этот они по его наущенью воздвигли,
Чтобы тягостный грех искупить оскорбленья святыни.
185 Сделать огромным коня, и дубом одеть, и до неба
Эту громаду поднять повелел Калхант, чтоб не мог он
Через ворота пройти и, в городе став за стенами,
Ваш народ охранять исконной силой священной.
Ибо, коль ваша рука оскорбит приношенье Минерве,
190 Страшная гибель тогда (пусть прежде пошлют ее боги
Вашим врагам) фригийцам грозит и Приамову царству,
Если же в город его вы своими руками введете,—
Азия грозной войной пойдет на Пелоповы стены,
Вам предреченный удел достанется нашим потомкам».
195 Лживыми клятвами нас убедил Синон вероломный:
Верим его лицемерным слезам, в западню попадают
Те, кого ни Тидид, ни Ахилл, ни многие сотни
Вражьих судов, ни десять лет войны не сломили.
- 200 Новое знаменье тут — страшней и ужаснее прежних —
Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию избран,
Пред алтарем приносил быка торжественно в жертву.
Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
205 Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:
Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.
Стонет соленый простор; вот на берег выползли змеи,
210 Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его, прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,
215 Бедную плоть терзают, звяют, разрывают зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьём потрясая,—

- Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вокруг тела ему и дважды вокруг горла обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
- 220 Тщится он разорвать узлы живые руками,
Яд и черная кровь повязки жреца заливают,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подьмлет
несчастный,—
- Так же ревет и неверный топор из загривка стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
- 225 Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
Быстро ползут напрямик к твердыне Тритонии грозной,
Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться.
Новый ужас объял потрясенные души троянцев:
Все говорят, что не зря заплатил за свое злодеянье
- 230 Лаокоонт, который посмел копьем нечестивым
Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя.
Люди кричат, что в город ввести нужно образ священный,
Нужно богиню молить.
- Брешь пробиваем в стене, широкий проход открываем.
235 Все за дело ввязлись: катки подводят громаде
Под ноги, шею вокруг обвивают пеньковым канатом,
Тянут. Конь роковой тяжело подвигается к стенам,
Вражьем оружием чреват. Вокруг невинные девы,
Мальчики гимны поют и ликуют, коснувшись веревки.
- 240 Все приближается конь, вступает в город с угрозой...
О Илион, обитель богов, дарданцев отчизна!
Стены, что славу в бою обрели! За порог задевая,
Трижды вставал он, и трижды внутри звенело оружие;
Мы же стоим на своем, в ослепленье разум утратив,
- 245 Ставим, на горе себе, громаду в твердыне священной.
Нам предрекая судьбу, уста отверзла Кассандра,—
Тевкры не верили ей, по веленью бога, и раньшее.
Храмы богов в этот день, что для нас, несчастных, последним
Был,— словно в праздник, листвою зеленой мы украшаем.
- 250 Солнце меж тем совершило свой путь, и ночь опустилась,
Мраком окутав густым небосвод, и землю, и море,
Козни данайцев сокрыв. Разбрелись по городу теvkyры,
Смогли все, и сон объял усталые члены.
Тою порой аргивян суда, построясь фалангой,

255 От Тенедоса в тиши, под защитой луны молчаливой,
К берегу вновь знакомому шли. И лишь только взметнулось
Пламя на дарской корме,— Синон, хранимый враждебной
Волей богов, сосновый затвор тайком открывает
Скрытым в утробе бойцам. И конь выпускает наружу
260 Запертых греков: на свет из дубовой выходят пещеры
Радостно храбрый Фессандр, и Сфенел с Улиссом свирепым;
Вниз, по канату скользнув, спустились Фоант с Акамантом,
Неоптолем Пелид, Махаон-врачеватель, и следом
Царь Менелай, и за ними Эпей, строитель засады.
265 Тотчас на город напав, в вине и во сне погребенный,
Стражей убив, встречаются они в отворенных воротах
Новых соратников, слив соумышленных оба отряда.

Час наступил, когда на людей усталых нисходит
Крадучись первый сон, богов подарок отрадный.
270 В этот час мне явился во сне опечаленный Гектор:
Слезы обильно он лил и, как в день, когда влек его тело
За колесницей Ахилл, был черен от крови и пыли;
Мертвые вспухли стопы от ремней, сквозь раны продетых,—
Горе! Как жалок на вид и как на того не похож был
275 Гектора он, что из битвы пришел в доспехах Ахилла
Или фригийский огонь на суда данайские бросил!
Грязь в бороде у него, и от крови волосы слиплись,
В ранах вся грудь,— ибо множество ран получил он у отчих
Стен. И привиделось мне, что заплакал я сам и с такою
280 Речью печальной к нему обратился, героя окликнув:
«Светоч Дардании! Ты, о надежда вернейшая тевкров!
Что ты так медлил прийти? От каких берегов ты явился?
Гектор желанный, зачем, когда столько твоих схоронили
Блиzkих и столько трудов претерпели и люди и город,
285 Видим тебя истомленные мы? И что омрачает
Светлый лик твой, скажи! Почему эти раны я вижу?»
Время не стал он терять, чтоб на праздные эти вопросы
Дать мне ответ, но, тяжело вздохнув, промолвил со стоном:
«Сын богини, беги, из огня спасайся скорее!
290 Стенами враг овладел, с вершины рушится Троя!
Отдал довольно ты и Приаму и родине! Если б
Мог быть Пергам десницей спасен,— то десницей моею!
Троя вручает тебе пенатов своих и святыни:

295 В спутники судеб твоих ты возьми их, стены найди им,
Ибо, обтежав моря, ты воздвигнешь город великий».
Вымолвив так, своею рукой выносит он Весту,
Вечный огонь и повязки ее из священных убежищ.

Вопли скорби меж тем раздаются по городу всюду.
300 Хоть и стоял в стороне, густыми деревьями скрытый,
Дом Анхиза-отца, но все ясней и яснее
Шум долетает к нему и ужасный скрежет оружия.
Вмиг воспрянув от сна, я взшел на вершушку высокой
Кровли и там стоял и внимал им, слух напрягая;
305 Так, если буйным огнем, раздуваемым яростной бурей,
Вдруг займутся поля иль поток стремительный горный
Пашни — работу быков — и посевы тучные губит,
Валит леса и влечет за собой, — пастух изумленный,
Став на вершине скалы, отдаленному шуму внимает.
310 Тут только стала ясна мне истина; козни данайцев
Все открылись теперь. Побезженный силой Вулкана,
Дом Деифоба упал; горит жилище соседа
Укалегона, и блеск отражают Сигейские воды.
Клики труб и воинов крик раздаются повсюду.
Я вне себя хватаюсь за меч, хоть пользы в нем мало.
315 Жаждем соратников мы найти, сплотившись отрядом,
Крепость занять, И ярость и гнев опрокинули разум:
Кажется нам, что достойней всего — с оружием погибнуть.

Тут появляется Панф, ускользнувший от копий ахейских,
Панф Офриад, что жрецом был в храме Феба высокою:
320 Маленький внук на руках, и святыни богов побезженных
В бегстве с собой он влечет, к моему пешешая порогу.
«Где страшнее беда, о Панф? Где найти нам твердыню?»
Только промолвил я так, со стоном он мне ответил:
«День последний пришел, неминуемый срок наступает
325 Царству дарданскому! Был Илион, троянды и слава
Громкая тевкров была, — но все жестокий Юпитер
Отдал врагам; у греков в руках пылающий город!
В крепости конь одного за другим выпускает аргивян,
И победитель Синоп, ликуя, полнит пожаром
330 Трюю. Данайцы — одни к отворенным воротам подходят, —
Столько же некогда к нам из Микен великих явилось;

Выставив копыя, заняв теснины улиц, другие
Строем стоят с обнаженным мечом, сверкая клинками,—
Каждый готов убивать. У ворот лишь первые стражи,
335 В бой вслепую вступив, противятся натиску тщетно».
Речи Панфа такой повинуюсь и воле бессмертных,
Мчусь я в бой и в огонь, куда призывает богиня
Мрачная мщенья, и шум, и до неба поднятые вопли.
340 Встретив меня при свете луны, Рифей и отважный
В битвах Эпит, Гипанид и Димант ко мне примыкают,
Чтобы со мной заодно сражаться; с ними подходит
Сын Мигдона Короб: на этих днях лишь явился
Юноша к нам, полюбив безрассудной любовью Кассандру.
Прибыл на помощь как зять к Приаму он и к фригийцам
345 И наставленьям внимать невесты своей иступленной
Не пожелал.
Видя, что все собрались затем, чтоб сражаться без страха,
К ним обратился я так: «О юноши, тщетно пылают
Храбростью ваши сердца! Вы готовы идти, не колеблясь,
350 С тем, кто решился на все,— но исход вам известен заране!
Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.
Что же! Погибнем в бою, но горящему граду поможем!
Для побежденных спасенье одно — о спасенье не думать!»
355 Яростью я их зажег. И вот, точно хищные волки
В черном тумане, когда ненасытной голод утробы
Стаю вслепую ведет, а щенки с пересохшею глоткой
Ждут по логовам их,— мы средь вражеских копий навстречу
Гибели верной бредем по срединным улицам Трои,
360 Сумрачной тенью своей нас черная ночь осеняет.
Кто о кровавой резне той ночи страшной расскажет?
Хватит ли смертному слез, чтобы наши страданья оплакать?
Древний рушится град, царивший долгие годы.
Всюду — вдоль улиц, в домах, у дверей заповедных
святилищ —
365 Груды тел неподвижных лежат, во прахе простертых.
Пеню кровавую тут не одни лишь платят троянцы:
Даже в сердца побежденных порой возвращается храбрость,
И победитель тогда данаец падает наземь.
Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду.

Был Андрогей. За соратников пас в неведенье принял

Он и с речью такой приветливо к нам обратился:

«Эй, торопитесь, друзья! Как можно медлить так долго

В праздности? Грабят без вас и разносят Пергам

подожженный!

375 Вы же только теперь с кораблей высоких идете!»

Молвил — и понял он вдруг, не услышав ясных ответов

Ни от кого, что в гуще врагов оказался неожиданно.

Тотчас же с криком назад Андрогей изумленный отпрянул, —

380 Так же, случайно ступив, в колючем терновнике путник

Вдруг потревожит змею — и с трепетом прочь он стремится,

Видя, что гад поднялся и свирепо раздул свою шею.

Так отступил Андрогей, когда нас узнал, устрешенный.

Сомкнутым строем на них мы со всех сторон нападаем,

385 Видим: сопутствует нам Фортуна в первом сраженьи.

Духом воспрянул Кореб, мимолетным ободрен успехом,

Молвит: «Друзья, если нам указала Фортуна к спасенью

Путь, где она благосклонна была, — последовать должно

Этим путем. Обменяем щиты и к нашим доспехам

390 Знаки данайские мы приладим. Хитрость и храбрость

В битве с врагами равны! Сам недруг даст нам оружие».

Молвив так, надевает он шлем Андрогоя косматый,

Пышно украшенный щит и меч аргосский хватает.

Делают то же Рифей и Димант, и радостно следом

395 Юноши все оружие берут, добытое с бою.

Без изволения богов мы рыщем ночью слепою,

Тут нападаем и там, с толпой смешавшись данайцев;

Многих отправили мы в обитель мрачную Орка.

Враг разбегается: те на берег спешат безопасный —

400 Спрятаться возле судов, а те, в постыдном смятенье,

Лезут опять на коня, — чтоб в знакомом чреве укрыться.

Но против воли богов ни на что нельзя полагаться!

Видим: из храма влекут, из священных убежищ Минервы,

Деву, Приамову дочь, Кассандру; волосы пали

405 На плечи ей; пылающий взор возвела она к небу, —

Только взор, ибо руки поднять не давали оковы.

Зрелище это Кореб снести не мог и, взъярившись,
В самую гущу врагов устремился на верную гибель.
Следом за ним и мы напали сомкнутым строем.
410 Тут посыпались вдруг с высокой святилища кровли
Копья троянцев на нас: началась плачевная битва,—
Из-за доспехов чужих, из-за греческих шлемов гривастых.
Враг сбежался на крик: за добычу отбитую в гневе,
Мчатся со всех сторон давайцы — оба Атрида,
415 Пылкий Аякс и за ним долопов грозное войско.
Так иногда срывается вихрь, и встречные ветры
Борются: Нот, и Зефир, и Эвр, что радостно гонит
Коней Зари; и стонут леса, и свирепо трезубцем
Пеной покрытый Нерей до глубин возмущает пучины.
420 Даже и те, кого удалось во тьме непроглядной
Хитростью нам разогнать и рассеять по городу,— снова
Все появляются здесь: щиты и подложные копья
Тотчас они узнают, услышав наш выговор странный.
Враг подавил нас числом. Сражен рукой Пенелея,
425 Падает первым Кореб к алтарю копьеносной богини.
Пал и Рифей, что всегда справедливейшим слыл среди тевкров,
Следуя правде во всем (но иначе боги судили).
Пал Гипанид и Димант, убиты троянцами оба.
Панф! И тебя не спасли, когда был ты повержен врагами,
430 Ни благочестье твое, ни повязки жреца Аполлона!
Трой прах и огонь, в котором друзья погибали,
Вы мне свидетели: в час крушенья я не стремился
Копий данайских бежать и уйти от участи грозной.
Гибель я заслужил — но рок мне иное назначил.
435 Вырвался с Пелием я и с Ифитом (Ифит отягчен был
Возрастом, Пелий был слаб от ран, нанесенных Улиссом).
Крики и шум непрестанно влекли нас к дому Приама.

Битва такая здесь шла многолюдная, словно нигде уж
Не было больше войны, и бойцов не удерживал город.
440 Лютый свирепствует Марс. Данайцы рвутся в чертоги,
Тщатся входы занять, прикрываясь сверху щитами,
Лестницы ставят к стенам и у самых дверей по ступеням
Лезут все выше они, против стрел щиты выставляя
Левой рукой, а правой уже хватаясь за кровли.

445 Башни рушат на них, черепицу мечут дарданцы,—
Видя последний свой час, на краю неминуемой смерти
Этим оружием они от врагов хотят защититься.
Дедовских древних времен красу — золоченые балки
Катят сверху одни; другие, мечи обнаживши,
450 Встали в дверях изнутри, охраняют их сомкнутым строем.
Духом воспрянув, спешим скорее к царским чертогам,
Чтобы пополнить ряды и помощь подать побежденным,

Дверь потайная была и ход, покинутый всеми:
Сзади он вел во дворец через все покои Приама,
455 Здесь ходила не раз, пока наше царство не пало,
Без провожатых, одна, Андромаха к родителям мужа,
К деду несчастная мать носила Астианакса.
Быстро выбежал я на высокую крышу, откуда
Бедные тевкры вниз безвредные копыя метали.
460 С краю там башня была, до самых звезд поднималась
Кровлей высокой она, с нее видна была Троя,
Ряд привычный судов данайских и лагерь ахейский.
Башню вокруг обступив, мы железом крушим основанья
Там, где высокий настил расшатался в швах ослабевших,
465 Вниз толкаем ее, и внезапно с грохотом грозным
Рушится все, и вражеский строй засыпают обломки,
Но подступают еще и еще данайцы, и градом
Камни и копыя летят.

Возле самых сеней на пороге царском ярится
470 Пирр, и ярко блестит доспех, сверкающий медью.
Так выходит на свет, напитавшись травой ядовитой,
Змейка: зимой холода под землей ее долго держали;
Юностью ныне блестя и сбросив старую кожу,
Скользкую спину она извивает и грудь поднимает
475 К солнцу опять, и трепещет язык раздвоенный в пасти.
Рядом стоит великан Перифант и возница Ахилла
Автомедонт-щитоносец и с ним скиросское войско:
Все, дворец обступив, на крышу факелы мечут.
Пирр — в передних рядах: схватив топор двулезвийный,
480 Рубит порог и дверь, обитую медью, срывает
Прочь с косяка. Уж насквозь прорубил он дубовую доску;

Словно раскрытая пасть, широко в ней зияет отверстие:
Внутренность дома видна, череда чертогов открылась,
Виден Приама покой и царей наших древних палаты,
485 Люди с оружием видны, что стоят за первую дверью.

Полнится дом между тем смятеньем и горестным стоном:
В гулких чертогах дворца отдаются женские вопли,
Крик долетает до звезд. Объятые трепетом, бродят
Матери, жены везде по обширным покоям, и двери
490 Держат в объятьях они, поцелуями их покрывая.
Натиском Пирр подобен отцу: и запоры и стражи —
Все бессильны пред ним. От ударов частых тарана
Дверь подалась наконец, сорвалась с шипов и упала.
Сила путь пролагает себе: вломились данайцы,
495 Первых стражей свалив, разлились по дворцу, словно волны.
С меньшей силой поток вспененный, прорвавши плотины,
Натиском волн одолев на пути стоящие дамбы,
Бешено мчит по лугам и по нивам стремится свои волны,
Вместе со стойлами скот унося. Разъяренного Пирра
500 Видел я сам и Атридов двоих на высоком пороге,
Видел меж ста дочерей и невесток Гекубу, Приама, —
Кровью багрил он алтарь, где огонь им самим освящен был.
Брачных покоев полста — на потомков обильных надежда,
Двери, щитами врагов и варварским гордые златом, —
505 Рушится все, Что огонь пощадил, — досталось данайцам.

Спросишь, быть может, о том, какова была участь Приама?
Видя, что занят врагом разрушенный город, что входы
Взломаны царских палат, что дворец наполняют данайцы,
Старец, отвыкший от битв, дрожащей рукой облачает
510 Дряхлое тело в доспех, надевает меч бесполезный,
Прямо в гущу врагов устремляется в поисках смерти.
В самом сердце дворца, под открытым сводом небесным
Был огромный алтарь, и старый лавр густолистный
Рос, нависая над ним, осеняя ветвями пенатов.
515 В тщетной надежде вокруг с Гекубой дочери сели,
Жались друг к другу они, как голубки под бурю черной,
Статуи вечных богов обнимая. Когда же Гекуба
Мужа увидела вдруг в доспехах, приличных лишь юным, —
Молвила: «Бедный Приам, о что за умысел страшный

520 Это оружие взять тебя заставил? Куда ты?
Нет, не в таком подкрепленье, увы, не в таких ратоборцах
Время нуждается! Нет, если б даже был здесь мой Гектор...
Так отойди же сюда! Защитит нас жертвенник этот,
Или же вместе умрем!» И, промолвив, она привлекает
525 Старца к себе и сажает его в укрытьи священном.

В этот миг, ускользнув от резни, учиняемой Пирром,
Сын Приамов Полит появился. Средь вражеских копий,
Раненый, вдоль колоннад он летит по пустынным палатам,
Следом гонится Пирр, разъяренный проливой кровью, —
530 Кажется — вот он схватит его или пикою настигнет.
Все же Полит убежал: истекающий кровью, упал он
Наземь и дух испустил на глазах у Приама с Гекубой.
Тут Приам, хоть над ним уже верная смерть нависала,
Гнева не мог сдержать и воскликнул голосом слабым:
535 «Пусть за злодейство тебе и за дерзость преступную боги, —
Если еще справедливость небес карает преступных, —
Всем, что ты заслужил, воздадут и заплатят достойной
Платой за то, что меня ты заставил сыновнюю гибель
Видеть и взоры отца запятнал лицемерием смерти.
540 Нет, не таков был Ахилл (ты лжешь, что тебе он родитель):
Прав молящего он устыдился и чести был верен,
Отдал Приаму-врагу бездыханное Гектора тело
Для погребенья и нас отпустил домой невредимо».
Вымолвив так, без размаха копье бессильной рукою
545 Старец в Пирра метнул, но застряла безвредная пика
В выпуклой части щита, отраженная гулкою медью.
Пирр отвечал: «Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Все рассказать не забудь и о выродке Неоптолема.
550 Так умри же!» И вот, промолвив, влечет к алтарю он
Старца, который скользит в крови убитого сына;
Левой рукой Приама схватив за волосы, правой
Меч он заносит и в бок вонзает по рукоятку.
Так скончался Приам, и судил ему рок перед смертью
555 Трои славной пожар и крушенье Пергама увидеть,
После того как властителем он земель и народов
Азии некогда был. Лежит на побережье троянском,
Срублена с плеч, голова и лежит безымянное тело.

Я обомлел, и впервые обьял меня ужас жестокий:
560 Милого образ отда мне представился в это мгновенье,
Ибо я видел, как царь, ровесник ему, от удара
Страшного дух испустил. Предо мной предстала Креуса,
Дом разграбленный мой, малолетнего Юла погибель.
Я оглянулся, смотрю, вокруг осталось ли войско?
565 Все покинули бой: ослабевши, трусливо на землю
Спрыгнули или огню истомленное предали тело.

Был я один, когда вдруг на пороге святилища Весты
Вижу Тиндарову дочь, что в убежище тайном скрывалась
Молча, в надежде спастись, — но при ярком свете пожара
570 Видно было мне все, когда брел я, вокруг озираясь.
Равно страшась, что ее за сожженный Пергам покарают
Тевкры и что отомстят покинутый муж и данайцы,
Спряталась у алтаря и, незримая, в храме сидела
Та, что была рождена на погибель отчизне и Трое.
575 Вспыхнуло пламя в душе, побуждает гнев перед смертью
Ей за отчизну воздать, наказать за все преступленья:
«Значит, вернется она невредимо в родные Микены,
Спарту узрит и пройдет царицей в триумфе, рожденном
Ею самой? Увидав сыновей и родителей снова,
580 В дом свой войдет в окруженье толпы рабов илионских,
После того как Приам от меча погиб, и пылает
Троя, и кровью не раз орошался берег дарданский?
Так не бывать же тому! Пусть славы мне не прибавит
Женщине мечь, — недостойна хвалы такая победа, —
585 Но, по заслугам ее покарав, истребив эту скверну,
Я стяжаю хвалу, и сладко будет наполнить
Душу мщенья огнем и прах моих близких насытить».
Мысли такие в уме, ослепленном гневом, кипели,
Вдруг (очам никогда так ясно она не являлась)
590 Мать благая, в ночи блистая чистым сияньем,
Встала передо мной во всем величье богини,
Точно такая, какой ее небожители видят.
Руку мою удержала она и молвила слово:
«Что за страшная боль подстрекает безудержный гнев твой?
595 Что ты безумствуешь, сын? Иль до нас уж нет тебе дела?
Что не посмотришь сперва, где отец, удрученный годами,
Брошен тобой, и живы ль еще супруга Креуса,

Мальчик Асканий? Ведь их окружили греков отряды!
Если б моя не была им надежной защитой забота,
600 Их унес бы огонь или вражеский меч уничтожил.
Нет, не спартанки краса Тиндариды, тебе ненавистой,
И не Парис, обвиненный во всем,—лишь богов беспощадность,
Только она опрокинула мощь и величие Трои.
Сын мой, взгляни: я рассею туман, что сейчас омрачает
605 Взор твоих смертных очей и плотной влажной завесой
Все застилает вокруг. Молю: материнских приказов
Ты не страшись и советам моим безотказно последуй.
Там, где повержены в прах громады башен, где глыбы
Сброшены с глыб и дым клубится, смешанный с пылью,—
610 Стены сметает Нептун, сотрясая устои трезубцем,
Город весь он крушит и срывает его с оснований.
Тут Юнона, заняв ворота Скейские первой,
Яростным пылом полна и мечом опоясана, кличет
Войско от кораблей.
615 Видишь: там, в высоте, заняла твердыни Паллада,
Села, эгидой блестя, головой Горгоны пугая.
Сам Отец укрепляет дух данайцев, и силы
Им придает, и богов возбуждает против дарданцев.
Бегством спасайся, мой сын, покинь сраженья! С тобою
620 Буду всегда и к отчим дверям приведу безопасно».
Вымолвив, скрылась она в непроглядном сумраке ночи;
Я же воочью узрел богов, Илиону враждебных,
Грозные лики во тьме.
Весь перед взором моим Илиоп горящий простерся.
625 Вижу: падает в прах с высоты Нептунова Троя,
Будто с вершины горы, беспощадным подрублен железом,
Яень старый, когда, чередуя все чаще удары
Острых секир, земледельцы его повергнуть стремятся,
Он же стоит до поры, и трепещущей кроной качает,
630 И наконец, побежден глубокими ранами, с тяжким
Стоном рушится вниз, от родного хребта отрываясь.

Вниз я бегу и, богиней ведом, средь врагов и пожаров
Двигаюсь в путь: пропускают меня огонь и оружие.
Но лишь только достиг я порогов гнезда родового,
635 Старого дома отцов,— тот, к кому я всех больше стремился,
В горы кого унести всех прежде желал я,— родитель

Мне говорит, что не хочет он жить после гибели Трои,
Чтобы изгнанье сносить: «У вас не тронула старость
Крови, и силы крепки, и тела выносливы ваши,
640 Вы и бегите!
Если бы век мой продлить небожителям было угодно,
Это жилище они б сохранили. Довольно однажды
Город взятый узреть, пережить паденье отчизны!
Здесь положите меня, здесь проститесь со мной и бегите!
645 Смерть от своей руки я приму, иль враг пожалеет:
Ради добычи убьет. Мне лишиться гробницы не страшно!
Слишком уж я зажился, ненавистный богам, бесполезный,
С той поры как родитель богов и людей повелитель
Молнией дунул в меня и огнем коснулся небесным».
650 Так упорствовал он и одно твердил непреклонно;
Я взмолился в слезах, и со мной Креуса, Асканий,—
Весь наш дом отца умолял, чтобы всех не губил он
Вместе с собой и гнетущему нас не способствовал року.
Все мольбы он отверг и стоял на том, что замыслил.
655 Вновь я в битву стремлюсь и желаю смерти, несчастный;
Был ли выход иной у меня, иное решение?
«Мог ты подумать и впрямь, что, покинув тебя, убегу я?
Как с родительских уст сорвалось нечестивое слово?
Если угодно богам до конца истребить этот город,
660 Прежде могучий, и ты желаешь к гибели Трои
Гибель прибавить свою и потомков своих, то для смерти
Дверь открыта: ведь Пирр, Приамовой залитый кровью,
Сына пред взором отца и отца в святилище губит.
Мать всеблагая! Так вот для чего сквозь пламя, сквозь копья
665 Ты меня провела: чтоб врагов в этом доме я видел,
Чтоб на глазах у меня и отец, и сын, и Креуса
Пали мертвыми здесь, обагрят кровью друг друга!
Мужи, несите мечи! Последний рассвет побежденных
Ныне зовет! Отпустите меня к врагам и позвольте
670 В новую битву вступить, чтоб не умерли мы без отмщенья!»

Вновь надеваю доспех, и снова щит прикрепляю
К левой руке, и опять спешаю из дому в битву,
Но на пороге меня удержала жена, припадая
С плачем к коленям моим и Юла к отцу протянувши:
675 «Если на гибель идешь, то и нас веди за собою!

Если ж, оружие подняв, на него возлагаешь надежды,—
Раньше наш дом защити! На кого покидаешь ты Юла,
Старца-отца и меня, которую звал ты супругой?»
Так причитала она, чертог оглашая стенаньем.

- 680 Тут изумленным очам явилось нежданное чудо:
Юл стоял в этот миг пред лицом родителей скорбных;
Вдруг привиделось нам, что венцом вокруг головки ребенка
Ровный свет разлился, и огонь, касаясь безвредно
685 Мальчика мягких волос, у висков разгорается ярко.
Трепет объял нас и страх: спешим горящие кудри
Мы погасить и водой заливаем священное пламя.
Очи воздел родитель Анхиз к созвездьям, ликуя,
Руки простиер к небесам и слова промолвил такие:
690 «Если к мольбам склоняешься ты, всемогущий Юпитер,
Взгляд обрати к нам, коль мы благочестьем того заслужили,
Знаменье дай нам, Отец, подтверди нам эти приметы!»
Только лишь вымолвил он, как гром внезапно раздался
Слева, и, с неба скользя, над нами звезда пролетела,
695 Сумрак огнем разорвав и в ночи излучая сиянье.
Видели мы, как она, промелькнув над кровлею дома,
Светлая, скрылась в лесу на склоне Иды высокой,
В небе свой путь прочертив бороздою огненной длинной,
Блеск разливая вокруг и запах серного дыма.
700 Чудом таким убежден, родитель, взор устремляя
Ввысь, обратился к богам и почтил святое светило:
«Больше не медлю я, нет, но пойду, куда поведете,
Боги отцов! Лишь спасите мой род, мне внука спасите!
Знаменье вами дано, в вашей власти божественной Троя.
Я уступаю, мой сын: тебе я спутником буду».
705 Так промолвил Анхиз. Между тем доносился все громче
Пламени рев из-за стен и пожары к нам зной приближали.
«Милый отец, если так,— поскорей садись мне на плечи!
Сам я тебя понесу, и не будет мне труд этот тяжек.
Что б ни случилось в пути — одна нас встретит опасность
710 Или спасенье одно. Идет пусть рядом со мною
Маленький Юл и по нашим следам в отдаленье — Креуса.
Вы же наказы мои со вниманьем слушайте, слуги:
Есть за стеной городской пригорок с покинутым храмом
Древним Цереры; растет близ него кипарис, что священным

715 Слыл у отцов и лишь тем сохранен был долгие годы.
С вами в убежище то мы с разных сторон соберемся.
В руки, родитель, возьми святыни и отчих пенатов;
Мне их касаться грешно: лишь недавно сражение и сечу
Я покинул, и мне текучей прежде струею
720 Должно омыться».
Вымолвив так, я плечи себе и склоненную спину
Сверху одеждой покрыл и желтой львиною шкурой,
Поднял ношу мою; вцепился в правую руку
Маленький Юл, за отцом поспешавший шагом неровным;
725 Шла жена позади. Потемней выбираем дорогу;
Я, кто недавно ни стрел, летевших в меня, не боялся,
Ни бессчетных врагов, толпой мне путь преграждавших, —
Ныне любых ветерков, любого шума пугаюсь:
Страшно за ношу мою и за спутника страшно не меньше.
730 Вот и ворота видны; я думал, путь мой окончен —
Но показалось мне вдруг, что до слуха доносится частый
Шорох шагов. И родитель, во тьму вперившийся взором,
Крикнул: «Беги, мой сын, беги: они уже близко!
Вижу: щиты их горят и медь мерцает во мраке».
735 Тут-то враждебное мне божество (не знаю, какое)
Разум похитило мой, помутив его страхом: покуда
Я без дороги бежал, выбираясь из улиц знакомых,
Злая судьба у меня отняла супругу Креусу:
То ли замешкалась где, заблудилась ли, села ль, уставши, —
740 Я не знаю досель, — но ее мы не видели больше.
Я ж оглянулся назад, о потерянной вспомнил не раньше,
Чем на священный холм к старинному храму Цереры
Мы добрались. Пришли сюда все — одной не хватало;
Мужа, и сына, и слуг ожиданья она обманула.
745 О, кого из богов и людей в тот миг, обезумев,
Я не винил? Что видал я страшней в поверженной Трое?
Юного сына, отца Анхиза, троянских пенатов
Я поручаю друзьям, укрыв их в изгипе долины,
Сам же в город стремлюсь, облачившись доспехом блестящим.
750 Твердо решаю опять превратности боя изведать,
Трою пройти до конца средь смертельных опасностей снова...
Прежде спешу я к стене и к воротам, откуда я вышел,
Тем же путем возвращаюсь назад и во тьме озираюсь:
755 Жутко повсюду душе, сама тишина устрашает.

- К дому — может быть, здесь, быть может, сюда воротилась? —
Я подхожу, но в чертог уже проникли данайцы.
Пламя жадное вверх до высокой взвивается кровли,
Ветер вздувает огонь, и пожар до неба бушует.
- 760 Дальше иду: предо мной Приамов дворец и твердыня;
Храма Юноны пусты колоннады — только отборных
Двое стражей стоят: Улисс проклятый и Феникс,
Зорко добычу храня. Сюда несли отовсюду
Трои казну и престолы богов, из горящих святилищ
- 765 Взятые дерзко врагом, золотые чаши литые,
Груды одежд. И тут же, дрожа, вереницею длинной
Матери, дети стоят.
Даже голос подать я решился в сумраке ночи,
Улицы криком своим наполнил и скорбно Креусу
- 770 Снова и снова к себе призывал со стоном, — но тщетно.
Так я искал без конца, вне себя по городу рыскал;
Вдруг пред очами предстал печальный призрак Креусы:
Тень ее выше была, чем при жизни облик знакомый.
Тотчас я обомлел, и голос в горле пресекался.
- 775 Мне сказала она, облегчая заботы словами:
«Полезь много ли в том, что безумной предался ты скорби,
Милый супруг? Не без воли богов все это свершилось,
И не судьба тебе спутницей взять отсюда Креусу:
Нé дал этого нам властитель бессмертный Олимпа!
- 780 Долго широкую гладь бороздить ты будешь в изгнание,
Прежде чем в землю придешь Гесперийскую, где
тихоструйный
Тибр лидийский течет средь мужами возделанных пашен.
Ты счастливый удел, и царство себе, и супругу
Царского рода найдешь; так не плачь по Креусе любимой!
- 785 Мне не придется дворцы мирмидонян или долопов
Гордые видеть и быть у жен данайских рабыней.—
Внучке Дардана, невестке Венеры.
Здесь удержала меня богов Великая Матьерь.
Ныне прощай и храни любовь нашу общую к сыну!»
- 790 Слезы я лил и о многом сказать хотел, но, промолвив,
Призрак покинул меня и растаял в воздухе легком.
Трижды пытался ее удержать я, сжимая в объятьях,
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
Словно дыханье легка, сновиденьям крылатым подобна.

Ночь на исходе была, когда вновь друзей я увидел.
Тут, удивленный, нашел я толпу огромную новых
Слутников: к нам, что ни час, стекались матери, мѹжи,
К нам молодежь собралась — поколенье изгнанников жалких!
Шли отовсюду они, и сил и решимости полны
800 В землю любую со мной отплыть, куда захочу я.
Тою порой Люцифер взошел над вершинами Иды,
День выводя за собой. Охраняла данайская стража
Входы ворот. Наши силы уже не крепила надежда.
На плечи взял я отца и безропотно двинулся в горы».

Книга третья

«После того, как был истреблен безвинно Приамов
Род по воле богов, и в поверженном царстве Азийском
В прахе простерлась, дымясь, Нептунова гордая Троя,
Нас же в изгнание искать свободных земель побуждали
5 В знаменьях боги не раз,— корабли мы начали строить
Возле Антандра, в лесах, у подножья Иды Фригийской,
Стали людей собирать, хоть не знали, куда понесет нас
Рок и где позволит осесть. Весна наступила,
Вверить судьбе паруса приказал Анхиз, мой родитель.
10 Гавань, и берег родной, и поля, где Троя стояла,
Я покидаю в слезах и в открытое море, изгнанник,
Сына везу и друзей, великих богов и пенатов.

Есть земля вдалеке, где Маворса широкие нивы
Пашет фракийцев народ, где царил Ликург беспощадный.
15 Были пенаты страны дружелюбны пенатам троянским
Встарь, когда Троя цвела. Прибыв туда, у залива
Стены я заложил — хоть рок был враждебен — и дал им
Имя свое, назвав Энеадой первый мой город.

Правя у моря обряд, я мать молил Дионею,
20 С нею бессмертных других, чтобы нам даровали удачу
В новых трудах, и быка принесил Юпитеру в жертву.

Рядом пригорок стоял. На его вершине разросся
Куст кизила и мирт, ошетиливший сучья густые.
Только, поднявшись на холм, я куст попробовал вырвать,
25 Чтобы покрыть алтари зеленой листвою и ветвями,—
Страшно сказать — явилось очам небывалое чудо:
Стоило первый росток мне из почвы вытащить,— тотчас
Черная кровь из корней разорванных стала сочиться,
Землю пятная вокруг. Холодным ужасом схвачен,
30 Весь задрожал я, и кровь, леденя, застыла от страха.
Снова попробовал я лозину гибкую вырвать,
Чтобы чуда причин доискаться, глубоко соковытых,
Снова черная кровь из-под тонкой коры выступает.
Тяжкой тревогой объят, я сельских нимф умоляю,
35 С ними Градива-отца, владыку пажитей гетских,
Чтобы знаменье нам они обратили на благо.
Но лишь только налег я на третий сучок посильнее,
Твердо коленом в песок упершись (молвить об этом
Иль промолчать?),— вдруг жалобный стон до нашего слуха
40 Прямо из недр холма долетел, и голос раздался:
«Что ты терзаешь меня, Эней? Погребенных не трогай,
Праведных рук не скверни. Для тебя не чужим был рожден я:
Знай, что троянская кровь из стволов надломленных льется!
Горе! Беги от жестокой земли, от алчных прибрежий!
45 Я — Полидор: поднялись над пронзенным железные всходы
Копий, и густо сплелись, разрослись, острые дроты».
Замер я: ужас двойной потрясает смущенную душу,
Волосы дыбом встают, пресекается голос в гортани.

Некогда был Полидор с обильной казной золотою
50 Тайно отправлен к царю фракийцев несчастным Приамом:
Веру утратил тогда в оружие дарданское старец,
Видя, что город кольцом осады плотно охвачен.
Но, когда счастье от нас отвернулось и силы сломились,
Царь, побежденных предав, Агамемнона сторону принял,
55 Высшее право презрев, Полидора убил он и силой
Золото все захватил. О, на что только ты не толкаешь
Алчные души людей, проклятая золота жажда!

Только лишь страх покинул меня,— о чуде поведал
Я отцу и народа вождям и спросил их совета.

60 Мнение у всех одно: от преступной земли удалиться,
Гостеприимства закон осквернившей, и с ветром умчаться.
Вновь погребальный обряд мы над телом творим Полидора,
Холм насыпаем большой; воздвигаем жертвенник манам,
Мрачный от черных ветвей кипариса и темных повязок;
65 Вкруг троянки стоят, распустив по обычаю косы,
Пенные чаши несут с парным молоком и сосуды
С жертвенной кровью мужи, и в последний раз громогласно
Все взывают к нему, схоронив его душу в могиле.
Чуть лишь ввериться вновь волнам смогли мы, и в море
70 Ветры открыли нам путь, и Австр призвал нас в просторы,
На воду снова спустив корабли, собралися троянцы.
Гавань покинув, плывем; отступают селенья и берег.

Остров средь моря лежит, почитаемый всюду священным,
Мать Нереид и Эгейский Нептун его возлюбили.
75 Долго блуждал он вдоль берегов, пока Стреловеж
Прочно его не связал с Миконом, с Гиаром высоким,
Нé дал ветры презреть и средь волн пребывать неподвижным.
Мчимся туда; приняла утомленных спокойная гавань.
На берег вышли мы все поклониться городу Феба.
80 Смертных царь и жрец Аполлона Аний нас встретил,
Лавром священным чело увенчав и повязками бога,
Руки пожал нам, узнав Анхиза — старого друга,
Гостеприимства союз заключил и повел нас в чертоги.

Фебов храм я почтил, из старинного строенный камня.
85 «Дай нам собственный дом, Тимбрей, дай стены усталым,
Трое дай новый Пергам, дай потомков и град долговечный
Нам, что от греков спаслись и от ярости грозной Ахилла.
Молви, за кем нам идти? Куда? И где поселиться?
Знаменье дай нам, отец, снизойди, вселись в наши души».
90 Только лишь вымолвил я, как все содрогнулось внезапно:
Фебово дерево — лавр, пороги, окрестные горы,
Дверь распахнулась сама, загремели треножки в храме;
Все мы простерлись ниц, и донесся голос до слуха:
«Та же земля, где некогда род возник ваш старинный,
95 В щедрое лоно свое, Дардана стойкие внуки,
Примет вернувшихся вас. Отыщите древнюю мать!

Будут над всею страной там царить Энея потомки,
Дети детей, а за ними и те, кто от них народится).
Так вещает нам Феб. Раздаются шумные клики
100 Радости; все, как один, вопрошают, в который же город
Феб скитальцев зовет, куда велит он вернуться.
Тут, вспоминая отцов преданья древние, молвит
Старец Анхиз: «Узнайте, друзья, на что уповать вам:
105 Остров Юпитера — Крит — лежит средь широкого моря,
Нашего племени там колыбель, близ Иды высокой.
Сто больших городов там стоит,— обильные царства.
Если все, что слышал, я верно помню,— то прибыл
Славный предок наш Тевкр оттуда к пашням Ретейским,
Место для царства ища. Илион на высотах Пергамских
110 Не был еще возведен; в низинах люди селились.
Матерь — владычица рош Кибелы и медь корибантов,
Имя идейских лесов, нерушимое таинств молчанье,
Львы, в колесницу ее запряженные,— все это с Крита.
Что же! Куда нас ведут веленья богов, устремимся,
115 Жертвами ветры смирим и направимся в Кносское царство.
Нам до него невелик переход: коль поможет Юпитер,
Третий рассвет корабли возле критского берега встретят».
Молвив так, он заклал богам почетные жертвы:
Бык — Нептуну и бык — тебе, Аполлон пышнокудрий,
120 Буре — черных овец, белоснежных—попутным Зефирам.

К нам долетела молва, что покинул отчье царство
Изгнанный Идоменей и безлюдны Крита прибрежья:
Бросил домá свои враг, и пустыми остались жилища.
Гавань Ортигии мы покидаем, по морю мчимся
125 Мимо Наксосских хребтов, оглашаемых воплем вакханок,
Мимо зеленых берегов Донусы и белых— Пароса,
Путь наш лежит меж Киклад, по пучине разбросанных часто,
Крик поднимают гребцы, состязаясь между собою.
Спутники их ободряют, спеша на родину предков.
130 Ветер попутный догнал корабли, с кормы налетевший,—
Так прибываем мы все на старинный берег Куретов.
Стены спешу возвести и, назвав Пергамеей желанный
Город, народу велю, довольному именем этим,
Новых жилищ любить очаги и воздвигнуть твердыню.

135 Быстрые наши суда уж давно стояли на суше,
Свадьбы справлять начала молодежь и вспахивать нивы,
Я же строил дома и законы давал; но внезапно
Мор на пришельцев наслал вредоносный воздух побережья:
Всходы, деревья в тот год смертоносный зараза губила.
140 Люди один за другим испускали дух иль в недуге
Тело влачили без сил, и пашни Сириус выжег,
Травы горели в лугах, не давал посев урожая.
Плыть в Ортигию вновь мне велит родитель и снова,
Море измерив, молить о милости Фебов оракул:
145 Где мытарствам конец и где искать повелит он
Помощи в горькой беде? Куда нам путь свой направить?
Ночь опустилась, и сон объял на земле все живое;
Тут изваянья богов — священных фригийских пенатов,
Те, что с собой из огня, из пылавшей Трои унес я,
150 Мне предстали во сне, к изголовью приблизившись ложа:
Ясно я видеть их мог, озаренных ярким сиянием
Полной луны, что лила свой свет в широкие окна.
Так они молвили мне, облегчая заботы словами:
«Тот же ответ, что тебе был бы дан в Ортигии Фебом,
155 Здесь ты услышишь от нас, по его явившихся воле.
Мы пошли за тобой из сожженного края дарданцев,
Мы на твоих кораблях измерили бурное море,
Мы потомков твоих грядущих до звезд возвеличим,
Городу их даруем мы власть. Но великие стены
160 Ты для великих создай. Не бросай же трудов и скитаний!
Должно страну вам сменить. Не об этих краях говорил вам
Делий; велел Аполлон не здесь, не на Крите селиться:
Место на западе есть, что греки зовут Гесперией,
В древней этой стране, плодородной, мощной оружием,
165 Прежде жили мужи эотры; теперь их потомки
Взяли имя вождя и назвали себя «италийцы».
Там исконный наш край: там Дардан на свет появился,
Там же Иасий рожден, от которых наш род происходит.
Встань и радостно ты непреложные наши вещанья
170 Старцу-отцу передай: пусть Корит и Авзонии земли
Ищет он. Вам не дает Юпитер пашен Диктейских!»
Вещий голос богов и виденья меня поразили:
Видел я не во сне пред собою лица пенатов,
Облик богов я узнал и кудри в священных повязках.

175 Вмиг все тело мое покрылось потом холодным.
С ложа вскочив, я ладонями вверх простираю, ликуя,
Руки с мольбой к небесам и вином неразбавленным тотчас
Над очагом возлиянье творю. По свершенью обряда
Я обо всем рассказал по порядку старцу Анхизу.
180 Вспомнил он тут о рожденье двойном и о двух наших предках,
Понял, что, древний наш край назвав, он снова ошибся.
Молвит он: «О мой сын, Илиона судьбою гонимый,
Мне лишь Кассандра одна предсказала превратности эти;
Нашему роду она предрекала грядущее, помню,
185 И называла не раз Гесперию и край Италийский.
Кто бы поверил тогда, что придут к берегам Гесперии
Тевкры? Кого убедить могли предсказанья Кассандры?
Феб указал нам пути — так последуем вещим советам».
Так он промолвил, и все подчинились, ликуя, Анхизу.
190 Снова отплыть мы спешим, немногих сограждан оставив,
И, паруса распустив, разрезаем килем пучины.

Вышли едва лишь суда в просторы морей, и нигде уж
Видно не стало земли — только небо и море повсюду, —
Как над моей головой сгустились синие тучи —
195 Тьму и ненастье суля, и вздыбились волны во мраке,
Вырвавшись, ветер взметнул валы высокие в небо,
Строй кораблей разбросав, и погнал по широкой пучине.
Тучи окутали день, и влажная ночь похищает
Небо, и молнии блеск облака разрывает все чаще.
200 Сбившись с пути, в темноте по волнам мы блуждаем вслепую.
Сам Палинур говорит, что ни дня, ни ночи не может
Он различить в небесах, что средь волн потерял он дорогу.
Солнца не видя, три дня мы блуждаем во мгле непроглядной,
Столько ж беззвездных ночей по бурному носимся морю.
205 Утром четвертого дня мы видим: земля показалась,
Горы встают вдалеке и дым поднимается к небу.
Тотчас спустив паруса, мы сильней налегаем на весла,
Пену вздымая, гребцы разметаю лазурные воды.

Принял нас берег Строфад, когда из пучины я спасся.
210 Страшные те острова, что зовут Строфадами греки,
В море великом лежат Ионийском. С ужасной Келено
Прочие гарпии там обитают с тех пор, как закрылся

Дом Финея для них и столы они бросили в страхе.
Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
215 Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.
Птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы на лапах;
Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,
Щеки их бледны всегда от голода.

В гавань вошли мы, куда пригнала нас буря,— и видим:
220 Тучное стадо коров на равнине вольно пасется,
Мелкий скот по траве гуляет, никем не хранимый.
Мы нападаем на них, и Юпитера мы призываем,
С ним великих богов, чтобы приняли долю добычи.
Начали мы пировать, у залива ложа устроив,—
225 К ужасу нашему, тут внезапно с гор налетают
Гарпии, воздух вокруг наполняя хлопаньем крыльев.
С гнусным воплем напав, расхищают чудовища яства,
Страшно смердя, оскверняют столы касаньем нечистым.
229 Вновь в углубленья скалы, в укрытье надежном поодаль
231 Ставим столы и снова огонь алтарей зажигаем,—
Вновь с другой стороны из незримых тайных убежищ
Шумная стая летит, крючковатые когти нацелив,
Пастями яства скверня. Другьям тогда приказал я
235 Взять оружие и в бой вступить с отродьем проклятым.
Точно приказ выполняют они и в травах украдкой
Острые прячут мечи и щиты скрывают надежно.
Только лишь стая, слетев, огласила изогнутый берег
Криками, в гулкую медь затрубил Мизен и с утеса
240 Подал нам знак, и друзья в небывалую битву вступили,
Мерзких пернатых морских поразить пытаюсь мечами.
Самый сильный удар их перьям не страшен, и ранить
Их нельзя: уносятся высь они в бегстве поспешном,
Гнусный оставив след и добычу сожрать не успевши.
245 Только Келено одна на скале высокой уселась,
Горьких пророчица бед, и такие слова она молвит:
«Даже за битых быков и за телок зарезанных в сечу
Вы готовы вступить, потомки Лаомедонта,
Гарпий изгнать, не повинных ни в чем, из отчего царства?»
250 Так внимайте же мне и мои запомните речи!
Все я скажу, что Фебу Отец всемогущий поведал,
Все, что Феб-Аполлон мне открыл, величайшей из фурий.

Дёржите вы в Италию путь: воззавши к попутным
Ветрам, в Италию вы доплывете и в гавань войдете,
255 Но окружите стеной обещанный город не прежде,
Чем за обиду, что вы нанесли нам, вас не заставит
Голод жестокий столы пожирать, вгрызаясь зубами».
Кончила речь и в леса унеслась на крыльях Келено.
260 В жилах кровь леденит у спутников ужас внезапный,
Духом упав, уверяют они, что мира добиться
Нужно уже не мечом, но мольбою и просьбой смиренной,
Будь хоть богини они, хоть нечистые мерзкие птицы.
С берега руки простер отец мой Анхиз, призывая
Милость великих богов, и назначил почетные жертвы.
265 «Боги! От нас отвратите беду и отриньте угрозы!
Молим: смягчитесь и нас благочестия ради спасите!»
Молвив, канаты велит отвязать он причальные тотчас.

Нот напряг паруса; по волнам пробегаем вспенённым,
Путь направляем, куда поведут нас ветер и кормчий.
270 Вот появился уже лесистый Закинф среди пучины,
Сама, Дулихий за ним и крутые утесы Нерита.
Держимся дальше от скал Итаки, Лаэртова царства,
Край проклиная, где был рожден Улисс беспощадный.
Вот перед нами встают в тумане вершины Левкаты,
275 Виден и Фебов храм, мореходам внушающий трепет,
Мчимся, усталые, к ним, заходим в маленький город,
С носа летят якоря, корма у берега встала.

К суше надежной приплыв, мы Юпитеру жертвы приносим,
И возжигаем алтарь, совершая обряд очищенья,
280 И на Актийской земле илионские игры справляем.
Словно в отчизне, друзья меж собой составляются, масло
С тел стекает нагих. На душе становится легче:
Путь меж врагов позади, позади твердыни аргивян.
Солнце свой круг пролетело меж тем и год завершило,
285 И ледяная зима ураганами волны вздымает.
Медный выпуклый щит, Абанта могучего ношу,
Вешаю в храме на дверь, стихом приношенье прославив:
«Грек-победитель носил, посвятил же Эней побежденный».
Место занять на скамьях приказал я и гавань покинуть.
290 Влагу взрыли гребцы, ударяя веслами дружно,

Отдал рабыню свою он Гелену-рабу во владенье.
330 Но, любовью горя к невесте отнятой, мучим
Местью фурий, Орест застиг внезапно Пелида
И на Ахиллов алтарь его поверг бездыханным.
После смерти его во власть Гелену досталась
Царства часть; Хаонийскими он назвал эти земли,
335 Имя Хаонии дал стране в честь троянца Хаона
И на высотах воздвиг Пергам — Илиона твердыню.
Но какую судьбой или ветром сюда ты заброшен?
Бог ли привел тебя к нам, хоть о нас ты прежде не ведал?
Где Асканий, твой сын? Он жив ли? Видит ли небо?
340 В Трое был он тебе
Не позабыл ли еще погибшей матери мальчик?
Будит ли мужество в нем и старинную доблесть троянцев
Мысль, что Энею он сын и что брат его матери — Гектор?»

Так говорила она и долго рыдала, не в силах
345 Слезы унять; но от стен городских уже приближался
К нам Гелен Приамид, окруженный густою толпою;
Тотчас узнал он друзей и увел, ликуя, к воротам,
Слезы обильные льет, произносит бессвязные речи.
С ним я иду и гляжу на подобие Трои великой —
350 Малый Пергам и на скудный ручей, именуемый Ксанфом,
Новых Скейских ворот порог и створы целую.
Радостно в город друзей со мною тевкры вступают,
Царь принимает нас всех в своих палатах обширных:
Мы среди чертогов творим возлиянье Вакховой влагой,
355 Чаши подняв и держа золотые с яствами блюда.

День пролетел, а за ним и другой, и легкие ветры
В путь зовут нас, и Австр полотно парусов наполняет.
С просьбой такой к прорицателю я тогда обратился:
«Трои сын, глашатай богов! Ты Фебову волю
360 Видишь в движенье светил, в треножниках, в лаврах
кларийских,
Птиц ты знаешь язык и приметы проворных пернатых.
Все святыни рекли, что путь мой будет удачным,
Волю являя свою, все боги меня убеждали
Плыть к Италийской земле и счастье пытаться на чужбине,
Гарпия только одна Келено (мерзко промолвить)

365 Горе сулит, предсказав небывалое чудо и кару,—
Голод гнусный. Скажи, каких опасностей должно
Мне избегать и как превозмочь грозящие беды?»

Прежде всего Гелен, телиц по обряду заклавши,
370 Молит о мире богов, и повязки жреца распускает
Он на священном челе, и меня, о Феб, на порог твой
За руку сам он ведет, потрясенного близостью бога.
После отверз он уста, вдохновленные Фебом, и молвил:
375 «Сын богини! С тобой — и в это твердо я верю —
Воля великих богов, ибо эту тебе предназначил
Участь бессмертный Отец и таков непреложный порядок.
Ныне из многого я лишь немного вправе поведать,
Чтобы измерить моря и войти в Авзонийскую гавань
Мог безопаснее ты. Остальное Парки Гелену
380 Знать не дают и Сатурна дочь открыть запрещает.
Помни: Италию ту, которую мнишь ты уж близкой,
Гавань, куда ты вскоре войти в неведение мыслишь,
Долгий путь отделяет от вас и обширные земли.
Всела гнуть придется тебе в волнах тринакрийских,
385 На кораблях пересечь Авзонийского моря равнину,
Воды подземных озер и Цирцеи остров увидеть,
Раньше чем ты в безопасной земле свой город воздвигнешь.
Знак я открою тебе (ты в душе сохрани его прочно):
Там, где, тревогой томим, у потока реки потаенной,
390 Возле прибрежных дубов ты огромную веприцу встретишь,—
Будет она лежать на земле, и детенышей тридцать
Белых будут сосать молоко своей матери белой,—
Место для города там, там от бед покой обретешь ты.
Также не бойся, что грызть столы вас голод заставит:
395 Путь отыщет судьба, Аполлон моленья услышит.
Только ближних земель, берегов итальяйских восточных,
Тех, в которые бьют валы вот этого моря,
Ты избегай: живут в городах там злобные греки.
Стены на этой земле нарикийские локры воздвигли,
400 С войском своим овладел Саллентинской равниной ликтиец
Идоменей; а вождь Филоктет, Мелибею покинув,
Прочной стеной оградил Петелию, маленький город.
После, когда корабли остановятся, море измерив,
И, возведя алтари, ты у берега будешь молиться,

405 Волосы должно накрыть и укутать пурпурным покровом,
Чтоб меж священных огней, в честь богов зажженных,
враждебный
Лик не предстал пред тобой, не нарушил, зловещий, обряда.
Впредь и ты и друзья — сохраняйте обычай священный,
Пусть и у внуков завет этот так же свято блюдетсЯ.

410 После отплытья тебя примчит к берегам сицилийским
Ветер — туда, где расступятся вширь теснины Пелора;
Влево к земле поверни и по морю влево плыви ты
Кружным путем: берегись и волн, и берега справа!
Слышал я: материк там обрушился в страшном крушенье

415 (Могут всё изменить бесконечно долгие сроки!),
Две страны разделив, что прежде были едины;
Вторгшись меж ними в провал, волнами могучими море
От Гесперийской земли сицилийский берег отторгло
И между пашен и сел потекло по расселине узкой.

420 Справа Сцилла тебя там ждет, а слева — Харибда:
Трижды за день она поглощает бурные воды,
Море вбирая в провал бездонной утробы, и трижды
Их извергает назад и звезды струями хлещет.

425 Сцилла в крошечной тьме огромной пещеры таится,
Высунув голову в щель, корабли влечет на утесы.
Сверху — дева она лицом и грудью прекрасной,
Снизу — тело у ней морской чудовищной рыбы,
Волчий мохнатый живот и хвост огромный дельфина.

430 Лучше Пахина тебе обогнуть тринакрийского меты,
По морю дольше идти, от прямого пути отклониться,
Чем хоть раз увидеть безобразную Сциллу в обширном
Гроте ее между скал, оглашаемых псами морскими.

435 Дальше: если Гелен прозорлив и можно пророку
Верить и дух его Феб наполняет истинным знаньем,—
Только одно, одно лишь тебе повторю многократно,
Сын богини, и вновь, и вновь о том же напомним:
Прежде всего преклонись пред божественной силой Юноны,
Ей молитвы твори, приноси обеты и жертвы,
Чтобы владычицы гнев одолеть: с такою победой

440 Можешь в Италию плыть, покинув Тринакрии берег.
В Кумы ты попадешь, лишь только в край тот прибудешь;
Там у священных озер, у Аверна средь роши шумящей
Ты под скалою найдешь пророчицу, что в исступленье

Людам вещает судьбу, письма же листьям вверяет;
445 Все предсказанья свои записав на листьях древесных,
Дева их в гроте глухом оставляет, сложив по порядку,
Должной чредою они до тех пор лежат неподвижно,
Не повернется пока дверная ось и не сдвинет
Листья с мест ветерок, отворенной поднятый дверью.
450 Но не желает ловить по пещере летящие листья,
Ни разложить по местам, ни собрать вещания дева,
Все уходят ни с чем, Сивиллы приют проклиная.
Время здесь потерять не бойся и не досадуй,
Если друзья упрекнут, если в море властно дорога
455 Вновь паруса призовет и наполнит их ветер попутный.
Вещую ты посети, предсказаний добейся мольбами,—
Пусть лишь предскажет сама и уста разомкнет добровольно.
О племенах италийских она, о будущих войнах
Все расскажет тебе и укажет, как бед избежать вам,
460 Если ж ее ты почтишь, то и путь безопасный дарует.
Бог только это тебе открывает устами моими.
В путь! И возвысь до небес великую Трои делами!»

Так пророк говорил, друзьям судьбу открывая;
После велел он снести к кораблям дары золотые,
465 Флот нагрузить серебром и резною костью слоновой.
Множество медных котлов додонских нам подарил он,
Также Пирра доспех — золотую кольчугу тройную,
И островерхий шлем, увенчанный гривой косматой.
Дар наилучший Гелен вручил Анхизу, а нам он
470 Дал коней и возниц,
Спутникам роздал мечи и число гребцов нам пополнил.
Всем кораблям поднять паруса повелел тут родитель,
Чтоб не замешкаться нам, когда ветер подует попутный.
Феба глашатай к нему обратился с великим почтеньем:
475 «Ты, что славного был удостоен союза с Венерой!
Боги пеклись о тебе и спасали из гибнущей Трои
Дважды. Взгляни, пред тобой Авзонии берег: ты можешь
К ней повернуть паруса. Но придется мимо проплыть вам:
Тот далеко еще край, что вам Аполлон обещает!
480 В путь, счастливый отец, сыновней гордый любовью!
Долгой речью зачем я мешаю крепчающим Австрам?»
Тут Андромаха несет, опечалена нашим отъездом,

Юлу фригийский плащ среди иных одежд разноцветных,
Затканых пряжей золотой, и, от мужа отстать не желая,
485 Нас осыпает она дарами ткацкого стана.
«Мальчик! От той, что была женою Гектора прежде,
Дар прими: пусть руки мои тебе он напомнит,
Давней залог любви, от родных последний подарок.
Вижу в тебе лишь одним я образ Астианакса:
490 Те же глаза, и то же лицо, и руки, и кудри!
И по годам он тебе сейчас ровесником был бы».
К ним, со слезами в глазах, обратился я, отплывая:
«Счастливы будьте, друзья! Ваша доля уже завершилась;
Нас же бросает судьба из одной невзгоды в другую.
495 Вы покой обрели; ни морей бороздить не должны вы,
Ни Авзонийских искать убегающих вдаль побережий.
Видите вы пред собой подобье Ксанфа и Трою,
Вашей рукой возведенную здесь,— при лучших, надеюсь,
Знаменьях: с греками ей не придется впредь повстречаться.
500 Если Тибра и нив, прилегающих к Тибру, достигну
Я и стены узрю, что даны будут нашему роду,—
Город Эпирский, и тот, Гесперийский, и оба народа —
Близки они искони, ибо предок Дардан им обоим,
Ибо судьба их одна,— в Илион, единый по духу,
505 Слиты будут навек: пусть о том не забудут потомки!»

В море выходим мы вновь, близ Керавнии скал

проплываем:

Путь в Италию здесь, средь зыбей здесь короче дорога.
Солнце упало меж тем, и горы окутались тенью.
Мы улеглись у воды на лоне суши желанной,
510 Жребием выбрав гребцов; сухое песчаное ложе
Тело покоит, и сон освежает усталые члены.
Оры, ведущие Ночь, не прошли полпути кругового,—
А Палинур уже встал, незнакомый с праздною ленью;
Чутко воздуха ток и веянье ветра он ловит,
515 Бег наблюдает светил, в молчаливом небе скользящих,
Влажных созвездье Гиад, Арктур, и двойные Трионы,
И Ориона с мечом золотым — он всех озирает.
После, увидев, что все неизменно в безоблачном небе,
Звучный сигнал с кормы подает; мы лагерь снимаем,
520 Снова в дорогу летим, парусов крыла расправляем.

Вот заалела Заря, прогоняя ночные светила.
Тут увидали вдали очертанья холмов и отлогий
Берег Италии мы. «Италия!» — крикнул Ахат мой,
Берег Италии все приветствуют радостным кличем,
525 Сам родитель Анхиз наполняет емкую чашу
Чистым вином до самых краев и богов призывает,
Встав на высокой корме:
«Боги, владыки морей, земель и бурь быстрокрылых!
Легкий даруйте нам путь и ветер попутный пошлите!»
530 Ветер желанный подул сильней, и приблизилась гавань,
И на вершине холма Минервы храм показался.
Спутники, сняв паруса, к берегам корабля повернули,
Берег изогнут дугой и омыт волнами с востока,
Скал преграду прибой кропит соленою пеной,
535 Бухту с обеих сторон, стене башненосной подобна,
Скрыла утесов гряда; а храм отбежал от побережья.
Первое знаменье тут увидел я: вдали на равнине
Вместе паслись на траве четыре коня белоснежных.
Молвит Анхиз: «Войну, о приветливый край, ты сулишь нам:
540 Грозны кони в бою, и грозят эти кони боями!
Только в том, что порой, запряженные вместе в повозку,
Терпят покорно узду и ярмо скакуны эти, вижу
Я надежду на мир». Тут Палладе звонкодоспешной
Первою, радостных, нас принявшей, мольбы вознесли мы,
545 Головы пред алтарем окутав покровом фригийским,
И, первейший завет Гелена помня, заклали
Жертвы, что он повелел, по обряду Юноне Аргосской.
Медлить времени нет, и, моления окончив, тотчас же
Реи, груз парусов несущие, мы повернули,
550 Край подозрительных нив, обиталища греков покинув,
Вот и Тарент над заливом своим вдали показался
(Если преданье не лжет, он основан был Геркулесом),
Храм Лакинийский за ним, Скилакей и твердыни Кавлона;
Вот вдали поднялась из волн Тринакрийская Этна,
555 Громкий рокот зыбей, об утесы бьющихся с силой,
К нам допелся и рев, от прибрежных скал отраженный,
Воды бурлят и со дна песок вздымают клубами.
Молвит родитель Анхиз: «Воистину, это — Харибда!
Все предсказал нам Гелен: и утесы, и страшные скалы.
560 Други, спасайтесь скорей, равномерней весла вздымайте»,

Все выполняют приказ; наш корабль повернулся со скрипом
Влево, от берега прочь, Палинуром направлен проворным,
Следом на всех парусах и на веслах флот устремился.
Вздыбившись, нас подняла до небес пучина и тотчас
565 Схлынувший вал опустил глубоко к теням преисподней.
Трижды в пространстве меж скал раздавалось стенанье утесов,
Трижды пена, взлетев, орошала в небе светила,
Солнце зашло между тем, и покинул ветер усталых.
С верного сбившись пути, к берегам циклопов плывем мы.

570 Бухты огромной покой никогда не тревожат там ветры,
Но громыхает над ней, словно рушась, грозная Этна:
То извергает жерло до неба темную тучу —
Дым в ней, черный как смоль, перемешан с пеплом
белесым, —

И языками огня светила высокие лижет,
575 То из утробы гора изрыгает огромные скалы,
С силой мечет их ввысь, то из недр, бурлящих глубоко,
С гулким ревом наверх изливает расплавленный камень.
Там Энкелада лежит опаленное молнией тело, —
Так преданья гласят, — громадой придавлено Этны:
580 Через разрывы горы гигант огонь выдыхает,
Если же он, утомлен, с боку на бок вдруг повернется, —
Вздрогнет Тринакрия вся, небеса застелятся дымом.
Мы терпели всю ночь ужасное зрелище это,
Скрывшись в лесу и не зная причин столь грозного шума,
585 Ибо ни звездным огнем, ни в эфире разлитым сияньем
Не был мир озарен, но скрывала ненастная полночь
Небо от глаз и луну застилала облаком плотным.

Новый день едва занялся и, поднявшись с востока,
Ночи влажную тень прогнала с небосвода Аврора.
590 Тут из чаши лесной незнакомец странного вида
Вдруг появился — худой, изможденный, в рубище жалком,
Шел он вперед и с мольбой протягивал к берегу руки.
Видим мы: весь он в грязи, лицо обросло бороδοю,
Сколот колючками плащ — но можно узнать еще грека, —
595 Верно, из тех, что пришли из отчизны под Трою когда-то.
Издали он увидел на нас дарданское платье,
Тевкров доспехи узнал и на месте замер в испуге,

После, помедливши миг, он быстрее устремился на берег,
С плачем стал нас молить: «Светилами вас заклинаю,
600 Властью богов и светом небес, дыханье дарящих,
Тевкры, возьмите меня, увезите в земли любые!
Только об этом молю! Пусть я был во флоте данайском,
Пусть войной — признаюсь — на троянских шел я пенатов.
Если поныне сильна обида за наше злодейство,
605 В волны бросьте меня, потопите в глубокой пучине:
Если умру я — то пусть хоть умру от рук человека». Молвив,
колени склонил он и, наши колени обнявши,
Долго стоял. Рассказать, от какой происходит он крови,
Кто он, мы просим его, и какая судьба его гонит.
610 Юноше руку Анхиз протянул, не замедливши долго,
Душу ободрил ему залогом дружбы родитель.
Он же, отбросив страх, о себе наконец нам поведал:
«Я на Итаке рожден, Улисса несчастного спутник.
Имя мне — Ахеменид; Адамаст, мой отец небогатый
615 (Мне бы долю его!), меня отправил под Трою.
Спутники, в страхе спеша порог жестокий покинуть,
Здесь позабыли меня в пещере огромной Циклопа.
Своды ее высоки и темны от запекшейся крови
Всех, кто сожран был в ней. Хозяин — ростом до неба
620 (Землю избавьте скорей, о боги, от этой напасти!),
С виду ужасен для всех и глух к человеческой речи,
Кровью и плотью людей Циклоп насыщается злобный.
Видел я сам, как двоих из наших спутников сразу
Взял он огромной рукой, па спине развалившись в пещере;
625 Брызнувшей кровью порог окропив, телá их о скалы
Он раздробил и жевал истекавшие черною жижей
Члены, и теплая плоть под зубами его трепетала.
Но не замедлила месть: Улисс не вынес такого,
Верным себе и в этой беде итакиец остался.
630 Только лишь сытый Циклоп головой поник, усыпленный
Чистым вином, и в пещере своей разлегся, огромный,
Мяса куски вперемешку с вином во сне изрыгая,
Мы, великим богам помолясь и по жребью назначив,
Что кому совершать, на него все вместе напали,
635 Острым шестом проткнули ему огромное око,
Что лишь одно под челом свирепым Циклопа скрывалось,
То ли агросцев щиту, то ли светочу Феба подобно.

Рады мы были тому, что за тени друзей отомстили...
Но бегите скорей, несчастные, берег покиньте!
640 Рвите причальный канат!
Как ни велик Полифем, что в пещеру овец загоняет,
Скот шерстосный доит,— но таких же огромных и диких
Сто циклопов других населяют изогнутый берег
И по высоким горам, несказанно страшные, бродят.
645 Трижды меж лунных рогов пространство заполнилось светом
С той поры, как в лесах по заброшенным порам звериным
Жизнь я влачу, наблюдаю со скал циклопов огромных
И трепещу, услышав только шум их шагов или голос.
Твердый, как галька, кизил и оливки — жалкую пищу —
650 Ветви мне подают, и кореньями травы питают.
Часто я озирал оком, но сегодня впервые
Здесь корабли увидал у берега. Вам предаюсь я,
Что бы ни ждало меня: лишь бы страшных избежать
чудовищ!

Лучше от вашей руки любую смертью погибнуть».

655 Только промолвил он так — на вершине горы увидали
Мы самого пастуха Полифема. Высокой громадой
Двигался он средь овец, направляясь на берег знакомый.
Зренья лишенный Циклоп, безобразный, чудовищно
страшный,
660 Ствол сосновый держал, им, как посохом, шунал дорогу.
Следом — отара овец, что отрадой единственной были
И утешеньем в беде для него.
Так он спустился к воде и, глубокого места достигнув,
Стал текущую кровь смывать с пронзенного ока,
После в бухту вошел, скрежеща зубами, стена,
665 Но и колен у него не смочили глубокие воды.
Мы же, молящего взяв с собой (того заслужил он),
В страхе кинулись прочь, перерезав молча причалы,
Моря гладь размели, налегая дружно на весла.
Все же услышал Циклоп и на звук голосов устремился,
670 Но, поняв, что до нас дотянуться рукой не удастся
И кораблей не настичь, ионийской волной уносимых,
Громкий поднял он крик, от которого море, и зыби,
И берега Итальянской земли содрогнулись в смятенье,
И отвечали глухим гуденьем Этны пещеры,

675 Тут на зов из лесов и с гор окрестных сбежалось
Племя циклопов и весь заполнило берег залива,
Видим — встали толпой сыны ужасные Этны,
Смотрят свирепо на нас, бессильной полные злобы,
Все, как один, — до небес; так стоят, высоко вознесши
680 Пышные кроны свои, дубы в лесах громовержца,
Так кипарисы стоят шишконосные в рощах Дианы.
Страх жестокий велит нам причал подобрать поскорее,
Мчаться на всех парусах, попутному ветру доверясь.
Но приказал нам Гелен, чтобы мы ни к Харибде, ни к

Сцилле

685 Путь не смели держать, ибо та и эта дорога
К смерти ведет. Потому паруса повернуть мы решили,
Тут, на счастье, подул от проливов узких Пелора
Посланный нам Борей. Близ Пантáгии устий скалистых
Мы прошли. Вот изменный Тапс над Мегарским заливом —
690 Вспять плывя по пути скитаний своих, называл нам
Местности Ахеменид, Улисса злосчастного спутник,

Там, где Племирия мыс Сиканийские волны разрезал,
Остров напротив лежит, что Ортигией издавна звался.
Молвят: Алфея поток, таинственный путь под глубоким
695 Дном морским проложив, течет сюда из Элиды,
В устье сливаясь твоим, Аретуза, с волпой сицилийской.
Местных почтивши богов, как велено было, прошел я
Мимо тучных земель, затопляемых часто Гелором,
После Пахин обогнул, к утесам, к скалам прибрежным
700 Ближе держась; показались вдали Камарина, которой
Быть недвижимой велит судьба, и Гелойские пашни;
Гелу, что имя свое от реки получила бурливой,
Видим вдали, и крутой Акрагант, обнесенный стеною
Мощной (прежде он был благородными славен конями).
705 С ветром попутным тебя, Селинунт пальмоносный, покинув,
Я через мели проплыл меж подводных скал Лилибея,
Принял меня Дрепанский залив, безрадостный берег.
Здесь, после стольких трудов, после бурь, по морям меня
гнавших,

Горе! — Анхиза-отца утратил я — утешенье
710 В бедах, в заботах моих. Усталого сына покинул
Лучший отец, от опасностей всех спасенный напрасно!

Ни прорицатель Гелен, — хоть много невзгод предсказал он, —
Горя этого мне не предрек, ни даже Келено.

Это — последняя скорбь, предел далеких скитаний.

715 Плыл я оттуда, когда меня к вам боги пригнали».

Так родитель Эней средь гостей, ему лишь внимавших,
Вел о скитаньях рассказ, о богами ниспосланных судьбах,
Тут он умолк наконец и на этом повесть окончил.

Книга четвертая

Злая забота меж тем язвит царицу, и мучит
Рана, и тайный огонь, разливаясь по жилам, снедает,
Мужество мужа она вспоминает и древнюю славу
Рода его; лицо и слова ей врѣзались в сердце,
5 И благодатный покой от нее прогоняет забота.

Утром, едва лишь земля озарилась светочем Феба,
Только лишь влажную тень прогнала с небосвода Аврора,
Верной подруге своей, сестре, больная царица
Так говорит: «О Анна, меня сновиденья пугают!
10 Гость необычный вчера приплыл к нам в город неожиданно!
Как он прекрасен лицом, как могуч и сердцем отважен!
Верю, и верю не зря, что от крови рожден он бессмертной:
Тех, кто низок душой, обличает трусость. Его же
Грозная участь гнала, и прошел он страшные битвы...
15 Если бы я не решила в душе неизменно и твердо
В брак ни с кем не вступать, если б не были так ненавистны
Брачный покой и факелы мне с той поры, как живу я,
Первой лишившись любви, похищенной смерти коварством,—
Верно, лишь этому я уступить могла б искушенью.
20 Анна, признаюсь тебе: после гибели горькой Сихея,
После того, как брат запятнал пенатов убийством,

Только пришелец один склонил мне шаткую душу,
Чувства мои пробудил! Былой огонь я узнала!
Пусть, однако, земля подо мной разверзнется прежде,
25 Пусть всемогущий Отец к теням меня молнией свергнет,
К бледным Эреба теням, в глубокую ночь преисподней,
Чем тебя оскорблю и нарушу закон твой, Стыдливость!
Тот любовь мою взял, кто первым со мной сочетался,—
Пусть оп ее сохранит и владеет ею за гробом!»
30 Молвив, слезами она закипевшими грудь оросила.

Анна ей молвит в ответ: «Сестра, ты мне света дороже!
Что же, всю молодость ты проведешь в тоске, одиноко
И ни любимых детей, ни Венеры даров не узнаешь?
Мнишь ты, что помнят о том погребенных маны за гробом?
35 Пусть никто не склонил тебя, скорбевшую, к браку
В Тире родном и в Ливии, здесь; ты Ярбу презрела,
Также и прочих вождей, питомцев триумфами славной
Африки! Будешь теперь и с желанной бороться любовью?
Иль позабыла совсем, на чьих ты полях поселилась?
40 Там — города гетулийцев стоят, необорных в сраженьях,
Здесь — нумидийцев народ необузданный, страшные Сирты,
Там, где жаждающий край пустынь, кочуют баркейцы...
Что говорить о войне, которую Тир нам готовит,
Или о том, чем брат нам грозит?
45 Кажется мне, по воле богов, с изволения Юнопы
Ветер принес к нам сюда корабли беглецов илионских.
О, великие ты создашь здесь город и царство
С мужем таким! Если силы сольют троянец с пунийцем,
Славой невиданных дел увенчается наше оружие!
50 Лишь у богов снисхожденья моли и, коль приняты будут
Жертвы,— гостям угождай, измышляй для задержки предлоги,
В море, мол, бури шумят, и взшел Орион дожденосный,
И расшаталась суда, и для плаванья время опасно».

Речь такая зажгла любовью душу Дидоны,
55 Узы стыда разрешив и ум соблазняя надеждой.
В храмы сестры идут, к алтарям припадают, о мире
Молят, в жертву заклав по обряду ярок отборных
Фебу, Лиэю-отцу и дающей законы Церере,
Прежде же всех — Юноне, что брак меж людьми освящает,

- 60 Собственной держит рукой Дидона прекрасная чашу
И возлиянье творит меж рогов белоснежной телицы
Или к обильным спешит алтарям — предстать пред богами,
Что ни день, обновляет дары и с жадностью смотрит
В грудь отверстую жертв, угадать стараясь приметы.
- 65 Разум пророков слепой! Что ей, безумице, пользы
В храмах, в пылких мольбах? По-прежнему пламя бушует
В жилах ее, и живет в груди сокрытая рана.
Жжет Дидону огонь, по всему иступленная бродит
Городу, словно стрелой уязвленная дикая серна;
- 70 В рощах Критских пастух, за ней, беспечной, гоняясь,
Издали ранил ее и оставил в ране железо,
Сам не зная о том; по лесам и ущельям Диктейским
Мечется серна, неся в боку роковую тростинку.
То Энея вдоль стен царица водит, чтоб видел
- 75 Город отстроенный он и сидонских богатств изобилье,
Только начнет говорить — и тотчас голос прервется...
То на закате опять гостей на пир созывает,
Бедная, просит опять рассказать о Трои невзгодах,
Повесть слушает вновь с неотрывным, жадным вниманьем.
- 80 После, когда все гости уйдут и в небе померкнет
Месяц и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
Ляжет на ложе она, с которого встал он, и в доме
Тихом тоскует одна, неразлучная с ним и в разлуке.
То на колени к себе сажает Аскания, словно
- 85 Сходство с отцом обмануть любовь несказанную может,
Юноши Тира меж тем упражненья с оружием забыли,
Начатых башен никто и гавани больше не строит,
Стен не готовят к войне: прервались повсюду работы,
Брошена, крепость стоит, выраставшая прежде до неба.
- 90 Стоило только узнать громовержца супруге, что мучит
Злая Дидону болезнь, что молва — не преграда безумью,
Тотчас к Венере с такой обратилась речью Юнона:
«Да, немалую вы и добычу и славу стяжали —
Ты и крылатый твой сын; велико могущество ваше:
- 95 Женщину двое богов одну победили коварно!
Ведомо мне уж давно, что наших стен ты страшишься,
Что опасенья тебе Карфаген внушает высокий.
Где же предел? Куда приведут нас распри такие?

Вечный не лучше ли мир заключить, скрепив его браком?
100 Ты достигла всего, к чему душою стремилась;
Жарко пылает любовь в крови безумной Дидоны.
Будем же вместе царить и сольем воедино народы,
Поровну власть разделив; покорится мужу-фригийцу
Пусть Дидона и вам принесет в приданое царство»,

105 Но Венера, поняв, что кривит Юнона душою,
Ради того, чтоб в Ливийском краю, не в Италии крепло
Царство, сказала в ответ: «Неужели найдется безумец,
Кто предпочел бы с тобой враждовать и ответил отказом?
Лишь бы Фортуна была благосклонна к тому, что сулишь ты!
110 Но сомневаюсь я в том, согласится ль Судьба и Юпитер,
Чтобы город один у троянцев был и тирийцев,
Оба народа слить и союз заключить разрешат ли?
Ты — жена, ты к нему подступиться вправе с мольбами,—
Ты и начни, а я за тобой». И сказала Юнона:
115 «Это забота моя. Но внемли: я поведаю кратко,
Как нам лучше свершить то, чему предстоит совершиться.
Ехать собрался Эней с Дидоной несчастною вместе
Завтра охотиться в лес, чуть только Титан над землею
Встанет и ночи покров распахнет лучами своими.
120 Тучу, несущую град, разолью над ними, едва лишь
Конный рассыплется строй, окружая рошу облавой;
Бурю обрушу на них, всколыхну все небо громами.
Все разбегутся врозь, затерявшись во тьме непроглядной;
Вместе в пещере одной троянский вождь и Дидона
125 Скроются. Буду я там, и, твое коль твердо желанье,
127 Там совершится их брак». Киферея, в спор не вступая,
С ней согласилась, смеясь над ее уловкой коварной.

Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув,
130 С первым лучом из ворот отборный отряд выезжает,
Сети, тенета у всех и с широкими жалами пики,
Мчат массивный верхом и прыгает чуткая свора.
Медлит в покоях своих царица; ее на пороге
Знать пунийская ждет; в пурпурной с золотом сбруе
135 Конь звонконогий грызет удила, увлажненные пеной.
Вот в окруженьи толпы сама царица выходит:
Плащ сидонский на ней с расписною каймой; за плечами —

Звонкий колчан золотой, в волосах золотая повязка,
Платя пурпурного край золотою сколот застежкой.
140 Следом фригийцы идут, средь них ликует Асканий;
Сам Эней впереди, смыкая оба отряда,
Шествует, спутников всех красотой лица затмевая,
Словно бог Аполлон, когда он, холодный покинув
Край Ликийский и Ксанф, на родной возвращается Делос,
145 Вновь хороводы ведет, и с шумом алтарь окружают
Толпы дриопов, критян, агатирсов с раскрашенным телом;
Шествует бог по Кинфским хребтам, волнистые кудри
Мягкой листвою увенчав и стянув золотою повязкой;
Стрелы в колчане звенят... Такой же силы исполнен,
150 Шел Эней, и сияло лицо красотой несказанной.
Только лишь в дебрях лесных на горах они появились, —
Прянув с высокой скалы, помчались дикие козы
Вниз по хребту; с другой стороны по открытым полянам,
Пыль поднимая, стада побежали быстрых оленей,
155 В страхе сбившись тесней, чтоб родные горы покинуть.
Мальчик Асканий верхом на лихом скакуне по долинам
Быстро мчится вперед, то одних, то других обгоняя.
Страстно молит, чтоб вдруг повстречался средь смиренных
животных
С пенною пастью вебрь иль чтоб лев с горы появился.

160 Громкий рокот меж тем потряс потемневшее небо,
Черная туча пришла, чреватая градом и бурей.
Свита тирийская вся, молодые троянцы и с ними
Внук Венеры благой, Дардана правнук, помчались
По полю, крова ища. Побежали по кручам потоки.
165 В темной пещере вдвоем троянский вождь и Дидона
Скрылись. Тотчас Земля и Юнона, вершащая браки,
Подали знак: огнями эфир, соучастник союза,
Вспыхнул, и воплями нимф огласились окрестные горы,
Первой причиною бед и первым к гибели шагом
170 Был тот день. Забыв о молве, об имени добром,
Больше о тайной любви не хочет думать Дидона:
Браком зовет свой союз и словом вину прикрывает.

Тотчас Молва понеслась меж ливийцев из города в город.
Зла проворней Молвы не найти на свете иного:

175 Крепнет в движенье она, набирает силы в полете,
Жмется робко сперва, но потом вырастает до неба,
Ходит сама по земле, голова же прячется в тучах.
Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом за Кеем
И Энкеладом Молву, как преданья гласят, породила,
180 Ног быстротой ее наделив и резвостью крыльев.
Сколько перьев на ней, чудовищной, страшной, огромной,
Столько же глаз из-под них глядят пеусыпно и столько ж
Чутких ушей у нее, языков и уст говорливых.
С шумом летает Молва меж землей и небом во мраке
185 Ночи, и сладостный сон никогда ей век не смежает;
Днем, словно стражник, сидит на верхушке кровли высокой
Или на башне она, города устрашая большие,
Алчна до кривды и лжи, но подчас вестница правды.
Разные толки в те дни средь народов она рассыпала,
190 Радостно быть наравне с небылицей всем возвещая:
Будто явился Эней, рожденный от крови троянской,
Принят Дидоной он был и ложа ее удостоен;
Долгую зиму теперь они проводят в распутстве,
Царства свои позабыв в плену у страсти постыдной.
195 Людям вложила в уста богиня гнусная эти
Речи везде и к Ярбе-царю направила путь свой,
Вестью душу ему зажгла и гнев распалила.

Царь был нимфой рожден и Аммоном в стране гарамантов;
Сто святилищ Отцу огромных в царстве обширном,
200 Сто он воздвиг алтарей и возжег огонь негасимый,
Стражу бессменную к ним приставил и жертвенной кровью
Почву вокруг них утучнил и цветами украсил пороги.
Царь в исступленье души, оскорбленный горькой молвою,
Перед лицом великих богов к алтарям припадая,
205 Руки к педу воздев, горячо молил громовержца:
«О всемогущий Отец, тебе возлияния мавры
Влагой Ленея творят, на ложах пестрых пируя.
Видишь ли ты? Иль молний твоих мы напрасно страшимся?
Иль вслепую огни сверкают в небе, пугая
210 Души людей, и впусую гремят раскаты, Юпитер?
Женщина, в наших краях блуждавшая, город ничтожный,
Нам заплатив, создала: уступил я ей берег под пашню,
Я указал ей, где жить, — а она потом отказалась

В брак со мною вступить и власть вручила Энею
215 В царстве своем! Этот новый Парис с полумужеской свитой,
Митрой фригийской прикрыв умощенные кудри, владеет
Тем, что похитил у нас! Так зачем дары в изобилье
В храмы твои мы несем и мечтою тешимся тщетной?»

Этой горячей мольбе алтарь обнявшего сына
220 Внял всемогущий и взор устремил на чертоги царицы
И на любовников двух, о доброй славе забывших.
Тотчас Меркурию он такое дает повеленье:
«Сын мой, ступай, Зефиров зови и к владыке дарданцев
Ты на крыльях слети: он теперь в Карфагене тирийском
225 Медлит, забыв об иных городах, судьбой ему данных,—
Все, что скажу я, ему отнеси ты с ветром проворным:
Мать, за сына моля, не это нам обещала
И не затем два раза его спасала от греков,—
Но чтоб Италией он, вековую державу зачавшей,
230 Правил средь грома боев и от крови Тевкра высокой
Род произвел и весь мир своим подчинил бы законам,
Если ж его самого не прельщает подвигов слава,
Если трудами хвалу он себе снискать не желает,—
Вправе ли сына лишит он твердынь грядущего Рима?
235 Что он задумал? Зачем средь враждебного племени медлит?
Разве о внуках своих, о Лавиния пашнях не помнит?
Пусть отплывает! Вот все, что от нас ему возвестишь ты!»

Так он молвил, и сын, готовый исполнить немедленно
Волю отца, золотые надел сандалии тотчас
240 (Крылья на них высоко над землей и над гладью морскою
Посят повсюду его с быстротой дуновения ветра);
После взял он свой жезл, которым из Орка выводит
Тени бледные бог иль низводит их в Тартар угрюмый,
В сон погружает людей и спящим глаза отверзает.
245 Вот средь клубящихся туч полетел он, жезлом погоняя
Ветры; пред ним крутые бока и темя Атланта:
Небо суровый Атлант головой подпирает могучей,
Черные тучи ему кедроносное темя венчают,
Ветер и дождь его бьют; покрывает широкие плечи
250 Снег пеленой; с подбородка бегут, бушуя, потоки,
Вечным скована льдом, борода колючая стынет,

В воздухе замер над ним, на оба крыла опираясь,
Бог Килленский на миг,— и вновь, вострепнувшись всем
телом,

- К морю ринулся; так над водой и над берегом низко
255 Птица морская кружит близ богатых рыбой утесов.
Так же неся стремглав меж землей и небом, к песчаным
Ливии мча берегам, рассекая ветер в полете,
Нимфы Килленской сын, покинув деда-титана.
Хижин тирийских едва он коснулся подошвой крылатой,
260 Сразу Эней узрел, что дома воздвигал и твердины;
Меч у него на боку был усыпан яшмою желтой,
Пурпуром тирским на нем шерстяная пылала накидка,
Вольно падая с плеч: богатый дар тот Дидона
Выткала, ткань золотым украсив тонким узором.
265 Так упрекал его бог: «Ты сейчас в Карфагене высоком
Зданий опоры кладешь, возводишь город прекрасный?
Женщины раб, ты забыл о царстве и подвигах громких?
Сам повелитель богов с Олимпа меня посылает,
Кто мановеньем своим колеблет небо и землю;
270 Он мне велел передать приказанье с ветром проворным:
Что ты задумал? Зачем в Ливийских мешкаешь землях?
272 Если тебя самого не прельщает подвигов слава,
274 Помни: Асканий растет! О надеждах наследника Юла
275 Ты не забудь: для него Италийское царство и земли
Рима ты должен добыть». И бог Килленский, промолвив,
Речь внезапно прервал и скрылся от смертного взора,
Быстро исчезнув из глаз, растворившись в воздухе легком.
Бога увидев, Эней онемел, охвачен смятеньем,
280 Волосы вздыбил испуг, и голос в горле пресеся.
Жаждет скорее бежать, покинуть милые земли,
Грозным веленьем богов и упреками их потрясенный.
Горе, что делать? И как посмеет к царице безумной
Он обратиться теперь? С чего начнет свои речи?
285 Мечется быстрая мысль, то туда, то сюда устремляясь,
Выхода ищет в одном и к другому бросается тотчас.
Лучшим ему наконец показалось такое решение:
Он Мнесфея призвал и Сергеста с храбрым Клоантом,
Флот велел снарядить и спутников на берег тайно
290 Всех собрать и оружие снести,— но причин перемены
Не открывать никому; а он, покуда Дидона

Верит ему и не ждет, что любовь такая прервется,
Выберет время и сам попробует к ней подступиться,
Мягче речь повести и все уладить. И тевкры
295 С радостью бросились вмиг выполнять приказанья Энея.

Но, предчувствий полна и всего опасаясь, Дидона
Хитрость раскрыла его,— обмануть влюбленных

возможно ль? —

Близкий отъезд угадав. И Молва нечестивая также
Ей донесла, что суда снаряжают к отплытью троянцы.
300 Стала метаться она, совладать не в силах с безумьем,—
Так тиада летит, когда, призывая к началу
Буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни
И в Киферонских лесах вакхический клич раздаётся.
С речью такой наконец обратилась к Энею Дидона:
305 «Как ты надеяться мог, нечестивый, свое вероломство
Скрыть от нас и отплыть от нашей земли незаметно?
Что ж, ни любовь, ни пожатие рук, что союз наш скрепило,
Ни жестокая смерть, что Дидону ждет,— не удержат
Здесь тебя? Снаряжаешь ты флот и под зимней звездю
310 В море выйти спешешь, не страшась ураганов и вихрей?
Если бы ты не в неведомый край к обиталищам новым
Путь свой держал и старинный Пергам стоял бы донине,
В Трою по бурным морям ты бы так же стремился упрямо?
Не от меня ли бежишь? Заклинаю слезами моими,
315 Правой рукою твоей,— что еще мне осталось, несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность,
Если тебе я была хоть немного мила,— то опомнись,
Я умоляю тебя, и над домом гибнущим сжался.
320 Из-за тебя номадов царям, ливийским народам,
Даже тирийцам моим ненавистна стала я; ты же
Стыд во мне угасил и мою, что до звезд возносила,
Славу сгубил. На кого обреченную смерти покинешь,
Гость мой? Лишь так назову того, кто звался супругом!
325 Что мне медлить и ждать, пока эти стены разрушит
Брат мой Пигмалион или пленницей Ярбы я стану?
Если бы я от тебя хоть зачать ребенка успела,
Прежде чем скроешься ты! Если б рядом со мною в чертогах

330 Маленький бегал Эней и тебя он мог мне напомнить,—
То соблазненной себе и покинутой я б не казалась».

Молвила так. А он, Юпитера воле послушен,
Взор опустил и в душе подавить заботу старался.
Кратко он ей отвечал: «Всё, что ты смогла перечислить,
Все заслуги твои отрицать я не стану, царица.
335 Помнить буду всегда Элиссу, пока не покинет
Тела душа и пока о себе самом не забыл я.
Кратко о деле скажу: ты не думай, что я вероломно,
Тайно хотел убежать; и на брачный факел священный
Не притязал никогда, и в союз с тобой не вступал я.
340 Если бы мне разрешила судьба повелителем жизни
Собственной быть и труды избирать по собственной воле,—
Я бы их Трое родной, где покоятся близких останки,
Прежде всего посвятил, и дворец Приама стоял бы,
И для сограждан моих побежденных Пергам я воздвиг бы.
345 Но лишь в Италию нас Аполлон посылает Гринийский,
Только в Италию плыть велит Ликийский оракул:
Там и любовь, и отечество там! Если вид Карфагена
Радует взор твой и мил финикиянке город ливийский,—
Как не позволить и нам в Авзонийском краю поселиться?
350 За морем царство искать и тевкры право имеют!
Каждый раз, когда ночь окутает сумраком влажным
Землю и светочи звезд загорятся,— старца Анхиза
Тень тревожная мне предстает в сновиденьях с укором.
Юла обида меня гнетет: Гесперийского царства
355 Я лишаю его и судьбой обещанных пашен.
Ныне и вестник богов, самим Юпитером послан,
С ветром пророчным слетев,— тобой и мною клянусь я! —
Мне повеленье принес. Средь бела дня я увидел
Бога, и голос его своими слышал ушами.
360 Так перестань же себя и меня причитаньями мучить.
Я не по воле своей плыву в Италию».

Молвил он так. А она на Энея молча глядела,
Взглядом враждебным его с головы до ног измеряя,
И наконец, не стерпев, ему ответила в гневе:
365 «Нет, не богини ты сын, и род твой не от Дардана,
Кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет породили,

В чадах Гирканских ты был тигрицей вскормлен свирепой!
Что же, смолчать мне сейчас, ожидая большей обиды?
Разве от слез моих он застонал? Или взоры потупил?
370 Разве меня пожалел? Разве, тронут любовью, заплакал?
Есть ли жестокость страшней? Ужель царица Юнона,
Сын Сатурна ужель равнодушно смотрят на это?
Верить нельзя никому! Безумная, с ним разделила
Царство я, подобрав занесенного на́ берег бурей,
375 Флот вернула ему и друзей, от смерти спасенных.
Горе! С гневом нет сил совладать! Так, значит, Ликийский
Гонит оракул тебя, и Феб, и, Юпитером послан,
Вестник богов повеленья принес жестокие с неба?
Право, забота о вас не дает и всевышним покоя!
380 Что ж, я тебя не держу и согласна со всем, что сказал ты!
Мчись, уплывай, убегай, ищи в Италии царства!
Верю: найдешь ты конец среди диких скал, если только
Благочестивых богов не свергнута власть,— и Дидоны
Имя не раз назовешь. А я преследовать буду
385 С факелом черным тебя; когда же тело с душою
Хладная смерть разлучит,— с тобою тень моя будет,
К манам моим молва долетит о каре Энея!»
Тут прервала свою речь, обессилев внезапно, царица,
Бросилась прочь, от света спеша укрыться, покинув
390 В страхе Энея, хоть ей он о многом сказать собирался.
Но подхватили ее поникшее тело служанки,
В дальний чертог отнесли, уложили на мягкое ложе.

Благочестивый Эней, подавляя в сердце желанье
Боль успокоить ее и унять утешеньем тревогу,
395 Горько стонал от любви, колебавшей слабую душу;
Все же, веляням богов повинуюсь, флот озирал он.
Тевкры спешат между тем корабли высокие сдвинуть
С берега,— и на волнах закачались смоленые днища.
Из лесу весла несут, от листвы не очистивши бревна:
400 Плыть не терпится всем.
К морю тевкры бегут, со всех стекаются улиц;
Так же, когда муравьи собирают зерна усердно,
Помня о скудной зиме, и в жилища сносят запасы,
По полю черный строй идет и по узкой тропинке
405 Тащит добычу меж трав: одни, толкая плечами,

Крупное катят зерно, подгоняют ленивых другие
Иль собирают ряды, — и кипит на дорожке работа.

Что же вынесла ты, Дидона, все это видя?

Как ты стонала, когда с высоты твердыни глядела

410 На́ берег, где у тебя на глазах работа кипела,
Где над водою гудел толпы неразборчивый гомон?
Злая любовь, к чему только ты сердца́ не принудишь!

Вновь приходится ей молить со слезами Энея,
Гордость смиряя в душе во имя любви и желая

415 Средства все испытать — чтобы смерть принять не напрасно.

«Анна, ты видишь, бегут отовсюду на́ берег тевкры,
Все собрались, и ветер к себе паруса призывают;

Каждому судну корму украшают венком мореходы.

Если бы только, сестра, ждала я горе такое,—

420 Легче бы все я снесла; а теперь ты просьбу несчастной

Выполни, Анна, одну: почитал всегда вероломный

Только тебя, доверял лишь тебе он тайные мысли;

Знаешь ты, как и когда к нему подступиться возможно,—

Ты и пойдй, и моли врага надменного, Анна:

425 Вместе с данайцами я не давала клятвы в Авлиде

Весь троянский народ истребить, и к Пергаму не слала

Я кораблей, и Анхиза-отца не тревожила праха:

Что ж непреклонный свой слух он к мольбам склонить не
желает?

Что он спешит? Пусть возлюбленной даст последний подарок:

430 Пусть подождет попутных ветров и легкой дороги.

Я не прошу, чтобы он был союзу нашему верен,

Чтоб навсегда пренебрег в прекрасном Лации царством,—

Жалкой отсрочки прошу, чтоб утихнуть успело безумье,

Чтобы страдать научили меня, побежденную, судьбы.

435 Сжался, молю, над сестрой, окажи мне последнюю милость,

Буду тебе за нее благодарна до смертного часа».

Так умоляла она, и мольбы ее слезные Анна

Вновь и вновь к Энею несла — но не тронули речи

Скорбное сердце его, и просьбам слезным не вял он:

440 Слух склонить не велит ему бог и судьба запрещает.

Так нападают порой на столетний дуб узловатый

Ветры с альпийских вершин: то оттуда мча, то отсюда,

Спорят они, кто скорей повалить великана сумеет,
Ствол скрипит, но, хоть лист облетает с колеблемых веток,
445 Дуб на скале нерушимо стоит: настолько же в недра
Корни уходят его, насколько возносится крона.
Так же со всех сторон подступают с речами к герою,
Тяжкие душу томят заботы и думы, но все же
Дух непреклонен его, и напрасно катятся слезы.

450 В горе Дидона меж тем, утрашенная роком грядущим,
Смерть звала, не в силах смотреть на купол небесный.
Все побуждает ее исполнить замысел страшный,
Свет покинуть скорей. На алтарь дары возлагая,
Вдруг увидала она, как чернеет священная влага,
455 Как в зловещую кровь возлияний вино обратилось
(Даже сестре не сказала о том виденье Дидона).
Был в чертогах ее посвященный супругу Сихею
Храм, который она с особым чтит усердьем,
Яркой его украшала листвою и белою шерстью;
460 Ночью, когда вся земля объята тьмою, из храма
Голос слышался ей и зов усопшего мужа.
Часто на кровле дворца заводил похоронную песню
Филин, и голос его протяжно плакал во мраке.
Вспомнила также она и о прежних вещаньх пророков,
465 Ей суливших беду, и все время в ее сновиденьях
Гнался свирепый Эней за безумной царицей, она же,
Брошена всеми, одна, брела по длинной дороге,
Долго-долго ища тирийцев в поле пустынном.
Так же видит Пенфей Эвменид ряды в иступленье,
470 Солнца два в небесах и города два семивратных,
Так же по сцене бежит Агамемнона сын, за которым
Гонится с факелом мать и змей в руке поднимает;
Мчится Орест — но сидят на пороге мстящие Диры.

Сломленной болью душе не под силу бороться с безумьем:
475 Твердо решилаась на смерть и выбрала втайне царица
Смерти способ и час, но, за мнимым спокойствием пряча
Замысел свой от сестры, ей сказала с надеждой притворной:
«Анна, я средство нашла,— порадуйся вместе со мною,—
480 Как его мне вернуть иль от этой избавиться страсти.
Там, где течет Океан и в него погружается солнце,

Место есть на краю Эфиопской земли, где огромный
Держит Атлант на могучих плечах небосвод многозвездный.
Мне указали, что там живет массивлианка-жрица,
Храм Гесперид охраняла она и кормила дракона,
485 Также плоды стерегла на ветвях священных деревьев,
Мед возливала и сок снотворный алого мака.
Жрица сулит от любви заклинаньями душу избавить
Иль, коль захочет, вселить заботы тяжкие в сердце;
Рек течение она остановит, и звезд обращенье
490 Вспять повернет, и в ночи из Орка вызовет тени,
Землю заставит стонать и вязы спускаться по склонам.
Боги свидетели мне, твоей головою клянусь я,
Что против воли, сестра, к волшебю прибегаю и чарам.
Втайне сложи ты костер во дворце под небом открытым,
495 Мужа оружие, что он повесил в нашем чертоге,
Все одежды его и меня погубившее ложе
Брачное ты на костер положи: уничтожить отрадно
Все, что напомним о нем, да и жрица так приказала».
Вымолвив, смолкла она, и покрылись бледностью щеки.
500 Анна поить не могла, что скрыть погребенье Дидоны
Должен странный обряд, не ждала, что сестра, обезумев,
Мучиться будет сильней, чем после смерти Сихел.
Все исполняет она.

Вот посредине дворца под открытым небом высокий
505 Сложен костер из смолистых ветвей и поленьев дубовых,
Весь плетеницами он и листвою погребальной украшен.
Сверху на ложе кладет, о грядущем зная, царица
Платье Энея, и меч, и образ, отлитый из воска,
Вкруг стоят алтари. Распустивши волосы, жрица
510 Сто призывает богов и трижды клич повторяет,
Хаос зовет и Эреб с трехликой Дианой-Гекатой,
Мнимой Аверна водой кропит обильно чертоги,
Травы берет, что медным серпом при луне на полянах
Срезала в полном цвету, ядовитым налитые соком,
515 Также нарост, что со лба жеребенка тотчас по рожденье
Сорван, чтоб мать упредить.
Рядом царица стоит, мукú священную держит,
Ногу разувши одну, распустив на одежде завязки;
К смерти готова, зовет в свидетели звезды, которых

520 Ведомо все, и молит богов,— если бог справедливый
Мстит вероломным в любви и печется о тех, кто обманут.

Ночь опустилась, и сон успокоил тела утомленных
Смертных по всей земле; уснули рощи, утихли
Волны свирепых морей; полпути пролетели светила,
525 Смокли дуга, и поля, и стада, и пестрые птицы,
Что на просторе озер и в кустарниках частых гнездятся:
527 Всех молчаливая почь в глубокий сон погрузила.
529 Только царица одна ни на миг не может забыться
530 Сном; не приносит ночь ни очам, ни сердцу покоя;
Снова любовь беспощадная в ней вздымается бурно,
Множит заботы в душе и прибоем гнева бушует.
Так Дидона твердит, одержима думой одною:
«Что ж мне делать? Опять, женихам на посмешище прежним,
535 Мужа искать и с мольбой идти к ливийским номадам,
Чьи домогательства я не раз отвергала с презреньем?
Или к нему на корабль бежать и любому приказу
Тевкров покорствовать? Пусть по душе им была моя

помощь,—

Разве помнят о ней и хранят они благодарность?
540 Сделаю так,— но кто на корабль надменный допустит
Всем ненавистную? О, неужель до сих пор не узнала
Лаомедонтовых ты потомков нрав вероломный?
Что же дальше? Одна ль за ликующим флотом троянским
Я помчусь иль, собрав в отряды верных тирийцев,
545 Мною спасенных с трудом из Сидона, вслед за собою
Их увлеку и вверить ветрам паруса прикажу им?
Нет! По заслугам умри и мечом оборви эту муку!
Ты, сестра, уступив слезам моим и безумствам,
Первой беду на нас навлекла, врагу меня выдав,
550 Мне не дано было жить, не ведая брачного ложа,
Горькой не зная вины и заботы, как дикие звери,
Верность блюсти, в которой клялась я праху Сихея!»
Так причитала она, надрывая сердце слезами.

Той порою Эней на корме вкушал корабельной
555 Мирный сон, собираясь отплыть и все подготовив,
Снова герою во сне явился божественный образ,
Всем с Меркурием схож: лицо, румянец и голос

Те же, и светлых кудрей волна, и цветущая юность.
Снилось Энею, что бог обратился к нему с увещаньем:
560 «Сын богини, как можешь ты спать, хоть беда уже близко,
Как обступивших тебя опасностей можешь не видеть?
Дует попутный Зефир,— и того ты, безумец, не слышишь?
Ныне, решившись на смерть, нечестивые козни царица
В сердце делеет, и гнев оскорбленной бушует прибоем.
565 Что ж ты бежать не спешишь, пока поспешить еще можно?
Скоро увидишь ты сам, как от весел вспенится море,
Факелы грозно блеснут, озарится пламенем берег,
Если тебя на Ливийской земле Аврора застанет.
Медлить не смей! Отплывай! Изменчива и ненадежна
570 Женщина». Вымолвив так, в ночи растаял он черной.

Тотчас поднялся Эней, утрашен виденьем неожиданным,
Сон отряхнул и спутников стал торопить, говоря им:
«Встаньте, проснитесь, мужи, на скамьях места занимайте!
Все паруса поднимайте скорей! С высокого неба
575 Послан, бог нам велит обрубить витые канаты,
Без промедленья бежать. Тебе повинуюсь, боже!
Кто бы ты ни был, твои повеленья исполним охотно,
Лишь благосклонным пребудь и яви сочетанья созвездий,
Благоприятные нам!» Промолвив, меч свой блестящий
580 Выхватил он из ножен и канат перерезал причальный.
Все в порыве одном бегут, за дело берутся,
Берег вмиг опустел, корабли всё море покрыли.
Пену вздымая, гребцы разрезают лазурь торопливо.
Чуть лишь Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
585 Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
С башни высокой дворца в сиянье первом рассвета
Ровный строй парусов уплывающих видит царица,
Видит: пусты берега и гребцы покинули гавань.
Трижды в прекрасную грудь и четырежды больно ударив,
590 Кудри терзая свои золотые, стонет Дидона:
«Внемли, Юпитер! Ужель надо мной посмеется пришелец?
Прочь он бежит — а у нас и оружия нет, и вдогонку
Город не бросится весь, не предаст корабли истребленью?
Эй, несите огонь, паруса распускайте, гребите!..
595 Где я? Что говорю? Помutilo разум безумье...
Только теперь ты скорбишь о его злодеяньях, Дидона?

Надо б тогда, когда власть отдавала! — Вот она, клятва,
Вот она, верность того, кто родных спасает пенатов,
Кто, говорят, на плечах отца престарелого вынес!
600 Я ль не могла растерзать, по волнам разметать его тело,
Спутников всех погубить, умертвить Аскания, чтобы
Дать отцу на пиру отведать страшного яства?
Был бы той битвы исход неясен... Пусть и неясен,—
Мне ли, готовой на смерть, бояться? Лагерь троянский
605 Я бы спалила дотла, и сожгла корабли, и убила
Сына с отцом, весь род истребив — и Эллису в придачу.
Солнце, ты, что огнем земные труды озаряешь,
Ты, Юнона,— тебе я всегда мою боль поверяла,—
Ты, Геката, к кому на ночных перекрестках взывают,
610 Диры мстящие, вы, и вы, божества моей смерти,
Взгляд обратите на нас — заслужила я этого мукой,—
Нашим внемлите мольбам. Если должен проклятый достигнуть
Берега и корабли довести до гавани, если
Воля судьбы такова и Юпитера цель неизменна,—
615 Пусть войной на него пойдет отважное племя,
Пусть изгнанником он, из объятий Аскания вырван,
Бродит, о помощи всех моля, и жалкую гибель
Видит друзей, и пусть, на мир согласившись позорный,
Не насладится вовек ни властью, ни жизнью желанной:
620 Пусть до срока падет, пусть лежит на песке не зарытый.
С этой последней мольбой я в последний мой час обращаюсь.
Вы же, тирийцы, и род, и потомков его ненавидеть
Вечно должны: моему приношеньем праху да будет
Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!
625 О, приди же, восстань из праха нашего, мститель,
Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море —
Морю и меч — мечу: пусть и внуки мира не знают!»
630 Так говорила она и металась мыслью нестойкой;
Жизни постылые дни ей хотелось прервать поскорее.
Барку Дидона к себе, Сихея кормилицу, кличет
(Ибо свою схоронила еще на родине прежней):
«Милая няня, найди сестру мою Анну, скажи ей,
635 Чтобы тело себе омыла водою проточной,
Чтобы овец привела и все, что жрица велела,

Мне принесла; и сама на висках затяни ты повязки:
Жертвы, что я начала готовить стигийскому богу,
Нынче хочу завершить, навсегда с заботой покончить,
640 Сжечь на жарком костре дарданца коварного образ».
Так сказала она,— и старуха спешит что есть силы.

Замысел страшный меж тем несчастную гонит Дидону:
Мчится она, не помня себя, с блуждающим взором
Кровью налитых очей; на щеках ее бледные пятна —
645 Близкой гибели знак; в глубине дворца на высокий
Всходит царица костер и клинок обнажает дарданский,—
Не для того этот дар просила она у Энея!
Но, увидав илионскую ткань и знакомое ложе,
Слезы сдержала на миг, на костер опустилась Дидона,
650 Молвив в последний раз: «Вы, одежды и ложе,— отрада
Дней, когда бог и судьба мне отраду узнать разрешили!
Душу примите мою и меня от муки избавьте!
Прожита жизнь, и пройден весь путь, что судьбой мне
отмерен,
В царство подземное я нисхожу величавою тенью.
655 Город могучий создав, я свои увидела стены,
Брата могла покарать, отомстить за убитого мужа,—
Счастлива, о, как счастлива я была б, если б только
Наших вовек берегов дарданцев корма не касалась!»
Тут устами она прижалась к ложу — и молвит:
660 «Хоть неотмщенной умру — но умру желанною смертью.
С моря пускай на огонь глядит дарданец жестокий,
Пусть для него моя смерть зловещим знаменьем будет!»
Только лишь молвила так — и вдруг увидали служанки,
665 Руки пятная и меч. Полетел по высоким покоем
Вопль и, беснуясь, Молва понеслась по смятенному граду.
Полнится тотчас дворец причитаньями, стоном и плачем
Женщин, и вторит эфир пронзительным горестным криком,
Кажется, весь Карфаген иль старинный Тир под ударом
670 Вражеским рушится в прах и объемлет буйное пламя
Кровли богов и кровли людей, пожаром бушует.
Слышит крик и бежит, задыхаясь, с трепещущим сердцем,
В кровь расцарапав лицо, кулаками в грудь ударяя,
Анна и кличет сестру, на смертном простертую ложе:

675 «Вот в чем твой замысел был! Меня обмануть ты стремилась!
Вот что этот костер, и огонь, и алтарь мне сулили!
Плач мой с чего мне начать, покинутой? Ты не хотела
Спутницей взять и меня... О, когда б меня позвала ты,—
680 В то же мгновенье двоих один клинок погубил бы!
Этот костер я сложила сама, и сама я взывала
К отчим богам — лишь затем, чтоб не быть здесь в миг твой
последний...

Ты, себя погубив, погубила меня и народ свой,
Город и тирских отцов. Дайте, влагой рану омою
И, коль осталось у ней дыханье в груди, я устами
685 Вздох последний приму». На костер со словами такими
Анна взошла и сестру умиравшую грела в объятьях,
Темную кровь одеждой своей утирала, стеная.
Тяжкие веки поднять попыталась Дидона — но тщетно;
Воздух, свистя, выходил из груди сквозь зиявшую рану.
690 Трижды старалась она, опершись на локоть, подняться,
Трижды падала вновь и блуждающим взором искала
Свет зари в небесах — и стонала, увидев сиянье.

Тут царица богов, над столь долгой сжалившись мукой
Трудной кончины ее, с Олимпа Ириду послала
695 Дать свободу душе, что со смертью боролась упорно,
Ибо судьбе вопреки погибала до срока Дидона,
Гибели не заслужив, лишь внезапным убита безумьем,
И не успела ее золотистую прядь Прозерпина
Прочь унести и Дидону обречь стигийскому Орку.
700 С неба Ирида летит на шафранных крыльях росистых,
В утренних солнца лучах стоцветный след оставляя;
Встав над несчастной, она произносит: «Прядь эту в жертву
Диту я приношу, и от тела тебя отрешаю!»
Вымолвив, прядь срезает она — и тотчас хладет
705 Тело, и жизнь покидает его, развеяна ветром.

Книга пятая

В это же время Эней продолжал свой путь неуклонно,
Мчался по ветру флот, рассекая темные волны.
Вспять поглядел Дарданид: костер несчастной Элиссы
Город весь озарял. Кто зажег столь яркое пламя,
5 Он не знает, но боль и терзанья попорванной страсти,
Мысль, что способна на все в исступленье женщина, полнят
Мрачным предчувствием грудь Энея и спутников верных.
Только лишь вышли суда в открытое море и берег
Скрылся из глаз, — куда ни взгляни, лишь небо и волны, —
10 Над головой беглецов собралась дожденосная туча,
Бурей и тьмою грозя, и волна поднялась в полумраке.
Тут с кормы прозвучал Палинура-кормчего голос:
«Горе! Зачем небосвод застилают тяжелые тучи?
Что ты нам, отче Нептун, готовишь?» И тотчас велит он
15 Снасти скорей подобрать и налечь на могучие весла,
Сам же, парус тугой поставив наискось к ветру,
Молвит Энею: «Пусть мне хоть Юпитер клянется, — не верю
Я, что в Италию мы доплывем при такой непогоде.
Ветер, свой путь изменив, от заката темного с воем
20 Нам навстречу подул, и сгустились в воздухе тучи.
Ни против ветра идти, ни бури выдержать натиск
Нам не под силу. Но есть исход — уклониться с дороги,

Следую зову судьбы. Сиканийский, я думаю, берег,
Братский Эрикса край и надежные гавани близко, —
25 Если мне память верна, когда путь ищу я по звездам».
Тевкров вожь отвечал: «Да, я вижу, стараешься тщетно
Ты против ветра идти, что велит нам с пути уклониться.
Что ж, поверни паруса! Для меня же места желанней
Нет, и охотней нигде не поставлю я флот утомленный,
30 Чем в земле, что для нас сберегла дарданца Акеста,
Ныне же в лоне своем покоит Анхиза останки».
Так он сказал, и кормчий к земле повернул, и попутный
Ветер надул паруса, корабли средь зыбей полетели,
Тевкров радостных мча к берегам песчаным знакомым.

35 Издали видит Акест с высокой горной вершины,
Как подплывают суда, и к друзьям навстречу выходит, —
Копья в руке, на плечах ливийской медведицы шкура.
Кримисом, богом речным, и троянкой смертной рожденный,
Помнил Акест о давнем родстве — и радостно встретил
40 Тевкров вернувшихся он и дарами простыми почтил их,
Помощью щедрой своей утомленных друзей утешая.

Утром, едва занялся на востоке, звезды прогнавши,
День светозарный, — Эней со всего побережья на сходку
Тевкров созвал и к ним обратился с вершины кургана:
45 «Вы, что от крови богов рождены, Дардана потомки!
Лун исполнился счет и года круг завершился
С той поры, как почил богоравный родитель и в землю
Прах опустили его и печальный алтарь осветили.
День настает (если я не ошибся), который векови
50 Горек будет и свят для меня, — так боги хотели!
Где б он меня ни застиг — иль в изгнание у Сирт

Гетулийских,

Иль посреди аргонидских морей, иль даже в Микенах, —
Все же свершу я обряд ежегодный и шествием пышным
Старца почту алтари, отягчив их, как должно, дарами.
55 Ныне же мы оказались опять у могилы Анхиза, —
Нас не без воли богов, я верю, ветры примчали
В гавань друзей, в тот край, где лежат родителя кости.
Справим же все сообща по нем священную тризну,
Будем о ветрах молить, о том, чтоб обряд ежегодный

60 В собственном храме его совершали мы, город воздвигнув,
По два быка на каждый корабль дарит вам сегодня
Троей рожденный Акест; призовите же к трапезе нашей
Отчих пенатов и тех, что радушным чтимы Акестом.
После, когда взойдет в девятый раз над землю
65 День благодатный и мир озарит лучами Аврора,
Я состязанье судов быстроходных устрою для тевкров.
Всякий из вас, кто силою рук иль проворством гордится,
Всякий, кто мечет копьё иль тонкие стрелы искусно,
Кто, обвив кулаки ремнями, бьется отважно,
70 Пусть приходит и ждет по заслугам пальмы победной.
Ныне ж сомкните уста и ветвями чело увенчайте».

Так он сказал и чело материнским миртом украсил;
Вслед по примеру его Гелим и Акест престарелый,
Юный Асканий и все троянцы сделали то же.
75 После родитель Эней, многолюдной толпой окруженный,
Прямо к могиле пошел, и тысячи шли за героем.
Там, возлиянье творя, две чаши Вахвой влаги
Чистой и столько же чаш молока и крови священной
Он пролил и, цветы разбросав пурпурные, молвил:
80 «Ты, о родитель святой, понапрасну мною спасенный,
Праху привет твоему, привет и тени и духу!
Нет, не дано мне было с тобой назначенных роком
Нив италийских и вод неведомых Тибра достигнуть».
Так говорил он — и вдруг появилась змея из гробницы:
85 В семь огромных колец изогнув упругое тело,
Холм семь раз обвила, с алтаря на алтарь проползая.
В темных пятнах спина, чешуя переливчатым блеском
Золота ярко горит; так, против солнца играя
Тысячей разных цветов, сверкает радуга в небе.
90 Замер Эней. А змея, извиваясь лентою длинной,
Между жертвенных чаш и кубков хрупких скользила,
Всех отведала яств и в гробнице снова исчезла,
Не причинивши вреда и алтарь опустевший покинув.
Вновь начинается обряд в честь отца Эней и не знает,
95 Гений ли места ему иль Анхиза прислужник явился.
Двух родителю он заклал овец по обряду
Столько же тучных свиней и быков молодых черноспинных,
Чашами льет он вино и зывает к духу Анхиза,

Маны великого вновь с берегов зовет Ахеронта.
100 Также и спутники все несут, что каждый имеет,
Радостно в дар на алтарь и, быков для пира зарезав,
Прямо в траве на лугу расставляют котлы, разжигают
Под вертелами огонь и на углях убоину жарят.

День долгожданный настал; в девятый раз выезжает,
105 Ясным светом горя, на конях Фаэтона Аврора.
Люд окрестный, молвой привлечен и славой Акеста,
На берег валом валит, энеадов увидеть желая;
Многие так же хотят помериться силами с ними.
Вот у всех на виду средь ристалища ставят награды:
110 Есть и треножники здесь, и венки из листьев зеленых,
Ветви пальм победителям в дар, пурпурное платье,
Золота целый талант, и талант серебра, и оружие.

С вала запела труба, начало игр возвещая.
Первыми вышли гребцы состязаться на веслах тяжелых;
115 Выбраны были для игр четыре судна огромных;
Юношей пылких собрал Мнесфей на «Ките» быстроходном
(Стал италийцем Мнесфей и рода Меммиев предком);
Вел «Химеру» Гиас — корабль огромный, как город,
С силой гнали его, в три яруса сидя, дарданцы,
120 В три приема они три ряда весел вздымали.
Правил «Кентавром» Сергест — от него получил свое имя
Сергиев дом; а Клоант управлял синегрудою «Сциллою»
(Храбрый Клоант был твоим, Клуенций-римлянин, предком).

Есть утес вдалеке от пенной кромки прибоя;
125 Волны бушуют вокруг и вершину его заливают
В зимние дни, когда Кор застывает тучами небо;
Но в безветренный день он из вод выступает недвижных,
Манит птиц водяных в тишине на солнце погреться.
Там родитель Эней из зеленых веток дубовых
130 Мету воздвиг — чтобы знал мореход, откуда вернуться
Должно ему и где поворот его ожидает.
Жребий местá кораблям указал. На корме возвышался,
Золотом блещут вожди и нарядов пурпуром ярким.
Тополя свежей листвой увенчались гребцы молодые,
135 Плечи нагие блестят и лоснятся, маслом натерты,

Все сидят на скамьях и руки держат на веслах,
Знака ждут, замерев; лишь в груди трепещет, ликуя,
Сердце и бьется сильнее, одержимое жаждою славы.
Громко пропела труба — и немедля с места рванулись
140 Все корабли, и соперников крик взвился в поднебесье.
Рук не жалея, гребцы разметають пенную влагу,
Тянется след за кормой, расступаются воды под килем,
Гладь рассекают носы кораблей и длинные весла.
Так не мчится стремглав, пожирая пространство ристалищ,
145 Парных упряжек череда, вылетая из-за решетки,
Так не рвутся вперед, сотрясая извилистый повод,
К самому крупу коней наклоняясь с бичами, возницы.
Криком и плеском рук между тем ободряли любимцев
Зрители, шум голосов по лесистому неся прибрежью
150 И возвращался назад, от холмов отражаясь окрестных.
Первым несется средь волн Гиас, остальных обогнавший,
Вслед ему крики толпы летят; за ним поспешает
Грузный Клоанта корабль; хоть гребцы на нем лучше, но
тяжесть
Ход замедляет его. И на равном от них расстоянье
155 Сзади «Кит» и «Кентавр» обойти друг друга стремятся:
То «Кентавр» впереди, то «Кит» его обгоняет
Мощный, то рядом они бок о бок мчатся, и вместе
Длинные кили судов бороздят соленую влагу.
«Сцилла» с «Химерой» меж тем приближались к утесу и мете.
160 Тут Гиас, что всех впереди летел, побеждая,
Громким голосом так Меноту-кормчему крикнул:
«Что же ты правишь в обход? Поворачивай к берегу ближе,
Влево бери, чтоб утес задевали лопасти весел.
Пусть другие идут в открытое море!» Но кормчий
165 Вывел корабль на простор, подводных скал опасаясь.
Снова воскликнул Гиас: «Да куда же ты правишь, упрямый?
К скалам сверни!» — а меж тем озирается сам на Клоанта:
Сзади Клоант нагонял и дорогу срезать старался.
Вот, между гулкой скалой и огромным судном Гиаса
170 Круто налево свернув, победителя «Сцилла» обходит
И вылетает в простор, за кормою мету оставив.
Жгучей обидой тогда переполнилось юноши сердце,
Брызнули слезы из глаз; позабыв о том, что достойно,
Что недостойно вождя и о спутников блага не помня,

175 В море Гиас с корабля нерадивого сбросил Менота,
Сам же на место его у кормила встал, продолжая
Криком гребцов ободрять, и корабль повернул к побережью.
Тою порой престарелый Менот, из пучины насилу
Вынырнув, медленно плыл, отягченный намокшей одеждой,
180 Прямо к утесу — и там на сухую вылез вершину.
Тевкры смеялись над ним, когда падал и плыл он неловко
И на скале изрыгал из груди соленые струи.
Тут и отставших сердца зажглись надеждой отрадной:
Можно теперь обогнать потерявшего время Гиаса.
185 Вырвался пылкий Сергест вперед на подходе к утесу,
Но на длину корабля не мог «Кита» обойти он,—
Вровень с бортом его плывет упорный соперник.
Ходит вдоль борта Мнесфей и гребцов своих ободряет
Речью такой: «На весла сильнее, сильнее налегайте,
190 Гектора славная рать, вы, кого после гибели Трои
Выбрал в спутники я! Покажите мужество ваше,
Силу, что вам помогла одолеть Гетулийские Сирты,
Бурный Малей прибой и натиск волн Ионийских.
Первым прийти не стремлюсь, победить я не тшусь в
195 (О, если б так! Но Нептун пусть пошлет, кому хочет, состязанье
победу) —
Стыдно последними быть! Не допустим такого позора,
Граждане Трои!» И тут с удвоенным рвением на весла
Все гребцы налегли; от рывков корма задрожала,
Море навстречу бежит, дыханье грудь разрывает,
200 Губы сохнут, и пот по лицу струится ручьями.
Случай сам им помог добиться чести желанной,
Ибо Сергест повернул, одержим неистовым пылом,
Ближе к мете и, мча хоть и кратким путем, но коварным,
Вдруг налетел на гряду из воды выступавших утесов.
205 Скалы сотряс удар; об острые камни ломаясь,
Весла громко трещат, и корма нависает над бездной.
Вскрикнули разом гребцы, со скамей своих повскакали,
В ход пускают шесты и багры с наконечником острым,
Сняться пытаются с камней, и ловят весел обломки.
210 Силы Мнесфею придал успех нежданный: помчали
Быстрые весла корабль и ветер, внявший молитве.
Выйдя на вольный простор, по волнам благосклонным летит он.

Так, если выгонит страх из пещеры глубокой голубку
(Вьет гнездо и выводит птенцов она в полых утесах),
215 Выпорхнув, плещет она над пашней крыльями громко,
Мчится над домом своим — а потом в безмятежном эфире,
Не шелохнувши крылом, скользит спокойно и плавно.
Так же Мнесфей рассекал с разлета пенные волны,
Так же движенье само влечет отставшее судно.
220 Раньше всего за кормой Мнесфей оставил Сергеста, —
С мелью боролся Сергест и взывал о помощи тщетно,
Сняться пытался со скал, гребя обломками весел.
«Кит» уже мчится меж тем по пятам за «Химерой» огромной,
И остается она, лишенная кормчего, сзади.
225 Только Клоант впереди несется к цели все ближе, —
Гонится следом Мнесфей, догоняет, сил не жалея...
С берега крики сильней: настигающих хочет ободрить
Зритель ревнивый, и гул широко отдается в эфире.
Тем, кто считал уж своей и награду и славу, обидно
230 Все потерять: за честь заплатить они жизнью готовы.
Этих ободрил успех: побеждает, кто верит в победу.
Оба в единый миг, разделив награду, пришли бы,
Если бы руки Клоант не простер с мольбою к пучине,
Громко к богам не воззвал, творя такие обеты:
235 «Боги, владыки морей, по чьим плыву я просторам!
На берег выйду едва — и тельца белоснежного в жертву, —
Вам принесу, исполняя обет, и в соленые волны
Брошу мясо его, и вином совершу возлиянье!»
Так молился Клоант — и вняла ему дева Панопа,
240 Вняла и хор Нереид, и Форка хор под водою.
Мощной рукой родитель Портун бегущему судну
Дал толчок, — и Нота быстрей иль стрелы оперенной
К берегу «Кит» подлетел и вошел в глубокую гавань.
Сын Анхиза созвал по обычаю всех мореходов,
245 И, когда объявил победителя зычный глашатай,
Сам виски увенчал он Клоанту лавром зеленым.
По три быка на каждый корабль по выбору дал он,
Дал и вина, и талант серебра вручил полновесный,
Каждый вождь сверх того получил по награде почетной:
250 Был победитель Клоант награжден плащом златотканым,
Дважды тот плащ обегала кайма узором пурпурным,
Царственный отрок на нем по рощам Иды тенистой

Гнал, потрясая копьём, быстроногих оленей проворно,—
Словно живой, он дышал тяжело,— но, когтями вцепившись,
255 Спутник Юпитера вдруг вознес его в поднебесье,—
Тщето руки к нему воспитатели старые тянут,
Своры яростный лай понапрасну ветер разносит.
Тот, кто отвагой стяжал и упорством место второе,
260 Панцирь из легких колец золотых, в три слоя сплетенный,
В дар получил: тот панцирь Эней совлек с Демолея,
Под Илионом его победив у вод Симоента,
Ныне ж Мнесфею вручил — украшенье и в битве защиту.
Панцирь тройной с трудом рабы Фегей и Сагарий
265 Вместе несли на плечах; а когда-то в этом доспехе
Тевкров гнал Демолей, в беспорядке с поля бегущих.
Третья награда была — два медных блюда и кубки
С множеством ценных камней, в серебре сверкающих ярко.
Шли, дары унося, гордясь наградою щедрой,
Трое вождей увенчавших виски пурпурной повязкой.
270 В это время, с трудом исхитрившись сняться с утеса,
Вел с позором Сергест, осыпаемый градом насмешек,
Судно, где вёсел теперь на один только ряд оставалось.
Так порою змея, когда ее на дороге
Ободом медным своим колесо придавит иль путник
275 Сильным ударом прибьет, на камнях полумертвой оставив,
Тщето стремится ползти и всем извивается телом,
Шея тянется вверх, шипеньем страшным раздута,
Злобой сверкают глаза,— но недвижим хвост перебитый,
Как ни корчится гад и в тугой ни свивается узел.
280 Так же к берегу плыл корабль неуклюжий на веслах;
Только парус подняв, он вошел под парусом в гавань.
Все же Сергесту Эней обещанный отдал подарок,
Радуясь, что возвращен корабль и спутники целы.
С Крита рабыня ему досталась в награду, Фолоя,
285 Мать двоих близнецов, искусная в деле Минервы.

Так состязанье одно завершилось. На луг травянистый
Тотчас Эней поспешил,— туда, где в широкой долине
Между пологих холмов и лесов ристалище было
С множеством зрительских мест. Посреди толпы многолюдной
290 С возвышенье герой скамью почетную занял.
Вызвал он всех, кто хотел состязаться в беге проворном,

И, чтобы души зажечь, на виду расставил награды.
Много тевкров на зов и сиканцев много явилось.
Первыми Нис с Эвриалом пришли:
295 Юности свежей красой Эвриал блистал, и любовью
Чистой любил его Нис. За ними вышел немедля
Царственный отпрыск Диор, от Приамовой крови рожденный;
Салий вышел за ним и Патрон: один — акарнанец
Родом, тегеец — другой, из семьи аркадской старинной;
300 Юношей двое пришли тринакийских — Гелим с Панопеем,
Оба привыкли бродить по лесам с престарелым Акестом;
Много пришло и других — имена их молва позабыла.
Стал между ними Эней, и такую речь произнес он:
«Нашим внемлите словам и примите их радостно в сердце!
305 Сколько бы ни было вас, ни один не уйдет без награды:
По два кносских копыя, лощеной блистающих сталью,
К ним двуострый топор с насечкой серебряной дам я
Всем без различия в дар. Но три особых награды
Я победившим вручу, увенчав их бледной оливой:
310 Первый получит коня в драгоценной сбруе наборной,
Ждет второго колчан, добытый в стране амазонок,
Полный фракийских стрел; обвивает его золотая
Перевязь, пряжкой она скреплена с самоцветом округлым.
Этот аргосский шлем наградой третьему будет».
315 Так он сказал — и встают на места бегуны и, по знаку
Разом сорвавшись, летят, подобно граду из тучи,
С цели не сводят очей и начальный предел покидают.
Первым ринулся Нис и, оставив всех за плечами,
Мчится проворней ветров и крылатых молний быстрее;
320 Следом, всех ближе к нему, но на много шагов отставал,
Салий бежит; а за ним позади, на большом расстоянье,
Третьим бежит Эвриал.
За Эвриалом — Гелим; за его спиною вплотную
Мчится проворный Диор, наступая Гелиму на пятки,
325 Тяжко дыша у него над плечом; и если бы дольше
Им оставалось бежать, то соперника он обогнал бы.
Ближе и ближе неслись бегуны усталые к цели,
Путь завершая, — и вдруг несчастный Нис поскользнулся,
В лужицу крови ступив (когда на лугу приносили
330 В жертву быков, эту кровь на зеленые пролили травы).

Не находя под ногой опоры твердой, с разбега
Наземь падает Нис, заранее гордый победой,
Тело в священной крови и в нечистом навозе марая.
Но и тут, не забыв о любимом своем Эвриале,
335 Телом он Салию путь преградил, приподнявшись из грязи.
Тотчас на плотный песок упал споткнувшийся Салий.
Вырвался сразу вперед и под плеск ладоней и крики
Первым пришел Эвриал — победитель по милости друга.
Следом Гелим прибежал, а Диор взял третью награду.
340 Тут перед всюю толпой, пред скамьями граждан старейших,
Криками дол огласив, потребовал Салий награды:
Только-де хитростью он был лишен победы и чести.
Но благосклонна толпа к Эвриалу, льющему слезы:
Доблесть милее вдвойне, если доблестный телом прекрасен.
345 За Эвриала стоит и Диор, всех громче кричащий:
Он последним пришел и лишился бы третьей награды,
Если бы первой теперь удостоен был Салий упавший.
Им отвечал родитель Эней: «Остаются за вами
Ваши дары, и порядка наград никто не изменит.
350 Мне же дозвольте друзьям, в неудаче своей не повинным,
Жалосте явить». И Салию в дар с такими словами
Шкуру мохнатую льва с золотыми когтями поднес он.
Нис на это сказал: «Если ты упавших жалеешь,
Если так щедро дары раздаешь побежденным,— то чем же
355 Ниса ты наградишь? Ведь венок он первый стяжал бы,
Если бы злою судьбой, как и Салий, не был обманут».
Вымолвив, он показал на лице и на теле могучем
Пятна грязные всем. И со смехом добрый родитель
Щит приказал принести,— Дидимеоном сделан искусным,
360 Сорван был он с дверей в данайском храме Нептуна,
Ныне же юному стал герою славной наградой.

Так завершился бег, так награды розданы были.
«Все, в ком отвага жива, чье сердце страха не знает,
Пусть придут, обвязав кулаки боевыми ремнями!»—
365 Громко Эней возгласил и бойцам назначил награды:
В дар победителю — бык в золотых повязках и лентах,
Шлем драгоценный и меч побежденного ждут в утешенье.
Тотчас Дарет, похваляясь своей непомерною силой,
Вышел вперед из рядов, громогласным ропотом встречен.

370 Некогда он лишь один выходил сражаться с Парисом,
Им же в кулачном бою над могилой Гектора свежей
Бутес огромный, никем дотоле не побежденный,
Предком звавший своим бебрикийцев владыку Амика,
Сбит был с ног и на желтый песок полумертвым повержен.
375 Голову гордо подняв, Дарет, готовый к сраженью,
Встал, чтобы видели все могучие плечи и руки,—
Ими он наносил в пустоту удар за ударом.
Ищет противника он, но никто из толпы многолюдной
Выйти не смеет к нему и надеть ремни боевые.
380 Тут, решив, что победу ему без борьбы уступают,
Перед Энеем он встал, нетерпением радостным полон,
Левой рукою за рог быка схватил и промолвил:
«Сын богини, никто не решается ввериться битве!
Долго ль еще мне стоять? Когда конец ожиданью?
385 Взять награду вели!» Зашумели громко дарданцы,
Требуя, чтобы дары Дарету отданы были.
В это время Акест упрекал сердито Энтелла,
Рядом сидевшего с ним на скамье из зеленого дерна:
«Зря, как видно, Энтелл, среди героев был ты храбрейшим,
390 Если можешь стерпеть, чтоб такие награды без боя
Взял он! Ужель обучал нас божественный Эрикс? Не зря ли
Я поминаю его? Где молва об Энтелле, что мчалась
Встарь по Тринакрии всей? Где за прежние битвы награды?»
Так Энтелл отвечал: «Нет, стремленья к славе из сердца
395 Страх не прогнал; но в жилах моих бессильная старость
Кровь леденит и покинула мощь остывшее тело.
Если б, как в прежние дни, и я, словно этот надменный,
Был уверен в себе, полагался на юные силы,—
Не за награду, поверь, не тельцом прекрасным прельщенный,
400 Вышел бы я: мне дары не нужны!» С такими словами
На поле пару ремней небывалого веса он бросил:
Прежде, на бой выходя, надевал их Эрикс отважный,
Мощный кулак обвязав и запястье твердою кожей.
Все в изумленье глядят на ремни из семи необъятных
405 Бычьих шкур, с нашитым на них свинцом и железом.
Больше всех изумлен, Дарет назад отступает.
Великодушный Эней непомерному весу дивится,
Пут огромный клубок и так и этак он вертит.
Тут престарелый Энтелл слова промолвил такие:

410 «Что, если б видели вы ремни самого Геркулеса,
Пагубный видели бой на песчаном этом побережье?
Некогда Эрикс, твой брат, сражался этим оружием,—
Видишь — доселе ремни забрызганы кровью и мозгом!
Против Алкида он в них стоял; а после носил их
415 Я, покуда мне кровь разливала силы по жилам
И на обоих висках не белела завистница старость.
Если троянец Дарет перед нашим робеет оружием,
Если на этом стоят и Эней и Акест, побудивший
Выйти на бой,— уравнием борьбу: не надену я этих
420 Кож,— не бойся! — а ты ремни троянские снимешь!»
Молвил он так и с плеч одеянье сбросил двойное,
Мышцы мощные рук и костистое мощное тело
Статный старик обнажил и встал на поле песчаном.
Вынес две пары ремней одинаковых отпрыск Анхиза,
425 Чтобы обоим обвить кулаки оружием равным.
Встали тотчас на носки и высоко подняли руки
Чуждые страха бойцы; чтоб лицо защитить от ударов,
Голову оба назад откинули, руки скрестили,—
И началось на лугу между юным и старым сражение.
430 Первый проворством силен и крепостью ног молодую,
Весом и мощью рук превосходит второй, но в коленях
Слабые ноги дрожат, сотрясает тело одышка.
Много ударов мужи нанесли понапрасну друг другу,
Много раз кулаки опускались на ребра, рождая
435 Гулкий отзвук в груди. У висков то и дело мелькают
Руки, и скулы трещат под градом частых ударов.
Твердо стоит Энтелл, ни на шаг не двигаясь с места,
Зорко следит за врагом, кулаков его избегая.
Словно воин, что взять неприступный город стремится
440 Или с оружием в руках осаждает горную крепость,
Рыщет Дарет, то отсюда к нему, то оттуда пытаясь
Подступ найти, и уловки свои в нетерпении множит.
Встав на носки, размахнулся Энтелл и правой ударил
Сверху вниз; но Дарет ожидал удара недаром:
445 Вправо проворно скользнув, увернулся он ловким движеньем.
В воздух ударил Энтелл, понапрасну силы истратив,—
И тяжело на песок тяжелое рухнуло тело;
Рушатся так иногда дуплистые старые сосны,
Вырваны с корнем, со скал Эриманфа иль Иды лесистой.

450 Тевкры с мест поднялись, тринакрийцы вскочили в тревоге.
Крик полетел к небесам. Подбежал к ровеснику первым
Старый Акест и друга с земли заботливо поднял.
Но от паденья герой не утратил отваги и пыла:
455 Снова рвется он в бой, возрастают силы от гнева,
Силы и стыд придает, и вера в прежнюю доблесть.
Вот, на Дарета напав, по всему его гонит он поля,
Правой рукой наносит удар и тотчас же левой,
Не отпускает врага ни на миг. Как частый на кровли
С грохотом рушится град — так удары справа и слева
460 Сыплет и сыплет Энтелл, оглушает и гонит Дарета.
Но допустить родитель Эней не мог, чтобы ярость
В сердце старца росла и свирепый гнев разрастался;
Бой неравный прервав, изнеможенного вырвал Дарета
Он у врага, укротив спесивца такими словами:
465 «Что за безумье тобой овладело, несчастный? Не видишь,—
Сломлены силы твои. Божество от тебя отвернулось!
Богу, Дарет, уступи!» Так сказал он, бойцов разнимая.
Тотчас друзьями Дарет (у него подгибались колени,
Кровь лилась по лицу, голова болталась бессильно,
470 Вместе с кровавой слюной изо рта он выплевывал зубы)
Был отведен к кораблям; и друзья по зову Энея
Шлем получили и меч, быка оставив Энтеллу.
Гордый наградой такой и победной пальмой, сказал он:
«Сын богини, узнай и вы узнайте, дарданцы,
475 Как я могуч и силен был в юные давние годы
И от какой вы сейчас избавили смерти Дарета».
Молвил он так и лицом к быку повернулся, который
Дан был в награду ему; и вот, широко размахнувшись,
Правой рукой он ударил быка меж рогов, проломивши
480 Череп ремнями и в мозг загоняя кости осколки.
Вздрыгнул бык и упал, наповал убитый ударом.
Голосом звучным Энтелл над простертым телом промолвил:
«Лучшую жертву тебе взамен Дарета принес я,
Эрикс! Теперь, победив, со своим я расстанусь искусством».

485 Следом вызвал Эней всех, кто хочет в стрельбе
состояться,
Меткость свою показать, и, стрелкам назначив награды,
Мощной рукой он воздвиг с корабля Сергестова мачту,

Сверху к ней привязал на бечевке тонкой голубку,
Чтобы в крылатую цель направляли соперники стрелы.
490 Вот стрелки собрались, и опущены жребии были
В медный шлем; поднялся в толпе одобрителный ропот:
Первый выпал черед Гиртакиду Гиппокоонту.
Следом Мнесфей, в состязанье судов победитель недавний,
Вытащил жребий,— Мнесфей, увенчанный свежей оливой.
495 Третий достался черед Эвритиону, Пандара брату,
Что по веленью богов перемирье нарушил под Тройей,
Первым бросив стрелу в ряды ахейского войска.
В шлеме осталось на дне последнее имя — Акеста:
Сам средь юношей он попытать свои силы решился.
500 Каждый стрелок свой лук изогнул могучей рукою,
Каждый сейчас же стрелу достает себе из колчана.
Первой слетела стрела с тетивы Гиртакида запевшей,
В быстром полете она, оперенная, воздух пронзает
И глубоко впивается в ствол воздвигнутой мачты.
505 Вздрогнул ствол, встрепенулась на нем в испуге голубка,
Громким плесканием рук толпа огласила долину.
Следом выходит Мнесфей и встает, тетиву натянувши,
Целится вверх, и взгляд и стрелу на мишень направляя.
Птицу, однако, не мог поразить он острым железом,
510 Только стрелой разорвал узлы и путы льняные,—
За ногу ими была голубка привязана к мачте.
Тотчас же взмыла она, к облакам улетая знакомым.
Но Эвритион меж тем уж стоял с натянутым луком;
К брату с мольбою воззвав, он стрелу, что держал наготове,
515 В небо пустое метнул, где, ликуя, голубка летела,
И среди туч поразил трепетавшую крыльями птицу.
Пала она с высоты, в поднебесье с жизнью расставшись,
С гибельной меткой стрелой возвратилась снова на землю.
Только родитель Акест лишен был пальмы победной.
520 Все же стрелу в вышину наудачу метнул он, являя
Всем искусство свое в обращенье с луком звенящим.
Тут внезапно очам предстало чудо, в грядущем
Многие беды суля: доказали это событья,
Ибо пророческий смысл толкователи поздно постигли.
525 Между прозрачных летя облаков, загорелась тростинка,
Пламенем след за собой прочертив, растаяла легким
Дымом в воздухе; так, с небосвода сорваны, звезды

Часто проносятся вниз и влекут хвосты огневые.
Тут словно гром поразил тринакрийских мужей и троянцев:
530 Молятся в страхе богам... Отвратить примету не просит
Только Эней: Акеста герой обнимает, ликуя,
Щедро дарами его осыпает с такими словами:
«Дар мой прими, отец: повелитель великий Олимпа
Знаменье это послал, чтоб тебя всех прежде почтил я.
535 Старца Анхиза кратёр, самоцветами ярко горящий,
Будет наградой тебе; фракийцем когда-то Киссеем
Был драгоценный сосуд отцу Анхизу в подарок
Отдан на память о нем и в залог любви нерушимой».
Молвив, старца чело увенчал он лавром зеленым
540 И объявил среди всех победителей первым Акеста.
Но Эвритион ничуть не завидовал почести этой,
Хоть удалось лишь ему подстрелить в поднебесье голубку.
Тот, кто путы порвал, получил вторую награду,
Третью — тот, кто попал стрелой летучею в мачту.

545 Не завершилось еще состязанье, когда Эпитида,
Что опекал и берёт безотлучно отрока Юла,
Вызвал родителя Эней и шепнул ему на ухо тихо:
«К сыну ступай и ему возвести: коль построить успел он
Свой малолетний отряд и готов к ристаниям конным,
550 Пусть выводит его и себя покажет с оружием
Деду в честь». И толпе, что рассеялась в цирке огромном,
Он повелел отойти и очистить просторное поле.
Юный блистающий строй на виду у отцов выезжает,
Взнузданных гонит коней, — и дивится, на мальчиков глядя,
555 Весь тринакрийский народ, и шумит с троянцами вместе.
Коротко стрижены все, по обычаю все увенчали
Кудри, и каждый по два кизилowych дротика держит.
Легкий колчан у иных за плечом, и цепь золотая,
Гибко спускаясь на грудь, обвивает стройную шею.
560 На три турмы разбит отряд, перед каждою турмой —
Юный вождь, и за ним двенадцать отроков скачут,
Строй соблюдая тройной, блистая равным уменьем.
Всадники в первом строю за Приамом едут, ликуя, —
Славный твой отпрыск, Полит, нареченный именем деда,
565 Вскоре возвысит твой род на земле италийцев; а ныне
Мальчика мчит фракийский скакун — весь в яблоках белых,

С белой звездой на лбу, с перетяжкой белой у бабок,
Атис — ведут от него латиняне Атии род свой —
Атис, Аскания друг, пред вторым красуется строем.
570 Юл — прекраснее всех — перед третьим строем гарцует;
Конь сидонский под ним был подарен прекрасной Дидоной
Мальчику в память о ней и в залог любви нерушимой.
Отроков мчат остальных тринакрийские кони, которых
Дал им Акест.

575 Трепетный юный отряд дарданцы плеском ладоней
Встретили, с радостью в нем черты отцов узнавая.
После того как они мимо зрителей всех проскакали,
Близким радуя взор, Эпитид им голосом громким
Подав издали знак и бичом оглушительно шелкнул.

580 По трое в каждом ряду разделился строй, и немедля
Два полухория врозь разъехались; после, по знаку,
Вспять повернули они, друг на друга копыя наставив,
Встретились, вновь разошлись и опять сошлись на широком
Поле; всадников круг с другим сплетается кругом,

585 Строй против строя идет, являя битвы подобье.
Вот одна сторона убегает, а вот, повернувшись,
С копыями мчится вперед; вот обе смыкаются мирно,
Рядом летят... — На критских холмах, повествуют, когда-то
Был Лабиринт, где сотни путей меж глухими стенами

590 В хитрый сплетались узор и где все путеводные знаки
Людям помочь не могли, безысходно блуждавшим вслепую.
Так же теперь следы перепутались юных троянцев,
То убегавших стремглав, то сходявшихся в битве потешной,
Словно дельфины, когда в многоводном море Ливийском

595 Или Карпафском они затевают резвые игры.
Эти ристания ввел, состязанья устроил такие
Первым Асканий, стеной опоясав Долгую Альбу;
Древним латинянам он искусство передал это,
Отроком сам обучившись ему с молодежью троянской.

600 Внукам своим завещали его альбанцы, от них же
Рим воспринял его и хранит, как наследие предков.
Отроков строй «троянским» зовут и «троянскими» — игры,
Что и доныне у нас в честь святого прадеда правят.

Тут изменила опять Фортуна коварная тевкрам:
605 Тою порой как они над могилой игры справляют,

Дочь Сатурна с небес к кораблям троянским Ириду
Шлет и летящей вослед посылает попутные ветры,
Ибо по-прежнему боль и тревога мучат Юнону.
610 Дева быстро с небес по дуге скользнула стоцветной,
Кратким путем достигла земли, незрима для смертных.
Видит стеченье толпы и проходит по берегу дальше,
Мимо пустых кораблей и безлюдной гавани — к мысу,
Где, поодаль от всех, собрались троянки оплакать
615 Старца Анхиза в тиши, и опять в слезах озирали
Моря безбрежного даль и одно повторяли: «О, горе!
Сколько пучин переплыть предстоит еще нам, истомленным!»
Молят о городе все: даже мысль о море претит им.
Дева к ним подошла, искушенная в кознях зловредных,
Облик богини сменив на обличье старой Берои,
620 Темный накинув плащ жены тмарийца Дорикла,
Некогда гордой детьми, и знатностью рода, и славой.
В круг матерей дарданских вступив, она говорит им:
«Жалкие! Пусть на смерть не влекли вас руки ахейцев
В битвах у отческих стен—но Фортуна вам жизнь сохранила,
625 Племя несчастное, с тем, чтоб на новую гибель послать вас!
Лето седьмое пошло с тех пор, как разрушена Троя,
Семь уже лет по земле, по морям средь скал неприступных
Бродим под звездами мы, убегающий край Италийский
Всё стремимся настичь, по волнам гонимые бурным.
630 Жил здесь Эрикс, наш брат, здесь Акест нас встретил

радушно.

Кто же мешает нам здесь для граждан город построить?
Родина! Вы, от врагов спасенные тщетно пенаты!
Город ужель никакой называться Троей не будет?
Гектора рек не увидим ужель — Симоента и Ксанфа?
635 Все поджигайте со мной корабли, что сулят нам несчастья!
Ибо явился во сне мне Кассандры пророчицы образ,
Факел горящий она мне вручила, промолвив: «Ищите
Трою здесь! Здесь ваши дома!» За дело же, сестры!
Медлить знаменье нам не велит! Стоят в честь Нептуна
640 Здесь алтари: значит, бог нам и факелы даст и отвагу!»
Молвив такие слова, головню, горящую грозно,
Первой схватила она, широко размахнулась и с силой
Бросила факел, сердца изумленьем и страхом наполнив
Женам троянским, Но тут из них старейшая — Пирго,

645 Грудью вскормившая всех сыновей Приама, сказала:
«Нет, не Бероя была среди нас, не супруга Дорикла,
Родом с Ретейских хребтов; красоты божественной знаки
Видны в ней: и очи горят, и речь вдохновенна!
Вслушайтесь в звук ее слов, на лицо и на поступь взгляните!

650 Я лишь недавно сама ушла от Берои недужной:
Горько она сожалела о том, что лишь ей не удастся
Долг исполнить, почтить по заслугам маны Анхиза».
Пирго промолвила так.

Взглядом недобрым сперва корабли озирали троянки,
655 И колебались в душе между жарким желаньем остаться
В этой стране и призывом судьбы к неведомым царствам.
Тут вознеслась к небесам на раскинутых крыльях богиня,
Скрылась среди облаков, по дуге промчавшись огромной.
С громким криком тогда потрясенные знаменем жены
660 Из очагов похищают огонь, алтари разметаю,
Ветви со свежей листвою и факелы мечут в безумье.
Сбросив узду, ярится Вулкан, пожаром объемя
Весла судов, и скамьи, и кормы расписную обшивку.
Весть о том, что горят корабли, к могиле Анхиза
665 Тотчас приносит Эвмел; да и сами зрители видят
Черную тучу золы, гонимой издали ветром.
Первым Асканий, что вел, ликуя, всадников юных,
В лагерь смятенный коня повернул на скаку, и, пытаясь
Тщетно его удержать, понеслись наставники следом.

670 «Что вы творите? Какой небывалый недуг ослепил вас? —
Крикнул Юл. — О троянки, ведь вы не вражеский лагерь —
Ваши надежды спалить хотите! Вот я перед вами,
Ваш Асканий!» И шлем, что ради битвы потешной
Был надет, он сорвал с головы и под ноги бросил.

675 Тут Эней подоспел, подбежали тевкров отряды.
Тотчас по берегу все рассеялись женщины в страхе,
Чтобы в расселинах скал и в лесах незаметно укрыться;
Стыдно на свет им глядеть; узнают, опомнившись, близких,
Гаснет безумье в сердцах, покидает души Юнона.

680 Но не унялся пожар, набирает по-прежнему силу
Неукротимый огонь: под сырой древесиною в пакле
Тлеющей пламя живет и медлительный дым изрыгает,
Доски гложет тайком, по всему кораблю распозаясь.
Тщетны усилья мужей, и потоки воды бесполезны.

685 Благочестивый Эней, на себе разрывая одежды,
К небу руки простер и призвал бессмертных на помощь:
«О всемогущий Отец! Коль не все, как один, ненавистны
Стали троянцы тебе, если есть в тебе прежняя жалость
К бедам людским,— о Юпитер! — не дай уничтожить пожару
690 Все корабли и спаси достойные жалкое тевкров!
Если же я заслужил, то разящими стрелами молний
Все истреби, что осталось у нас, и предай меня смерти!»
Только лишь вымолвил он, как из тучи, ливнем набухшей,
Грянул громовый удар и сотряс равнины и горы;
695 Небо внезапной грозой полыхает, струями хлещет
Ливень, и мрак над землей сгущают буйные Австры.
Доверху полны водой корабли, и влага немедля
Тлеющий гасит огонь, в обгорелых таившийся досках;
Все от язвы суда спасены — лишь четыре погибли.

700 Долго родитель Эней, потрясенный горькой бедою,
То к одному склонялся душой, то к другому решенью,
Долго выбрать не мог, на полях ли осесть Сицилийских,
Волю судьбы позабыв, или плыть к Италийским побережьям.
Старец один только Навт, кому Тритония-дева
705 Мудрость дала и средь всех одного отличила искусством
Истинно всем открывать, чего добиваются боги,
Гнев свой явив, и каков судеб непреложный порядок,—
Навт лишь один утешил его такими словами:
«Сын богини, пусть рок, куда захочет, влечет нас,—
710 Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпеньем.
Здесь ведь дарданец Акест, от божественной крови рожденный:
В замыслы наши его посвяти и союзником сделай.
С ним пусть останутся те, чьи суда огонь уничтожил,
Также и те, для кого неосилен твой подвиг великий:
715 Дряхлых старцев и жен, истомленных невзгодами в море,
Всех, в ком нет уже сил и кому опасности страшны,
Выбери ты и для них на земле этой город воздвигни.
Пусть называется он с твоего изволения Акестой».
Старшего друга слова взволновали сердце Энея,
720 Множество новых забот раздрают тревожную душу.

Черная ночь вершины небес в колеснице достигла.
К сыну с неба слетел Анхиза-родителя образ

И в сновиденье к нему обратился с такими словами:
725 «Сын мой, ты был при жизни моей мне жизни дороже!
Сын мой, по всей земле судьбой Илиона гонимый!
Послан к тебе Юпитером я, корабли от пожара
Спасшим, ибо теперь преисполнен он жалости к тевкрам.
Мудрым советам, Эней, престарелого Навта последуй:
730 Должен отборных мужей, отважных сердцем и юных,
Ты в Италию взять. С народом суровым и диким
В Лации долго тебе воевать придется. Но прежде
В царство Дита сойди, спустишь в глубины Аверна,
Сын мой, и там меня отыщи: не во мраке унылом
735 Тартара я обитаю теперь, но средь праведных сонмов
В светлом Элизии. Путь пред тобою откроет Сивилла
Кровью черных овец, обильно пролитой в жертву.
Там узришь ты свой род и город, что дан тебе будет.
Сын мой, прощай: росистая ночь полпути пролетела,
Веет уже на меня коней восхода дыханье».
740 Так он сказал, и как легкий дымок, растаял в эфире.
Вслед ему молвил Эней: «От кого ты бежишь? И куда ты
Так поспешаешь? Ужель даже сына обнять ты не вправе?»
Так он сказал и огонь оживил, под золою уснувший,
Жертвенной полбой алтарь пергамского лара осыпал
745 И перед Вестой седой воскурил благовонья обильно.

Спутников тотчас созвав, пригласив всех прежде Акеста,
О наставленьях отца, о Юпитера воле поведал
Им Эней и о том, что решил он в душе непреложно.
С ним согласился Акест, и вот без долгих советов
750 Женщин в списки они заносят и всех, кто желает
В городе жить, кому не нужна великая слава.
Прочие — в малом числе, но воинственной доблести полны, —
Чинят скамьи для гребцов, обгорелые доски меняют,
Новые весла несут и ладят новые снасти.
755 Сам Эней между тем обводит плугом границу
Города, гражданам всем назначает по жребью жилища.
Здесь Илиону стоять, здесь Трое быть повелел он!
Новому царству Акест дает законы, ликуя.
Был заложен и храм Идалийской Венеры на высях
760 Эрикса, близ облаков; окружил могилу Анхиза
Рошей священной Эней и жреца приставил к святыне.

Деять дней народ пировал, алтари отягчая
Жертвами. Бурных валов не вздымали свежие ветры,
Австр один лишь крепчал, корабли призывая в просторы,
765 Горестный плач поднялся по всему побережью залива,
Тевкры и день и ночь разомкнуть не могут объятья.
Даже и жены, и те, кому казался ужасен
Моря вид, кто не мог выносить больше прихотей бога,
Жаждут отплыть и терпеть скитаний тяготы снова.
770 Плача, добрый Эней утешает их ласковой речью
И поручает друзей Акесту, родному по крови.
В жертву Эриксу трех тельцов заклать повелел он,
В жертву Бурям — овцу, — и отчалил в должном порядке.
Сам вдали на носу, листвою оливы увенчан,
775 С чашей в руках он стоял и бросал в соленые волны
Части закланных жертв и творил вином возлиянье.
Ветер попутный догнал корабли, с кормы налетевши,
Взрыли влагу гребцы, ударяя веслами дружно.

В небе Венера меж тем, терзаема тяжелой тревогой,
780 Сетуя горько, с такой обратилась речью к Нептуну:
«Гневом Юнона своим и яростью неутолимой
Ныне меня, о Нептун, снизойти до мольбы заставляет.
Ни благочестье ее не смягчило, ни долгие сроки,
Рок ее не смирит и не сломит Юпитера воля.
785 Мало ей было отнять у фригийского племени город,
Сгубленный злобой ее и сквозь все прошедший мученья,—
Праху троянцев она не дает покоя и гонит
Тех, кто еще уцелел. Пусть припомнит сама свою ярость!
Сам ты свидетель тому, как недавно в водах Ливийских
790 Страшную смуту она подняла, понапрасну смешала
Море и небо, призвав на помощь Эоловы бури,
В царство вторгшись свое.
Ныне она, подстрекнув коварно женщин троянских,
Флот злодейски сожгла, и Эней, корабли потерявший,
795 Спутников был принужден на неведомых землях оставить.
Тем же, кто с ним отплыл, — я молю, — даруй безопасный
Путь по волнам, пусть достигнут они Лаврентского Тибра,
Если дозволено то, что прошу я, и Парки дадут им
Город в этих местах». И в ответ укрощающий волны
800 Молвил: «На царство мое положить ты можешь по праву:

В нем ты сама рождена, Киферея. Сам заслужил я
Также доверья: не раз усмирлял я море и небо.
А об Энее твоём — мне свидетель Ксанф с Симоентом —
Я и на суше пекусь: когда троянские рати
805 К стенам отбросил Ахилл, изнемогших преследуя тевкров,
Много тысяч убил и наполнил реки телами,
Так что стонали они и не мог излить свои воды
В море Ксанф, и когда Эней с отважным Пелидом
В бой неравный вступил, от богов не имея защиты,
810 Облаком скрыл и унес я его, хоть и жаждал низвергнуть
Стены, что сам возводил вокруг Трои клятвопреступной.
Чувства мои неизменны с тех пор. Не бойся, исполню
То, что ты хочешь: придет невредимо он в гавань Аверна.
Плакать придется тебе об одном лишь в пучине погибшем:
815 Жизнью один заплатит за всех».
Речью такой облегчив богине радостной сердце,
Впряг родитель коней в золотую упряжь, взнуздая их
Пенной уздой, и волю им дал, отпустивши поводья,
И по вершинам валов полетел в колеснице лазурной;
820 Зыбь замирает пред ним, и равниною стелется гладкой
Бурный простор под его колесом, и тучи уходят.
Спутники плещутся вокруг разноликой толпою: дельфины,
Сын Ино Палемон и Главка хор седовласый,
Форк с отрядом своим и проворное племя Тритонов;
825 Слева Фетида плывет и с нею дева Панопа,
Фелия, Ниса, Спид, и Мелита, и Кимодока.

Чувствует вновь родитель Эней, как светлая радость
Входит в сердце его на смену долгим сомненьям.
Мачты поставить скорей и поднять паруса повелел он,
830 Все за работу взялись: повернули реи направо,
Слева ослабив канат, и потом, отпустив его справа,
Влево парус они повернули, гонимые ветром.
Плотный строй кораблей возглавлял корабль Палинура;
Все получили приказ за ним идти неуклонно.
835 В небе росистая ночь к середине пути приближалась,
Мирный покой сковал тела гребцов утомленных,
Что возле весел своих на жестких скамьях отдыхали.
Легкий Сон той порой, слетев с эфирных созвездий,
Тихо во тьму соскользнул, рассекая сумрачный воздух:

840 Прямо к тебе он летел, Палинур, без вины обреченный,
Нес он тебе забытье роковое; с кормы корабельной
Бог обратился к тебе, приняв обличье Форбанта:
«О Палинур Иасид, нас несет морское течение,
Ровно дыханье ветров. Пора предаться покою!

845 Ляг, избавь от труда утомленные бдением очи!
Сам я кормило возьму и тебя замену ненадолго».
Взгляд поднявши едва, Палинур ему отвечает:
«Мне ли не знать, как обманчив лик спокойного моря,
Стихшие волны? И ты мне велишь им довериться, грозным?

850 Вверить Энея судьбу могу ль вероломному ветру
Я, кто столько уж раз был обманут безоблачным небом?»
Так отвечал Палинур и держал упрямо кормило,
Не выпуская из рук, и на звезды глядел неотрывно.
Ветвью, летейской водой увлажненною, силы стигийской

855 Полною, бог над его головой взмахнул — и немедля
Сонные веки ему сомкнула сладкая дрема.
Только лишь тело его от неожиданного сна ослабело,
Бог напал на него и, часть кормы сокрушивши,
Вместе с кормилом низверг и кормчего в глубь голубую,

860 Тщетно на помощь из волн призывавшего спутников сонных;
Сам же в воздух взлетел и на легких крыльях унесся.
Но безопасно свой путь по зыбям корабли продолжали:
Свято хранили их бег отца Нептуна обеты.
Прямо к утесам Сирен подплывали суда незаметно,—

865 Кости белели пловцов на некогда пагубных скалах,
Волны, дробясь меж камней, рокотали ровно и грозно.
Тут лишь заметил Эней, что, утратив кормчего, сбился
Флот с пути, и в море ночном стал править родитель
Судном, хоть сам и стонал, потрясенный гибелью друга:

870 «Слишком доверился ты, Палинур, безмятежному морю,—
Непогребенным лежать на песке чужбины ты будешь».

Книга шестая

Так он промолвил в слезах, и замедлил флота движенье,
И наконец близ Кум подошел к побережьям Эвбейским.
Носом в простор корабли повернули тевкры; вонзились
В дно якорей острия, и кормою к берегу встали
5 Длинным рядом суда. Молодежь спешит в нетерпенье
На Гесперийский песок; семена огня высекают,
Скрытые в жилах кремня; расхищают древесные куши
В дебрях густых, где прячется дичь, и реки находят.
Благочестивый Эней к твердыне, где правит великий
10 Феб, и к пещере идет — приюту страшной Сивиллы:
Там, от всех вдалеке, вдохновеньем ей душу и разум
Полнит Делосский пророк и грядущее ей открывает.

К роше Гекаты они, к златоверхому храму подходят.
Сам Дедал, говорят, из Миносова царства бежавший,
15 Крыльям вверивший жизнь и дерзнувший в небо подняться,
Путь небывалый держа к студеным звездам Медведиц,
Здесь полет свой прервал, над твердыней халкидских
пришельцев;
В этих местах, где землю он вновь обрел, Аполлону
Крылья Дедал посвятил и построил храм величавый.
20 Вот на дверях Андрогей и убийцы его — кекропиды,

Что в наказанье должны посылать на смерть ежегодно
Семь сыновей; вот жребий уже вынимают из урны.
Кносские земли из волн на другой поднимаются створке:
Вот Пасифаи, к быку влекомой страстью жестокой,
25 Хитрость постыдная; вот о любви чудовищной память,
Плод двувидный ее, Минотавр, порожденье царицы.
Вот знаменитый дворец, где безвыходна мѹка блужданий;
Только создатель дворца, над влюбленной сжался царевной,
Сам разрешил западни загадку, нитью направив
30 Мужа на верный путь. И тебе, Икар, уделил бы
Места немало Дедал, если б скорбь его не сковала:
Дважды гибель твою он пытался на золоте высечь,
Дважды руки отца опускались. Разглядывать двери
Долго бы тевкры могли, если б к ним не вышли навстречу
35 Посланный раньше Ахат и жрица Гекаты и Феба,
Главка дочь, Деифоба, и так царю не сказала:
«Этой картиной, Эней, сейчас любоваться не время:
В жертву теперь принеси из ярма не знавшего стада
Семь быков молодых и столько же ярк отборных».
40 Так сказала она — и приказ исполнить священный
Тевкры спешат и во храм по зову жрицы вступают.

В склоне Эвбейской горы зияет пещера, в нее же
Сто проходов ведут, и из ста вылетают отверстий,
Нá сто звуча голосов, ответы вещей Сивиллы.
45 Только к порогу они подошли, как вскрикнула дева:
«Время судьбу вопрошать! Вот бог! Вот бог!» Воскликнула
Так перед дверью она и в лице изменялась, бледнея,
Волосы будто бы вихрь разметал, и грудь задышала
Чаше, и в сердце вошло иступленье; выше, казалось,
50 Стала она, и голос не так завенел, как у смертных,
Только лишь бог на нее дохнул, приближаясь. «Ты медлишь,
Медлишь, Эней, мольбы вознести? Вдохновенного храма
Дверь отворят лишь мольбы!» Так сказала дева — и смолкла.
Тевкров страх до костей пронизал холодной дрожью.
55 Сердце Эней между тем изливал в горячей молитве:
«Феб, ты всегда сострадал Илиона бедствиям тяжким,
Ты дарданской стрелой поразил Эакида, направив
Руку Париса, и ты по морям, омывающим земли,
Многие годы нас вел — вплоть до пашен, за Сиртами скрытых,

60 Где, от всех вдалеке, племена живут массивийцев.
Вот я настиг наконец убегающий брег Италийский —
Трои злая судьба пусть за нами не гонится дальше!
Сжалиться также и вам над народом пора илионским,
Боги все и богини, кому Пергам ненавистен
65 Был и слава его. И ты, пророчица-дева
Вещая, дай троянцам осесть на землях Латинских,—
То, о котором прошу, мне судьбой предназначено царство!
Дай поселить неприютных богов и пенатов троянских.
Тривии с Фебом тогда я воздвигну из мрамора прочный
70 Храм, и празднества дни нареку я именем Феба.
В царстве моем и тебя ожидает приют величавый:
В нем под опекой мужей посвященных буду хранить я
Тайны судьбы, которые ты, о благая, откроешь
Роду нашему впредь. Не веряй же листам предсказаний,
75 Чтоб не смешались они, разлетаясь игрушками ветра.
Молви сама, я молю!» И на этом речь он окончил.

Вещая жрица меж тем все противится натиску Феба,
Точно вакханка, она по пещере мечется, будто
Бога может изгнать из сердца. Он же сильнее
80 Ей терзает уста, укрощает мятежную душу.
Вот уже сами собой отворились святилища входы,
В сто отверстий летят прорицанья девы на волю:
«Ты, кто избавлен теперь от опасностей грозных на море!
Больше опасностей ждет тебя на суше. Дарданцы
85 В край Лавинийский придут (об этом ты не тревожься) —
Но пожалеют о том, что пришли. Лишь битвы я вижу,
Грозные битвы и Тибр, что от пролитой пенится крови.
Ждут тебя Симоент, и Ксанф, и лагерь дорийский,
Ждут и новый Ахилл в краю Латинском, и также
90 Враг твой богиней рожден. И Юнона тевкров, как прежде,
Гнать не устанет, и ты, удрученный нуждою проситель,—
Сколько ты обойдешь городов и племен италийских!
Вновь с иноземкою брак и жена, приютившая тевкров,
Будут причиной войны.
95 Ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее,
Шествуй, доколе тебе позволит Фортуна. Начнется
Там к спасению путь, где не ждешь ты,— в городе греков».
Так из пещеры гостям возвещала Кумская жрица

100 Грозные тайны судьбы — и священные вторили своды
Истины темным словам. Аполлон, сотрясая поводья,
Деву безумную гнал и вонзал ей под сердце стрекало.

Пыл безумный угас, и уста иступленные смолкли;
Молвит на это герой: «Я не вижу неожиданных и новых
Бед и трудов впереди: их лицо привычно мне, дева!
105 Знал и прежде о них, и в душе их все одолел я.
Лишь об одном я прошу: если вход к царю преисподней —
Здесь, где водой Ахеронт питает мрачные топи,
Дай туда мне сойти и лицо родителя видеть,
Путь укажи, отвори предо мной заповедные двери.
110 Я на этих плечах его из пламени вынес,
Спас от вражеских толп, что за нами с копьями гнались,
Спутником был он моим в морских скитаньях, со мною
Все сносил наравне, чем грозили нам небо и волны,
Больше в нем, немощном, сил, чем отпущено старости, было.
115 Он и в приют твой войти, и к тебе обратиться смиренно
Мне с мольбой наказал. Над отцом и сыном, о дева,
Сжался, благая, молю! Ты можешь все, и недаром
Тривия власти твоей поручила Авернские рощи.
Некогда маны жены повел Орфей за собою,
120 Сильный фракийской своей кифарой и струн благозвучьем;
Пбллуks, избавив ценой половины бессмертья от смерти
Брата, вперед и назад проходит этой дорогой;
Шел здесь Тесей и Алкид. Но и я громовержца потомок!»
Так он Сивиллу молил, к алтарю прикасаясь рукою.
125 Молвила жрица в ответ: «О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обителище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего! Лишь немногим, кого справедливый
130 Царь богов возлюбил, вознесенным доблестью к звездам
Детям богов удалось возвратиться оттуда, где темный
Вьется Коцит, ленивой струей леса обегая.
Но если жаждет душа и стремится сердце так сильно
Дважды проплыть по стигийским волнам и дважды увидеть
135 Тартар, если тебе отраден подвиг безумный,
Слушай, что сделать тебе придется. В чаще таятся
Ветвь, из золота вся, и листы на ней золотые.

Скрыт златокудрый побег, посвященный дольней Юноне,
В сумраке рощи густой, в тени долины глубокой.
140 Но не проникнет никто в потаенные недра земные,
Прежде чем с дерева он не сорвет заветную ветку.
Всем велит приносить Прозерпина прекрасная этот
Дар для нее. Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
145 Золотом тем же на ней горят звенящие листья.
Взглядом кроны деревьев обыщи и ветвь золотую
Рви безоружной рукой: без усилья стебель поддастся,
Если судьба призывает тебя; если ж нет — никакою
Силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым железом.
150 Знай и о том, что пока ты у нашего медлишь порога,
Просишь ответа у нас, — твой друг лежит бездыханный,
Тело его погребения ждет, корабли оскверняя.
Прежде приют ему дай в глубокой гробнице, а после
Черных овец заколи искупительной жертвою первой,
155 Или же ты не узришь для живых недоступное царство —
Сень стигийских лесов». И уста сомкнула Сивилла.

Грустный потупивши взор и нахмурив чело, из пещеры
Вышел родитель Эней. Неизвестностью душу томила
Мысль о грядущем ему. За героем медленным шагом
Бред неразлучный Ахат, тревогой той же томимый.
160 Часто друг друга они вопрошали: кто из троянцев
Умер, кого хоронить им придется, по слову Сивиллы?
Так они подошли к побережью сухому — и видят:
Спутник их верный Мизен унесен недостойною смертью,
Сын Эола Мизен, что не знал себе равных в искусстве
165 Медью мужей созывать, зажигать их Марсовым пылом.
Некогда Гектору был он соратником, с Гектором рядом
В грозные битвы ходил с копьем и витою трубою;
После ж того как Ахилл похитил жизнь у героя,
Спутником стал отважный Мизен дарданца Эней,
170 Следуя в битвах теперь за вождем, не менее славным.
Ныне он звонко трубил в одну из раковин полых
И, оглашая простор, вызывал богов состязаться;
Тут соперник Тритон, — если верить можно преданью, —
В пенные волны меж скал безумца надменного сбросил.
175 С воплем друзья окружили его. Всех больше горюет
Благочестивый Эней. Повеленья Сивиллы исполнить

Все со слезами спешат и воздвигнуть алтарь погребальный,
Чтобы — из целых стволов возведен — до небес он поднялся.
Тевкры торопятся в лес, приют зверей стародавний:
180 Падают сосны, шумит топором подрубленный падуб,
Клинья вонзаются в ствол, и клен и ясень расколот,
Буки огромные вниз по горным катятся склонам.
В новом труде никому не уступит Эней: за секиру
Сам берется герой и примером друзей ободряет;
185 В сердце печальном меж тем он такую думает думу,
Лес бесконечный кругом озирая с мольбою безмолвной:
«Если бы в дебрях таких на дереве вдруг мне сверкнула
Ветвь золотая в глаза! Ведь, на горе, слишком правдиво
Вещая жрица нам все о тебе, Мизен, предсказала».
190 Только подумал он так — и сейчас же пара голубок
С неба слетела, мелькнув перед самым лицом у героя,
И на зеленой траве уселась. Немедля пернатых
Матери спутниц узнал и взмолился он, радости полон:
«Если дорога здесь есть, — провожатыми будьте моими,
195 В рошу направьте полет, где на тучную почву бросает
Тень драгоценный побег. И ты, бессмертная, сына
В трудный час не оставь». И, промолвив, за птицами следом
Он поспешил и глядел, куда упорхнут они дальше,
Знак подавая ему, — а они отлетали за кормом,
200 Но лишь настолько, чтоб он ни на миг не терял их из виду.
Так очутились они возле смрадных устий Аверна.
Птицы взмыли стремглав, рассекая воздух летучий,
И на раздвоенный ствол желанного дерева сели;
Золота отсвет сверкал меж ветвей его темно-зеленых, —
205 Так средь зимы, в холода, порой на дереве голом
Зеленью чуждой листья и яркостью ягод шафранных
Блещет омелы побег, округлый ствол обвивая.
Так же блистали листья золотые на падубе темном,
Так же дрожали они, дуновеньем колеблемы легким.
210 Тотчас упрямую ветвь схватил Эней в нетерпенье
И, отломивши ее, унес в обитель Сивиллы.

Тевкры у моря меж тем по Мизене все так же рыдали,
Правя последний обряд над бесчувственным прахом героя.
Сложен высокий костер из дубовых стволов и смолистых
215 Веток; со всех сторон оплетен он зеленью темной,

Ставят дарданцы пред ним печальный ряд кипарисов,
Сверху кладут на костер блестящие мужа доспехи,
После снимают с огня котлы с бурлящей водою,
Чтобы омыть и потом умастить охладелое тело.
220 Вновь поднимается стон. Возлагают героя на ложе,
Алый набросив покров — одежду, знакомую тевкрам.
Грустный долг исполняют друзья: поднимают носилки,
В сторону глядя, несут к костру опрокинутый факел,
Отчий обычай блюдя. И сгорают в пламени жарком
225 Ладан, яства, елей, из сосудов пролившийся емких.
После того как огонь прогорел и угли угасли,
Жаждающий пепел вином, омывая останки, залили;
Кости собрал Кориней и сокрыл их в бронзовой урне,
Он же, с чистой водой обошедши спутников трижды,
230 Всех окропил, увлажнив плодоносной ветку оливы;
Этим очистив мужей, произнес он прощальное слово.
Благочестивый Эней, курган высокий насыпав,
Сам возложил на него трубу, весло и доспехи,
Возле подножья горы, что доныне имя Мизена
235 Носит и впредь сохранит его на долгие годы.

Все совершив, он спешит наставленья Сивиллы исполнить.
Вход в пещеру меж скал зиял глубоким провалом,
Озеро путь преграждало к нему и темная роща.
Птица над ним ни одна не могла пролететь безопасно,
240 Мчась на проворных крылах,— ибо черной бездны дыханье,
241 Все отравляя вокруг, поднималось до сводов небесных.
243 Жрица сюда привела четырех тельцов черноспинных,
После, над их головой сотворив вином возлиянье,
245 Вывала между рогов у них волоски и первины
Эти сожгла на священном огне, призывая Гекату,
Мощную между богов, и в Эребе и в небе владыку.
Спутники, снизу ножи вонзив им в горло, собрали
В чаши теплую кровь. Овцу чернорунную в жертву
250 Матери дев Эвменид и сестре ее величавой
Сам Эней заклал и телицу — Дита супруге.
Стикса владыке затем алтари воздвиг он ночные,
Целые туши быков на огонь возложил и обильно
Жирным елеем полил горевшие в пламени жертвы.
255 Вдруг, едва небосвод озарился лучами восхода,

Вздрогнув, на склонах лесá закачались, земля загудела,
Псов завыванье из тьмы донеслось, приближенье богини
Им возвещая. И тут воскликнула жрица: «Ступайте,
Чуждые таинствам, прочь! Немедля рошу покиньте!»
260 В путь отправляйся, Эней, и выхвати меч свой из ножен:
Вот теперь-то нужна и отвага, и твердое сердце!»
Вымолвив, тотчас она устремилась бурно в пещеру,
Следом — бесстрашный Эней, ни на шаг не отстав от вожатой.

Боги, властители душ, и вы, молчаливые тени,
265 Хаос, и ты, Флегетон, и равнины безмолвья и мрака,
Дайте мне право сказать обо всем, что я слышал; дозволейте
Все мне открыть, что во мгле глубоко под землю таится.

Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной,
В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита,—
270 Так по лесам при луне, при неверном свете зловещем,
Путник бредет, когда небеса застигает Юпитер
Темной тенью и цвет у предметов ночь отнимает.
Там, где начало пути, в преддверье сумрачном Орка
Скорбь ютится и с ней грызущие сердце Заботы,
275 Бледные здесь Болезни живут и унылая Старость,
Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный советчик,
Муки и тягостный Труд — ужасные видом обличья;
Смерть и брат ее Сон на другом обитают пороге,
Злобная Радость, Война, приносящая гибель, и здесь же
280 Дев Эвменид железный чертог и безумная Распря,—
Волосы-змеи у ней под кровавой вьются повязкой.
Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись.
285 В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топи шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаяй вокруг великанов трехтелых летают...
290 Меч Эней обнажил, внезапным страхом охвачен,
Выставил острый клинок, чтобы встретить натиск чудовищ,
И, не напусти ему многомудрая дева, что эрот

Рой бестелесных теней сохраняет лишь видимость жизни,
Ринулся он бы на них, пустоту мечом рассекая.

- 295 Дальше дорога вела к Ахеронту, в глубь преисподней.
Мутные омуты там, разливаясь широко, бушуют,
Ил и песок выносят в Коцит бурливые волны.
Воды подземных рек стережет перевозчик ужасный —
300 Мрачный и грязный Харон. Клочковатой седой бородою
Все лицо обросло — лишь глаза горят неподвижно,
Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно.
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мертвых на утлом челне через темный поток перевозит.
Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую силу.
305 К берегу страшной реки стекаются толпы густые:
Жены идут, и мужи, и героев сонмы усопших,
Юноши, дети спешат и девы, не знавшие брака,
Их на глазах у отцов унес огонь погребальный.
Мертвых не счесть, как листьев в лесу, что в холод осенний
310 Падают наземь с дерев, иль как птиц, что с просторов пучины,
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, в края, согретые солнцем.
Все умоляли, чтоб их переправил первыми старец,
Руки тянули, стремясь оказаться скорей за рекою.
315 Лодочник мрачный с собой то одних, то других забирает,
Иль прогоняет иных, на песок им ступить не давая.
Молвил Сивилле Эней, смятенью теней удивляясь:
«Дева, ответь мне, чего толпа над рекою желает?
320 Души стремятся куда? Почему одни покидают
Берег, меж тем как по серым волнам отплывают другие?»
Жрица старая так отвечала кратко Энею:
«Истинный отпрыск богов, Анхиза сын! Пред тобою
Ширь Стигийских болот и Коцита глубокие воды.
Ими поклявшийся бог не осмелится клятву нарушить.
325 Эти, что жалкой толпой здесь стоят, — землей не покрыты.
Лодочник этот — Харон; перевозит он лишь погребенных.
На берег мрачный нельзя переплыть через шумные волны
Прежде теням, чем покой обретут в могиле останки.
Здесь блуждают они и сто лет над берегом реют, —
330 Только потом к желанной реке их вновь допускают».
Шаг Эней задержал, погружен в глубокую думу,

Жребий несчастных ему наполнил жалостью душу.
Видит: меж тех, кто лишен последних почестей, грустно
Флота ликийского вождь Оронт стоит и Левкаспид.
325 Вместе плыли они из Трои, вместе погибли
В день, когда ветры, напав, и корабль и мужей потопили.

Тут же бродил Палинур, что держал лишь недавно

кормило,

Бег направляя судов, из ливийского города плывших;
В море упал он с кормы, наблюдая ночные светила.
340 Чуть лишь во мраке густом узнав печального друга,
Первым к нему обратился Эней: «О, кто из всевышних
Отнял тебя у нас, Палинур, и бросил в пучину?
Все расскажи! Ибо только в одном Аполлон обманул нас,
Хоть и доселе во лжи уличен он не был ни разу:
345 Он предрекал мне, что ты невредимо в край Авзонийский
Через моря проплывешь. Таковы богов обещанья!»
Но Палинур отвечал: «Правдив был Феба треножник:
Я от руки божества не погиб в пучине глубокой.
В воду внезапно упав, я с силой вырвал кормило,—
350 Ибо при нем неотлучно стоял, корабль направляя,—
И за собою увлек. Клянусь тебе морем суровым,
Я не так за себя, как за твой корабль испугался:
Что, если он, потеряв и кормило и кормчего сразу,
Справиться с натиском волн, все сильнее вскипавших, не
355 сможет?»
Нот свирепый меня три долгих ночи ненастных
Гнал по безбрежным морям. На рассвете четвертого утра
С гребня волны увидал я вдали Италии берег.
Медленно плыл я к земле, и прибой уже не грозил мне,
Но на меня напало с мечом, на добычу надеясь,
360 Дикое племя, когда, отягченный мокрой одеждой,
Стал на скалу карабкаться я, за вершину цепляясь.
Ныне катают меня у берега ветер и волны.
Сладостным светом дневным и небом тебя заклинаю,
Памятью старца-отца и надеждой отрока Юла,—
365 Мне избавление дай: отыщи Велийскую гавань,
Тело мое схорони — ибо все ты можешь, великий,—
Или же, если тебе всеблагая мать указала
Путь (ибо думаю я, что не против воли всевышних

Ты собираешься плыть по широким Стигийским болотам),
370 Руку несчастному дай и меня переправь через волны,
Чтобы мирный приют я обрел хотя бы по смерти». Так он сказал, и ему отвечала вещая жрица:
«Как ты посмел, Палинур, нечестивой жаждой гонимый,
Непогребенным прийти к стигийским водам суровым,
375 Как воротиться дерзнул к реке Эвменид самовольно!
И не надейся мольбой изменить решенья всевышних!
Но запомни слова, что тебе я скажу в утешенье:
Явлены будут с небес городам и народам окрестным
Эзнаменя, чтобы они искупили вину и воздвигли
380 Холм над тобой и жертвы тебе на холме принесли;
Место же это навек Палинура имя получит». Девы слова изгнали печаль из скорбного сердца,
Рад Палинур, что будет земля его именем зваться.

Путь продолжали они и к реке подходили все ближе.
385 Издали, с лодки своей перевозчик старый увидел,
Как они шли меж безмолвных деревьев, поспешая на берег.
Первым окликнул он их, прокричав пришельцам сердито:
«Ты, человек, что к нашей реке с оружием спустился!
390 Стой и скажи, зачем ты пришел! И дальше ни шагу!
Место здесь только теньям и ночи, сон приносящей.
В этом стигийском челне возить живых я не вправе;
Был я не рад, когда взял на эту лодку Алкида
Или на берег на тот перевез Пирифоя с Тесеем,
Хоть от богов рождены и могучи были герои.
395 Этот схватил и связал преисподней трехглавого стража
Прямо у царских дверей и дрожащего вывел на землю,
Те госпожу увести из покоев Дита хотели». Так отвечала ему Амфризийская вещая дева:
«Козней таких мы не строим, старик, оставь опасенья!
400 Не для насилья наш меч обнажен; пусть чудовищный сторож
Вечно лаем своим бескровные тени пугает,
Пусть блюдет в чистоте Прозерпина ложе Плутона.
Видишь: троянец Эней, благочестьем и мужеством славный,
К теньям Эреба сошел, чтобы вновь родителя встретить.
405 Если не тронет тебя такая преданность сына,—
Эту узнаешь ты ветвь!» И под платьем скрытую ветку
Вынула жрица и гнев укротила в сердце Харона,

Больше ни слова ему не сказав; и старец, любуясь
Блеском листвы роковой, давно не виданным даром,
410 К берегу лодку подвел вперед кормой потемневшей.
Души умерших прогнав, что на длинных лавках сидели,
Освободил он настил и могучего принял Энея
В лодку. Углый челнок застонал под тяжестью мужа,
Много болотной воды набрал сквозь широкие щели;
415 Но через темный поток невредимо героя и жрицу
Бог перевез и ссадил в камышах на илистый берег.

Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.
Видя, как шеи у пса ошетинились змеями грозно,
420 Сладкую тотчас ему лепешку с травою снотворной
Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,
Дар поймал на лету. На загрявках змеи поникли,
Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной
425 Прочь от реки, по которой никто назад не вернулся.
Тут же у первых дверей он плач протяжный услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной жизни
Рок печальный унес во мрак могилы до срока.
430 Рядом — обители тех, кто погиб от лживых наветов.
Но без решенья суда не получают пристанища души;
Суд возглавляет Минос: он из урны жребии тянет,
Всех пред собраньем теней вопрошает о прожитой жизни.
Дальше — унылый приют для тех, кто своею рукою
435 Предал смерти себя без вины и, мир ненавидя,
Сбросил бремя души. О, как они бы хотели
К свету вернуться опять и терпеть труды и лишения!
Но не велит нерушимый закон, и держит в плену их
Девятиструйный поток и болота унылые Стикса.
440 Краткий пройден был путь — перед взором Энея простерлась
Ширь бескрайних равнин, что «полями скорби» зовутся:
Всех, кого извела любви жестокая язва,
Прячет миртовый лес, укрывают тайные тропы,
Ибо и смерть не избавила их от мук и тревоги.
445 Федру увидел он здесь, и Прокриду, и с ней Эрифилу,—
Раны зияли на ней, нанесенные сыном свирепым;

Здесь и Эвадна была, Лаода́мия и Пасифая,
С ними бродил и Кеней, превращенный из юноши в деву,
Ибо по смерти судьба ему прежний облик вернула.
450 Тут же Дидона меж них, от недавней раны страдая,
Тенью блуждала в лесу. Герой троянский поближе
К ней подошел — и узнал в полумраке образ неясный:
Так на небо глядит в новолунье путник, не зная,
Виден ли месяц ему или только мнится за тучей.
455 Слез Эней не сдержал и с любовью ласково молвил:
«Значит, правдива была та весть, что до нас долетела?
Бедной Дидоны уж нет, от меча ее жизнь оборвалась?
Я ли причиною был кончины твоей? Но клянусь я
Всеми огнями небес, всем, что в царстве подземном
священно, —
460 Я не по воле своей покинул твой берег, царица!
Те же веленья богов, что теперь меня заставляю
Здесь во тьме средь теней брести дорогой неторной,
Дальше тогда погнали меня. И не мог я поверить,
Чтобы разлука со мной принесла тебе столько страданий!
465 Стой! От кого ты бежишь? Дай еще на тебя поглядеть мне!
Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой дозволяет».
Речью такой Эней царице, гневно глядевшей,
Душу старался смягчить и вызвать ответные слезы.
Но отвернулась она и глаза потупила в землю,
470 Будто не внемля ему, и стояла, в лице не меняясь,
Твердая, словно кремь иль холодный мрамор марпесский.
И наконец убежала стремглав, не простив, не смирившись,
Скрылась в тенистом лесу, где по-прежнему жаркой любовью
Муж ее первый, Сихей, на любовь отвечает царице.
475 Долго Эней, потрясенный ее судьбою жестокой,
Вслед уходящей смотрел, и жалостью полнолось сердце.

Снова пустился он в путь, назначенный труд продолжая,
Края равнины достиг, где приют воителей славных.
Здесь повстречались ему Тидей, прославленный в битвах,
480 Партенопей и бледная тень владыки Адраста,
Здесь же дарданцы, по ком на земле так долго рыдали,
Павшие в битвах; Эней застонал, когда длинной чредою
Тевкры прошли перед ним: Полифет, посвященный Церере,
Антепорида, Идей, — он и тут колесницею правит,

485 Держит и тут он копьё — и Медонт, и Главк с Терсилохом.
Тени со всех сторон обступили с криком Энея,
Мало им раз взглянуть на него: всем хочется дольше
Рядом побыть и спросить, для чего он спустился к усопшим.
490 Рати данайской вожди, Агамемнона воинов тени,
Вдруг увидав, как во мраке горят героя доспехи
В страхе дрожат перед ним: одни бросаются в бегство,—
Так же, как раньше они к кораблям убегали; другие
Еле слышно кричат, ибо голос нейдет из гортани.

Вдруг Деифоб Приамид предстал перед взором Энея:
495 Весь изувечен, лицо истерзано пыткой жестокой,
Обе руки в крови, и оба отрезаны уха,
Раны на месте ноздрей безобразно зияют. Несчастный
Страшные эти следы прикрывал рукою дрожащей;
Друга с трудом лишь узнал Эней и окликнул печально:
500 «Славный в боях Деифоб, благородный Тевкра потомок!
Кто решился тебе отомстить так жестоко и гнусно?
Так над тобою кому надругаться дозволено было?
Мне донесла молва, что в последнюю ночь ты немало
Греков сразил и упал, изнемогший, на груду убитых.
505 Холм над могилой пустой у побережий Ретейских воздвиг я,
Трижды к манам твоим над гробницей воззвал громогласно.
Имя твое и доспех пребывают там; но не мог я,
Друг, увидеть тебя и землей родною засыпать».
Молвил в ответ Деифоб: «Все, что должно, ты свято исполнил:
510 Пред Деифобом ты чист, перед тенью убитого друга.
Только роком моим и спартанки злодейством погублен
Я,— такую она по себе оставила память!
Как последнюю ночь в ликованье обманчивом все мы
Встретили,— знаешь ты сам: слишком памятно все, что
свершилось.
515 Только лишь конь роковой на крутые склоны Пергама
Поднят был и принес врагов и оружие во чреве,
Тотчас она повела, как бы оргию Вакха справляя,
Жен хороводом вокруг; выступая сама между ними
С факелом ярким в руках, с высоты призывала данайцев.
520 Я же, устав от забот, с отягченным дремотою взором,
В брачный злосчастный покой ушел и забылся на ложе
Сладким, глубоким сном, безболезненной смерти подобным.

Славная эта жена между тем уносит оружие
Из дому всё — даже верный мой меч, что висел в изголовье,—
525 В дом Менелая зовет, растворяет настежь все двери.
Думала, видно, она угодить любимому мужу,
Тем заставив молву о былых преступленьях умолкнуть.
Что же еще? Ворвался Эолид, подстрекатель убийства,
530 Вместе с Атридом ко мне... О боги, если о мести
К вам взывать не грешно — за бесчестье грекам воздайте!
Но и ты мне ответь, тебя, живого, какие
Бедствия к нам привели? Заблудился ль ты, в море скитаясь,
Боги ль прислали тебя? Какая судьба тебя гонит
В мрачный край, в унылый приют, где солнце не всходит?»

535 Долго беседа их шла; между тем на алой четверке
Мира срединную ось миновала в эфире Аврора.
Мог бы Эней весь отпущенный срок в разговорах растратить,
Если б Сивилла ему не напомнила речью короткой:
«Близится ночь, пролетают часы в бесполезных стенаньях!
540 Две дороги, Эней, расходятся с этого места:
Путь направо ведет к стенам великого Дита,—
Этим путем мы в Элизий пойдем; а левой дорогой
Злые идут на казнь, в нечестивый спускаются Тартар».
Ей отвечал Деифоб: «Не сердись, могучая жрица,
545 Я ухожу обратно в толпу и во мрак возвращаюсь!
Ты, наша гордость, иди! Пусть судьба твоя будет счастливей!»
Так он сказал и прочь отошел с напутствием этим.

Влево Эней поглядел: там, внизу, под кручей скалистой
Город раскинулся вширь, обведенный тройною стеною.
550 Огненный бурный поток вокруг твердыни Тартара мчится,
Мощной струей Флегетон увлекает гремучие камни.
Рядом ворота стоят на столпах адамантовых прочных:
Створы их сокрушить ни людская сила не может,
Ни оружие богов. На железной башне высокой
555 Днем и ночью сидит Тизифона в одежде кровавой,
Глаз не смыкая, она стережет преддверия Дита.
Слышится стон из-за стен и свист плетей беспощадных,
Лязг влекомых цепей и пронзительный скрежет железа.
Замер на месте Эней и прислушался к шуму в испуге.
560 «Дева, скажи, каковы обличья злодейства? Какие

Казни свершаются там? Что за гул долетает оттуда?»
Жрица в ответ начала: «О вождь прославленный тевкров,
Чистому боги вступать на преступный порог запрещают,
Но Геката, отдав мне под власть Авернские рощи,
565 Всюду водила меня и возмездья богов показала.
Кносский судья Радамант суровой правит державой;
Всех он казнит, заставляет он всех в преступленьях сознаться,
Тайно содеянных там, наверху, где злодеи напрасно
Рады тому, что придет лишь по смерти срок искупленья.
570 Мстительным гневом полна, Тизифона с насмешкою злобной
Хлещет виновных бичом, и подносит левой рукою
Гнусных гадов к лицу, и свирепых сестер созывает.
Только потом, скрежеща, на скрипучих шипах распахнутся
Створы священных ворот. Посмотри,— ты видишь обличье
575 Той, что на страже стоит и порог изнутри охраняет?
Гидра огромная там, пятьдесят разинувши пастей,
Первый чертог сторожит. В глубину уходит настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше,
Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа.
580 Там рожденных Землей титанов древнее племя
Корчится в муках на дне, низвергнуто молнией в бездну.
Видела там я и двух сыновей Алоэя огромных,
Что посягнули взломать руками небесные своды,
Тщась громовержца изгнать и лишить высокого царства.
585 Видела, как Салмоней несет жестокую кару,—
Тот, кто громам подражал и Юпитера молниям жгучим.
Ездил торжественно он на четверке коней, потрясая
Факелом ярким, у всех на глазах по столице Элиды,
Требовал, чтобы народ ему поклонялся, как богу.
590 То, что нельзя повторить,— грозу и грома раскаты,—
Грохотом меди хотел и стуком копыт он подделать,
Но всемогущий Отец из туч густых огневую
Бросил в безумца стрелу — не дымящий факел сосновый,—
И с колесницы низверг, и спалил его в пламенном вихре.
595 Видеть мне было дано и Земли всеродящей питомца
Тития: телом своим распластанным занял он девять
Югеров; коршун ему терзает бессмертную печень
Клювом-крючком и в утробе, для мук исцеляемой снова,
Роется, пищи ища, и гнездится под грудью высокой,
600 И ни на миг не дает отрастающей плоти покоя.

Надо ль лапифов назвать, Иксиона и Пирифоя?
Камень черный висит над теньями и держится еле,
Будто вот-вот упадет. Золотые ложа, как в праздник,
Застланы пышно, и пир приготовлен с роскошью царской,
605 Яства у самого рта,— но из фурий страшнейшая тут же
То за столом возлежит, не давая к еде прикоснуться,
То встает и, громко крича, поднимает свой факел.
Те, кто при жизни враждой родных преследовал братьев,
Кто ударил отца, или был бесчестен с клиентом,
610 Или, богатства нажив, для себя лишь берёт их и близким
Не уделял ничего (здесь таких бесчестные толпы),
Или убит был за то, что бесчестил брачное ложе,
Или восстать на царя дерзнул, изменяя присяге,
Казни здесь ждут. Но казни какой — узнать не пытайся,
615 Не вопрошай об участи их и о видах мучений.
Катят камни одни, у других распятое тело
К спицам прибито колес. На скале Тесей горемычный
Вечно будет сидеть. Повторяя одно непрестанно,
Громко зывая к теньям, возглашает Флегий злосчастный:
620 «Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость!»
Этот над родиной власть за золото продал тирану
Или законы за мзду отменял и менял произвольно,
Тот на дочь посягнул, осквернив ее ложе преступно,—
Все дерзнули свершить и свершили дерзко злодейство.
625 Если бы сто языков и столько же уст я имела,
Если бы голос мой был из железа,— я и тогда бы
Все преступления назвать не могла и кары исчислить!»
Долгий окончив рассказ, престарелая Фебова жрица
Молвила: «Дальше ступай, заверши нелегкий свой подвиг.
630 В путь поспешим: уж стены видны, что в циклоповых горнах
Кованы; вижу я там под высоким сводом ворота:
Нам возле них оставить дары велят наставленья».
Молвила так — и они, шагая рядом во мраке,
Быстро прошли оставшийся путь и приблизились к стенам.
635 Там за порогом Эней окропляет свежей водою
Тело себе и к дверям прибивает ветвь золотую.

Сделав это и долг пред богиней умерших исполнив,
В радостный край вступили они, где взору отрадна
Зелень счастливых дубрав, где приют блаженный таится.

640 Здесь над полями высок эфир, и светом багряным
Солнце сияет свое, и свои загораются звезды.
Тело себе упражняют одни в травянистых палестрах
И, состязаясь, борьбу на песке золотом затевают,
В танце бьют круговом стопой о землю другие,
645 Песни поют, и фракийский пророк в одеянии длинном
Мерным движениям их семизвучными вторит ладами,
Пальцами бьет по струнам или плектром из кости слоновой.
Здесь и старинный род потомков Тевкра прекрасных,
Славных героев сонм, рожденных в лучшие годы:
650 Ил, Ассарак и Дардан, основатель Трои могучей.
Храбрый дивится Эней: вот копыя воткнуты в землю,
Вот колесницы мужей стоят пусты, и кони
Вольно пасутся в полях. Если кто при жизни оружие
И колесницы любил, если кто с особым пристрастьем
655 Резвых коней разводил,— получает все то же за гробом.
Вправо ли взглянет Эней или влево,— герои пируют,
Сидя на свежей траве, и поют, ликуя, пеаны
В рощах, откуда бежит под сенью лавров душистых,
Вверх на землю стремясь, Эридана поток многоводный.
660 Здесь мужам, что погибли от ран в боях за отчизну,
Или жрецам, что всегда чистоту хранили при жизни,
Тем из пророков, кто рёк только то, что Феба достойно,
Тем, кто украсил жизнь, создав искусства для смертных,
Кто средь живых о себе по заслугам память оставил,—
665 Всем здесь венчают чело белоснежной повязкой священной.
Тени вокруг собрались, и Сивилла к ним обратилась
С речью такой,— но прежде других к Мусею, который
Был всех выше в толпе, на героя снизу взиравшей:
«Ты, величайший певец, и вы, блаженные души,
670 Нам укажите, прошу, где Анхиза найти? Ради встречи
С ним пришли мы сюда, переплыли реки Эреба».
Ей в немногих словах Мусей на это ответил:
«Нет обиталищ у нас постоянных: по рощам тенистым
Мы живем; у ручьев, где свежэй трава луговая,—
675 Наши дома; но, если влечет вас желание сердца,
Надо хребет перейти. Вас положим путем поведу я».
Так он сказал и пошел впереди и с горы показал им
Даль зеленых равнин. И они спустились с вершины,

Старец Анхиз между тем озирал с усердьем ревнивым
680 Души, которым еще предстоит из долины зеленой,
Где до поры пребывают они, подняться на землю.
Сонмы потомков своих созерцал он и внуков грядущих,
Чтобы узнать их судьбу, и удел, и нравы, и силу,
685 Но лишь увидел, что сын к нему по лугу стремится,
Руки порывисто он протянул навстречу Энею,
Слезы из глаз полились и слова из уст излетели:
«Значит, ты все же пришел? Одолела путь непосильный
Верность святая твоя? От тебя и не ждал я иного.
690 Снова дано мне смотреть на тебя, и слушать, и молвить
Слово в ответ? Я на это всегда уповал неизменно,
День считая за днем,— и надежды мне не солгали.
Сколько прошел ты морей, по каким ты землям скитался,
Сколько опасностей знал,— и вот ты снова со мною!
Как за тебя я боялся, мой сын, когда в Ливии был ты!»
695 Сын отвечал: «Ты сам, твой печальный образ, отец мой,
Часто являлся ко мне, призывая в эти пределы.
Флот мой стоит в Тирренских волнах. Протяни же мне руку,
Руку, родитель, мне дай, не беги от сыновних объятий!»
700 Молвил — и слезы ему обильно лицо оросили.
Трижды пытался отца удержать он, сжимая в объятьях,—
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
Словно дыханье, легка, сповиденьям крылатым подобна.

Тут увидел Эней в глубине долины сокрытый
Остров лесной, где кусты разрослись и шумели вершины:
705 Медленно Лета текла перед мирной обителью этой,
Там без числа витали кругом племена и народы.
Так порой на лугах в безмятежную летнюю пору
Пчелы с цветка на цветок летают и выются вокруг белых
Лилий, и поле вокруг оглашается громким гуденьем.
710 Видит все это Эней — и объемлет ужас героя;
Что за река там течет — в неведение он вопрошает,—
Что за люди над ней такой теснятся толпою.
Молвит родитель в ответ: «Собрались здесь души, которым
Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой летейской
715 Пьют забвенья они в уносящем заботы потоке.
Эти души тебе показать и назвать поименно
Жажду давно уже я, чтобы наших ты видел потомков,

Радуюсь вместе со мной обретенью земли Италийской». «Мыслимо ль это, отец, чтоб отсюда души стремились
720 Снова подняться на свет и облечься тягостной плотью? Злая, видно, тоска влечет несчастных на землю!»
«Что ж, и об этом скажу, без ответа тебя не оставляю,—
Начал родитель Анхиз и все рассказал по порядку. —
725 Землю, небесную твердь и просторы водной равнины, Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и звезды,—
Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело.
Этот союз породил и людей, и зверей, и пернатых,
Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью.
730 Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели, гасит.
Вот что рождает в них страх, и страсть, и радость, и муку,
Вот почему из темной тюрьмы они света не видят.
735 Даже тогда, когда жизнь их в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубоко в них вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться надолго не может.
Кару нести потому и должны они все — чтобы мукой
740 Прошлое зло искупить. Одни, овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.
Маны любого из нас понесут свое наказание,
Чтобы немногим затем перейти в простор Элизийский.
745 Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки,—
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
Времени бег круговой отмерит десять столетий,—
750 Души тогда к Летейским волнам божество призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться».

Вот что поведал Анхиз, и сына вместе с Сивиллой
В гушу теней он повлек, и над шумной толпою у Леты
755 Встали они на холме, чтобы можно было оттуда
Всю вереницу душ обозреть и в лица взглядеться,

«Сын мой! Славу, что впредь Дарданидам сопутствовать
будет,

Внуков, которых тебе родит италийское племя,
Души великих мужей, что от нас унаследуют имя,—
Все ты узришь: я открою тебе судьбу твою ныне.
760 Видишь, юноша там о копье без жала оперся:
Близок его черед, он первым к эфирному свету
Выйдет, и в нем дарданская кровь с италийской сольется;
Будет он, младший твой сын, по-альбански Сильвием зваться,
Ибо его среди лесов взрастит Лавиния. Этот
765 Поздний твой отпрыск царем и царей родителем станет.
С этой поры наш род будет править Долгою Альбой.
Следом появится Прок, народа троянского гордость,
Капис, Нумитор и тот, кто твоим будет именем назван,—
Сильвий Эней; благочестьем своим и доблестью в битвах
770 Всех он затмит, если только престол альбанский получит.
Вот она, юных мужей череда! Взгляни на могучих!
Всем виски осенил венок дубовый гражданский.
Ими Пометий, Номент, и Фидены, и Габии будут
Возведены, и в горах Коллатия крепкие стены,
775 Инуев Лагерь они, и Кору, и Болу построят,
Дав имена местам, что теперь имен не имеют.
Вот и тот, кто навек прародителя спутником станет,
Ромул, рожденный в роду Ассарака от Марса и жрицы
Илии. Видишь, двойной на шлеме высится гребень?
780 Марс-родитель его отличил почетной приметой!
Им направляемый Рим до пределов вселенной расширит
Власти пределы своей, до Олимпа души возвысит,
Семь твердынь на холмах окружит он единой стеною,
Гордый величьем сынов, Берекинфской богине подобен,
785 Что в башноносном венце по Фригийской стране разъезжает,
Счастлива тем, что бессмертных детей родила, что и внуки
Все — небожители, все обитают в высях эфирных.
Взоры теперь сюда обрати и на этот взгляни ты
Род и на римлян твоих. Вот Цезарь и Юла потомки:
790 Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,

795 Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,
Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
800 Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья.
Столько стран не прошел ни Алкид в скитаниях долгих,
Хоть и сразил медноногую лань и стрелами Лерну
Он устрасил и покой возвратил лесам Эриманфа,
Ни виноградной уздой подъяремных смиряющий тигров
805 Либер, что мчится в своей колеснице с подоблачной Нисы.
Что ж не решаемся мы деяньми славу умножить?
Нам уж не страх ли осесть на земле Авзонийской мешает?
Кто это там, вдалеке, ветвями оливы увенчан,
Держит святыни в руках? Седины его узнаю я!
810 Римлян царь, укрепит он законами первыми город;
Бедной рожденный землей, из ничтожных он явится Курий,
Чтобы принять великую власть. Ее передаст он
Тулду, что мирный досуг мужей ленивых нарушит,
Двинув снова в поход от триумфов отвыкшее войско.
815 Анк на смену ему воцарится, спеси не чуждый:
Слишком уж он и сейчас дорожит любовью народа.
Хочешь Тарквиниев ты увидеть и гордую душу
Мстителя Брута узреть, вернувшего фации Риму?
Власти консульской знак — секиры грозные — первым
820 Брут получит и сам сыновей, мятеж затевавших,
На́ смерть осудит отец во имя прекрасной свободы;
Что бы потомки о нем ни сказали, — он будет несчастен,
Но к отчизне любовь и жажда безмерная славы
Все превозмогут. Взгляни: вдалеке там Деции, Друзы,
825 С грозной секирой Торкват и Камилл, что орлов возвратит нам.
Видишь — там две души одинаковым блещут оружием?
Ныне, объятые тьмой, меж собой они в добром согласье,
Но ведь какую войной друг на друга пойдут, если света
Жизни достигнут! Увы, как много крови прольется
830 В дни, когда тесь от Монековых скал с Альпийского вала
Спустится, зять же его с оружием встретит восточным!
Дети! Нельзя, чтобы к войнам таким ваши души привыкли!
Грозною мощью своей не терзайте тело отчизны!

Ты, потомок богов, ты первый о милости вспомни,
835 Кровь моя, меч опусти!..
Этот, Коринф покорив, поведет колесницу в триумфе
На Капитолий крутой, над ахейцами славен победой.
Тот повергнет во прах Агамемнона крепость — Микены,
Аргос возьмет, разобьет Эакида, Ахиллова внука,
840 Мстя за поруганный храм Минервы, за предков троянских.
Косс и великий Катон, ужель о вас умолчу я?
Гракхов не вспомню ли род? Сципионов, как молния грозных,
Призванных гибель нести Карфагену? Серрана, что ниву
Сам засевал? Иль Фабриция, кто, довольствуясь малым,
845 Был столь могуч? О Фабии, вас назову и усталый..
Мáксим, и ты здесь, кто нам промедленьями спас государство!
Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
850 Вычислят иль назовут восходящие звезды,— не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!»

Так Анхиз говорил изумленным спутникам; после
855 Он добавил: «Взгляни, вот Марцелл, отягченный добычей;
Ростом он всех превзошел, победитель во многих сраженьях,
Тот, кто Рим укрепит, поколебленный тяжкою смутой,
Кто, воюя в седле, разгромит пунийцев и галлов,—
Третий доспех, добытый в бою, посвятит он Квирину».
860 Молвил на это Эней, увидев рядом с Марцеллом
Юношу дивной красоты в доспехах блестящих, который
Шел с невеселым лицом, глаза потупивши в землю:
«Кто, скажи мне, отец, там идет с прославленным мужем?
Сын ли его иль один из бесчисленных потомков героя?
865 Спутников сколько вокруг! Каким он исполнен величьем!
По осеняет чело ему ночь печальной тенью».
Слезы из глаз полились у Анхиза, когда отвечал он:
«Сын мой, великая скорбь твоему уготована роду:
Юношу явят земле на мгновенье судьбы — и дольше
870 Жить не позволят ему. Показалось бы слишком могучим
Племя римлян богам, если б этот их дар сохранило.
Много стенаний и слез вослед ему с Марсова поля

Город великий пошлет! И какое узришь погребенье
Ты, Тибери́н, когда воды помчишь мимо свежей могилы!
875 Предков латинских сердца вознести такую надеждой
Больше не сможет никто из рожденных от крови троянской,
Больше таких не взрастит себе во славу питомцев
Ромулов край. Но увы! Ни к чему благочестье и верность,
880 Мощная длань ни к чему. От него уйти невредимо
Враг ни один бы не мог, пусть бы юноша пешим сражался,
Пусть бы шпоры вонзал в бока скакуна боевого.
Отрок несчастный,— увы! — если рок суровый ты сломишь,
Будешь Марцеллом и ты! Дайте роз пурпурных и лилий:
Душу внука хочу я цветами щедро осыпать,
885 Выполнить долг перед ним хоть этим даром ничтожным».

Так бродили они по всему туманному царству,
Между широких лугов, чтобы всех разглядеть и увидеть.
После того, как сыну Анхиз перечислил потомков,
890 Душу его распалив стремленьем к славе грядущей,
Старец поведал ему о войне, что ждет его вскоре,
О племенах лаврентских сказал, о столице Латина,
Также о том, как невзгод избежать или легче снести их.

Двое ворот открыты для снов: одни — роговые,
В них вылетают легко правдивые только виденья;
895 Белые створы других изукрашены костью слоновой,
Маны, однако, из них только живые сны высылают.
К ним, беседея, вел Анхиз Сивиллу с Энеем;
Костью слоновой блестя, распахнулись ворота пред ними,
К спутникам кратким путем и к судам Эней возвратился.
900 Тотчас вдоль берега он поплыл в Кайетскую гавань,
С носа летят якоря, корма у берега встала.

Книга седьмая

Здесь же скончалась и ты, Энея кормилица, чтобы
Память навек о себе завещать побережиям нашим:
Место, где прах твой зарыт, сохраняет имя Кайеты,
Чтят гесперийцы его; так не это ли славой зовется?
5 Благочестивый Эней, совершив обряд погребальный,
Холм насыпал над ней и, когда успокоилось море,
В путь поспешил на всех парусах и гавань покинул.
Ветер в ночи понес корабли, и луна благосклонно
Свет белоснежный лила и дробилась, в зыбях отражаясь.
10 Плыл вдоль берега флот, минуя царство Цирцеи,
Где меж дремучих лесов распевает денно и ночью
Солнца могучая дочь и, в ночную темную пору,
В пышном дворце, засветив душистый факел кедровый,
Звонкий проводит челнок сквозь основу ткани воздушной.
15 С берега львиный рык долетает гневный: ярятся
Звери и рвутся с цепей, оглашая безмолвную полночь;
Мечется с визгом в хлеву свиней щетинистых стадо,
Грозно медведи ревут, завывают огромные волки,—
Все, кого силою трав погубила злая богиня,
20 В диких зверей превратив и обличье отняв человека.
Чтобы Цирцеи волшебна не коснулась троянцев, чтоб волны
К берегу их не снесли, не пригнали в опасную гавань,

Ветром попутным Нептун паруса энеадов наполнил,
Бег ускорил судов и пронес через бурные мели.

- 25 Море зарделось в лучах золотистой Авроры, сверкавших
С неба, где мчалась в своей колеснице алой богиня.
Ветер внезапно упал, дуновенья больше не морщат
Мраморной глади — одни с безветрием борются весла.
30 Видит с моря Эней берега, заросшие лесом,
И меж огромных деревьев поток, отрадный для взора:
Это струит Тиберин от песка помутневшие воды
В море по склону крутым. Над лесами стаи пернатых,
Что по речным берегам и по руслам вьют себе гнезда,
35 Носятся взад и вперед, лаская песнями небо.
Тотчас Эней повелел корабли повернуть и направить
К берегу; так он вошел, торжествуя, в тенистые устья.

Ныне о древних веках, Эратó, дозволь мне поведать,
О стародавних царях и о том, что в Лации было
В дни, когда с войском приплыл к берегам Авзонийским

- 40 Также о том, отчего разгорелась распря впервые.
Ты певца вдохнови, о богиня! Петь начинаю
Я о войне, о царях, на гибель гневом гонимых,
И о тирренских бойцах, и о том, как вся Гесперія
Встала с оружием в руках. Величавей прежних событья
45 Ныне пойдут чередой — величавей будет и труд мой.

Мирно старый Латин городами и нивами правил.
Фавну его родила лаврентская нимфа Марика, —
Так преданье гласит; был Пик родителем Фавна,
Пика отцом был Сатурн, положивший роду начало.

- 50 Волей богов не имел Латин мужского потомства,
После того как судьбой был похищен сын его юный.
Дочь лишь была у него, наследница многих владений:
Стала невестой она, по годам созрела для брака,
Много из Лация к ней женихов и со всей Гесперии
55 Сваталось, прежде других — красотою всех превзошедший
Турн, могучих отцов и дедов славный потомок.
Юношу всем предпочла и мечтала царица скорее
Зятем сделать его — но мешали ей знаменья свыше,

Лавр посредине двorca стоял меж высоких чертогов,
60 Долгие годы храним и всеми чтим, как священный:
Сам Латин, говорят, когда клал основанья твердыни,
Дерево это нашел и его посвятил Аполлону,
Город же новый нарек по имени лавра Лаврентом.
Вдруг на вершину его,— и рассказывать дивно об этом! —
65 В воздухе путь проложив, прилетели с громким жужжаньем
Пчелы тучей густой, и, сцепившись ножками плотно,
Рой нежданный повис, точно плод, меж листьев на ветке.
Вмиг прорицатель изрек: «Я зрю иноземного мужа,
С той же он стороны, что и рой, сюда же стремится
70 С войском своим, чтобы здесь воцариться в твердыне высокой».
Факела чистый огонь к алтарям подносила однажды,
Стоя рядом с отцом, во дворце Лавиния-дева;
Тут привиделось им, будто длинные кудри царевны —
Чудо грозное! — вдруг охватило шумное пламя,
75 Следом убор занялся, занялся на челе самоцветный
Царский венец — и вот, золотым окутана дымом,
Сеет она Вулканов огонь по просторным палатам.
Дивное знаменье так всем на страх истолковано было:
Слава Лавинию ждет и удел высоких в грядущем,
80 Но принесет народу она великие войны.
Царь в тревоге спешит обратиться к оракулу Фавна,
Вещего старца-отца спросить в лесу Альбунейском,
Самом большом из лесов, где звенит источник священный,
Воздух смрадом своих испарений густых заражая.
85 Вся Энотрия, все племена италийские в этот
Сходятся лес, чтоб сомненья свои разрешить. Если щедрый
Дар принесет в него жрец, и расстелит в ночи молчаливой
Жертвенных шкуры овец, и уснет на ложе овчинном,
Много узрит он во сне витающих дивных видений,
90 Будет многим внимать голосам, удостоен беседы
Вечных богов и теней, прилетевших из глуби Аверна.
Здесь и родитель Латин искал в тревоге ответа.
Сто тонкорунных заклал он сам овец по обряду,
Шкуры в лесу расстелил — и едва лишь возлег на овчинах,
95 Тотчас голос к нему долетел из чаши древесной:
«Дочери мужа найти, о мой сын, не стремись средь латинян,
С тем, кто избран тобой, не справляй задуманной свадьбы:
Зять из чужбины придет и кровью своей возвеличит

Имя наше до звезд, и к ногам наших правнуков общих
100 Будет повержен весь мир, и все, что видимо Солнцу
В долгом пути меж двумя Океанами, — им покорится». Этих советов отца, что ему в ночи молчаливой
Фавном были даны, не таил Латин — и повсюду
Мчалась на крыльях Молва и о них городам авзонийским
105 Весть несла, когда флот потомков Лаомедонта
Встал на причал у крутых берегов, травую поросших.

Вышли с Энеем вожди и прекрасный Асканий на сушу,
Наземь легли отдохнуть в тени высокого бука.
Тут же друзья на траве расставляют для трапезы яства,
110 Их, как Юпитер внушил, разложив на лепешках из полбы,
Диких приносят плодов, на столы из хлеба кладут их...
Быстро скудный запас истребили троянцы, и голод
Их заставил доесть и Цереры дар необильный.
Только успели они хлебов, отмеченных роком,
115 Дерзкой коснуться рукой и вкусить от круглых лепешек,
Юл воскликнул: «Ну вот, мы столы теперь доедаем!»
Он пошутить лишь хотел, — но, услышав слово такое,
Понял Эней, что конец наступил скитаньям, и сыну
Смолкнуть велел, поражен изъявлением божественной воли.
120 Тотчас: «Привет тебе, край, что судьбою мне предназначен! —
Молвит он. — Вам привет, о пенаты верные Трои!
Здесь наш дом и родина здесь! Вспоминаю теперь я:
Тайну судьбы мне открыв, завет оставил родитель:
«Если ты приплывешь на неведомый берег и голод
125 Вдруг заставит тебя поесть столы после пира,
Знай, что там обрешь пристанище ты, истомленный,
Первые там дома заложи и стены воздвигни».
Голод наш тем голодом был — последним из бедствий,
Нашим кладет он скитаньям конец.
130 Радуйтесь! Следует нам с лучами первыми солнца
В разные стороны всем разойтись от гавани, чтобы
Эти разведать места, разузнать о селеньях и людях.
Ныне Юпитеру вы сотворите из чаш возлиянье,
Снова налейте вина и Анхиза с мольбой призовите».
135 Молвив, себе увенчал он чело зеленой листвою,
Гения места призвал и первую между бессмертных
Землю, и нимф, и богов неизвестных покуда потоков,

После, порядок блюда, он призвал Фригийскую мать,
Бога Идейского, Ночь и ее восходящие звезды,
140 К матери в небе воззвал и к Анхизу во мраке Эреба.
Тут с небесных высот всемогущий светлый Родитель
Трижды удар громовой послал и руки мановеньем
Облако тевкрам явил, золотым осиянное светом.
145 Гул пробежал по троянским рядам: исполнились сроки,
Обетованная здесь воздвигнута будет твердыня.
Тевкры готовят пир, и, великому радуясь чуду,
Ставят кратёры они, вином их наполнив до края.

Только лишь день озарил лучами первыми землю,
Тевкры окрест разбрелись и вокруг стана разведали местность.
150 В этих топях — исток Нумиция, Тибром зовется
Эта река, и живет здесь отважное племя латинян.
Сын Анхиза тогда ото всех выбирает сословий
Сто послов и велит им взять увитые шерстью
Ветви Паллады с собой и пойти к чертогам владыки,
155 Дар отнести и мира просить для троянских пришельцев.
Без промедленья послы исполняют приказ и послешным
Шагом пускаются в путь. А Эней воздвигает жилища,
Место для них над водой бороздой неглубокой наметив,
И, словно лагерь, дома частоколом и валом обводит.
160 Путь свой прошли между тем послы и увидели башни,
Кровель верхушки крутых и приблизились к стенам латинян.
Отроки там у ворот и юноши в первом расцвете
Гнали резвых коней, укрощая в пыли колесницы,
Лук напрягали тугой, метали гибкие дроты
165 И вызывали друзей потягаться проворством и силой.
Вдруг верховой гонец Латину доносит седому:
Прямо к столице идут мужи огромного роста
В платье неведомом. Царь велит в чертоги позвать их,
Сам же на отчий престол в срединном покое садится.
170 В городе был на вершине холма чертог величавый
С множеством гордых колонн — дворец лаврентского Пика,
Рошей он был окружен и священным считался издревле.
Здесь по обычаю все цари принимали впервые
Жезл и фасции, здесь и храм и курия были,
175 Здесь и покой для священных пиров, где, заклавши барана,
Долгие дни за столом отцы проводили нередко.

Дедов царственных здесь изваянья из кедра стояли
В должном порядке: Итал и отец Сабин, насадитель
Лоз (недаром кривой виноградаря серп у подножья
180 Статуи старца лежал); и Сатурн, и Янус двуликий
Были в преддверье дворца, и властителей образы древних,
Что за отчизну в бою получили Марсовы раны.
Здесь надо всеми дверьми прибито было оружие:
Взятые в плен колесницы видны, кривые секиры,
185 Копья, щиты, и ворот крепостных затворы, и ростры,
С вражеских сняты судов, и с мохнатою грибовою шлемы.
Пик, укротитель коней, сидел в короткой тرابее,
Щит священный держа и загнутый жезл квиринальский.
Страстной любовью к нему горя, превратила Цирцея,
190 Ядом сперва опоив и лозой золотою ударив,
В пеструю птицу его, по стволам стучащую громко.
Так изукрашен был храм, куда посланцев троянских
Царь латинский призвал, восседавший на отчем престоле.

С речью приветливой он обратился первый к вошедшим:
195 «Дайте ответ, дарданцев послы,— ведь и род ваш и город
Ведомы нам, и слышали мы, что сюда вы плывете,—
Что вам нужно? Зачем, какой гонимы нуждою
Вы через столько морей к берегам пришли Авзонийским?
Сбились ли вы с пути, принесла ли вас непогода
200 (Бури нередко пловцов застигают в море открытом),—
Если уж в устье реки вы зашли и в гавани встали,
То не презрите наш кров, дружелюбно латинян доверьтесь.
Мы справедливость блюдем не под гнетом законов: Сатурнов
Род добровольно хранит обычай древнего бога.
205 Помню я,— хоть молва с годами сделалась смутной,—
Так старики аврунские мне говорили когда-то:
Родом отсюда Дардан, что отплыл на Сámos Фракийский
(Назван теперь Самофракией он) и добрался до Иды,
Начал отсюда он путь, из Корита в крае Тирренском,
210 Ныне же занял престол в чертогах звездного неба,
Свой прибавив алтарь к алтарям бессмертных высоким»,

Илионей отвечал на эти речи Латину:
«Фавна царственный сын, не волна, не черная буря
К вашей земле подойти нас принудила натиском злобным,

215 Берег неведомый нас и светила с пути не сбивали:
Сами избрали мы путь и в твой город пришли добровольно,
Мы, изгнанники царств, которые в славе и блеске
Солнце видело встарь, восходя от края Олимпа;
Род от Юпитера наш, Юпитера племя дарданцев
220 С гордостью предком зовет, от высокой Юпитера крови
Царь наш рожден, троянец Эней, к тебе нас пославший.
Что за губительный вихрь поднялся в Микенах жестоких
И пролетел по Идейским полям, каким приговором,
Рок два мира столкнул — Европу и Азию — в битве,
225 Слышал и тот, кто живет в краю, где по кругу струится
Ток Океана, и тот, чье жилище в пеще пятом,
Меж четырех поясов простертом под солнцем жестоким.
Мы от потопа спаслись и, скитаясь по водным равнинам,
Малого просим клочка земли безопасной — приюта
230 Отчим богам, и воды, и воздуха — ими владеют
Равно смертные все. Мы для вас бесчестьем не будем,
Вы же славу навек стяжаете добрым деяньем;
Трою на лоно приняв, не раскается край Авзонийский.
Я Энея судьбой клянусь и могучей десницей, —
235 Ведома верность ее и отвага испытана в битвах, —
Много племен и народов чужих (презирать нас не должно,
Если с ветвями в руках и с мольбой на устах мы приходим)
Звали в свои нас края, чтобы мы среди них поселились,
Но веленья богов и судьба заставляли Энея
240 Вашу землю искать. Этот край, отчизну Дардана,
Вновь обрести мы должны — такова необорная воля
Феба — и Тибр Тирренский найти, и Нумиций священный.
Кроме того, наш вождь от былых богатств посылает
Дар ничтожный тебе, из горящей Трои спасенный:
245 Для возлияний богам эта чаша служила Анхизу,
В этом уборе Приам, по обычаю граждан созвавши,
Суд перед ними творил; вот наряд, троянками тканый,
Вот и жезл, и священный венец».

Илионея словам Латин внимал неподвижно,
250 Голову низко склонив и блуждая задумчивым взглядом
В землю потупленных глаз. Ни наряд с пурпурным узором
Не занимает его, ни Приамов жезл драгоценный:
Дочери будущий брак владеет думой Латина,

Царь повторяет в душе прорицанье старого Фавна.
255 Вот предреченный судьбой, из далекой прибывший чужбины
Зять, которого он назовет царем равноправным,
Чьи потомки, в веках грядущих доблестью славны,
Мощью своей покорят весь круг земель населенных.
Радостно молвит Латин: «Да помогут нам боги, исполнив
260 Все предвещанья свои! Дам я то, что ты просишь, троянец,
И не отвергну даров. И пока Латин на престоле,
Тук изобильных полей и богатства не меньше троянских
Будет у вас. Но пусть, если узы гостеприимства
Хочет Эней меж нами скрепить и союзником зваться,
265 Сам он без страха придет и пред взором друга предстанет.
Будет пожатие рук залогом мира меж нами.
Вы же царю своему передайте то, что скажу я:
Выросла дочь у меня, но из нашего племени зятя
Выбрать ни знаменья мне не велят, ни в святилище отчем
270 Голос, который предрек, что жених с берегов чужедалных
Явится к нам и, слив свою кровь с латинскою кровью,
Имя наше до звезд вознесет. Это он мне указал
Роком, — так думаю я и, если правду провидит
Дух мой, желаю того». И, промолвив так, выбирает
275 Сам он прекрасных коней (их триста в стойлах стояло),
Каждому дарит послу скакуна крылоногого старец,
В пестрых все чепраках и в пурпурных попонах узорных;
Звонко бренчат у коней золотые подвески под грудь,
В золоте сбруя у всех и в зубах удила золотые.
280 В дар Энею он шлет колесницу с парной упряжкой:
Пышет огонь из ноздрей у коней, что от предков небесных
Род свой ведут — от тех полукровок, которых Цирцея
Тайно добыла, впустив к коням отцовским кобылу.
Эти дары получив, унося порученья Латина,
285 Прочь уезжают верхом энеады с вестью о мире.

Тою порой в колеснице своей громовержца супруга
Мчалась воздушным путем, покинув Инахов Аргос.
Вдруг увидала она, над Пахином летя сицилийским,
Издали тевкров суда и Энея, который, ликуя,
290 Строил с друзьями дома и, доверясь суше, оставил
Брошенный флот. Замерла Юнона, пронзенная болью,
И, головою тряхнув, излила в стенаниях сердце:

«Ради меня потрудись, о дочь безбрачная Ночи,
Ради меня, чтобы честь и слава моя оставались
Неколебимы, чтоб царь обольщен энеадами не был,
Чтоб не достались им ни лаврентские пашни, ни дева.
335 Ты способна свести в поединке любящих братьев,
Дом наполнить враждой и бедой, чтобы в нем погребальный
Факел не гас, ты сотни имен принимаешь и сотни
Способов знаешь губить. Так найди в душе своей щедрой
Средство разрушить союз и посеять преступную распрю,
340 Пусть возжадут войны и тотчас же схватят оружие».

В тот же миг Аллектó, напоенная ядом Горгоны,
В Лаций летит, в крутоверхий чертог владыки Лаврента,
Там садится она у дверей молчаливых Аматы.
345 Тевкров неожиданный приход и брак отвергнутый с Турном
Сердце царице зажгли обидой женской и гневом.
Черную вырвав змею из волос, богиня метнула
Гада царице на грудь и под платьем скрыла у сердца,
Чтобы, беснуясь, она весь дом возмутила безумьем.
Гад под одеждой скользит, по гладкой груди извиваясь,
350 Тела касаясь едва, исступленной Амате не виден;
Буйное сердце ее наполняет он злобой змеиной,
То повисает у ней золотым ожерельем на шее,
То, как венец, обвивает чело, то по телу блуждает,
В душу покуда ее проникала первая порча,
355 Влажный яд, разгораясь в крови, мучил ее чувства,
Но не пылало еще пожаром пагубным сердце,—
Речь, привычную всем матерям, повела она кротко,
Стала оплакивать дочь и с фригийцем брак ненавистный:
«Дочь неужели отдашь ты, отец, изгнанникам-тевкрам?
360 Значит, не жалко тебе ни себя, ни Лавинии? Значит,
Ты не жалеешь и мать, от которой с первым порывом
Ветра разбойник умчит за моря широкие деву?
Разве не так же проник пастух фригийский к спартанцу,
Чтобы Елену с собой увести к троянским твердыням?
365 Где же верность твоя? Где забота о близких былая?
Где обещанья, что ты давал племяннику Турну?
Если латиняне взять должны чужеземного зятя,
Если неизбежно то, что родителем велено Фавном,—
Все, что жезлу твоему неподвластно, земли чужими

370 Я почитаю,— и нам о том же боги вещали.
Вспомни и Турна род: он возник в далеких Микенах,
Инах там и Акрисий ему положили начало».
Тщето к Латину она подступалась с такими речами:
375 Старец стоял на своем. Между тем все глубже и глубже
Яд змеи проникал, разливался по жилам царицы,
Бредом рассудок ее помутив,— и вот по Лавренту
Стала метаться она, одержимая бешенством буйным.
Так от ударов бича кубарь бежит и кружится,
Если дети его на дворе запускают просторном;
380 Букс, гонимый ремнем, по дуге широкой несется,
И, позабыв за игрой обо всем, глядит и дивится
Дружно проворству его толпа простодушных мальчишек,
Пуше стараясь взбудрить кубарь ударами. Так же
Средь разъяренной толпы по Лавренту носилась Амата.
385 Вот, менадой себя возомнив, летит она в дебри,
Бешенство все тяжелей, тяжелей беззаконье вершится:
Дочь увлекает она и в лесистых горах укрывает,
Чтобы у тевкров отнять невесту и свадьбу расстроить.
«Вахх, эвоэ! только ты,— голосит она,— девы достоин!
390 Тирс для тебя лишь взяла, в хоровод для тебя лишь вступила,
Лишь для тебя растила она священные кудри!»
Мчится Молва и сердца матерей зажигает безумьем,
То же неистовство их в убежища новые гонит.
Все покидают дома, распускают по ветру косы,
395 Полянт чуткий эфир переливами воплей протяжных,
Копья из лоз в руках, на плечах — звериные шкуры.
Мать несется меж них с горящей веткой смолистой.
Брачные песни поет, величая Лавинию с Турном;
Кровью налившийся взгляд блуждает; вдруг восклицает
400 Голосом хриплым она: «Ио, латинские жены!
Если, как прежде, жива любовь к несчастной Амате
В преданных ваших сердцах, если прав материнских лишиться
Горько вам — рвите с волос повязки, оргию правьте
Вместе со мной!» Так по чащам лесным, где лишь звери
таились,

405 Гонит ее Аллектó и вакхическим жалит стрекалом.

Видит богиня: сильны порывы первые буйства,
Рухнули замыслы все царя, и дом его рухнул.

Мрачная, тотчас она на черных крыльях взлетает,
Быстрый Нот ее мчит к безрассудному рутулу в город
410 (Был аргосцами он и беглянкой Данаей основан,—
Так преданье гласит,— и назвали предки то место
Ардеей; ныне оно сохраняет гордое имя,
Но не величье свое). Здесь Турн в чертоге высоком
Сон отрадний вкушал во мраке ночи беззвездной.
415 Образ пугающий свой изменить Аллектó поспешила:
Злобное скрыла лицо под обличьем дряхлой старухи,
Гнусный изрезала лоб морщинами, в кудри седые
Ветку оливы вплела и стянула их туго повязкой.
420 Так превратилась она в Калибу, жрицу Юноны,
И предстала во сне перед взором Турна, промолвив:
«Стерпишь ли, Турн, чтоб труды твои все понапрасну
пропали,
Чтобы твой жезл перешел так легко к пришельцам
дарданским?»

Царь невесту тебе с приданым, купленным кровью,
Дать не желает: ему иноземный нужен наследник!
425 Что ж, на посмешище всем истребляй тирренские рати,
Даром иди хоть на смерть, покой охраняя латинян.
Мирный сон твой смутить и все сказать тебе прямо
Дочь Сатурна сама всемогущая мне приказала.
430 Так не замедли призвать италийцев юных к оружию,
Радостно в бой их веди на вождей фригийских, разбивших
Стан у прекрасной реки, и сожги корабли расписные!
Мощная воля богов такова. И если невесту
Царь Латин не отдаст и своих обещаний не сдержит,—
Пусть узнает и он, каково оружие Турна».

435 Юноша жрице в ответ с улыбкой насмешливой молвил:
«Нет, заблуждаешься ты, если думаешь, что не достигла
Слуха нашего весть о заплывших в Тибр чужеземцах.
Мнимыми страхами нас не пугай. Меня не забудет
Вышних царица богов!
440 К правде бывает слепа побежденная немощью старость,
Вот и терзает она тебя напрасной тревогой,
Вещую страхом пустым средь раздоров царских морочит.
Мать! Забота твоя — изваянья богов и святыни,
Битвы и мир предоставь мужам, что сражаются в битвах».

- 445 Гневом от этих слов загорелось фурии сердце.
Речь свою Турн оборвал, внезапной дрожью охвачен,
Взор застыл у него: зашипели эринии змеи,
Страшный лик открылся пред ним, и очи, блуждая,
Пламенем злобным зажглись. В замешательстве вновь
порывался
- 450 Турн говорить, но, грозя, поднялись на челе у богини
Гады, и, щелкнув бичом, Аллектó его оттолкнула.
«Вот я,— вскричала,— кого побежденная немощью старость,
К правде слепая, средь битв морочит ужасом тщетным!
Видишь меня? Я пришла из приюта сестер ненавистных,
455 Битвы и смерть — забота моя!»
В бешенстве вымолвив так, горящий пламенем черным
Факел метнула она и вонзила юноше в сердце.
Ужас тяжкий прервал героя сон беспокойный,
Пот все тело ему омыл холодной волною.
- 460 С криком ищет он меч в изголовье, ищет по дому,
Страстью к войне ослеплен и преступной жадью сражений,
Буйствует, гневом гоним,— так порой, когда с треском пылает
Хворост и медный котел окружает шумное пламя,
В нем начинает бурлить огнем нагретая влага,
465 Пенится, словно поток, и дымится, и плещет, как будто
Тесно ей стало в котле, и клубами пара взлетает.
Мир презрев и союз, призывает в поход на Латина
Турн друзей молодых и велит готовить оружие,
Встать на защиту страны и врага из Италии выбить:
- 470 Сил довольно у них одолеть и латинян и тевкров.
Только лишь молвил он так и вознес всевышним моления,
Рутулы все, как один, за оружие с жаром берутся:
В бой призывает одних красотой цветущая юность,
Предки цари — других, а третьих — подвигов слава.
- 475 Тою порой, как Турн зажигает отвагою души,
Прочь летит Аллектó и несется на крыльях стигийских
К тевкрам и новые там затевает козни: приметив
Место, где дичь над рекой травил прекрасный Асканий,
Бешенством свору его распяляет исчадье Коцита,
480 Чутких коснувшись поздней знакомым запахом зверя,
Чтобы упорней гнались за оленем собаки. И это
Было началом всех бед, пастухов толкнуло на битву.

Жил там красавец олень, высокими гордый рогами,
Был он еще сосунком похищен у матки и вскормлен
485 Тирра детьми и самим родителем Тирром, который
Царские пас стада и стерег окрестные пашни.
Сильвия, дочь пастуха, о ручном заботилась звере,
Нежных цветов плетеницы ему вокруг рогов обвивала,
Гребнем чесала шерсть и купала в источнике чистом.
490 Трогать себя позволял и к столу подходил он охотно
И, набродившись в лесах, всегда к знакомым порогам
Сам возвращался назад, хоть порой и позднею ночью.
Это его вдалеке учуяли Юла собаки.
Зверя вспугнули они, когда, от зноя спасаясь,
495 Плыл он вниз по реке в тени зеленых откосов.
Сам Асканий, горя желаньем охотничьей славы,
Лук согнул роговой и стрелу в оленя направил.
Бог неверной руке помог: с тетивы зазвеневшей
С силой стрела сорвалась и в утробу зверю вонзилась.
500 Раненый мчится олень домой, под знакомую кровлю,
В стойло со стоном бежит, истекая кровью обильной,
И, словно слезной мольбой, весь дом своей жалобой полнит.
Сильвия, первой его увидав, ударяет руками
В грудь, и на помощь зовет, и соседей суровых скликает.
505 Тотчас же (ибо в лесной Аллектó затаилась засаде)
Все прибегают: один узловатую тащит дубину,
Кол обожженный — другой. Превращает ярость в оружие
Все, что нашлось под рукой. И Тирр, что, клинья вгоняя,
В щелы раскалывал дуб, топор поспешно хватает,
510 Односельчан созывает в ряды, безудержный в гневе.
Злая богиня, решив, что для распри время пришло,
Из лесу мчится скорей и с кровли хлева покатою
Громко трубит в изогнутый рог и пастушым призывом
Все будоражит вокруг: содрогнулась от адского рева
515 Роша, и шум пробежал по вершинам дремучего леса,
Тривии озеро звук услышало, услышал сернистый
Нар с белесой водой и Велина исток отдаленный,
Матери в страхе тесней к груди прижали младенцев.
Быстро труба Аллектó собирает зычным призывом
520 Буйные толпы — и вот, на ходу хватая оружие,
В бой земледельцы бегут; но из лагеря Юлу на помощь
Воины Трои спешат, распахнувши настежь ворота.

Стали противники в строй. Началась уж не дикая свалка,
В ход не дубины идут и не колья с концом обожженным,—
525 Боя решает исход секир двуострых желез,
Частой стернею клинков ошетинились черная нива,
Медь на солнце горит и мечет отблески к небу.
Так под ветром сперва покрывается белою пеной
Море, потом все сильнее и выше вздымаются волны,
530 И, наконец, до небес глубокая плещет пучина.
Вот просвистела стрела, и в переднем ряду италийцев
Юный Альмон упал, прекрасный первенец Тирра:
В горло впилося острие, и дорогой голоса влажной
В рану хлынула кровь, пресекая жизнь и дыханье.
535 Валятся наземь тела. Простерт Галез престарелый
В миг, когда вышел вперед, чтобы стать посредником мира
(Всех справедливей он был и богаче в краю Авзонийском:
Пять овечьих отар, пять стад коров загонял он
В хлевы, и сто плугов поля его бороздило).

540 Бились покуда враги, одолеть не в силах друг друга,
Взыма ввысь Аллекто, обещанье исполнив и кровью
Павших в первом бою напоив ненасытную распрю,
К своду крутому небес унеслась от земли Гесперийской,
Гордо Юноне она, торжествуя победу, сказала:
545 «Вот тебе все: и война, и раздор, разделивший народы.
Вновь попробуй теперь их связать союзом и дружбой,
После того как гостей окропила я кровью латинской.
Больше сделаю я, если воля твоя неизменна:
Ближние все города подниму и, слухи посеяв,
550 Дух авзонийцев зажгу безумной к битвам любовью,
Всех на подмогу пошлю, все поля покрою оружием».
Молвит Юнона в ответ: «Довольно страхов и козней,
Повод есть для войны, и враги схватились вплотную,
Случай вручил им мечи — но клинки уж отведали крови.
555 Пусть же такую они теперь отпразднуют свадьбу —
Славный Венеры сын и царь Латин вероломный.
Но не дозволил Отец, повелитель великий Олимпа,
Чтобы при свете дня ты носилась по небу вольно.
Прочь уходи! Если нужны еще труды и усилья,
560 Справлюсь я и сама!» Так Сатурна дочь говорила.
Фурия, крылья раскрыв, на которых змеи шипели,

Верхний покинула мир, улетела в обитель Кодита.
Есть в Италийской земле меж горами высокими место,
Славится всюду оно, и молвой поминается часто
565 Имя Ампсанктских долин. Густолистым покрытые лесом
Кручи с обеих сторон нависают здесь, и меж ними
Речка, гремя по камням и клубясь воронками, мчится,
Здесь зияет провал пещеры — в страшное царство
Дита отверстая дверь; Ахеронта волной вредоносной
570 Выход этот пробит, чрез который эриния скрылась,
Мерзкая всем, от себя избавив землю и небо.

Дочь Сатурна меж тем, завершая фурии дело,
Пуше раздор разжигать принялась. Устремляется в город
С поля рать пастухов и несет с собою убитых —
575 Альмона тело и труп изувеченный старца Галеза.
Все взывают к богам и Латина в свидетели кличут,
Тевкров в убийстве винят. Появляется Турн средь смятенья,
Множит укорами страх: недаром призваны тевкры,
Сам он отвергнут не зря — царь желает с кровью фригийской
580 Кровь свою слить. И пока по лесам в вакхическом буйстве
Матери мчат без пути, увлекаемы славой Аматы,—
Их сыновья, собравшись толпой, к Маворсу зывают.
Знаменьям всем вопреки, вопреки велениям рока,
Требуют люди войны, извращая волю всевышних.
585 Царский дворец окружив, как на приступ, латиняне рвутся,
Царь же незыблем и тверд, как утес в бушующем море,
Словно в море утес, когда он средь растущего гула
Всей громадой своей отражает бешеный натиск
Воюющих волн, а вокруг громяхают скалы и камни
590 В пене седой, и с боков отрываются травы морские.
Но, уж не в силах сломить слепую волю сограждан
(Все совершалось в тот миг по манию гневной Юноны),
Царь, взывая к богам и к пустому небу, воскликнул:
«Рок одолел нас, увы! За собой нас вихрь увлекает!
595 Сами заплáтите вы своей святотатственной кровью,
О злополучные! Ждет и тебя, о Турн, за нечестье
Горькая казнь, и поздно богам принесешь ты обеты.
Мне ж уготован покой, но, хоть гавань открыта для старца,
Мирной кончины и я лишился». Вымолвив, смолк он
600 И, запершись во дворце, бразды правленья оставил.

Есть обычай один в Гесперийском Лацин; прежде
Свято его блюди города альбанцев, а ныне
Рим державный блюдет, начиная Марсовы брани,
Гетам ли он готовит войну и плачевную участь,
605 В грозный идет ли поход на гиркан, арабов иль индов,
Шлет ли войска навстречу заре, чтоб значки легионов
Римских отнять у парфян. Почитают все как святыню
Двери двойные войны, перед Марсом яростным в страхе;
На сто засовов они из железа и меди надежно
610 Заперты, и ни на миг не отходит бдительный Янус.
Но козь в сенате отцы порешат, что война неизбежна,
Консул тогда, облачен по-габински надетою тогой
И квиринальским плащом, отворяет скрипучие створы,
Граждан на битву зовет, и за ним идут они следом,
615 В хриплые трубы трубят, одобренье свое изъявляя.
Должен был бы Латин, объявляя войну энеадам,
Мрачную дверь отворить, соблюдая тот же обычай,—
Но погнушался отец совершить обряд ненавистный,
Скрылся во мраке дворца, роковых не коснувшись заповров.
620 Тут слетела с небес царица богов и толкнула
Створы своею рукой; неподатливый шип повернулся,
Прочный сломался засов — и двери войны распахнулись.

Мирный и тихий досель, поднялся весь край Авзонийский.
В пешем строю выходят одни, другие взмечают
625 Пыль полетом коней, и каждый ищет оружие.
Тот натирает свой щит и блестящие легкие стрелы
Салом, а этот вострит топор на камне точильном,
Радуют всех войсковые значки и трубные звуки.
Звон наковален стоит в пяти городах: обновляют
330 Копья, доспехи, мечи в Крустумерии, в Тибуре гордом,
В Ардее, в стенах Антеми башненосных и в мощной Атине.
Тела прикрыты — щиты — плетут из ивовых прутьев,
Полый куется шлем и надежный панцирь из меди,
Мягкие гнутся листы серебра для блестящих поножей.
635 Больше ни серп не в чести, ни плуг: пропала к орудьям
Мирным любовь; лишь наследственный меч накаляется в горне.
Трубы ревут, идет по рукам дощечка с паролем.
Шлем со стены снимает один, другой запрягает

640 Бьющих копытом коней, или верный меч надевает,
Или кольчугу, из трех золотых сплетенную нитей.

Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона,
Песнь о царях, что на бой поднялись, и о ратях начните,
Песнь о мужах, что цвели в благодатной земле Италийской
В давние эти века, о сраженьях, в стране запывавших.
645 Сами вы помните все и поведать можете, девы,
Нам, до которых едва дуновенье молвы долетело.

Первым выстроил рать и на бой из Тирренского края
Враг надменный богов, суровый вышел Мезенций.
Юный сын его Лавз был рядом с ним; красотою
650 Только Турн, лаврентский герой, его превзошел бы.
Лавз, укротитель коней и лесных зверей победитель,
Тысячу вел за собой — но вотще! — мужей агиллинских;
Был он достоин иметь не такого вождя, как Мезенций,
Лучшего также отца — не Мезенция — был бы достоин.

655 Следом летел по лугам в колеснице, пальму стяжавшей,
Гордый победой коней прекрасного сын Геркулеса,
Столь же прекрасный и сам, Авентин; в честь отца он украсил
Щит свой сотнею змей — оплетенной гадами гидрой.
660 Рея-жрица его средь лесов на холме Авентинском
Тайно на свет родила, сочетавшись — смертная — с богом,
Тою порой как, убив Гериона, Лаврентские пашни
Мощный тириинский герой посетил и в потоке Тирренском
Выкупал стадо быков, в Иберии с бою добытых.
665 Воины копьа несут и шести с оконечьем железным,
Круглым клинком поражают врагов и дротом сабинским.
В шкуру огромного льва с ошетиненной грозною гривой
Был одет Авентин; голова с белозубою пастью
Шлемом служила ему. Так, набросив покров Геркулесов
На плечи, в царский дворец входил воитель суровый.

670 Следом два близнеца покидают Тибура стены
(Город был так наречен в честь Тибуртия, третьего брата),
Пылкий Кор и Катилл, молодые потомки аргивян.
Братья всех впереди через чашу копий несутся,—

675 Так с Офрийских вершин или с круч заснежённых Гомолы
Быстрым галопом летят два кентавра, рожденные тучей,
И расступается лес перед ними, бегущими бурно,
С громким треском вокруг ломается частый кустарник.

Не уклонился от битв и создатель твердынь пренестинских
680 Цекул; верят века преданью о том, что, Вулканом
В сельской глуши рожденный средь стад, в очаге был он
найден.

Строем широким шагал за царем легион деревенский,—
Все, кто в Пренесте живет, кто холодным вспоён Аниеном
Иль Амазеном-отцом, кто в полях Габинских, любезных
685 Сердцу Юноны, взращен, или в щедрой Анагнии, или
В крае ручьев, меж Гёрникских скал. Без щитов, без доспехов,
Без колесниц выступают они; свинец тускло-серый
Мечут одни из пращей, у других — два дротика легких
В крепких руках; вместо шлемов у всех чело защищают
Бурные шкуры волков, и босою левой ногою
690 Пыль попирают они — лишь на правой сапог сыромятный.

Также Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль,—
Ранить его не дано никому ни огнем, ни железом,—
Весь свой праздный народ и от битв отвыкшее войско
Тотчас к оружию призвал и меч схватил в нетерпенье.
695 Он фесценнинцев ряды ведет и эквов-фалисков,
Тех, кто живет на Флавинских полях и на кручах Соракта,
В рощах Капены и там, где над озером холм Циминийский.
Мерно ступали они и властителя славили песней,—
Так средь туч дождливых лебедей белоснежная стая
700 С пастбищ обратно летит и протяжным звонким напевом
Все оглашает вокруг, и ему Азийские вторят
Топь и поток.
Если б смешались ряды, то не ратью, в медь облаченной,
Всем бы казались они, но пернатых плотною тучей,
705 Что из просторов морских к берегам возвращаются с криком.

Мощные вывел войска и потомок древних сабинян,
Клавз, который и сам подобен мощному войску:
Клавдиев племя и род от него пошли и проникли
В Лаций, когда уделил место в Риме сабинянам Ромул.

710 С ним амитернский отряд и когорта древних квиритов,
Все, что в Эреге живут и в оливковых рощах Мегуски,
Иль на Розейских полях близ Велина, иль в стенах Номенты,
Иль на Севёрской горе и на Тёттрикских скалах суровых;
715 Все, что из Форуд пришли, из Касперии, быстрой Гимеллы,
Все, кого Тибр поит и Фабарис, кто из холодной
Нурсии прибыл и кто из Латинских пределов, из Горты,
Жители мест, где текут зловещей Аллии струи,—
Воинов столько же шло, сколько воли бушует в Ливийском
720 Море, когда Орион в ненастные прячется воды,
Сколько в Ликийских полях золотых иль на нивах над Гермом
Спелых колосьев стоит под солнцем нового лета.
Звон раздаётся щитов, и земля гудит под ногами.

Вслед Агамемнона друг, Алез, ненавистник троянцев,
Впряг в колесницу коней и воинственных сотни народов
725 Турну на помощь повел: тех, что падают Массик, счастливый
Вакха дарами, и тех, кого аврункские старцы
Выслали в бой от высоких холмов и равнин Сидицина,
Тех, что из Калы пришли и от струй мелководных Вольтурна;
Оски шли за царем и суровые сатикулацы.
730 Тонкий дротик, из тех, что ремнем привязаны гибким,
Каждый воин несет и кожаный щит для прикрытия;
Меч кривой на боку, чтобы им в рукопашную биться.

Обал! Также тебя помянуть не забуду я в песне.
Нимфой Себета речной был рожден ты Гелону, который
735 Правил на склоне годов телебоями в царстве Капрейском.
Но уж давно его сын, не довольствуясь отчим наделом,
Власти своей подчинил племена, что живут на равнинах,
Сарна обильной струей орошенных; ему покорились
Жители Батула, Руфр, земледельцы на нивах Целемны,
740 Те, на кого с высоты плодоносные смотрят Абеллы.
Все на тевтонский лад бросают кельтские копыя,
Пробковый дуб ободрав, из коры его делают шлемы,
Искрятся медью мечи, и щиты их искрятся медью.

В битву также тебя послали гористые Нерсы,
745 Уфент, прославленный царь, неизменно счастливый в
сраженьях,

Тверд и суров твой народ и привычен к долгим охотам
В дебрях лесных и к нелегкой земле Эквикульских пашен.
Здесь земледельцы идут за плугом с мечом и в доспехах,
Любят они за добычей ходить и жить грабежами.

750 Также служитель богов из Маррувия, города марсов,
Прибыл отважный Умброн по веленью владыки Архиппа,
Шлем увенчав зеленой листвою плодоносной оливы.
Гадов ползучий род и гидр с ядовитым дыханьем —
755 Всех он умел усыплять прикосаньем руки иль заклятьем,
Ярость змей укрощал, врачевал их укусы искусно.
Но, поражен дарданским копьем, не мог исцелить он
Рану свою: ни слова навевающих дрему заклятий
Не помогли ведуноу, ни травы с марсийских пагорий.
Рош Ангитийских листвою и Фуцина стеклянной волною,
760 Влагой озер оплакан ты был.

Шел сражаться и ты, Ипполита отпрыск прекрасный,
Вирбий. Ариция в бой тебя послала родная,
В ней ты возрос, где шумит Эгерии роца, где влажен
Берег, где тучный алтарь благосклонной Дианы дымится.
765 Ибо преданье гласит: когда Ипполита сгубили
Мачехи козни и месть отца, когда растерзали
Тело его скакуны, в иступленном детевшие страхе,—
Вновь под небесный свод и к светилам эфира вернулся
Он, воскрешен Пеана травой и любовью Дианы.
770 Но всемогущий Отец, негодуя на то, что вернулся
Смертный из царства теней к сиянью сладкому жизни,
Молнию бросил в того, кто лекарство создал искусно,
Феборожденного сам к волнам стигийским низринул.
А Ипполит между тем унесен благодатной Дианой
775 В рощи Эгерии был и сокрыт в приюте надежном.
Имя себе изменив и назвавшись Вирбием, здесь он
Век в неизвестности свой средь лесов провел италийских.
Вот почему и теперь в заповедную Тривии рошу
К храму доступа нет крепконогим коням, что на скалы
780 Юношу сбросили, мчась от морского зверя в испуге.
С пылом отцовским и сын скакунов гонял по равнинам.
Он и сейчас на битву летел, колесницею правя,

Турн средь первых рядов, то там, то тут появляясь,
Ходит с оружием и всех красотой превосходит и ростом.
785 Шлем украшает его Химера с гривой тройною,
Дышит огнем ее пасть, как жерло кипящее Этны,—
Чем сраженье сильнее свирепеет от пролитой крови,
Тем сильнее и она изрыгает мрачное пламя.
В левой руке его щит, а на нем — златорогая Ио,
790 Шерстью покрыта уже, уже превращенная в телку;
Аргус ее стережет на щите огромном, и рядом
Инах-отец изливает поток из урны чеканной.
В пешем строю за царем щитоносное движется войско,
Плотною тучей поля покрывая: выходят аврунки,
795 Древних сиканцев отряд, и аргивян, и рутулов славных,
Вслед — из Лабидия рать, со щитами цветными сакраны,
Те, кто долины твои, Тиберин, и Нумидия берег
Пашут священный и плуг ведут по холмам рутулийским,
Иль по Цирцейским горам, или там, где нивами правит
800 Анксур-Юпитер и с ним Ферония, гордая рошей,
Там ли, где Сатуры топь, где по темным низинам студений
Уфент ищет пути, чтобы в море излить свои воды.

Вместе с мужами пришла и Камилла из племени вольсков,
Конных бойцов отряд привела, блистающий медью.
805 Руки привыкли ее не к пряже, не к шерсти в кошницах,
Дева-воин, она трудов Минервы не знала,—
Бранный был ведом ей труд и с ветрами бег вперегонки.
В поле летела она по верхушкам злаков высоких,
Не приминая ногой стеблей и ломких колосьев,
810 Мчалась и по морю, путь по волнам пролагая проворно,
Не успевая стопы омочить в соленой пучине.
Смотрит ей вслед молодежь, поля и кровли усеяв,
Издали матери ей дивятся в немом изумленьи;
Глаз не в силах толпа отвести от нее, лишь завидит
815 Пурпур почетный, что ей окутал стройные плечи,
Золото пряжки в кудрях, ликийский колчан за спиною,
Острый пастушеский дрот, из прочного сделанный мирта,

Книга восьмая

Только лишь выставил Турн на Лаврентской крепости знамя,
Знак подавая к войне, и трубы хрипло взревели,
Только лишь резвых коней он стегнул, потрясая оружием,
Дрогнули тотчас сердца, и весь, трепеща в нетерпенье,
5 Лаций присягу дает, и ярится буйная юность.
Первые между вождей — Мессап и Уфент и с ними
Враг надменный богов, Мезенций,— приводят на помощь
Войску отряды, согнав земледельцев с полей опустевших.
Вéнул отправлен послом к Диомеду великому в город,
10 Звать на помощь его и поведать, что прибыли в Лаций
Тевкров суда и с собой привезли побежденных пенатов,
Что утверждает Эней, будто царский престол предназначен
Роком ему, что много племен к дарданцам примкнуло,
Ибо слава вождя возрастает в крае Латинском.
15 Что же замыслил Эней и чего стремится достигнуть,
Если будет к нему благосклонна в битвах Фортуна,—
То Диомеду видней, чем царю Латину иль Турну.

Вот что в Латинской земле совершалось в то время. И это
Видит Эней — и в душе, словно волны, вскипают заботы,
20 Мечется быстрая мысль, то туда, то сюда устремляясь,
Выхода ищет в одном и к другому бросается тотчас.

Так, если в чане с водой отразится яркое солнце
Или луны сияющий лик, — то отблеск дрожащий
Быстро порхает везде, и по комнате прыгает резво,
25 И, взлетев к потолку, по наборным плитам играет.
Ночь опустилась на мир, и в глубокой дреме забылись
Твари усталые — птиц пернатое племя и звери.
Только родитель Эней, о печальной войне размышляя,
Долго в тревоге не спал и лишь в поздний час под холодным
30 Небом у берега лег, обновляя силы покоем.
Тут среди тополей, из реки поднявшись прекрасной,
Старый бог этих мест, Тиберин явился герою;
Плащ голубой из тонкого льна одевал ему плечи,
Стебли густых тростников вокруг влажных кудрей обвивались.
35 Так он Энею сказал, облегчая заботы словами:
«Славный потомок богов! От врагов спасенную Трою
Нам возвращаешь ты вновь и Пергам сохраняешь навеки.
Гостем ты долгожданным пришел на Лаврентские пашни,
Здесь твой дом и пенаты твои — отступать ты не должен!
40 Грозной войны не страшись: кипящий в сердце бессмертных
Гнев укротится, поверь.
Думаешь ты, что тебя сновиденье морочит пустое?
Знай: меж прибрежных дубов ты огромную веприду встретишь,
Будет она лежать на траве, и детенышей тридцать
45 Белых будут сосать молоко своей матери белой.
Место для города здесь, здесь от бед покой обретешь ты.
Тридцать кругов годовых пролетят — и Асканий заложит
Стены, и городу даст он имя славное — Альба.
Это ты знаешь и сам. А теперь со вниманьем послушай:
50 Как победить в грозящей войне, тебя научу я.
В этом краю аркадцы живут, Палланта потомки;
В путь за Эвандром они, за знаменем царским пустились,
Выбрали место себе меж холмов, и построили город,
И нарекли Паллантеем его в честь предка Палланта.
55 Против латинян они ведут войну непрестанно,
С ними союз заключи, призови в свой лагерь на помощь.
Сам вдоль моих берегов по реке тебя поведу я,
Чтобы на веслах ты мог подняться против теченья.
Сын богини, проснись! Уж заходят ночные светила,
60 Тотчас Юноне мольбы вознеси по обряду, чтоб ими
Гнев ее грозный смирить. А меня и после победы

Можешь почтить. Пред тобой полноводной смыкающий гладью
Склоны двух берегов, через тучные нивы текущий
Тибр, лазурный поток, небожителей сердцу любезный.
65 Здесь величавый мой дом, столица столиц, вознесется!»

Кончил речь свою бог и в глубокой заводи скрылся.
Тотчас же сонная тьма с очей Энея слетела,
Встал он, взгляд устремил восходящему солнцу навстречу,
Влагу речную в горсти по обряду поднял высоко,
70 Молвил, мольбы обратив к просторам светлеющим неба:
«Нимфы лаврентские, вы, породившие племя потоков,
Ты, отец Тиберин, с твоей рекою священной,
Нас храните от бед и на лоно примите Энея!
Где бы ни бил из земли твой родник, в каких бы озерах
75 Твой ни таился исток,— ты, кто сжалился в горе над нами,
Будешь всегда дарданцами чтим, всегда одаряем,
Бог рогоносный речной, Гесперийских вод повелитель,—
Знак мне яви, о благой, подтверди свои прорицанья!»
Вымолвив, два корабля двухрядных выбрал из флота,
80 Спутникам роздал мечи и число гребцов он пополнил.

Тут изумленным очам внезапно чудо явилось:
Веприцу между стволов увидали белую тевкры,
С выводком белым она на траве лежала прибрежной.
Тотчас справляет обряд дарданский вождь и приносит
85 В жертву свинью и приплод на алтарь твой, царица
бессмертных.

Воды Тибр укротил, всю ночь бурлившие грозно,
Ток свой быстрый сдержал и смирил шумливые волны,
Тихая, словно в пруду иль в стоячем топком болоте,
Гладь простерлась реки, не противясь вёсел усильям.
90 Мчатся быстрее корабли, и рокочут приветливо струи,
Плавно скользит смолёная ель, и волны дивятся,
Берег дивится лесной небывалому зрелищу, видя,
Как на корме расписной сверкает медью оружие.
Веслами влагу гребцы и днем и ночью тревожат.
95 Скрыты стеною лесов, плывут вдоль долгих излучин
И рассекают ладьи в реке отраженную зелень.
Солнца огненный круг с вершины неба спускался
В час, когда тевкры вдали увидали твердыню и стены,
Редкие кровли домов, что теперь до неба возносит

100 Гордый Рим; а тогда владел небогатым наделом
Царь Эвандр. И к нему корабли повернули дарданцы.

Праздничным был этот день: приносил владыка аркадцев
Сыну Алкмены и всем богам торжественно жертвы
В роще у стен городских. Паллант с родителем рядом,
105 Граждан цвет молодых и сенаторы в бедных одеждах
Ладан жгли, и алтарь дымился теплою кровью.
Вдруг сквозь чашу они увидали: мчатся все ближе
Стройные два корабля, и бесшумно работают весла.
Смотрят со страхом на них и срываются с места аркадцы,
110 Бросив столы. Но отважный Паллант прерывает запрещает
Им священный обряд и, с копьём к реке устремившись,
Издали кличет с холма: «Какая нужда, о пришельцы,
Вас погнала в неизведанный путь? Куда вы плывете?
Кто вы? Откуда ваш род? Нам войну или мир принесли вы?»
115 Молвил в ответ родитель Эней и с кормы корабельной
К юноше руку простер с миротворной ветвью оливы:
«В Трое мы рождены, и враждебны латинянам наши
Копья: на нас, беглецов, нападает надменное племя.
Мы к Эвандру плывем. Так скажите ж ему, что явились
120 Войска дарданцев вожди о подмоге просить и союзе».
Замер Паллант, поражен незнакомец именем славным:
«Кто бы ты ни был, сойди на берег скорей и поведай
Сам отцу обо всем и гостем будь в нашем доме!»
Юноша долго в руке сжимает руку героя,
125 Вместе берег они покидают и в рощу вступают.

Дружеской речью Эней царя приветствовал, молвив:
«Лучший из греков, из всех, к кому по воле Фортуны
Я обращался с мольбой, простирая увитые ветви!
Не устало меня, что данайцев ты вождь и аркадец,
130 Связанный кровным родством с Агамемноном и Менелаем.
Вера в доблесть мою и богов прорицанья святые,
Громкая слава твоя и наши общие предки, —
Все заставляло меня стремиться к тебе и с охотой
Выполнить волю судьбы. Ведь был среди тевкров пришельцем
135 Трои создатель Дардан, Атлантидой Электрой рожденный
(Греки так говорят). А отцом прекрасной Электры
Был многомошный Атлант, подпирающий небо плечами.

- Вам же Меркурий — отец, а он на студеной Киллене
В горных лесах был зачат и рожден Юпитеру Майей;
140 Майи родителем был, если верить можно преданьям,
Тот же Атлант, подъемлющий свод многозвездного неба.
Значит, вырос твой род из того же корня, что род мой.
Помня об этом, к тебе я послов не слал, не старался
Ловко тебя испытать, но, судьбу и жизнь тебе вверив,
145 Сам я пришел и с мольбой к твоему явился порогу.
Давново племя на нас, как на вас, ополчилось войною;
Рутулы мнят, что, тевкров изгнав, уж не встретят преграды
И Гесперийскую всю повергнув землю под иго,
Оба себе подчинив ее омывающих моря.
150 Клятву мне дай и прими! Ведь средь нас немало отважных
В битвах сердец, немало бойцов, испытанных в деле». —
Так Эней говорил. А царь собеседнику в очи
Пристальным взором смотрел и разглядывал долго героя.
Кратко он молвил в ответ: «О как, храбрейший из тевкров,
155 Рад я тебя принять и узнать! Как счастлив я вспомнить
Облик Анхиза-отца и голос друга услышать!
Помню я: некогда сын владыки Лаомедонта,
Ехал к сестре Гесионе Приам в Саламинское царство
И по пути посетил холодной Аркадии землю.
160 Юность первым пушком мне щеки тогда одевала,
Всем я дивился гостям — и троянским вождям, и Приаму, —
Но выделялся Анхиз и средь них красотою и ростом.
Юной любовью к нему загорелась в груди моей сердце,
Жаждал я с ним в беседу вступить, пожать ему руку.
165 Вот почему я к нему подошел и увел за собою
В дом Финея. И он на прощанье плащ златотканый
Мне подарил, и колчан, ликийскими стрелами полный,
И золотую узду, — я теперь ее отдал Палланту.
Тот, что ты просишь, союз уж давно заключен между нами,
170 Вам и припасов я дам, и завтра, чуть загорится
Новый рассвет, вы пуститесь в путь, подкрепленьем довольны.
Ныне же, если пришли вы на праздник наш ежегодный,
С нами справьте его (отложить мы не вправе обряды),
К новым союзникам вы привыкайте за трапезой общей!»
- 175 Вымолвив так, повелел он снова кубки расставить,
Ляства подать и гостей усадил на сиденья из дерна;

Только Энея Эвандр отличил, пригласив его рядом
Сесть на кленовый престол, на мохнатую львиную шкуру.
Юноши тут во главе с жрецом приносят проворно
180 Бычьи туши с огня и корзины с дарами Цереры,
Тяжкие ставят на стол кувшины с Вакховой влагой.
Мясо с бычьих хребтов вкушают Эней и троянцы,
Также и части берут, что для жертв очистительных нужны.

Только лишь голод гостей утолен был лакомой пищей,
185 Начал владыка Эвандр: «Не пустым суеверьем, забывшим
Древних деянья богов, нам навязаны эти обряды:
Чтим мы обычай пиров и алтарь великого бога
В память о том, как все мы спаслись от страшной напасти,
И по заслугам дары избавителю снова приносим.
190 Прежде, троянский мой гость, погляди на утес тот нависший:
Видишь,— отброшены вдаль обломки скал, и покинут
Дом на склоне горы, и с откоса осыпались камни.
Там пещера была, и в глубинах ее недоступных
Прятался Как-полузверь и скрывал от света дневного
195 Гнусный свой лик. У пещеры его увлажненная теплой
Кровью дымилась земля, и прибиты над дверью надменной
Головы были мужей, оскверненные гноем кровавым.
Чудище это Вулкан породил,— потому-то из пасти
Черное пламя и дым изрыгал великан кровожадный.
200 Время, однако, и нам принесло желанную помощь,
Бога к нам привело. Появился мститель великий:
Подвигом гордый, сразив Гериона трехтелого в битве,
Прибыл в наш край победитель Алкид и добычу, ликуя,—
205 Стадо огромных быков — вдоль реки он гнал по долине.
Кака неистовый дух соблазняло любое злодейство,
Хитрость любая; не мог он и тут удержаться от козней:
Самых прекрасных быков четырех увел он из стада,
Столько же телок украл, отобравши самых красивых.
210 Но, чтобы след их прямой похитителя тотчас не выдал,
Чтобы указывал он в обратную сторону,— вел их
Дерзкий разбойник за хвост, и упрятал в недрах пещеры.
Ищущим путь указать не могли никакие приметы.
С пастбища тою порой погнал Юпитера отпрыск
215 Сытое стадо свое, чтобы дальше в дорогу пуститься.
Тут замычали быки, огласив призывом протяжным

Роши окрест, и с холмов побрели они с жалобным ревом.
Голос в ответ подала из пещеры глубокой корова,
Сделав напрасными вмиг сторожившего Кака надежды.
Гневом вспыхнул Алкид, разлилась от обиды по жилам
220 Черная желчь; узловатую он хватает дубину,
Мчится по склонам крутым к поднебесной горной вершине.
Тут-то впервые мы все увидели испуганным Кака:
Бросился тотчас бежать в испуге он прямо к пещере,
Эвра быстрее полетел, словно выросли крылья от страха.
225 Цепи железные он оборвал, на которых над входом
Камень тяжелый висел, прилаженный отчим искусством,
Глыбою дверь завалил и в пещере заперся прочно.
Но приближался уже, скрежеща зубами свирепо,
Славный тиринфский герой и рыскал яростным взором
230 В поисках входа везде. Обежал он, гневом пылая,
Трижды весь Авентин, понапрасну трижды пытался
Камень-затвор отвалить и садился трижды, усталый.
Глыба кремня на хребте над пещерой Кака стояла,
Между утесов крутых выдаваясь острой вершиной;
235 Там, как в удобном дому, гнездились гнусные птицы.
Влево клонилась она, над рекой нависая высоко,—
Справа налег Геркулес и скалу расшатал, обрывая
Корни в недрах горы, и, со склона обрушившись, глыба
240 Пала; паденье ее отдалось словно громом в эфире,
Дрогнули берег и дол, и поток отхлынул в испуге.
Кака подземный чертог открылся взору Алкида,
Новый провал обнажил глубины темной пещеры,—
Так разверзает порой напор неведомой силы
Пропась в толще земной, и богам ненавистное царство
245 Взору является вдруг в глубине зияющей бездны,
И от проникших лучей трепещут бледные маны.
Вор, застигнут враспloh внезапно хлынувшим светом,
Заперт в полой скале, метался с воем истошным;
Стрелами сверху его осыпал Геркулес и любое
250 В ход оружие пускал — и огромные камни, и сучья.
Видит Как, что ему от погибели некуда скрыться;
Начал он дым изрыгать из пасти, — дивное дело! —
Все свое логово мглой непроглядной наполнил поспешно.
Зренья героя лишив, сгустилась под сводом пещеры
255 Дымная тьма — лишь порой прорезал ее пламени отблеск.

Тут не стерпел Геркулес и в провал, огнем полыхавший,
Прыгнул стремглав — туда, где сильней колыхался волнами
Дым, где черный туман по пещере бурно клубился.
Кака во тьме он настиг, изрыгавшего дым бесполезный,
260 Крепко руками обвил, и прижал, и сдавил его, так что
Вылезли тотчас глаза, пересохло бескровное горло.
Двери сорвав, отворил Геркулес пещеру злодея,
Небо увидело вновь похищенный скот (отпирался
Вор понапрасну) и труп безобразный, который Алкидом
265 За ноги вытащен был. А мы, наглядеться не в силах,
Страшным дивимся глазам и мохнатой груди полузверя,
Смотрим в раскрытую пасть, из которой не бьет уже пламя.
С той поры Геркулеса мы чтим, и потомки охотно
Праздник этот блюдут. А Потийий — его учредитель,
270 С ним Пинариев дом хранит Геркулеса святыни.
Этот алтарь, что у нас будет зваться Великим вовеки,
Бог воздвиг, чтобы он был для нас великим вовеки.
Юноши! С нами и вы почтите подвиг столь славный,
Свежей листвою увенчайте чело и, кубки подъявля,
275 К общему богу воззвав, возлиянье вином сотворите».
Молвил — и в кудри себе Геркулесова тополя ветви
Вплел он, и пали ему на чело двухцветные листья.
Кубок священный своей он наполнил рукой — и немедля
Гости, зывая к богам, над столом творят возлиянье.

280 Ниже Веспер меж тем спустился по склону Олимпа.
Вот подходят жрецы во главе с Потийием ближе,
Факелы держат они, по обычаю в шкуры одеты.
Вновь накрывают на стол: те, что после пира приятны,
Яства несут и алтарь отягчают блюдами щедро.
285 Салии с песней меж тем окружают жертвенник дымный, —
Тополя ветви у всех вокруг висков обвиваются мягко.
Слева — юношей хор, а справа — старцев, и песней
Подвиги бога они прославляют: как задушил он
Змей, что ему в колыбель были посланы мачехой злобной,
290 Как Эхалии он и Трои могучие стены
Приступом взял и сколько трудов он вынес суровых,
Отданный в рабство царю Эврисфею по воле Юноны.
«Ты, кто стрелами настиг, необорный, Гилея и Фола —
Тучи двувидных сынов, ты, сразивший критское диво

295 И под Немейской скалой исполинского льва победивший!
Страшен и Стиксу ты был, и псу, что Орк охраняет,
Лежа на груди костей обглоданных в гроте кровавом,—
Ты же страха не знал: ни чудовищ вид, ни Тифея
300 Поднятый меч не пугали тебя, был ясен твой разум
В час, когда Лерны змея тебе сотней жал угрожала.
Праздник свой посети, громовежца истинный отпрыск,
К нам благосклонен пребудь, Олимпа новая гордость!»
Бога песней такой прославляли они, прибавляя
Повесть о Каке, о том, как наполнил он дымом пещеру.
305 Роща вторила им, и эхом холмы отвечали.

Праздничный был закончен обряд, и в город обратно
Двинулись все. Впереди шел Эвандр, удрученный годами,
Рядом с собой удержал Энея он и Палланта
И, чтобы путь скоротать, о многом беседовал с ними.
310 Смотрит Эней, проворный свой взор обращая повсюду:
Место ему по душе. Обо всем расспросить он стремится,
Радостно слушает все, что о древних мужах повествует
Царственный старец Эвандр, основатель римской твердыни:
«Жили в этих лесах только здешние нимфы и фавны;
315 Племя первых людей из дубовых стволов тут возникло.
Дикие нравом, они ни быков запрягать не умели,
Ни запастись ничем, ни беречь того, что добыто:
Ветви давали порой да охота им скудную пищу.
Первым пришел к ним Сатурн с высот эфирных Олимпа,
320 Царства лишен своего, утрачен оружием сына.
Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались,
Слил в единый народ, и законы им дал, и Латинской
Землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.
Век, когда правил Сатурн, золотым именуется ныне:
325 Мирно и кротко царил над народами бог,— но на смену
Худший век наступил, и людское испортилось племя,
Яростной жаждой войны одержимо и страстью к наживе.
Вскоре явились сюда авзонийская рать и сиканы,
Стали менять имена все чаще Сатурновы пашни.
330 Много здесь было царей и среди них — суровый и мощный
Тибр,— в честь него нарекли и реку италийскую Тибром,
И потеряла она старинное Альбулы имя.
Так же меня, когда я, из родного изгнанный края,

В море бежал, всемогущая власть Фортуны и рока
335 В эти места привела, где и матерью, нимфой Карментой,
И Аполлоном самим мне остаться велено было».
Молвив, прошел он вперед и алтарь показал и ворота,
Что и по сей еще день Карментальскими в Риме зовутся,
340 Ибо доньше у всех здесь в почете имя Карменты,
Нимфы-провидицы, встарь предрекавшей великую славу
Роду Энея в веках и удел Палантея высокий.
Рошу царь показал, которой Убежища имя
Роmul дарует опять, и под камнем холодным Луперкал
(Имя дано ему в честь парраийского Пана-Лицея);
345 Лес Аргилетский Эвандр показал и, поклявшись священным
Этим местом, гостям о кончине Арга поведал;
Дальше к Тарпейской горе он повел их — теперь Капитолий
Блещет золотом там, где тогда лишь терновник кустился.
Но и тогда уже лес и скала вселяли священный
350 Трепет в простые сердца и внушали благоговенье.
Молвил Эвандр: «Ты видишь тот холм с вершиной лесистой?
Там обитает один — но не ведаем, кто — из бессмертных.
Верят аркадцы, что здесь мы Юпитера видим, когда он
Темной эгидой своей потрясает и тучи сдвигает.
355 Видны еще там двух городов разрушенных стены,
Память о древних мужах, следы времен стародавних:
Янусом был основан один, другой же — Сатурном,
Звался Сатурнией он, а первый Яникулом звался».
Так в разговорах они до чертогов дошли небогатых
360 Старца Эвандра. Стада попадались навстречу повсюду —
Там, где Форум теперь и Карин роскошных кварталы.
Царь у порога сказал: «Сюда входил победитель —
Сын громовержца и был во дворце этом принят радушно.
Гость мой, решишь, и презреть не страшись богатства, и дух
своей
365 Бога достойным яви, не гнушаясь бедностью нашей».
Молвив, под низкий свой кров он могучего вводит Энея
И предлагает ему опочить на ложе из листьев,
Сверху набросив на них ливийской медведицы шкуру.

Ночь опустилась, обняв крылами темными землю.
370 Мать Венера, томясь ненапрясным страхом за сына,
Смутой встревожена злой и угрозами буйных латинян,

Речи такие вела в золотых палатах Вулкана,
Чтобы опять воспылал супруг божественной страстью:
«В годы, когда разоряли войной цари Арголиды
375 Отданный роком врагу Пергам, огню обреченный,
Я не просила тебя несчастным помочь и оружие
Выковать тевкрам твоей рукой искусной, супруг мой:
Я не хотела, чтоб ты свой растрчивал труд понапрасну,
Хоть перед царскими я была в долгу сыновьями
380 И со слезами не раз на труды Энея смотрела.
В землю рутулов он по веленью Юпитера прибыл,
Значит, вправе я — мать — молить о доспехах для сына.
К просьбе да будет твоя благосклонна священная воля:
Некогда внял ты Авроры слезам и мольбам Нереиды.
385 Сколько народов — взгляни! — собралось, какое оружие
Точат они на погибель и мне, и сыну, и внуку!»
Молвив, она обвила белоснежными мужа руками,
Нежно прильнула к нему, ибо он все медлил с ответом;
Жаром знакомым Вулкан загорелся тотчас, и пламя
390 В теле его разлилось, пробежав по костям и по жилам.
Огненной трещиной так разрывает темные тучи
Молний мигающий блеск под удары могучие грома.
Хитростям рада всегда и власть красоты своей зная,
Видит Венера, что вновь побежден он вечной любовью.
395 Молвит Вулкан: «Для чего начинаешь ты издали речи?
Где же твое доверье ко мне? Если б ты захотела,
Я и тогда бы посмел сковать для тевкров оружие:
Не запрещал ведь ни рок, ни Отец всемогущий, чтоб Троя
Десять еще простояла бы лет и продлилась Приама
400 Жизнь. И если теперь ты решилась готовиться к битвам, —
Все посулю, что стараньям моим и искусству под силу,
Все, что создать я могу, расплавляя электр и железо,
Все, что горнам моим и мехам доступно. Не нужно
Просьб: на силу мою положишься». С такими словами
405 Ласкам желанным Вулкан предался, и мирной дремотой
Он опочил, поникнув на грудь супруги прекрасной.

Ночь прошла полпути, и часы покоя прогнали
Сон с отдохнувших очей. В это время жены, которым
Надобно хлеб добывать за станом Минервы и прялкой,

410 Встав, раздувают огонь, в очаге под золою заснувший,
И, удлинив дневные труды часами ночными,
Новый урок служанкам дают, ибо ложе супруга
Жаждают сберечь в чистоте и взрастить сыновей малолетних.
415 Столь же бодро восстал в такую же раннюю пору
С мягкого ложа и бог огнемощный, чтоб взяться за дело.
В море Сиканском лежит близ Липары Эоловой остров,
Скалы крутые на нем день и ночь окутаны дымом,
Почву под ними извел огонь циклоповых горнов,
420 Гулко в пещерах звучат удары молотов тяжких,
Докрасна раскалено, скрежетет железо халибов,
Пламя гудит в очагах, и несется грохот наружу.
Здесь — Вулкана чертог, и Вулканией остров зовется.
С выси небесной сюда низошел огнемощный владыка.
Тут железо куют в огромном гроте циклопы:
425 Бронт, и могучий Стероп, и Пира́кмон с голою грудью.
Форму и блеск под руками у них в тот миг обретала
Молнии грозной стрела, какие во множестве мечет
С неба на землю Отец. Не закончили труд свои циклопы:
Облака три волокна, три нити ливня, три части
430 Алого пламени, три дуновенья легучего Австра
Сплавить успели они, а теперь добавляли сверканье,
Гул, и смятенье, и страх, и пожара проворного ярость.
Тут же крылатых колес ободья для Марса ковали,
Чтобы их грохотом в бой поднимал он мужей и твердыни,
435 Рядом Паллады доспех, наводящую ужас эгиду,
Спешно ложили — затем, чтобы золотом ярче блестела
Змей чешуя, чтоб грозней с груди богини глядела
Взором мертвых очей голова Горгоны убитой.
Молвит этнейским Вулкан циклопам: «Оставьте немедленно
440 Все, что начали вы, и мне внемлите! Должны мы
Храброму мужу сковать доспехи. Теперь-то потребны
Сила, и рук быстрота, и наставник надежный — искусство,
Время терять нам пельзя!» И едва он закончил, циклопы
Сразу за дело взялись, разделив по жребью работы.
445 Медь ручьями течет, и золото плавится в горнах,
Льется халибский металл, наносящий смертельные раны, —
Щит создается такой, чтобы стрелы и копыя латинян
Все он один отразил: в огромный круг семислойный
Семь скрепляют кругов. Нагнетают, мехи раздувая,

450 Воздух одни, шипящую медь окунают другие
В воду. Пещера гудит от ударов молота гулких,
Мерно один за другим поднимают руки циклопы
И, зажимая в клещах, раскаленное вертят железо.

Бог лемносский пока на Эолии спешно трудился,
455 В скромных палатах Эвандр был разбужен благими лучами
Утра и песнею птиц, что под низкою кровлей гнездились.
Старец с ложа восстал, облачился туникой белой,
Голени плотно обвил ремнями тирренских сапдалий,
Перевязь через плечо с мечом тегейским повесил,
460 Шкуру пантеры подняв, прикрывавшую левую руку.
Тут же к нему подбежали два пса, сторожившие двери,
Рядом пошли, ни на шаг от хозяина не отставая.
К гостю в дальний покой поспешил герой седовласый,
Помня и речи свои, и вчерашние все обещанья.
465 Встал на заре и Эней, и царю навстречу он вышел,
С ним был верный Ахат, а с Эвандром — сын его юный.
Встретившись, руки они пожали друг другу и сели
В среднем покое дворца, чтоб вести без помехи беседу.

Начал Эвандр:
470 «Тевкров доблестный вождь, пока ты жив — не признаю
Я, что погиб Илион и потеряно дело троянцев.
Силы наши, поверь, нашей славе не равны, и мало
Проку от нас в столь грозной войне: Этрусским потоком
Здесь отрезаны мы, а оттуда ругул теснит нас.
475 Я же тебе союзником дам народ многолюдный,
Царств обильных войска: этот путь к спасенью надежный
Случай пред вами открыл. Ты самой приведен к нам судьбою!
Здесь по соседству живет, основав на старинных утесах
Город Агиллу, народ, отвагой воинской славный:
480 Прибыл из Лидии он и среди гор поселился этрусских.
Долгие годы потом угнетал надменный Мезенций
Этот гордый народ, подчинив его силой оружия.
Что вспоминать о жестоких делах, о неслыханных казнях?
О, если б их на него самого обрушили боги!
485 Заживо жертвы свои он привязывал путами к трупам
Так, чтобы руки сплелись и уста к устам прижимались,—
Пытки мучительной род, убивавший медленной смертью
Тех, кто в объятьях лежал среди глениа, гноя и смрада.

490 Долше не в силах терпеть несказанные эти злодейства,
Город восстал на царя: дворец окружают с оружием,
Факелы мечут в него и тирана друзей истребляют.
Но средь резни ускользнул и у рутулов скрылся Мезенций,
Гостя преступного Турн под защиту принял охотно.
495 Ныне Этрурия вся, справедливой местью пылая,
Требует выдать его, угрожая Марсовой силой.
Я тебя, о Эней, во главе этих полчищ поставлю:
Сомкнутым строем стоят их суда, к сраженьям готовы,
Рвутся войска знамена поднять; лишь седой прорицатель
Тщится их удержать, предрекая: «О, цвет меонийцев,
500 Гордость отцов! Отвага бойцов и гнев справедливый
Вас влекут на врага, и Мезенций мести достоин, —
Но не дано победить столь могучий народ италийцам:
Нужно вождей иноземных найти!» И рати этрусков
В здешних остались полях, уstraшенные волей бессмертных.
505 Сам Тархон посылал ко мне послов, предлагая
Знаки власти — венец и царский жезл, чтобы только
В лагерь к ним я пришел и власть над тирренцами принял.
Но не дают мне властителем стать леденящая тело
Старость и долгий мой век: не по силам подвиги старцу!
510 Сына отправил бы я — но сабинянки-матери кровью
Более с этой землей, чем с чужбиной, связан он. Ты лишь
Призван богами, тебе ни года, ни род не преграда:
К ним ступай, о могучий вождь италийцев и тевкров!
Вместе с тобой я пошлю утешенье мое и надежду —
515 Сына Палланта, чтоб ты в труде Маворса нелегком
Был наставник ему, чтоб твои он подвиги видел,
Чтобы тобою привык он с юных лет восхищаться.
Двести отборных мужей, аркадских всадников крепких
Дам я тебе, и столько же даст союзник твой юный».

520 Так говорил он гостям; но сидели, взоры потупив,
Сын Анхиза Эней и верный Ахат, и томили
Грустное сердце мужам непрестанные мрачные думы.
Тут ниспослала им знак Киферея с ясного неба:
525 Вспыхнул мерцающий блеск высоко над землей, и внезапный
Грохот раздался вокруг, будто рухнули своды эфира,
Ревом тирренской трубы огласились неба просторы,
Снова и снова звучал оглушительный грохот над ними.

Подняли взоры они: там, где неба не застили тучи,
В алом блеске мечи и копы с шумом сшибались.
530 В страхе замерли все. Лишь троянец, грохот заслышав,
Тотчас постиг, что дает бессмертная мать обещанье...
Молвил он: «Друг, не старайся понять, какие невзгоды
Знаменья эти сулят: лишь ко мне взывают с Олимпа!
Мать-богиня мне знак подает: если грянут сраженья,
535 С неба мне будет доспех, Вулканом кованный, послан,
Помощь нам будет дана.
Горе! Сколько смертей ожидает несчастных лаврентцев!
Как ты поплачешься, Турн! Как много, Тибр, повлечешь ты
Панцирей, шлемов, щитов и тел троянцев отважных!
540 Пусть нарушают союз! Пусть громче требуют битвы!»

Так промолвил Эней и с высокой поднялся скамейки.
Прежде всего пробудил он уснувший огонь Геркулесов
На алтаре и лара почтил, и малых пенатов,
Радости полный; и с ним Эвандр и юноши Трои
545 В жертву богам принесли овец по обряду отборных.
После того, к кораблям и спутникам вновь веротившись,
Самых отважных среди них отобрал Эней, чтобы в битвы
С ними вместе идти; а другим предстояло спуститься
Вниз по реке и проплыть, не тратя труда, по теченью,
550 Чтобы скорей об отце привезти Асканию вести.
Дали аркадцы коней отъезжавшим в Этрурию тевкрам,
Лучший скакун был вождю приведен: как чепрак, покрывала
Львиная шкура его и сверкала когтей позолотой.

Тотчас молва понеслась и наполнила маленький город
555 Слухом о том, что к царю тирренскому всадники едут.
Вдвое усердней мольбы возносят матери; ближе
Марса пугающий лик; обгоняют страхи опасность.
Долго держит Эвандр уходящего сына в объятьях,
Не оторвется никак, и ему говорит со слезами:
560 «Если бы сделал меня, воротив минувшие годы,
Вновь Юпитер таким, каким под Пренестой сразил я
Строй передний врагов и щиты их сжег, победитель;
Этой отправил рукой я владыку Эрула в Тартар,
Хоть при рожденье ему Ферония-мать даровала —
565 Страшно сказать — три души и три доспеха носил он;

Трижды его пришлось убивать — но этой рукою
Три души я исторг и сорвал с него столько ж доспехов.
Мне бы тогда не пришлось от твоих отрываться объятий,
Сын мой! Тогда б не посмел от меня так близко Мезенций
570 Столько людей истребить беспощадным железом и город
Стольких граждан лишить, на меня позор навлекая.
К вам, о боги, к тебе, о Юпитер, богов повелитель,
Я взываю теперь: над властителем сжаьтесь аркадцев,
Просьбам внимайте отца! Если вашей воле угодно
575 Сына мне возвратить, если рок сохранит мне Палланта,
Если живу я, чтоб вновь увидеть его, встретиться снова,—
Дайте мне жизнь! Я бремя ее понесу терпеливо.
Если же мне небывалый удар ты готовишь, Фортуна,
Дайте, о дайте сейчас оборваться жизни жестокой,
580 Есть надежда доколь и неведом исход опасений,
Сына доколе — ведь в нем лишь одним моя поздняя радость —
Крепко в объятьях держу, доколе вестник несчастья
Ранить мой слух не успел». Так отец, стеная, прощался
С сыном; и тут же без чувств унесли его слуги в чертоги.

585 Всадники тою порой из ворот отворенных скакали,
Ехал Эней впереди, и с ним Ахат неразлучный,
Следом — Трой вожди, и меж них — Паллант, привлекавший
Взоры широким плащом и украшенным ярко доспехом.
Так же средь звездных огней увлажненный водой Океана
590 Блещет в ночи Люцифер, больше всех любимый Венерой,
Лик свой являя святой и с неба тьму прогоняя.
Матери, встав на стенах, провожают взором тревожным
Облако пыли и в нем горящие медью отряды.
Мчит напролом по кустам, сократить стараясь дорогу,
595 Конных воинов строй; далеко их разносятся клики,
Глухо копыта коней колотят по рыхлому полю.
Есть близ Церейской реки прохладная роща густая,—
Издавна чтима она как святыня; ее окружают
Склоны крутые холмов, темнохвойной елью поросших.
600 Рошу и празднество в ней, как гласит преданье, Сильвану,
Богу пашен и стад, в старину посвятили пеласги,
Первыми в давние дни владевшие краем Латинским.
Неподалеку Тархон и тирренцы в местах безопасных
Лагерь разбили; с холма крутого был всадникам виден

605 Стан многолюдный его и шатры на поле просторном.
Спешился здесь родитель Эней и отряд его юный,
Чтобы могли отдохнуть и усталые люди, и кони.

Тою порой в облаках эфирных летела Венера,
Дар Энею несла, и, в долине укрытой увидев
610 Сына от всех вдалеке за рекою теплой, богиня
Вышла навстречу ему и такое молвила слово:
«Вот он, обещанный дар, искусством создан Вулкана,
Можешь ты вызвать теперь из надменных лаврентцев любого
Без колебаний на бой, не страшась и отважного Турна».
615 Молвив так, обняла Киферея любимого сына
И положила пред ним под дубом доспех лучезарный.
Рад богини дарам и горд великою честью,
Смотрит и смотрит Эней, и очей не может насытить,
Вертит подолгу в руках и со всех сторон озирает
620 С грозной гривой шлем, и с клинком, как пламя, горящим
Меч, роковой для врагов, и прочный панцирь из меди
Алой, как свежая кровь иль как туча на небе закатном,
В час, когда солнца лучи раскалят ее блеском пурпурным.
Легкие он понюжи берет из чистейшего сплава
625 Золота и серебра, и копые, и щит несказанный.
Бог огнемощный на нем италийцев и римлян деянья
Выковал сам, прорицаний не чужд и грядущее зная:
Был там Аскания род до самых далеких потомков,
Были и все чередой сраженья грядущих столетий.
630 Вот волчица лежит в зеленой Марса пещере
Щенная; возле сосцов у нее играют без страха
Мальчики — два близнеца — и сосут молоко у мохнатой
Матери; нежно она языком их лижет шершавым,
Голову к ним повернув, и телам их расти помогает.
635 Рядом виден и Рим и цирк, где похищены были
В пору Великих игр беззаконно сабинские девы,
Из-за которых войной на дружину Ромула тотчас
Старец Татий пошел, властитель Курий суровых.
Тут же оба царя, прекратив сраженье, стояли
640 С чашами пред алтарем и, союз народов скрепляя,
Вместе они приносили свинью Юпитеру в жертву;
654 Новый за ними дворец стоял под соломенной кровлей.
642 Выковал рядом Вулкан и квадриги, что, врозь разбегаясь,

Меттия лживого рвут — чтоб держал ты слово, альбанец!
По лесу Тулл за собой влечет клочки его тела,
645 Капли кровавой росы окропляют колючий кустарник.
Здесь же Порсенна велит, чтоб Тарквиний изгнанный принят
В Риме был вновь, и город теснят осадой этруски,
Но за свободу идут на мечи врагов энеады.
Вот он — словно живой, словно дышит гневной угрозой —
650 Царь, услышавший, что мост обрушен Коклесом дерзко,
Что, через Тибр переплыв, избежала Клелия плена.
Вот в середине щита, высокий заняв Капитолий,
Манлий у храма стоит, охранитель твердыни Тарпейской;
655 Вот и серебряный гусь меж колонн золотых пролетает,
Воинам громко кричит, что противник уже у порога, —
Галлы меж тем по кустам под защитой тьмы и безлунной
Ночи идут в тишине и уже занимают твердыню.
Золотом ярко горят и волосы их и одежды,
660 Блещут полоски плащей, и вокруг белых шей золотые
Вьются цепи у них; в руках у каждого по два
Дрота альпийских, и каждый щитом прикрывается длинным.
Рядом выковал бог островерхие фламинов шапки,
Салиев древних прыжки и щиты, упавшие с неба,
665 Также луперков нагих и повозок праздничный поезд,
Строгих везущий матрон. А поодаль виден был Тартар,
Дита глубокий провал и жестокие кары злодеев:
Здесь, Катилина, и ты, прикованный к шаткому камню,
В лица фурий глядишь, неотступным терзаемый страхом.
670 Рядом — праведных сонм и Катон, им дающий законы.
Весь опоясало щит из червонного золота море,
Волны седые на нем взметают пенные гребни,
Светлым блестя серебром, проплывают по кругу дельфины,
Влагу взрывая хвостом и соленый простор рассекая.
675 Медью средь моря суда сверкали: Актийскую битву
Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати,
Всю Левкату заняв, и плескались валы золотые.
Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов;
680 Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и двойное
Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей.
Здесь и Агриппа — к нему благосклонны и ветры и боги —
Радостно рати ведет, и вокруг висков его гордо

Блещет роstralный венок — за морские сраженья награда.
685 Варварской мощью силен и оружием пестрым Антоний,
Берега алой Зари и далеких племен победитель:
В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной
Бактров; с ним приплыла — о нечестье! — жена-египтянка.
690 В бой устремились враги, и, носами трехзубыми взрыта,
Веслами вся взметена, покрылась пеной пучина.
Дальше от берега мчат корабли; ты сказал бы — поплыли
Горы навстречу горам иль Циклады сдвинулись с места —
Так толпятся мужи на кормах, громадных, как башни,
Копий легучий металл и на древках горящую паклю
695 Мечут, и кровью опять обагрются нивы Нептуна.
Войску знак подает царица египетским систром
И за спиной у себя не видит змей ядовитых.
Чудища-боги идут и поглавый Анупис с оружием
Против Нептуна на бой и Венеры, против Минервы.
700 В гуще сражения Марс, из железа кован, ярится,
Мрачные Диры парят над бойцами в эфире высоком,
В рваной одежде своей, ликуя, Распря блуждает,
Ходит следом за ней с бичом кровавым Беллона.
Сверху взирая на бой, Аполлон Актийский сгибает
705 Лук свой, и в страхе пред ним обращается в бегство Египет,
Следом инды бегут и арабы из Савского царства.
Вот и царица сама призывает попутные ветры,
Все паруса распустишь и ослабить снасти готова.
Как побледнела она среди сечи в предчувствии смерти,
710 Как уносили ее дуновенья япигского ветра, —
Выковал все огнемощный кузнец. А напротив горюет
Нил: одежды свои на груди распахнул он широкой,
Кличет сынов побежденных к себе на лазурное лоно.
Здесь же, с триумфом тройным вступивший в стены столицы,
715 Цезарь исполнить спешит свой обет богам италийским,
Триста по Риму всему освящая храмов огромных.
Улицы вокруг ликованьем полны и плеском ладоней,
В каждом святилище хор матрон и жертвенник в каждом,
720 Пред алтарем тельцы на земле в изобилие простерты.
Сидя у входа во храм Аполлона лучистого, Цезарь
Разных племен разбирает дары и над гордою дверью
Вешает их; вереницей идут побежденные длинной, —
Столько же разных одежд и оружия, сколько наречий.

Здесь и номадов народ, и не знающих пояса афров
725 Мўльцибер изобразил, гелонов, карийцев, лелегов
С луками; тут и Евфрат, укротивший бурные воды,
Рейн двурогий, Аракс, над собой мостов не терпящий,
Даги, морины идут, дальше всех живущие смертных.
Видит все это Эней, материнскому радуясь дару,
730 И, хоть не ведает сам на щите отчеканенных судеб,
Славу потомков своих и дела на плечо поднимает.

Книга девятая

- Эти покуда дела вдалеке от Лаврента вершатся,
Дочь Сатурна с небес посылает на землю Ириду
К дерзкому Турну,— в тот час он сидел в долине священной,
Там, где предка его Пилумна роща шумела.
- 5 Дочь Тавманта ему устами алыми молвит:
«Турн, по воле своей быстротечное время дарует
То, что тебе обещать не дерзнул бы никто из бессмертных.
Спутников, город и флот Эней покинул и отбыл
В царство, где старец Эвандр с Палатина аркадами правит.
- 10 Больше того, он проник до твердынь далеких Корита,
Чтобы к оружию призвать земледельцев лидийских отряды.
Что же ты медлишь? Пора заложить коней в колесницу!
Время не трать! Врасплох напади на лагерь смятенный!»
Тут вознеслась к небесам на раскинутых крыльях богиня,
- 15 Скрылась среди облаков, по дуге промчавшись огромной.
Вестницу Турн узнал и, простерши к звездам ладони,
Молвил такие слова вослед убежавшей Ириде:
«Неба краса! Кто тебе повелел на облаке легком
К нам на землю слететь? Отчего лучи золотые
- 20 Льются дождем, и небесная твердь распахнулась, являя
Взору блужданье светил? Повинуюсь знаменьям, боги,
Кто бы из вас к оружию ни звал!» И, промолвив, спустился

Турн к реке и, воды зачерпнув с поверхности светлой,
Он к бессмертным воззвал, эфир наполнив мольбами.

- 25 Тотчас выходит в поля несметная рать италийцев,
Гордых обильем коней, и одежда узорных, и злата.
В первых рядах выступает Мессап, отряд замыкают
Тирра сыны, а Турн, предводитель войск,— посредине
Едет с оружием и всех красой превосходит и ростом.
- 30 Так, полноводный от струй семи спокойных притоков,
Ганг молчаливый течет или Нил, когда тучная влага
Схлынет с полей и в привычное вновь воробится русло.
Видят троянцы, как пыль поднимается облаком темным,
Как внезапная тьма закрывает равнину от взора.
- 35 Первым Каик закричал с укреплений, к полям обращенных:
«Тевкры, взгляните, какой туман там стелется черный!
Быстро несите мечи, поднимайтесь на стены с оружием!
Эй! Подступают враги!» И немедля с криком дарданцы
В лагере скрыться спешат и взбегают на стену, ибо
- 40 Им наказал, уезжая, Эней, многоопытный в битвах,
Чтобы они, если вдруг неожиданно что приключится,
В строй не смели вставать, не вверялись открытому полю,
Но защищали свой стан под прикрытием стен укреплённых.
Гонит их стыд и гнев с врагом схватиться вплотную,
- 45 Но замыкают они, повинувшись приказу, ворота,
В башнях с оружием засеив, приближенья врагов ожидают.
Вдруг, вперед пролетев и медлительный строй обогнавши,
Двадцать отборных бойцов на конях за собой увлекая,
К лагерю Турн подскакал. Фракийский в яблоках белых
- 50 Мчит его конь, и золотом шлем горит красногривый.
«Кто со мною, друзья? На врага кто бросится первый?..
Вот вам!» И, вымолвив так, метнул он дротик с размаху —
Новой начало войны — и стремглав по равнине понесся.
Встретило пущенный дрот грознозвучным криком и шумом
- 55 Войско союзных племен. Непонятна им робость дарданцев:
Что же не выйдут они на равнину, не встретят с оружием
Натиск врагов, но за валом сидят? Вдоль всех укреплений
Рыщет Турн и в стене неприступной ищет прохода;
Так, пытаясь попасть за ограду полной овчарни,
- 60 Рыщет за полночь волк, под дождливым упорствуя ветром,
Бродит вокруг и рычит,— но в укрытье надежном ягнята

Блеют и маток сосут; к недоступной рвется добыче
В ярости зверь, оцетинивши шерсть, и по крови томится
Жадная глотка его, иссушённая голодом долгим.
65 Ярости той же огнем загорается рутул при виде
Башен и стен, и до мозга костей проникает обида:
Как подступиться ему, как троянских бойцов из-за вала
Выбить? Как выманить их, чтоб в открытом поле сразиться?
Ринулся Турн к кораблям, что стояли с лагерем рядом,
70 Скрытые валом крутым и рекой огражденные быстрой,
Мчит он вскачь и огня у соратников радостных просит,
Жадно хватая рукой сосны горящие сучья.
Бросились воины вслед, увлеченные натиском Турна,
Из очагов расхищают огонь — и каждый несется
75 С факелом черным в руках; смоляные дымные ветви
Ярко пылают, до звезд взметая искры и пламя.

Муза! Кто из богов от такого избавил пожара
Тевкров? Кто уберег корабли от Вулкановой силы?
Молвите! Повесть о том стара, но слава нетленна.
80 В те времена, когда флот свой Эней на Иде Фригийской
Строил, готовясь отплыть в морские безвестные дали,
К сыну — преданье гласит, — богов Берекинфская Матерь
С просьбой такую пришла и промолвила: «Сын мой! Исполни
Матери милой мольбу, о властитель, Олимп усмиривший!
85 Рощу сосновую я любила долгие годы:
Лес мой стоял на вершине горы; приносили мне жертвы
В сумраке между стволов тенистых кленов и сосен.
Внуку дарданскому я, когда флот пришлось ему строить,
С радостью их отдала, — а теперь тревожится сердце.
90 Страх мой рассей и к просьбе моей снизойди благосклонно:
Пусть мой лес ни тягостный путь, ни ветры, ни вихри
Не одолеют — затем, что моими взращен он горами».
Матери сын отвечал, вращающий звездное небо:
«Волю рока склонить ради них ты мнишь, о родная?
95 Есть ли закон, чтоб корабль, рукой построенный смертной,
Жребий бессмертный обрел и путем, опасностей полным,
Плыл безопасно Эней? Не дано богам это право!
Те лишь челны, что, всё одолев, Авзонийских достигнут
Гаваней, те, что средь волн уцелеют и к пашням Лаврентским
100 Тевкров царя привезут, я от смертных избавлю обличий:

Станут они по воле моей божествами морскими,
Будут, подобно Дотó, Галатее прекрасной подобно,
Грудью бессмертной простор пучины пенить безбрежной». 105
Молвив, поклялся Отец рекой стигийского брата,
Черным потоком смолы и обрывом над пропастью мрачной
И головою кивнул, сотрясая Олимпа громаду.

Ныне настал обещанный день, исполнился ныне
Паркой отпущенный срок, и, разгневана Турна нечестьем,
Мать от священных челнов отвратила огонь дерзновенный. 110
Вдруг ударяет в глаза неведомый свет, и с восхода
По небу туча летит; за ее завесой огромной
Хор идейский звучит, и с высот разносится грозный
Голос, дарданским бойцам и рати рутулов внятный:
«Страх за мои корабли отбросьте, тевкры! Не нужно 115
Их мечом защищать: подожжет пучину морскую
Турн скорей, чем священный мой лес. А вы уплывайте
Вольно, богини морей: так велит вам Великая Матерь!»
Тотчас же все корабли обрывают причальные пути,
Ростры в реку погрузив, ныряют, словно дельфины,
120 Вглубь уходят, и вот — о чудо! — девичьи лица
122 Выплыли вдруг из глубин и в открытом море исчезли.
Рутулов ужас сковал, и Мессап, охваченный страхом,
Робких сдержал скакунов, и поток внезапно замедлил
125 Влаги рокочущей бег, и Тибр от моря отхлынул.
Турн один среди всех не утратил спесивой отваги,
Вновь окликаая друзей, он сердца им вновь ободряет:
«Тевкрам одним это чудо грозит: отнимает привычный
Путь к спасенью у них Юпитер сам, не дождавшись 130
Наших мечей и огней. Нет в морях троянцам дороги,
Нет надежды бежать: им теперь полвселенной закрыто!
Что же до суши, — она в руках у нас, италийцев, —
Столько нас вышло на бой. И богов роковые вещанья
Мне ничуть не страшны, хоть и хвалятся ими фригийцы: 135
Хватит с судьбы и с Венеры того, что троянцы достигли
Щедрых Авзонию нив. Я тоже призван судьбою,
Мне повелевшей мечом истребить преступное племя
За похищенье жены. Не одних лишь коснулась Атридов
Эта печаль, и дозволена месть не одним лишь Микенам.
140 Гибели с них довольно одной. Не довольно ль и прежних

Было грехов, чтобы стало навек для них ненавистно
Женщины имя само? Не на этот ли вал полагаюсь,
Стали отважны они, не на этот ли ров, что отсрочит
Гибель едва ли на миг? Но они ль не видали, как стены
145 Трои — даром что их Нептун возвел — разрушались?
Кто же из вас, отборная рать, со мною решится
Эту преграду взломать и ворваться в трепещущий лагерь?
Мне не нужны ни тьмы кораблей, ни доспехи Вулкана,
Чтобы на тевкров идти,— пусть хоть все этрусски вступают
150 С ними в союз; и нечего им бояться, что ночью,
Стражей твердыни убив, украдем трусливо Палладий
Или во чреве глухом коня мы прятаться будем:
Нет, я верю, и днем окружим мы их стены пожаром!
Я их заставлю признать, что они не с полками пеласгов
155 Дело имеют, что нас десять лет отражать не могла бы
Гектора мощь. Но лучшая дня половина минула,
Сделали дело свое мы на славу; отдайте же вечер
Отдыху вы и веселью, мужи, перед завтрашней битвой».
Но против каждых ворот не забыл Мессап караулы
160 Выставить на ночь и весь опоясать лагерь кострами.
Чтобы следить за врагом, высылают в дозор италийцы
Дважды семь человек, и за каждым — юношей сотня
Следует, в золоте все и в шлемах с гривой багряной;
Стражи расходятся врозь и, черед караульным назначив,
165 Пьют, разлегшись в траве, осушают медные чаши,
Тьму разогнав огнями костров, без сна коротают
Ночь за игрой.

Тевкры смотрят на них, с оружием стоя на стенах;
Воины створы ворот проверяют, полны тревоги,
170 Копья несут и проводят мосты ко всем укреплениям.
Пылкий Сергест и Мнесфей ободряют их и торопят.
Им двоим повелел родитель Эней, коль неожиданно
Грянет беда, возглавить мужей и начальствовать в битвах.
Рать на валах залегла, разделив по жребью опасный
175 Труд, и долг в свой черед исполняет бдительно каждый.

Нис, неудержный в бою, у ворот стоял в карауле,
Сын Гиртака; его охотница Ида послала
В путь за Энсем — стрелка и метателя легкого дрота.

С Нисом был Эвриал; ни в рядах энеадов, ни прежде
180 Воин такой красоты не носил троянских доспехов.
Юность лишь первым пушком ему отметила щеки.
Общая их связала любовь и подвигов жажда.
Ныне они у ворот в одном карауле стояли.
Нис говорит: «То боги ли жар нам в душу вливают,
185 Или влечение свое представляется каждому богом?
Битву с врагом завязать иль на дело иное решиться
Дух мой давно мне велит, не довольствуясь праздным покоем.
Видишь: поверив в успех, разлеглись италийцы беспечно,
Сну и вину предались,— лишь мигают костры, догорая;
190 Тихо стало кругом. Так послушай, что я задумал,
Мой Эвриал, и какое в душе решение зреет.
Требуют все — и народ и сенат — к Энею отправить
Вестников, чтоб о войне он узнал и вернулся скорее.
Если награду тебе посулят, о какой попрошу я,—
195 Мне же и славы одной довольно,— там, меж холмами,
Путь я сумею найти и пробраться к стенам Паллантея».
Жаждою славы тотчас загорелась душа Эвриала;
Так, в изумленье застыв, он ответил пылкому другу:
«Что же, меня допустить ты не хочешь к славному делу?»
200 Должен тебя одного я отправить на подвиг опасный?
Нет, не таким мой родитель Офельт, привычный к сраженьям,
Вырастил сына средь бед, что терпела Троя родная,
И средь аргосских угроз! Разве так поступал я с тобою,
Следуя воле судеб, с благородным скитаясь Энеем?
205 Есть и во мне этот дух, презиравший жизнь и готовый
Светом дня заплатить за обоим желанную славу».
Нис отвечал: «Неужто я мог в тебе усомниться?
Нет — или пусть мне не даст к тебе вернуться с победой
Сам Юпитер иль тот из богов, кто на нас благосклонно
210 Смотрит. Если же бог или случай не даст мне удачи,—
Это бывает не раз средь опасностей,— нужно, чтоб друга
Ты пережил: тому, кто младше, жить подобает.
Будет тогда, кому унести мое тело из боя,
Выкуп ли дать за него, коль позволит Фортуна, и в землю
215 Прах опустить, иль хоть жертвы принести над пустою
гробницей.

И причинить не могу я такого тяжкого горя
Матери бедной твоей,— ведь из всех матерей наших с сыном

Только она уплыла, не осталась в Акесте великой».
Молвил в ответ Эвриал: «Отговорки напрасно ты множишь:
220 Твердо решенье мое, и тебе его с места не стронуть.
Так поспешим же!» И вот, остальных разбудив караульных,
Вместо себя на часах оставляет он их и уходит
В лагерь царя отыскать, и уводит друга с собою.

Твари все на земле успокоились в мирной дремоте,
225 Сбросив заботы с души и бремя трудов позабывши,
Только тевкров вожди и лучшие воины ночью
Долгий держали совет о первейших делах государства:
Что предпринять им теперь и кого к Энею отправить.
В лагере темном кружком стояли на площади средней
230 Все, не снимая щитов, опершись на длинные копыя.
Вдруг подбегают к ним Нис с Эвриалом и выслушать просят:
Время не даром вожди, но на важное дело потратят!
Первым Юл разрешил подойти друзьям оробевшим,
Нису велел говорить. «Я прошу, энеады, без гнева
235 Выслушать тотчас же нас. Не судите о замыслах наших,
Глядя на наши года. За стенами рутулы смолкли,
Сломлены сном и вином. Заприметили место мы сами:
Там, где к развилке дорог, и там, где к морю выходят
Наши ворота, у них все костры погасли, и к небу
240 Черный тянется дым. Если, случаем пользуясь этим,
Нам позволите вы в Палантей пойти за Энеем,
В лагерь троянский войдет он с обильной добычею вскоре,
Всех врагов истребив. А уж мы не собьемся с дороги:
Часто охотились мы и в долине видели темной
245 Города край, и течение реки хорошо нам знакомо».
Молвил на это Алет, поседелый и опытом зрелый:
«Отчие боги, всегда в вашей воле судьба Илиона!
Но до конца погубить вы тевкров род не хотите,
Если с такою душой, с таким бестрепетным сердцем
250 Юноши есть среди нас! — И друзей с такими словами
Обнял за плечи он, проливая обильные слезы. —
Чем — я не ведаю сам — наградить мы можем достойно
Подвиг такой? Ваших собственных дум величье и боги
Лучшую вам воздадут награду. А все остальное
255 Благочестивый Эней вам даст и юный Асканий, —
Он не забудет вовек великой вашей заслуги».

«Также и я, для кого лишь одно остается спасенье,—
Скорый возврат отца,— подхватил Асканий,— молю вас
Весты седой очагом, Ассарака ларом, святыней
260 Наших пенатов,— ко мне воротите родителя, дайте
Снова увидеть его! Вся судьба моя, все упованья —
В ваших руках. Лишь его обрету — и покинет нас горе,
Кубка серебряных два, самоцветами ярко горящих,—
265 Их как добычу отец захватил в побежденной Арисбе,—
Два треножника вам, два таланта золота дам я,
С ними старинный кратёр, поднесенный тирийской Дидоной.
Если же нам над Италией власть подарит победа,
Если придется делить меж бойцов по жребью добычу,—
270 Видели вы, на каком скакуне, весь в золоте, мчался
Турн? И щит, и коня, и шлем с пурпурною гривой
Я на раздел не отдам — все в награду достанется Нису.
Даст и отец мой тебе из захваченных пленных двенадцать
Лучших рабынь-матерей и бойцов со всем их оружием,
Землю тебе пожалует он из надела Латина.
275 Ты же меня, Эвриал, обогнал не намного годами,
Друга такого, как ты, я всей душой принимаю,
Чтобы со мной средь превратностей был ты всегда неразлучен.
Пусть без тебя никогда не стяжаю я подвигом славы!
В мирные дни и в бою докажу я делом и словом,
280 Как доверяю тебе». Эвриал в ответ ему молвил:
«День не наступит, когда уличен я буду в измене
Дерзкой отваге моей,— только б нам явила Фортуна
Милость свою, не вражду. Но превыше всякой награды
Я молю об одном: не покинь моей матери старой!
285 Род от Приама ее; из Троянской земли, из Акесты,
Вместе со мной уплывала она, нигде не осталась.
Ей об опасностях знать, ожидающих сына, не должно,
Я не простившись уйду, ибо — тьмой ночной и рукою
Правой твоею клянусь — не снести мне слез материнских.
290 Немощной ты помоги и покинутой дай утешенье!
Если с этой уйти мне позволишь надеждой,— смелее
Встречу превратности я». Всколыхнулись души дарданцев,
Пролили слезы мужи, и всех обильней — Асканий:
Образ сыновней любви об отце напомнил и сердце
295 Сжал тоскою ему; и ответил он так:
«Верь, исполню я все, что твоих достойно деяний.

Именем лишь для меня от родной моей матери будет
Впредь отличатся она: благодарность за сына такого
Ей воздастся. И знай: чем бы ваш ни кончился подвиг,—
300 Этой клянусь головой, как родитель ею клянется,—
Все, чем тебя наградить я сулил при счастливом исходе,
Матери будет твоей и вашему отдано роду».
Так он промолвил в слезах и снял свой меч золоченый,—
Выкован был этот меч Ликаоном, искусником кносским,
305 Он же и ножны к нему из слоновой вырезал кости.
Нису Мнесфей отдает мохнатую львиную шкуру,
Сняв ее с плеч, и верный Алет с ним меняется шлемом.
Быстро доспехи надев, друзья уходят — и всюду,
Вплоть до ворот, где стоит караульный отряд, пожеланья
310 Счастья сопутствуют им. И Асканий, с отвагою мужа
Время несущий забот, что лишь зрелому мужу под силу,
Просит отцу передать и то и это — но ветер
Тщетные речи его между туч летучих разносит.

Вышли друзья, в ночной темноте через рвы перебравшись,
315 Двинулись к стану врагов, и себе на погибель, и многим
Рутулам. Видят они: на траве лежат италийцы,
Скованы сном и вином; над рекою в ряд колесницы
Дышлами кверху стоят; меж колес и разбросанной сбруи
Люди вповалку лежат, и кувшины с вином, и оружие.
320 Пис говорит: «Пора нам дерзнуть! Сам случай зовет нас!
Здесь нам идти. Но чтоб нас враги враспloch не застигли,
В спину вонзив нам мечи,— сторожй, назад озираясь,
Я же расчищу твой путь, проложу тебе шире дорогу».
Шепотом вымолвив так, на Рамнета надменного тотчас
325 Пис нападает с мечом. На коврах лежал он, протершись,
Сон выдыхал из широкой груди в забытыя непробудном;
Царь и Турну-царю из гадателей самый любезный,
Все же не мог он свою отсрочить гибель гаданьем.
Рема прислужников трех, где попало лежавших меж копий,
330 Оруженосца его убивает Пис и вознице,
Что у ног лошадей примостился, голову свесив,
Шею ударом меча разрубает; потом господину
Голову сносит и труп на подстилке, пропитанной кровью,
Он оставляет лежать. Не щадит и Ламира и Лама
335 Нис и Серрана разит, красотою блиставшего юной;

Долго в ту ночь веселился Серран, но Лиэем обильным
Был побежден и уснул; а счастливей бы все обернулось,
Если б веселье и пир продолжались всю ночь до рассвета.
Словно несытый лев, что в овчарне мечется полной, —
340 Голод гонит его, и ревет, и хватает, и рвет он
Пастью кровавою скот беззащитный, затихший от страха. —
Так же сеял смерть Эвриал: увлеченный убийством,
Воинов он безмянных разил без числа и без счета;
К спящим подкравшись, убил он Абариса, Фада, Гербеза;
345 Рету — один он не спал и, видя все, что свершалось,
Спрятаться в страхе хотел, за огромным присевши кратёром,
В грудь воцнил Эвриал, едва лишь враг приподнялся,
До рукояти клинок и вновь из раны смертельной
Алый выдернул меч. Умиравший Рет изрыгает
350 Кровь вперемешку с вином. Эвриал все дальше крадется,
К стану Мессапа уже подбирается он, где последний
Хворост в костре догорал и, стреножены, кони щипали
В сумраке ночи траву. Но окликнул Нис Эвриала,
Видя, что друг обуян сверх меры жаждой убийства:
355 «Остановись, Эвриал! Ведь враждебный рассвет уже близко!
Путь мы открыли себе! Не довольно ли мстить италийцам?»
Тут побросали они серебра литого доспехи,
Снятые с вражеских плеч, и ковры, и прекрасные чаши, —
Только взял Эвриал золотым блиставший набором
360 Пояс Рамнета себе; когда-то был этот пояс
Щедрым Цедиком в дар тибуртинскому Ремулу послан, —
Дружбы взаимной залог, — и завещан Ремулом внуку.
Им — ненадолго, увы! — Эвриал опоясался храбрый;
365 Впору пришелся ему и Мессапа шлем пышногровый.
Стан покидают друзья, поспешая к местам безопасным.

Той порою отряд из столицы ехал латинской,
Выслан был он вперед на равнине оставшимся войском
С вестью к Турну-царю. Прикрываясь большими щитами,
370 Триста конных бойцов во главе с Вольцентом скакали.
К стану царя приближались они и к стенам троянцев,
Но увидали вдали, как на левую тропку свернули
Двое друзей: ударил в глаза лучом отраженным
Шлем Эвриала во мгле и беспечного юношу выдал.
375 Встречей встревожен не зря, их Вольцент окликнул из строя:

«Стойте! Кто вы, мужи? Зачем спешите с оружием?
Держите путь свой куда?» Но, в ответ не промолвив ни слова,
Юноши в лес устремились бегом, на тьму полагаясь.
Тотчас всадники врозь по знакомым рассыпались тропам,
380 Стали стеречь, перерезав пути беглецам окруженным.
Лес был велик и дремуч, и в дебрях падубов черных,
В гуще колючих кустов, в непролазных терновника чашах
Редко виднелся просвет и по просеке тропка бежала.
Мрак под густою листвою и добычи груз Эвриалу
385 Быстро идти не дают и страх с дороги сбивает.
Нис незаметно ушел вперед и, врагов миновавши,
Места достиг, где тогда загоны были Латина,
Ныне ж зовется оно по имени Альбы Альбаном.
В поисках друга лишь здесь он назад оглянулся — но тщетно!
390 «Где потерял я тебя, Эвриал несчастный? Какую
Выбрать из пуганых троп, чтобы тем же путем мне пробраться
Вспять средь обманчивых чащ?» И вот, ни мгновенья не медля,
В лес он спешит по следам, в молчаливых дебрях блуждает.
Вдруг услышал он топот копыт и врагов переключку,
395 Краткое время спустя донеслись и громкие крики...
Вот наконец перед ним Эвриал: коварные тропы,
Смутный сумрак лесной и смятенье предали друга
Рутулам в руки, хоть он отбиваться напрасно пытался.
Что предпринять? С оружием напасть и отбить Эвриала?
400 Хватит ли сил? Или в гущу врагов на мечи устремиться,
Чтобы от множества ран самому погибнуть со славой?
Тотчас же Нис размахнулся с плеча и с копьем занесенным,
Взоры к Луне обратив, произнес такую молитву:
«Ты, что взираешь на нас, помоги в беде, о Латоны
405 Дочь, владычица рош, краса многозвездного неба!
Если Гиртак, мой отец, хоть однажды принес на алтарь твой
Дар за меня, если сам я хоть раз добычу лесную
В храме повесил твоим иль прибил над дверью священной,—
Дай мне врагов расстроить ряды, направь мои копыта!»
410 Так он промолвил — и вот, всем телом откинувшись, бросил
С силой копьё. Непроглядную тень на лету рассекая,
Быстро помчалось оно и Сульмону в спину вонзилось.
Древко сломалось, пробив навывлет рутулу сердце,
Всадник скатился с седла, захлебнувшись горячей струею,
415 Долгие всхлипы ему холодевшую грудь сотрясали.

Стали враги озираться вокруг. Ободрен успехом,
Нис с размаху копьё метнул от правого уха.
Рутулы в страхе дрожат. А копьё впивается Тагу
В череп и, оба виска пронзив, в мозгу застревают,
420 В ярости рыщет Вольцент, но метателя копий не видит,
Не с кем сражаться ему и в погонию не за кем мчаться.
«Ты мне один за двоих заплатишь кровью горячей!» —
Пленнику крикнул Вольцент и, занесши меч обнаженный,
425 Кинулся в гнев к нему. Но тут от страха за друга
Разум утративший Нис закричал, не в силах таиться
Больше во мраке ночном и боль сносить молчаливо:
«Вот я, виновный во всем! На меня направьте оружие,
Рутулы! Я задумал обман! Без меня б недостало
Сил и отваги ему, — мне свидетели небо и звезды!
430 Вся вина его в том, что любил он несчастного друга».
Так он Вольценту кричал, но уже направленный с силой
Меч меж ребер впился в белоснежную грудь Эвриала.
Тело прекрасное кровь залила, и, поверженный смертью,
Весь он поник, и к плечу голова бессильно склонилась.
435 Так пурпурный цветок, проходящим срезанный плугом,
Никнет, мертвый, к земле, и на стеблях склоняют бессильных
Маки головки свои под напором ливней осенних.
В гущу врагов бросается Нис — но только к Вольценту
Рвется он сквозь толпу, одного лишь видит Вольцента.
440 Ниса плотней и плотней отовсюду враги обступают,
Колют, теснят, — но сдержать не могут натиск упорный,
Быстрый как молния меч их сечет, — и вот, умирая,
Нис вонзает клинок орущему рутулу в горло.
Только тогда он упал и приник израненным телом
445 К телу друга, и смерть осенила Ниса покоем.

Счастье вам, други! Коль есть в этой песне некая сила,
Слава о вас никогда не сотрется из памяти века,
Капитолийским доколь нерушимым утесом владеет
Род Энея и власть вручена родителю римлян.

450 Юных друзей победив и вновь отбив их добычу,
Рутулы с плачем несли бездыханное тело Вольцента
В лагерь, где горестный стон стоял с тех пор, как Рамнета
Труп бескровный нашли, и Серрана, и Нуму, и многих

455 Сгубленных тайно вождей. Вкруг убитых толпы теснятся,
Вкруг полумертвых от ран, вкруг дымящихся свежеею кровью
Мест и полных ручьев, струящих алую пену.
Рутулы все узнают Мессапа шлем и наборный
Пояс Рамнета, назад дорогой ценою отбитый.

460 Вот и Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
Солнце зажглось, от темных пелен весь мир избавляя.
В битву с утра снаряжен, вождей поднимает на битву
Турн, и каждый из них собирает строй меднобронный,
Гнев зажигает в сердцах о ночном побоище вестью.
465 Тут же,— страшно глядеть,— подняв на копьях, выносят
Головы юных друзей, и толпой спешат италийцы
С громкими криками вслед.
Дать готовы отпор, энеады стойкие слева
Заняли вал,— ибо справа его ограждали потоки,—
470 Взоры на рвы устремив, на высоких башнях стояли,
Скорби полны: не узнать не могли несчастные тевкры
Вздетых на копья голов, истекавших черною кровью.

Тут понеслась на крылах, облетая трепещущий город,
Вестница горя — Молва, и несчастную мать Эвриала
475 Быстро настигла она. В тот же миг из рук охладелых
Выпал челнок у нее, опрокинулась с пряжей корзинка.
Вон выбегает она и, с пронзительным воплем терзая
Волосы, мчится к валам и в безумье врывается в первый
Воинов ряд, позабыв о мужах и о вражеских копьях,
480 Ей угрожавших, и плач полетел со стены в поднебесье:
«Ты ли это, мой сын? Ты, опора старости поздней,
Как в одиночестве мог ты меня покинуть, жестокий?
О, почему на верную смерть уходившего сына
Бедная мать не могла последним напутствовать словом?
485 В поле чужом добычею птиц и псов италийских
Ты — о горе! — лежишь, и тебя на костер погребальный
Мать не положит, и глаз не закроет, и ран не омоет,
И не укутает в плащ, что днем и ночью ткала я,
Тяготы старческих лет облегчая работой усердной.
490 Где мне тебя отыскать? Где собрать рассеченное тело?
В поле каком? Иль вернешь ты мне, сын, лишь голову эту?

Ради того ль за тобой по морям я скиталась и землям?
Копья в меня, в меня направьте, рутулы, стрелы,
Первой убейте меня, коль знакома душе вашей жалость!
495 Ты, о богов всемогущий отец, ненавистную небу
Голову мне порази и низринь меня молнией в Тартар,
Чтобы жестокую жизнь хоть так могла оборвать я!»
Стон прошел по рядам потрясенных жалобой тевкров,
Души сковала печаль, надломила силы пред боем.
500 Ту, что сеяла скорбь, подхватили Актор с Идеем
(Илиовой дал им знак и рыдавший горько Асканий),
В дом отнесли на руках, уложили в дальнем покое.

Тут в отдаленье труба пропела громко и грозно,
Следом послышался крик и под небом гулко отдался.
505 Тотчас на приступ пошли, черепахой построившись, вольски,
Тщатся рвы завалить и за вал высокий прорваться,
Подступов ищут везде и по лестницам лезут на стены
Там, где реже ряды, где в строю троянцев нечасто
Бреша видны. Осыпают врагов потомки Дардана
510 Ливнем копий и стрел и шестами сшибают их с лестниц:
Приступ от стен отражать после долгой войны им не внове.
Скатывать стали они с откоса тяжкие глыбы,
Кровлю щитов пытаюсь пробить,— но любые удары
Стойким бойцам нипочем, черепахой построенным плотно.
515 Все ж подались и они: нависавшая грозно громада
Грянулась вниз с высоты, руками сброшена тевкров,
Сомкнутых кровлю щитов прорвала и наземь повергла
Рутулов. Больше враги наступать не решались вслепую,
Только дарданцев со стен пытались прогнать, осыпая
520 Издали стрелами их.
Веткой этрусской сосны потрясает страшный Мезенций,
Рвется к валам с другой стороны и огнем угрожает.
Рядом Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль,
Сам укрепленья крушит и для приступа требует лестниц.

525 О Каллиопа, к тебе и к твоим я сестрам взываю:
Песнь помогите сложить о кровавых подвигах Турна,
Молвите, кто из мужей кого к Ахеронту отправил,
528 Свиток чудовищных битв разверните со мною, богини!

530 Ярусы ввысь вознося перед взором глядевших с равнины,
Башня стояла, заняв наилучшее место для боя;
Приступом взять и разрушить ее италийцы старались,
Все свои силы собрав, все отряды двинув, — но сверху
Сыпались густо на них из бойниц и камни и копьа.
535 Первым Турн в ту башню метнул пылающий факел:
Тотчас стена занялась и огонь, раздуваемый ветром,
Доски настилов объял, затаился в тлеющих балках.
В трепете тевкры спешат от беды убежать — но напрасно!
Только лишь все подались назад и столпились у края,
540 С той стороны, где пожар не пылал, как от тяжести башня
С грохотом рухнула вдруг, и по небу гром прокатился.
Воинов полуживых засыпают руины громады,
Копья свои протыкают им грудь и пронзают обломки
Острых досок. Из всех спаслись только Лик с Геленором.
545 Юностью цвел Геленор; рабыней Ликимнией был он
Тайно рожден меонийцев царю и послан под Трою;
Права он не имел похвалиться пышным оружием,
Меч лишь носил без ножен и гладкий щит без чеканки.
Встав, Геленор огляделся вокруг: отряды латинян
550 Справа стоят и слева стоят, подступивши вплотную.
Словно как загнанный зверь в кольце охотников плотном,
Чуя верную смерть, в исступление несется на копьа,
Чтобы единым прыжком одолеть частокол из рогатин,
Юноша в гущу врагов устремился на верную гибель,
555 Бросился грудью туда, где щетинился пиками чаще
Рутулов строй. А Лик меж врагов, меж клинков занесенных
В бегство пустился к стенам, полагаясь на резвые ноги;
Руку уже протянул он к зубцам, к простертым навстречу
Тевкров рукам — но Турн, с беглецом состязаясь в проворстве,
560 Кинулся следом, крича: «Не от нас ли ты чаешь, безумный,
Целым уйти?» И вот на зубцах повисшего Лика
С силой такой он схватил, что кусок стены обвалился.
Белого лебеда так или зайца кривыми когтями
Мощный хватает орел, громовержца стрелы носящий,
565 Так из овчарни порой от протяжно блеющей ярки
Марсов уносит волк ягненка. Рутулы с громким
Криком бросаются в брешь: одни засыпают землю
Рвы, другие огонь на башни мечут и кровли.
Илионей Луцета сразил обломком утеса

570 В миг, когда с факелом тот в ворота лагеря рвался;
Эматгона Лйгер убил, Азил — Коринея,
Дротиком первый, второй — стрелою, разящей нежданно.
Был Ортигий сражен Кенеем, Кеней-победитель —
Турном, и следом — Промол, Диоксипп, Сагáрис и Клоний,
575 Итис и тот, кто стоял, словно башня огромная, — Идас.
Капис Приверна поверг: его сначала задел лишь
Дротик Темилла, но он, безумец, щит свой отбросив,
К ране руку поднес — и тут стрела подлетела,
К левому боку ладонь пригвоздила и глубже проникла,
580 Путь дыханья в груди рассекая смертельной раной.
Сын Арцента стоял, красотой и убором блистая;
Плащ его алый горел, иберийским окрашенный соком,
Золотом панцирь сиял; Арцент-родитель в сраженья
Сына послал, что в лесах материнских над током Симета
585 Вскормлен был — там, где Паликов алтарь стоит, примеренный.
Сам, оставив копье и пращей свистящею трижды
Круг над собой описав, свинцовый слиток в героя
Метко Мезенций послал: полетел свинец, расплавляясь —
И с разможенным виском на песке противник простерся.

590 В этот день во врага стрелу впервые направил
Юл, что привык устрашать лишь пугливых зверей на охоте:
Молвят, что храброй рукой поверг он наземь Нумана, —
Ремула прозвище тот носил и совсем лишь недавно
С младшею Турна сестрой сочетался браком счастливым.
595 Ремул, достойную речь с похвалой недостойной мешая,
Гордый с царями родством, надутый новою спесью,
Шествовал всех впереди и громко кричал осажденным:
«В третий раз не стыдно ли вам, завоеванным дважды,
Вновь за валами сидеть и от смерти стеной заслоняться?
600 Вам ли, фригийцы, у нас отнимать невест наших с бою?
Кто из богов лишил вас ума и в Лаций направил?
Нет Атридов средь нас, жжеречивого нету Улисса!
Крепкий от корня народ, мы зимой морозной приносим
К рекам младенцев-сынов и водой закаляем студенной;
605 Отроки ухо и глаз изошряют в лесах на охоте,
Могут, играючи, лук натягать и править конями.
Юность, упорна в трудах и довольна малым, привыкла
Землю мотыгой смирять и приступом брать укрепленья.

Пандирей мы не снимаем весь век и, словно стрекалом,
610 Древром копыа погоняем быков, и старости хилой
Наших сил не сломить, не убавить твердости духа.
Мы седины свои прикрываем шлемом, и любо
Нам за добычей ходить и все новыми жить грабежами.
Вам по сердцу наряд, что шафраном и пурпуром блещет,
615 Праздная жизнь вам мила, хороводы и пляски любезны,
С лентами митры у вас, с рукавами тўники ваши,—
Истинно вам говорю: фригианки вы, не фригийцы!
Вас на высокий Диндим созывает Идейская Матерь
Звоном тимпанов своих и двухладным флейты напевом.
620 Право сражаться мужам уступите и сдайтесь сильнейшим!»

Наглой не снес похвальбы и речей обидных Асканий,
Лук он согнул, положил стрелу на конскую жилу,
Руки ширóко развел, лицом к врагу обратившись,
Тверже встал и пред выстрелом так громовержцу взмолился:
625 «Будь к дерзаньям моим благосклонен, о бог всемогущий!
Сам я в храме твоём принесу торжественно жертву:
Там на алтарь бычок с золочеными рожками ляжет,
Белый, который уже сравнялся с матерью ростом,
В гневе песок копытами рыл и бодаться пытался».
630 Отроку вял родитель богов — и в безоблачном небе
Слева гром прогремел; зазвенел и лук смертоносный,
С грозным свистом стрела сорвалась с тетивы напряженной,
Ремуду в череп впиалась и виски ему жалом пронзила.
«Что ж, насмехайся теперь над отвагой нашей, надменный!
635 Рутулы, вот вам ответ завоеванных дважды фригийцев!» —
Юный воскликнул герой, и дружно вторили кличем
Тевкры ему, и радость до звезд сердца вознесла им.
Тою порой с эфирных высот Аполлон пышнокудрый
На авзонийскую рать и на город глядел осажденный;
640 С облака сам приветствовал бог победителя Юла:
«Так восходят до звезд, о сияющий доблестью новой
Отрок, потомок богов и предок! Род Ассарака
Явится, призван судьбой, и конец всем войнам положит.
Троя тесна для тебя!» И, промолвив, бог устремился
645 Наземь с высоких небес, рассекая воздушные струи;
Прямо к Асканию он подошел, изменивши обличье,
Образ Бута приняв (Дарданиду Анхизу он верно

Оруженосцем служил и привратником в старые годы,
Ныне же к сыну его Эней-родитель приставил).
650 Всем старику уподобился Феб — и походкой, и станом,
Голосом, и сединой, и бряцающим грозно доспехом;
Мальчика радостный пыл укротил он такими словами:
«Будет с тебя, мой Энид, и того, что повергнуть Нумана
Мог безнаказанно ты. С изволения великого Феба
655 Первый свой подвиг свершив, ты зависти бога не вызвал,
Меткий стрелок. Но теперь покинь сражения, мальчик!»
Речь он внезапно прервал и скрылся от смертного взора,
Быстро исчезнув из глаз, растворившись в воздухе легком.
Феба и стрелы его узнают предводители тевкров,
660 Слышат, как зазвенел колчан взлетевшего бога.
Волю его и наказ исполняя, с вала уводят
Юла вожди, хоть и рвется он в бой, а сами немедля
В битву вернуться спешат, чтоб опасностям душу подвергнуть.

Крик раздается по всем укреплениям и башням; троянцы
665 Дротики мечут со стен; с тетивы напряженной слетают
Стрелы, равнину вокруг устилая; звенят от ударов
Шлемы рогов и щиты; разгорается жаркая битва.
Так равнину секут, налетая с запада, ливни
В дни, когда в небе горят дожденосные Геде; так зимний
670 На море рушится град, когда Австр, Юпитером послан,
Тучи летучие рвет и взметает влажные вихри.

Пáндар и Битий, сыны Альканора, жителя Иды,—
В роше Юпитера их вскормила нимфа Иера,
Ростом подобных горам или елям лесистой отчизны,—
675 Отперли створы ворот, что охране их вверены были,
И заывают врагов, на отвагу свою полагаясь,
Сами же, встав за стеной, словно башни, справа и слева,
Ждут с мечом, и горят в высоте их гривастые шлемы.
Так на двух берегах, высоко над водою бегучей,
680 Там ли, где Пада поток иль где Атез отрадный струится,
Пышные кроны свои к небесам два дуба вздымают,
Из-за широкой реки головой друг другу кивая.
Рутулы вмиг ворвались, лишь увидели вход отворённый,
Вскоре, однако, Кверцент и Аквйкол в пышных доспехах,
685 Пылкий душою Тмар и Гемон, Маворса любимец,

Или пустились бежать, за собой увлекая отряды,
Иль на пороге ворот полегли и с жизнью простились.
Пуще ярость и гнев сердца бойцов обуяли.
Вскоре у тех же ворот собрались троянцы, дерзая
690 Вылазку сделать и бой завязать наконец рукопашный.

Яростный Турн между тем по другую сторону поля
В битву мужей поднимал; но вестник донес, что погоней
Враг увлечен далеко и стоят открыты ворота.
Тотчас начатый бой покидает вождь и несется
695 В гнев к воротам врага, где стояли надменные братья.
Встретился первым ему Антифат — и первым упал он,
Сын Сарпедона-царя, фиванкой рожденный безвестной,
Дротиком Турна сражен: италийского ветка кизила,
Воздух разрезав пустой, вонзилась в горло, проникнув
700 Дальше в высокую грудь; из глубокой раны волною
Пенной хлынула кровь, и железо в теле согрелось.
После поверг он мечом Эриманта, Меропа, Афидна;
Битий, что шумно дышал и глядел пылающим взором,
Пал — но не дротом простерт, ибо дроту бы жизнь он не
отдал:
705 Мощная пика в него, просвистев, ударила, словно
Молнии быстрой стрела; не сдержала железного жала
Кожа двойная щита и двойной чешуйчатый панцирь,
Весь из пластин золотых,— и огромное рухнуло тело,
И застонала земля, и щит ответил ей звоном.
710 Падает так иногда возле Бай, у Эвбейских прибрежий,
Глыба, когда, из камней изготовив заране громаду,
В море бросают ее, воздвигая мол, и в паденье
Гладь разбивает она и на дне глубоком ложится,
Воды вскипают вокруг, и песок клубится в них темный,
715 Гром, разносясь, сотрясает Прохит и жесткое ложе,
Где по веленью Отца придавлен Тифей Инаримой.

Марс, повелитель войны, латинян силы умножил,
Мужество их подстегнул, вонзив им в сердце стрекало,
Мрачный Ужас наслал и постыдное Бегство на тевкров.
720 Мчат отовсюду враги, настоящего боя дождавшись,
Бог-воитель душой овладел их.
Пандар, когда увидал простертого брата и понял,

С кем Фортуна теперь, как Случай битву направил,
Тотчас же створы ворот поворачивать стал, налегая
725 Мощным плечом изнутри,— и многим воинам Трои
Путь отрезал назад, за стеной их оставив на гибель.
Но, пропуская других, затворяя за ними ворота,
Пандар не видел, увы, среди толпы вбежавшего Турна,—
730 Сам италийцев царя он в лагере запер, безумный,
Словно среди беззащитных овец беспощадного тигра.
Новым огнем загорается взор, грознее оружие
Турна звенит, и на шлеме колышется красная грива,
Мечет молнии медь щита. Устрашенные тевкры
735 Тотчас могучий рост и лицо ненавистное Турна
Все узнают — и навстречу ему выбегает огромный
Пандар, горя отомстить убийце брата, и молвит:
«Здесь тебе не дворец, что хотел за дочкой Аматы
Взять в приданое ты, и не отчей Ардеи стены:
740 В лагерь врагов ты попал, и уж выхода нету отсюда!»
Рутул ему отвечал, улыбаясь и сердцем не дрогнув:
«Что ж, если мужество есть, начинай поединок; расскажешь
Сам ты Приаму о том, что и здесь нашли вы Ахилла».
Вымолвил он,— и копьё с узловатым, покрытым корою
Древком Пандар метнул, изо всех своих сил замахнувшись.
745 Ветер копьё подхватил, Сатурна дочь отвратила
Раной грозящий удар, и в ворота пика вонзилась.
«Видишь копьё в руке у меня? От него не уйдешь ты,
Ибо тебе не чета тот, кто им наносит удары!»
Молвил Турн и, выпрямив стан, мечом замахнулся,
750 Пандара он поразил в середину лба и огромной
Раной рассек и виски, и пушком не покрытые щеки.
Грохот раздался, земля содрогнулась от тяжести страшной:
Пандар всем телом упал и простерся в песке, умирая,
Мозгом обрызган доспех, головы половина склонилась
755 Вправо к плечу, и влево к плечу склонилась другая.
Трепетный ужас погнал энеадов в постыдное бегство.
Если бы вспомнил в тот миг о воротах Турн-победитель,
Если б затворы взломал и впустил соратников в лагерь,
Был бы последним тот день и для битв, и для рода дарданцев.
760 Но, увлеченный слепой, безумной жаждой убийства,
Бросился он за врагом.
Первым Гига настиг и Фалерия рутул, и Гигу

Связки колена рассек. Из убитых выхватив копьа,
В спину он бьет бегущих бойцов; умножает Юнона
765 Силу и храбрость его. Пал Фегей, к щиту пригвожденный,
Галис погиб, а за ним Ноэмон, Аلكандр и Пританий
(Бились они на валах и противника с тыла не ждали).
Громко сзывая друзей, Лиццей устремился на Турна,
Но, врага упредив и клинком замахнувшись проворным,
770 С вала разит его Турн, и, отрублена взмахом единым,
С плеч далеко голова отлетает вместе со шлемом.
Пал истребитель зверей Амик, который всех лучше
Жала копий умел смертоносным смазывать ядом;
Турн Эолида поверг и за ним любезного Музам
775 Спутника Муз, Крефея-певца, которому любо
Мерные песни слагать и бряцать на струнах кифары,
Любо коней воспевать, и битвы мужей, и оружие.

Тевкров вожди наконец, о резне кровавой услышав,
К месту битвы спешат — Мнесфей с отважным Сергестом;
780 Видят: бойцы врассыпную бегут и в лагере рутул.
Молвил Мнесфей: «Куда же еще, куда убежать вам?
Где у вас другие дома, где стены другие?
Как же один человек, от подмоги отрезанный валом,
Граждане, мог пролить безнаказанно в городе вашем
785 Столько крови и в Орк низринуть юношей лучших?
Труссы! Не стыдно ли вам и не жаль несчастной отчизны,
Древних наших богов и великого духом Энея?»
Речью такой зажжены и ободрены, встали и строем
Плотным сомкнулись бойцы, а Турн отступать понемногу
790 К берегу начал — туда, где река опоясала лагерь.
С громким криком его теснят сильней и сильнее
Тевкры, собравшись в отряд; так порою, выставив пики,
Ловчих толпа наступает на льва, а он, ошетинясь,
В страхе свирепо глядит и отходит назад, ибо в бегство
795 Гнев и отвага ему не велят пуститься, а прямо
Броситься против врагов хоть и жаждет он, но не может.
Так же, к дарданцам лицом, отступает шагом неспешным,
Будто бы нехотя, Турн, и в душе его ярость бушует.
Снова на вражеский строй нападает он дважды отважно —
800 Дважды по лагерю вновь разбегаются тевкры в испуге.
Но наконец собрались отовсюду поспешно троянцы,

Турну же силы придать Сатурна дочь не дерзнула,
Ибо Юпитер послал на крылах воздушных Ириду,
Чтобы она отнесла наказ суровый Юноне, —

- 805 Если тотчас же Турн не покинет троянского стана...
Сил не хватает ему щитом от стрел заслоняться,
Меч выпадает из рук; со всех сторон засыпают
Копьями тевкры его; у висков от частых ударов
Шлем протяжно звенит; уступает прочная бронза
810 Граду летящих камней; на гребне растерзана грива;
Гнется выпуклый щит. Умножают удары дарданцы,
Быстрый Мнесфей впереди. По телу Турна стекает
Пота поток смоляной; не хватает дыханья герою, —
Только усталую грудь вздымают хриплые вздохи.
815 Так достиг он реки и, как был, в доспехах тяжелых
Ринулся с берега вниз — и поток в замутненные воды
Принял его и вынес наверх, и омытым от крови
Кроткие волны друзьям победителя Турна вернули.

Книга десятая

- Вновь распахнулся меж тем чертог всемогущий Олимпа;
Всех на совет родитель богов и людей повелитель
В звездный сзывает покой, из которого он озирает
Земли все с высоты, и дарданский стан, и латиняв.
- 5 Боги сошлись в двухвратный покой — и начал Юпитер:
«О небожители, что изменило ваши решения?
Вновь почему разделила вражда озлобленные души?
Я не желал, чтоб Италия шла войною на тевкров.
Что за раздор вопреки моему запрету? Какие
- 10 Страхи заставили вас иль за тех, иль за этих вступиться?
Сроки войны придут в свой черед — торопить их не смейте! —
Римским твердыням когда Карфаген необузданный будет
Гибелью страшной грозить и отверстые Альпы к ним двинет.
Всё расхищайте тогда, во вражде не знайте преграды!
- 15 Ныне же мир и союз заключите в добром согласье». —
Но на короткую речь Отца золотая Венера
Долгую речь произносит в ответ:
«О повелитель людей и природы предвечный властитель!
Кроме тебя, кого умолять мы о милости можем?
- 20 Видишь, как рутулы там ликуют, как перед строем,
Гордый удачей в бою, на прекрасной мчится упряжке
Тури? А троянцам уже не защита ни стены, ни башни:

Битва врывается в стан, одолев и валы, и ворота,
Кровью наполнены рвы. И Эней в неведение бедствий
25 Медлит вдали. Ужель никогда ты не дашь из осады
Вызволить тевкров, отец? К стенам новорожденной Трои
Новые рвутся враги, подступает новое войско!
Вновь на дарданцев Тидид в этолийских собирается Арпах.
Верно, на долю и мне опять достанутся раны,
30 Ибо придется мне вновь против смертного биться оружием.
Если они вопреки твоей божественной воле
В Лаций стремились, то пусть свой грех искупят троянцы,
Помощь утратив твою. Но ведь их вели прориданья
Манов и вышних богов,— почему же всё, что велел ты,
35 Кто-то мог отменить и воздвигнуть новые судьбы?
Стоит ли вновь говорить о сожженном близ Эрикса флоте,
О властелине ветров, и о бешеном вихре, который
Выпущен был из пещер, и о посланной с неба Ириде?
Ныне же, все испытав, что возможно в мире надземном,
40 Манов она призвала, и, внезапно вырвавшись к свету,
Словно вакханка, летит Аллектó по латинским селеньям.
Что мне держава теперь? Только в дни удач уповали
Мы на нее... Ты сам ниспошли, кому хочешь, победу.
Но если нет на земле страны, где приют энеадам
45 Даст супруга твоя,— заклинаю обломками Трои,
Дымом пожарищ ее,— дозволь, чтоб из битв невредимым
Вышел Асканий один, дозволь, чтоб хоть внук мне остался.
Пусть мой скитается сын по морям неведомым снова,
Пусть любимы плывет, что укажет Фортуна, путями,—
50 Мальчика только хочу я спасти средь боев беспощадных.
Есть у меня Амафунт, и высокий Пафóс, и Кифера,
Есть идалийский чертог; пусть, ни войн, ни славы не зная,
Там проживет он весь век. Прикажи — пусть Авзонию тяжкой
Властью гнетет Карфаген: города тирийцев не встретят
55 Больше преград. Что пользы нам в том, что военной напасти
Тевкры избегли, что путь сквозь огонь проложили аргосский,
Что испытали в морях они опасностей столько,
Если новый Пергам ожидал их в крае латинян?
Разве не лучше бы им поселиться там, где стояла
60 Троя, где пепел ее? Симоент и Ксанф, о родителях,
Им, несчастным, верни и судьбу Илиона троянцам
Снова пытаться разреши!» Но в ответ царица Юнона

С яростью ей говорит: «Для чего нарушить молчанье
Ты вынуждаешь меня и тайную боль обнаружить?
65 Кто из богов заставлял и кто из смертных Энея
Вновь войну затевать, враждовать с владыкой Латином?
Знаю, в Италию он по велению рока стремился,
Веря безумным речам Кассандры; но лагерь покинуть
Я ль побудила его и вверить жизнь свою ветру,
70 Войско оставив и стан под началом малого сына?
Мирный народ подстрекать, добиваться с тирренцем союза?
Кто из богов на него наслал беду? Уж не я ли
Властью жестокой моей? Но при чем тут Юнона с Иридой?
Значит, преступно лишь то, что с огнем к новорожденной Трое
75 Рать италийцев спешит и отчизну Турн охраняет,
Внук Пилумна и сын Венилии, славной богини?
Вправе троянцы зато чужие захватывать пашни,
Грабить, вторгаясь в страну латинян с факелом черным,
Вправе невест уводить, выбирая тестя любого,
80 Кротко о мире молить — и оружие вешать на мачтах?
Если могла ты спасти от рук ахейцев Энея,
Воздух пустой и туман под мечи вместо сына подставив,
Если в нимф ты могла корабли превратить — почему же
Права мне не дано помогать моим италийцам?
85 Медлит Эней в неведение бед,— пусть медлит он дольше!
Есть у тебя и Пафós, и Кифера, и храм Идалийский,—
Город, чреватый войной, и сердца суровые что же
Ты искушаешь? Ужель это я обломки фригийской
Мощи низвергнуть хочу? Кто троянцев предал ахейской
90 Мести? Причиной какой и Европа и Азия были
К брани подвигнуты? Кто разрушил мир похищением?
Спарту приступом взять обольстителю я ль помогала,
Я ли оружие дала, вождельем взлелеяла войны?
Надобно было тогда за своих опасаться, теперь же
95 Тяжбу не в пору вести и бросать понапрасну упреки».

Так говорила она. Кто одной, кто другой сострадав,
Боги взроптали вокруг. Так порывы первые ветра
Ропщут, встречая в пути преграду рощи, и смутный
Шорох вершин возвещает пловцам приближение бури.
100 Тут всемогущий Отец, верховный мира владыка,
Начал, и, внемля ему, небожители смолкли в чертоге,

В страхе глубины земли и выси небесные смолкли,
Стихли Зефиры, и зыбь улеглась на море безбурном.
«Запечатлейте в душе то, что вам теперь возведу я:
105 Если нельзя союзом связать авзонийцев и тевкров,
Если меж вами раздор бесконечен, — будут отныне,
Кто бы каких надежд ни питал, какая бы участь
Их ни ждала, равны для меня троянец и рутул, —
Судьбы повинны ли в том, что тевкры снова в осаде,
110 Иль в заблужденье ввела их ложь безумных пророчеств.
Воли и рутулам я не даю. Пусть каждый получит
Долю трудов и удач. Для всех одинаков Юпитер.
Пусть без помех вершится судьба!» И, кивнув головою,
Стикса струей смоляной и пучиной черной поклялся
115 Бог, и Олимп задрожал, потрясенный его мановеньем.
Этим и кончил он речь и с престола встал золотого,
И небожители все проводили его до порога.

Рутулы тою порой ко всем подступают воротам,
Стены огнем окружив и троянских бойцов истребляя.
120 Заперт их легион в кольце валов осажденных,
Нет им надежды бежать. На высоких башнях, по стенам
Редким строем стоят понапрасну несчастные тевкры.
Азий, Имбраса сын, престарелый Кáстор и Тíмбрид,
Два Ассарака, Тимет, Гикетáона сын, занимают
125 Место в первом ряду, и меж них — сыновья Сарпедона,
Клар и Темон, что к Энею пришли с Ликийских нагорий.
Вот огромный валун, горы немалый обломок,
Акмон лирнесец несет, напрягая могучие плечи,
Клиту растом отцу под стать и брату Мнесфею.
130 Катят камни одни, другие копьями бьются,
Мечут огонь иль с тугой тетивы стрелу посылают.
Юл — воистину он попеченья Венеры достоин —
Блещет в троянском строю, головы не покрыв благородной, —
Так самоцвет в цепи золотой, обвивающей шею
135 Или чело, меж звеньев горит, так дивным искусством
В букс ли оправлена иль в теребинт орикийский, сверкает
Ярко слоновая кость; лишь из гибкого золота обруч
Кудри Юла прижал, ниспадавшие вольно на плечи.
Видели также тебя племена отважные, Исмар,
140 Как ты раны средь них ядовитыми стрелами сеял,

Исмар, рожденный в краю Меонийском, где тучные нивы
Мошные пашут мужи и Пактол золотой орошает.
Был средь бойцов и Мнесфей, лишь вчера вознесенный высоко
Славой за то, что прогнал он проникшего за стену Турна,
145 Был и Кáпис, что дал кампанскому городу имя.
Так меж собой племена в беспощадных битвах рубились.

Плыл между тем по волнам Эней среди ночи глубокой,
Ибо, когда от Эвандра пришел он в лагерь этрусский,
Там предстал пред царем и назвал ему имя и род свой,
150 Все рассказав: и с чем он пришел, и зачем, и какое
Войско Мезенций собрал, примкнув к свирепому Турну,
Также напомнил о том, сколь дела людские непрочны,
К речи прибавив мольбы,— Тархóн, ни мгновенья не медля,
С ним союз заключил. От запретов рока свободен,
155 Выходит лидийский народ на суда, по веленью всевышних
Вверясь пришельцу-вождю. Дарданида корабль выплывает
Первым; стоят на носу фригийские львы, и над ними
Ида возносится вверх, любезная изгнанным тевкрам.
Тут и сидел родитель Эней, о войне размышляя
160 И о превратностях битв, а Паллант прильнул к нему слева,
Мужа расспрашивал он о ночных путеводных светилах
И обо всем, что вынес Эней в морях и на суше.

Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона,
Песнь о мужах, что в Этрусской земле ополчились, начните,
165 Молвите, кто снарядил корабли и пошел за Энеем.

Массик плывет впереди на «Тигре», окованном медью,
Тысячу юношей он ведет, покинувших стены
Козы и Клузия: все за плечами носят колчаны,
Легких полные стрел, и копье, и лук смертоносный.
170 Рядом — грозный Абант; доспехами пышными блещет
Вся его рать, и горит на корме Аполлон золоченый.
С ним Популония-мать шестьсот послала отважных,
Опытных в битвах мужей, и остров Ильва три сотни,—
Край, где халибский металл в нескудеющих недрах родится.
175 Третьим едет Азил, толкователь бессмертных и смертных;
Чрева отверстые жертв и светила подвластны Азилу,
Внятен пернатых язык и зарницы вешие молний.

Сомкнутым строем мужей копыеносный отряд его грозен,
Тысячу Пиза бойцов дала ему под начало
180 (Пизу в Этрусской земле основали пришельцы с Алфея).
Астир, наездник лихой, пестроцветным сверкая доспехом,
Ратников триста ведет, в стремленье к битвам единых;
Цере — отчизна одним, с берегов Миниона другие,
Третьи — из древних Пирг и туманной Грависки явились.

185 Можно ль тебя не назвать, о Кинир, лигурийцев отважный
Вождь, и тебя, Купавон, с малочисленной ратью прибывший,
Чье осенили чело лебединые белые перья,
В память о горькой любви и чудесном отца превращенье?
Ибо в тот час, когда Кикн, о любимом скорбя Фазтоне,
190 Пел под сенью сестер, в тени тополей густолистных,
Боль души и любовь утишая силою Музы,
Мягкими перьями вдруг, как сединами старец, одевшись,
Дол он покинул и взмыл с протяжной песнею к звездам.
Сын его по морю плыл с отрядом сверстников храбрых,
195 Весла мчали вперед корабль, и кентавр исполинский
С носа на волны глядел, угрожая им камнем огромным,
И по воде борозда за длинным килем тянулась.

Также и Окн привел отряд из отчего края,
Тибра этрусского сын и Манто, провидицы вёщей;
200 Стены тебе он, Мантуя, дал и матери имя.
Мантуя, предки твои от разных племен происходят:
Три здесь народа живут, по четыре общины в каждом;
Кровью этрусской сильна, их столицей Мантуя стала.
Рать в пятьсот человек этот край на Мезенция выслал,
205 Минций, Бэнака сын, тростником увенчанный бледным,
По морю вел сосновый корабль, на врага устремленный.
Плыл и могучий Авлест, и взметенная сотнею вёсел
Водная гладь за кормой беломраморной пеной вскипала.
Судно влечет могучий Тритон, пугая просторы
210 Раковиною своей; голова человечья и плечи,
Как у пловца, поднялись над водой, а кончается тело
Рыбьим хвостом; рокочет волна у груди полузверя.
Лучшие эти вожди на помощь Трое спешили,
На тридцати кораблях бороздя соленое море.

215 День между тем угас в небесах, и ночная упряжка
Фебы благой полпути пролетела по высям Олимпа.
Но и во мраке Эней от забот не знает покоя,
Сам у кормила сидит и сам паруса направляет.
Вдруг посредине пути повстречался герою неожиданно
220 Хор его спутниц былых — тех нимф, что нимфами стали
И божествами морей по веленью великой Кибелы.
Рядом плыли они, словно в дни, когда были челнами, —
Столько же их, сколько прежде судов на причале стояло, —
И, лишь завидев царя, окружили его хоромодом.
225 Та, что была среди них всех речистей — Кимодокея, —
Судно догнав, за корму схватилась правой рукою,
Левою стала грести, поднимаясь из волн молчаливых,
И говорить начала: «Ты спишь, богами рожденный?
Встань ото сна и канаты ослабь, паруса распуская!
230 Сосны мы, те, что росли на вершине Иды священной,
После — твои корабли, а ныне — нимфы морские.
В час, когда рутул грозил нам коварно огнем и железом,
Мы, поневоле порвав причалов пути, пустились
В море отыскивать вас. Ибо сжалилась Матьер над нами,
235 Нам повелев богинями стать и жить средь пучины.
Знай же: Асканий теперь за стенами заперт и рвами,
Копий кольцом окружили его одержимые Марсом
Рутулы. Пусть отважный этруск и всадник аркадский
Встали уже на места — против них намерен направить
240 Турмы конные Турн и не дать им к стану пробиться.
Встань же с зарей, призови к оружию союзников новых,
Чтобы врагов упредить, и возьми свой щит, что окован
Золотом весь по краям, огнемощного бога создавье.
Завтрашний день — коль мои не сочтешь ты напрасными
245 Многих латинян узрит, в беспощадной поверженных битве».
Молвив, она отплыла, но сначала рукою умелой
С силой толкнула корму — и корабль полетел меж зыбями,
Скоростью споря с копьем иль стрелой, настигающей ветер.
Следом и все корабли убыстряют свой бег. В изумленье
250 Вести внимал Анхизид, но, ободренный знаменьем новым,
Взор устремил к небесам и вознес молитву Кибеле:
«Матьер благая богов, возлюбившая горы Диндима,
Башни, и стены, и львов, в колесницу парой впряженных!

255 Будь нам в битвах вождем, приблизь исполнение вещаний,
Вновь низойди благосклонной стопой к фригийцам, богиня!»
Так он сказал. Между тем заалела заря, воротилось
Утро, и темную ночь лучи его с неба прогнали.
Прежде всего приказал Эней друзьям, чтобы каждый
260 В битву готов был идти и послушен первому знаку.
Вот уж и тевкров своих, и лагерь отпрыск Анхиза
Видит с высокой кормы, и когда на солнце горящий
Поднял он щит на левой руке,— до небес долетели
Крики дарданцев со стен; разжигают их ярость надежды,
265 Стрелы их чаще летят. Так весной к потокам Стримона
В небе плывут журавли, окликаемая друг друга протяжно,
Между мятущихся туч уносимые Нотом попутным.
Крикам дивились и Турн, и вожди авзонийцев, покуда
К берегу мчавшийся флот не заметили все, оглянувшись,
270 Не увидали судов, подлетающих по глади все ближе.
Шлем горит на челе, пламенеет грива на гребне,
Выпуклый щит золотой посылает огненный отсвет,—
Так в прозрачной ночи среди звезд алеет зловеще
Пламя кровавых комет или Сириус всходит, сверкая,
275 Жажду с собой принося и поветрия людям недужным,
Жаром зловредным своим удручая широкое небо.

Турн один среди всех не утратил спесивой отваги:
Верит, что берег займет и прибывших не пустит на сушу.
«Срок желанный настал с врагом схватиться вплотную!
280 Марс, о мужи,— он в наших руках! Пусть каждый, сражаясь,
Помнит свой дом и жену, пусть великие подвиги предков
Каждый в душе воскресит. Так захватим берег, покуда
Строем не стали враги и неверны шаги их на суше.
С теми Фортуна, кто храбр!»
285 Молвит он так — и в душе размышляет, кого за собою
К морю вести и кому поручить осажденные стены.

Той порою Эней высаживал на берег войско,
Сходни спустив с кормы. Отливом затихшего моря
Пользуясь, многие вниз в неглубокую прыгают воду
290 Или по веслам скользят. А Тархон, приметивши место,
Где не бушует прибой, не рокочет волна, разбиваясь,
Но далеко на песок набегают вал безопасный,

Тотчас корабль направляет туда и соратников молит:
«Воины, славная рать, налегайте сильнее на весла,
295 Мчите, гоните челны! Пусть во вражью землю вонзятся
Острые ростры, пусть киль бороздой ее ранит глубокой!
Что мне с того, что корабль разобьется, с разлету ударясь,—
Только бы на́ берег нам скорей ступить!» И едва лишь
Речь окончил Тархон, как гребцы, на скамьях приподнявшись,
300 К пашням Латинским челны, покрытые пеной, погнали.
Врезались в берег суда, и в дно их кили зарылись,
Все невредимы — лишь твой, о Тархон, корабль быстроходный
Встал на мели, налетев на песок, нанесенный волнами.
Долго противился он, шатаясь, напору прибоя,
305 Но раскололся — и вот мужи в воде очутились;
Плавают вокруг и мешают идти им обломки и доски,
Зыбь сбивает их с ног и, отхлынув, относит от суши.

Времени Турн между тем не терял, но все свое войско
К морю повел за собой и построил, чтоб недруга встретить.
310 Трубный разносится звук, и — добрый знак! — нападает
Первым Эней на полки земледельцев — и первую жертвой
Воин латинский упал: бегом навстречу герою
Бросился мощный Терон, но, пробив его медные латы,
Туники ткань разорвав, тяжелой от золота, в ребра
315 Впился Эней клинок. И Лихас пал, посвященный
Фебу: он был извлечен из утробы матери мертвой,
Но лишь младенцем ему удалось избегнуть железа.
Пали Гиас и Киссей, валившие палицей толстой
Толпы врагов: ни сила рук, ни оружие Алкида
320 Их не спасли, ни родитель Меламп, Геркулеса помощник,
С ним неразлучный, докол земля отягчала трудами
Бога. Бросает Эней в понапрасну вопившего Фара
Дрот — и в раскрытых устах застревает острое жало.
Пал бы и ты, о Кидон, за возлюбленным следуя новым,
325 Клитом, чьи щеки покрыл впервые пушок золотистый,
В прахе лежал бы и ты, от руки Дарданида погибнув,
Страстью, что к юношам лишь тебя влекла, не тревожим,
Если бы братья твои не примчались когортой сплоченной,
Форка сыны; как один, все семеро копыя бросают,
330 Но отскочили они от щита и шлема Эней
Или, Венерой благой отклоненные, только задели

Тело ему. Тут верному царь промолвил Ахату:
«Копья подай! Из них ни одно не метнет понапрасну
В рутулов эта рука: ведь под Троей не раз оставались
335 Копья мои у аргивян в груди!» И, промолвив, схватил он
Пику и бросил ее, и она у Меона с разлета
Медь пробивает щита и сквозь панцирь в грудь проникает.
Брат Альканор подбегает к нему, чтоб Меона в паденье
Правой рукой поддержать, но копьё, не утративши силы.
340 Дальше бег свой стремится и пронзает плечо Альканору,
И, омертвев, повисает рука, держась лишь на жилах.
Нумитор, вырвав копьё из тела брата, в Эней
Мегит,— но поразить не дано ему было героя:
Только Ахата в бедро могучего ранила пика.
345 Юной силою горд, подбегает воитель из Курий,
Клавз, и Дриопа разит он издали пикой негибкой;
Брошена сильной рукой, говорившему что-то Дриопу
В горло вонзилась она, и речь и жизнь обрывая;
Вниз лицом он упал и кровью густой захлебнулся.
350 Трое фракийских бойцов, Борея дальних потомков,—
Идас-отец их прислал из отчого Исмара в битвы,—
Клавза рукой сражены, погибли от ран. Подбегает
С войском аврунков Алез, и Мессап, Нептунова отрасль,
Мчит на прекрасных конях. И одни, и другие стремятся
355 Вспять врагов оттеснить. На пороге Авзонии битва
Грозно кипит. Так ветры порой, враждуя в эфире,
Борются между собой, равны отвагой и силой,
И не хотят уступить ни они, ни море, ни тучи:
Долго упорствуют все, и неясен исход их сраженья.
360 Так же троянская рать с латинской ратью схватилась,
Грудью в грудь, нога к ноге, противники бьются.

В поле с другой стороны, где поток весенний оставил
Множество шатких камней и с обрыва смытых деревьев,
Дрогнул аркадцев отряд, непривычных к пешему строю
365 (Местность неровная их заставила седла покинуть);
В бегство пустились они от латинян, в погоне упорных.
Это увидев, Паллант — что еще в нужде остается? —
Доблесть друзей стремится зачесть то мольбой, то упреком:
«Что же бежите вы все? Эвандра именем громким,
370 Славою деяний его и былых побед и надеждой

Сына сравняться с отцом и стяжать хвалу — заклиною:
В бегстве спасенья себе не ищите! Мечами должны мы
Путь прорубить! Туда, где враги лавиной густою
Мчатся на нас, отчизна зовет и вас и Палланта.

375 Нас не боги теснят: противник преследует смертный
Смертных,— не меньше у нас и сердец, и рук, и оружия!
Стойте! Волна преграждает нам путь, кончается суша:
Некуда дальше бежать! Иль помчитесь вы по морю в Трою?»
Так он промовил — и сам врубился в гущу латинян.

380 Первым злая судьба послала навстречу Палланту
Лага: тяжелей поднять хотел он камень, нагнувшись,
Но размахнулся Паллант и копьё вонзил ему в спину
Там, где ребра хребет раздвигает,— и вытащил с силой
Жало копья из костей. Тут Гисбон, напрасно надеясь
385 Юношу первым сразить, нападает, забыв осторожность,—
Ум помрачил ему гнев и боль за убитого друга,—
Но принимает его на клинок Паллант и вонзает
В легкое меч. Анхемол, старинного рода потомок,
Рета дерзостный внук, осквернивший мачехи ложе,

390 Пал на латинских полях, и Сфений, и Тимбер с Ларидом,—
Давка сыны-близнецы, меж собой вы были похожи
Так, что мать и отец в заблужденье сладостном часто
Путали вас,— но отнял Паллант ваше сходство жестоко:
Голову, Тимбер, тебе мечом Эвандра отсек он,

395 Правая прочь от плеча отлетела рука у Ларида,
Пальцы щупают меч, в содроганье предсмертном сжимаясь.
Речью вождя зажжены, на его деянья аркадцы
Смотрят — и вновь на врага посылают их стыд и обида.
Сбросил Ретей Паллант с колесницы двуконной, в которой

400 Мимо летел он,— и тем отсрочилась Ила погибель:
Ибо в Ила Паллант нацелил издали пику,
Но под удар попал Ретей, от вас убежавший,
Братья отважные, Тир и Тевтрант; с колесницы упал он,
В землю латинскую бьют стопы в содроганьях предсмертных.

405 Словно как знойной порой, когда ветер подует желанный,
В разных местах поджигает пастух жнивье — и, достигнув
Вмиг середины стерни, воедино сливается пламя,
Строем широким летит по полям Вулканово войско,
Он же, ликуя, с холма на пожар победный взирает,—

410 Так воедино слилась и доблесть друзей, загоревшись:

450 «Или доспех, что с тебя я сорву, прославит Палланта,
Или прекрасная смерть. Отец к обоим исходам
Равно готов. Угрозы оставь!» И, промолвив, средь поля
Встал Паллант — и в груди застыла кровь у аркадцев.
Спрыгнул и Турн с колесницы своей, чтобы пешим сражаться.
455 Сходятся ближе враги. Словно лев, что, завидев с утеса
В поле далёко быка, к смертельной готового схватке,
Мчится, — так Турн подлетел, подобный хищному зверю.
Видя, что враг подошел на бросок копья, и решившись
Первым напасть, — если храбрым помочь при силах неравных
Жребий может, — Паллант к небесам с мольбой обратился:
460 «Гостеприимством отца и столом, за которым однажды
Ты пришельцем сидел, Алкид, тебя заклинаю:
Подвиг свершить помоги! Пусть увидит Турн, умирая,
Как снимаю с него доспехи я, победитель!»

Слышит Палланта мольбу и глубоко в груди подавляет
465 Горестный стон Геркулес и слезы льет понапрасну.
Сына Юпитер меж тем утешает ласковой речью:
«Каждому свой положен предел. Безвозвратно и кратко
Время жизни людской. Но умножить днями славу —
В этом доблести долг. Под высокими стенами Трои
470 Многие дети богов погибли. Мною рожденный
Пал в их числе Сарпедон. Знай, судьба уже призывает
Турна, и близок конец ему отмеренной жизни».
Так он промолвил и взор отвратил от пашен латинских.

С силой Паллант между тем метнул копье — и немедля
475 Меч сверкающий свой из полых выхватил ножен.
Вровень с плечом, одетым в броню, ударила Турна
Пика, у края щита пробив дорогу с разлета,
Но лишь задела слегка могучее рутула тело.
Турн, потрясая копьем с наконечником острым железным,
480 Целился долго — и вот во врага послал его, молвив:
«Сам погляди, не острей ли у нас наточены копья!»
Так он сказал. В середину щита пришелся тяжелый
Турна удар, — и, пробив многослойную медь и железо,
Бычьей кожи прорвав, одевавшие щит, наконечник
485 Юноше в ребра впился, не задержанный панцирем прочным.
Вытащить хочет Паллант копье из раны — но тщетно:

Кровь из тела и жизнь одним путем утекают.
Ранюю вниз умирающий пал; загремели доспехи;
К вражьей земле он приник обгагранными кровью губами.
490 Встал над поверженным Турн:
«Слово мое,— он сказал,— передайте Эвандру, аркадцы:
Сына ему возвращаю таким, каким заслужил он
Видеть его. Почетный курган, обряд погребальный —
Все в утешенье отцу я дарю. За союз с иноземцем
495 Платит недешево он!» И, промолвив, царь наступает
Левой ногою на труп, чтобы перевязь снять золотую:
Дев преступленье на ней, и фалангу мужей, умерщвленных
В первую брачную ночь, и залитые кровью чертоги
Клон Эвритид на литом отчеканил металле искусно.
500 Полон радости Турн и горд прекрасной добычей.
О человеческий дух! Судьбы он не знает грядущей,
Меры не может блюсти, хоть на миг вознесенный удачей!
Время настанет — и Турн согласится цену любую
Дать, лишь бы жив был Паллант, и добычу и день поединка
505 Сам проклянет. Аркадцы кладут, стеная и плача,
Юноши тело на щит, и друзья уносят героя.
Вновь ты вернешься домой, о родителя горе и гордость!
Тот же унес тебя день, который в битву отправил,
Но и короткий свой путь ты устлал телами убитых.

510 С вестью о страшной беде не Молва, но нарочный верный
Тотчас к Энею летит: на краю гибели тевкры,
Самое время прийти разбитой рати на помощь.
Встречных косит клинком и сквозь вражеский строй пролагает
Путь широкий Эней: к тебе стремится он, гордый
515 Кровью пролитой Турн. Всё стоит у него пред глазами
Старец Эвандр, и Паллант, и столы, к которым явился
Он пришлецом, и пожатия рук... Рожденных в Сульмоне
Юных бойцов четверых и вспоенных Уфентом столько ж
В плен живыми берет, чтобы в жертву манам принести их,
520 Вражеской кровью залить костра погребального пламя.
После в Мага метнул он издали грозную пику,
Но пролетела над ним, увернувшись с ловкостью, пика,
Сам же Маг, колена врага обнимая, взмолился:
«Тенью Анхиза тебя заклинаю, надеждами Юла:
525 Ради отца моего, ради сына жизнь подари мне!

В доме высоком моем серебра чеканного много,
Золота много лежит в изделиях и слитках тяжелых,
Скрыто в земле. Решится не здесь победа троянцев,
Воина жизнь одного для исхода войны безразлична».

530 Так он сказал, и ему Эней на это ответил:
«Золото и серебро, которыми ты похвалялся,
Для сыновей сбереги: торговаться о выкупе поздно,
Выкупы Турн отменил, когда отнял он жизнь у Палланта.
Так же решают и Юл, и Анхиза родителя маны».

535 Вымолвив, голову он откинул Магу, схватившись
Левой рукою за шлем, и клинок погрузил ему в горло.
Феба и Тривии жрец Гемонид вдали показался,
Были виски у него обвиты священной повязкой,
Пышный доспех на солнце горел и одежда сверкала.

540 Бросился он от Энея бежать, но упал, и троянец
Сверху вонзил в него меч и укрыл его тьмой непроглядной,
Снял же доспехи Серест, чтоб царю посвятить их Градиву.
Снова бойцов собирают в ряды рожденный Вулканом
Цекул и храбрый Умброн, от Марсийских нагорий пришедший.

545 Яростно бьется Эней. Отсекает он левую руку
Анксору, — и со щитом отлетела она под ударом.
Веря, что сила — в словах, говорил надменные речи
Анксур не раз и душой до небес возносился, быть может,
Сам он себе и седины сулил, и долгие годы.

550 Вышел навстречу Тарквит, сверкающим гордый оружием
(Фавном, богом лесным, он рожден был и нимфой Дриопой),
Гневный героя напор сдержать он хотел, но с размаху
Пикой ударил Эней, и кольчугу и щит отягчая
Весом ее, и голову снес умолявшему тщетно,

555 Долгую речь оборвав, и упавшее теплое тело
Навзничь он повернул, и промолвил враждебное слово:
«Воин грозный, лежи отныне здесь! Не зароет
Прах твой добрая мать, не почтит родовою гробницей:
Хищные птицы тебя разнесут или волны в пучину

560 Смоют, и к ранам твоим присосутся голодные рыбы».
После погнался Эней за Антеем и Лúкой, что бились
В первых рядах, и за Нумой лихим, и за рыжим Камертом
(Был угождями он богаче всех авзонидов,
Царь молчаливых Амикл, благородным рожденный
Вольцентом).

565 Словно встарь Эгеон, про которого молвят, что сотня
Рук была у него, и полсотни уст, изрыгавших
Пламя, и тел пятьдесят, что от молний Отца заслонялся
Он полусотней щитов, пятьдесят мечей обнажая,—
570 Так победитель Эней по всей равнине носился,
С теплым от крови клинком. Колесницу Нифея заметив,
Против четверки коней упряжных устремился он грудью.
Грозно крича, широко он шагал колеснице навстречу,—
Кони, завидев его, метнулись в испуге,
Сбросив Нифея и мча колесницу пустую к побережью.
575 Но вылетает еще скакунов белоснежная пара;
Лигер держит бразды и конями правит, а рядом
Брат его, быстрый Лукаг, вращает мечом обнаженным.
Юношей яростный пыл преисполнил гневом Энея,
Тотчас занес он копьё и, огромный, встал перед ними.
580 Лигер сказал:
«Не Диомеда коней, не упряжку Ахилла ты видишь,
Здесь — не Пергама поля: и войну и жизнь ты окончишь
Нынче на этой земле!» Безрассудные Лигера речи
585 Слышны далёко вокруг, но в ответ не желает ни слова
Молвить троянский герой,— лишь в противника дротик
бросает.

Весь наклонившись вперед, погоняет ударами пики
Резвую пару Лукаг и, левую выставив ногу,
К схватке готовится он — но Энеев дрот пробивает
590 Нижнее поле щита и в пах впивается левый,
Падает мертвым Лукаг, по равнине катится тело.
Благочестивый Эней проводил его словом недобрим:
«Нет, не медленный бег скакунов твою колесницу
Предал, Лукаг, и не призрак пустой на противников не дал
Ей налететь: ты сам соскочил и упряжку покинул!»
595 Молвив, схватил он коней под уздцы — с колесницы
несчастный

Лигер упал и к нему протянул безоружные руки:
«Ради тебя, ради тех, кто тебя родил столь могучим,
Сжался, троянский муж, не губи молящего душу!»
600 Долгие просьбы Эней прервал: «Не такие недавно
Речи ты вел! Так умри! Расставаться братьям не гоже!»
Молвив, рассек он Лигеру грудь и выпустил душу.
Так летел по полям предводитель дарданцев и всюду

Сейл смерть, словно яростный смерч иль поток в половодье,
А уж навстречу ему из лагеря мчался Асканий,
605 Тевкры летели, прорвав кольцо напрасной осады.

Той порою к себе призвал Юпитер Юнону:
«Что же ты скажешь, сестра и любезная сердцу супруга?
Вправду ль сбылось, что предвидела ты? Помогает Венера
Тевкрам и впрямь, и нету у них ни проворных в сраженье
610 Рук, ни ярости нет в душе, ни стойкости в бедах?»
Кротко Юнона ему отвечала: «Супруг мой прекрасный!
Скорбную зря не тревожь! Мне страшны твои гневные речи.
Если бы прежней была и такой, какой подобает,
Сила твоей любви,— хоть в одном бы ты, всемогущий,
615 Мне не мог отказать: чтобы я невредимым из битвы
Вынесла Турна, спасла бы его для родителя Давна.
Но суждено ему умереть и невинною кровью
Тевкрам за все заплатить, хоть он и нашего рода,
Ибо прапрадед ему — Пилумн, хоть нередко дарами
620 Щедро он сам отягчал твоих святилищ пороги».
Кратко сказал ей в ответ повелитель высот Олимпийских:
«Если для юноши ты, обреченного гибели скорой,
Просишь отсрочки и ждешь на то моего дозволения,—
Турна заставь убежать, у судьбы настагающей вырви.
625 В этом я волен тебе угодить. Но если таится
В просьбах твоих о большем мольба, если ты замышляешь
Бить исход изменить, знай, напрасны эти надежды».
Молвит Юнона в слезах: «О, когда бы ты согласился
В сердце на то, на что согласиться вслух не желаешь.
630 Турну оставил бы жизнь... Но ему лишь смерть остается,
Иль заблуждаюсь я... О, если б так, если б сердце томилось
Тщетной тревогой и ты — ты ведь можешь! — смягчил
приговор свой!»

Так сказала она и с высоких небес устремилась,
Воздух вихрями взвив, облеченная облаком плотным,
635 Прямо к троянским войскам, к лаврентскому лагерю тевкров.
Здесь, из тумана соткав бессильный призрак летучий,
Образ Энея ему придает богиня,— о чудо! —
Всем снаряжает его: и щитом, и дарданским доспехом,
Поступь, божественный лик героя — всё повторяет,
640 Голос влагает в уста — только звук пустой без значенья.

Тенью такой, говорят, человек после смерти витает,
Лживые сны таковы, что морочат спящие чувства.
Словно ликующий вождь, перед строем вьется троянским
Призрак и Турна зовет, и копьем, и голосом дразнит.
645 Только лишь рутул, напав, метнул свистящую пику,—
Призрак к нему повернулся спиной и в бегство пустился.
Тотчас поверил Турн, что воистину враг отступает,
Дух помраченный его загорелся напрасной надеждой.
«Что же бежишь ты, Эней, перед свадьбой покинув невесту?
650 Землю, к которой ты плыл, от меня ты сегодня получишь!»
Так, потрясая мечом, он кричал и, преследуя призрак,
Не замечал, что радость его развеяна ветром.
Вдруг, причален к скале, перед ним корабль оказался,
Спущены лестницы вниз и на берег проложены сходни,—
655 Прибыл на нем из Клузийской земли владыка Осиний.
Тотчас на судно взлетел Эней трепетный призрак,
Чтобы укрытые найти,— но, препятствия все презирая,
Турн вдогонку за ним по высоким сходням взбегает.
Только на палубу он ступил, немедля Юнона
660 Оборвала причальный канат, и, влекомый отливом,
В море понесся корабль. Из укрытья ненужного призрак
Быстро взмыл в высоту и смешался с темным туманом.
Рутула ищет меж тем и на бой Эней вызывает,
Встречных врагов по дороге разит, предавая их смерти,—
665 Турна же ветер несет посреди широкого моря,
Смотрит он вспять и, руки подняв, в неведение судеб
Небу такие слова вместо слов благодарности молвит:
«О всемогущий Отец, неужели такого позора
Счел ты достойным меня и такую кару послал мне?
670 Где я? Куда я несусь? Кем вернусь из нежданного бегства?
Вновь увижу ли я лаврентского лагеря стены?
С теми, кто вышел за мной на бой,— что станется с ними?
Всех — о нечестье! — друзей я покинул на страшную гибель,
Вижу: в смятенье они разбрелись, умирающих стоны
675 слышу... Что делаю я? Где земля разверзнется бездной,
Чтобы меня поглотить? Хоть вы пожалейте, о ветры!
Турн по воле своей вас молит: на скалы, на камни
Мчите проклятый корабль и на мели свирепые бросьте,
Чтобы ни рутулы там, ни молва меня не настигла!»
680 Так он в тоске говорил и душою метался, колеблясь,

Броситься ль грудью на меч и, великий позор искупая,
Сердце пронзить беспощадным клинком в порыве безумном,
В море ли прыгнуть и плыть к излукам берега дальним,
Чтобы снова пойти под удары копий троянских.
685 Трижды пытался Турн совершить и то и другое,—
Сжалившись, трижды его удержала царица Юнона.
По морю быстро скользит между тем корабль, и относят
Турна прибой и прилив к столице Давна старинной.

В битву на смену ему, подстрекаем Юпитером, вышел
690 Грозный Мезенций, напав на ликующих тевкров нежданно.
Тут же тирренская рать, подбежав, его окружает;
Всем ненавистен один, в одного направлены копьа.
Он же подобен скале, что в морском просторе далёко
Высится, ярости волн отовсюду открыта, и ветров
695 Натиск выносит двойной и удары моря и неба,
Но не дрогнет вовек. Сражены Мезенцием, пали
Гебр, Долиха́она сын, и Латаг, и Пальм убежавший:
Тяжким обломком горы, огромным камнем ударил
Он Латага в лицо, а Пальму подсек под коленом
700 Жилы, и рухнул в песок непроворный беглец, а Мезенций
Лавзу добытый доспех подарил и шлем пышногривый.
Был и Эвант им убит, и Париса спутник и сверстник,
Сын Амика Мимант, рожденный жрицей Феано
В ту же самую ночь, когда в чреве носившая факел
705 Дочь Киссея на свет родила Париса; но в Трое
Пал Парис, а Мимант под Лаврентом лежит, позабытый.
Если согнанный с гор собак кусливою сворой
Вепрь, которого бор на склонах Вёзула диких
Долгие годы скрывал иль который средь топей Лаврентских
710 Пасся в густых камышах, а теперь попался в тенета,
Злобно ворчит и на месте стоит, ошетинив загривок,—
Издали ловчие все, подойти к нему ближе не смея,
Дроты бросают в него и кричат с безопасного места;
Так и бойцам, в ком по праву сильна на Мезенция злота,
715 Меч обнажить и напасть на него не хватает отваги,
Все лишь поодаль шумят и мечут копьа и стрелы,
Он же стоит до поры, вокруг озираясь без страха,
Только зубами скрипит, отряхая бессильные копьа.
С тусками прибыл Акрон из пределов старинных Корита;

720 Родом грек, он бежал из отчизны, не справивши свадьбы.
Видит Мезенций: Акрон средь смятенного носится войска,
Пурпуром перья горят и плащ — подарок невесты.
Если несытый лев, что у хлева высокого рыскал,
Движимый голодом злым, заметит проворную серну
725 Или высокие вдруг рога оленя увидит,
Страшно разинет он пасть, ошетинит гриву, ликуя,
К теплой добыче прильнет и терзает ее, омывая
Кровью клыки.
Так же в гущу врагов Мезенций ринулся быстрый.
730 Рухнул несчастный Акрон; умирая, пятками бьет он
В черную землю, и кровь на обломки копий струится.
Бросился в бегство Ород; но почел недостойным Мезенций
В спину удар нанести и сразить его брошенной пикой:
Сам обогнав беглеца, он лицом к лицу с ним сошелся,
735 Чтоб не обманом его одолеть, но отвагой и мощью.
Павшего грудь он ногой придавил, на копые опираясь,
Молвил: «Повержен Ород, вершивший немалую долю
Ратных трудов!» И соратники клич подхватили победный.
Но умирающий вдруг: «Кто бы ни был ты, победитель,—
740 Молвил,— недолго тебе ликовать без отмищенья осталось!
Ждет тебя та же судьба, и на той же равнине падешь ты!»
С гневом в душе, но смеясь, отвечал Мезенций: «Умри же!
А обо мне родитель богов и людей повелитель
Пусть, что захочет, решит!» И копые он вырвал из раны.
745 Тотчас же тяжкий покой, железный сон опустился,
Очи Орода застав навеки тьмой непроглядной.
Цедик Альката поверг, сразил Сакратор Гидаспа,
Орс, бесстрашный силач, и Парфений Рапоном убиты,
Клоний и с ним Эрихет, Ликаонов отпрыск,— Мессапом:
750 Спешившись, пешего он поразил Эрихета, а Клоний
Наземь упал, когда конь оступился. Агид-ликиец
В прахе Валером простерт, не чуждым доблести древней,
Фрония Салий убил и сам убит был Неалком,
Ловко владевшим копыем и стрелой, неожиданно разящей.

755 Поровну скорбь и потери делил Маворс меж врагами,
То в свой черед побеждают одни, отступают другие,
То побежденный теснит — но никто не мыслит о бегстве.
С жалостью смотрят на них из чертогов Юпитера боги;

Тяжко невзгоды людей и гнев напрасный им видеть.
 760 Дочь Сатурна глядит, глядит благая Венера,
 Как меж враждующих толп Тизифона бледная рыщет.
 Злобы неистойвой полн, огромным копьем потрясая,
 По полю битвы идет Мезенций. По морю так же
 765 Шел великан Орион, когда сквозь Нереевы топи
 Пеший он путь пролагал, лишь до плеч погруженный в пучину,
 Или, с высокой горы принося многолетние вязы,
 Шествовал сам по земле, голова же пряталась в тучах.
 Ростом подобен ему и огромным доспехом Мезенций.
 Мужа увидев среди многолюдного строя, собрался
 770 Выйти навстречу Эней. А Мезенций, не ведая страха,
 Храброго ждет врага, и стоит недвижимой громадой,
 И, чтоб достигнуть копьем, расстоянье мерит глазами.
 «Вы, о боги мои, копье и рука! Помогите
 В этом бою! А ты, о мой сын, отцовской победы
 775 Памятник будешь живой: доспех, с разбойника снятый,
 Я тебе посвящу!» И, промолвив, издали бросил
 Пикю свистящую он, но, щитом отраженная прочным,
 Прочь отлетела она и в живот вонзилась Антору;
 Спутником был Геркулеса Антор, но, покинувши Аргос,
 780 В бегстве к Эвандру примкнул и в Италии с ним поселился.
 Пал он, несчастный, приняв за другого смертельную рану,
 В небо глядел и родные края вспоминал, умирая.
 Бросил копье и Эней. Три медных выпуклых круга
 С бычьей кожей тройной и холстиной, щит одевавшей,
 785 Пика пробила насквозь и, утратив силу удара,
 В пах неглубоко впилась. Но, кровь тирренца увидев,
 Выхватил меч, что висел у бедра, и, радости полный,
 Начал Эней наступать, повергая противника в трепет.
 Видит все это Лавз — и любовь к отцу исторгает
 790 Стон из груди у него и из глаз — обильные слезы...
 Здесь о кончине твоей, о твоих прекрасных деяньях —
 Пусть лишь поверят века преданьям о подвигах древних,—
 Не промолчу и тебя, незабвенный отрок, прославлю.
 Шаг за шагом назад отступал, обессилев, Мезенций,
 795 Пика торчала в щите и за ним тяжело волочилась.
 Бросился Лавз к отцу из рядов и, встав меж врагами
 В миг, когда руку с мечом занес Эней для удара,

Принял клинок на себя и сдержал напор смертоносный.
Ринулись с криком за ним друзья и, меж тем как Мезенций
800 Медленно вспять отступал, щитом сыновним прикрытый,
Издали копыя метать принялись, врага отгоняя.
Щит выставляет Эней и сильнее загорается гневом.
Так иногда средь летнего дня из тучи нависшей
Крупный посыплется град,— и бегут с полей земледельцы,
805 Пахарь торопится прочь и спешит прохожий укрыться
Иль под обрывом речным, иль в скале под сводом пещеры,
Чтобы грозу переждать, а когда воротится солнце,
Взяться опять за труды; и Эней, словно градом, засыпан
Копьями, ждет, чтоб ушла смертоносная туча, пролившись;
810 Лавзу меж тем он грозит, окликает Лавза: «Куда ты
Рвешься на верную смерть? Не по силам тебе, безрассудный,
То, на что ты дерзнул, ослепленный сыновней любовью!»
Не унимается Лавз. В душе предводителя теккров
Выше вздымается гнев, и уже последние нити
815 Юноше Парки прядут. Могучим мечом ударяет
Лавза Эней и клинок вонзает в тело глубоко,
Легкий пробив ему щит, в нападенье заслон ненадежный,
Туники ткань разорвав, что золотом мать вышивала.
Тотчас крови струя пропитала одежду, и грустно
820 Тело покинула жизнь, отлетев по воздуху к манам.
Сын Анхиза, едва умиравшего очи увидел,
Очи его, и лицо, и уста, побелевшие странно,
Руку к нему протянул, застонал от жалости тяжко,
Мысль об отцовской любви потрясла его душу печалью.
825 «Чем за высокий твой дух и за подвиг, о мальчик несчастный,
Может тебя наградить Эней, благочестием славный?
Свой доспех ты любил,— сохрани же его. Возвращаю
Манам и праху отцов твой прах, коль об этом забота
Есть хоть кому-то. И пусть одно тебя утешает:
830 Пал ты, сраженный самим великим Энеем!» Промолвив,
Медливших Лавза друзей он позвал и юношу поднял,—
Пряди коротких волос у него уже слиплись от крови.

Тою порой родитель его над струями Тибра
Влагою кровь унимал; изголовьем бессильному телу
835 Ствол упавший служил. Висел на ветке поодаль
Медный шлем, и в траве покоились праздно доспехи.

Между отборных бойцов лежал Мезенций, склонившись
Телом недужным на ствол; по груди борода разметалась,
Часто о Лавзе друзей вопрошал, задыхаясь, и часто
840 Слал он гонцов, чтоб к отцу печальному сын возвратился.
Но уж несли на щите рыдавшие воины тело
Лавза; в широкой груди широкая рана зияла.
Издали стон уловила душа, прозорливая в бедах.
Пылью седины свои осыпав и к небу простерши
845 Руки, Мезенций прильнул к бездыханному сыну, стаяя:
«К жизни любовь, о мой сын, неужели во мне так упорна,
Что допустил я тебя, рожденного мною, погибнуть,
Встав за меня под удар? Твоею раной спасен я,
Гибель твоя мне жизнь сберегла! Увы мне! Теперь лишь
850 Смерть подступила ко мне, лишь теперь я воистину ранен!
Я преступленьем, мой сын, уж давно запятнал твое имя,
Был с престола отцов я изгнан, всем ненавистный.
Если отчизне платить и согражданам должен я пению,—
Казнью любой у меня самого пусть бы отняли душу.
855 Я же и ныне живу средь живых и свет не покинул...
Нет, я покину его!» И, промолвив, на ногу больную
Встал он, хоть силы ему и сковала широкая рана,
И, непреклонный, велел привести коня (в утешенье
Только скакун остался ему, на котором с победой
860 Он возвращался из битв). И коню он печальному молвил:
«Долго, мой Реб,— если есть для смертных долгие сроки,—
Мы зажились. Но теперь или вновь ты с победой вернешься,
Голову вражью неся и кровавый доспех и за сына
Вместе со мною отомстив, или, если пути не проложит
865 Сила, со мною падешь. Ведь чужих приказов, я знаю,
Ты не снесешь, мой храбрец, и не вытерпишь рабства
у тевкров».

Так он сказал и верхом на коня уселся привычно,
В обе руки набрал побольше дротников острых,
Шлем блестящий надел с мохнатой гривой конской,
870 Реба вскачь он пустил и помчался к троянскому строю.
В сердце, бушуя, слились и стыд, и скорбь, и безумье.
873 Трижды Мезенций воззвал к Энею голосом громким,
Мужа Эней тотчас же узнал и взмолился, ликуя;
875 «Дай, о родитель богов и Феб высокоидущий,
Силой помериться с ним».

Так он сказал и, наставив копьё, устремился навстречу.
Молвит Мезенций: «Меня ль утрашить ты задумал, жестокий,
После того, как сына убил? Но меня погубить ты
880 Только этим и мог! Ни богов не боюсь я, ни смерти,—
Ибо за смертью пришел! Не трать же слов! Но сначала
Эти подарки прими!» И, промолвив, дротик метнул он,
Следом еще и еще и, скача по широкому кругу,
Дрот за дротом бросал,— но все в щите застревали.
885 Трижды он обскакал Энея справа налево,
Трижды троянский герой повернулся на месте, и трижды
Круг описал утрашающий лес на щите его медном.
Но надоело ему извлекать бессчетные копья,
Медлить и пешком вести с верховым неравную битву:
890 Все обдумав в душе, он вперед рванулся и пикой
Череп пронзил от виска до виска коню боевому.
Взвился конь на дыбы и сечет копытами воздух,
Наземь стряхнув седока, а потом на передние ноги
Рушится сам, придавив упавшего всадника грудью.
895 Словно огонь, до небес взметнулись воинов крики.
Выхватив меч из ножен, к врагу Эней подбегает,
«Где же теперь,— говорит,— души необузданной сила,
Где Мезенций-храбрец?» И ответил тирренец, впивая
Взором небесный свет и вновь ободрившись духом:
900 «Худший мой враг, для чего меня ты смертью пугаешь?
Вправе меня ты убить, я с тем и вышел на битву,
Лавз о том же с тобой договор заключил перед смертью.
Лишь об одном я молю: коль в тебе к врагам побежденным
Есть снисхождение, дозвожь, чтобы прах мой покрыли землю.
905 Знаю, как тускам моим ненавистен я стал. Укrotи же
Ярость их, чтоб в могиле одной я покоился с сыном».
Так он сказал и горло под меч добровольно подставил,
Хлынула крови струя на доспех и душу умчала.

Книга одиннадцатая

Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув.
Благочестивый Эней, хоть его и торопит забота
Павших предать земле, хоть печаль мрачит ему душу,
Все же с рассветом спешит богам обеты исполнить.
5 Холм насыпав и дуб от ветвей очистив огромный,
Он воздвигает трофей в честь тебя, Владыка сражений,
И одевает его с Мезенция снятым оружием:
В брызгах кровавой росы косматый шлем и обломки
Копий вешает он и тяжелый панцирь, пробитый
10 В дюжине мест; а слева к стволу он прочно приладил
Щит из меди и меч в ножнах из кости слоновой.
После к друзьям — ибо плотно его обступили, ликуя,
Тевкров и тусков вожди — обратился он с речью такою:
«Главный труд совершен! Пусть и то, что сделать осталось,
15 Вас не страшит: вот первины войны, вот тирана доспехи,
Вот во что превращен моей рукою Мезенций.
Ныне поход предстоит на царя, на стены латинян.
Души свои и мечи с надеждой к битвам готовьте,
Чтобы, как только дадут всевышние нам изволение
20 Вновь знамена поднять и войска из лагеря двинуть,
Праздными мыслями страх к промедленью нас не принудил.
Прежде, однако, земле предадим соратников павших;

Ждут погребенья они: ведь для тех, кто ушел к Ахеронту,
Почести нету иной. Наградите последним подарком
25 Храбрые души друзей, своею кровью добывших
Родину новую нам. Пусть в печальный город Эвандра
Будет отправлен Паллант, храбрейшим равный отвагой,
В черный день унесенный навек беспощадною смертью».

Так он в слезах произнес и назад направился к дому,
30 Где положили в сених бездыханное тело Палланта.
Старец Акет его охранял, который Эвандру
Оруженосцем служил, а потом с питомцем любимым
В бой паррасийцев царем не в добрый час был отправлен.
Слуги теснятся вокруг, толпою сходятся тевкры,
35 В горе троянки стоят, распустив по обычаю косы.
Чуть лишь родитель Эней вошел в высокие двери,
Горестный вопль поднимают они, ударяя руками
В грудь, и эхом чертог отвечает скорбным стенаньям.
Сам Эней, увидав Палланта лик побелевший
40 И на гладкой груди от копыя авзонийского рану,
Слез не мог удержать и промолвил: «Отрок несчастный!
Может ли быть, что, ко мне благосклонной явившись, Фортуна
Все же тебя отняла, не желая, чтоб новое царство
Наше ты сам увидел и к отцу вернулся с победой?
45 Нет, не то обещал я Эвандру-отцу на прощанье
В час, когда он, посылая меня начальствовать мощным
Войском, нас обнимал и с тревогой твердил, что придется
Встретить нам храбрых мужей, с суровым народом сражаться.
Верно, он и сейчас надеждой тешится тщетной.
50 Небу обеты творит, алтари отягчает дарами.
Мы же Палланта — ведь он небесам ничего уж не должен! —
Грустно проводим к отцу, воздавая почесть пустую.
Горько будет ему погребенье сына увидеть!
Это ль победный возврат и триумф, которого ждал он?
55 В том ли я клялся ему? Но Палланта раны, о старец,
Не опозорят тебя, призывать тебе не придется
Смерть оттого, что спасся твой сын. О, какую опору
Ты потерял, Авзонийский край, и ты, мой Асканий!»

Юношу так оплакал герой, и поднять повелел он
60 На плечи прах и от всех отрядов тысячу выбрал

Лучших мужей, чтоб они проводили тело с почетом,
Чтоб разделили они и скорбь и слезы Эвандра,
Ибо возможно ль отцу отказать хоть в таком утешенье?
Тотчас из гибких ветвей дубов и деревьев земляничных
65 Тевкры усердно плести погребальные стали носилки.
Ложе простое они затеняют густою листвою,
После кладут на него отважного юноши тело.
Сам он подобен цветку, что рукою девичьей сорван,—
Нежной фиалке лесной, гиацинту, склоненному томно:
70 Яркий цвет и красу до поры хранит он, но только
Мать-земля уж его не питает свежее силой.
Два пурпурных плаща, золотою затканых нитью,
Вынес родитель Эней,— те плащи своими руками
Сделала, рада трудам, для него царица Дидона,
75 Тонким утком золотым распешрив тяжелые ткани.
Полный печали, надел он один из плащей на Палланта,
Плотно окутал вторым обреченные пламени кудри;
К этим последним дарам он прибавил долю добычи,
Взятой вчера лишь в бою, и послов нагрузил вереницу.
80 Копья он шлет и коней, у врага захваченных в битве,
Руки связав за спиной, отправляет пленных для жертвы
Манам, чтоб кровью залить костра погребального пламя,
Также велит он к шестам имена прибить и доспехи
Всех побежденных врагов, чтобы сами вожди понесли их.
85 Сзади влачится Акет, удрученный годами и горем,
В грудь ударяя себя и лицо ногтями терзая
Иль простираясь в пыли и к земле припадая всем телом.
Вот колесницы ведут, обогранные рутулов кровью,
Следом скакун боевой Этон шагает, невзнуздан,
90 Голову низко склонив и роняя крупные слезы.
Шлем и копье Палланта несут, ибо прочим оружием
Турн завладел. Выступают вослед печальной фалангой,
С копьями вниз острием, аркадцы, туски и тевкры.
После того, как прошли они все вереницею долгой,
95 Встал на месте Эней и промолвил со стоном глубоким:
«Рок суровый войны меня к слезам и потерям
Новым зовет. Прости же навек, Паллант мой отважный,
Вечная память тебе!» И умолк Эней, и направил
Шаг он к высоким стенам, возвращаясь к соратникам в лагерь.

- 100 Ждали Энея меж тем послы из столицы латинской;
Ветви оливы держа, перевитые шерстью, молили,
Чтобы дозволил он взять тела, лежащие в поле,
Там, где меч их скосил, и курган насыпать над ними:
С теми, кто света лишен, с побежденными можно ль
сражаться?
- 105 Пусть ради дружбы былой пощадит он названного тестя.
Добрый Эней не презрел посланцев законную просьбу,
Все разрешил им, о чем умоляли они, и промолвил:
«Злую судьбиной какой вы, латиняне, ввергнуты были
В эту войну? Почему вы союза с нами бежите?
- 110 Мира для мертвых, для тех, кто погублен жребием Марса,
Просите вы, — но мир и живым я дал бы охотно!
Я не пришел бы, когда б не назначил мне здесь поселиться
Рок, и войну я веду не с народом: царь ваш нарушил
Гостеприимства союз и доверился Турна оружию.
- 115 Выйти на смерть одному справедливее было бы Турну:
Если своею рукой войну окончить он хочет,
Хочет тевкров изгнать, — пусть сразится со мной, чтобы выжил
Тот, кому жизнь сохранит или бог, или сила десницы.
Но поспешите к себе, чтоб огню сограждан несчастных
- 120 Нынче предать». Промолвил Эней — и послы в изумленьи
Замерли, только в глаза друг другу молча глядели.
Речью такой наконец ответил Дранк престарелый,
Турна юного враг, обвинитель его постоянный:
«О троянский герой, вознесен ты молвою, но выше
- 125 Мощью в бою вознесен! Чему нам прежде дивиться,
Что прославлять: справедливость твою или подвиг твой
трудный?
- В город родной отнесем твое с благодарностью слово,
Снова с Латином тебя, если путь укажет Фортуна,
Мы примирим. Пусть рутул других союзников ищет!
- 130 Стены с тобой возводить, возвешенные роком, и камни
Трои для вас на плечах подносить нам будет отрадно».
Так сказал он, и речь все одобрили криком согласным.
В дважды шесть дней установлен был срок и, хранимые
миром,
- 135 Стали без страха бродить по нагорным лесам меж латинян
Тевкры. Ясень звенит от ударов двуострой секиры,
Воины валят стволы до звезд поднявшихся сосен,

Клинья вгоняют в дубы и в смолистые кедры усердно,
Бревна кленовые вниз на скрипучих свозят телегах.

- Той порою Молва, великого вестница горя,
140 В дом Эвандра летит, наполняет город Эвандра,
Та молва, что досель возвещала победы Палланта.
Все к воротам спешат аркадцы; факел печальный
Каждый несет, как обычай велит; на дороге пылат
Ряд бесконечных огней и поля вырывает из мрака.
145 Скорбной фригийцы толпой приближались навстречу
аркадцам;
Соединились ряды, и, едва вошли они в город,
Матери, их увидав, огласили улицы воплем.
Силой нельзя никакой удержать Эвандра: выходит
Он в середину, и лишь поставили наземь носилки,
150 Старец упал и к Палланту приник, стеная и плача;
Вырвался голос с трудом из горла, сжатого горем:
«Нет, не это, Паллант, обещал ты отцу, уезжая!
О, если б ты осторожнее был, когда вверился Марсу!
Знал я, как сильно влечет к неизведанной славе отважных,
155 Знал, как отрадно хвалу стяжать, сражаясь впервые!
Битвы приблизились к нам — и вот он, горестный опыт,
Вот награда твоя, вот обеты мои и молитвы, —
Им ни один не внял из богов! О супруга святая,
Счастье, что ты умерла, не дожив до этого горя.
160 Я же, судьбу победив долголетьем, живу, переживший
Сына отец. О, если бы сам я за войском союзным
Тевкров пошел, чтоб в меня вонзились рутулов копыя,
Если б меня, не Палланта домой принесли бездыханным!
Тевкры, я вас не виню, не каюсь в том, что пожатием
165 Рук мы скрепили союз: уготован был старости нашей
Этот удел, и если Паллант преждевременной смерти
Был обречен, то одно мне отрадно: нал он, сразивши
Тысячи вольсков и вам пролагая в Лаций дорогу.
С тем же твой прах схороню я почетом, с каким провожали
170 Благочестивый Эней тебя, Паллант, и фригийцы,
И тирренцев вожди, и все тирренское войско.
Вижу: доспехи несут врагов, тобою убитых.
Турн, тут стоял бы и ты — трофей, одетый оружием,
Если б тебе был равен Паллант и годами и силой.

175 Но для чего не даю я троянцам вернуться в сражение?
Тевкры, ступайте к царю и слова мои передайте:
Если постылую жизнь я влачу после смерти Палланта,
То лишь затем, что долг за мечом твоим остается.
180 Турна ты должен отцу и сыну. Платы лишь этой
Жду от тебя и судьбы. Не ищу я радостей в жизни,—
Сыну лишь в царство теней принести я хочу эту радость».

Встала Аврора меж тем, и несчастным смертным явила
Благостный свет, и с собой принесла труды и заботы.
У побережья Тархон и родители Эней разложили
185 Утром костры и, блюда старинный обычаем, собрали
Воинов павших тела. Запылало черное пламя,
Дым непроглядной застлал пеленой высокое небо.
Трижды вокруг горящих костров бойцы обежали
В блещущих латах своих, и конные воины трижды
190 Вкруг погребальных огней проскакали с горестным воплем.
Слезы обильной струей орошают доспехи и землю.
Крики мужей и клики труб взлетают к светилам.
Воины мечут в огонь доспехи убитых латиняна,
Пышные шлемы, мечи, с раскаленной осью колеса,
195 Конские сбруи; летят и дары знакомые в пламя:
Копья убитых друзей и щиты, несчастливые в битве.
В жертву Смерти быков приносят тут же без счета,
Кровью свиней и овец, что со всех похищены пастбищ,
Угли костров кропят. И глядят тирренцы и тевкры,
200 Как на кострах сгорают друзья по всему побережью,
И от обугленных тел отойти не смеют, доколе
Влажная ночь небосвод не украсила звездным убором.

Также в другой стороне у несчастных латиняна не меньше
Ярких пылало костров. Зарывают многих убитых
205 Тут же на поле друзья; а других, собрав по равнине,
В ближние земли везут, в города возвращают родные.
Прочих же там, где лежали они беспорядочной грудой,
Всех италийцы сожгли без почета и счета,— повсюду
Пламенем частых костров озарилось просторное поле.
210 Третий рассвет прогнал с небосвода сумрак холодный.
Утром в глубокой золе авзониды собрали с печалью
Кости неведомо чьи и землей засыпали теплой.

Полнится скорбью меж тем Латина богатого город:
Стонут здесь горше всего, всего сильнее горюют.
215 Души любимых сестер, молодые несчастные жены,
Матери павших бойцов и отцов лишенные дети,—
Все проклинают войну и злосчастную Турнову свадьбу,
Требуют все, чтобы тяжбу мечом решил в поединке
Тот, кто на власть над страной и на высшую честь притязает.
220 Ропщущим сил придает свидетельство гневного Дранка:
Турна Эней вызывает на бой, одного только Турна.
Но и за Турна речей раздается немало повсюду:
Служит защитой ему царицы великое имя,
Прежних признание заслуг и слава подвигов громких.

225 В эту пору, в разгар смятенных споров, вернулись
От Диомеда послы, из великого города греков;
Грустный ответ они привезли: понапрасну потратив
Столько трудов, ничего не добились они, и бессильны
Ценные были дары. У других пусть латиняне ищут
230 Помощи в этой войне или мира просят у тевкров.
Сил от горя совсем у царя Латина не стало.
Рок Энея привел и боги с ним,— убеждают
В том небожителей гнев и могилы свежие павших.
Тотчас Латин у себя великий совет собирает,
235 Первых из граждан призвав приказом в дом свой высокий.
Быстро сошелся совет, и толпой по улицам полным
Хлынул народ ко дворцу. Старше всех и годами и властью,
Царь Латин посредине сидит с челом омраченным.
В самом начале послам, пришедшим от стен этолийских,
240 С чем воротились они, рассказать он велит по порядку,
Что отвечал Диомед. И когда воцарилось молчанье,
Венул начал рассказ, повинуюсь царскому слову.

«Граждане! Видели мы Диомеда и лагерь аргосцев;
Долгий измерили путь и тяготы все одолели,
245 Жали мы руку, что в прах Илионское царство повергла.
Город, названный им Аргирпой в честь города предков,
Он возводил на Япигской земле у подножья Гаргана.
После того, как ввели нас к царю и дали нам слово,
Мы дары поднесли и сказали, откуда и кто мы,

250 С кем воюем и что побудило нас в Арпы явиться.
Выслушав нас, Диомед в ответ нам сказал благосклонно:
«Вы, счастливый народ Сатурнова древнего царства,
Что за судьба не дает, авзонийцы, вам жить безмятежно,
Гонит вас затевать с врагом неведомым войны?
255 Всем, кто оружием своим осквернил поля Илиона
(Я говорю не о тех, кто погиб, под стенами сражаясь,
Кто поглощен Симоента струей), несказанные казни
Рок за злодейство послал, по всему преследуя миру
Нас, кого и Приам пожалел бы. Знают об этом
260 Злая Минервы звезда, Кафарей и утесы Эвбеи.
В разные страны судьба занесла возвращавшихся греков:
Бродит Атрид Менелай за Столбами Протея в изгнание,
Видел скиталец Улисс этнейских циклопов пещеры.
266 Сам властитель Микен, предводитель могучих ахейцев,
Пал на пороге родном от руки жены нечестивой:
268 Прелюбодей заманил победителя Азии в сети.
264 Локров ли я назову, заселивших берег Ливийский?
265 Идомenea ль очаг разоренный? Пирра ли царство?
269 Нё дали боги и мне в Каледон возвратиться прекрасный,
270 Отчих пенатов алтарь и жену желанную видеть.
Даже и ныне меня виденья страшные мучат:
Спутников вижу моих, как они на крыльях взлетают,
В птиц — о, страшная казнь! — превратившись, как над рекою
Вьются и скалы вокруг оглашают жалобным криком.
275 Впрочем, иного и ждать с той поры не мог я, безумец,
Как дерзновенным копьем небожителей плоти коснулся,
Руку Венеры благой осквернил кровавою раной.
Нет, не вовлечь вам меня, не вовлечь в такие сраженья!
После того, как сожжен был Пергам, войны не веду я
280 С тевкрами: радости нет вспоминать и о прежних невзгодах.
Вижу, дары принесли вы мне из отчего края,—
Все дарданцев вождю отдайте! Острые копья
С ним я не раз преломил. Так поверьте опыту: грозен
Он, поднимает ли щит иль заносит летучую пику.
285 Если бы двое еще родилось па пашнях Идейских
Равных Энею мужей, то к стенам инахийским пошло бы
Племя Дардана войной, и оплакать судьбы перемену
Грекам пришлось бы. Коль мы под Тройей медлили долго
И на десятый лишь год пришла к ахейцам победа,

290 То задержала ее Энея и Гектора сила:
Оба отвагой равны и оружием — но благочестьем
Выше Эней. Пусть лучше рука сойдется с рукою,
Мир заключая, чем щит со щитом в поединке столкнется».
Слышал ты, славный наш царь, что ответил нам царь
этолийцев,
295 Слышал суждение его о войне великой и грозной».

Речь закончил посол, по устам авзонийцев тотчас же
Смутный ропот прошел; так в местах, где порог каменистый
Путь преграждает реки, стесненные быстрые струи
Ропщут, и рокоту волн отвечает обрывистый берег.
300 Только лишь смолкли уста и в сердцах утихло волнение,
Царь, к бессмертным воззвав, с престола высокого молвил:

«Как бы хотел я, чтоб мы о важнейшем деле решение
Раньше успели принять! И совет полезнее было б
Нам собрать не тогда, когда враг стоит под стенами.
305 Против потомков богов мы ведем безысходную битву:
Непобедимы они и в сраженьях неутомимы,
Мы их не сломим вовек и сложить не заставим оружие.
Вы этолийцев призвать надеялись; замысел этот
Рухнул. Лишь на себя остается надежда,— но сами
310 Видите вы, как ничтожна она и в каком разрушение
Всё, что осталось у нас. Убедитесь воочию в этом!
Я не виню никого: всё, что может высшая доблесть,
Сделано было, и сил не щадило в борьбе государство.
Ныне о том, к чему средь сомнений склоняется разум,
315 Вам я поведать хочу; так внемлите речи короткой.
Есть близ Этрусской реки у меня родовое владение,
Что далеко на закат в пределы сиканцев простерлось.
Пашут рутулы там и аврунки лемехом острым
Склон каменистых холмов и пасут стада на стремнинах.
320 Весь этот край и хребет, одетый лесом сосновым,
Тевкрам уступим в залог грядущей дружбы и в царство
Наше их призовем, договор заключив справедливый.
Если уж так желают они — пусть город свой строят,
Если ж к пределам иным, к другим племенам пожелают
325 Тевкры отплыть и решат Авзонийскую землю покинуть,
Сколько они кораблей снарядить сумеют гребцами,—

Двадцать ли, больше ли,— все италийским оденем мы дубом.
Лес у берега есть. Пусть укажут нам вид и размеры
Всех кораблей,— мы дадим работников, медь и оснастку.
330 С тем, чтобы наши слова передать и добиться союза,
Пусть послами пойдут из числа знатнейших латинян
Сто человек, протянув оливы мирные ветви,
Золота в дар понесут и слоновой кости таланты,
Также и кресло и плащ — достоинства царского знаки.
335 Между собой совещайтесь теперь — и спасите отчизну!»

Тут поднимается Дранк, озлоблён, как всегда, ибо Турна
Слава язвила его стрелалом зависти тайной.
Был он богат и красно говорил, но пылок в сраженье
Не был; считался зато советчиком дельным и ловко
340 Сеял раздор. От матери Дранк унаследовал знатность,
Хоть и неведомым был рожден отцом. И сегодня
Так он сказал, громоздя обвиненья тяжкие в гневе:
«То, что советуешь ты, очевидно всем, и не нужны
Наши речи, о царь. Что сулит народу Фортуна,—
345 Спору нет,— понимает любой, да сказать не решится,
Если не даст говорить свободно и спесь не умерит
Тот, чье водительство нам, и кичливый нрав, и жестокость —
Все я скажу, хоть мне он мечом угрожает смертельным! —
Столько потерь принесли, по чьей вине закатилась
350 Многих знатных звезда и город в скорбь погрузился.
Он же, хоть небу грозит, лишь на бегство надеется в битвах.
К щедрым дарам, которые ты отправить дарданцам,
Царь наш добрый, хотел, однако прибавь порученье,
С тем чтобы волю твою насилье ничье не сломило:
355 Тевкрам вели передать, что дочь благородному зятю
Ты как отец отдаешь и навечно мир заключаешь.
Если же страх перед Турном сковал нам сердце и разум,
Будем его самого молить о милости слезно:
Пусть соизволит вернуть права царю и отчизне.
360 Ради чего бросаешь ты в бой на верную гибель
Стольких латинян, о Турн, наших бедствий исток и причина?
Нет спасенья в войне; у тебя мы требуем мира,
Мира залог уступи единственный и нерушимый!
365 Мнишь меня ты врагом, и без спора я в этом признаюсь,—
Первым, однако, к тебе прихожу с мольбой о пощаде:

Гордый свой дух умири и уйди, побежденный. Довольно
Видели мы похорон и просторных полей разорили.
Если же слава влечет, и в груди великую силу
Чувствуешь ты, и невеста тебе и царство желанны,
370 Будь смелей и грудью ступай навстречу Энею.
Нет, для того, чтоб тебе царевна в жены досталась,
Мы, ничтожный народ, неоплаканый, непогребенный,
Гибнуть должны на полях. Но коль есть в тебе сила и в сердце
Предков отвага жива, то врагу, что тебя вызывает,
375 Сам в лицо погляди».

Эти упреки зажгли неистойвой яростью Турна,
С тяжким стоном слова из груди у него излетели:
«Дранк, я знаю, всегда тороват ты на речи бываешь
В час, когда руки нужны для войны. Ты в собранье старейшин
380 Первым спешишь, но чертог наполнять словами не время,
Хоть разглагольствуешь ты, не зная меры, покуда
На стену враг не взошел и рвы не наполнились кровью.
Что же, речами брядай, как привык ты, и в трусости Турна.
Дранк, обвиняй: ты ведь сам истребил огромные толпы
385 Тевкров своею рукой, и по всей равнине трофеи
Ты водрузил. Между тем испытать нам нетрудно, что может
Доблесть живая свершить; далеко искать не придется
Нам врагов: отовсюду они к стенам подступают.
Вместе навстречу пойдем! Почему же ты медлишь? Иль
390 С Марсом лишь твой болтливый язык и резвые ноги
Будут всегда? Я побежден? Неужели меня назовет побежденным
Тот, кто увидит, как Тибр берега наводнил, переполнен
Кровью троянских бойцов, как Эвандра дом погубил я,
395 Корень его истребив, как совлек с аркадцев доспехи?
Нет, разбитым меня не видали ни Битий, ни Пандар
В день, когда сотни мужей я отправил в Орк, победитель,
Запертый в стенах врага и от вас отрезанный валом.
«Нет спасенья в войне». Для вождя дарданцев, безумный,
400 И для себя береги прорицанья свои! Продолжай же,
Страхом смущая сердца, восхвалять побежденного дважды
Племени мощь и втаптывать в грязь оружье латинян.

Ныне дрожат, мол, вожди мирмидонцев пред силой
Фригийской,

- Ныне испуган Тидид и Ахилл трепещет ларисский,
405 От Адриатики вспять текут и Авфида струи.
Дранк притворился хитро, что моей опасается мести,
Страхом своим клевету отягчая преступно. Не бойся!
Низкую душу твою я своей рукой не исторгну,
Пусть остается с тобой и в твоей груди обитает.
- 410 Ныне к твоим я, отец, перейду высоким суждениям.
Если ты все потерял на оружие наши надежды,
Если покинуты мы, если враг, потеснив нас однажды,
Силы наши сломил и Фортуна не может вернуться,—
Будем мира просить, простирая праздные руки.
- 415 Но когда бы хоть след в нас остался доблести прежней!
Всех счастливей в трудах, всех выше духом отважным
Тот для меня, кто смерть предпочтет такому исходу
И, чтоб не видеть его, будет землю грызть, умирая.
Есть еще силы у нас, и немало воинов цело,
- 420 Есть в Италийской земле города, что помочь нам готовы,
Славу и тевкры в бою обильной кровью купили,
Много потерь и у них, одинаково буря косила
Обе рати. Так что ж мы бежим от порога с позором?
Что от страха дрожим до того, как трубы пропели?
- 425 Многое времени труд изменяет, многое может
День исправить один, и Фортуны нрав переменчив:
То посмеется она, то дела наши снова упрочит.
Помощи пусть из Арп не придет нам царь этолийцев,—
С нами будет Мессап, и счастливый Толумний, и с нами
- 430 Многих народов вожди. Не минует великая слава
Лация лучших бойцов и воителей с пашен Лаврентских.
С нами Камилла, чей род средь вольсков издавна чтится,
Конных бойцов она привела, блистающих медью.
Если же тевкры на бой одного меня вызывают,
- 435 Если один только Турн — помеха общему благу,
Если угодно вам,— что ж! Я не столь ненавистен Победе,
Чтоб не решиться на всё во имя великой надежды.
Смело пойду на врага, пусть вторым он будет Ахиллом,
Пусть облечется в доспех, что рукою скован Вулкана;
- 440 Душу его посвящаю я вам и тестю Латину,
Ибо доблестью Турн никому не уступит из предков.

«Только меня вызывает Эней». Но о том и молю я!
Лишь бы Дранк не погиб искупительной жертвой, коль боги
В гневе на нас, иль меня не лишил победы и славы!»

- 445 Так меж собой препирались враги о неясном и темном
Будущем; тою порой покидали свой лагерь троянцы.
Вдруг пронеслась по дворцу, приводя в смятение толпы.
Весть и в единый миг наполнила ужасом город:
Сомкнутым строем идут от берега тибрского тевкры,
450 Следом тирренская рать по всей растянулась равнине.
Тотчас народ взволновался душой, и сердца встрепенулись,
Ярость в груди поднялась, разбужена острым стрелалом,
Руки рванулись к мечам, молодежь призывает к оружию,
Скорбные плачут отцы и ропщут тихо. Вскипают
455 Шумные споры везде и взлетают крики до неба.
Гомон такой же стоит, когда птиц перелетная стая
В роще опустится; так на обильной рыбой Падузе
Хриплый крик лебедей раздается по заводям звонким.
«Граждане! — рутул кричит, улучив мгновенье,— ну что же!
460 Долгий держите совет и в бездействии мир восхваляйте,—
Враг между тем уже вторгся в страну!» С такими словами
Быстро он бросился прочь и дворец высокий покинул.
«Ты, Волуз, прикажи снаряжаться манипулам вольсков,
Ты же и рутулов рать поведешь. Вы конницу в поле,
465 Кор, Камилл и Мессап, разверните строем широким.
Вы — на башни скорей, стерегите подступы к стенам,
Вы же, куда прикажу, за мною следуйте в битву».
Тотчас на стены бойцы со всего сбежались Лаврента.
Новой бедой удручен, Латин покидает собрание;
470 Замысел свой отложить надолго приходит старцу.
Вновь он винит себя в том, что по доброй воле не принял
В город и зятем своим не назвал дарданца Энея.
Перед воротами рвы горожане копают и носят
Камни и колья. И вот, кровавый бой возвещая,
475 Хрипло пропела труба. На стенах матроны и дети
Пестрым строем стоят, опасностью призваны крайней.
К храму Минервы меж тем, к высокой твердыне Паллады
Едет в толпе матерей с дарами царица Амата,
Дева Лавиния с ней, причина бедствий великих,
480 В землю глядит, не смея поднять прекрасные очи.

Матери входят и храм наполняют ладанным дымом,
Скорбные их голоса от высоких несутся преддверий:
«Ты, что оружием сильна, о Тритония, браней владыка!
485 Мощной рукой сокруши копье врага, чтобы пал он
Возле высоких ворот, чтобы сгинул разбойник фригийский!»
Сам неистовый Турн снарядился в битву поспешно:
Пандирь чешуйчатый свой, горящий красною медью,
Он надел, застегнул на ногах золотые поножи,
К поясу меч привязал и, виски не покрыв еще шлемом,
490 С крепости вниз он сбежал, золотым окруженный сияньем,
Радостью бурной кипя и в мечтах врагов сокрушая.
Так застоявшийся конь выбегает из стойла на волю,
Привязь порвав, и стремглав по открытому полю несется:
То к табунам кобылиц на просторные пастбища мчится,
495 То к знакомой реке, где привык он купаться и плавать,
Ржет, резвится, летит, высоко голову вскинув,
Грива на шее крутой развевается вольно по ветру.

Турну навстречу скакал предводимый девой Камиллой
Вольсков отряд; возле самых ворот царица на землю
500 Спрыгнула; следом за ней с лошадей соскользнула немедля
Вся дружина ее; и сказала Турну Камилла:
«Турн, если вера в себя не напрасно дается отважным,
То обещать я осмелюсь тебе, что на турмы Энея
Я одна нападую и тирренскую конницу встречу.
505 Первой дозволю испытать мне сегодня опасности боя,
Сам же город храни, у стены оставаясь с пехотой».
Рутул, взор устремив на деву грозную, молвил:
«Как благодарность могу, о краса Италии, дева,
Словом иль делом тебе я воздать? Ты готова душою
510 Все превозмочь; раздели же со мной труды боевые!
Мне принесла и молва, и лазутчики верные вести:
Выслал вперед коварный Эней по равнине отряды
Конницы легкой, а сам, по обрывам карабкаясь горным,
Через пустынный хребет пробирается тайно к Лавренту.
515 Хитрость замыслил и я: в извилистом узком ущелье
Вход и выход заняв, я в лесу поставлю засаду.
Конницу ты тирренскую встретить — против знамени знамя.
Будут с тобою Мессап, тибуртинский отряд и латинян
Турмы; ты же возьми на себя полководца заботы».

520 Речью такую же он ободряет на битву Мессапа,
С ним и других союзных вождей — и выходит в сраженье.
Есть крутой поворот в ущелье; словно нарочно
Создан он для засад; здесь теснины темные склоны
Лесом густым заросли, и ведет лишь ничтожная тропка
525 К узким проходам меж гор в глубине зловещей лощины.
Прямо над ней высоко на горе поляна простерлась,
Можно за скалами там затаиться в неизвестном укрытье,
Чтобы внезапно напасть на врагов или справа, или слева,
Либо, засев на хребте, тяжелые скатывать камни.
530 Юноша в эти места поспешил по дорогам знакомым
И, поляну заняв, укрылся в лесу вероломном.

Дочь Латоны меж тем призвала проворную Опис,
Нимфу, средь спутниц ее блиставшую в сонме священном,
535 К ней обратилась: «На бой снаряжается ныне Камилла,
Наш надевает доспех, бесполезный в сече жестокой.
Всех мне дороже она. Не сегодня явилась к Диане
Эта любовь и зажгла внезапной нежностью душу:
В дни, когда был озлобивший всех произволом надменным
540 Свергнут с престола Метаб, то, старинный Приверн покидая,
В бегство средь распрей и смут пускаясь, унес он в изгнание
Дочь-малютку с собой и, Касмиллы-матери имя
Чуть изменив, назвал в честь нее младенца Камиллой,
545 Шел он, дитя прижимая к груди, в далекие горы,
В дебри лесов, а вокруг с оружием рыскали вольски,
Смертью Метабу грозя. И вдруг преграждает дорогу
Пенный поток беглецу: с берегами высокими вровень
Воды струил Амазен, от дождей разлившись обильных.
Хочет Метаб реку переплыть, но, любовью к младенцу
550 Скванный, медлит, боясь за бесценную ношу. И долго
Он размышлял, покуда в душе не созрело решенье:
Воин могучий, носил он всегда огромную пику,
Древком ей прочным служил узловатый дубок обожженный;
555 Лубом дочь спеленав и корою пробковой мягкой,
Ловко ее привязал к середине пики родитель;
В мощной руке потрясая копые, небесам он взмолился:
«Дева, владычица рош, Латоны дочь всеблагая,

В рабство тебе посвящаю дитя! Убегая от смерти,
Ныне впервые она твоего коснулась оружия.
560 Дочь, о богиня, прими,— ее неверному ветру
Я поручаю!» И вот Метаб, с плеча размахнувшись,
Бросил копьё; рокотала волна, и над быстрым потоком
Пика летела, свистя, унося малютку Камиллу.
Сам же Метаб, теснимый толпой, подступавшей все ближе,
565 Кинулся в воду, и вот, торжествуя, берет он младенца —
Тривии дар — и копьё из травы вырывает прибрежной.
Люди его не пускали в дома, города не пускали
В стены свои, но Метаб не сдавался, свирепый, как прежде:
Век проводил он в пустынных горах пастухом одиноким,
570 В дебрях колючих кустов, средь лесных дремучих урочищ
Вскармливал дочь молоком кобылицы, не знавшей упряжки,—
Сам выдаивал он сосцы над губами младенца.
Только лишь первый свой след на земле отпечатала дочка,
Дротик наточенный дал ей родитель в нежные руки,
575 Стрелы в колчане и лук за плечо повесил малютке.
Вместо длинных одежд, вместо сетки в кудрях золоченой
Шкура тигрицы у ней с головы по спине ниспадала.
Детской рукой метала она нетяжелые копы,
Гибкой пращи ремешок раскрутить над собою умела,
580 Был то стримонский журавль, то лебедь добычей Камиллы.
В землях тирренских она могла бы невесткой желанной
Многим стать матерям, но, одной предавшись Диане,
Знает Камилла любовь лишь к оружию и к девственной жизни,
Свято блюдя чистоту. Как хотела бы я, чтоб Камиллу
585 Войны так не влекли, чтоб она не тревожила тевкров!
Спутницей ныне моей она была бы любимой.
Но, коль скоро близка неизбежная горькая участь,
С неба, о нимфа, слети, поспеши в пределы латинян.
Где завязалась уже при зловещих знаменьях битва.
590 Лук мой возьми и мстящую вынь стрелу из колчана:
Раною кто осквернит Камиллы священное тело,
Будь он тирренец иль тевкр, пусть своей заплатит мне кровью,
Я же в туче ее унесу и под отчим курганом
Скрою, прежде чем враг доспехи снимет с несчастной».
595 Так сказала она, и, окутана облаком черным,
Нимфа скользнула с небес, рассекая воздух шумящий.

Тою порой подходили к стенам Лаврента троянцы;
Конное войско вели, поделенное ровно на турмы,
Следом этрусков вожди. Скакуны звонконогие в поле
600 Ржут и встают на дыбы и, с уздой упорной воюя,
Носятся взад и вперед. Железной порослью копья
Всюду взошли на лугах, и равнина сверкает оружием.
Но и с другой стороны латинян войско проворных,
С братом Кор, и Мессап, и всадники девы Камиллы
605 Вышли в поля навстречу врагу. Занесенные копья
Воины держат в руках и колеблют легкие дроты,
Топот пехоты слышней, лошадиное ржанье все громче.
Вот на полет копья сошлись два войска и встали
Строй против строя — и вдруг на врага кидаются с криком,
610 Бешеных гонят коней; отовсюду сыплются копья
Густо, как снег, и сияние дня затмевается тенью.
Мчатся лихой Аконтей и Тиррен друг другу навстречу,
Выставив пики вперед, — и с гулким грохотом оба
Первыми падают в прах, и с разлета сшибаются кони,
615 Грудью ломая грудь. Аконтей, ударом отброшен,
Словно баллисты снаряд или быстрая молния в небе,
Прочь отлетел далеко, и развеял жизнь его ветер.
Тут же, смешавши ряды и щиты закинув за спину,
Вспять погнали коней и помчались к стенам италийцы.
620 Тевкры несутся вослед, предводимые храбрым Азилом.
Лишь возле самых ворот италийцы, опомнившись, встали,
Подняли крик и назад скакунов повернули послушных.
Тевкры теперь убегают от них, отпустивши поводья.
Так, прилив и отлив чередуя, пучина морская
625 То прихлынет к земле и утесы накроет волною
И на прибрежный песок пошлет вспенённые струи,
То назад отбежит и, стоячие скалы сшибая,
Катит от берега их и сушу вновь обнажает.
Дважды до самых стен отгоняли рутулов туски,
630 Дважды, щиты за спиной, убегали, отброшены силой.
В третий раз наконец сошлись враги — и смешались
Между собою ряды, и схватился с воином воин.
Слышен везде умирающих стон, оружие и трупы
В лужах крови лежат, и на груди тел то и дело
635 Раненый валится конь; закипает бой беспощадный.
Прямо не смея напасть на Ремула, издали бросил

Пику в коня Орсилох, и под ухо вонзилось железо.
Раной взбешённый, взвился на дыбы скакун звонконогий,
Воздух копытами бьет, нестерпимой терзаемый болью,
640 Ремула сбросив с седла. И отвагой, и ростом, и силой
Всех превзошедший в бою, Иолай повержен Катиллом,
Им же Герминий убит; с головой непокрытой сражался
Он, распустив по плечам обнаженным светлые кудри,
Ранам тело открыв без боязни. Но пика пробила
645 Грудь от плеча до плеча, и согнулся он, болью пронзенный.
Черная кровь повсюду течет, и сеет железо
Смерть, и стремятся бойцы навстречу гибели славной.

Там, где сеча кипит, амазонка ликует Камилла:
Левая грудь открыта у ней, колчан за плечами,
650 То посылает она все чаще гибкие дроты,
То боевой свой топор рукой неслабеющей держит;
Лук золотой за спиной звенит — оружие Дианы.
Даже когда отступить заставляет Камиллу противник,
Стрелы она посылает назад, на бегу обернувшись.
655 Ступиц отборный отряд окружает Камиллу: Ларина,
Тулла несется за ней и Тарпея с медной секирой;
Лучших Италии дев избрала она — украшенье
Войска, и в мирные дни, и в бою надежных помощниц.
Так во фракийском краю по застывшим волнам Термодонта
660 Гонят со звоном коней амазонки в пестрых доспехах,
Мчат с Ипполитою в бой или вслед любимице Марса,
Пентесилее, летят за ее колесницей, и громкий
Женский разносится клич, и щиты луновидные блещут.
Первым кого и последним кого, суровая дева,
665 Пика настигла твоя? Сколько тел ты в прахе простерла?
Первым был Клития сын Эвней: летел на тебя он,
Но в обнаженную грудь впилося еловое древко,
Грянулся воин с коня и на рану упал, изрыгая
Крови потоки в песок и корчась в муках предсмертных.
670 Следом Па́гас и Лир погибли: первый пытался
Повод поймать, когда раненый конь его сбросил, второй же
К другу спешил, чтоб его подхватить рукой безоружной.
Так друг на друга они и рухнули оба. А дева,
Сына Гиппота сразив, Амастра, мчится в погоню
675 За Демофонтом, Тереем, и Хромием, и Гарпаликом.

Сколько бросает она в противника дротиков метких,
Столько и гибнет мужей. Но вот на коне апулийском
Орнит, охотник лихой, в невиданных скачет доспехах:
Шкурой быка, воителя стад, широкие плечи
680 Орнит одел и покрыл огромную голову пастью
Волка, в которой клыки торчали из челюстей мощных;
Сельская пика в руках у него; меж всадников Орнит
Носится взад и вперед и ростом всех превосходит.
Дева его без труда средь врагов бегущих настигла,
685 Грудь пронзила ему и недоброе молвила слово:
«Мнил ты, тирренец, что здесь на лесного зверя облава?
День наступил, когда мы опровергнем женским оружием
Ваши слова. Но к манам отцов и ты не без славы
Явишься, ибо сама тебя сразила Камилла».

690 Бута повергла она и за ним Орсилоха — из тевкров
Самых могучих мужей; убежавшему Буту вонзилось
В шею копьё, где она меж кольчугой и шлемом открыта,
Где у всадников щит за спиною слева свисает;
Бегством притворным потом увлекла Орсилоха Камилла,
695 Влево пустила коня, чтоб скакать по меньшему кругу,
Мужа, что гнался за ней, догнала и, молбам не внимая,
Дважды удар нанесла секирой тяжкой по шлему,
Медь и кость разрубив, так что мозг полился из раны.
Деве навстречу летел и внезапно замер в испуге
700 Авна воинственный сын, обитателя гор Апеннинских;
Был он, покуда судьба позволяла, хитрец не последний
Средь лигурийцев; и вот, увидав, что от встречи с царевной
Не уклониться никак, что бежать не удастся от битвы,
Стал он уловки в уме измышлять и Камилле лукаво
705 Молвил: «Пусть женщина ты — и для женщины много ли
чести
В битве вверяться коню? Придержи скакуна и на землю
Смело ступи, чтоб со мной в поединке пешем сразиться.
Скоро узнаешь ты, кто будет ветреной славой обманут!»
710 Так он сказал; а она, уязвленная жгучей обидой,
Слутницам взять скакуна приказала и спешила храбро,
Только с мечом и гладким щитом, чтоб сразиться на равных.
Он же, решив, что теперь одолел ее хитрым обманом,
Больше не медлил, но вмиг повернул коня и быстрее
Прочь полетел, торопя жеребца железною шпорой.

715 «Зря заносишься ты, лигурийский хвастливый спесивец!
Знай, тебя не спасут изворотливых предков уловки,
К лживому Авну живым не поможет вернуться коварство».
Молвила так и стремглав понеслась легконогая дева
И, обогнав скакуна, к беглецу лицом повернулась,
720 Повод схватила рукой — и кровавая кара свершилась.
Так, с утеса взлетев, священный хищник пернатый
Мчится легко на крылах, в облаках настигает голубку,
Жадно хватает ее и терзает когтями кривыми,—
Только капает кровь и кружатся в воздухе перья.

725 Не безразличным меж тем родитель бессмертных и смертных
Оком взирает на бой, восседая на высях Олимпа.
В битву вступить побуждает Отец тирренца Тархона,
Острым стрекалом язвит, разжигая в душе его ярость.
Там, где противника смял и смёл напор италийцев,
730 Мчится Тархон на коне, окликаая по имени тусков,
Рать ободряя на бой и словом дух поднимая:
«Видно, неведомы вам ни стыд, ни обида, ни ярость!
Что за страх обуял вам ленивые души, тирренцы?
Женщина ваши ряды, словно стадо, гонит, как хочет!
735 Право, зачем вам клинки, для чего безобидные копья?
Вы лишь в любви горячи и горазды на битвы ночные,
Или, когда возвестят кривые флейты начало
Вакховых плясок, когда на столах и яства и кубки,
Тут и усердые у вас, и доброй воли хватает,
740 Если на жертвенный пир призовет вас в рошу гадатель».
Так он сказал и пришпорил коня, обреченный на гибель,
В гущу врагов, словно вихрь, влетел и правой рукою
Вэнула сребр на скаку и с коня сорвал его разом,
С силой притиснул к груди и помчался дальше с добычей.
745 Крик поднялся до небес, и немедля взгляды латинян
Все обратились к нему. А Тархон по равнине несется,
Муж и оружие в руках; от копья отломив наконечник,
Шарит по телу врага, ища неприкрытого места,
Чтобы удар нанести; но противится силою силе
750 Вэнул, руку его оттолкнуть пытаясь от горла.
Словно как бурый орел, пролетающий в небе высокою,
В лапах уносит змею, вонзая в спину ей когти;

- Ранена, в корчах она извивает гибкое тело,
Дыбом встает чешуя, шипенье несется из пасти,
755 Тянется вверх голова, но смиряет строптивного гада
Птица клювом кривым и взметает воздух крылами.
Так, увлекая стремглав из рядов тибуртинских добычу,
Мчится, ликуя, Тархон. Увлеченные подвигом мужа,
Ринулись все меонийцы вперед. Обреченный судьбою,
760 Вертится хитрый Аррунт вокруг Камиллы проворной,
Ждет, не подарит ли вдруг удобный случай Фортуна.
В битве куда бы свой путь ни направила грозная дева,
Скачет повсюду за ней по пятам Аррунт молчаливый;
Стоит из гущи врагов ей назад умчаться с победой,
765 Юноша тотчас вослед скакуна направляет украдкой.
Можно ль отсюда напасть иль оттуда напасть, вероломный
Ищет Аррунт и рыщет вокруг с копьем наготове.
Некогда бывший жрецом Кибелы и ей посвященный,
Бился меж тевкров Хлорей, блиставший доспехом
фригийским.
- 770 Мчит его взмыленный конь в чепраке из кожи, обшитой,
Словно перьями, сплошь чешуей позолоченной медной;
Сам Хлорей, облачен в багрец и пурпур заморский,
С рогом ликийским в руках, посылает гортинские стрелы;
Лук золотой за плечами звенит, золотой защищает
775 Вещую голову шлем, и желтым золотом в узел
Собраны полы плаща из шуршащих шафранных полотнищ;
Вышита туника вся и покров, одевающий бедра.
Дева — затем ли, чтоб в храм доспех троянский повесить,
Или затем, чтоб самой красоваться в золоте пленном, —
780 Гонится только за ним, одного его выбрав добычей,
В гущу врагов вслепую летит, позабыв осторожность:
Женскую жадность разжег в пей убор драгоценный Хлорея.
Тотчас же, миг улучив, Аррунт, не замеченный девой,
Поднял копье и с такой мольбой обратился к всевышним:
785 «Бог, величайший из всех, Аполлон, хранитель Соракта!
Первого чтим мы тебя, для тебя сосновые бревна
Жар пожирает, а мы шагаем, сильные верой,
Через огонь и следы оставляем на тлеющих углях!
Дай, всемогущий отец, мне смыть с оружия этрусков
790 Этот позор! Мне не нужен доспех побежденной Камиллы,
Ни горделивый трофей, ни добыча: делами иными

Пусть я стяжаю хвалу, пусть вернусь и без славы в отчизну, —
Лишь бы своей мне рукой извести эту злую заразу!»
Феб услышал его, и душой половине молитвы
795 Внял он, но ветрам велел половину другую развеять:
Дал изволение бог, чтоб Аррунт внезапным ударом
Насмерть Камиллу сразил, но гористую родину снова
Нé дал увидеть ему, и слова его буря умчала.
Пушена меткой рукой, просвистела в воздухе пика;
800 Вольски увидели вмиг угрозу и взоры к царевне
Все обратили тотчас; но Камилла не слышала свиста,
Не увидала копья, что летело, эфир рассекая,
В тело доколе оно под грудью нагой не вонзилось,
Девичьей крови доколь не испило из раны глубокой.
805 Спутницы кинулись к ней в смятенье и нé дали наземь
Раненой деве упасть. Аррунт, всех боле испуган,
Бросился прочь; смешались в душе ликованье и ужас,
Больше в царевну метнуть ни стрелу он, ни дротик не смеет.
Словно как волк, покуда за ним не пустились в погоню
810 Люди с оружием, бежит без дорог в недоступные горы,
После того как убьет пастуха иль теленка зарежет
И, под брюхо поджав дрожащий хвост, убегает
В чашу лесную скорей, ибо знает вину за собою, —
Так же скрылся из глаз оробевший Аррунт и, доволен
815 Тем, что успел убежать, в ряды бойцов замешался.
Дева из раны копье рукой цепенеющей вырвать
Тщится, но в ребрах застрял глубоко наконечник железный.
Никнет, слабея, она, охладелые веки смежает
Смерть, и с девических щек исчезает пурпурный румянец.
820 И, умирая, она обратилась к одной из ровесниц —
Акке, которой всегда доверяла всех больше, с которой
Все заботы делить привыкла, и так ей сказала:
«Силам приходит конец, сестра моя Акка. От раны
Я умираю, и мрак пеленой мне глаза застилает.
825 К Турну беги, передай мое последнее слово:
Пусть он меня заменит в бою и тевкров отбросит.
Акка, прощай!» И, сказав обронила поводья Камилла,
Наземь без сил соскользнула с коня; застывшее тело
Медленно холод сковал, из рук упало оружие,
830 Тяжко склонилась на грудь голова, осененная смертью,
И отлетела душа к теням, роща и стена,

Тотчас же ввысь до светил золотых громогласный взметнулся
Крик, и свирепее бой закипел после смерти Камиллы.
Рвутся вперед, сплотивши ряды, троянские рати,
835 С ними тирренцев вожди и отряд аркадский Эвандра.

Тривией посланный страж, восседала Опис в ту пору
В ближних горах и с вершин наблюдала битву без страха.
Только лишь яростный крик бойцов она услышала
И увидала вдали Камиллы скорбную гибель,
840 Вырвался стон у нее из груди, и промолвила нимфа:
«Слишком тяжело тебя, слишком тяжело судьба покാരала,
Дева, за то, что войной ты осмелилась тевкров тревожить!
Жизнь твою не спасло то, что ты, людей избегая,
Чтила Диану в лесах и наши стрелы носила...
845 Горе! Но в смертный твой час не покинет владычица наша
На поруганье тебя; молва о гибели девы
Все племена облетит, и не скажет никто, что осталась
Ты неотмщенной: ведь тот, кто грудь осквернил тебе раной,
Смертью искупит вину». У подножья горы возвышался
850 Древний курган земляной, осененный густыми ветвями
Дуба: покоился там Дерценн, владыка лаурентцев.
Быстро на этот курган поднялась прекрасная нимфа,
Стала с вершины холма искать глазами Аррунта
И, завидев его, ликовавшего сердцем спесивым,
855 Молвила: «В сторону ты для чего уходишь? Приблизься!
Здесь ты погибнешь, Аррунт, за убийство Камиллы награда
Ждет тебя здесь: ты умрешь, пораженный стрелою Дианы». Молвила так и, меж стрел, в золоченом лежавших колчане,
Выбрав одну, свой лук напрягла фракийская нимфа;
860 Долго сгибала его, пока не коснулись друг друга
Рога концы и стрелы острие руки не коснулось
Левой, а правая в грудь, отводя тетиву, не уперлась.
В воздухе свист Аррунт услышал — и в то же мгновенье
В тело ему глубоко наконечник железный вонзился.
865 Стонам предсмертным его друзья не вяли, оставив
Мужа в пыли умирать, позабытым в неведомом поле.
Опис меж тем вознеслась на крылах к высотам Олимпа,

Легкий Камиллы отряд, потеряв царицу, пустился
В бегство первым, и вслед полетел Атин, убегая,

870 Рутулы с ним, и без войска вожди, и бойцы в беспорядке —
Все, коней повернув, спешат за стенами укрыться.
Нет и мысли о том, чтобы тевкров напор смертоносный
Стрелами остановить или встретить стойко с оружием:
Держат все за спиной с тетивою спущенной луки,
875 Только копыта коней потрясают рыхлое поле.
Ближе и ближе к стенам несется темная туча
Пыли, толпа матерей, ладонями в грудь ударяя,
С башен глядит и зубцов, и до неба вопли взлетают.
Первый отряд беглецов в отворенные рвется ворота, —
880 Но по пятам подлетают враги беспорядочным строем,
Смерть латиня и здесь настагает — на самом пороге
Крепких отеческих стен, и среди домов безопасных
Всадники гибнут от ран. А другие скорей запирают
Створы ворот и не смеют впустить соратников в город,
885 Путь молящим закрыв. Меж своих начинается сеча:
Рвутся с мечами одни, их мечом отражают другие.
Вот на глазах матерей и отцов, рыдающих горько,
Те, что остались вне стен, во рвы срываются с кручи
Или, узду отпустив и коней погоняя вслепую,
890 В крепкие балки ворот, как таран, колотят с разлета.
Матери, жены — и те в разгаре схватки смертельной
(Путь им к отчизне любовь и Камиллы пример указали)
Стали дубины со стен и в огне заостренные колья,
Словно копья, метать во врагов рукою дрожащей;
895 В битве за город родной погибнуть каждая жаждет.

Турна в лесу между тем настигли горькие вести;
Акка их принесла, царя в смятенье повергнув:
Нет уж Камиллы в живых, и войско вольсков разбито,
Враг наступает, и Марс ему сопутствует в битве,
900 Поле у тевкров в руках, и страх до стен докатился.
В ярости Турн (такова громовержца суровая воля)
Сходит, безумец, с холмов, покидает лесную засаду.
Только лишь он отступил и достиг открытой равнины,
Как родитель Эней, миновав без помехи ущелье,
905 Горный хребет одолел и отряды из лесу вывел.
Так с войсками они, поспешая оба к Лавренту,
Шли друг другу вослед, разделенные малым пространством,

В тот же миг, когда увидал Эней в отдаленье
Строй италийских бойцов на полях, дымящихся пылью,—
910 Турн по доспехам узнал владыку грозного тевкров,
Ржанье коней услышал и мерный топот пехоты.
Тотчас сошлись бы они, чтобы в битве помериться силой,
Если бы Феб утомленных коней в пучину Гибера
Не погрузил, заалев, и мрак, окутавший небо,
915 Лагерем стать не заставил врагов под самым Лаврентом.

Книга двенадцатая

- Видит Турн: изнемог, враждебным сломленный Марсом,
Дух латинян, и все ожидают, что он обещанье
Выполнит, все на него одного глядят с укоризной.
Пуще гордость и гнев разгорелись в душе непреклонной:
- 5 Словно как лев на ливийских полях, когда ловчим он ранен,
Грозно готовится в бой, и на шее под гривой мохнатой
Мышцы играют, и рык излетает из пасти кровавой,
И бестрепетно зверь ломает дротик вонзенный,—
Так же неистовый Турн накалялся безудержной злобой.
- 10 В бурном волнении к царю он с такой обращается речью:
«Дело уже не за Турном теперь, и у тевкров трусливых
Повода нет отменять иль оттягивать то, что решили.
С ним я сражусь. Готовьте обряд, договор заключайте!
Либо своею рукой беглеца азиатского в Тартар
- 15 Сам я пошлю,— пусть праздно сидят и смотрят лаврентцы,
Как опровергну мечом я упреки, что все мне бросают,—
Либо пусть он побежденной страной и невестой владеет».

- Турну Латин отвечал с преисполненным кротости сердцем:
«Воин, великий душой! Насколько всех превосходишь
- 20 Дерзкой доблестью ты, настолько мне подобает
Всё обдумать и все случайности взвесить с опаской».

Есть у тебя города, что ты сам покорил, и владенья
Давна-отца, и казны у Латина щедрого хватит.
Есть и в Латинской земле, и в Лавренте другие невесты,
25 Не из бесславных родов. Дозволь мне высказать прямо
То, о чем говорить нелегко, и запомни навеки:
Дочь отдавать никому из тех, кто сватался прежде,
Права я не имел: так и боги и люди вешали.
Но, побежден любовью к тебе и слезами Аматы,
30 Помня о нашем родстве, разорвал я священные узы:
Отнял у зятя жену, нечестивое поднял оружие.
Видишь ты сам, какие с тех пор гнетут меня беды,
Войны какие: ведь ты всех больше тягот выносишь.
Враг — ты забыл? — нас дважды разбил, надежда латинян —
35 Только на стены теперь. От нашей крови доньше
В Тибре вода горяча, от костей поля побелели.
Сколько же раз мне решенье менять? Какое безумье
Дух мой мутит? Если с ними союз после гибели Турна
Я готов заключить, почему, пока еще жив он,
40 Мне войну не прервать? Что скажут все италийцы,
Если на смерть — да не даст судьба словам моим сбыться! —
Я обреку жениха, который дочь мою сватал?
Вспомни войны превратности все, над родителем жалься
Старым, который теперь грустит о сыне в далекой
45 Ардее». Все ж не смирил Латин неистовство Турна,—
Больше его распалил, усугубив недуг врачеваньем.
Турн, едва только мог он слово вставить, ответил:
«Если тебя обо мне заботы мучат, оставь их,
Добрый отец, и дозволь выбирать между жизнью и славой.
50 Я ведь тоже метать умею копья, и крепко
Меч держать, и врагов железом до крови ранить.
Будет богиня-мать далеко от сына и женской
Тучей не скроет его, не подменит тенью бесплотной».

Тут зарыдала, страшась исхода битвы, царица,
55 Пылкого зятя обняв, обреченная смерти взмолилась:
«Турн, если сердцем ты чтить Амату, если слезами
Тронуть могу я тебя,— ведь один ты покой и надежда
Старости жалкой моей, лишь тобою крепки Латина
Власть и честь, и в крушенье наш дом ты один подпираешь,—
60 Я молю об одном: не вступай в поединок с троянцем!

Та же участь, что ждет тебя в этой гибельной битве,
Ждет и меня: я покину с тобой этот мир ненавистный,
Чтобы, пленнице, мне не увидеть зятем Энея».

- Матери слыша слова, залилась и Лавиния плачем,
65 Слезы лицо, запывавшее вмиг, орошают, и пламя
Рдеет на влажных щеках, разгораясь алым румянцем.
Словно слоновая кость, погруженная в пурпур кровавый,
Словно венчики роз, что среди бледных лилий алеют,
Так у царевны в лице с белизной боролся румянец.
70 Турн неотрывно глядит на нее и, гонимый любовью,
Рвется в сраженье сильней; и Амате ответил он кратко:
«Мать, слезами меня, — ведь сулят недоброе слезы, —
Не провожайте, молю, на суровую Марсову битву.
Турн ни отсрочить свою, ни приблизить не волен кончину.
75 Весть от меня, Идмón, передай повелителю тевкров,
Хоть и придется она ему не по сердцу: завтра,
Чуть лишь на небо взлетит в колеснице багряной Аврора.
Тевкров на рутулов пусть не ведет он, пусть отдыхает
Тевкров и рутулов меч: мы своею кровью положим
80 Битвам конец; пусть в бою женихи добывают невесту!»

- Так он сказал, и, к себе удалившись поспешно, велел он
Тотчас коней привести и долго на них любовался;
Некогда их подарила сама Орифия Пилумну,
Спорили с ветром они быстротой, белизной — со снегами.
85 Вкруг обступив скакунов, по груди лихие возницы
Ласково хлопают их и чешут гривы густые.
На плечи Турн надевает меж тем чешуйчатый панцирь
(Золотом панцирь сверкал, и горел он светлою бронзой),
Меч берет он, и щит, и рогатый шлем красногривый
90 (Бог огнемощный сковал тот меч для родителя Давна,
В волны Стикса клинок погрузив, добела раскаленный);
После с силой схватил и потряс он могучею пикой,
Что прислоненной к столпу посреди чертога стояла
(Пику он эту добыл у аврунка Актора в битве).
95 Громко рутул вскричал: «Ты всегда безотказно внимала,
Пика, моим мольбам! Приближается срок! Помоги же
Турну, который тобой после Актора ныне владеет!
Дай полумужа сразить фригийца, и сорванный панцирь
Мощной рукой изломать, и в пыли ему выпачкать пряди

100 Влажных от мирры кудрей, завитых горячим железом». Бешенство гонит его, от щек, пылающих жаром, Искры летят, и в безумных глазах огонь полыхает. Так бычок молодой, протяжным пугая мычаньем, Пробует в гневе рога перед первую битвой, упёршись
105 В крепкий древесный ствол, и бодать пытается ветер Или, готовясь к борьбе, песок копытами роет.

В это же время Эней, не меньшим гневом исполнен, Сердце для битвы крепит, облачившись в доспех материнский, Радуясь, что договор конец положит сраженьям.
110 Сам утешал он друзей и тревогу печального Юла, Им открывая судьбу, и мужей отрядил, чтоб Латину Твердый ответ отнести, известить об условиях мира.

Только лишь новый день, восходя, осыпал лучами Горы, и ввысь поднялась из пучины Солнца упряжка,
115 Головы гордо подняв, из ноздрей выдыхая сиянье,— Стали тотчас же у стен великого города порознь Тевков и рутулов рать готовить поле для битвы, Общим богам воздвигать алтари из зеленого дерна И очаги. А другие огонь и воду приносят,
120 Бедро одев полотном и виски увенчавши вербеной. Вот авзонидов войска выходят, строй копьеносный В поле течет из ворот. Выступают навстречу троянцы, Вслед тирренцев полки, непохожи на тевкров оружием. Каждый так снаряжен, словно Марсов бой беспощадный
125 Войско зовет. Меж бойцов в багреде и в золоте гордом Скачут, красясь, вожди: Мнесфей, Ассарака потомок, Храбрый тирренец Азил; впереди ополченья латиняч Едет Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль. Подали знак — и ряды по своим сторонам расступились,
130 Копья воткнулись в песок, и щиты к ним бойцы прислонили. Гонит на кровли домов, на высокие башни тревога Весь безоружный народ, матерей и немощных старцев, И у ворот городских толпой теснятся лаврентцы.

В это мгновенье с холма, что зовется ныне Альбанским,—
135 Встарь же ни имени он не имел, ни почета, ни славы,— Дочь Сатурна поля оглядела с вершины, и оба

Войска враждебных на ней, и город владыки Латина.
Турна сестре сказала она, богиня — богине,
Властной над влагой озер и о звонких пекущейся реках,
140 Ибо возвысил ее священной почестью этой,
Девство похитив у ней, повелитель высокий эфира:
«Нимфа, потоков краса, моему любезная сердцу,
Ведаешь ты, что тебя среди жен латинских, деливших
Ложе, постылое мне, с Юпитером великодушным,
145 Я отличила одну, наградив небесным уделом.
Знай же, что горе тебе грозит, и меня не кори им:
Прежде казалось мне, что не враждебны Фортуна и Парки
Лация делу — тогда я хранила твой город и Турна,
Ныне же храбрый вступил с судьбой в неравную битву.
150 Паркой назначенный срок и десница врага уже близки.
Я не в силах смотреть ни на их договор, ни на битву.
Если отважишься ты ради брата хоть что-нибудь сделать,—
Действуй, пора! Быть может, придет к злополучным удача!»
Этим богини словам отвечала слезами Ютурна,
155 Дважды и трижды рукой в благородную грудь ударяя.
«Плакать не время, спеши,— говорит царица Юнона,—
Брата, коль способ найдешь, попытайся вырвать у смерти,
Вновь их сражаться заставь и разрушь союз заключенный.
Я отвечаю за все». И покинула нимфу Юнона,
160 Дух колебаньем смутив и ранив сердце печалью.

Тою порой показались цари: в колеснице четверкой
Едет могучий Латин, и венец на челе его блещет
Яркий, о дважды шести лучах золоченых,— отличие
Внуков Солнца; и Турн белоснежной парюю правит,
165 Две в руке у него с широкими жалами пики.
Вот и родитель Эней, зачинатель племени римлян,
Звездным сверкая щитом, небесным доспехом сверкая,
С ним Асканий — второй залог величия Рима,—
Лагерь покинув, идут; облаченный в белое платье
170 Жрец поросенка ведет и овцу, не знавшую стрижки,
В жертву богам, к алтарям, где пылает жаркое пламя.
Взоры очей обратив восходящему солнцу навстречу,
Головы жертв посыпают цари соленой мукою,
Метят их острым клинком и творят на алтарь возлиянье.

175 Благочестивый Эней с мечом обнаженным взмолился:
«Солнце в свидетели я призываю и Лация землю,
Ради которой труды и невзгоды я тяжкие вынес!
Ты, всемогущий Отец, с твоей сестрой и супругой,
К нам благосклонной теперь по молитвам моим! Ты, родитель
180 Марс, прославленный бог, в чьей власти битвы и войны!
Будьте свидетели мне и вы, Родники и Потоки,
Вы, божества, сколько есть вас в морях и высоком эфире!
Если жребий отдаст авзонийскому Турну победу,
В город Эвандра тогда пусть уйдут побежденные тевкры,
185 Эти поля покинет мой сын, и впрямь энеады
Ваших не будет держав мечом мятежным тревожить.
Если же судьбы пошлют победу нашему Марсу,—
В это я верю, и пусть не обманут всевышние веры,—
Тевкрам я подчинять италийцев не стану и царской
190 Власти искать для себя: пусть не будет никто побежденным,
Пусть неразрывный союз равноправные свяжет народы.
Я лишь богов и святыхи вам дам. Пусть торжественной
властью
Тесть мой владеет, Латин, на войне и в мире,— для нас же
Тевкры град возведут, и Лавиния даст ему имя».
195 Так Эней говорил, и Латин вослед ему молвил,
К небу взор устремив, простирая руки к светилам:
«Теми же я клянусь Землей, Светилами, Морем,
Януса ликом двойным и чад Латоны четою,
Силой подземных богов и святилищем крепкого Дита!
200 Мне да внемлет Отец, освящающий молнией узы!
Вы, божества и огни алтарей, которых касаюсь,
Мне свидетели: мир и союз нерушим для латинян,
Что б ни случилось, век. Никакая сила отныне
Волю не сломит мою,— пусть бы даже в потопе смешались
205 Волны и суша и свод небес обрушился в Тартар,—
Так же, как этот жезл (был жезл в руке его правой)
Тени не даст никогда, не оденется легкой листвою,
После того как, в лесу со ствола материнского срезан,
Соков лишен, потерял под ножом он и кудри и ветви,
210 Некогда сук, но теперь рукой искусной оправлен
В медный убор и вручен отцам народа латинян».
Так говорили цари, договор скрепляя взаимно,
Перед очами вождей, а потом над огнем по обрядку

Жертвы заклали они освященные, заживо вырвав
215 Сердце и печень у них и алтарь отягчивши дарами.

Но уж неравным теперь поединок царей представлялся
Рутулам; в душах у них несогласные борются чувства
Тем горячей, чем ближе они превосходство Энея
Видят. И пуще сердца взволновал лицом изможденным,
220 Взором потупленным Турн, когда он к алтарю, побледневший,
Шел и с мольбою к нему припал, не промолвив ни слова.
Слышит Ютурна: в толпе раздается ропот все громче,
Шаткие души людей обращаются к помыслам новым;
225 В гушу стоящих бойцов, приняв обличье Камерта
(С прадедов был могуч его род, и отец возвеличил
Доблестью имя его, и он сам был воин отважный).
В гушу бойцов замешалась она и стала умело
Сеять ропот меж них, подстрекая такими речами:
«Видеть не стыдно ли вам, как за нас за всех подставляет
230 Жизнь один под удар? Иль числом не равны мы и силой
Нашим врагам? Вот вся она здесь, аркадцев и тевкров
Рать роковая, и вот ненавистные Турну этрусски:
Всем не хватит врагов, коль один на один мы сойдемся!
Турн к небожителям, чьим алтарям он себя посвящает,
235 Будет молвой вознесен, и не смолкнет в устах его имя.
Мы же, отчий наш край потеряв, надменным владыкам
Станем рабами, коль здесь сидеть останемся праздно»,
Воинов рвенье она разожгла такими речами,
Громче и громче пополз по ратям рутулов ропот.
240 Даже латиняне все и лаврентцы, которые прежде
Лишь о спасенье страны, о покое и мире мечтали,
Рвутся к оружию опять и молятся, чтоб не успели
Клятвой скрепить договор, и об участи Турна жалеют.
Нимфе все мало, и вот, затеяв новую хитрость,
245 Знаменье в небе она явила (ничто италийцам
Ум не могло сильнее помутить, чем обманное чудо):
В алом эфире летел орел Юпитера бурый,
Птиц прибрежных вспугнув, за крылатым гнался он строем;
Вдруг упал с высоты и прекрасного лебедя поднял
250 Злобный разбойник из волн, кривыми впившись когтями.
Духом воспрянув, глядят италийцы на дивное дело:
С криком всей стаей назад повернули бегущие птицы,

Свет крылами застав и сбившись плотною тучей,
В небе погнали врага,— и, натиском их побежденный,
255 Выпустил хищник из лап, ослабевших от тяжести груза,
В воду добычу и сам в облака умчался трусливо.
Рутулов радостный клич предвестье лживое встретил.
Тянутся руки к мечам. И первым гадатель Толумний
Молвит: «Ниспослано то, о чем просил я в молитвах!
260 Вижу богов, богов узнаю! Берите оружие,
Я поведу, несчастные, вас, которых войною
Злобный пришлец запугал, словно птиц бессильных, явившись
Берег ваш разорять. Но на всех парусах убежит он
В море трусливо. А вы ряды дружнее сомкните:
265 В битве царя защитим и отнять его не позволим!»
Вымолвив, он из рядов выбегает и в тевкров бросает
Пику; прямо летит, рассекая воздух со свистом,
Ветка кизила. И вмиг раздаются крики повсюду,
Вмиг запылала сердца, и ряды смотревших смешались.
270 Пика меж тем,— у нее на пути живую преградой
Девять прекрасных сынов аркадца Гилиппа стояло,
Братьев, рожденных одной тирренкой-матерью старцу,—
В тело впиалась одному, туда, где живот его стянут
Кожаным поясом был, скрепленным пряжкой сбоку;
275 Юношу дивной красоты, блиставшего пышным доспехом,
Пика пронзила насквозь и в песок опрокинула желтый.
Братья, отважный отряд, пораженные скорбью внезапной,
Тотчас хватают мечи и железо летучее копий,
Рвутся вслепую вперед; навстречу им выбегает
280 Строй лаврентских бойцов; и уже агиллинцы и тевкры
Мчатся лавиной густой и аркадцы в пестрых доспехах.
Страсть одна у врагов: решить оружием тяжбу.
Все алтари сметены. Взвихрѐнной черною тучей
По небу копыа летят, и железный рушится ливень.
285 Чаши несут и жаровни назад. Латин убегает,
Прочь уносит богов, изгоняемых попранной клятвой.
Впрячь в колесницы коней спешат одни, а другие
Прыгают в седла, летят на врага с мечом обнаженным.
Вот на Авлеста-царя Мессап коня направляет
290 В жажде разрушить союз, и тирренца в царском уборе
Гонит он и теснит,— пока, попятившись в страхе,
Вдруг на алтарь, что сзади стоял, не наткнулся несчастный.

Навзничь он пал и на жертвенник лег головой и плечами;
Быстрый примчался Мессап, о пощаде молившего мужа
295 Толстым, тяжелым копьем он с коня ударил и молвил:
«Этот готов! Принес я богам наилучшую жертву!»
С теплого тела доспех италийцы, собравшись, сорвали.
Вот Кориней, на бегу с алтаря голову подхвативший,
Бросил Эбузу ее, для удара занесшему руку,
300 Прямо в лицо; борода занялась у Эбуза густая,
Смрад паленых волос полетел; Кориней же немедля
Левой рукою схватил врага трепетавшего кудри,
Наземь бросил его, придавил, упершись коленом
В грудь, и твердый клинок вонзил меж ребер. За Альсом,
305 Храбрым хранителем стад, среди первых летевшим сквозь
копья,
Мчался, меч заноса, Подалирий; но Альс, обернувшись,
Острой секирой взмахнул и череп до подбородка
Надвое тевкру рассек, оросив доспех его кровью.
Тотчас же тяжкий покой, железный сон, опустившись,
310 Воину очи застлал навеки тьмой непроглядной.

Благочестивый Эней, не покрыв даже голову шлемом,
Громко к тевкрам взывал, протянув безоружную руку:
«Стойте! Куда вы? Зачем разгорелась распря неожиданно?
Гнев сдержите, друзья! Заключен союз, и условия
315 Приняты: мне одному надлежит сражаться по праву!
В бой без страха меня пустите: узы скреплю я
Твердой рукой. Мне Турн обречен обрядом священным».
Но между тем как Эней увещал речами троянцев,
Вдруг со свистом к нему прилетела пернатая стрелка;
320 Ныне неведомо, чей послал ее лук, и какие
Ветры ее принесли, и кто очастливил удачей
Рутулов — случай иль бог: погибла подвига слава,
Не похвалялся никто Энея пролитой кровью.
Турн, едва увидал, как Эней уходит из строя,
325 Как всполошились вожди, загорелся пылкой надеждой:
Требует вновь он коней и доспех и, вскочив в колесницу,
В руки поводья берет, преисполнен гордости новой.
Много могучих мужей, пролетая, он гибели предал,
То полумертвыми их валил, то давил колесницей,
330 То убегавших разил, из убитых выхватив копья.

Так окровавленный Марс над потоком Гебра студеным,
Звоном щита возбуждая вокруг беспощадные битвы,
Бешеных гонит коней, и быстрее Зефира и Нота
По полю мчатся они; под копытами быстрыми стонет
335 Фракии дальней земля; а следом спутники бога —
Мрачного Ужаса лик, и Гнев, и Козни несутся.
Марсу подобный, коней, от пота дымящихся, гонит
Турн окрыленный, глумясь над врагами, что жалкою смертью
Гибнут вокруг; летят от копыт горячие брызги
340 Алой кровавой росы, и песок стал от крови зыбучим:
Издали Турн Сфенела сразил, а Фамира и Фола —
В ближнем бою; издалёка настиг он двоих Имбрасидов —
Главка и Лада — копьем; в краю Ликийском взрастил их
Имбрас и сам на войну снарядил, чтоб могли они равно
345 Биться и в пешем строю, и верхом, ветра обгоняя.
В поле с другой стороны на врагов устремился отважно
Славный воитель Эвмед, Долона древнего отпрыск;
Имя он деда носил, а мощью и храбростью равен
Был отцу, что лазутчиком шел к данайскому стану,
350 Дерзко в награду себе испросив упряжку Пелида;
Но заплатил за дерзость ему другою наградой
Сын Тидея, и он о конях уж не думал Ахилла.
Турн, чуть завидел вдали на равнине открытой Эвмеда,
Легким дротом в него метнул, прорезавшим воздух,
355 Резвых коней задержал, с колесницы спрыгнул проворно,
Кинулся прямо к врагу, лежавшему замертво в прахе,
Шею ногой придавил и, меч из рук его вырвав,
В горло клинок вонзил глубоко и над трупом промолвил:
«Землю хотел захватить ты в краю Гесперийском? Отмерь же
360 Собственным телом ее! Такую награду уносят
Все, кто на нас нападет; города здесь так воздвигают!»
Пику метнув, отправил он вслед за Эвмедом Асбута,
После — Хлорея, Дарета, Сибáриса и Терсилоха,
С ними — Тимета, что был норовистой лошадью сброшен.
365 Если, шумно дыша, на эгейский простор налетает
Вдруг эдонийский Борей,— убегают к берегу волны.
И под напором его разбегаются по небу тучи.
Так же, где бы себе ни прокладывал рутуль дорогу,—
Вспяк отряды бегут. Порыв увлекает героя,
370 Грива на шлеме его развевается по ветру бурно.

Горько Фегею глядеть, как неистовый Турн побеждает,
Путь преградив упряжке врага, покрытые пеной
Он поводья схватил, на бегу повернул колесницу,
Сам же, конями влеком, повис на дышле, подставив
375 Бок удару копья,— прорвав двойную кольчугу,
Тело задел наконечник легко и крови отведал.
Тотчас к врагу повернулся Фегей, щитом прикрываясь,
Начал с мечом наступать, друзей призывая на помощь,
Но колесница вперед рванулась и с ног его сбила,
380 Бросила наземь его под колеса, и Турн подбежавший
Шею ему мечом разрубил меж кольчугой и шлемом,
Голову снес и оставил в песке безглавое тело.

Тою порой, как Турн губил врагов, побеждая,
Верный Ахат и Мнесфей и с ними юный Асканий
385 В лагерь к шатрам привели залитого кровью Энея:
Шел он, за шагом шаг, опираясь на длинную пику,
В гневе обломок стрелы из раны вырвать пытался,
Требовал, чтобы друзья помогли ему способом скорым:
Рану широким мечом иссек и скрытое в теле
390 Вынули жало стрелы и вернуться в бой разрешили.
Япиг, Иасия сын, подошел, Аполлона избранник;
Бог ему в давние дни, воспылав любовью великой,
Радостно все искусства свои предлагал и умения:
Или пророчества дар, иль кифару, иль быстрые стрелы.
395 Япиг, желая продлить отца одряхлевшего годы,
Силу трав предпочел узнать, врачеванья приемы
Все изучить, чтоб в тиши заниматься скромным искусством.
Горько ропща, стоял Дарданид, на копье опираясь,
Рядом — троянцев толпа и плачущий отрок Асканий.
400 Только Эней недоступен слезам. А старец хлопочет,
Полю плаща подобрав по обычаю всех пеанидов:
То умелой рукой, то могучими травами Феба
Тщетно старается он помочь, и железо из раны
Пальцами хочет достать и цепкими вырвать щипцами.
405 Нет удачи ему, и на помощь отец врачеванья
Феб не приходит; меж тем на полях все больше и больше
Ужас растет, все ближе беда: застилается небо
Пылью, и всадников строй подступает, и стрелы на лагерь
Сыплются частым дождем, и в эфир высокий взлетают

410 Скорбные вопли бойцов, сражаемых Марсом суровым.
Горько Венере глядеть на мученья безвинные сына.
Тотчас она сорвала ясенец на Иде Диктейской —
Стебель с пурпурным цветком, от спелых листьев кудрявый;
Знают эту траву быстроногие горные козы,
415 Ищут ее, убежав со стрелой пернатою в теле.
Облаком темным лицо окутав, приносит Венера
Травку и тайно ее погружает в блестящую чашу;
Влаге, налитой в нее, придав целебную силу,
Сок амвросии льет и душистый состав всецеляющий.
420 Рану влагой омыл ни о чем не ведавший Япиг —
Боль немедля ушла и покинула тело Эней,
Кровь перестала течь, осушилась глубокая рана,
Тотчас, покорно руке, без усилия вышло из тела
Жало стрелы, и к царю вернулись прежние силы.
425 «Что ж вы стоите? Скорей вождю несите оружие! —
Япиг вскричал и сердца наполнил мужеством новым. —
Нет, не силе людской, не стараньям искусства обязан
Ты избавленьем, Эней, не моей исцелен ты рукою:
Бог великий тебя для великих дел возвращает».
430 Быстро поножи надел герой, стосковавшись по битве.
Пикой тяжелой взмахнул; промедленье ему ненавистно.
Панцирь уже на плечах, и щит удобно прилажен.
Юла привлек родитель к груди, одетой в доспехи,
И хоть мешал ему шлем, коснулся сына губами,
435 Молвив: «Учись у меня трудам и доблести, сын мой.
Быть счастливым учись у других. Тебя защищу я
В битве своею рукой, поведу к великим наградам.
Ты же о нас не забудь и, когда созреешь годами,
Пусть побуждает тебя подражать высоким примерам
440 Мысль, что Эней — твой отец и что брат твоей матери —
Гектор».

Молвив такие слова, он из лагеря вышел, огромный,
Мошною пикой в руке потрясая; за ним устремились
Быстро Анфей и Мнесфей, и густой толпой за ворота
Воины хлынули все. В непроглядном облаке пыли
445 Скрылись от взоров поля, задрожала земля под ногами.
Видит Турн, что враги из лагеря снова выходят,
Видят противника вновь авзоийцы — и трепет холодный

Их пронизал до мозга костей. Всех раньше Ютурна
Тевкров услышала клич и в бегство бросилась в страхе.
450 Мчится Эней и чернеющий строй ведет по равнине;
Так, если вихрь налетит,— к земле стремительно мчится
По морю столб водяной, и сердца земледельцев сжимает
Вещий страх, ибо смерть немало свалит деревьев,
Много посевов сметет, на пути своем все разрушая;
455 Грохот меж тем доносят до них предвестники-ветры.
Смерчу подобна, идет предводимая мужем ретейским
Рать на врага; сплотившись тесней, построились в клинья
Тевкры. И вот уж мечом Тимбрея повержен Осірид,
460 Вот уж Ахатом убит Эпулон, Арцетий — Мнесфеем,
Уфент Гиасом сражен; погиб и гадатель Толумний,
Тот, что первым копье во врагов безоружных направил.
К небу вздымается крик; в свой черед под натиском тевкров
Рутулы мчатся назад, убегая по пыльному полю.
Но не желает Эней истреблять ни бегущих постыдно,
465 Ни в рукопашную с ним дерзающих биться на равных;
Тех, кто бросает копье, не преследует он,— одного лишь
Турна ищет во мгле, лишь его на бой вызывает.
Ужас душу потряс Ютурне, деве отважной.
Сильным ударом она Метиска, Турна возницу,
470 Сбросила прочь с передка, и лежать в пыли он остался,
Нимфа же в руки сама взяла волнистые вожжи,
Голосом, ростом, лицом и оружием подобна Метиску.
Ласточка вьется порой по дому богатого мужа,
В атрий высокий впорхнув, и на черных крыльях кружится,
475 И, для крикливых птенцов собирая скудную пищу,
То по просторным селям, то над самой водою мелькает;
Ласточке этой под стать, летит меж врагами Ютурна,
Быстрых коней торопя, колесницу по полю гонит,
Дальше спешит без дорог, чтоб и там и здесь показался
480 Радостный Турн, но нигде не успел завязать поединок.
Встречи с Турном ища, и Эней кружит по равнине,
По́ следу мчится за ним, через головы ратей разбитых
Громко кличет врага,— но едва лишь, поймав его взглядом,
Пустит троянец быстрее скакунов крылоногих вдогонку,
485 Тотчас, коней повернув, ускользает в сторону нимфа.
Как же ему поступить? Понапрасну прибором бушуют
Мысли и душу влечет то одно, то другое решенье.

Вдруг Мессап, что держал два дрота с жалом железным
Гибких в левой руке, замахнулся одним и направил
490 Метким броском в Энея его, налетевши неожиданно.
Встал на месте Эней и, согнув колени, укрылся
Весь за огромным щитом,— и дрот лишь маковку шлема
Снес у него и с гребня сорвал мохнатую гриву.
Пуще коварство врага распалило ярость героя.
495 Видит он: вновь и вновь колесницу кони уносят,—
И, громовержца призвав на алтарь взглянуть, оскверненный
Попранной клятвой, сам устремился в толпу италийцев,
Страшную сечу меж них учинил, разя без разбора,
Гнева узду отпустив, благосклонным сопутством Марсом.

500 В песне кто из богов мне о грозной поведает сече,
Гибели горькой вождей, которых по полю гнали
В свой черед то троянский герой, то рутул отважный?
Ты ли, Юпитер, хотел племена, которым навеки
Мир уготовил ты сам, испытать великой войною?
505 Только лишь, в битву вступив, Эней напал на Сукрона,
Встали на месте бойцы, задержался натиск троянцев;
Сбоку ударил герой, и недолго противился рутул:
В ребра вонзился клинок и принес мгновенную гибель.
Турн Амика в тот миг, когда конь его сбросил, на пику
510 Принял в пешем бою, и следом брата Диора
Острым железом сразил; отсеченными их головами
Он колесницу свою украсил и дальше умчался.
Предал смерти Эней Танаиса, Цетега и Тала,
Против троих сражаясь один, и за ними Онита
515 (Был он, несчастный, рожден Перидией отцу Эхиону).
Турн ликийцев двоих, пришедших с Фебовых пашен
Братьев родных, распростер, и аркадда Менота — напрасно
Тот ненавидел войну и на Лерне, рыбой обильной,
Жил ремеслом рыбака в дому убогом, не зная
520 Тягот богатства, с отцом, засевавшим наемную ниву.
Словно огонь в сухостойном лесу, с двух сторон запаленном,
С ревом несется вперед по кустам низкорослого лавра,
Словно потоки в горах, водопадами с круч низвергаясь,
Пеной покрыты, стремят на равнину ревушие воды,
525 Все на своем сметая пути,— так оба героя
Турн и Эней, несутся сквозь бой, Теперь до предела

Ярость наполнила грудь, и привыкшие только к победам
Рвутся сердца; разят лишь теперь они с полною силой.
Камень, обломок скалы, метнул троянец в Муррана;
530 Прадедов, дедов своих именами Мурран похвалялся,
Ибо весь его род царил на землях латинских,
Но с колесницы низверг его Эней, и под нею
Между колес повлеклось на вожжах его тело, и кони
Долго топтали его, позабыв о хозяине в бегстве.
535 С криком неистовым Гилл напал на Турна, но рутул
Пикой встретил врага и в висок золоченый ударил:
Шлем пробило копье и в мозгу пронзенном застряло.
Мошь руки, о Крефей, между греков храбрейший, от Турна
Не охранила тебя, и тебя, Купенк, от Энея
540 Боги твои не спасли: под удар налетевшего тевкра
Грудь ты подставил, и щит не сберег злосчастливого медный.
Пашни Лаврента в тот день и тебя, Эол, увидали,
Как ты навзничь упал и простерся, руки раскинув,
Ты, кого не могли погубить ни фаланги аргивян,
545 Ни великий Ахилл, разрушитель Приамова царства.
Здесь ожидал тебя смерти предел: был дом твой под Идой,
Был в Лирнесе твоем дом, а могила — в полях под Лаврентом.
Друг ко другу лицом повернулись враги: италийцы,
Тевкры все, и среди них Мнесфей с отважным Серестом,
550 Храбрый Азил и могучий Мессап, коней укротитель,
Тусков полки и конный отряд аркадца Эвандра,—
Каждый являет в бою высочайшую сил своих меру,
Отдыха воинам нет, не медлит упорная битва.

Новый прекрасная мать тут внушила замысел сыну:
555 Чтобы к стенам он пошел, повернул против города войско,
Чтобы скорее сломил пораженьем внезапным латинян.
Сам он, когда меж рядов по следу Турна носился,
Все озирая кругом, увидал, что покоится в мире
Город, вине вопреки, и великой войною не тронут.
560 Сердце Энею зажгло виденье большего боя.
Кликнув Сергеста к себе и Мнесфея с отважным Серестом,
Встал герой средь вождей на холме, и сбежались немедля
Тевкров отряды к нему и вокруг столпились, оружия
Не выпуская из рук. И сказал им Эней с возвышенья:
565 «Тотчас исполните все, что скажу я. С нами Юпитер!

Бой хоть по-новому мы поведем, но с прежней отвагой!
Город, причину войны, столицу Латина сегодня,—
Если не примут узды, не признают нашей победы,—
Я сокрошу и с землей подоженные кровли сровняю.
570 Должен ли ждать я, пока соизволит Турн побежденный
В битву вступить и один на один сойдется со мною?
Здесь и начало, друзья, и конец войны нечестивой!
Факелы дайте: огнем мы принудим латинян к союзу».
Так он сказал, и тотчас же все, соревнуясь отвагой,
575 Строятся в клин и к стенам спешат лавиною плотной.
Лестницы вдруг появились в руках и горящие ветки.
Мчатся к воротам одни, убивают стражу у входов,
Копий и стрел пеленой застилают небо другие;
Руку из первых рядов Эней к стенам простирает,
580 Громко Латина корит в том, что дважды вражду разжигал он,
Дважды союз разрывал, и клянется, богов призывая,
В том, что и ныне его против воли заставили биться.
В городе тотчас раздор между граждан испуганных вспыхнул:
Требуют те отворить перед войском дарданским ворота
585 И за собою влекут на стены старца Латина;
Эти оружие несут, к обороне готовясь упрямо.
Так порою пастух, нашедший в скважистом камне
Диких пчел, выкуривать их принимается дымом;
В страхе за царство свое, облетают пчелы вслепую
590 Стан восковой и гнев свой сильней разжигают жужжаньем,
Едкий запах меж тем по проходам течет, и гуденье
Слышится в полой скале, и дым подымается к небу.

Новое горе тогда истомленных постигло латинян,
До основанья Лаврент потрясло оно скорбью неожиданной:
595 С кровли едва увидав, как враги стремятся на приступ,
Мечут огонь на крыши домов и влезают на стены,
И не противятся им, не дерутся рутулы Турна,—
Тотчас царица сочла, что погиб в сражение несчастный
Юноша. Разум ее помутился от боли внезапной:
600 Громко причиной всех бед и началом себя именует
В скорбном безумье она и ведет бессвязные речи;
После, решив умереть и покров разорвав свой пурпурный,
Вязет к балке сама безобразную смертную петлю.
Скоро об этой беде узнали латинские жены,

605 Пышные кудри свои растерзала Лавиния первой,
Щеки себе расцарапала в кровь,— и, наполнив чертоги
Воплями, женщины все предались неистовой скорби.
Горькая весть из дворца по всему разлетелась Лавренту.
Падают духом бойцы; Латин разрывает одежды;
610 Смертью жены потрясен и крушением города скорым,
611 Пылью нечистой себе осыпает седины несчастный.

614 Тою порой воинственный Турн по краю равнины
615 Редких гнал беглецов,— но уже не с прежним усердьем,
И ликовал уж не так, когда кони врага настигли.
Вдруг до него донесли непонятого полные страха
Вопли по ветру; и вот напряженным ловит он слухом,
Как зловещий растет в смятенном городе ропот.
620 «Горе мне! Вновь отчего оглашаются стены стенаньем?
Чьи это вопли сюда из далекого города слышны?»
Молвив, коней задержал, натянув поводья, безумец.
Тотчас богиня-сестра, что, приняв обличье Метиска,
Место возницы заняв, колесницей правила брата,
625 Молвит ему вперекор: «Истребляй троянских пришельцев
Здесь, где дорогу тебе открывает первые победа.
Чтобы дома защищать, бойцы другие найдутся.
Пусть италийцев Эней в упорной преследует битве,—
Мы беспощадной рукой предавать будем смерти троянцев:
630 Ты ни убитых числом не уступишь дарданцу, ни славой»,
Турн отвечал:
«О сестра, тебя я узнал, как только искусство
Ты договор заключить помешала и ринулась в битву;
Тщетно ты хочешь меня обмануть, о богиня. Но кто же
635 С неба тебя из богов послал на труды и на муки?
Брата ль несчастного ты прозреваешь жестокою гибель?
Что же мне делать теперь? Где сулит спасенье Фортуна?
Звал нас на помощь Мурран, на моих глазах умирая;
Не оставалось друзей у меня дороже Муррана,—
640 Но и могучий Мурран погиб под ударом могучим.
Уфент несчастный пал, не желая позор наш увидеть,
Ныне и телом его и оружием владеют троянцы.
Я ли стерплю, чтобы враг (лишь этого нам не хватало!)
Жег дома? Я ли Дранка навет не смогу опровергнуть?
645 Эти неужто поля бегущим Турна увидят?

Так ли гибель страшна? Вы ко мне благосклонны пребудьте,
Маны, коль скоро богов небесных мне воля враждебна!
К вам с непорочной душой я сойду, не запятнанный гнусной
Этой виной и дедов моих достойный великих».

650 Так говорил он. Но вот сквозь толпу врагов пролетает
Пеной покрытый скакун, и, стрелюю в голову ранен,
Сáкет несется на нем, окликая по имени Турна:
«Сжался над нами, Турн! На тебя лишь осталась надежда!
Молнией меч Энея разит, угрожает пришелец
655 В прах низвергнуть и сжечь пожаром твердыню латинян.
Факелы вражьи летят на кровли. Все италийцы
Взор обращают к тебе. Латин решиться не может,
С кем договор заключить, кого назвать ему зятем.
Та, что преданней всех тебя любила,— Амата
660 Жизни лишила себя и мир покинула в страхе.
Только Мессап и отважный Атин защищают ворота,
Дать пытаясь отпор отовсюду рвущимся тевкрам.
Вкруг железной стерней клинки врагов вырастают.
Ты же на поле пустом колесницу гонишь напрасно».
665 Замер Турн, поражен событий новым обличем,
Молча вокруг озирается он. Воедино сливаясь,
В сердце бушуют сильнее и стыд, и скорбь, и безумье,
Вера в доблесть свою и любовь, распаленная местью.
Только лишь сумрак исчез и вернулась к разуму ясность,
670 Взоры горящие Турн обратил к стенам и воротам
И с колесницы своей обозрел в тревоге твердыню.
Там уже огненный вихрь, пожирая доски настилов,
К небу взметнулся, клубясь над пожаром охваченной башней:
Сам он построил ее из надежно сколоченных бревен,
675 Снизу колеса подвел и мосты перекинул высоко.
«Рок побеждает, сестра! Теперь нельзя уже медлить!
Бог нас зовет и злая судьба — так пойдем же за ними.
Твердо решил я вступить в поединок с Энеем и горечь
Смерти узнать. Но в позоре меня не увидишь ты больше!
680 Только позволь мне, молю, отдаться ярости вольно!»
Так он сказал — и скорей с колесницы спрыгнул на землю,
Ринулся в гущу врагов, покидая печальную нимфу,
И, разрывая ряды, сквозь мечи и копья помчался.
Так тяжелый утес, оторвавшись от горной вершины,

685 Рушится с круч, иль подмытый дождем, или сваленный ветром,
Или древностью лет неприметно подточенный снизу;
Прыгая, катится он по кремнистым стремнинам в долину,
Злобно силой гоним, и в пути за собой увлекает
Скот, и леса, и людей,— и так же, ряды разметая,
690 Рутул несется к стенам, туда, где от пролитой крови
Влажной стала земля, где свищут в воздухе копыя.
Знаки рукой подает он друзьям и громко взывает:
«Рутулы, стойте! И вы удержите, латиняне, копыя!
Что ни готовит судьба — все мое! Договор оскверненный
695 Мне за всех искупать, мне решать эту тяжбу оружием».
Все расступились бойцы, посредине очистив пространство.

Сам родитель Эней, лишь услышал противника имя,
Стены покинул тотчас, городскую покинул твердыню;
Все, что могло задержать, он спешит иль прервать, иль

окончить,

700 Радости полный, встает, звеня доспехами грозно;
Словно Афон, огромен герой, словно Эрикс иль даже
Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега
Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет.
Вот уже рутулы взор обратили к Энею, и следом
705 Все троянцы и все италийцы — те, что на стенах
Сверху стояли, и те, кто снизу бил в них тараном,
С плеч снимали щиты. Сам Латин дивится, увидев
Вместе могучих мужей, рожденных в разных пределах
Мира земного и здесь для последней сошедшихся битвы.
710 Оба врага между тем, едва опустела равнина,
Издали копыя метнув, друг на друга бегом устремились:
Звонко столкнулись щиты, и Марсов бой разгорелся.
Тяжко стонет земля, ударяется чаще и чаще
В битве клинок о клинок; все смешалось — и доблесть и
случай.
715 Так иль на Силе крутой, иль на склонах высоких Табурна
Два свирепых быка начинают сраженье, с разбега
Лбом ударяясь о лоб; трепеща, пастухи отступают;
В страхе немом, не мыча, ожидают покорно коровы,
Кто стада поведет, кто станет рощи владыкой;
720 С силой оба врага рога друг в друга вонзают,
Кровь широкой струей заливает подгрудки и плечи,

Громким отзвуком рев отдается по рощам окрестным.
Так же медью щитов сшибались оба героя,
Давна сын и Эней, наполняя грохотом небо.

725 Сам Юпитер меж тем, уравнив между чашами стрелку,
Взял весы и на них возложил противников судьбы:
Кто из двоих обречен, чья склонится к гибели чаша.
Турн устремился вперед, возомнив, что не встретит отпора,
Меч над Энеем занес и, во весь свой рост распрямившись,

730 Сверху обрушил удар. По рядам напряженно глядевших
Воинов крик пробежал. Но сломался меч вероломный,
Сделав напрасным удар и Турна предав. Кроме бегства,
Нет спасенья ему,— и пустился он, Эвра быстрее,
Лишь в безоружной руке рукоять чужую заметил:

735 В час, когда бой начался и Турн вскочил в колесницу,
Меч наследственный свой, как преданье гласит, позабыл он
И захватил второпях клинок возницы Метиска.
Честно служил этот меч, пока разбегались в испуге
Тевкры, но только лишь он скрестился с железом Вулкана,

740 Тотчас же смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась,—
Только на желтом песке заблестели тускло осколки.
Турн, обезумев, бежит, стремится к дальнему краю
Поля, несется то здесь, то там вслепую по кругу,
Тевкров густые ряды отовсюду его обступают,

745 Здесь — широкая топь, там — стена преграждает дорогу.
Столь же проворно Эней, хоть в колене, стрелю пропзенном,
Боль мешает подчас и шаги замедлять заставляет,
Гонится, гневный, бежит по пятам за трепещущим Турном.
Так за оленем, когда он рекой от леса отрезан,

750 Или обложен кольцом пугающих перьев пурпурных,
Мчится охотничий пес, настигая с лаем добычу;
Зверя страшит и обрыв, и коварный заслон; все по тем же
Он пробегает путям, но, не зная устали, умбрский
Гонится пес и, готовясь вот-вот вцепиться клыками,

755 Шелкает пастью — но зря: только воздух пустой он хватает,
Шум вокруг поднялся; берега и озеро вторят
Крикам толпы, и небесный свод оглашается воплем.
Турн кричит на бегу, окликая всех поименно
Рутулов, просит друзей, чтобы меч ему дали привычный.

760 Смертью Эней любому грозит, кто только посмеет
Выйти вперед из рядов, и врагов он пугает дрожащих

Тем, что разрушит Лаврент, и летит, невзирая на рану.
Пяты́й замкнули они уже круг, пять раз пробежали
Путь свой туда и назад: ведь не ради ничтожной награды
765 Так состязались они, но о жизни спорили Турна.
Дикая в поле росла посвященная Фавну олива;
Прежде чтили ее мореходы и, спасшись от бури,
Богу Лаврента дары меж горьких вешали листьев
Иль по обету сюда одежды свои приносили.
770 Но без вниманья к тому, что священным дерево было,
Тевкры срубили его, расчищая равнину для битвы.
Ныне же в нем Эней копьё торчало, и цепко
Корень жало держал, что в него с разлета вонзилось.
С силой налег Дарданид, из дерева вырвать пытаюсь
775 Пику, чтоб ею настичь того, за кем он напрасно
Гнался доселе. Но Турн, обезумев от страха, промолвил:
«Сжался, о Фавн, я молю, и ты, Земля всеблагая,
Крепче держите копьё, если чтил я ваши святыни,
Те, что ныне войной осквернило пришлое племя!»
780 Так он сказал, не напрасно воззвав к божественной силе:
Долго мешкал Эней и боролся с цепким обрубок,
Но из древесных тисков даже он могучей рукою
Пику вырвать не мог. А пока он старался и бился,
Давна бессмертная дочь, в обличье возницы Метиска,
785 Вышла вперед и меч подала бегущему брату.
В тот же миг, негодуя на то, что дозволено дерзкой
Нимфе вмешаться, копьё вырывает из корня Венера.
Вновь оружием враги и собою вновь овладели:
Турн — уповая на меч, и Эней — копьем своим грозен,
790 Встали, дыша тяжело, лицом к лицу для сраженья.

Молвил меж тем всемогущего царь Олимпа Юноне,
Сверху из туч золотых на битвы смертных взиравшей:
«Где же конец, о жена? Что еще тебе остается?
Знаешь ведь ты, и не споришь сама, что знаешь: на небе
795 Будет Эней Индигет, судьбой до звезд вознесенный.
Что замышляешь ты вновь, на что надеешься, прячась
В тучах? Пристало ль тебе стрелою смертною ранить
Бога и отнятый меч — без тебя что могла бы Ютурна? —
Турну опять возвращать, побежденных силы умножив?
800 Так не упорствуй, прошу, и к моим склонись увещаньям,

Чтоб не точила тебя безмолвная боль, пусть польются
Горькие пени твои из сладостных уст предо мною.
Мы до предела дошли. По морям ты могла и по суше
Тевкров бросать, могла ты разжечь несказанные войны,
805 Скорбными воплями дом вместо брачных песен наполнить.
Дальше идти запрещаю тебе!» Так начал Юпитер.
Взоры потупив, ему Сатурна дочь отвечала:
«Верь, о Юпитер, твоя мне, великий, ведома воля:
Лишь повинуюсь тебе, я покинула землю и Турна,
810 А не то бы меня ты не видел меж туч одинокой,
Все готовый снести,— нет, одета огнем, между ратей
Встала бы я и на гибельный бой увлекла бы троянцев.
Да, признаюсь, это я убедила Ютурну на помощь
Брату прийти и на многое ей дерзнуть разрешила
815 Ради него,— но ни лук, ни копье ей брать не велела.
В этом тебе я клянусь беспощадного Стикса истоком,
Ибо пред ним лишь полны небожители страхом священным.
Что ж, я теперь отступлю, ненавистные битвы покину.
Но заклинаю: хоть то, что не связано рока веленьем,
820 Сделай для Лация ты, для величья Сатурнова рода.
Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу,
Но, с пришлецами союз на любых заключая условиях,
Древнего имени пусть не меняет племя латинян;
Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться,
825 Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться.
Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба,
Римский да будет народ италийской доблестью мощен.
Трои нет. Так дозволь, чтобы с ней даже имя исчезло».
Молвил с улыбкой в ответ людей и мира создатель:
830 «Вправду Сатурну ты дочь и сестра Юпитеру, если
Сердце твое бушует таким неистовым гневом!
Но позабудь и былую вражду, и напрасную ярость:
Просьбу исполню твою. Побежденный, сдаюсь добровольно.
Пусть и нравы отцов, и язык сохранят авзониды
835 С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры,
Но растворятся средь них. Учрежу я обрядов священных
Чин, единый для всех, и свяжу народы наречьем.
Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови,
Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных
840 Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет».

Тут, не перечая ему, укротила дух свой Юнона,
С неба сошла за супругом вослед и покинула тучи.

Это свершив, на другое Отец помышленья направил:
Хочет из битвы изгнать он пособницу брата — Ютурну.
845 Есть две гнусных сестры, близнецы по прозванию Диры,
Мрачная Ночь родила вместе с третьей сестрою, Мегерой,
Дочерью Тартара, их, и таких же извивами гадов
Дир оплела, и дала им крыла, что ветер взметают.
850 Подле престола Отца, у порога сурового бога
Ждут приказов они, насылают на смертных недужных
Страх, если царь богов иль болезнью, иль гибелью хочет
Их покарать, иль войной устрашает город виновный.
С неба одной из сестер на проворных крыльях спуститься
Бог повелел и предстать пред Ютурной знаменем грозным.
855 Взмыла она и к земле понеслась в стремительном вихре;
Так стрела в облаках, с тетивы сорвавшись со свистом,
Мчится: ее напитал ядовитым соком парфянин,
Или кидон, чтобы раны врагов исцеленья не знали;
Глазу незрима, стрела рассекает скользящие тени,—
860 Так же на землю с небес проносилось Ночи отродье.
Издали строй увидав илионский и Турна отряды,
Сжалась тотчас же она, обернулась малою птицей,
Что на могильных холмах иль на кровлях домов опустелых
Часто сидит по ночам и поет зловещую песню.
865 Облик той птицы приняв, перед Турном кружиться и виться
С шумом стала она и о щит колотиться крылами.
Страх цепенящий сковал ослабелое рутула тело,
Волосы вздыбил испуг, и голос в горле пресекался.
Шумной Диры полет и крыла издалёка узнала
870 Турна сестра, и волосы рвать принялась она в горе,
Щеки следами ногтей осквернять и грудь — кулаками.
«Чем теперь тебе, Турн, сестра поможет родная?
Что мне, упорной, еще остается? Каким ухищреньем
Жизнь тебе я продлю? Как противиться чуду такому?»
875 Я оставляю борьбу. Не множьте, гнусные птицы,
Ужас мой: узнаю я погибельный шум и удары
Ваших крыл. Твой надменный приказ, о великий Юпитер,
Внятен Ютурне! Ты так за девство мое заплатил мне?
Вечную жизнь для чего ты мне дал? Почему у несчастной

880 Отнят смерти удел? Ведь конец положить этой муке
Я бы могла и к теням спуститься спутницей брата.
Нет, я бессмертна! Но что мне будет по-прежнему мило,
Брат, без тебя? Какая земля распахнет столь глубоко
Недра свои, чтобы я, богиня, к манам низверглась?»
885 Молвила так и, чело голубым покровом окутав,
С горестным стоном в реке богиня скрылась глубокой.

Турна троянец теснит, потрясая могучею пикой
С дровком, огромным, как ствол, и молвит с сердцем суровым:
«Что же ты медлишь опять? Каких уверток ты ищешь?»
890 Время не резвостью ног, но оружием нам потягаться!
Можешь любое принять обличье, можешь на помощь
Все призвать, чем сильна иль отвага твоя, или хитрость,
Птицей ли к звездам взлететь иль укрыться в пещерах
подземных».

Турн отвечал, покачав головой: «Твоих не боюсь я
895 Громких угроз: лишь богов я боюсь и вражды громовержца».
Речь он прервал, огляделся вокруг и камень увидел,
Камень старинный, большой, посредине положенный поля
Знаком жежи и судьей, если тяжба о пашнях случится;
На плечи только с трудом его взвалили б двенадцать
900 Самых могучих мужей из рожденных ныне землею.
Камень дрожащей рукой схватил герой и с разбега
Бросил в Энея его, во весь свой рост распрямившись.
Но ни вперед выходя, ни спасаясь бегством, ни камень
Тяжкий подняв и метнув,— себя не помнил несчастный,
905 Кровь леденела в груди, подгибались ноги в коленях.
Камень его потому, в пустоте напрасно вращаясь,
Все расстоянье не мог пролететь и ударить Энея.
Словно ночью во сне, когда смежает нам веки
Томный покой, и мерещится нам, что стремимся мы жадно
910 Дальше бежать, но вотще; ослабев от первых усилий,
Никнем мы, цепенеет лзык, и уж нам непокорны
Голос и слово, и сил привычных лишается тело.
Так же и Турн, куда бы свой путь ни направил отважно,
Нет ни в чем успеха ему от богини зловещей.
915 Чувства мягутся в душе у него; на друзей и на город
Смотрит он, медлит, дрожит, занесенной пики пугаясь,
Ни к отступленью пути, ни для боя сил не находит,

Нет колесницы нигде, и сестры-возницы не видно.
Враг роковое копье перед медлящим Турном заносит,
920 Целится, чтобы верней его направить,— и мечет,
Тело вперед устремив. Осадным пушен оружием,
Камень грохочет не так, не таким рассыпается громом
Молнии грозный удар. Подобна черному вихрю,
Пика летит и гибель несет и, щит семислойный,
925 Круглый снизу пробив, разорвав у края кольчугу,
Мышцы бедра пронзает насквозь. Подсеченный ударом,
Турн колени согнул и поник на землю, огромный.
Вскрикнули рутулы все — и на голос ответили гулом
Горы, и роши вокруг вернули отзвук протяжный.
930 Взор смиренный подняв, простирая руку с мольбою,
Молвил Турн: «Не прошу ни о чем: заслужил я расплаты.
Пользуюсь счастьем своим. Но если родителя горе
Может тронуть тебя, то молю я — ведь старцем таким же
Был и отец твой Анхиз — пожалей несчастного Давна,
935 Сына старцу верни или тело сына, коль хочешь.
Ты победил. Побезденный, к тебе на глазах авзонийцев
Руки простер я. Бери Лавинию в жены — и дальше
Ненависть не простирай». Эней, врага озирая,
Встал неподвижно над ним, опустил занесенную руку...
940 Медлит герой, и склоняют его к милосердию все больше
Турна слова — но вдруг на плече засверкала широком
Перевязь. Вмиг он узнал украшенья ее золотые:
Раной смертельной сразив Палланта юного, рутул
Снял прекрасный убор и носил на плече его гордо.
945 Видит добычу врага, о потере горестной память,
Гневный Эней — и кричит, загораясь яростью грозной:
«Ты ли, одетый в доспех, с убитого сорванный друга,
Ныне уйдешь от меня? Паллант мою рукою
Этот наносит удар, Паллант за злодейство взимает
950 Кровью пеню с тебя!» И, промолвив, меч погрузил он
С яростью в сердце врага, и объятые холодом смертным
Тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном,

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАННЕЕ
И
СОМНИТЕЛЬНОЕ

КОМАР

В шутку, Октавий, я пел под флейту резвой Талии,
Сплел покуда зачин, паутине тонкой подобный;
В шутку! Так пусть комара стихи ученые славят,
Пусть же повесть моя и далее будет забавной,
5 Даже коль речь о вождах — и пусть косится завистник!
Всякого, кто обвинять шаловливую музу возьмется,
Будет людскою молвой комара ничтожнее признан.
Позже с тобой говорить величавей моя обещает
Муза, когда небеса принесут мне плод неременный
10 И отшлифую стихи, твоего достойные вкуса.

Феб, Латоны благой и Юпитера высшего отпрыск,
Сам да пребудет вождем и создателем этой поэмы
И опекает ее, бряцая на лире певучей,
В Арне ли был он, где Ксанф струит химерейскую влагу,
15 Или в Астерии был рожден, или там, где разлзтый
Широколобый Парнас рога свои врозь расставляет,
Там, где струистой стопой скользят кастальские воды.
Так поспешайте сюда, украшенья Пиерии влажной,
Сестры наяды, и здесь хороводами бога прославьте!

20 Палес святая, и ты, кого почитают селяне
Ради грядущих благ, ты, хранящая люд деревенский,
Рош воздушных красу и лесов зеленые чащи,—
Как я счастлив бродить средь долин и пещер, где царишь ты!

Также и ты, чьи не зря мне внушили доверие книги,
25 Чтимый Октавий, к моим начинаньям будь благосклонен!
Мальчик святой, для тебя эта песня, в которой прискорбной
Битвы Юпитера нет, ни остроенных ратей, от коих
Флиры дрожала земля, орошенная кровью гигантов;
30 В ней не поется о том, как с кентаврами бились лапифы,
В ней не сжигает восток огнем твердыню Кекропа;
Пусть ни прорытый Афон, ни Понт в бессильных оковах
В свитке не ищут моем своей славы отзвуков поздних,
Ни Геллеспонт, что был истоптан копытами коней,
Греция в страхе когда ожидала нашествия персов:
35 Тихая песня моя, стихом текущая плавным,
Рада шутить, зная силы свои, вдохновляема Фебом.
Это, о мальчик святой, ты должен помнить. Да будет
Слава, сияя в веках, навсегда неразлучна с тобою.
Место навечно твое да будет в ряду благочестных,
40 Жизнь твоя не спеша да течет по счастливому руслу,
Добрым на радость света; а я свою песнь зачинаю.

Солнце уже, распалась, поднималось в твердыни эфира,
Светоч спящий взнося в золотой своей колеснице,
Розовокудрая, встав, прогнала уже сумрак Аврора,
45 Вот уж пастух перегнал из загона на злачную пажить
Коз, а сам забрался на вершину крутого пригорка,
Где пожелтелой травой покрыты просторные склоны.
Вот уже козы его по лесам, по кустам разбрелися,
Скрылись в долинах одни, а другие, блуждая на воле,
50 Нежные трав стебельки осторожным срезали укусом.
Там, где в щербинах нагих нависали над пропастью скалы,
С веток повисших они земляничника ягоды щиплют,
С жадностью в частых кустах виноградины дикие ищут;
Эта спешит оборвать верхушку склоненную ивы
55 Юной, а та — обглодать едва подростшие ольхи,
Эта терновых кустов обдирает побеги, а эта
Не отойдет от ручья, и собой, и водою любуясь.

Счастлива жизнь пастуха,— если кто, возгордившись наукой,
Бедность простую не стал презирать и ценою роскошеств
60 Все, что ни есть, измерять, кто сумел забыть о заботе,
Непримиренных людей терзающей алчную душу;
Кто и не мыслит о том, омыта ли в пурпуре дважды
Шерсть, что ценою равна богатствам Аттала; чью душу
Алчную ни потолок не томит золоченый, наборный,
65 Или картин красота; кто не видит пользы в сверканье
Пестрых камней, чьи кубки чекан не украсил Алькона
Или Боега резец, кто не ценит жемчуг индийский —
Раковин редкостный дар, но зато, с душою невинной,
Часто на мягкой траве простирает усталое тело
70 В дни благодатной весны, когда распускаются почки
И многоцветной травой земля украшает поляны;
Радует душу его звучанье болотной тростинки,
Жизнь досужна его, в ней ни зависти нет, ни обмана.
Сам он хозяин себе, лозю Тмола укрытый —
75 Нежной одеждой ее, из листьев зеленых сплетенной.
Сердцу любезны его и млекоточивые козы,
Палес, что множит приплод, и леса, и пещеры средь горных
Троп, где все время ручьев нарождаются новые струи.
Жизни желанный срок проведеть возможно ль счастливей
80 Тех, чьи чувства чисты, кто душой отвергает богатства,
Алчность будящие в ней и ни войн не боится плачевных,
Ни погибельных битв, когда флоты встречаются в море,
Кто, дабы храмы богов украсить блистаньем доспехов
Вражьих и все перейти рубежи в стяжанье надменно,
85 Не подставляет груди добровольно врагу под удары?
Он серпоносного чтит безыскусно точеного бога,
Роши священные чтит, и взамен благовоний панхайских
Служат ему полевые цветы и пахучие травы,
Сладостен сон у него, его наслажденья невинны,
90 Просты заботы, и все об одном, к одному устремляет
Все свои помыслы он, об одном тревожится сердце:
Чтоб не нуждаться ни в чем, любой довольствуясь пищей,
И чтобы сладостный сон освежил усталое тело.
Вы, о стада! Вы, о Паны! И вы, Темпейские доли,
95 Гамадриад святые места, где попросту чтит их
Каждый пастух, что с самим потягаться аскрейским поэтом
Может, мирную жизнь проводя с душой безмятежной.

Так размышляя, пастух отгоняет заботы дневные
И, опираясь на свой изогнутый посох, выводит,
100 Дуя в тростинку, напев привычной пастушеской песни;
Гиперионов огонь между тем лучи простирает
До океанских берегов, впереди и сзади лежащих,
В царстве эфирном раздел светозарным отметив сияньем.
И уж пастух погонял своих коз, и они поспешали
105 Вниз, туда, где журчал ручей с неглубокой водою
И голубея бежал по лону из свежего моха.
На половине пути уже солнца была колесница,
И уж в глубокую тень пастух позагнал свое стадо;
Издали стал он глядеть, как они разлеглись, отдыхая,
110 В роще тенистой твоей, Делийская дева-богиня.
Встарь прибежала сюда, одержима безумьем, Агава:
Гнал Никтелией ее, обагрившую руки убийством,
Вдаль по холодным хребтам, и она задремала в пещере
После вакхических буйств, чтобы вскоре ответить за сына.
115 Здесь же и Паны в те дни на злчных резвились лужайках,
В сонме наяд и дриад здесь вели хороводы сатиры;
С меньшею силой Орфей удержал течение Гебра
Меж берегов и леса покорял сладкозвучною песней,
Чем удержало тебя, богиня, быстрая в беге,
120 Пляски веселье, твой лик заливая румянцем восторга.
Здесь природа сама создала приют шелестящий,
Чтобы в прохладной тени обновлялись усталые силы.
Там из пологих долин поднимаются к небу высоко
Кроны платанов, меж них возрастает погибельный лотос,
125 Гибельный, ибо друзей он увел горемыки-Улисса,
Сладостью их чрезмерной пленив на далекой чужбине;
Здесь же и те, кого, огненогими сброшен конями,
В горе поверг Фазтон и тоской изменил их обличья —
Купы сестер — Гелиад, с чьих рук, что стали ветвями,
130 Ныне густая листва опускается белым покровом.
Рядом и ты, кому уготовил печальную участь
Демофоонт — всю жизнь об измене рыдать, вероломный
Демофоонт, девических слез и донныне причина.
Возле нее и дубы, глашатаи вышних вешаний,
135 Старцы-дубы, нам дававшие жизнь прежде злаков Цереры
(Колосом их заменила потом борозда Триптолема).

Здесь же рядом сосна, которою славился Арго,
Ныне шершавой корой и стройностью лес украшает,
С гор поднебесных стремясь до звезд дотянуться верхушкой.
140 Тут же и каменный дуб с кипарисом безрадостным рядом,
В тень тут буки маняет, и плющ тополям обвивает
Руки, чтоб в грудь не били они, о брате тоскуя,
Сам же неспешно ползет до верхушки и там оттеняет
Цвет золотистых кистей зеленой бледностью листьев.
145 Здесь же и мирты росли, что судьбу свою прошлую знают.
Много ютится и птиц на ветвях развесистых в роще,
Где на все голоса раздаются их нежные песни.
Под деревьями внизу, из ключей ледяных вытекают
И принимая ручьи, поток миротворно струится.
150 Всюду, где только в ушах ни звенит щебетание пернатых,
Слышны и жалобы тех, чье пловучее тело лелеет
Илистых вод теплота: разносит их возгласы эхо
И оглашается зной цикад пронзительным звоном.
Там и сям разлеглись жарой утомленные козы
155 Между высоких кустов, чьи ветки спутать не может
Тихим дыханьем своим набегающий ласковый ветер.

Только улегся пастух в тени отдохнуть у потока,
Как погрузился тотчас в глубокую сладкую дрему;
Козней ничьих не боясь, на зеленой траве развалившись,
160 Он безмятежному сну поручил разомлевшее тело.
Так, на земле распростерт, услаждал бы он сердце покоем,
Если бы рок не велел вещам неожиданным случиться,
Ибо в положенный час, повторяя все те же извны,
К речке змея приползла, испещренное пятнами тело
165 Спрятать от зноя спеша поглубже в тине прохладной.
Все на пути языком дрожащим она обрывала,
Мерзким смрадом дыша, изгибая долгое тело.
Взор ее, видящий все, поневоле внушал опасенье.
Круче и круче она извилистый хвост извивает,
170 Вверх поднимается грудь в сверкающих блестящих, и шея
Тянется ввысь, вознося венчанную гребнем огромным
Голову; пятна мрачат пурпурного блеск одеяния,
Мрачно сверкают глаза, горящие пламенем злобным.
Вот великанша-змея примерилась к месту и видит:

175 Прямо напротив нее разлегся пастух у отары.
Зорче впереется гад — и вперед устремляется яро,
Все крушит на пути, затем что к воде его близко
Некто посмел подойти; грозит природным оружием:
Злобно дух в нем горит, шипящая пасть извергает
180 Страшные звуки, и все извивается кольцами тело.
Где проползает он — след орошают кровавые капли,
Шея раздута... Но все ж того, кому смерть угрожала,
Крошечный прежде вспугнул питомец тины болотной,
Жалом заставив его избежать смерти: мгновенно
185 Там, где зрачок-самоцвет обнажают веки, раскрывшись,
В глаз старику он вонзает копые, что природа вострила;
В бешенстве старый вскочил — и смерти был предан обидчик,
Быстрой раздавлен рукой, и дух его растворился,
Чувства навек угасив. А пастух горящие злобой
190 Рядом глаза увидал, заметил змею и тотчас же
Дух занялся у него, без памяти прочь он пустился
К дубу — и сук отломил от него огромных размеров.
Был ли то случай простой или дело божественной воли,
Трудно сказать, но сил пастуху для победы достало:
195 В кольца дракон извивал чешуей покрытое тело,
И, защищаясь, вперед устремлялся отвратно — но все же
Кости пастух разможил там, где гребень виски опоясал.
Отяжелевший от сна, он, как видно, думал неспоро,
Не ослеплял его долгий испуг при взгляде на гада,
200 Духа его потому не сковал помрачающий ужас.
Видя, что сдохла змея, им убитая, сел он, как прежде.

Ночь погоняла уже коней, из Эреба поднявшись,
Веспер ленивый взошел, золотистую Эту покинув,
Тени стали длинней, и пастух, погоняя отару,
205 К дому идет, чтобы дать отдохнуть усталому телу.
Вот объемлет его легчайшая первая дрема,
Вот глубокого сна разлилась истома по членам;
Тут явился ему комара умершего призрак
И, о кончине скорбя, пропел, упрекая убийцу:
210 «Ах, за какую вину я должен терпеть эту долю?
Жизнь твоя мне была драгоценнее собственной жизни,—
Ветер за это ль меня по пустому гоняет пространству?»

«Итис, Итис!» — зовут; из-за них бистонийский владыка,
Сына лишась, на крыльях взлетел, превращенный в удаю;
Тут и два брата, враждой ослепленные, Кадмово семя,
255 Оба друг друга разят нечестивыми взглядами злобы
Через мгновение вновь обращаясь друг к другу спиною,
Ибо единая кровь обагрят преступные руки.
Неисчерпаем мой труд! Все дальше меня увлекает,
К новым местам, где новые я имена замечаю;
260 К струям меня Элизийским несет, переплыть я их должен.

Мне Персефона ведет героинь, своих спутниц, навстречу,
Факелы всем им вручив. Алкестида свободна от всяких
Мук и тревог, ибо встарь во граде она Халкедонском
Злую Адмета судьбу своей отсрочила смертью.
265 Вот Итакийца жена, краса неизменная дома,
Племена женщин краса, Икария дочь, а поодаль
Буйных толпа женихов, пронзенных стрелами мужа.
Ты, Эвридика, зачем отступила печально в сторонку,—
Все ли казнит тебя взгляд, Орфеем вспять обращенный?
270 Смел, однако же, тот, кто поверил, что кроток бывает
Цербер, что можно смягчить хоть чем-нибудь волю Плутона,
Не устарила кого Флегетона волна огневая,
Или же Дитовых царств безрадостных ржавая темень,
Или в кровавую ночь погруженные Тартара ямы,
275 Или дворец божества, недоступный без изволения
Тех, кто посмертный суд вершит над жизнью людскою.
Впрочем, веленьем судьбы он и раньше был уж могучим:
Реки быстрый свой бег прекращали и ближе к Орфею
Стаи теснились зверей, за пеньем следуя сладким,
280 Дуб из влажной земли глубинный вытаскивал корень,
Чтоб устремиться к певцу, и ответно роши звучали,
Жадной впивая корой напев Орфея отградный.
Даже Луна, между звезд скользя в колеснице двуконной,
Остановилась... О да, ведущая месяцы дева,
285 Лире ты стала внимать и покинула небо ночное.
Лира смогла и тебя победить, царица Эреба,
Но Эвридику певцу возвратить беззаконием было б,
Коль против воли твоей умолили бы смерти богиню.
Манов суровость узнав, указанной шла Эвридика

290 Следом за мужем тропой, оглянуться назад не дерзала.
Слова не смея сказать, чтобы дар не нарушить богини.
Ты же, Орфей, бессердечный Орфей, об одном лишь мечтая —
О поцелуях ее, — пренебрег приказаньем бессмертных.
Стоит прощенья любовь. Когда б ее в Тартаре знали,
295 Грех тебе был бы прощен. Тяжело вспоминать! Но обитель
Душ благочестных вас ждет и героев сонм. Перед вами
Рядом Эака сыны — Теламон и Пелеева Доблесть;
Оба ликуют они под опекой отца-полубога,
Свадьбу обоих почтив, к ним являлись Венера и Доблесть;
300 Был безрассуден один, другой был любим Нереидой.
С ними — их сыновья, единимые славою бранной;
Первый твердит без конца, как его безудержным гневом
Был фригийский огонь оттеснен от судов арголидских;
Впрочем, кто бы не стал твердить о войне и о битве
305 Той, что Трои сыны видали и греки видали
В день, когда Тевкра земля обагрилась обильною кровью,
Кровью адел Симеонт и Ксанф, и к Сигейскому берегу
Гектора яростный гнев увлек пылавших враждою
Мужей троянских и вплоть до судов их привел пеласгийских,
310 Раны, оружие, и смерть, и огонь принесших с собою?
Даже Ида сама, широко простертая Ида,
Гнева кормилицей став, доставила жадным питомцам
Факелы, чтобы золой они берег Ретейский покрыли,
Испепелив корабли огнем, источающим слезы.
315 Встал против натиска их Теламонов герой, отбиваясь,
Мощный выставил щит, а напротив воинствует Гектор,
Перед героем — герой, украшение лучшее Трои.
Треск раздается и гром, грохочут, как молнии в небе,
Копья, брони, мечи. Один желает у греков
320 Радость возврата отнять, другой, защищаясь оружием,
Тщится вспять отворить от судов уязвленья Вулкана.
С радостным взором сейчас вспоминал Эакид этот подвиг;
Внук Эака другою гордится тем, что дарданской
Кровью поля окропил и поверг на них Гектора тело.
325 Снова ропщут они: один — что убит был Парисом,
Ропщет другой — что Улисс одолел его Доблесть коварством.
Отпрыск Лаэрта взор от него отвращает враждебный,
То кумиром гордясь Паллады, победой над Ресом

И над Долоном, то вновь ужасаясь киконов угрозам,
330 Вновь устрашает его свирепый закон лестригонов,
Хищная Сцилла, чей стан опоясан молосскими псами,
Скотник этнейский — циклоп, Харибда, достойная страха,
Бледность подземных озер и мрачного Тартара своды.
Вот с ним рядом Атрид, порожденье Танталова внука,
335 Светоч аргивян, при ком Эрихтония крепкие стены
Были дотла сожжены дорическим пламенем грозным.
Пеню, однако, тебе заплатили греки, о Троя,
Пеню тебе, Геллеспонт, в чьих волнах они погибли.
Оный поход показал, сколь изменчивы судьбы людские:
340 Пусть же никто никогда, богатый дарами Фортуны,
Небо превысить не мнит! Весь блеск ненадежного счастья
Может разрушиться вмиг под лезвием зависти близкой.
По морю плыли уже, на родину правя с добычей
Рати аргосские; им был ласковый ветер попутен,
345 Гладь безмятежна, и путь указуя судам, Нереиды
Иль поднимались из волн, иль на гнутых кормах повисали.
Вдруг, то ль по воле небес, то ль с восходом другого светила
Неба меняется блеск; все в тревоге пред ветром растущим,
В страхе пред вихрем — и вот всплеснулись волны морские,
350 Тшатся подняться до звезд и выше звезд, состязаясь,
Солнце и звезды сорвать грозят с высокого неба.
С грохотом рушится весь небосвод; ликовавшее войско
Видит в страхе вокруг отовсюду грозящую гибель
И погибает в волнах, и на скалах крутых Кафарей,
355 И на Эвбейских камнях, и на всех побережьях Эгейских;
А между тем по зыбям, как обломки кораблекрушенья,
Носится взад и вперед из погубленной Трои добыча.

Здесь же и те, чья доблесть и честь не уступят ахейским;
Эти избранники все обитают в срединных покоях —
360 Целого мира краса, великим чтимые Римом.
Фабии, Деции здесь, Горации, доблесть живая,
Здесь и Камилл, чья вовек не исчезнет древняя слава,
Здесь же и Курций, кого поглотила средь Города бездна,
Тот, кто и в мирные дни добровольно принес себя в жертву;
365 Тут же и Муций прямой, испытанье огнем претерпевший,
Тот, перед кем отступала и спесь владыки лидийцев;
Здесь же и Курий — друг блистательной доблести, здесь же

Храбрый Фламиний, себя на жертву обрекший для славы
(Место он здесь заслужил, что дается в награду за доблесть);
370 Здесь Сципионы-вожди, чьим триумфом разрушены стены
Града пунийцев и днесь зарастают дерном колючим.
Пусть же их слава хранит! А я понуждаем — увы мне! —
К Дитовым хлябям идти, лишенным Фебова света,
Преодолеть Флегетов, которым, о Мίνос великий,
375 Ты благочестных места отделил от проклятых узилищ.
Дать пред судьею ответ за то, как жил я и умер,
Жгучею плетью меня заставляют свирепые Кары;
Ты ведь моей причина беды, а тебя и не видно,
Да и не слушаешь ты, заботами мелкими занят,
380 По ветрупустишь мои ты слова, чуть только проснешься.
Я ухожу и назад не вернусь. А ты благоденствуй
Близ родников, в зеленых лесах и на пастбищах злчных,
Все же слова мои пусть воздушным развевает дыханьем».
Молвил и, все досказав, в печали комар удалился.

385 Лишь отупение сна от внезапной исчезло тревоги,
Тяжко вздохнул пастух: такой преисполнила чувства
Болью смерть комара, что не в силах он вынести муку.
Рвяно, насколько ему стариковской силы хватало
(Гнусного все же в борьбе врага одолел он недавно!),
390 Там, где таился ручей, под густою листвою протекая,
Место готовить он стал, чтобы круглую сделать гробницу.
Снова и снова берет он лопату железную в руки,
Землю, кормилицу трав, очищая усердно от дерна.
Споро работу ведет его благодарное рвенье:
395 Дело кипит, и земля громоздится насыпанной грудой,
И уж из груды земли вырастает холмик округлый.
Ставит ограду старик из гладкого мрамора, столь же
К делу усердствуя. Здесь и аканф поднимется скоро,
Будут и розы цвести, стыдясь своей прелести алой,
400 Здесь и фиалок семья взойдет; спартанские мирты
И гиацинт зацветет, и крокус с полей киликийских,
И олеандр, и возвышенный лавр, украшение Феба,
Лилия и розмарин, полей недалеких питомец,
Рядом с сабинской травой, фимиам заменявшей у древних,
405 И златоцвет, и блистающий плющ с верхушкою бледной,
И амаранфы, и бокх, о ливийском царе не забывший,

И крупногрозный бумаст, и латук в постоянном цветенье;
Здесь расцветет и нарцисс, в чьем теле прекрасном

когда-то

410 Был Купидонов огонь своей же зажжен красою;
Все остальные цветы, которым весеннее время
Снова велит расцветать, над могилой посажены будут.
Надпись надгробная здесь да гласит начертаньем безмолвным:
«Милый комар, тебе по заслугам стада хранитель
В поминовенье воздвиг сей дар за спасение жизни».

Благочестивую дань неся непорочной Минерве.

25 Пять медлительных лет пятилетьем сменяются новым
В день, когда с Эвром Зефир быстрокрылый мощным порывом
Судно толкает вперед, чреватое грузом священным.
О, счастливейший день! О, год — из счастливых счастливый,
Счастлив и тот, кто узреть великий сподобился праздник!
30 Вытканы должной чредой Паллады могучей сраженья:
Великолепье одежд победная множит добыча,
Ужас кровавых битв кошенилью багряною рдеет.
Здесь и Тифей, копьем золотым повергнутой древле,
К небу дорогу себе мостивший скалами Оссы,
Вдвое снежный Олимп Эматийской возвысив вершиной.

35 Так для богини несут по праздникам парус священный,
И по его образу я хотел бы, мудрейший среди юных,
Изобразить и тебя в сверканье пурпурного Солнца,
В белом сиянье Луны, попирающих небо конями,
40 Выткать хочу я тебя в великой книге Природы.

Дабы в грядущих веках неразлучно с Мудростью горней
Было бы имя твое, возглашенное песнью моею.

Но, если я лишь теперь для трудов рождаюся высоких,
Слабые жилы крепя впервые зрелую мощью,
То и спую, как могу. Прими же эти первины
45 Долгих ученья годов, незрелой юности опыт,
Плод бессонных ночей, проведенных в трудах неустанных,
Что обещал я тебе — и вот обет исполняю,

Слушай рассказ о том, как в испуге бесчестная Сцилла,
Страстью больная, взор воздев, в небесах увидала
50 Птичьи стаи и ввысь устремила к просторам эфирным,
На сизоцветных крылах воспарив над родимую кровлей —
Это проклятой за грех наказание, за волос пурпурный,
Это расплата за град отеческий, в прахе лежащий.

Много о Сцилле читать у великих поэтов, Мессала,
55 (К правде питает любовь Полигимния — будем правдивы!)
Нам с тобой довелось: как она в измененном обличье
Часто Сциллейский утес оскверняла злым оскалом:
Это-де та, что всем известна из странствий Улисса,
Та, что лилейный стан опоясав ревушими псами,
60 Гибель несла кораблям Дулихийским и в черную бездну
Бедных влекла моряков, их тела разрывая на части.
Но другое твердят Меонийца книги, другое

Тот говорит, кто всех ошибок виновник зловредный,
Ибо каждый поэт различных дев именует
65 Сциллой, о коей нам повествует Гомер Колофонец,
Будто матерью ей была Кратеида. Она ли
Иль двуобразную тварь Ехидна на свет породила,
Или обе они ни при чем? Иль в песнях Гомера
Сцилла — лишь образ любви порочной и похоти алчной?
70 Или отравой злой лишена обличья былого
Бедная дева? (В каком она прегрешенье повинна?
Сам Хозяин морской средь прибоа несчастную обнял,
Брачные клятвы презрев, Амфитрите данные чистой).
Долгие годы она терпела страшную кару,
75 Ибо сама из глубин себе призывала супруга,
Жертвы теплую кровь мешая с водою морскою.
Или правдив рассказ о том, как красавица Сцилла
Многих влюбленных в нужду вогнала коварной корыстью,
А потому полупсом-полурубой стала нежданно.
80 О, как часто она своим устрасалась обличьем,
Как дивилась, увы! взглянув на ужасные члены,
Как пугал ее лай, издаваемый собственной пастью!
Ибо посмела жена с небесным спорить законом
И перехватывать дань, что по праву взимает Венера:
85 Даже шлюха, толпой юнцов окруженная буйных,
Шлюха со скотской душой для богини дань собирает.
Стало быть, Сцилла и впрямь провинилась — так возвещает
Гласом пафийским Пахин, Венеры верный свидетель.
Каждый свое говорит о бедствии девы злосчастной.
90 Все это — бред пустой: Скопу хочу я прославить,
Дабы не быть ей одной из многих своих соименниц.
Вас, Пиериды, зову! Вы некогда милость явили
Песням туманным моим, долгожданную дав мне награду.
Часто на ваш алтарь слагаю я, благодарный,
95 Благочестивую дань: у двери вашего храма
Рдеет нежный нарцисс, гиацинт благовонием дышит,
С лилией рядом шафран аромат испускает, и розы
Алым покровом порог устилают. Придите, богини,
Дабы этот мой труд вдохновить покровительством вашим,
100 Дабы бессмертным венком увенчалась новая книга!
У Пандионовых стен могучие грады воздвиглись
Близ Актейских холмов и берегов беломраморных Истма,

Чьи изогнулись уста блистаньем раковин алых.
Славой и честью равна столицам прочим, стояла
105 Там и Мегара, чей кремль укреплен трудом Алкафоя,
Был в строительстве Феб Алкафю помощником верным,
И до сих пор поет от удара стена крепостная
Голосом лиры живым, повторяя шепот килленский,
Снова и снова твердя преданье о Фебе влюбленном.
110 В оные дни сюда явился воинственный Минос,
Славу стяжавший в боях, и запер осадю город,
Ибо нашел приют в дружелюбной обители Ниса
Критский беглец Полиид, покинувший берег Керата,—
Вот его-то пленить и стремился воитель Гортинский,
115 Аттики мирной поля усыпая стрелами злыми.
Не убоились в тот час ни царь, ни граждане войску
Миноса противустать, врагов отбросить, что к стенам
Грозно на приступ пошли. Не сломилась доблесть мегарян,
Коим слова богов помогали духом воспрянуть.
120 Ибо (дивно сказать!) средь белых кудрей, украшавших
Голову Ниса-царя, венчанную лавром священным,
Волос единый аел на макушке пурпуром славным;
И покида таким пребудет, как создан Природой,
Ниса продлится власть и мощь страны не иссякнет —
125 Парки эту судьбу на совместном судили совете.
Так что все сохранить старались лишь волос волшебный:
Дивной пряди пучок скреплен был кованой пряжкой,
Блеском граней златых повторявшей обличье дикады.
Был бы поистине град охранен защитой такою
130 (Верны Парок слова), но Сцилла в безумии новом,
Гибель родному отцу и отчему краю готова,
Жадный на Миноса взор обратил, терзаема страстью.
Есть средь богов озорник, которого, если рассержен,
Мать не умеет унять, унять не умеет Юпитер
135 Внука и сына — а тот усмиряет яростных тигров
И африканских львов укрощает бестрепетной дланью,
Даже богов и людей... Но лучше вернемся к рассказу.
Этот опасный шалун разжег в великой Юноне
Пламенный гнев (увы! обиду давнюю долго
140 Помнят богини) на то, что в ее запретном чертоге
Сцилла священный покой нарушила скверной невольной;
Ибо, свершая обряд для богини, от тесного сонма

Знатных мегарских жен и дев отдалилась игриво,
Развеселившись одежд плесканьем вокруг стройного стана,
145 Складок стыдливый покров Аквилону позволив развеять —
А между тем огонь еще не вкусил приношений,
И освященной водой не омылась жрица, а кудри
Не увенчала венком из оливы бледно-зеленой.
В это мгновение мяч у девы из рук покатился,
150 И вдогонку она помчалась. О, если б игрою
Не увлеклась ты, а стан златотканой прикрыла одеждой!
Как я желал бы тебе помехи, дабы замедлить
Бег нечестивый! Зачем преграды не было шагу?
Не осквернила бы ты чертог непорочной богини,
155 Ложною клятвою путь к прощенью закрыть не смогла бы.
Да и поверит ли кто, будто в клятве дело? Вернее
Знаю причину: тебя ревновала к брату Юнона.
А потому божок шаловливый, грозную кару
Всякой готовящий лжи, что скрыта в сказанном слове,
160 Опустошив колчан сияющий, стрелы златые
(О, как страшен их вид очам Тиринфской Юноны!)
Разом все устремил в беззащитное сердце юницы,
Вмиг раздился огонь у нее по жаждущим жилам,
Члены до мозга костей пронизал безумия трепет:
165 Словно средь холодной земли Эдонийской свирепая жрица,
Словно фригианка, звук самшита идейского слыша,
По площадям городским злосчастная мечется дева.
Не умащает кудрей благовонный бальзам азиатский,
И не обута нога Сикионской красною кожей,
170 А драгоценный перл не объемлет выи лилейной.
Шагом неверным она поспешает, не зная дороги:
То к родимым стенам придет, как будто на башни
В небо взлетевшие ей, обездоленной, хочется глянуть,
То, безутешно скорбя, воротится в терем высокий,
175 Дабы взором искать любимого в сумраке ночи
Средь отдаленных костров, горящих во вражеском стане.
Прялка наскучила ей, златые забыты уборы,
Нежным псалтыри струнам суждено молчанье немое,
Мягкий уток прибавать перестало ливийское бердо,
180 Пурпур ланит побледнел — с румянцем любовь несовместна.
Не обретает она утешения скорби великой.
Чахнет иссохшая плоть, снедаема смертной тоскою,

Муке своей вослед устремляется дева, гонима
Гибельным роком на путь, открытый чудовишной страстью:
185 Волос волшебный отца отсечь, безумная, жаждет,
Дабы украдкой врагу послать подарок желанный,
Ибо иного пути злосчастной судьба не открыла.
Иль по неведенью грех свершился? Преступную деву
Добросердечный винить не хочет и ей оправданья
190 Ищет во всем, но, увы! суждена погибель безумной.

Ты же, о Нис-отец, когда сровняют с землею
Город твой, не обретешь приюта среди башен высоких,
Дабы сокрыться в гнезде поднебесном, также взовьешься
Грозно птицей — а дочь нечестивая долг свой заплатит,
195 Радуйтесь, вы, в облаках парящие дети эфира,
Вы, чья звонкая песнь оглашает чащу лесную
Или просторы морей! О милые странники неба,
Радуйтесь! Также и вы, чьи члены жестоким законом
Рока преобразены, о вы, давидянки младые,
200 Радуйтесь! К вам спешат любимые родичи ваши,
Дабы царственных птиц умножалась стая — с орланом
Вместе взлетела скопа. Красой возносились вы древле,
Ныне в небесную высь быстрее облаков возноситесь:
Там эфирный чертог орлана гордого примет,
205 Там сизокрылой скопе почетный удел уготован.

Сладкий сон охватил усталого Ниса, смежились
Очи его: покой охраняла с рвением тщетным
Стража, неся караул бессонный у запертой двери.
А между тем воровски покинула терем безмолвный
210 Сцилла и слух напрягла, пытая молчание мрака,
Вместе с прохладой ночной глотая горькие слезы.
Вот, шаги приглушив, на дыпочках тихо крадется
К опочивальне отца, рукой дрожащей сжимая
Ножницы. Вдруг без сил застыла, объятая страхом,
215 Замысел гнусный явив судилищу синему ночи,—
Ибо, уже на порог взойдя, у спальни отцовской
Остановилась на миг преступная дева и к звездам,
В небе мерцающим, взор обратила, дары обещая
Вышним богам, но те отвергли обет нечестивый.
220 Тут услышала дочь фиванского Феникса, Карма,
Робкие Сциллы шаги (ибо та, по ступеням подынявись
Мраморным, у косяка зазвенеда медным засовом) —

Крепко хватает она в бессилье поникшую деву,
Молвя: «О радость моя, питомица милая! Знаю,
225 Не без причины твой лик пожелтел и тело зачухло,
Не без причины кровь лихорадкой отравлена бледной,
Да и к деянью сему не причуда тебя вынуждает!
Иль заблуждаюсь? Хочу, о Рамнусия, впасть в заблужденье!
Но тогда почему не вкушаешь ты вакховой влаги
230 И почему плодов не отведаешь сладких Цереры?
Что среди ночи тебе у отцовой делать постели?
Ночью людские сердца от забот отдыхают постылых,
Ночью даже река смиряет текучие воды.
Мамке бедной ответь хоть сейчас — не хотела ты прежде
235 Истинный дать мне ответ: зачем, несчастная дева,
Близ дивнокудрой главы родителя шаг замедляешь?
Горе мне! Иль помрачен твой рассудок преступным безумьем —
Тем, что некогда взор аравиянки Мирры застлало?
Ах, ужели грехом (охраня от него Адрастея)
240 Ты и мать и отца сразить в неистовстве жаждешь?
Если ж иная любовь твою душу страстью терзает
(Ибо знакома и мне Аматысия — признаки страсти,
Что истощает тебя, разглядеть давно я сумела),
Если в сердце твоём невинной влюбленности пламя
245 Вспыхнуло — ныне обет приношу пред ликом Диктины,—
Ей обязана я тобою, питомицей милой:
Все обещаю труды претерпеть, которых достойна
Иль недостойна, все одолею — лишь бы не видеть,
Как в великой тоске ты, горькая, сохнешь и вянешь».
250 Эти промолвив слова, старуха теплой одеждой
Бедную деву спешит укутать, ибо дрожала
Та средь прохлады ночной в шафранной тунике нарядной.
Щеки, что влажны от слез, целует ласково Карма,
Дщери приемной беду узнать желая, но слова
255 Той не давая сказать, покуда сомлевшая дева
На непослушных ногах не вернулась под кровлю родную.
Мамке юница в ответ: «За что меня ты терзаешь?
Да и зачем тебе знать причину злого недуга?
Нет, не людская любовь в душе моей возгорелась,
260 Не привлекают мой взор знакомые исстари лица,
Не влюблена я в отца — напротив, мне все ненавистны!
Ах, не люблю ничего из того, что должно быть любимо,

Призрака родственных чувств не приемлю более сердцем,
Страсть я питаю к врагу из врагов. О горькое горе!
265 Что мне сказать? Беду описать какими словами?
Но расскажу — ведь ты, кормилица, не позволяешь
Боле молчать. Мой рассказ — тебе подарок предсмертный.
Вон, взгляни: обложил осадой мегарские стены
Враг, от Юпитера в дар восприявший скиптр державный,
270 А от Парок судьбу благую — ран не бояться...
Нет, должна я сказать, не блуждая окольной речью:
Минос, Минос, увы! осадил мое бедное сердце!
Ради любви богов — тебе их пылкость знакома,
Ради груди твоей, что питомице вечно священна,
275 Я заклинаю: спаси, коль можешь, не дай мне погибнуть.
Если ж отрезан путь к спасенью и нету надежды,
Мне умереть не мешай, родная, заслуженной смертью.
Ибо если бы злой — да, злой, моя добрая Карма,
Случай иль мудрый бог тебя не послал мне навстречу,
280 Я бы вот этим (и тут блеснула из складок одежды
Сталь) у родного отца отсекала бы волос пурпурный
Или сама себя порешила смертельным ударом».

Лишь о страшной беде услышала в ужасе мамка,
Скорбным прахом главу осквернила и в смертной печали
285 Голосом слезным, дрожа, над питомицей запричитала:
«Минос, дважды злодей! Опять меня ты терзаешь —
Бедным сединам моим ты дважды ворог проклятый!
Прежде злая любовь по твоей вине загубила
Дщерь родную мою — а ныне приемную губишь!
290 Ах, неужели и здесь, в далеком краю, полонянка,
Претерпевая труды суровые тяжкого рабства,
Я не избегну тебя, о чад моих грозный губитель?
Ныне, увы! я стара и немощна — милого чада
Нету, чтоб стоило жизнь продлевать. Зачем безрассудно
295 Дни продолжаю влачить, тебя потеряв, Бритомарта,
О Бритомарта моя, ты не примешь вздох мой последний!
Ах, зачем в этот день, о любимица быстрой Дианы,
Ты устремилась в леса? Охота мужчинам прилична.
Кносской напрасно стрелой ты парфянский лук напрягала,
300 Лучше бы коз пасла диктейских на пастбищах ближних!
Не привелось бы тебе от Миноса страсти спастись,
Прыгнув с высокой скалы в объятья расселины горной!

Передают одни, что ныне дивной Афсей
Стала, невинная, ты: другие твердят, умножая
305 Славу твою, что луна по тебе Диктиной зовется.
Хоть бы и так! Для меня ты навеки, родная, погибла,
Ибо узреть не смогу никогда, как с дружною сворой
Псов Гирканских вослед быстроногим оленям по скалам
Носишься, и не дождусь, чтоб ко мне ты в объятия вернулась.
310 Бремя беды я несла и обиды стойко терпела.
Ибо опорой мне была ты, юница, покуда
Не был мой слух осквернен твоею преступною речью,
Ах, ужель и тебя отнимает злая Фортуна?
Старость постылую длить лишь ты меня понуждала:
315 О, как часто, взглянув с умилением на спящую деву,
Хоть и торопят года, я вновь умирать не хотела,
Дабы для свадьбы твоей наряд соткать корикийский.
Ныне зачем судьба мне горькую жизнь продлевает?
Или не ведаешь ты, почему на макушке отцовой
320 В достопочтенных кудрях блистает царственный пурпур
Хрупким залогом судьбы и Ниса, и Нисова града?
Если не знаешь — могу на твое уповать я спасенье,
Ибо чудовишный грех в неведенье ты замышляла,
Если же страхи мои не ложны, тогда умоляю:
325 Ради жизни твоей и моей (меня ты любила),
Ради Илифии злой, погубить готовой, опомнись
И безрассудно свершить не старайся страшное дело,
Стрелы твои, Амур, отвращать не могу я от цели,
Ибо немислимо нам состязаться силой с богами,
330 Но почему бы тебе, дитя, войну переждавши,
Дом родной сохранив, не подумать о браке законном?
Выслушай мамки совет — уж мне-то знакомы несчастья.
Если отца уломать не сумеешь (да только сумеешь,
Знаю, добиться всего единственной дочери можно),
335 Вот тогда-то тебе, обиженной, повод для мести
Будет достойный (месть — обиженных право святое),
Вот тогда-то тебе пригодится замысел дерзкий.
Тут уж и боги, и я поможем — мое обещаю
Твердо. Умелым рукам не бывает долгой работы!»
340 Речью разумной смирив волнение пылкое страсти,
Горький утешив недуг целительной вестью надежды,
Хочет Карма покров накинуть на голову девы,

Дабы покой снизошел к злосчастной в живительном мраке,
Плошку с елеем склонив, приглушая света сиянье,
345 Мамка твердой рукой питомицы дрожь унимает,
Сердца трепетный стук укрощая лаской спокойной.
Так просидела она всю ночь над девою, слезы
Ей утирая с ланит, и сама печалью объята.

Вот уже новый день явился с веселой зарею
350 К смертным и алым огнем засиял над снегом Этейским —
Зарево это и страх, и радость девам внушает,
Ибо им Эос мила, но противен Геспер вечерний.
Слову кормилицы вняв, царевна о браке желанном,
Повода к просьбе ища, с отцом затевает беседу,
355 Голосом нежным твердит о благостном мире, блаженный
Превознося покой. К подобным речам непривычна
Сцилла — и с девичьих уст слетает вздор безрассудный.
То лепечет она, что страшится будущей битвы,
Бранного бога боясь: ее-де тревога сдает
360 За безопасность царя и дружин, то плачет о Нисе,
Ибо внуков иметь он не хочет с Юпитером общим,
То вероломный обман замышляет с лукавством преступным
Или сограждан страшит грядущей божественной карой.
То начинает искать повсюду знамений вещих,
365 Златом постыдным дерзнув соблазнять безгрешных провидцев,
Дабы они, сразив клинком священную жертву,
Дали царю совет породниться с Миносом мирно,
Зятем сделав врага и покончив с распрей взаимной.

Карма меж тем нарцисс и корицу с едкою серой
370 В ступке толчет, травы добавляя душистой, и трижды
Трижды девять она разноцветных нитей сплетает,
Молвя питомице: «Плюнь в середину трижды, о дева,
Трижды вместе со мной: богам лишь нечет любезен!»
Трижды стигийский обряд свершив для Юпитера (жрицам
375 Греческим он незнаком, идейским неведом колдуньям),
Трижды она алтари кропит амиклейскою ветвью,
Дабы разум царя помутить ворожкой фессалийской.

Но упорствует Нис, уловками не убежденный —
Ни человек, ни бог царя склонить не сумеют,
380 Ибо надеется он на волоса дивного силу.
Тут потаенный союз заключает с питомицей Карма,
Твердо решив наконец отрезать волос пурпурный,

Дабы любовный недуг облегчить заждавшейся девы,
Да и сама домой стремится к дальним твердыням
385 Крита — любезна и смерть, коль схоронят на родине милой.

Ныне Сцилла опять посягает на кудри отцовы:
Ныне упал с головы царя блистательный пурпур,
Ныне Мегара взята и свершилось пророчество Парок,
Ныне по синим волнам волокут злосчастную деву,
390 Бедное тело ее подвесив к корме корабельной.
В водах царевну узрев, дивятся жители моря:
Нимфы, отец Океан с блистательной Тефией вместе,
И Галатея, сестер любопытных увлекшая стаю.
395 Деве дивится, скользя среди волн в колеснице лазурной,
Правя упряжкой рыб и двуногих копей, Левкодея:
Вместе с белой Ино дивится младенец Палемон.
Братья, что делят дпи по жребию равную долей,
Древа могучего ветвь — Юпитера милые дети
Также дивятся, узрев царевны лилейные члены.
400 Громко стенает она, расточная тщетные слезы,
Воздуху жалуясь, скорбь изливая бесплодную небу
Страждущим взором — лишь взор воздет несчастная может,
Ибо у нежных рук свободу отняли узы:

«Свой безумный порыв хоть на время утишьте, о ветры,
405 Дабы воззвать мне к богам! От молений моих неустанных
Не было толку — вопль да услышат ныне предсмертный.
Вас призываю тепер в свидетели, ветры и бури!
Вы же, что здесь надо мной парите, коль были когда-то
Также людьми, меня узнайте — я сродница ваша,
410 Сцилла (о Прокна, к тебе я дерзаю так обращаться!).
Да, я прежде была могучего дочерью Ниса,
Прежде меня цари домогались из целой Эллады,
Чей извилистый брег Геллеспонт омывает лазурный.
Наречена я тебе, о Минос, обетом священным
415 В жены — этим словам против воли ты ныне внимаешь.
Ах, ужель по волнам суждено мне, связанной, плавать?
Ах, ужели висеть суждено и денно и ношно?
Но не могу я пенять на кару, вражеской злобе
На растерзанье предав и дом родной, и отчизну,
420 Разве дано было мне предвидеть свирепость злодея?
Да, заслужила я казнь, о Минос, но казнь от сограждан,
Если бы случай открыл заране наш сговор преступный

Или когда во прах обратились мегарские стены
И богомерзким огнем я жгла городские святыни.
425 Если же ты победишь, я чаяла, звезды дорогу
Легче изменят свою, чем ты меня, полонянку,
Казни злодейской предашь,— но жестокость все победила!
Как полюбила тебя я больше отцовского царства?
Как полюбила? Увы! Тобою плениться не диво!
430 Лик твой узрев, я тотчас погибла, о, злое безумье!
Мнилось мне, будто дел чудовишных дланью прекрасной
Ты не способен свершить! Красота и звезды обманет!
Нет, не дворец твой меня соблазнил убранством роскошным,
Блеском янтарных слез и кораллов хрупким цветеньем,
435 Не удержала меня и дружба юных наперсниц,
Не был препною мне пред гневом божественным ужас —
Все победила любовь, ибо что любви неподвластно?
Не умастит мне висков благовонный елей аравийский,
Чистым не вспыхнет огнем на свадьбе факел сосновый,
440 И не украсит покров пурпурный ливийского ложа.
Горе мне — даже земля, обиталище рода людского,
Не упокоит меня, злосчастную, сенью могильной!
Разве среди рабынь, что имеют детей или мужа,
Разве средь прочих слуг не могла бы я также трудиться
445 И для счастливицы той, что супругой станет твоею,
Веретено вращать усердно с хозяйскою пряжей?
Разве смерти предать (все лучше!) меня ты не вправе?
Горе! Усталую плоть покидают последние силы,
Шея не может поднять головы запрокинутой бремя,
450 В тесном сплетении пут мертвеют слабые руки.
Из глубины морской поднявшись, огромные твари
Стаей к добыче спешат, отверзнув хищные пасти,
Синюю пеня волну грозой плавников мечевидных.
Ныне, о Минос, предел моим наступает страданьям,
455 Слишком много узреть довелось мне чудовишных бедствий!
Злая ли мне судьба судила последнее горе,
Случай ли губит меня, за грех ли терплю наказание —
Легче поверить всему, чем в твоё поверить злодейство!»
А между тем корабли поспешают в открытое море,
460 Кора могучий порыв паруса напрягает тугие,
Гнутя весла в воде соленой, все тише и тише
Девы стенанья звучат, заглушенные странствием долгим,

Вот уже Истм позади, заливами запертый тесно,
Вот позади Коринф, Периандра цветущее царство,
465 Мимо Скироновых скал плывет несчастная дева,
Мимо ужасной поры черепахи, что многих сгубила
Здесь пришлецов, обагрив утесы эллинской кровью.
Видит Сцилла приют огражденный Пирея и тщетно,
Тщетно, увь! узреть преславные жаждет Афины.
470 Вот среди волн морских зацвели саламинские пашни,
Вот и Киклады вдали засияли — Сунийской Венеры
Тут возвысился храм напротив стен Гермионских.
В дымке сокрылся от глаз и Делос, премного любимый
Матерью дев-нереид, Нептуна эгейского радость.
475 Вот пред царевною Кифн, опоясанный пенным прибором,
Мраморный Парос — сосед белоснежный зеленой Донусы,
А близ Эгины — Сериф, здоровье недужным дарящий,
Так и плывет она, забава неверного ветра,
Словно углый челнок вослед могучему флоту,
480 Афра удары снося и ярость неистовой бури.
Но пожалела волнам на потеху оставить жестоким
Тело прекрасное та, что царством лазурным владеет
Вместе с Нептуном, — и вот изменилось царевны обличье,
Нежную деву одеть чешуей серебристой навеки
485 И средь коварных рыб поселить Амфитрита не хочет,
Ибо морские стада прожорливы и кровожадны,
А потому в небеса возносит Сциллу на крыльях,
Дабы отныне Скопой она звалась по заслугам
И красотой превзошла Амиклейского лебедя Леды.
490 Как поначалу в яйце белоснежном очерчен туманом
Призрачный облик птенца и костей сочлененья незрелых
Медленно крепнут в тепле, омыты живительной влагой, —
Так в соленых волнах изменялось девичье тело,
Вид утратив былой, обретая мало-помалу
495 Образ иной — предстает царевна в новом обличье.
Прежде прекрасный лик и уста, желанные многим,
Вместе с широким лбом воедино стали срастаться,
В острый изогнутый клюв обратив подбородок округлый;
Там, где пробор пополам разделял волнистые кудри,
500 Вдруг, о диво! возник в подражанье Нисовой славе
Перьев пурпурных пучок, хохолком макушку украсив.
Мягкого пуха покров пестроцветной окутал одеждой

Девы нежную плоть, потом на дланях бессильных
Сизые перья взросли, образуя мощные крылья.
505 Преобразилась вся — багрянцем окрасились ноги,
Икры, вмиг отощав, обтянулись грубою кожей,
И на лилейных стопах заострились хищные когти.
Но по-иному, увы! спасти от гибели деву
Было судьбой не дано милосердной супруге Нептуна.
510 Не любоваться очам домашних, как юная Сцилла
Кос белокурых красу скрепляет алою лентой,
Терем не встретит ее благовоньем бальзамов сирийских,
Дома ей нет на земле — но дом и не нужен ей боле,
Ибо из пены седой внезапно злосчастная дева
515 На оперенных крылах вознеслась стремительно к небу,
Облако шумное брызг рассеяв над гладью морскою,
Дабы, на горе себе и без пользы смерти избегнув,
Длительную жизнь, дичая на бреге пустынном
Средь бессловесных скал и бесплодного камня утесов.
520 Но и здесь ее ждет наказание, ибо разгневан
Царь-Громовержец, мир колеблющий мощной десницей.
Не по душе ему допускать преступницу к небу,
После того как в ночи беспросветной с жизнью расстался
Благочестивый отец (ибо часто жертвенник чистый
525 Нис обильно кропил тельцов откормленных кровью
И чертоги богов одарял приношеньями щедро) —
А потому вдохнул владыка в новое тело
Душу царя — и Нис воспарил крылатым орланом,
Ибо могучий орел любезен метателю молний.
530 Так вот после суда богов и проклятия жестокого рока,
После казни от рук жениха на бедную деву
Мстительный гнев отца направил ныне Юпитер.
Словно, среди горных сфер в хороводе звездном сияя
Блеском двойным, Скорпион сверкающий с неба ночного
535 Гонит в условленный час Ориона ясного светоч —
Так со скопою орлан, взаимной скованы злобой,
Вечно былую судьбу воскрешают в новых рожденьях:
Всюду, где легкий эфир скопа рассекает крылами,
Следом за ней в небесах, взгляни! жестокий и грозный
540 С клетотом гонится Нис — и когда взмывает он к тучам,
В бегстве поспешном она эфир рассекает крылами.

ПРОКЛЯТИЯ

Будем, о Баттар, с тобой лебединым вторить напевам,
Снова и снова споем о растерзанных наших владеньях
И о злосчастной земле, где проклятья мы возглашали.

- Прежде теленок льва пожрет, а волка козленок,
5 Прежде кефали дельфин убоится, а ястреб голубки,
Прежде порядок миров сокрушится хаосом новым,
Прежде погибнет все, чем цевница свободу утратит!
Ныне, Ликург, о тебе леса услышат и горы!

- Пусть для тебя во прах обратятся улады земные,
10 Пусть зыбучим песком покроется тучная пашня,
Хлеб не взойдет на полях, луга оскудеют травой,
Плод недозрелый падет, лоза до срока увянет,
Высохнут русла ручьев и осыплются листья с деревьев!

Вновь чародейную песнь повторим с тобою, о Баттар:

- 15 Пусть в твоей борозде сгниет непроросшее семя,
Пусть губительный жар спалит луга заливные,
Пусть омертвевшая ветвь стяхнет червивую завязь,
Роща сбросит листву, источник горный иссякнет,
Лишь у цевницы моей проклятий пусть хватит надолго!
20 Пусть цветочный ковер, покров пестротканый Венеры,
Что по весне холмы украшает пурпуром славным,
И ароматы полей, и зефиров нежные вздохи

Грозной повеют чумой, наполнятся гибельным ядом,
Пусть ни зренье, ни слух ни в чем не находят услады!

25 Вновь заклинаю и вновь повторяю песнь колдовскую:
Ты, что с любовью воспет в песнопеньях радостных наших,
Лучший из лучших лесов, дивнолиственным богатый убором,
Сени зеленой лишись: да не будешь боле хвалиться
Кудрями нежных ветвей, овеваемых легким Зефиром!

30 Песни лесные мои да смолкнут, о Баттар, навеки!
Грубый вояка стволы топором изрубит жестоким,
Наземь тенистая сень падет со стоном — и сгинет
Рощи бывая краса, утеха прежних хозяев.
Чем зазря пропадать, уж лучше, проклятью послушный,
35 Воспламенись в огне божественном! Ты, Громовержец,
Этот лес возрастил — тебе его сжечь подобает!
Пусть фракийский Борей дохнет сокрушительным вихрем,
Пусть затуманит Эвр небеса зловещею тьмою,
Пусть беспощадный Афр принесет облака грозовые,
40 В миг, когда гибнущий лес, полыхая в воздухе синем,
Вновь прошепчет «люблю», на прощанье Лидии вторя.
Пусть пожирает пожар виноградника ближнего лозы,
Пусть опалет поля, рассыпают по ветру искры,
Соединяя в огне погребальном колос и древо!

45 Там, где гнусным шестом обмерены отчины наши,
Да опустеет земля, покрытая пеплом могильным!
Вновь заклинаю и вновь повторяю песнь колдовскую:
Ты, о пенный прибой, берега омывающий влагой,
Ты, о берег, лугам посылающий нежные вздохи,
50 Песне внимлите моей: Нептун да хлынет на пашни,
Да похоронит поля песок, волнами взметенный!
Там, где кормилец-Вулкан извергал благодатное пламя,
Новый да будет Сирт, ливийской родич пустыни!
Вновь жестокий напев повторяю я ныне, о Баттар:
55 Множество в бездне морской таится тварей предивных,
Чей устрашающий вид поражает взоры людские,
Если из темных глубин поднимаются чудища к свету.
Пусть же грозный Нептун трезубцем их гонит на землю,
Пусть на наши поля лавиной обрушатся волны,
60 Пусть седые валы затопят тлеющий пепел!
Пашня, пучиною стаь! Беги, корабельщик, отसेле,
Ибо эти края мы предали злomu проклятью!

Если не склонит слух Нептун к заклинаниям нашим,
Скорбную речь обрати, о Баттар, к источникам пресным,
65 Ибо река и ручей всегда тебе были друзьями.
Вспять поверни, поток, свои быстротечные струи,
Вспять волну обрати, поля затопи половодьем,
Пусть растерзают ручьи ударами влажными пашню,
Только бы наша земля не досталась подлым бродягам!
70 Этот звучный напев вспоминал ты часто, о Баттар:
Пусть пепелища полей обратятся в топи гнилые,
Пусть болотный камыш урожаем будет злодею,
Пусть обитель цикад осквернят болтливые жабы!
Вновь заводит свирель напев суровый и скорбный;
75 Пусть оденут дожди туманами горные склоны,
Пусть на поля потоп дождевую влагу обрушит,
Пахарю горем грозя, за собой оставляя трясину!
Там, где пашня моя в бушующей скроется влаге,
Будет рыбачить чужак, из несчастья корысть извлекая,
80 Ибо всегда он умел нажиться на бедах сограждан!
Больше проклясть не могу — все Дитовым будет по праву!
О, злополучный надел, осужденный несправедным словом!
О, гражданский Раздор, Справедливости враг вековечный!
Скоро родимый приют я покину, изгнанник безвинный,
85 Дабы мзду получил за брани кровавые воин.
Ныне с вершины холма прощаюсь взором с полями
И удаляюсь в леса — очам преградой предстанет
Горных отрогов стена, но глас мой услышит долина:
Ах, навсегда прощай, о Лидия, милая сердцу,
90 Чистый родник, прости! Прости, счастливая пашня!
Здесь, на склоне крутом, помедлите, бедные козы,
Ибо на нежных лугах пастись не будете боле!
Чуть помешкай, вожак, — хочу я взглянуть на долину
И на именье свое, с которым навеки расстанусь.
95 Поле, прощай! Прощай, о Лидия, сердца услада;
Будешь жива или нет, для меня пребудешь живою!
Прежде смягчится твердь, обратится сладкое горьким,
Левое вправо свернет, белизна чернотой предстанет
100 И сочетанье стихий породит невиданных чудищ,
Чем с усладой былой разлучится верное сердце!
Стань хоть водой, хоть огнем — моя любовь не иссякнет,
Ибо прелесть твою заключил я в душу навеки!

ЛИДИЯ

Как я завидую вам, о поля и прекрасные доли,
Тем вы прекрасней вдвойне, что с моею красавицей вместе
Вам и молчать, и вздыхать дано о нашей любви!
Ныне взирает на вас моя Лидия, с вами играет,
5 С вами беседует, к вам обращает веселые взоры,
Вам потихоньку она мои напевает напевы,
Коиими некогда мне, влюбленному, слух услаждала.

Как я завидую вам, о поля,— любовь вас наставит!
Благословен и удел вертоградов, премного счастливых!
10 Там попирает она стопами лилейными травы,
Зелень незрелых кистей розоперстой дланью срывая,
Ибо еще лоза не набухла сладостным Вакхом;
Иль среди пестрых цветов, благовонной дани Венеры,
Склонит колена она, ковер зеленый сминая,
15 И о любви моей поведает лугу украдкой.
Снежные горы и нежные доли радость наполнит,
Радость наполнит леса; умолкнут хоры пернатых,
Бег замедлит ручей — утишьте журчание, воды,
Дайте подруге моей излиться в жалобах сладких!
20 Как я завидую вам, поля,— у вас моя радость,
Ныне утехой для вас моя услада была!
Ах, в неизбывной тоске мои истаяли члены,

Бедное тело мое застыло в холоде смертном,
Ибо рассталась со мной ненаглядная. С нею сравниться
25 Может ли кто красотой и мудростью? Если преданья
Истину нам говорят — и быка, и дождя золотого
(Слух поскорей, отвори, Юпитер!) она лишь достойна.

Бык, счастливый отец и слава могучего стада!

Не приведется тебе, коль твоя затаилась телица,
30 Скорбным мычаньем леса оглашать в блужданиях тщетных.
Ты, о родитель козлят, счастливый и трижды блаженный,
Топчешь ли кручу скалы, попирая копытами камни,
Или бредешь наугад, пресытившись пастбищем прежним —
Милая всюду вослед поспешает радостным шагом.
35 Горе разлуки познать не придется такому супругу,
Ибо всегда и везде супруга с ним нераздельна.
Ах, почему не была и к нам благосклонной Природа?
Ах, почему я терплю столь часто страдания злые?

Ясных звезд хоровод покидает небо ночное,
40 Свой черед уступив сиянию Феба — и снова
Друг твой с тобою, Луна: так зачем разлучен я с подругой?
Горе познала и ты — над моим смилосердствуйся горем!
Лавром венчаясь, о Феб, ты свою любовь знаменуеть —
Память о Дафне твоей осеняется славой лесною.

45 Держат утеху свою при себе вездесущие боги
И в небесах ее свет созерцают — да сказ этот долог.
Иль в счастливые дни Златого Сатурнова века
Не был людской удел подобен божественной доле?
Но и об этом смолчу: всяк видит меж звезд Ариадну,
50 Что за возлюбленным шла, в полон захвачена страстью.
Ах, ужели наш век обидел насельников неба?
Ах, ужели суждено нам жить среди мучений жестоких?

Разве я первый посмел одолеть стыдливости стены
И у подруги своей коснуться священной повязки?
55 Разве за это платить я должен безвременной смертью?
Будь я первый, чей ум смущает прелюбодейный
Помысел — стала бы мне кончина отраднее жизни!
Не обо мне молва сохранит бессмертную повесть,
Будто бы первым из всех я вкусил от услады запретной,
60 Род человечесий прельстив соблазном тайной Венеры.
Зависть судьбы не даст мне стяжать подобную славу,
Ибо не был наш грех предтечей утех беззаконных.

Облик обманный прияв, Юпитер древле с Юноной,
Прежде чем стала она ему венценосной супругой,
65 Нежных изведал услад, воровской насладившись любовью,
А среди трав луговых Киприда в веселье глядела,
Как сминает цветы пурпурные страстный Адонис,
Стройную выю его объемля ласковой дланью.
70 Был в это время Марс упоен забавою ратной,
Был усердный Вулкан за работой, обезобразив
Копотью черной лицо и бороду выпачкав сажей.
Разве слез не лила о возлюбленном новом Аврора,
Вспыхнувший лик заслонив плащом зари розоцветной?
75 Вот обычай богов и героев блаженных обычай —
Нынешний век, увы! живет по иному закону!
Ах, себе на беду не рожден я Природой благою
В те золотые дни! О, мой удел горемычный!
О, печальная страсть, угасшая в сумерках века!
Так истерзала Судьба мое истомленное тело,
80 Что не узнаешь меня ты ныне в страдалдце недужном!

ТРАКТИРЩИЦА

С греческой митрой на лбу Сириска-трактирщица, выпив,
Перед таверной своей дымной пускается в пляс;
Кроталов звонкий тростник ударяя мерно о локоть,
В танце распутном она стан изгибает легко:
5 «Что за радость брести без сил средь пыли и зноя?
Право же, лучше за стол, жадный до выпивки, лечь!
Есть тут навесы в саду, кубки, розы, флейты и струны,
Тут и беседки, и тень тонких прохладных ветвей,
Тут на пастушеский лад звучит деревенская дудка,
10 Что под Аркадской горой сладко в пещерке поет,
Тут недавно вино по смоленным кувшинам разлито,
Тут говорливый журчит светлой струею ручей.
Есть из аттических тут фиалок свитые веночки,
Много в гирляндах тут есть желтых и пурпурных роз,
15 Есть и лилии тут, что, собрав над потоком девичьим,
Ахелоида несет в белых корзинках гостям.
Влагу много сыров тут сочит сквозь прутья корзинок,
Много и слив восковых есть тут в осенние дни.
Много каштанов у нас и сладких рдеющих яблоч,
20 С чистой Церерою здесь Бромий и юный Амур.
Есть и шелковица тут, и гроздь на вьющихся лозах,
И на жердях не один темный висит огурец.

Фаллом огромным своим уже никого не пугая,
Тут с деревянным серпом сторож лачуги стоит.
25 К нам, прохожий, сверни: вспотел усталый твой ослик;
Дай пощады ему: что за прелестный осел!
В этот час по кустам заливаются треском цикады,
Ящерка даже — и та прячется в тень от жары.
30 Если в уме ты, приляг, освежись из летних стаканов,
Иль, если хочешь, подам кубок хрустальный тебе.
Так заходи отдохнуть в тени виноградной, усталый,
Коль тяжела голова, розами лоб увенчай,
И поцелуй срывай с девических уст без стеснения!
35 Сгинь, кто нахмурен всегда, словно столетний старик!
Надо ль душистый венок беречь для холодного пепла?
Иль под увенчанным сам камнем желаешь лежать?
Кости бери и вино. Сгинь, кто завтрашним днем озабочен!
За ухо смерть ущипнет, скажет: «Живите! Я здесь».

ЗАВТРАК

- Десять зимних часов уже долгая ночь отсчитала,
Песнею звонкой рассвет возвестил караульщик крылатый,
В это время Сими́л, пахатель малого поля,
С брюхом голодным на весь остаться день опасаясь,
5 Тело с трудом оторвал от убогой, низкой постели,
Начал неверной рукой в темноте расслабляющей шарить,
Чтобы очаг отыскать. Вот его он находит, ударясь:
Хоть прогорели дрова, но дымок еще струйкой тянулся
И под сизой золой таился жар темно-алый.
10 К тлеющим лампу углям Сими́л, наклонившись, подносит,
Вытянув прежде иглой фитиля подсохшего паклю,
Частым дыханьем огонь в очаге оживляет уснувший.
Пламя фитиль подхватил, и, окрепнув, огонь появился;
От ветерка огонек Сими́л рукой заслоняет
15 И не вслепую уже отпирает дверь в кладовую,
Где на земле зерно невысокою кучкой лежало.
Столько оттуда Сими́л берет, сколько мера вмещает
(Дважды восемь в нее и больше фунтов входило).
К мельнице он оттуда пошел, на тонкую доску,
20 Что прикрепил он к стене для этой нужды нарочно,
Верный поставил свой светильник, сбросил одежду
С плеч и мохнатой козы подвязал у пояса шкуру.

Щеткой хвоста жернова обметает он и ячею
И начинает молоть, меж руками труд разделивши:
25 Левая сыплет зерно, а правая делает дело —
Вертит жернов она, обращаясь усердно по кругу.
Льется Церерин помол, камней движеньем раздроблен.
Левая часто сестре усталой приходит на помощь,
Трудится в очередь с ней. А Симил то песню простую
30 В голос поет, облегчая свой труд деревенским напевом,
То Скибалу зовет, что одна сторожила усадьбу.
Все обличье рабы выдавало в ней африканку:
Темная кожа, волос завитки и толстые губы,
Впалый живот, и плеч ширина, и висячие груди,
35 И при широкой стопе не в меру тонкие бедра.
Ей-то, дозвавшись, велит хозяин топлива бросить
Больше в очаг и согреть на огне холодную воду.
Только лишь мельничный труд был окончен в должное время,
Горстью Симил кладет муку сыпучую в сито
40 И начинает трясти. Наверху весь сор остается,
Вниз оседает мука, сквозь узкие льется ячейки
Чистый Церерин помол. Его на тонкую доску
Ссылав кучкой, Симил наливает теплую воду:
Чтобы смешалась мука с добавляемой влагой, он месит
45 Тесто, и мягче оно становится, воду вбирая,
Соль подсыпает порой, а потом готовое тесто
Вверх поднимает, и в круг широкий ладонями плющит,
И намечает на нем продольные равные ломти.
После несет к очагу, где Скибала расчистила место,
50 Глиняной миской поверх накрывает и жар насыпает.
Тою порой как Вулкан и Веста делают дело,
Времени даром Симил не теряет, в праздности сидя:
Ищет припасов других, чтоб к Церерину дару в прибавку
Блюдо состряпать (ведь хлеб без закуски в горло не лезет).
55 Близ очага у него не висели на крючках для мяса
Окорока или туша свиньи, прокопченная с солью:
Сыра только кружок, посередке проткнут тростинкой,
Был повешен на них и пучок укропа засохший.
Так что припасов других себе ищет герой прозорливый.
60 Был при лачуге его огород, плетнем обнесенный
Из тростника и лозы, вторично пушенной в дело.
Мал был участок, но трав и кореньев росло там немало.

Все, в чем бывает нужда бедняку, он давал в изобилие,
У бедняка и богач мог порою многим разжиться.
65 Требовал только забот, но в расход не вводил огородик.
Ежели праздничный день иль ненастье держали Симила
Дома, ежели вдруг прерывалась работа за плугом,
Труд отдавал он тогда огороду. Умел он растенья
70 Все рассадить, и земле семена таинственной вверить,
И покорять ручейки соседние должной заботой.
Всякая зелень здесь есть: и свекла с пышной ботвою,
И плодovitый шавель, девясил, и поповник, и мальвы,
Есть и порей — такой, что обязан репке названьем,
Есть и приятный латук — от изысканных яств передышка,
75 Плети ползут огурцов и растет заостренная редька,
Тыквы лежат тяжело, на толстый живот привалившись.
Не для хозяина, нет, — ибо кто воздержней Симила? —
А для других этот рос урожай: ведь каждый девятый
80 День за плечами носил на продажу он овощи в город.
И возвращался домой налегке, но с тяжелой мошною,
Редко когда захватив с мясного торга товару.
Грядка, где лук и зеленый порей, утолит его голод,
Горький крес, который куснуть невозможно, не морщась,
Или гулявник, чей сок Венеру вялую будит.
85 Мысля, что выбрать сейчас, в огород выходит хозяин,
Первым делом, вокруг подкопавши пальцами землю,
Вырвал он чеснока четыре плотных головки,
Вслед сельдерея нарвал кудрявого, руты зеленой
И кориандра стеблей, дрожащих и тонких, как нити,
90 Зелени вдоволь нарвав, у огня веселого сел он,
Громко служанке велел, чтоб скорее подала ступку.
От шелухи он одну за другой очищает головки,
Верхний снимает слой и чешуйки бросает с презрением
Наземь, засыпавши все вокруг себя, а корень мясистый,
95 В воду сперва обмакнув, опускает он в камень долбленный.
Солью посыпавши их, от соли твердого сыра
В ступку кидает Симил и трав, что раньше назвал я.
Левую руку кладет под одежду на пах волосатый,
В правую пестик берет и чеснок пахучий сначала
100 Мелко толчет, а потом в соку его все растирает.
Ходит по кругу рука; и зелень, и сыр понемногу
Свойства теряют, а цвет получают из многих единый:

И не зеленый совсем (тут мешает молочная примесь).
И не молочный (его слишком много трав замутняет).
105 Запахом острым от них шибает в ноздри Симила:
Морща курносый нос, свою же стряпню он порочит
И со слезящихся глаз оттирает влагу рукою,
Дым, не повинный ни в чем, осыпая яростной бранью.
Спорится дело его: уже не толчками, как раньше —
110 Плавными пестик идет кругами в мерном движенье.
Несколько капель Симил подливает Палладина масла
И, добавив поверх ничтожную уксусу долю,
Вновь начинает тереть, чтобы лучше все части смешались.
Пальцами после двумя обойдя всю ступку по стенкам,
115 Он собирает стряпню и комок из месива лепит:
По завершение оно справедливо зовется «толченой».
Той порою раба усердная хлеб вынимает.
С радостью в руки его берет Симил: на сегодня
Голод не страшен ему. На обе ноги обмотки
120 Он надевает затем, покрывает голову шляпой,
Дружных быков запрягает в ярмо, опутав ремнями,
Гонит на ниву их и лемех в землю вонзает.

Смесь

I

- Делия ходит сюда для тебя, только видеть красотку,
Тукка, нельзя: за порог муж не пускает ее.
- Делия ходит сюда для тебя, для меня — так не ходит:
Видеть и трогать нельзя — значит, она далеко.
- ⁵ Слышал я часто: придет, да что толку мне в этом известье?
Скажешь тому, для кого в дом воротилась она.

II

Любитель слов старинных, как керамика,
Британский Фукидид, чужак аттический,
Смешав и гальский тав, и мин, и сфин в одно,
Яд настоял на них братоубийственный.

III

Вот он, взгляни на него: на престол могучий воссевший
Славой он был вознесен выше небесных высот:
Мир огромный земель потрясал он грозной войною,
В Азии многих царей, много племен разгромил,

5 Рабства тяжелый ярем и тебе уже, Рим, он готовил —
Ибо весь мир остальной пал пред оружием его, —
Но когда все охватила вражда, он рухнул в разгаре
Распри и тотчас же был изгнан из отчих земель.
Воля богини всегда такова, и ее мановенью
10 Лживое время спешит смертную участь предать.

IV

Где б ни носили меня перемены жизни превратной,
Сколько б ни видел я стран, сколько б ни встретил людей, —
Пусть я погибну, коль был кто-нибудь тебя мне дороже:
5 Можно ль милее тебя в мире другого найти?
Боги и сестры богов и прежде прочих Венера
Дали все блага тебе, Муза, как ты заслужил,
Все, чему рад Аполлон и стройный хор Аполлона:
Разве бывал человек, Муза, ученей тебя?
10 В мире сравнится ли кто с тобой приятностью речи?
Чистая Клио, и та хуже тебя говорит.
Хватит с меня и того, что себя ты любить позволяешь:
Где уж мне ждать, чтобы ты мне отвечал на любовь?

V

Прочь, риторы! Напыщенные прочь речи,
Что не росой ахейской, а водой полны!
Стилон, Варрон, Тарквитий — все вы прочь, племя
Грамматиков, заплывшее давно жиром!
5 Младенческие погремушки, прочь все вы!
Прощай и ты, о Секст, моих всех дум дума,
Сабин и все красавцы: паруса лодки
В блаженную направил я теперь гавань,
Ищу великого Сирона слов мудрых
10 И жизнь от всех забот освободить жажду.
Ступайте прочь, Камены, прочь, хоть мне милы
Всегда вы были прежде, признаюсь прямо,
Камены милые, и впредь в мои свитки
Заглядывайте лишь исподтишка, редко.

VI

Несчастнейшего зятя разнесчастный тесть
И Ноктуин-зятек, мозги дурацкие!
Неужто, глупостью твоей прижатая,
В деревне будет жить такая женщина?
5 Ну право, как про вас строка написана:
Вы все сгубили, зять и тесть преславные!

VII

Право, по совести я говорю, любезный мой Варий,
Чтоб мне пропасть, но меня этот малыш погубил.
Если же так говорить не велят мне правила,— ладно,
Я не скажу, но меня этот мальчишка сгубил.

VIII

Был ты Сиронов, клочок земли при бедной усадьбе
(Впрочем, хозяин такой был и тобою богат),
Ныне тебе и себя, и всех, кто мною любимы,
Если о родине вдруг вести услышу грустней,
5 Я поручаю: прими всех прежде отца и Кремоной
Новою стань для него, новою Мантуей стань.

IX

Молви немного мне, но лишь с ведома яркого Феба,
Молви немного, хор мудрых сестер Пегасид.
К нам победитель грядет, победного шествия гордость,
Славный везде, где лежит суша и плещут моря.
5 С варваром битва его наградила почетной добычей,—
Вот он, как Эрикс, могуч или как гордый Ойнид,
Но оттого он не стал в искусстве вашем ничтожней
И в хороводе святом место достоин занять.
Вот почему и меня больше прежнего мучит забота,
10 Что я могу о тебе, что для тебя написать?

Та, что меня больше всех утрашить должна бы причина,
Более всех, признаюсь, силы душе придала.
В свитки попало мои твоих немного созданий —
В них и афинян язык, в них и афинская соль,—
15 Песен, фригийца век, до грядущих доживши столетий,
Песен, пилосца век сроком достойных затмить.
В неге под тенью листвы широковетвистого дуба
В них Мелибей и Мерид рядом лежат, пастухи,
20 Сладостных песен они, чередуясь, стихи повторяют,—
Так ученый любил петь тринакийский певец.
Каждый спешит из богов украсить твою героиню,
Каждая ей из богинь дар свой спешит поднести.
Счастье красавице той, что таким портом поднесла:
Славой ее ни одна не посягнет превзойти.
25 Та ли, что в беге могла б победить Гиппомена проворство,
Если б ее не пленил дар золотой Гесперид,
Та ль, что была рождена из яйца лебединого Леды,
Та ли, что в небе блестит — Кассиопея сама,
30 Та ли, кого берегло скакунов крылоногих ристанье,
Но домогались кого юные греки толпой,
Душу и жизнь за нее отдавая отцу-нечестивцу,
Так что Элиды земля кровью влажнилась не раз,
Или Акрисия дочь, или царевна Семела, к которым
35 В молнии грозной, в дожде сам Громовержец сходил,
Или же та, надругавшись над кем, лишился пенатов
Отчих Тарквиния сын вместе с надменным отцом,
В те времена, когда Рим, избравший консулов первых,
Гордых господство царей кроткою властью сменил.
Много наград он питомцам своим вручал по заслугам:
40 Мощных Попликол не раз, славных Мессал награждал.
Надо ли мне вспоминать усердьё в трудах непомерных,
Годы суровых боев, тяготы долгой войны?
Как на стан войсковой менял ты форум охотно,
Бился от сына вдали и от отчизны вдали?
45 Как терпеливо сносил то зной непомерный, то холод?
Как и на жестком кремне крепко ты мог засыпать?
Как под враждебной звездой по угрюмым морям проплывал
ты,
Смелостью зиму не раз, смелостью шквал одолев?

Как, устремляясь вперед, бросался грудью ты в гущу
50 Грозных боев, не страшась общего бога войны?
Как то в Африку ты поспешал, к племенам вероломным,
То к быстротечным струям Тага, реки золотой,
И, один за другим войной тревожа народы,
Шел с победою ты за океанский предел?
55 Нет, не мне воспевать, не мне такие победы:
Как я отважусь? Едва ль смертным по силам та песнь.
Сами молву о тебе пронесут по целому свету,
Сами деянья твои славою украсят себя,
Мы же восславим лишь песнь, что с тобою создали боги:
60 Хор сладкогласный Муз, Кинфий, Аглая и Вакх.
Если стремиться к хвале из безвестности, если Кирены,
Если латинским стихом греческих высей достичь
Мог я, исполнились все мои желанья с избытком.
Этим довольствуюсь я. Что мне до черни тупой?

Х

Сабин вот этот (он пред вами, странники!)
Клянется, что быстрее из погонщиков
Когда-то был он: по пути ли в Мантую,
Летя ли по дороге, легкой в Бриксию,
5 Двуколки обгонял и колымаги он.
Тому свидетель — Трифон, с ним соперничать
Никак не смогший, и подворье Церула,
Где он, Сабин, еще на службе Квинтия
Стриг ножницами мулам гривы жесткие,
10 Чтобы ярмо из бука Китарийского
Легко несло выносливыми шеями.
Студеная Кремона, топи галльские,
Вы видели, вы слышали, вы знаете —
(Так говорит Сабин): во дни далекие
15 На ваших бродах увязал он по уши,
В болота ваши он поклажу сваливал,
От ваших стен окольными дорогами
Гонял он мулов под ярмом, то правыми,
То левыми копытами лягавшихся.

.

- 20 К богам дорожным он мольбы о помощи
Не обращал: впервые им приносит он
Отцову сбрую с верною скребницею.
Все было и минуло. Ныне в консульском
Он восседает в кресле, посвятив свой лик
25 Вам, двое братьев, Кастор с братом Кастора.

XI

- Кто из богов, Октавий, тебя у нас отнял? Иль правду
Молвят, что это с вином многое множество чаш?
— С Вами я пил, если в этом все зло. Но за каждым крадется
Участь своя. Так вина в чем же, скажите, вина?
5 — Будем писаньям твоим мы дивиться, историю Рима
Будем оплакивать мы, плача о смерти твоей.
Но уж не будет тебя. Отвечайте, превратные мапы:
Есть ли какая отцу сына корысть пережить?

XII

- Спесивый Ноктуин, мозги дурацкие!
Девицу за тебя, к которой сватался,
Спесивый Ноктуин, не бойся, выдадут.
Но как, спесивый Ноктуин, посватавшись,
5 Не видел ты: две дочки у Атилия?
Две дочки, и обеих он отдаст тебе.
Сходитесь все, сходитесь: свадьбу празднует
Спесивый Ноктуин, как должно, с кружкой.
Талассио! Талассио! Талассио!

XIII

- Ты думаешь, я слаб, что не под силу мне,
Как встарь, пускаться по морю,
По всем путям и в зной, и в стужу следуя
Знаменам победителя?
5 Силен, силен я выношенной яростью,
И к бою рвется речь моя.

Зачем, наглец, достойный гнева Цезаря,
О собственных ли мерзостях,
О гнусной ли сестре, блуднице лагерной,
10 Меня неволишь лаяться?
Или о том, как ты мальчишкой с взрослыми
Задремывал в застолице,
15 И, вдруг взмокревши, слышал сзади пьяный хор:
«Талассио! Талассио!»
Что побледнел ты, бабень? или шуточки
Уже тебе не в шуточки?
20 Меня не взманят все твои Котитины
Оргические идолы,
Невмочь глядеть, как ты, обнявши жертвенник,
По-бабьи вертишь задницей,
Как ты кричишь среди вонючих грузчиков
Над тибрскими причалами,
25 Где барки, ставши в рыжем иле заводей,
С волной ущербной борются!
Я не взойду в харчевни компитальские
К горелым жирным кушаньям,
Которые запив водицей слизистой,
30 К жене-толстухе тащишься
И, ненавистный, давишься за счет ее
Горячими колбасами!
Попробуй возрази, попробуй вызовись!
А я еще по имени
35 При всех, блудливый Луций, назову тебя:
Стучи зубами с голоду,
Казнись беспутством братьев и распухшими
Ногами дяди-пьяницы,
И собственной, доступной всем утробой,
40 Распроклятой Юпитером!

XIV

Если начатый труд суждено мне будет закончить,
Ты, что в Пафосе живешь и в Идалийском краю,
Если римские все города с тобою троянский
Сын облетит, вознесен песней достойной моей,—

⁵ Знай, не картиной твой храм я украшу, не только лишь
ладан

И плетеницы тебе в чистых руках принесу:

Скромный рогатый баран и телец, величайшая жертва,

В честь тебя окропит кровью огонь алтарей,

¹⁰ Мраморный рядом с тобой, о богиня, с пестрым колчаном,
Крыльям под стать расписным, встанет и сын твой

другой,

О Киферея, приди: к тебе твой Цезарь взывает

И Суррентинский тебя кличет с Олимпа алтарь,

КОММЕНТАРИИ

В настоящем томе «Библиотеки античной литературы» «Буколики» и «Георгики» публикуются в переводе С. Шервинского, впервые опубликованном в 1933 году и коренным образом переработанном для издания в «Библиотеке всемирной литературы» (1971). Перевод «Энеиды», выполненный С. Ошеровым был впервые опубликован в том же томе «Библиотеки всемирной литературы».

В основу перевода положено издание: P. Vergilii Maronis, Opera... edidit... Albertus Forbiger. Partes I—III, Lipsiae, 1873—1875.

Учтены также следующие издания: P. Vergilius Maro, Opera omnia, vol. I—III, recensuit O. Ribbeck, Lipsiae, 1859—1868; «Oeuvres de Virgile», texte établi et commenté par Benoist, Paris, 1918; «Vergil's Gedichte» erklärt von Th. Ladewig, Berlin, zwölfte Auflage, 1902—1907.

БУКОЛИКИ

Эклога I

В основе эклоги лежит действительный факт биографии Вергилия, о котором говорит еще античный комментатор «Буколик» Сервий: «...После того как был убит Цезарь... Август начал гражданскую войну против Антония... Одержав победу, он отдал своим воинам поля кременцев, которые были настроены

к нему враждебно. Этих полей оказалось недостаточно, и он приказал распределить также и землю мантуанцев, не в виде наказания, а потому, что они жили по соседству... Вергилий, лишившись земельного участка, прибыл в Рим... ему в виде исключения возвратили поле». Эклога адресована Августу, хотя прямо он ни разу не назван. В Титире можно видеть самого Вергилия.

Стих 6. *...нам бог спокойствие это доставил...* — Имеется в виду Октавиан Август и его милость по отношению к Вергилию — Титиру. К этому времени Октавиан начал принимать божеские почести и называться богом, — в Пергаме и Никомедии уже были посвященные ему храмы, хотя официальный декрет сената об обожествлении был вынесен после его смерти (14 г. до н. э.).

Стих 17. *...мне предвещали не раз дубы, пораженные небом.* — Удар молнии в дерево считался дурным предзнаменованием; пораженная молнией олива предвещала неурожай, дуб — изгнание.

Стих 26. *Свобода* — то есть выкуп из рабства; раб-пастух добился этого от своего живущего в Риме господина уже стариком.

Стих 42. *Юношу видел я там...* — того же Октавиана, которому к этому времени было двадцать три года.

Стих 43. *...дней по дважды шести алтари наши дымом курятся.* — Римляне двенадцать раз в год — по одному разу в месяц — возжигали жертвенный огонь ларам, богам домашнего очага. Обряд совершался в один из главных дней месяца — в Календы (первый день месяца), или в Ноны (девятый день), или в Иды (пятнадцатый день).

Стих 54. *Гиблейские пчелы.* — Гибла, гора в Сицилии, была знаменита своим медом.

Стих 62. *Арар* — река в Галлии, ныне Сона.

Стих 65. *Окс* — местонахождение этой реки точно неизвестно. Вероятнее всего, это Аракс в Армении.

Эклога II

Эклога построена на биографическом материале. Влюбленный Коридон — это сам Вергилий, добивавшийся благосклонности Александра, мальчика-слуги Азиния Поллиопа, государствен-

ного деятеля, оратора и поэта, покровительствовавшего Вергилию. В благодарность за эклогу Поллион будто бы подарил мальчика Вергилию, и впоследствии Александр стал ученым-грамматиком. В пределах жанра буколики — это традиционная песня-жалоба влюбленного пастуха.

Стих 24. *...пел Амфион у Диркэ на том Аракинфе Актейском.* — Амфион — сын Зевса и фиванской царевны Антиопы, обладавший божественным даром игры на кифаре. Вместе со своим братом-близнецом Зетом был по требованию мачехи подкинут на горе Аракинфе, на границе Беотии и Аттики, и там воспитан пастухами. Диркэ — источник в Беотии около Фив. Актейский — аттический (от древнего названия Аттики, буквально: прибрежный).

Стих 46. *Найда* — речная нимфа.

Стих 58. *Австр* — южный, иссушающий растения ветер.

Стих 61. *Дарданец Парис* — потомок троянского царя Дардана; был воспитан пастухом Агелаем в лесах.

Паллада (Минерва) — считалась покровительницей городов и крепостей.

Стих 70. *Недообрезал листья...* — С виноградных лоз, особенно тех, что обвивались вокруг деревьев, полагалось срезать листву дважды в год.

Эклога III

В этой эклоге воспроизводится так называемое амебейное (поочередное) пение — форма песенного состязания, восходящая к игровым народным обрядам. Непосредственным образцом для Вергилия послужили IV и V идиллии Феокрита. Амебейное состязание состоит в поочередном обмене песенными репликами аналогичного содержания и размера между двумя состязающимися в присутствии судьи, который и объявляет победу одного из спорящих или их равенство. В эклоге судья — это Палемон (один из древних комментаторов полагает, что под маской Палемона скрыт Азиний Поллион; Вергилий отдает ему на суд свою эклогу).

Стихи 1—2. *Ты мне, Дамет...* — Начало эклоги воспроизводит начало IV идиллии Феокрита.

В дальнейшем Вергилий также весьма часто переводит отдельные стихи Феокрита.

Стих 37. *Алкимедонт* — очевидно, имя, вымышленное Вергилием.

Стих 40. *Копон* — знаменитый математик и астроном, живший в III в. до н. э., друг Архимеда. Под другим подразумевается автор книги «Явления» астроном Эвдокс Книдский (IV в. до н. э.).

Стих 41. *...начертал весь круг мирозданья...* — то есть палочкой астронома очертил круг неба; на столе рассыпала порошок, по которому чертили астрономические схемы.

Стих 59. *Камены* — музы.

Стих 64. *Яблоком бросив в меня...* — Брошенное юноше или девушке яблоко равнозначно было признанию в любви.

Стих 86. *В новом вкусе стихи Поллион сам пишет...* — Азний Поллион (см. примеч. к эклоге II), писавший лирические стихи, обратился в это время к трагедии.

Стих 89. *...амлом ежевика приносит.* — Одна из примет золотого века: на кустах дикой ежевики вырастут плоды экзотического благовонного растения — ассирийского аммома.

Стих 90. *Бавий и Мевий* — поэтические противники Вергилия.

Стихи 104—105. *В землях каких, скажи...* — Сервий сообщает ответ на эту загадку: небо кажется шириной в три локтя, когда оно отражается в водоеме.

Стихи 106—107. *...родятся цветы...* — Цветы эти — гиацинты; на их лепестках греки усматривали буквы AI или Y, соответствующие именам героя Аякса и любимца Аполлона царевича Гиацинта, из крови которых, согласно мифам, этот цветок и вырос.

Эклога IV

Эклога представляет собой утопию о золотом веке. По верованиям римлян, по оракулу, записанному в книгах пророчицы Сивиллы, а также по системам академической и стоической школ философии, — мировой круг жизни проходит в смене периодов, кругов, находящихся под покровительством определенных божеств. Ко времени написания эклоги (40 г. до н. э.) кончался круг Дианы (железный век) и начинался новый круг —

Аполлона, в котором ожидалось возвращение золотого века, некогда уже бывшего на Земле и ушедшего вместе с кругом Сатурна (в античной поэтической традиции до Вергилия золотой век — всегда прошлое). Историческое основание для ожидания золотого века — мир, заключенный между Октавианом и Антонием, дававший надежду на спокойные времена и расцвет Италии.

Утопическая тема золотого века сливается в буколке с пастушеской темой счастливой Аркадии.

Стих 1. *Музы Сицилии...* — музы буколической поэзии; Сицилия — родина Феокрита.

Стих 3. *Консул.* — Консулом 40 г. до н. э. был Азиний Поллион, посредничавший между Октавианом и Антонием при заключении мира.

Стих 4. *...пророчицы Кумской...* — Имеется в виду Кумская Сивилла, предложившая царю Тарквинию Гордому так называемые Сивиллины книги, в которых, по преданию, записаны судьбы Рима и мира и которые хранились в храме на Капитолии.

Стих 6. *Дева* — Правда, Справедливость; дочь Юпитера и Фемиды, во время золотого века Сатурна жившая среди людей, она с наступлением железного века превратилась в звезду в созвездии Девы.

Стих 10. *Луцина* — одно из прозвищ Юноны (или Дианы) как богини-покровительницы рожениц. Последующие слова о наступлении века Аполлона заставляют предполагать, что здесь идет речь именно о Диане, сестре Аполлона, под знаком которой пребывал уходящий круг железного века.

Стих 32. *Фетида* — здесь вместо «море»: богиня моря.

Стих 34. *Тифис* — кормчий аргонавтов.

Стих 47. *Парки* (греч. Мойры) — три богини судьбы; их представляли в виде старух, прядущих нить человеческой жизни. Одна из них (Клото) прядет нить, другая (Лахесис) тянет ее через все предназначения судьбы, и, наконец, третья (Атропос) обрывает нить.

Стих 55. *Лил* — «божественный пастух», сын Аполлона и музы Терпсихоры, мифический певец, подобный Орфею, сыну музы Каллиопы, предводительницы муз и покровительницы эпической поэзии.

Эклога V

Образцом для этой эклоги послужила I идиллия Феокрита, использовавшего сицилийский миф о Дафнисе. Идиллия Феокрита состоит из пролога — приглашения к пению, эпилога и центральной части — песни об умирающем Дафнисе. В эклоге Вергилия есть пролог, эпилог и тема Дафниса, раскрывающаяся в двух песнях (мотив пастушеского состязания) — одна о смерти, другая — о воскресении обожествленного Дафниса. Большинство исследователей видит в обожествлении Дафниса намек на причисление к богам Гая Юлия Цезаря; одновременно это и обещание будущего обожествления Октавиана.

Стихи 29—30. *Дафнис армянских впрягать в ярмо колесничное тигров установил...* — Здесь уже содержится намек на будущее обожествление Дафниса: Дафнис, подобно божеству, устанавливает обряды в честь Вакха-Диониса, совершающего свой поход из Индии в колеснице, запряженной тиграми. Армянский — здесь в значении восточный.

Стих 31. *...листвою обвивать... копыля.* — Имеются в виду тирсы, шести, увитые плющом или лозой, неизменные атрибуты вакханок.

Стих 35. *Палес* — древнеиталийская богиня, покровительница пастухов и скота. У Вергилия тема божественного покровительства усилена: если у Феокрита боги скорбят об умирающем Дафнисе, то здесь они даже покидают поля.

Стих 59. *Дриады* — нимфы деревьев.

Стих 71. *Ареусия* — гора на греческом острове Хиосе, славящаяся виноделием.

Стихи 86—87. *«Страсть в Коридоне зажег...», «Скогина чья? Мелибея?»* — Стихи, начинающие соответственно II и III эклоги; здесь обе эти эклоги представлены как песни, известные аркадским пастухам.

Эклога VI

Эклога посвящена Альфену Вару, проконсулу Цизальпинской Галлии, оказавшему поддержку Вергилию в деле о его имении. Вар обладал высоким литературным вкусом, который хва-

лил Гораций. По форме эта эклога — наставление лесного божества (Силен) пастухам. Песня Силен содержит отрывки эпикурейской космогонии (стихи 31—40) — дань эпикурейцу Сирону, в школе которого учились Вергилий и Вар. В форму песни укладывается и своеобразный каталог мифологических сюжетов, излюбленных в кругу Вергилия.

Стих 1. *Сиракузский стих*. — Имеется в виду буколический жанр. Сиракузы — главный город древней Сицилии, родины Феокрита.

Стих 2. *Талля* — муза комедии, считавшаяся покровительницей и пастушеской поэзии; иногда изображалась с пастушеским посохом.

Стих 3. *Стал воспевать я царей и бои...* — Вар хотел увидеть себя прославленным в эпической поэме; цари и сражения — предмет эпической поэзии.

Кинфий — эпитет Аполлона, от названия горного хребта Кинф на острове Делосе, родине бога.

Стих 14. *Силен* — лесное божество, фигура одновременно и «низкая» (его вечное пьянство; комические ситуации, в которые он попадает) и «высокая»: он воспитатель Вакха, наделенный даром прорицания мудрец.

Стих 17. *Канфар* — сосуд для питья вина на низкой ножке, с двумя ручками.

Стихи 29—30. *Парнас* — обиталище Аполлона и муз. *Исмар* и *Родопы* — горные хребты во Фракии, где Орфей оплакивал Эвридику.

Стих 35. *Нерей* — морской старец, божество.

Стих 41. *Камни Пирры*. — Намек на миф о потопе и возрождении человеческого рода. Спасенные в ковчеге, Пирра и ее муж Девкалион (сын Прометей) должны были, но оракулу, бросать через плечо камни (кости матери-Земли). Камни Девкалиона превратились в мужчин, камни Пирры — в женщин.

Стих 42. *...о кавказских орлах, о хищенье... Прометей*. — Намек на миф о титане Прометее, похитившем огонь у Зевса; за это Прометей был прикован к скале на Кавказе, куда прилетел орел и выклевывал его печень.

Стих 43. *Гилл* — любимец и оруженосец Геракла, был похищен во время похода аргонавтов нимфой источника, к которому

отправился за водой. Этот сюжет разработан в XIII идиллии Феокрита.

Стих 45. *Пасифая* — дочь Солнца и жена критского царя Миноса. Пасифая, воспылав страстью к быку, родила чудовище Минотавра.

Стих 48. Дочери тиринфского царя Прета в безумии, насланном на них Юноной, воображали себя коровами.

Стих 60. *Гортинский* — от критского города Гортины.

Стих 61. *Деву, что яблоч красой гесперидовых залюбовалась...* — Имеется в виду непобедимая в беге Аталанта. Ее удасть обогнать лишь хитростью, рассыпав на пути золотые яблоки из сада Гесперид, приковавшие ее внимание.

Стих 62. *Фазтонтиады* — дочери Солнца, превратившиеся в деревья от тоски по погибшему брату Фазтону, не сумевшему править колесницей Солнца и упавшему с неба.

Стих 64—65. *Пермес* — река, стекающая с Геликона, обиталища муз. Пермесские сестры — одно из названий муз.

Стих 65. *Галл* — поэт Гай Корнелий Галл (69—26 гг. до н. э.), основоположник жанра римской элегии; его произведения не сохранились. Занимал видные государственные должности, во время написания эклоги был помощником Вара в Цизальпинской Галлии.

Стих 67. *...сказал ему Лин...* — Характерно, что вводит Галла в круг муз божественный пастух Лин (см. примеч. к эклоге IV, 55); дар, полученный Галлом от муз и Лина, — дар буколический: свирель (стих 69).

Стих 70. *Аскрейский старец* — Гесиод, знаменитый греческий поэт, автор «Теогонии» и «Трудов и дней» (X в. до н. э.). Аскра в Беотии — его родина.

Стих 72. *Гринийская роща* — посвященная Аполлону роща в Малой Азии; ее воспел Галл в подражание александрийскому поэту Эвфориону.

Стих 74. *Сцилла* — у Вергилия здесь смешаны две Сциллы: Сцилла, дочь Форкия, чудовище, обитавшее у пролива между Сицилией и Италией и проглатывавшее проплывающих (Гомер. Одиссея), и Сцилла, дочь мегарского царя Ниса (см. поэму «Скопа»).

Стих 78. *...превращенные члены Терей...* — Терей был превращен в птицу (удода) за надругательство над своей невесткой Прокной.

Стих 79. ...*Филомелой*... *поднесенные яства*. — Филомела, сестра Прокны и жена Терeya, мстя за сестру, накормила мужа мясом их убитого сына.

Стих 83. *Эврот* — река в Лаконии, юго-восточной области Пелопоннеса.

Эклога VII

Эклога VII Вергилия, как и его эклога III, а также V и VI идиллии Феокрита, демонстрируют вариант состязания в пении.

Стих 13. *Минций* — река в Мантуе. Хотя пастухи названы аркадскими, Вергилий приписывает Аркадии — не реальной, а утопической стране — ландшафт своей родины.

Стих 21. *Нимфы*... *Либетриды!* — Музы выступают здесь как нимфы ручьев Геликона.

Стих 29. *Делия* — одно из названий Дианы-Артемиды, от острова Делоса, где родилась богиня, а также ее брат Аполлон.

Стих 34. *Приап* — бог плодородия (см. также примеч. к «Гергикам», IV, 111).

Стих 41. *Сардонийский* — то есть сардинский, от острова Сардиния. Водившаяся там трава была так горька, что от нее перекашивало рот; отсюда выражение «сардонический смех».

Стих 60. ...и *благодарным дождем многократно прольется Юпитер*. — Юпитер имеется здесь в виду в его функции оплодотворителя Земли: Юпитер-Плювий (Дождевой).

Стих 61. *Алкид* — Геркулес.

Эклога VIII

Эклога содержит две пастушеские песни, первая из которых, жалоба влюбленного, восходит к III идиллии Феокрита, вторая — воспроизводит обряд заклинания возлюбленного, описанный во II идиллии Феокрита.

Стих 6. *Тимав* — река, впадающая в Адриатическое море.

Стих 7. *Иллирийское море* — Адриатика. Вергилий поздравляет Поллиона с победой на Балканах, после которой его войско возвращалось, вероятно, по Иллирийскому морю.

Стих 10. ...*песни твои... достойны котурна Софокла?* — Указание на то, что Поллион писал трагедии.

Стих 17. *Светоносец* — утренняя звезда.

Стих 21. *Ряд меналийских стихов...* — Менал — гора в Аркадии.

Стихи 29—30. *Факелов... настругай... сыль орехи!* — Элементы римского свадебного обряда. При свете факелов невесту вели в спальню жениха, орехами жених откупался во время этого шествия от высмеивающей его молодежи.

Стих 30. *Эта* — горная цепь в Фессалии.

Стих 44. *Тмар* — гора в Северной Греции. *Гараманты* — африканские племена, обитавшие, по представлениям римлян, на краю света.

Стих 55. *Арион* — греческий поэт и музыкант (VII—VI вв. до н. э.); по преданию, был спасен от смерти дельфином, зачарованным его пением.

Стих 66. *Заклятья*. — У Феокрита главная сила заклятия — зелье, у Вергилия — сами песни и заклипания. Латинское «сагител» обозначает и песню и заклипание.

Стих 72. *Изображенье твоё...* — Героиня песни совершает магические действия над восковой и глиняной фигурками возлюбленного (см. также стих 79).

Стих 94. *Понт*. — Здесь имеется в виду Колхида, родина волшебницы Медеи.

Эклога IX

Во время написания эклоги Вергилию вновь стала грозить опасность лишиться имения, поэтому пастух эклоги IX изгнан из счастливой Аркадии. Сам Вергилий скрыт под именем Меналка, о котором говорит Мерис. В жанровом отношении эклога представляет собой попытку состязания в пении: пастухи обмениваются началами традиционных песен о Галатее (стихи 39—43) и Дафнисе (стихи 46—50), которые здесь проходят как воспоминание и как символ Аркадии.

Стих 30. *Кирнейские*. = Кирн — греческое название Корсики.

Стих 35. *Варий и Цинна* — видные поэты эпохи Августа;

принадлежали к одному направлению с Вергилием; их произведения не сохранились.

Стих 47. *Диона* — мать Венеры, родоначальница рода Юлиев. Одно из имен Венеры — Дионея.

Стих 59. *Бианор* — местный мантуанский герой.

Эклога X

В маске пастуха на этот раз выступает поэт Корнелий Галл (см. примеч. к эклоге VI, 65). Элегическая тема несчастной любви поэта к жестокой возлюбленной звучит в лесах Аркадии. Душевное состояние Галла уподоблено состоянию мифического героя Дафниса у Феокрита. Вергилий «оплакивает» страдания Галла довольно близким переводом из I идиллии Феокрита (стих 64 и след.).

Стих 1. *Аретуза* — сицилийская речная нимфа; намек на Феокрита. По мифу, поток Аретузы начинается в Греции, затем уходит под землю, протекает под дном моря и выходит на поверхность в Сицилии.

Стих 3. *Ликорида* — возлюбленная Галла, воспетая им в элегиях.

Стих 4. *Сиканский* — от Сикании, древнего названия Сицилии.

Стих 5. *Дорида* — одна из nereид, мать Аретузы.

Стих 11. *Пинд* — гора, посвященная Аполлону.

Стих 12. *Аганиппа* — речная нимфа.

Стих 15. *Ликей* — гора в Аркадии.

Стих 18. *Адонис* — прекрасный пастух, возлюбленный Афродиты.

Стих 23. *...в лагерь... Ликорида сбежала.* — Ликорида, покинув Галла, последовала за новым возлюбленным в поход на Галлию.

Стих 24. *Сильван* — лесное божество.

Стих 50. *...стихом пропою я халкидским...* — Имеется в виду поэт эллинистической эпохи Эвфорион Халкидский, один из греческих элегиков, которому подражал Галл.

Стих 57. *...леса парфенийские...* — Парфений — гора на границе Аркадии и Арголиты.

Стих 60. *Цидония* — критский город; его жители славились как отличные лучники.

Стих 62. *Гамадриады* — лесные нимфы.

Стих 65. *Гебр* — река во Фракии.

Стих 66. *Сигонийские берега* — местность во Фракии.

ГЕОРГИКИ

Переводчик посвящает этот труд своей жене, Елене Шервинской.

Книга первая

Стих 7. *Либер с Церерой*... — то есть дары Вакха (Либера) и богини плодородия Цереры: виноградная лоза и хлеб.

Стих 8. *Хаония* — область в Эпире, славная священными дубами Юпитера. По представлениям римлян, люди до появления земледелия питались дикими плодами и желудями.

Стих 9. *Ахеловы чаши*. — Ахелой — река в греческой области Этолии. Имя Ахелоя употреблялось в значении всякой реки и вообще воды. Древние употребляли вино, разводя его водой.

Стихи 10—11. *Фавны* — лесные божества.

Стихи 13—14. *...из... земли коня... вывел... Нептун!* — По мифам, Нептун произвел на свет первого коня, ударив трезубцем в скалу в горах Фессалии.

Стих 14. *Покровитель урочищ* — Аристей, сын бога Аполлона и нимфы, древнее земледельческое божество, герой четвертой книги «Георгик».

Стих 15. *Кея* — один из островов Архипелага.

Стих 18. *Тегеец*. — Тегея — местность в Аркадии, известная культом Пана. *Маслина* — священное дерево Минервы.

Стихи 19—20. *...юноша, нам показавший плуг*... — Имеется в виду мифический изобретатель плуга, царский сын Триптолем; искусству земледелия его обучала сама богиня плодородия Церера.

Стих 25. *Цезарь* — здесь Октавиан Август.

Стих 28. *Мирт* — священное дерево Венеры (от которой вел свое происхождение род Юлиев).

Стих 30. *Фула* — некий остров на северо-западе, предел населенной земли. Возможно, Исландия.

Стих 31. *Тефия* — морская богиня, супруга Океана.

Стихи 32—34. ...*новой примкнешь ли звездой*...—Для со звезды обожествленного Октавиана было «подготовлено» место среди знаков Зодиака — между Девой (Эригоной) и Скорпионом.

Стих 36. *Тáргар* — подземное царство; Октавиан же будет принят в сонм «светлых», небесных богов.

Стих 38. *Элизийские поля* (или Элизий) — часть царства мертвых, где пребывали непорочные души.

Стих 39. *Прозерпина* (Персефона) — дочь Цереры (Деметры); была похищена царем преисподней Плутоном, стала его женой и царицей подземного царства; раз в году она выходила на землю к матери.

Стих 44. *Зефир* — западный ветер.

Стихи 47—48. *Нива*... *два раза жар испытает и два раза голод*. — Обычно в Италии вспахивали землю трижды, но иногда и четырежды в год.

Стих 56. *Тмол* — гора в Малой Азии, славившаяся изготовлением благовоний и виноделием.

Стих 57. *Сабей* — аравийское племя; *изнеженные* — постоянный эпитет аравийских народов в римской поэзии.

Стих 58. *Халибы* — обитавшее в Причерноморье племя, славившееся своими железными изделиями.

Стих 59. *Понт* — область малоазийского побережья Черного моря, царство Митридата Понтийского (см. также примеч. к «Буколикам», VIII, 94).

Эпир — область в Северной Греции; лошади, выведенные в Эпире, нередко одерживали победы на конных состязаниях в Олимпии.

Стих 62. ...*Девкалион побросал... камня*... — См. примеч. к «Буколикам», VI, 41.

Стих 67. ...*незадолго... до Арктура*... — то есть в начале сентября, незадолго до восхода Арктура — звезды из созвездия Волопаса.

Стихи 78. ...*мак, напитанный дремой летейской*. — Мак, как и река подземного царства Лета, дает забвение и сон.

Стихи 102—103. *Мизия, Горгара* — плодородные области Малой Азии.

Стих 120. *Стримонийский журавль*. — По берегам реки Стримона во Фракии селились журавли, зимой перелетавшие в Италию.

Стих 125. *...не знали поля до Юпитера пахарей власти*. — В золотом веке, когда властителем был Сатурн, по представлениям древних, не было собственности. Земля, плодоносящая «сама по себе», — обычный образ золотого века.

Стих 136. *...об ольхах долбленых...* — то есть о кораблях, сделанных из ольхи.

Стих 138. *Плеяды и Гиады* — звездные скопления в созвездии Тельца; *Аркт Ликаона* — Большая Медведица (Ликаон — царь Аркадии, чья дочь Каллисто была превращена Юноной в медведицу. Когда ее убили охотники, Юпитер сделал ее созвездием).

Стих 149. *Додона* — здесь вместо «дуб»; в Додоне была дубовая роща со святилищем Юпитера.

Стих 163. *Элевсинская богиня* — Церера. Центром ее культа был Элевсин близ Афин, где совершались культовые таинства — элевсинские мистерии.

Стих 165. *Келей* — мифический царь Элевсина, которого сама Церера научила плести корзины из прутьев.

Стих 166. *Деревянные решета, велла*. — Эти изделия использовались в культовых церемониях, посвященных Церере и Вакху.

Стихи 204—205. *Арктур, Козлята, Змей*. — С заходом и восходом этих звезд и созвездий связывали морские бури.

Стих 207. *Пролив Абидосский* — Геллеспонт (ныне Дарданеллы), на берегу которого стоял город Абидос.

Стих 208. *...уравняют Весы для сна и для бдения время...* — Речь идет об осеннем равноденствии, когда Солнце находится в созвездии Весов.

Стих 212. *...мак Цереры...* — Мак, как цветок сна и смерти, есть знак скорби Цереры по находящейся в царстве мертвых дочери Прозерпине (см. примеч. к стиху 39).

Стих 215. *Мидийка* — люцерна; ее родиной считали Мидию, страну в Азии у истоков Тигра и Евфрата.

Стихи 217—218. *...Бык... год приоткроем...* — Созвездие Тельца (Бык), в котором Солнце находится в середине апреля, когда у римлян начинался год, гонит с неба созвездие Пса со звездой Сириус; Пес покидает небосвод в конце апреля.

Стих 221. *Атлантиды* — дочери титана Атланта, превращенные в звездное скопление Плеяд, которое заходит с восходом зари. Окончание периода видимости Плеяд — в середине ноября.

Стих 222. *Кносский Венец*. — Созвездие Северной Короны (Венца), окончание периода видимости которого приходилось на последние дни ноября, связывалось с представлением о превращенной в светило короне Ариадны, дочери критского царя Миноса. Кнос — главный город Крита.

Стих 225. *Майя* — старшая дочь Атланта, мать Меркурия, одна из Плеяд.

Стих 228. *Пелузийская чечевица* — из египетского города Пелузия. Египетская чечевица считалась самой лучшей.

Стих 229. *Боот* — созвездие Волопаса; сеять вику считалось удобным к окончанию периода видимости этого созвездия, в конце октября.

Стих 232. *Двенадцать созвездий* — знаки Зодиака.

Стихи 233—239. *Пять поясов*. — По представлениям древних, небо и земля распределялись на соответствующие друг другу пять поясов, которые различаются между собой расположением по отношению к Солнцу.

Стих 237. *Пояса два...* — умеренные пояса, на которых и сосредоточена жизнь.

Стих 239. *...наклонных знаков порядок...* — ось Зодиака, вокруг которой вращаются звезды и совершает свой путь Солнце.

Стих 240. *Рифейские твердыни* — Урал; здесь в значении всех северных горных хребтов. *Скифия* — в значении всей северной части Европы и Азии.

Стих 241. *Австры Ливийские* — южные ветры, дующие из Ливии (Северная Африка).

Стихи 242—243. *Встала вершина одна над нами навечно, другую видит... Стикс...* — Речь идет о двух полюсах Земли — северном и южном; первый из них виден живым людям, второй — теням умерших, которые находятся «под ногами» живых, в Тартаре, помещающемся в глубине Земли. Стикс — река подземного царства, здесь — в значении самого царства; *мань* — духи умерших.

Стихи 245—246. *Змей* — созвездие Дракона близ Северного полюса, обвиняется вокруг Большой и Малой Медведиц («оплетает Арктов обоих»), которые на европейских широтах никогда не заходят за горизонт (им «в волнах... страшно намокнуть»).

Стих 250. *Кони Востока* — упряжка бога Солнца.

Стих 251. *Веспер* — планета Венера в вечернем восхождении.

Стих 265. *...жугы америйские...* — Америя — город в Умбрии, славившийся своим лозняком, прутья которого шли на подвязку виноградных лоз.

Стих 278. *Эмениды* — богини-мстительницы, то же, что эринии или римские фурии.

Стих 279. *Кей, Япет* — титаны, сыновья Земли и Неба; *Тифей* — чудовище, рожденное Землей и Тартаром.

Стих 280. *Братья* — сыновья Алоэя, От и Эфиальт, решившие захватить Олимп и для этого взгромоздившие друг на друга горы Пелион и Оссу; низвержены молнией Юпитера.

Стих 302. *Гения время, зима...* — Гений — у римлян бог-хранитель человека, сопутствующий ему всю жизнь и пробуждающий все лучшее, божественное в его душе. Все праздничное, веселое считалось соответствующим Гению. Зима — время римских праздников, Сатурналий, поэтому она время Гения.

Стих 309. *...пращи балеарской...* — Жители Балеарских островов (ныне — Мальорка и Менорка) в Средиземном море славились искусством метания из пращи.

Стих 332. *Афон* — гора в Македонии; *...Керавнии... горы...* — Керавнийский хребет в Эпире.

Стихи 336—337. *Сатурн, Килленец.* — Здесь названы только Сатурн и Меркурий (бог Меркурий был рожден на горе Киллене), так как из известных древним планет первая в своем вращении описывает наибольший, вторая — наименьший круг.

Стихи 338—339. *Годичные жертвы* — сельскохозяйственный весенний праздник амбарваллий, точный срок которого устанавливал для себя каждый земледелец. Полагалось приносить в жертву трех животных — теленка, ягненка и поросенка — и совершать возлияния молоком, медом и вином, дабы умилюстить, кроме Цереры, всех богов.

Стихи 380—381. *...воду радуга пьет...* — Считалось, что радуга выпивает из земли воду и дождем отдает ее обратно.

Стих 384. *Каустр* — река в Малой Азии, при впадении в море часто разливалась, образуя болота и заводи, где водилось множество водоплавающих птиц.

Стих 398. *...Фегиды любимцы, чайки...* — В подлиннике алкионы (alciones) — морские птицы, посвященные морской

богине Фетиде. По мифу, Алкиона превратилась в птицу, бросившись в море, когда муж ее не вернулся из путешествия.

Стих 404. *Нис* (см. примеч. к «Буколикам», VI, 74) — был превращен в морского орла, его дочь Сцилла — в скопу.

Стих 416. ...*дар... предвидеть события*. — По народному поверью, вороны не только предчувствовали изменения в погоде, но вызывали их своим криком.

Стих 437. ...*чадо Инб Меликерт...* — Инб — фиванская царица, бросилась в море вместе с сыном, младенцем Меликертом (Палеомоном), спасаясь от преследования своего мужа, на которого Юнона наслала безумие; мать и сын стали морскими божествами.

Панопея (Панопя) — одна из перенд (см. также «Энеиду», V, 239—240).

Глак — морское божество, обладающее даром прорицания.

Стих 447. ...*станет Аврора, шафран покинув Тифонова лоджа...* — Тифон — супруг Авроры, богини утренней зари. Этот стих повторяется Вергилием в «Энеиде» (IV, 584 и далее).

Стих 460. *Акаилон* — северный ветер, летом разгоняющий тучи и очищающий небо.

Стих 465. ...*тайком набухающих войнах*. — Имеются в виду недавние гражданские войны в Риме.

Стих 466. *Цезарь* — здесь Гай Юлий Цезарь.

Стих 472. *Этна* — вулкан на Сицилии, где находилась, по мифу, кузница Вулкана, в которой работали великаны циклопы (см. также «Энеиду», VIII, 416 и след.). Перед убийством Цезаря произошло извержение Этны.

Стих 482. *Эридан* (По) — крупнейшая река Италии.

Стих 484. ...*на гребухе не к добру проступали зловещие жилы...* — то есть гадание по внутренностям жертвенных животных предвещало бедствия.

Стихи 490—492. *Филиппы* — местность в Фессалии, где Антоний и Октавиан разбили войско Брута. Филиппы находились в той же провинции Македонии (Вергилий называет ее древним именем Эматия), что и Фарсал, где на пять лет раньше Цезарь победил Помпея. *Гем* — горный хребет во Фракии.

Стих 498. *Индигеты* — местные боги, культ которых слился с культом обожествленных предков, например, под именем Индигета почитался Эней («Энеида», XII, 795). *Ромул* — легендарный основатель Рима, ставший богом Квирином. *Веста* — богиня домашнего очага, хранительница римского государства.

Стих 499. *Тускский Тибр* — Тибр (или Тиберин), бог реки Тибра; Вергилий неоднократно называет этим именем саму реку. Тускский — этрусский; Тибр назван так, потому что он берет начало в Этрурии. *Палагин* — один из семи холмов, на которых стоит Рим.

Стих 502. ...*пятно... Лаомедонтовой Трои*. — Войны и несчастья римлян Вергилий представляет как искупление вины предка — основателя Троянской стены Лаомедонта, обманувшего строивших ее богов Нептуна и Аполлона.

Книга вторая

Стих 4. *Леней* — греческий эпитет Вакха-Диониса.

Стих 8. *Котурны* — древняя обувь охотников, а впоследствии трагических актеров. На древних изображениях Вакх часто предстает в котурнах.

Стих 16. *Эскул* — разновидность дуба, священного дерева Юпитера.

Стих 18. *Лавр* — дерево, посвященное Аполлону. Святилище бога находилось в лавровой роще у подножия горы Парнаса.

Стих 38. *Исмар, Табури* — непригодные для сева злаков горы во Фракии и Самниуме; Вергилий приводит их как пример разумного использования земли.

Стихи 43—44. ...*нет, если даже я сто языков...* — Эти стихи, воспроизводящие стихи Гомера («Илиада», II, 488—490), повторяются в «Энеиде», VI, 625.

Стих 64. *Пафосский мирт* — мирт, посвященный Венере, центром культа которой был Пафос, город на острове Кипре.

Стих 66. *Древо Геракла* — тополь.

Стих 67. *Отец Хаонийский* — Юпитер, названный так по месту своего Додонского оракула — области Хаония в Эпире.

Стих 84. *Идейские кипарисы*. — Гора Ида на Крите славилась кипарисами.

Стих 87. *Алкиной* — в «Одиссее» царь легендарных феаков. Его плодоносные сады вошли в пословицу.

Стих 88. *Крустумийские груши*. — Крустумий (или Крустумерий) — город в Италии, в округе сабинян.

Стих 115. *Гелоны* — племя сарматов, населявшее степи Причерноморья. Римляне считали, что все варвары раскрашивают тело.

Стих 120. *О эфиопских лесах, белеющих мягкой шерстью?* — Имеется в виду хлопок.

Стих 121. *Серийцы* — вероятно, китайцы, от которых к римлянам доходили шелка. Шелковую нить и имеет в виду Вергилий, говоря о тончайшей пряже.

Стих 127. *...плод благодатный...* — Описываемый Вергилием плод, вероятнее всего, лимон.

Стих 137. *Герм* — река в Лидии, считавшаяся золотоносной.

Стих 138. *Бактрия* — царство около Индии.

Стих 139. *Панхайя* — легендарный остров в аравийских морях, славившийся изготовлением благовоний.

Стихи 140—141. *Пусть не вспахали быки...* — Намек на миф об аргонавте Ясоне, который вспахал землю Колхиды плугом, запряженным изрыгающими пламя меднокопытными быками, и засеял зубами дракона.

Стих 143. *...массийская влага...* — вино из знаменитого сорта винограда, росшего на склонах горы Массик в Умбрии.

Стих 146. *Клитумн* — приток Тибра.

Стихи 147—148. *...бык, драгоценная жертва, римским триумфам...* — Быков приносили в жертву Юпитеру; белые быки везли колесницу полководца-триумфатора.

Стих 152. *Аконит* — ядовитое растение, в Италии не встречающееся.

Стихи 159—160. *Ларий* — сейчас озеро Комо, *Бенак* — озеро Гарда.

Стихи 161—164. *Гавань Юлия* — порт, построенный Августом и названный в честь Юлия Цезаря; для его постройки бухта Лукрин близ Неаполя была соединена с озером Аверн, а гавань со стороны моря ограждена молом.

Стихи 167—168. *Сабинские потомки* (сабины), *марсы, вольски* — народности, населявшие Апеннинский полуостров.

Стихи 169—170. *Деции* — римский патрицианский род, из которого вышли многие знаменитые полководцы. *Фурий Камилл* — римский военачальник и диктатор (V—IV вв. до н. э.). *Сципионы* — патрицианский род, из которого вышли Корнелий Сципион, начавший войну с Ганнибалом, его сын Сципион Африканский Старший, успешно ее завершивший, и приемный сын последнего, Сципион Африканский Младший, разрушивший Кар-

фаген (конец III — начало II в. до н. э.). Как собирательный образ римской доблести упоминается и римский полководец конца II — начала I в. до н. э. *Гай Марий*.

Стихи 171—172. ...*Цезарь, который теперь победительно...* — Имеется в виду поход Октавиана через Сирию до берегов Евфрата.

Стих 173. *Сатурна земля* — Италия, куда, по местным преданиям, удалился Сатурн, свергнутый Юпитером. В Италии Сатурн стал родоначальником царского дома (см. «Энеида», VII, 46—49).

Стих 176. *Аскрейская песня* — дидактический эпос о земледелии, написанный по образцу Геспода из Аскры (см. примеч. к «Буколикам», VI, 70).

Стихи 193—194. ...*жирный тирренец меж тем на кости слоновой играет у алтаря...* — Тирренские (этруские) флейтисты принимали участие в культовых церемониях. Жирные — презрительное прозвище этрусков у римлян.

Стих 197. *Тарент* — город и порт на юге Италии.

Стих 214. *Хелидра* — ядовитая змея с твердой кожей (букв.: водяная черепаха).

Стих 224. *Капуя* — город в Кампании на юге Италии. Сервий сообщает, что в этой строке первоначально стояло вместо слова «берег» название города Нольты; однако голландцы отказали порту в воде для орошения участка, и он вычеркнул упоминаемые о Ноле.

Стих 225. ...*немилостив Кланий к Ацеррам*. — Имеются в виду частые разливы реки Кланья, протекавшей в Ацеррах близ Неаполя.

Стих 257. *Вредоносные тисы*. — Считалось, что плоды тиса ядовиты и одурманивают человека.

Стихи 380—381. *Козья вина такова... на просцении древние игры*. — Трагедия возникла из обрядов культа Вакха; важное место среди них принадлежало обрядам, связанным с козлом (само слово «трагедия» означает «песнь козла»). Просцений — передняя часть сцены, где находились актеры.

Стихи 382—384. *Вот почему... порешили внуки Тесея...* — Имеются в виду деревенские обрядовые игры, посвященные Вакху. Козел служил наградой в различных состязаниях, среди которых было и состязание в прыжках на надутый мех (вспрыг-

нувший должен был дольше на нем удержаться). Внуки Тесея — потомки мифического царя Афин, здесь в значении «афиняне».

Стих 385. *Авзонийские селяне* — то есть италийские крестьяне.

Стихи 388—389. *...Вакх... подвесив... изображенья твои...* — Изображение бога подвешивалось к деревьям на межах, и по тому, как оно поворачивалось в ту или другую сторону, судили о расположении божества, о грядущем благополучии этой земли.

Стих 406. *Сатурнов зуб* — серп или кривой нож виноградаря, атрибут Сатурна.

Стих 437. *Кизор* — гора в Малой Азии, поросшая буксом (самшитом).

Стих 438. *Нарик* — город на юге Италии.

Стих 448. *Итурейские луки* — от названия арабского племени итурейцев, славившихся как лучники.

Стихи 455—457. *Вакх и причиной бывал...* — В этих стихах, которые многие ученые считают интерполяцией, упоминается схватка фессалийских лапифов с кентаврами на свадьбе царя лапифов Пирифоя, где пьяные кентавры бросились похищать женщин. *Рет, Фол, Гилей* — имена кентавров.

Стих 462. *...волна желателей доброго утра...* — Имеются в виду клиенты, зависимые свободные граждане, по обязанности приходящие по утрам приветствовать своего патрона.

Стих 464. *...эфирейской бронзы не жаждают...* — Эфира — древнее название Коринфа. Коринфские вазы из особого сплава ценились в Риме больше золотых и серебряных.

Стих 465. *Ассирийский* — у Вергилия в значении «сирийский», «финикийский», «пунический». Финикийские города славились своим пурпуром — алой краской, изготавливаемой из сока особых морских моллюсков.

Стих 466. *...не портят они оливковых масел корицей...* — Порошок корицы, смешанный с оливковым маслом, употреблялся как благовонное притирание.

Стих 469. *Темпейская долина* в Фессалии была настолько прославлена своими красотами, что имя ее стало нарицательным.

Стихи 481—482. *...и в океан почему погрузиться...* — Эти стихи повторяются в «Энеиде», I, 745—746.

Стих 487. *Сперхий* — река в Фессалии, *Тайгет* — лесистый горный хребет, тянувшийся из Аркадии через всю Лаконию.

Стих 490. *Счастливы те...* — то есть философы. Стих заимствован из поэмы Лукреция «О природе вещей», где посвящен Эпикуру. Намек на Эпикура, проповедовавшего «довольство малым» и «незаметную жизнь», делает естественной параллель между счастливой жизнью селянина и философа.

Стих 495. *Фасцы* (фасции) — пучки прутьев с продетыми в них топорами, знаки консульского и преторского достоинства.

Стих 497. *Даки* — племя, жившее за Истром (Дунаем) и совершавшее частые набеги на территорию империи. Истр как бы становится союзником даков, разрешая им переправляться по льду.

Стихи 501—502. *...безумный Форум...* — Форум как средоточие всей общественной жизни Рима; у Вергилия — символ безумия, в противоположность счастливому покою сельского жителя.

Стих 506. *Сарранский багрянец* — тирийский пурпур. Сарры — древнее название Тира, города в Финикии.

Стих 508. *Ростры* — здесь ораторская трибуна на Форуме; она была украшена рострами — медными носами, снятыми с потопленных вражеских кораблей.

Стих 509. *...леском скамей...* — то есть зрителей в амфитеатре. *Отцы* — римские сенаторы; имеется в виду обычай приветствовать знаменитых граждан рукоплесканиями, когда они входили в амфитеатр.

Стих 519. *Сикионские ягоды* — маслины (от города Сикиона около Коринфа, славившегося маслинами).

Стих 535. *Семь твердынь* — намек на семь холмов, на которых стоит Рим. Стих повторяется в «Энеиде», VI, 783.

Стих 536. *Раньше, чем был у царя Диктейского скипетр...* — то есть в золотом веке, до того, как воцарился Юпитер, рожденный в Диктейской пещере на Крите.

Стих 537. *...нечестивый стал род быков... резать...* — Римский теоретик сельского хозяйства Колумелла пишет: «Бык так высоко почитался у древних, что за убиение быка карали так же, как за убиение гражданина».

Книга третья

Стих 1. *Палес* — см. примеч. к «Буколикам», V, 35.

Стих 2. *Пастырь Амфризский* — Аполлон, который пас некоторое время быков царя Адмета у фессалийской реки Амфриз.

Стихи 4—5. *Эврисфей* — царь Микен, по приказанию которого Геркулес совершил свои двенадцать подвигов. *Бузирид* — царь Египта, приносивший чужестранцев в жертву Зевсу; был убит Геркулесом.

Стих 6. *Гилл* — см. примеч. к «Буколикам», VI, 43. *Делос* — остров, где Латона родила Диану и Аполлона.

Стих 7. *Гипподамия, Пелоп*. — Пелоп, давший имя полуострову Пелопоннес, завоевал себе в жены Гипподамию, победив в беге на колесницах ее отца Эномаю. ...с плечом из кости слоновой... — Отец Пелопа Тантал, разрубив сына на части, предложил его мясо олимпийским богам, созданным на пир. Прикоснулась к пище одна Церера, съев кусочек плеча Пелопа. Оживив Пелопа, боги дали ему плечо из слоновой кости.

Стих 9. ...*ввысь подымусь*... — Стих этот заимствован у староримского поэта Энния, создателя латинского эпоса. Вергилий впервые говорит здесь о том, что, пренебрегши мифологическим эпосом, он намерен взяться за исторический эпос и прославить Августа.

Стих 11. *Аонийская вершина* (Аония) — обиталище муз у Геликона; одно из названий муз — Аониды.

Стих 12. *Идумейские* — то есть иудейские, от Идумен — области Иудеи, знаменитой своими пальмами.

Стих 15. *Микций* — см. примеч. к «Буколикам», VII, 13.

Стих 16. *Цезарь будет стоять в середине хозяином храма*. — В середине храма ставилась обычно статуя божества.

Стихи 19—20. *Греция вся... будет... состязаться*. — Новый храм должен был быть освящен ритуальными играми. *Алфей* — название, напоминающее об Олимпийских играх, так как река Алфей протекает через Олимпию. *Малорк* — имя, связанное с Немейскими играми, учрежденными в честь Геракла. Малорк оказал гостеприимство Гераклу после его победы над Немейским львом. *Боевые ремни* — особые ремни, которыми обматывали руки для кулачного боя.

Стихи 24—25. ...*сцену, где вертится пол... занавес... британками ткаными вздернут*. — Речь идет о вращающихся вместе со сценой задниках декорации и о занавесе, не раздвигающемся, а поднимающемся вверх, — поэтому создается впечатление, что его двигают вытканые на нем британки.

Стих 27. *Гангарида* — жители Индии, здесь вообще в значении восточных народов, против которых Август готовил поход. *Доспех Квирина* — римское оружие. Квирин — имя обоженного Ромула.

Стихи 28—29. *...кипящий войной... Нил...* — Подразумевается сражение с флотом Антония и Клеопатры в битве при Акциуме.

Стих 30. *...Азии грады явлю покоренные...* — Имеются в виду победные сражения в Армении и Парфии. *Нифат* — гора в Армении.

Стихи 35—36. *Ассарак, Трос* — троянские цари, отдаленные мифические предки Юлиев. Здесь Вергилий как бы намечает второй предмет для своего будущего эпоса: мифическое прошлое рода нынешнего повелителя Рима. Именно он и был разработан в «Энеиде». *Кинфий* — Аполлон, построивший стены Трои.

Стих 38. *Коцит* — река в подземном царстве.

Стихи 38—39. *Змей... вокруг Иксиона... неодолимого камня.* — Два образа адских мук: царь Иксион прикручен к вращающемуся колесу путами из змей, Сизиф должен вечно поднимать на гору камень, вечно скатывающийся вниз.

Стихи 43—44. *Киферон* — гора в Беотии, центр культа Вакха. *Эпидавр*, как и вся Арголида, славился лошадьми.

Стих 48. *...от рожденья Тифонова...* — Супруг Авроры, Тифон, — сын троянского царя Лаомедонта, к которому возводил свой род Октавиан (см. также примеч. к «Георгикам», I, 447).

Стих 89. *...амиклейцем... Поллуксом...* — Амиклы — город в Лаконии, родина близнецов Поллукса и Кастора, сыновей Леды.

Стих 90. *Киллар* — один из коней, которых Нептун подарил Кастору и Поллуксу.

Стих 91. *...Марсовых пара коней и... выезд Ахилла.* — Описание упряжки Марса (Ареса) и Ахилла встречается у Гомера («Илиада», XV, 119; XVI, 148—154).

Стихи 92—94. *...Сатурн... завидев жену.* — По одному из вариантов мифа, Сатурн принял вид коня и спрятался с океанидой Филирой на горе Пелион от ревности жены. Сыном Сатурна и Филеры был мудрый кентавр Хирон.

Стих 104. *...из затворов гремят колесницы.* — Во время конских состязаний в римском цирке колесницы наездников выезжали из-за решеток, одновременно поднимаемых по знаку консула.

Стих 113. *Эрихтоний* — мифический царь Афин, считается изобретателем квадриги, за что после смерти был превращен в созвездие Возничего.

Стих 115. *...от пелефронийцев лапифов...* — Пелефрон — долина в Фессалии, где жили лапифы.

Стих 122. *...из Нептунова рода.* — Имеется в виду Арнон, сын Нептуна и Цереры, превратившийся в коня.

Стих 146. *Возле Силарских лесов...* — Силар — итальянская река, впадающая в Тирренское море. *Альбурн* — гора, которую она омывает.

Стих 151. *Танагр* — приток Силара.

Стих 153. *Гелица Инахова* — Ио, дочь Инаха, возлюбленная Юпитера. Юнона превратила ее в телку и наслала на нее овода.

Стих 180. *Пиза* — город около Олимпии на берегу Алфея, где проводились Олимпийские игры.

Стих 181. *...у Юпитера в рощах...* — В роще Юпитера происходили соревнования в беге на колесницах.

Стихи 196—197. *Гиперборейские страны* — то есть северные.

Стих 202. *...на ристаньях элейских...* — В Элиде, одной из областей Греции, происходили Олимпийские игры.

Стих 219. *Сильский лес* — лес на Апеннинских горах, в южной их части.

Стихи 232—234. *Он испытует себя и гневу рога свои учит.* — Эти строки повторены в «Энеиде», XII, 104—106.

Стихи 260—263. *...в самую бурю плывет...* — Излагается миф о Геро и Леандре. Леандр каждую ночь переплывал Геллеспонт по свету маяка на башне, который зажигала для него Геро. Когда же во время бури маяк погас и Леандр утонул, Геро бросилась в море.

Стих 264. *Вакховы рыси.* — Колесница Вакха запряжена львами, тиграми, пантерами и рысями. Вакх и сам являлся иногда в образе этих животных.

Стихи 267—268. *Пыл тот сама в них Венера вмила...* — Главк, сын Сизифа, вырастивший в Потнии (Беотия) кобыл, не подпускал к ним жеребцов. Когда же он оскорбил Венеру, богиня

наслала на кобылиц любовное бешенство, и они растерзали хозяина.

Стих 269. *Асканий* — проток, соединяющий горное озеро Аскания в Малой Азии с Мраморным морем.

Стих 278. *Кавр* — очень холодный северо-западный ветер.

Стих 293. *Криница Кастальская* — источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам.

Стих 306. *Милетская шерсть*. — Милет — город на малоазийском берегу.

Стих 312. *...у кинифийских козлов...* — Кинифийские козлы были завезены из Африки в Италию для улучшения породы; Киниф — река в Ливии.

Стих 344. *Лар* — дух умершего предка, покровитель дома.

Стих 349. *Меотийские воды* — Азовское море.

Стих 382. *Рифейский Эвр*. — Теплый ветер Эвр назывался холодным, когда он дул из северных областей. Рифейские горы — горы Скифии.

Стих 391. *Пан... обольстил тебя, Феба...* — По одному из мифов, Пан, восплавленный любовью к Луне (Фебе), превратился в белоснежного барана и увлек ее в рошу.

Стих 405. *Молоссы* — порода охотничьих собак, отличающаяся особенной злостью.

Стих 408. *Иберы* — незамиранные племена Пиренейского полуострова, жившие на территории современной Испании.

Стих 409. *Онагры* — дикие ослы, распространенные во Фригии и Аравии.

Стих 415. *Гальбан* — сирийская камедь, род ароматической смолы.

Стих 425. *Калабрийские ущелья*. — Калабрия — область на юге Апеннинского полуострова.

Стих 461. *Бизальты* — племена, населявшие Фракию и Македонию; *гелоны* жили по берегам Борисфена (Днепра).

Стих 475. *Норик* — территория современной западной Австрии. *Тимав* — см. примеч. к «Буколикам», VIII, 6.

Стих 522. *Электр* — сплав золота и серебра.

Стих 550. *Меламп* — сын Амифаона, прорицатель и врач, упоминаемый в «Одиссее». *Хирон* — см. примеч. к стихам 92—94 этой книги.

Книга четвертая

Стих 1. *...о меде небесном...* — Считалось, что пчелы достают мед из капель росы.

Стих 30. *Касия* — дикая корица.

Стих 41. *Ида* — гора в Фессалии, центр оргиастического культа Кибелы.

Стих 47. *...чтобы тис рос около пасеки...* — Тис придает меду горький вкус.

Стихи 47—48. *...раков... нельзя опалать...* — Раков опалали для изготовления целебных снадобий; при этом распространялся едкий дым.

Стих 64. *...Матери бубен...* — Музыкальный инструмент, употреблявшийся во время неистовых оргиастических обрядов в честь Великой Матери богов — Кибелы.

Стих 111. *Приап* — бог плодородия, покровитель полей и садов. Вначале культ Приапа был местным малоазиатским культом на побережье Геллеспонта, затем распространяется на всю Грецию и Италию.

Стих 119. *Пестум* — город на юге Италии, славившийся своими розовыми садами.

Стих 125. *Твердыни эбалийские* — город Тарент, основанный выходцами из Лакедемона. Эбалийский — спартанский, лакедемонский, от имени Эбала, древнего царя Лакедемона.

Стих 126. *Галез* — река, омывающая Тарент. Эпитет *черный* характеризует, очевидно, глубину потока.

Стих 127. *Корикийский* — от Корики, города в Малой Азии. Эпитет может означать принадлежность к городу или умение возделывать сады способом, который знали в этой области.

Стих 151. *Куреты* — жрецы богини Реи, матери Юпитера. Позже она была отождествлена с Кибелой, а куреты смешались в позднейших представлениях с корибантами, участниками эстатических культов этой богини, отличительным знаком которых был медный бубен; но у Вергилия это бубен куретов.

Стихи 167—169. *...от прилетающих груз прилимают...* — Эти строки повторены в «Энеиде», I, 434—436.

Стих 176. *Кекроповы пчелы* — то есть аттические, от имени Кекропа, мифического первого царя Аттики.

Стих 179. *...дедаловых зданий...* — то есть лабиринтов,— по

имени дворца со множеством запутанных переходов, построенного на Крите мифическим афинским мастером Дедалом.

Стих 201. *Квиригы* — римляне, названные так по имени Квирина, обожествленного Ромула; здесь в значении граждан, толпы.

Стих 209. *Фортуна* — римская богиня счастья, случая, удачи.

Стих 211. *Гидасп* — приток Инда.

Стихи 219—227. *Видя такие черты...* — Излагается доктрина Пифагора о переселении душ, о единой основе всей природы, разработанная впоследствии неоплатониками и стоиками.

Стих 232. *Тайгета Плеяда* — звезда в группе Плеяд. Вергилий указывает, что мед следует собирать в пору начала периода видимости Плеяд, то есть в мае, и его окончания — в ноябре. Плеяды как бы убегают от зимы, символизируемой созвездием Рыб, которое восходит лишь спустя некоторое время после захода Плеяд.

Стихи 246—247. *...ненавистный Минерая... паука...* — В паука Афина превратила лидийку Арахну, искусную рукодельницу, осмелившуюся вызвать богиню на состязание.

Стих 278. *Мелла* — река в Мантуе.

Стих 283. *Пастух-аркадиец* — Аристей (легенду о нем см. дальше в тексте этой книги «Георгик»).

Стих 287. *Каноп* — египетский город; он стал называться Пеллейским по имени столицы Македонии Пелла, после того, как Египтом стали править потомки одного из полководцев Александра Македонского. Эпитет «счастливые» прилагался к египтянам из-за плодородия земель вокруг Нила.

Стих 293. *Смуглые инды* — эфиопы.

Стих 317. *Пеней* — поток, нимфой которого была Кирена, мать Аристея.

Стих 323. *Тимбрейский* — Троянский, эпитет Аполлона, от Тимбры, местности в Троеде, где был храм Аполлона.

Стих 346. *...меры Вулкан принимал... Марс истищрялся...* — Намек на миф о любви Марса и Венеры, жены Вулкана.

Стих 347. *Хаос* — первоначальное бесформенное состояние мира.

Стихи 367—371. *Фазис* — река Рион на Кавказе. *Ликос* — река в Малой Азии. *Энипей* — река в Греции. *Анио* — приток Тибра. *Гипанис* — ныне река Буг. *Каик* — река в Малой Азии. *Эридан* — мифическая река в стране гипербореев на северо-западе

Европы; в эпоху Вергилия отождествлялась с Падом (По). *Золотые рога*. — Имеется в виду традиция, идущая от древнейших времен, изображать речное божество в виде быка.

Стих 377. *...пологенца с подстриженной шерстью*. — Древние пользовались мохнатыми шерстяными полотенцами, подрезая шерсть для мягкости.

Стих 387. *Карнаф* — остров в Средиземном море между Критом и Родосом.

Стих 388. *Протей* — морское божество, обладающее даром прорицания и способностью принимать любой облик.

Стих 391. *Паллена* — гавань в Македонии (Эматии), первоначальное обиталище Протея.

Стих 392. *Нерей* — см. примеч. к «Буколикам», VI, 35.

Стихи 394—414. *Благоволит к нему и Нептун...* (и далее) — Ремниценция из «Одиссеи». Подобно тому как Кирена научила Аристея захватить морского старца, так дочь Протея Эйдофея научила Менелая захватить ее отца и заставить его открыть будущее.

Стихи 454—455. *...тебе Орфей... беды наслал...* — Аристей считался учеником мифического музыканта Орфея. Версию об Аристее, домогавшемся любви Эвридики, жены Орфея, приводит только Вергилий.

Стих 462. *Пангейские высоты* — горы во Фракии, на родине Орфея. *Рес* — фракийский царь, пришедший под Трою на помощь Приаму.

Стих 463. *Орифия* — дочь афинского (актейского) царя, похищенная северным ветром Бореем и ставшая его супругой. *Геты* — фракийское племя. *Гебр* — см. примеч. к «Буколикам», X, 65.

Стих 467. *Тенар* — место в Лаконии, считавшееся входом в подземное царство. *Дит* (Плутон) — бог подземного царства, называемого далее Эреб и Орк.

Стих 471. *Эреб* — божество подземного мира, супруг Ночи.

Стих 483. *Цербер* — трехглавый пес, стерегущий врата ада.

Стих 502. *Лодочник Орка* — Харон, лодочник в подземном царстве, перевозивший души умерших через реку Стикс.

Стихи 520—522. *Кикония* — Фракия. По одному варианту мифа, вакханки разорвали Орфея на части за то, что он отказался принять участие в оргии, по другой — за то, что после смерти Эвридики он избегал женщин. Есть версия, по которой

Орфей наказан Дионисом за служение Аполлону и пренебрежение к его, Диониса, культу.

Стих 524. *Гебр Озагров*. — В одной из версий мифов Озагр — отец Орфея. В более распространенных мифах Орфей называется сыном Аполлона. Бог реки Гебр из дружбы к Озагру несет на поверхности голову его сына, не давая ей утонуть.

ЭНЕИДА

Книга первая

Стих 1. *...в Италию первым из Трои...* — В стихе 242 этой книги первым ступившим на итальянскую землю назван Антенор. Но для Вергилия здесь нет противоречия: Антенор прибывает в ту часть Италии, которая, как объясняет Сервий, тогда еще собственно Италией не считалась. Новейшие комментаторы предпочитают указывать на то, что Эней был первым из тех, кому предназначено основать Рим.

Стих 2. *...к берегам приплыл Лавинийским*. — К западному берегу Италии. Вергилий называет его по имени города Лавиния, основанного, по преданию, Энеем и названного им в честь жены Лавинии.

Стих 6. *...в Лаций богов перенес...* — Имеются в виду пенаты, лары, — боги-хранители домашнего очага, покровители человека и его труда. Свои пенаты имеет каждое государство, город, деревня, семья; их деревянные изображения, стоявшие на очаге, становились символом крепости дома, семьи, рода. Перенесение троянских пенатов в Лаций (область Центральной Италии с центром в Риме) означает, что Троя обретает в нем свою новую родину, дом.

Стих 7. *...города Альбы отцы...* — Основание древнейшего итальянского города Альба-Лонга (Долгая Альба) приписывалось Асканию, сыну Энея. Легендарный основатель Рима Ромул — внук царя Альбы-Лонги Нумитора; они и были «отцами», родителями для римлян.

Стих 9. *Царица богов* — Юнона.

Стих 12. *Город древний стоял...* — Карфаген, основанный в 814 г. до н. э. финикийцами, которых Вергилий называет то пунийцами, то, по названиям главных городов Финикии, тирийцами и сидонянами.

Стих 16. ...*даже и Самос забыт...* — Остров Самос на Эгейском море — центр культа Геры (Юноны); по свидетельству Геродота, самосский храм был одним из самых больших в Греции.

Стихи 19—20. ...*возникает от крови троянский род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.* — Имеются в виду римляне, победители Карфагена в трех Пунических войнах, в конце концов уничтожившие город в 146 г. до н. э. Однако часть комментаторов (включая Сервия) полагает, что Вергилий прямо указывает здесь на Сципиона Эмилиана Африканского Младшего, разрушителя Карфагена, поскольку считалось, что род Эмилиев происходит от Эмилия, сына Аскания.

Стихи 23—24. ...*о битвах прежних, в которых она защищала любезных аргивян.* — В битвах под Троей Юнона была на стороне греков, которые названы здесь аргивянами, по имени города Аргоса. Аргос был одним из центров культа Юноны.

Стих 26. *Сатурна дочь* — Юнона.

Стих 27. *Парис* — сын царя Трои Приама; избранный судьей в споре о красоте между Юноной, Минервой и Венерой, отдал предпочтение последней.

Стих 28. ...*царский род ненавистный...* — род троянских царей, происходящий от Дардана; к нему относятся и Эней и Парис. Дардан был рожден Юпитером и нимфой Электрой. Ненависть Юноны к земным детям Юпитера и их потомкам — традиционный мотив греко-римской мифологии.

...*почет Ганимеда...* — Красавец Ганимед был похищен Юпитером и стал его виночерпием на Олимпе.

Стих 29. *Тевкры* — одно из названий троянцев, по имени Тевкра, первого царя Трои. Дочь Тевкра стала женой Дардана, их потомок Трос дал имя Трое.

Стих 30. *Данайцы* — греки, названные так по имени Даная, переселившегося из Египта в Грецию.

Стих 35. ...*вспенили медью...* — то есть передней частью корабля, обитой медью.

Стихи 39—41. ...*всех за вину одного Оилеева сына Аякса?* — Аякс, греческий герой, царь локров, нанес оскорбление Кассандре, дочери Приама, в храме Минервы (Паллады) в присутствии самой богини.

Стих 42. *Огонь громовержца* — молния Юпитера.

Стихи 52—55. *Эолия* — один из Липарских островов к северо-востоку от Сицилии. Эол — бог ветров, ветры — божественные существа, потомки титанов; как титаниды, они враждебны олимпийцам.

Стих 60. *Всемогущий Отец* — Юпитер.

Стих 67. *...по волнам Тирренским...* — Тирренское море — часть Средиземного у западного берега Италии, от Лигурии до Сицилии.

Стих 68. *Илион* — Троя (здесь — в значении троянцев).

Стих 86. *Африк* — юго-восточный ветер.

Стих 96. *О Диомед, о Тидид...* — Диомед, сын Тидея, царь Аргоса. Эней спасся от его руки только с помощью своей матери Венеры.

Стих 99. *...Гектор сражен Ахилла копьем...* — Гектор погиб от руки Ахилла, внука Эака.

Стих 100. *Сарпедон* — предводитель ликийцев (см. ниже, примеч. к стиху 113), союзник троянцев, был убит Патроком, другом Ахилла. *Симоент* — река в Троаде.

Стих 109. *...зовут Алтарями...* — Имеются в виду скалистые острова напротив Карфагена.

Стих 113. *Ликийцы* — жители Ликии, союзной с Троей области на юго-западе Малой Азии.

Стих 120—121. *Илионей, Абант* — гомеровские имена, но уже собственно вергилиевские герои, так как Илионей и Абант (Абас) в «Илиаде» погибают (XIV, 489 и V, 148).

Стих 144. *Тритон, Кимотоя* — морские божества.

Стихи 148—151. *Так иногда... возникает... бунт...* (и дальше). — Вергилий использует гомеровское сравнение, но переставляет его члены: в «Илиаде» (Π, 144—146) бунтующая толпа сравнивается с бурным морем.

Стих 157. *Энеады* — спутники Энея.

Стих 177. *...благой Цереры орудья...* — инструменты для раздвигания пищи. Имя богини плодородия употреблено здесь вместо самого понятия пищи — хлеба, муки, зерен.

Стих 182. *...кораблей... фригийских...* — Фригия — область Малой Азии, в которую входила Троада. Поэтому у Вергилия нередко именуется фригийцами.

Стих 183. *...не блеснут ли щиты с кормы...* — Оружие, прикрепленное к корме, считалось отличительным знаком корабля.

Стих 195. *Акест* — сын бога реки Кримиса и троянки Сегесты; основал в Сицилии город Сегесту (или Эгесту).

Стих 196. *Тринакрия* — древнее название Сицилии.

Стих 201. *Утесы циклопов* — берег Сицилии, населенный, по легенде, циклопами, одноглазыми великанами, выковавшими молнию Юпитеру.

Стих 242. *Антеор* — родственник троянского царя Приама, после падения Илиона высадился на северо-западном берегу Адриатики и основал там город Патавий (современная Падуя).

Стих 243. *...в бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства...* — Либурны — жители Иллирии, области на северном побережье Адриатики (современная Далмация).

Стих 244. *Источник Тимава* — то же, что Тимав (см. примеч. к «Буколикам», VIII, 6).

Стих 257. *Киферея* — прозвище Венеры, по названию острова Кифера, куда она вышла, едва родившись из пены морской.

Стих 266. *Рутулы* — латинское племя.

Стих 267. *Асканий* — сын Энея и Креусы; второе имя его — Юл — давало повод считать Аскания родоначальником Юлиев, к которым принадлежал Юлий Цезарь и Август.

Стихи 273—274. *...пока царица и жрица Илия двух близнецов не родит...* — Согласно легенде, Илия (Рея Сильвия), дочь царя Альбы-Лонги Нумитора, жрица богини Весты, родила основателей Рима — Ромула и Рема — от бога Марса.

Стих 275. *...шкурой седой волчицы-кормилицы гордый...* — Ромула и Рема, по преданию, вскормила волчица.

Стих 276. *...Марсовы... стены...* — Стены Рима названы Марсовыми, так как их воздвиг сын Марса Ромул.

Стих 282. *Тога* — отличительная одежда римлянина; вместе с тем ношение тоги — знак мира.

Стихи 284—285. *...род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян.* — Предсказание говорит о том, что род Энея, правнука Ассарака, ставший римским родом, завладеет родиной греческих героев Ахилла (Фтией), Агамемнона (Микенами), Диомеда (Аргосом).

Стихи 289—290. *...отягченного славной добычей стран восточных...* — Намек на покорение Египта и столкновения с парфянским царем Фраатом.

Стих 292. *Верность* — древнейшее римское божество, в Риме был храм Верности. *Веста* — древняя богиня очага и огня; считалась покровительницей троянцев; культ ее перенесен Энеем в Италию.

Стих 293. *...войны проклятые двери...* — В Риме существовал старинный обычай во время войны отворять двери храма Януса, во время мира запирают их. Август обновил этот позабывшийся уже обряд и торжественно запер «двери войны» в 30 г. до н. э. после победы при Акциуме.

Стих 297. *...посылает рожденного Майей* — то есть Меркурия, вестника богов, сына богини Майи.

Стих 316. *Гарпалика* — фракийская героиня, воительница и охотница; многие черты ее образа и детали ее истории Вергилий использовал для создания образа и истории Камиллы (книга XI).

Стих 338. *Агенор* — мифический царь Финикии.

Стих 368. *...шкурой быка охватить (потому и название Бирса)*. — Финикийское *Borsa* (укрепленное место) перешло в греческое *βύρσα* (снятая шкура). Согласно легенде, финикийцы, купив столько земли, «сколько можно охватить одною бычьей шкурой», разрезали эту шкуру на ремни и охватили обширный участок

Стих 389. Стих этот, считающийся во многих изданиях неподлинным, гласит:

Только скорее ступай и предстань пред порогом царицы.

Стих 394. *...Юпитера спутник крылатый...* — орел; спутницей Минервы была сова, Венеры — голубка.

Стихи 416—417. *...сабейский ладан...* — Сабея (теперь Йемен) славилась благовонными смолами.

Стих 426. Вольшинство издателей считает этот стих позднейшей интерполяцией. Он гласит:

Пишут закон, избирают святой сенат, магистров.

Стих 444. *...быстрого череп коня...* — По преданию, конь служил знаменем обещанных божеством военных побед. Изображения лошади были на карфагенских монетах.

Стих 458. *...и Атрид, и Приам, и Ахилл, обом ужасный.* — Ахилл ужасен и Атриду (Агамемнону — вождю греков), на которого он разгневался из-за рабыни Вризеиды, отнятой у него

Агамемноном, и Приаму, царю троянцев, как убийца его сына Гектора и других его детей.

Стих 466. *Пергам* — центр Трои, ее акрополь, крепость, где находился и царский дворец.

Стих 470. *Рес* — см. примеч. к «Георгикам», IV, 462. Было предсказание оракула, что, если лошади Реса хотя бы раз сумеют поесть и напиться в осажденном городе, последний будет спасен. Тидид (Диомед) и Одиссей ночью проникли в лагерь Реса и увели лошадей.

Стих 474. *Троил* — сын Приама, убитый Ахиллом у алтаря Аполлона, в том месте, где вскоре пал сам Ахилл.

Стих 489. *Мемноновы раги*. — Мемнон, царь эфиопов, прибывший на помощь троянцам, считался сыном Авроры (Зари).

Стих 491. *Пентесилея* — царица дев-воительниц амазонок, сражавшихся на стороне троянцев. Пентесилея была убита Ахиллом.

Стих 498. *Эврот* — см. примеч. к «Буколикам», VI, 83.

Стих 530. *Гесперия* — греческое название Италии, обычное для портов эпохи Августа.

Стих 533. *...имя вождя...* — имя Итала, царя эвотров, легендарного племени потомков Энотра, бежавшего из Греции в Италию.

Стих 534. О незавершенных стихах в «Энеиде» биограф Вергилия Донат говорит: «Издание осуществил Варий, внося в него лишь незначительные исправления, так что даже незавершенные стихи он оставил, как они были. Многие потом пытались их дополнить, но безуспешно: трудность была в том, что почти все полустишия обладали у Вергилия совершенно законченным смыслом, кроме одного: «В Трое был он тебе...» (III, 340).

Стих 535. *Орион* — созвездие, с восходом и заходом которого связывали волнения на море.

Стих 570. *Эрикс* — гора на северо-западе Сицилии; ее название связывают с легендой об Эриксе, сыне Венеры.

Стих 619. *Тевкр* — сын царя Теламона с острова Саламина, брат Аякса Теламонида; после возвращения из Трои был изгнан отцом, так как не отомстил Улиссе (Одиссею) за смерть брата. Саламин, основанный им на Кипре, назван именем родного острова.

Стих 621. *Бел*. — Так называет отца Дидоны только Вергилий, создав вымышленное имя на основе семитского слова

«баал» — «повелитель». По другим источникам имя отца Дидоны было Мутон.

Стих 624. ...*царей... пеласгийских* — то есть греческих.

Стих 626. ...*от корня старинного тевкров.* — Матерью Тевкра была Гесиона, дочь троянского царя Лаомедонта, сестра Приама.

Стих 661. ...*двоедушье тирийцев...* — Финикийцы считались в Риме олицетворением коварства, вероломства; существовало ироническое выражение «пунийская верность».

Стих 686. *Лизй* — греческое название Вакха, связанное с его функцией освободителя от забот и печалей (греч. глагол λβω — освобождаю, развязываю); то же значение имеет латинское прозвище Вакха — Либер.

Стих 692. *Идалийские рощи.* — Идалий — гора и город на Кипре с храмом Венеры.

Стих 741. ...*Атлантом... обучен.* — Титан Атлант, держащий на плечах небесный свод, нередко отождествляется с горой Атласом (см. также примеч. к «Энеиде», IV, 247—248). В позднейших сказаниях ему приписывают изобретение небесного глобуса, указание на падение звезд и перемену погоды; поэтому у Вергилия он учитель Иопода, раскрывающего астрономические тайны.

Стих 744. *Гиады* — см. примеч. к «Георгикам», I, 138. *Трионы* — семизвездия Большой и Малой Медведиц.

Книга вторая

Стих 7. ...*долоп, мирмидонец...* — Представители фессалийских племен, приведенные в Трою Ахиллом.

Стихи 46—47. ...*возвели громаду эту, чтоб нашим стенам грозить...* — Лаокоонт принимает коня за своеобразную осадную башню; такие башни римляне строили из дерева, ставили на колеса и во время приступа пододвигали вплотную к городским стенам.

Стих 76. Стих, повторяющий стих 612 из третьей книги, в этом месте является позднейшей вставкой.

Стих 83. *Ложно в измене его обвинив...* — Улисс написал подложное письмо от имени Приама к Паламеду и подбросил деньги в палатку Паламеда, что и послужило поводом к обвинению его в измене.

Стих 100. ...*покуда помощь Калханта...* — Здесь у Вергилия фраза оборвана; это риторическая фигура умолчания с очевидным подразумеваемым продолжением. Калхант — прорицатель в греческом войске под Троей.

Стих 104. *Атриды* — Агамемнон и Менелай, сыновья микенского царя Атрея.

Стих 113. ...*коня из бревен кленовых.* — В дальнейшем Вергилий говорит, что конь был из дуба (стих 258). Это противоречие — результат незавершенности поэмы.

Стих 116. ...*ветры смиришь, закладв невинную деву...* — Речь идет об Ифигении, дочери Агамемнона, принесенной в жертву Артемиде. Перед отплытием под Трою посланные богиней противные ветры не давали грекам отчалить из гавани Авлида, и, чтобы умиловить богиню, девушку заклали на алтаре.

Стих 122. *Итакиец* — Улисс (Одиссей), царь острова Итака.

Стих 133. ...*соль с мукой пополам, вокруг висков мне тугие повязки.* — Солью с мукой посыпали голову жертвы, жертвенный огонь и ножи; повязки при жертвоприношении накладывались на жертву, на жрецов и изображение божества.

Стих 154. *Вечных огней божества...* — Вергилий заставляет Синона клясться ложной клятвой, так как небесные светила, которых он призывает в свидетели, не могли видеть его вымышленного столкновения с греками. Точно так же не существовало и атрибутов жертвоприношения, перечисленных дальше.

Стих. 165. ...*роковой... Палладий...* — Статуя Паллады со щитом и копьем считалась хранительницей Трои; похищение ее Дномедом и Улиссом — нечестие, вызвавшее гнев богини.

Стих 171. *Тритония* — эпитет Минервы по месту ее рождения (Тритонида — озеро в Ливии, или ручей в Беотии, именовавшийся Тритон).

Стих 178. ...*в Аргосе вновь не испросят примет...* — Повторные гадания при неудачах — характерно римская деталь культа.

Стих 193. *Пелоповы стены.* — Имеются в виду пелопоннесские города Аргос и Микены. О Пелопе см. примеч. к «Георгикам», III, 7.

Стих 246. *Кассандра* — дочь Приама; дар прорицания дан Кассандре Аполлоном; но, наказывая ее за ослушание, он же внушил троянцам неверие в ее предсказания,

Стих 261. *Фесандр*. — У Гомера он не упоминается. *Сфенел* — вождь аргивян, друг Диомеда.

Стих 262. *Фоант* — один из ахейских вождей. *Акамант* — греческий герой, сподвижник Диомеда.

Стих 263. *Неоптолем Пелид* — сын Ахилла, внук Пелея. *Махаон* — врач в стане греков.

Стих 264. *...Эпей, строитель засады* — мастер, воздвигший деревянного коня; то же определение Эпея (Эпеоса) имеется у Гомера («Одиссея», VIII, 493).

Стих 275. *...из битвы пришел в доспехах Ахилла...* — Когда Ахилл в обиде на Агамемнона отказался участвовать в битве, в его доспехах сражался Патрокл; убив его, Гектор и завладел доспехами Ахилла (см. «Илиада», XVI—XVII).

Стих 276. *...огонь на суда данайские бросил!* — Во время отступления ахейцев Гектору удалось дойти до побережья, где стояли греческие корабли, и поджечь их (см. «Илиада», XV, 592 и след.).

Стих 312. *Сигейские воды* — воды Сигейской бухты близ Трои.

Стих 348. *...к ним обратился я так...* — Обращение полководца с речью к воинам перед битвой — исконный римский обычай.

Стихи 351—352. *Все отсюда ушли... боги...* — По верованиям древних, боги-покровители покидали город, который должен был попасть в руки врага.

Стих 456. *Андромаха* — жена Гектора, мать Астианакса.

Стих 470. *Пирр* — Неоптолем, сын Ахилла.

Стих 477. *Скиросское войско* — войско Пирра, приведенное им со своей родины, острова Скироса.

Стихи 489—490. *...двери держат в объятьях они...* — В римском доме двери были священы и находились под покровительством бога дверей — двуликого Януса.

Стих 501. *Гекуба* — жена Приама.

Стих 504. *...двери, щитами врагов... гордые...* — У римлян был обычай вешать военную добычу над притолокой двери.

Стих 517. *...статуи вечных богов обнимая...* — Человек, укрывшийся у алтаря и коснувшийся рукой статуи бога, считался неприкосновенным.

Стих 562. *Креуса* — жена Энея, дочь Приама и Гекубы.

Стих 568. *Тиндарова дочь* — Елена, дочь спартанского царя Тиндара.

Стих 587. *...пройдет царицей в триумфе...* — Торжественный въезд полководца-победителя в родной город (триумф) — обычай чисто римский.

Стих 612. *Ворота Скейские* — ворота Трои, обращенные в сторону лагеря греков.

Стих 616. *Эгида* — панцирь из козьей шкуры, атрибут Зевса и Афины. *...головой Горгоны пугая*. — Три змееволосые дочери Форка — Сфеноя, Эвриала и Медуза — имеют общее наименование Горгоны; взглянувшие на Медузу превращаются в камень. Голова Медузы Горгоны обычно изображалась на щите или на груди Паллады.

Стихи 642—643. *Довольно однажды город взятый узреть...* — Анхиз был свидетелем взятия Трои Геркулесом в пору царствования Лаомедонта.

Стих 646. *Мне лишиться гробницы не страшно!* — Для римского читателя в этом возгласе была вся сила отчаяния, так как лишиться погребения — значило обречь душу на вечные скитания.

Стихи 648—649. *...людей повелитель молнией дунул в меля...* — Юпитер поразил Анхиза молнией за то, что он рассказал о своем любовном союзе с Венерой, то есть за разглашение божественной тайны.

Стихи 692—693. *...гром... раздался слева...* — доброе знамение, по римским верованиям.

Стих 762. *Феникс* — сподвижник Ахилла, предводитель мирмидонцев.

Стих 781. *...в землю придешь Гесперийскую...* — Еще одно противоречие, объясняемое незавершенностью поэмы: Креуса точно указывает Энею цель его странствий — Италию и Тибр, а в следующей книге он долго отыскивает места, куда ему предназначено плыть.

Стих 782. *Тибр лидийский*. — Тибр у Вергилия не раз именуется «этрусским», этруски же считались выходцами из Лидии. Отсюда — эпитет «лидийский».

Стих 801. *Люцифер* — утренняя звезда, буквально: «светоносец» (см. также «Буколики», VIII, 17).

Книга третья

Стих 6. *Антандр* — город близ Илиона.

Стих 19. *...мать... Дионею...* — Дионея — одно из прозвищ Вереры, от имени ее матери Дионы.

Стих 35. *...Градива-отца, владыку пажитей гетских...* — Геты и фракийцы жили по берегам реки Данубия (Дуная) и почитали Марса-Градива.

Стих 50. *...царю фракийцев...* — Полиместору, мужу Илионей, дочери Приама.

Стих 64. *...от черных ветвей кипариса и темных повязок...* — Кипарис и повязки черного цвета — символы траура.

Стихи 66—67. *...чаши... с парным молоком и сосуды с жертвенной кровью...* — При погребальных обрядах на могилу лили молоко, мед, кровь жертвенных животных и вино, чтобы умиловить манов.

Стих 73. *Остров... почитаемый всюду священным...* — Делос, где родились Феб (Стреловержец) и Диана.

Стих 76. *Микон, Гиар* — соседние с Делосом острова.

Стих 85. *Тимбрей* — то же, что Тимбрейский (см. примеч. к «Георгикам», IV, 323).

Стих 96. *Отыщите древнюю мать.* — Имеется в виду Италия, откуда переселился в Малую Азию предок троянцев Дардан, уроженец города Корита в Этрурии.

Стих 104. *...остров Юпитера — Крит...* — Крит, считавшийся родиной Юпитера, Анхиз принимает за указанную цель, потому что первый троянский царь Тевкр был родом с Крита.

Стих 105. *...близ Иды высокой.* — Кроме Иды Фригийской, существовала и гора Ида Критская.

Стих 108. *...к пашням Ретейским...* — то есть к троянским; Ретейский мыс находится в Троаде.

Стих 111. *...медь корибантов...* — см. примеч. к «Георгикам», IV, 150—151.

Стих 112. *...имя идейских лесов...* — Ида Фригийская определяется как соименница Иды Критской. *...нерушимое таинство молчанье...* — Участники культа Кибелы должны были хранить его обряды в тайне от непосвященных.

Стих 113. *...львы, в колеснице ее запряженные...* — Кибелу изображали на колеснице, запряженной львами.

Стих 115. *Кносское царство* — то есть Крит. Кносс — главный город Крита.

Стих 122. *Идоменей* — царь Крита, согласно мифу, изгнанный жителями после его возвращения с Троянской войны.

Стих 124. *Оргигия* — древнее название Делоса.

Стих 125. *...мимо Наксосских хребтов, оглашаемых воплем вакханок...* — Горы острова Наксоса были известны культом Вакха.

Стих 126. *Донуса* — остров к востоку от Наксоса. *...белых — Пароса...* — Берега острова Пароса в Эгейском море названы белыми, так как Парос славился мрамором.

Стих 128. *Киклады* — архипелаг в Эгейском море, в центре его находится Делос.

Стих 131. *Куреты* — см. примеч. к «Георгикам», IV, 150—151.

Стих 141. *...пашни Сириус выжег...* — Сириус — звезда из созвездия Пса, с ее появлением в июле связывалась сильная жара.

Стих 162. *Делий* — эпитет Феба от названия острова Делос.

Стих 168. *Иасий* — брат Дардана.

Стих 170. *Корит* — см. примеч. к стиху 96 этой книги «Энеиды».

Стих 171. *...пашен Диктейских!* — Дикте — горы на Крите.

Стих 178. *...над очагом возлиянье творю.* — Домашний очаг был в то же время алтарем пенатов.

Стих 213. *Финей* — слепой фракийский прорицатель; он был преследуем Гарпиями за то, что ослепил своих сыновей от первого брака. Гарпии похищали его еду. Гарпии считались богинями бурь. У Вергилия эти крылатые чудовища с девическими лицами — олицетворение голода.

Стих 230. Эта строка, повторяющая стих 311 книги первой, считается позднейшей вставкой.

Стих 248. *...потомки Лаомедонта...* — Намек на грех Лаомедонта, не пожелавшего отдать Геркулесу коней, которые предназначены были ему в уплату за помощь в постройке троянских стен. Оскорбленный Геркулес пошел войной на Трою.

Стих 252. *...величайшей из фурий.* — В позднейших сказаниях Гарпии отождествлялись с фуриями.

Стихи 270—271. *Закиф, Дулихий* — острова в Ионийском море. В поэтическом языке «дулихийский» значит «Улиссов». *Нерит* — гора на острове Итака.

Стих 272. *...Лазртова царства...* — Лазрт — отец Улисса (Одиссея).

Стих 274. *Левката* — мыс на острове Левкада, у западного берега Греции.

Стих 280. *...на Актийской земле илионские игры справляем.* — На мысе Актиум был храм Феба-Аполлона, где в древнейшее время каждые три года устраивались игры. После знаменитой битвы при Актиуме (31 г. до н. э.), в которой Октавиан одержал победу над Антонием, он возобновил игры.

Стихи 286—287. *...Абанта... ношу вешаю в храме на дверь...* — Имеется в виду обычай римлян вешать у дверей храма боевые доспехи с обозначением имени победителя и побежденного.

Стих 291. *Горы феаков* — горы греческого острова Керкира. Феаки — мифический народ, к которому попадает Одиссей в «Одиссее».

Стих 292. *Хаонийская гавань* — см. примеч. к «Георгикам», I, 8; II, 67.

Стих 293. *Бутрот* — город в Эпире, на северо-западе Балканского полуострова.

Стихи 295—297. *Гелен* — сын Приама, прорицатель; он был взят в плен и уведен в Эпир Пирром (Неоптолемом). Излагая историю Андромахи, Вергилий близко придерживается сюжета трагедии Еврипида «Андромаха».

Стих 321. *Примова дева* — Поликсена, дочь Приама, принесенная в жертву на могиле Ахилла после падения Трои.

Стихи 328—331. *Гермиона* — дочь Елены Спартанской, была невестой Ореста, сына Агамемнона. *...мучим мстью фурий...* — Фурии преследовали Ореста за то, что он убил свою мать Клитемнестру, мстя ей за убийство отца.

Стих 335. *Хаон* — друг Гелена, по одним мифам, случайно убитый им на охоте, по другим — добровольно принесший себя в жертву богам ради спасения сограждан.

Стих 340. *В Трое был он тебе...* — См. примеч. к книге I, 534. В некоторых рукописях этот стих имеет продолжение: «рожден счастливой Креусой».

Стих 360. ...*в лаврах кларийских*... — В ионийском городе Кларосе находилась священная лавровая роща, храм и прорицалище Аполлона.

Стих 361. ...*приметы... пернатых*. — Имеется в виду гадание по полету птиц, известное и в Греции, но особенно широко распространенное в Риме.

Стих 381. ...*Италию ту, которую мнишь ты уж близко*... — Недалеко от Эпира (на западе Адриатики) находится восточный берег Италии; однако Эней не может высадиться на нем, потому что берег занят греческими переселенцами (см. стихи 396—402). Троянцы должны обойти полуостров с юга и высадиться в устье Тибра, на западном побережье страны.

Стих 386. *Цирцея* — волшебница, задержавшая у себя Улисса (см.: Гомер. Одиссея).

Стих 399. *Нарикийские локры* — выходцы из города Нарика в Локриде, области на восточном берегу Греции. Основали на юге Италии город Локры. Царем племени локров был Аякс, сын Ойлея.

Стих 400. *Салентинская равнина* — в италийской местности Калабрии. *Ликтиец* — выходец из города Ликта на Крите.

Стих 401. *Филоктет* — греческий вождь. *Мелибея* — город в греческой Фессалии.

Стих 402. *Петелия* — город в южной Италии.

Стих 405. ...*волосы должно накрыть и укутать пурпурным покровом*... — В отличие от греков, римляне совершали моления с покрытой головой; черный покров предназначался подземным богам, пурпурный — «верхним», олимпийцам. Пурпур считался также талисманом от враждебной силы.

Стих 411. *Теснины Пелора* — узкий пролив между берегом Италии и мысом Пелор, северо-восточной оконечностью Сицилии.

Стихи 414—416. ...*материк там обрушился... две страны разделив*... — Древние полагали, что Сицилия отделилась от Италии в результате землетрясения.

Стих 429. *Пахина*... *обогнуть... тринакрийского меты*... — Пахин — мыс, южная оконечность Сицилии. Гелен говорит, что Энею лучше обогнуть Сицилию (Тринакрию) с юга и запада, нежели плыть через Мессинский пролив, где ему угрожают Сцилла и Харибда. Мета — столб на ипподроме, вокруг кото-

рого состязающиеся колесницы должны были делать крутой разворот.

Стих 441. *Кумы* — приморский город около Неаполя.

Стих 466. *Котлы додонские*. — Додона — прорицалище Юпитера, где, по одной из версий предания, предсказания давались по звуку медных котлов, подвешенных к дубу.

Стихи 476—477. *...спасали из гибнущей Трои дважды*. — Первый раз — при разрушении Трои Геркулесом, второй раз — ахейцами.

Стих 505. *...пусть о том не забудут потомки!* — Август, основав после победы при Акциуме город Никополис в Эпире, распорядился, чтобы его граждане считались «родственниками» римского народа.

Стих 506. *Керавния* — прибрежная цепь гор в Эпире.

Стих 531. *Храм Минервы* — по преданию, был основан Идоменеем, врагом троянцев.

Стих 553. *Храм Лакинийский* — храм Юноны Лакинии на Лакинийском мысу в Бруттии. *Скилакей* и *Кавлон* — прибрежные города.

Стих 578. *Энкелад* — один из гигантов, восставших против олимпийцев. Был повержен молнией Юпитера и придавлен вулканом Этна.

Стих 616. *Спутники* — то есть спутники Улисса (Одиссея), попавшие в пещеру циклопа Полифема (см.: «Одиссея», IX, 180—545).

Стих 688. *Борей* — северный ветер, оказавшийся попутным для огибающих Сицилию с юга троянцев. *Пантагия* — река в Сицилии.

Стих 692. *Племирий* — мыс в Сицилии близ Сиракуз и городка Тапса. *Сиканийские* — то есть сицилийские (от одного из племен — сиканов, населявших Сицилию).

Стих 693. *Ортигия* — островок в Сиракузской бухте, где находилась древнейшая часть города. Остров носил то же название, что и Делос (см. примеч. к стиху 124 этой книги), так как был связан с культом Латоны и ее детей — Феба и Дианы.

Стих 694. *Алфей поток*. — По верованиям древних, Алфей продолжал свое течение под морем до Сицилии, где сливался с Аретузой — источником около Сиракуз.

Стих 698. *Гелор* — река в южной Сицилии, известная плодородным илом.

Стихи 700—701. ...*Камарина, которой быть недвижимой велит судьба...*—Камарина — город южной Сицилии. По древнему преданию, оракул запретил осушать камаринские болота, жители пренебрегли оракулом, и по осушенной земле неприятель подошел к городу. *Гелойские пашни* — местность около сицилийского города Гела.

Стихи 703—704. *Акрагант... благородными славен конями.* — Акрагант — гора и знаменитый город; акрагантские кони часто одерживали победы на Олимпийских играх.

Стих 705. *Селикунт* — город на юго-западе Сицилии.

Стих 706. *Лилибей* — мыс и город на западе Сицилии.

Стих 707. *Дрепанский залив* — на западе Сицилии.

Книга четвертая

Стих 9. *Анна* у Вергилия появляется только в этой книге. Историк Тимей из Тавромепия выдвигал другую, нежели Вергилий, версию сказания, согласно которой Энея любила не Дидона, а Анна. По Овидию, после смерти Дидоны она переселилась в Италию, где уже был Эней, и, преследуемая ревностью жены Энея Лавинии, бросилась в реку. У римлян был культ Анны Перенны, с которой в эпоху Вергилия соединили Аппу, сестру Дидоны.

Стих 27. *Стыдливость* — у римлян божество, подобное Верности.

Стихи 40—42. *Гетулийцы, нумидийцы, баркейцы* — воинственные племена Африки. *Сирты* — заливы на северо-западном и северном побережье Африки; здесь: народы, населяющие эти побережья.

Стих 118. *Титан* — здесь: солнце.

Стих 126. Эта строка, дословно повторяющая стих 73 книги первой, считается позднейшей вставкой.

Стих 132. *Массилийцы* — нумидийское племя; здесь: вообще жители Африки.

Стихи 143—144. ...*Аполлон... холодный покинув край Ликийский и Ксанф, на родной возвращается Делос...* — Согласно мифам, Аполлон проводил зиму в Ликии на реке Ксанфе, а лето — на своей родине Делосе. Его прибытие сопровождается праздни-

ствами,— Вергилий называет разные народы, прибывшие на этот праздник (стих 146).

Стихи 178—179. *Кей, Энкелад* — титаны, пытавшиеся взобраться на небо и пораженные Юпитером. Об Энкеладе см. также примеч. к «Энеиде», III, 571—582.

Стих 198. *Аммон* — бог африканского племени оадов; греки и римляне отождествляли его с Зевсом-Юпитером.

Стих 216. *Умощенные кудри* — признак изнеженности, которая по традиции всегда приписывалась фригийцам.

Стихи 242—244. *Орк, Таргар* — обозначения подземного царства, куда Меркурий сопровождал души умерших. Меркурию также приписывались функции бога сна.

Стихи 247—248. *Атлант* — титан, держащий на своих плечах небесный свод, отец Майи, матери Меркурия. В то же время Атлант — гора, в которую он был превращен (Атласский хребет).

Стих 273. Эта строка повторяет стих 233 и отсутствует в лучших рукописях. Не комментирует ее и Сервий.

Стих 301. *Тиада* — вакханка. Тиады, одетые в шкуры молодых оленей, ночью неслись к горе Киферон, выкликая имя божества.

Стих 305. *...нечестивый...* — Дидона, которой не дано понять божественное предназначение Энея, называет нечестивым то, что как раз составляет «благочестие» Энея,— его покорность воле богов.

Стих 335. *Элисса* — второе имя Дидоны.

Стих 345. *Аполлон Гринийский* — см. примеч. к «Буколикам», VI, 72.

Стих 346. *Ликийский оракул* — оракул Аполлона в городе Патаре в Ликии.

Стих 367. *...в чащах Гирканских...* — Гиркания — область на южном побережье Каспийского моря.

Стихи 469—470. *Пенфей* — фиванский царь, препятствовал установлению культа Вакха-Диониса, преследовал вакханок, хотел убить самого бога. В наказание Вакх вдохнул безумие в мать Пенфея Агаву, и она в вакхическом экстазе растерзала своего сына, не узнав его. Сравнение Вергилия, однако, имеет в виду не героя мифа, а актера, играющего роль Пенфея в «Вакханках» Еврипида; об этом свидетельствует тот факт, что стих 470 перифразирует стих 912 Еврипидовой трагедии.

Стихи 471—472. *Агамемнона сын* — Орест, или, вернее, актер, играющий Ореста в одной из посвященных ему трагедий (здесь уже прямо сказано, что он *по сцене бежит*).

Стих 473. *Мстящие Диры* — фурии, Эринии.

Стих 484. *Геспериды* — дочери Атланта, вместе с драконом Ладонем охранявшие сад с золотыми яблоками.

Стих 511. *Трехликая Диана-Геката* — одна богиня в трех ипостасях: Луна (Феба) на небе, Диана на земле и Геката в преисподней. Геката считалась богиней призраков, волшебства, заклинательницей теней в подземном царстве. Это трехликое единое божество называли также Тривией.

Стих 512. *...мнимой Аверна водой...* — то есть водой, заменяющей воду Авернского озера.

Стих 513. *...медным серпом...* — При собирании трав для магических действий особую силу приписывали меди.

Стих 515. *...нарост... со лба жеребенка...* — По народному поверью, этот нарост кобылица пожирала тотчас после рождения жеребенка. Для магического действия нужно было успеть сорвать его раньше. Считалось, что он возбуждает любовь.

Стих 528. Эта строка, повторяющая стих 225 книги девятой, отсутствует в старейших рукописях и не комментируется Сервием.

Стихи 612—620. *Если должен проклятый достигнуть...* — По верованиям древних, умирающий обретал дар пророчества. Пророческий смысл имеет и проклятие Дидоны: в Италии Энее действительно приходится воевать с рутулами, уезжать из лагеря, оставив Юла, и молить о помощи Эвандра. Умер Эней спустя три года после примирения с италийцами и не был погребен, так как тело его исчезло (признак сопричисления к богам).

Стих 624. *Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!* — Дидона предвещает вражду Рима и Карфагена.

Стих 625. *Мститель.* — Имеется в виду исторический враг римлян, карфагенский полководец Ганнибал.

Стих 638. *Стигийский бог* — Плутон, царь подземного царства.

Стихи 696—699. *...судьбе вопреки погибала до срока Дидона...* — Прозерпина, царствующая в подземном царстве и отыскивающая души умерших, не имеет права на души тех, кто гибнет «до срока», и душу Дидоны приносит в жертву *Ирида* —

богиня радуги, соединяющей небо и землю, и вестница богов, посланная Юноной.

Стихи 702—703. *Прядь эту в жертву Диту я приношу...* — Древние считали мертвых жертвами, приносимыми на алтарь подземных богов, которым и посвящался локон отрезанных волос. Дит — одно из имен Плутона.

Книга пятая

Стих 38. *Кримис* — река в Сицилии и бог этой реки.

Стихи 64—65. *...взойдет в девятый раз над землей день...* — Римляне сжигали умершего на восьмой день, а на девятый устраивали погребальную тризну и игры.

Стих 81. *...празднуй привет твоему, привет и тени, и душе!* — По толкованию Сервия, тело умершего (прах) покоится в урне, душа отправляется на небо, а тень — в подземное царство.

Стих 84. *...появилась змея из гробницы...* — Змея считалась воплощением тени умершего.

Стих 95. *Гений места.* — У римлян своего гения-покровителя имело каждое место.

Стих 105. *...на конях Фазтона Аврора.* — Фазтон — сын Солнца, у Вергилия — само Солнце.

Стих 112. *Талант* — мера веса (около 26 кг) и денежная единица у греков.

Стих 116. *...на «Ките»...* — Корабли назывались по резной фигуре, украшавшей нос.

Стихи 117—123. *Меммии, Сергии, Клуенци* — патрицианские римские роды.

Стих 168. *...дорогу срезать старался.* — Корабль, делающий крутой разворот ближе к мете, сокращает дистанцию.

Стих 193. *...бурный Малей прибой...* — Вспоминается буря, настигшая троянцев при входе в Ионийское море, у опасного мыса Малей.

Стих 239. *Паноп* — см. примеч. к «Георгикам», I, 437.

Стих 240. *Форк* — брат Нерей.

Стих 241. *Портун* — римский бог гаваней.

Стих 252. *Царственный отрок* — Ганимед (см. примеч. к «Энеиде», I, 28).

Стих 260. *Демолей* — греческий воин, в «Илиаде» не упоминающийся.

Стих 285. *...искусная в деле Минервы...* — то есть в рукоделии; Минерва покровительствовала ремеслам.

Стихи 328—329. *Нис поскользнулся, в лужицу крови ступив...* — Деталь, заимствованная у Гомера («Илиада», XXIII, 774—797), где Аякс, состязаясь в беге на погребальных играх в честь Патрокла, падает, поскользнувшись в кучке навоза. Вергилий «облагораживает» эпизод, давая Нису возможность показать свою любовь к Эвриалу.

Стих 373. *Бебрикийцы* — народ фракийского происхождения, живший на берегах Черного моря. Их мифический царь Амик славился как кулачный боец.

Стих 449. *Эриманф* — гора в Аркадии, где Геркулес убил вепря.

Стихи 495—496. *Пандар* — знаменитый троянский стрелок; он пустил стрелу в Менелая по повелению Афины, чем и нарушил договор между греками и троянцами («Илиада», IV, 88 и след.).

Стих 536. *Киссей* — фракийский царь, отец Гекубы, жены Приама.

Стих 553. *Юный блистающий строй...* — Вергилий описывает упражнения всадников, именовавшиеся в Риме «Троянскими играми». Давно забытые, они были восстановлены Юлием Цезарем и справлялись в честь его предка Юла.

Стих 560. *Турма* — подразделение конницы в римском войске.

Стих 568. *Атис* — *ведут от него латиняне Атии род свой...* — Близость родов Юлиев и Атиев (из Атиев была мать Октавиана) возводилась к легендарному времени.

Стих 620. *...тмарийца Дорикла...* — Тмар — см. примеч. к «Буколикам», VIII, 44.

Стих 718. *Акеста* — второе название сицилийского города Сегесты, о которой Цицерон писал: «Сегеста — очень древний город в Сицилии, который основан, как доказывают, Энеем, бежавшим из Трои и приплывшим в эти места» («Против Верреса», IV, 33). Новый город называют Акестой «с изволения» Энея, поскольку он, являясь фактическим основателем, имеет право наречь город своим именем, но уступает эту честь Акесту.

Стих 739. *...веет уже на меня коней востока дыханье.* — Наступает рассвет, при котором исчезают тени умерших.

Стих 750. *...в списки они заносят...* — Римская деталь: перед выведением колонии в Риме составляли списки ее будущих граждан.

Стихи 755—756. *...обводит плугом границу города...* — Сервий так комментирует это место: «Основатели городов впрягали справа быка, а с внутренней стороны корову и... держали рукоять плуга наклонно, так, чтобы глыбы земли отваливались внутрь круга. Так, ведя борозду, намечали место для стен, поднимаемая плуг на местах ворот».

Стих 773. *...в жертву Бури — овцу...* — Бури, как и Ветры, считались божествами. Есть свидетельство римского историка Аппиана, что Октавиан, отправляясь на войну с Секстом Помпеем молился Ветрам и Нептуну.

Стих 797. *Тибр* назван Лаврентийским, так как он оmyвает город Лаврент.

Стих 810. *...унес я его...* — Этот эпизод рассказан в «Илиаде», XX, 156—339.

Стих 823. *...сын Ино Палемон... Главк...* — См. примеч. к «Георгикам», I, 437.

Стих 826. Стих этот есть и в «Георгиках», IV, 338, где, по мнению многих издателей, он является позднейшей вставкой.

Стих 838. *Сон* — сын Ночи и брат Смерти; к Палинуру он летит как вестник последней.

Стих 854. *...летейской водой...* — Имеется в виду Лета, река подземного царства, в которой умершие пьют забвение о прошлой жизни. *...силы стигейской...* — силы смерти.

Стих 864. *Утесы Сирен* — три скалы около Сорренто. По преданию, Сирены — полуженщины, полуптицы, привлекавшие своим пением и убивавшие мореходов.

Книга шестая

Стих 2. *...близ Кум... к побережьям Эвбейским.* — Кумы были основаны выходцами из Халкиды на острове Эвбея.

Стихи 11—12. *...вдохновеньем ей душу и разум полнит Делосский пророк и грядущее ей открывает.* — Феб-Аполлон внушает свою волю и знание пророчице, а она открывает ее смертным.

Стих 13. *Роща Гекаты* — роща, посвященная трехликому божеству Фебе-Диане-Гекате (см. примеч. к «Энеиде», IV, 511).

Стих 14. *Сам Дедал... из Миносова царства бежавший...* — Дедал, легендарный афинский художник и зодчий, убив из художнической ревности своего племянника, бежал на Крит к царю Миносу, где построил знаменитый Лабиринт. Затем он решил бежать с помощью сделанных им крыльев. При полете его сын Икар упал в море, Дедал же прибыл в Италию и построил там храм Аполлону. *Милос* — сын Юпитера и Европы, царь Крита; после смерти вместе со своим братом Радамантом стал судьей в царстве мертвых.

Стихи 20—22. *Андрогей* — сын Миноса; став победителем всех игр в Афинах, был убит афинянами (кекропидами — по имени Кекропа, первого афинского царя), за что последние были обязаны ежегодно по жребию доставлять семь юношей и семь девушек на съедение критскому чудовищу Минотавру.

Стих 26. *...двувидный... Минотавр...* — Минотавра изображали человеком с головой быка.

Стих 28. *...создатель дворца, над влюбленной сжался царевой...* — Ариадна, дочь царя Миноса, по совету Дедала дала афинскому герою Тесею, убившему Минотавра, нить, с помощью которой он выбрался из Лабиринта.

Стих 36. *Деифоба* — одно из имен Кумской Сивиллы. Она дочь морского божества Главка, также обладающего даром прорицания (см. примеч. к «Буколикам», IV, 4, и к «Георгикам», I, 437).

Стихи 57—58. *...ты... поразил Эакида, направив руку Париса...* — Ахилл, внук Эака, был убит Парисом при входе в храм Аполлона. Аполлон направил стрелу Париса по просьбе Нептуна, мстящего за своего сына, убитого Ахиллом.

Стихи 69—70. *Тривии с Фебом... воздвигну... храм...* — Этот храм Аполлона был воздвигнут Августом на Палатинском холме; статуя бога стояла между изображениями Латоны и Днаны (Тривии).

Стихи 71—74. *...и тебя ожидает приют величавый... мужей посвященных...* — Имеются в виду так называемые «Сивиллины книги», по преданию, переданные царю Тарквинию Гордому самой Сивиллой и предвещавшие судьбу Рима. «Сивиллины книги» хранились в главном римском святилище — храме Юпитера Капитолийского — под наблюдением особой коллегии жрецов.

Стихи 89—94. ...*новый Ахилл*... — Сивилла уподобляет будущие войны Энея троянской войне. Новый Ахилл — Турн, сын нимфы Венилии. ...*с иноземкою брак*... — Будущий брак Энея с Лавинией будет причиной войны, как брак Париса и Елены.

Стих 107. ...*Ахеронт пугает мрачные топи*... — Имеется в виду болото, образованное подземной рекой Ахеронтом, выступавшим на поверхность земли; здесь, по преданию, проходила граница преисподней.

Стихи 121—122. ...*Поллукс, избавив ценой половины бессмертья от смерти брата*... — Речь идет о Касторе и Поллуксе — сыновьях Леды, близнецах, один из которых был смертным, а другой бессмертным. После смерти Кастора Юпитер позволил братьям один день вместе проводить на Олимпе, а другой в преисподней.

Стих 123. Тесей помогал своему другу Пирифю похитить Прозерпину из подземного царства. *Акид* — Геркулес, который освободил Тесея, схваченного Плутоном и прикованного к скале за похищение Прозерпины.

Стих 132. *Кочит* — см. примеч. к «Георгикам», III, 38.

Стих 134. ...*дважды проплыть по стигийским волнам*... — Имеется в виду теперешнее, добровольное прибытие Энея в царство мертвых и обязательное — после смерти.

Стих 138. *Дольняя Юнона* — Прозерпина. Аналогично Плутон назывался стигийским Юпитером.

Стих 177. *Алтарь погребальный* — костер, на котором сжигали тело умершего.

Стихи 192—193. ...*пернатых матери спутниц*... — Голуби были посвящены Венере.

Стих 201. ...*смердных устьй Аверна*... — Воды озера Аверна были сернистыми; их смрад считался признаком того, что здесь находятся устья рек преисподней.

Стих 231. ...*очистив мужей, произнес прощальное слово*. — После очищения совершавший его произносил ритуальное «кончено». Все присутствующие произносили трехкратное ритуальное «прощай».

Стихи 234—235. ...*горы, что доныне имя Мизена носит*... — Мыс Мизен в Неаполитанском заливе сохраняет это название и в наши дни.

Стих 242. Строка эта, гласящая: «Вот потому и зовут это место греки Аорном», — отсутствует в большинстве рукописей и

не комментируется античными толкователями. Потому она признается позднейшей вставкой.

Стих 250. *...матери дев Эвменид...* — Имеется в виду Ночь (она считалась матерью не только Эвменид, но всех мрачных богов: Смерти, Сна, Обмана, Раздора). *...сестре ее величавой...* — то есть Земле.

Стих 252. *...алтари... ночные...* — Подземным богам алтари воздвигались ночью.

Стих 257. *...лсов завыванье...* — Псы сопровождали Гекату.

Стих 259. *...чуждые таинствам, прочь!* — Этот ритуальный возглас обращен к спутникам Энея; золотой веткой Эней приобщен к таинству.

Стих 265. *Флегетон* — река подземного царства, впадает в Ахеронт.

Стих 267. *...все мне открыть, что во мне... таится.* — Исследователи убедительно показали, что Вергилий в описании загробного мира воспроизводил не дошедшее до нас апокалиптическое сочинение Посидония (135—50 гг. до н. э.), историка и философа-стоика, долгое время жившего в Риме.

Стихи 273—278. *...в преддверье... Орка Скорбь ютится... Заботы... Болезни... Старость, Страх...* — Бедствия, приносящие людям гибель и доставляющие Орку новые души, помещены в его преддверье, как прислуживающие божества.

Стихи 287. *Бриарей* — стоголовый и сторукий великан, низвергнутый Юпитером в подземное царство.

Стихи 287—288. *...дракон из Лернейской топи...* — Лернейская Гидра, стоголовое чудовище, побежденное Геркулесом, *Химера* — изрыгавшее пламя чудовище с головой льва, туловищем козла и хвостом дракона.

Стих 289. *...великанов трехтелых...* — Имеется в виду Геррион, чудовище о трех сросшихся телах.

Стих 295. *Дальше дорога вела к Ахеронту...* — Основная тема раздела, начинающегося этим стихом, — судьба душ, допускаемых в подземное царство из-за того, что тела остались непогребенными. Иллюстрирует это посмертная судьба Палинура. Кроме того, этот эпизод является данью гомеровской традиции: Одиссей также встречает у границ Аида своего спутника Эльпенора («Одиссея», XI, 51 и след.).

Стих 299. *Харон* — сын Эреба и Ночи, перевозивший души умерших через Стикс.

Стих 324. *Ими поклявшийся бог не осмелится клятву нарушить.* — Бог, поклявшийся подземной рекой (ее божеством) и нарушивший клятву, изгонялся из сонма богов на девять лет и подвергался человеческим испытаниям.

Стих 365. *Великая гавань.* — Велия — прибрежный город в Италии, основанный, по преданию, после прибытия Энея в Лаций.

Стих 394. *...хоть от богов рождены...* — Тесей был сыном Нептуна, Геркулес (Алкид) и Пирифой — Юпитера.

Стих. 396. *...у царских дверей...* — у трона Плутона.

Стих 398. *Амфризийская* — то есть служащая Аполлону. Амфриз — см. примеч. к «Георгикам», III, 2.

Стих 429 и след. *...рок... унес... до срока.* — За Ахеронтом Вергилий помещает души тех, кто умер до срока, подобно Дидоне: невинно осужденных, самоубийц, а также умерших от любви, павших в битве и младенцев.

Стих 432. *Минос* — сын Юпитера, царь Крита, судья в преисподней.

Стихи 434—435. *...кто своею рукою предал смерти себя...* — Пифагорейская и платоническая докторины осуждают самоубийство. Стоики допускают его; Вергилий, очевидно, осуждает. Однако в эпоху Вергилия к самоубийцам не относились уже с той суровостью, как во времена республики, когда им отказывали в погребении.

Стих 443. *Миртовый лес.* — Мирт был посвящен Венере.

Стих 445. *Федра* — жена Тесея, покончила с собой от несчастной любви к своему пасынку Ипполиту. *Проκριда* — жена царя Кефала, по ошибке убитая им на охоте в то время, как она выслеживала его, подозревая в измене. *Эрифилла* — была убита своим сыном Алкмеоном за то, что открыла врагам убежище своего мужа Амфиарая, не желавшего идти в поход, в котором, как он знал, ему суждено погибнуть. Эрифилла была куплена Полником, подарившим ей драгоценное ожерелье.

Стихи 447—448. *Эвадна* — бросилась в погребальный костер своего мужа Капанея, одного из семи вождей похода против Фив. *Лаодамия* — покончила с собой, не в силах перенести смерть своего мужа Протесплая, первого погибшего под Троей ахейца. *Кеней* — родился женщиной; позже, когда полюбивший ее Нептун обещал ей любую награду, она захотела стать мужчиной, неуязвимым для ран. Была в мужском образе Кенея за-

душена кентаврами и в подземном царстве обрела первоначальный девический облик.

Стих 471. *Марпесский мрамор* — мрамор с горы Марпес на острове Парос.

Стихи 479—480. *Тидей, Паргенопей и Адраст* — три греческих героя, участники похода против Фив.

Стр. 483. *...посвященный Церере...* — жрец Цереры. *Полифет* (Полифит) упоминается у Гомера в «Илиаде», XIII, 790.

Стих 484. *Антенориды* — сыновья Антенора: Агенор, Полиб и Акамант. *Идей* — возница Приама.

Стих 485. *Медон* (Медон) — упоминается у Гомера в «Илиаде», XVII, 216. *Глаак* — предводитель ликийцев, союзников троянцев. *Терсилох* — троянский воин, убитый Ахиллом.

Стих 511. *Спартанка* — Елена, ставшая женой Деифоба после гибели Париса.

Стих 528. *Эолид* — Улисс (Одиссей), который в позднейших сказаниях назван внуком бога ветров Эола, сыном Сизифа.

Стих 540. *Две дороги...* — Здесь у Вергилия впервые высказывается идея загробного воздаяния: праведные обретают блаженство в Элизии, злые искупают свою вину муками в Тартаре. Однако и души злых по истечении срока кары попадают в долину Леты и оттуда вновь выходят на свет, вселяясь в тела (см. стихи 722—751 этой книги «Энеиды»).

Стих 555. *Тизифона* — одна из фурий.

Стих 582. *Сыновья Алоэя* — см. примеч. к «Георгикам», I, 280.

Стих 585. *Салмоной* — царь Элиды, пытался выдать себя за бога.

Стих 596. *Тигий* — сын Земли, нанес оскорбление Латоне и был убит стрелами Дианы и Аполлона.

Стихи 601—606. *Лапифы* — см. примеч. к «Георгикам», II, 455—457. *Иксион* — царь лапифов, *Пирифой* — его сын. Вергилий переносит на них наказание Таптала — муки голода в присутствии еды. Более традиционная версия о каре Иксиона — см. «Георгики», III, 38 и примеч. к этому стиху.

Стих 617. *...на скале Тесей горемычный...* — Тесей, как и Пирифой, был прикован к скале Плутоном за похищение Прозерпины.

Стих 619. *Флегий* — отец Иксиона, поджег Дельфийский храм.

Стихи 635—636. *...Эней окропляет свежей водою тело... —* Обряд очищения, так как в Элизий, как в храм, могут войти только непорочные.

Стих 645. *Фракийский пророк* — Орфей, фракиец родом; здесь указывается на мистериальный характер его культа.

Стих 647. *Плектр* — палочка, которой ударяли по струнам кифары.

Стих 657. *Пеан* — первоначально гимн Аполлону-Пеаву. Название произошло от повторяющегося обращения к божеству: «Пеан!» Позднее — всякая победная песнь.

Стих 667. *Мусей* — легендарный аттический певец; подобно Орфею, учредитель таинств.

Стихи 723—751. *...и все рассказал по порядку.* — В «откровении» Анхиза отразилось пифагорейское учение о метемпсихозе («переселении душ»). Мир, по этому учению, есть подобие тела, органы которого животворит дух, единый для неба, людей и животных. *Дух* — в данном случае термин стоической философии.

Стих 725. *Тигана светоч* — солнце.

Стихи 726—727. *...все питает душа, и дух... движет весь мир...* — Место, наиболее podatливое для христианских толкований. Именно на основании этих слов знаменитый магистр Абельяр (1079—1142), средневековый французский богослов и поэт, рекомендовал чтение языческого поэта христианским пастырям: «...ставит (Вергилий. — Н. С.) мировую душу выше прочих творений...»

Стих 760. *...копье без жала...* — одна из старинных римских военных наград.

Стих 763. *...Сильвием зваться...* — Имя Сильвия, сына Энея и Лавинии, впоследствии стало родовым именем албанских царей. *...ибо его средь лесов...* — Имя Сильвий связывается с латинским «silva» — «лес».

Стих 767. *Следом появится Прок...* — Перечисляя царей Альбы-Лонги, Вергилий не сохраняет традиционной исторической последовательности.

Стих 770. *...если только престол албанский получит.* — Престол оспаривался у Энея Сильвия его опекуном.

Стих 772. *Венок дубовый* присуждался как награда за спасение полноправного гражданина.

Стихи 773—775. Вергилий называет восемь из тридцати коловий, основанных альбанскими царями в Лации. *Инуи* — италийский бог лесов и полей, покровитель стад, то же, что и греческий Пан.

Стих 777. *...прародителя спутником станет...* — Будет обожествлен, как Эней.

Стих 784. *Берекинфская богиня.* — Кибела, Матерь богов, которую изображали в венке, украшенном башнями. Берекинф — один из горных хребтов Иды Фригийской.

Стих 792. *...отцом божественным вскормленный...* — Август был усыновлен обожествленным Юлием Цезарем.

Стих 796. *...где не увидишь светил, меж которыми движется солнце...* — Земли столь далекие, что они лежат вне круга Зодиака.

Стих 805. *Либер.* — Вакх, по преданию, покоривший Индию, где находится гора Ниса.

Стих 810—812. *Римлян царь* — Нума Помпилий, второй римский царь, учредитель культовых церемоний (потому он со знаками жреца), создатель гражданских законов; за свою мудрость был приглашен из Курии, древнего сабинского города, чтобы править Римом.

Стих 813. *Тулл Гостилий* — преемник Нумы, отличавшийся от своего миролюбивого предшественника воинственностью.

Стих 815. *Анк... спеси не чуждый...* — гордыня четвертого царя, Анка Марция, вошла в народные предания.

Стих 817. *Тарквинии* — римские цари Тарквиний Древний и Тарквиний Гордый, этруски по происхождению.

Стихи 818—824. *Брут* — один из вдохновителей переворота, сбросившего в Риме власть царей и изгнавшего Тарквиния. Брут учредил в Риме республику и стал первым консулом. Своих сыновей, заподозренных в сочувствии Тарквиниям, Брут собственноручно казнил.

Стих 824. *Деции, Друзы* — римские патрицианские роды, из которых вышли знаменитые полководцы.

Стих 825. *Торкват* Тит Мавлий — победитель галлов, напавших на Рим; известен также тем, что казнил собственного сына за невыполнение приказа. *Камилл* — в качестве диктатора дважды разбил галлов. *Орлы* — значки римского легиона, его знамена.

Стих 828. *...но ведь какую войной друг на друга пойдут...* — Предсказание гражданской войны Юлия Цезаря и Помпея.

Стих 830. *Тесть* — Гай Юлий Цезарь: Помпей был женат на его дочери. *...от Монековых скал с Альпийского вала...* — Монековы скалы — нынешнее Монако. Цезарь, начиная гражданскую войну, шел в Италию из Галлии, отделенной от Италии Альпами, словно крепостным валом.

Стих 831. *...оружьем восточным!* — Помпей набрал войска в Азии и Греции.

Стих 836. *...этот, Коринф покорив...* — Имеется в виду полководец Луций Муммий, сжегший в 146 г. до н. э. греческий город Коринф.

Стихи 838—839. *Тот... разобьет Эакиду, Ахиллова внука...* — Речь идет о Луции Эмилии Павле, который в 146 г. до н. э. нанес поражение македонскому царю Персею, ведшему свой род от Ахилла, внука Эака.

Стих 840. *...поруванный храм Минервы...* — Имеется в виду оскорбление Кассандры в храме Минервы и похищение Паллады (см. примеч. к «Энеиде», I, 39—41, и II, 165).

Стих 841. *Косс* — победитель племени вейнтов (428 г. до н. э.). *Великий Катон* — Марк Порций Катон Старший Цензор (II в. до н. э.), образец древней суровой добродетели, известен своей ненавистью к Карфагену.

Стих 842. *Гракхи, Тиберий и Гай* (II в. до н. э.) — народные трибуны, боровшиеся за наделение плебса землей. *Сципионы* — см. примеч. к «Георгикам», II, 169—170.

Стихи 843—844. *Серран* — выдающийся полководец времен Первой пунической войны (264—241 гг. до н. э.). О своем избрании консулом он узнал в то время, как заседал свое поле.

Стихи 844—845. *Фабриций Гай* — консул 476 и 472 гг. до н. э., победитель эпирского царя Пирра и враждебного Риму италийского племени самнитов; был известен аскетическим образом жизни.

Стих 846. *Максим* — Квинт Фабий Максим, полководец из рода Фабиев; получил прозвище Кунктатор (Медлитель) за выжидательную тактику в войне с Ганнибалом, которую он вел в должности диктатора в 218—217 гг. до н. э. *...кто... промедленьями спас государство!* — Цитата из поэмы староримского поэта Эниа «Летописи», содержащей поэтическое изложение истории Рима и во многом послужившей образцом для «Энеиды».

Стих 855. *Марцелл* — Марк Клавдий Марцелл (III в. до н. э.), победитель галльского племени инсубров, одержавший ряд побед и в войне с Ганнибалом. Марцелл посвятил Ромулу-Квирина доспехи галльского вождя, убитого им в единоборстве.

Стих 859. *...третий доспех...* — До Марцелла первые доспехи посвятил божеству (Юпитеру) Ромул, вторые — Косс (см. стих 841) Марсу.

Стих 861. *...юношу дивной красоты...* — Имеется в виду соименный своему далекому предку Марк Клавдий Марцелл, сын сестры Августа, которого Август прочил в наследники. Марцелл умер на двадцатом году жизни. По свидетельству Светония-Доната, чтение этого места Вергилием вызвало у Августа слезы.

Стих 872. *...с Марсова поля...* — Тело Марцелла было сожжено на Марсовом поле в Риме.

Стих 874. *Тибериш* — Тибр, по имени божества реки Тиберины. Над Тибром, в мавзолее Юлиев, был похоронен Марцелл.

Стихи 882—883. *Отрок несчастный... если рок суровый ты сломишь, будешь Марцеллом и ты!* — Вергилий обращается к душе Марцелла до ее земного воплощения. «Сломить рок» и «стать Марцеллом» означает обрести существование на земле. Возможно и иное толкование: если бы ты, победив рок, ушел от ранней смерти, ты стал бы равен своему пращур Марцеллу.

Книга седьмая

Стих 3. *...сохраняет имя Кайеты...* — Рассказ о Кайете, кормилице Энея, как и рассказы о Мизене и Палинуре, должен объяснить происхождение названия местности.

Стих 12. *Солнца могучая дочь* — волшебница Цирцея.

Стих 17. *...свиной щетинистых стадо...* — В свиные Цирцей обратила спутников Улисса («Одиссея», X, 237 и след.).

Стих 37. *Эрато* — муза любовной поэзии, здесь вообще муза.

Стих 47. *Фавну его родила...* — В греческой традиции Латин — сын Одиссея и Цирцеи. Фавн — итальянский бог,покровитель лесов и полей, пастухов и стад, отождествляемый с Паном.

Стих 48. *Пик* — бог лесов и полей, предсказатель будущего. Он же первый царь латинян. Когда Пик отверг любовь Цирцеи, она превратила его в дятла.

Стих 82. *...в лесу Альбунейском...* — Лес назван по имени Альбунеи — нимфы священного источника.

Стих 114. ...*хлебов, отмеченных роком*... — Сбывается пророчество об окончании странствий Энея и его спутников (см. «Энеиду», III, 255—257).

Стих 123. ...*завет оставил родитель*... — Одно из противоречий, свидетельствующих о том, что Вергилий не завершил работу над текстом поэмы: предсказание о поедаемых столах было сделано не Анхизом, а гарпией Келено.

Стих 138. *Фригийская мать* — Кибела.

Стих 139. *Бог Идейский* — Юпитер Критский.

Стих 150. *Нумиций* — река в Лации, вытекающая из болота и впадающая в море. Служила границей между лаврентцами и рутулами.

Стих 154. *Ветви Паллады* — ветви оливы, священного дерева Афины Паллады; обвитые белыми повязками, они служили знаком мира в руках послов.

Стих 174. *Курия* — здесь: место собраний сената.

Стих 178. *Итал* — легендарный царь, правивший этотрами. *Отец Сабин* — легендарный предок племени сабинян.

Стих 180. *Янус двуликий* — древний италийский бог. Он изображался с двумя лицами, старым и молодым, обращенными в разные стороны, — символ знания прошлого и будущего. Янус считался богом дверей, богом всех начал, а также вершителем войны и мира.

Стихи 187—188. *Трабея* — короткий плащ с пурпурными полосами; его носили цари и авгуры — жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц. *Квиринальский жезл* — кривой посох авгура.

Стих 206. ...*старики аврунские*... — Аврунки — один из народов, населявших Лаций.

Стих 208. *Самофракия* — остров в Эгейском море.

Стих 211. ...*свой прибавив алтарь*... — то есть став богом. Некоторые исследователи сомневаются в подлинности этого стиха, так как об обожествлении Дардана упоминаний больше не имеется.

Стих 224. *Европа и Азия* — здесь: Греция и Троя.

Стихи 225—226. ...*по кругу струится ток Океана*... — Океан представляется в виде потока, обтекающего землю по кругу. Само выражение заимствовано у Гомера («Илиада», XVIII, 339). См. также примеч. к «Георгикам», I, 233—239.

Стихи 282—283. ...*которые Цирцея тайно добыла...* — Цирцея тайно случила обыкновенную лошадь с одним из огненных коней своего отца Солнца.

Стих 287. *Инахов Аргос.* — Инах — легендарный основатель Аргоса.

Стихи 304—305. ...*Марсу силы достало диких лапифов сгубить...* — Царь лапифов Пирифой пригласил на свадьбу всех богов, за исключением Марса. Разгневанный бог возбудил ссору и битву между лапифами и кентаврами, приглашенными на пир.

Стихи 305—307. *Каледона вина...* — Опа заключалась в том, что царь города не почтил Диану жертвоприношениями. Диана наслала на город страшного вепря, охота на него вызвала распрю между героями, из-за которой погиб каледонский герой Мелеагр и многие другие.

Стих 319. *Беллона* — богиня войны, спутница Марса.

Стих 320. *Дочь Киссея* — Гекуба. Когда она была беременна Парисом, ей приснился сон, будто она рождает факел.

Стих 327. ...*отец Плутон...* — Фурни не были детьми царя подземного царства, но, как подземные богини, могли называться детьми Плутона. Один из орфических гимнов, правда, именуется их «дочерьми подземного Зевса и Персефоны».

Стих 363. *Пастух фригийский* — Парис. *Спарганец* — Мелелай.

Стих 366. ...*племяннику Турну?* — Венилия, мать Турна, была сестрою Аматы.

Стихи 371—372. *Вспомни и Турна род...* — Предки Турна Инах и Акрисий — аргивяне, поэтому Амата считает его тем чужеземцем, за которого предсказано выдать Лавинию. Даная, дочь Акрисия и внучка Инаха, прибыв в Италию и основав город Ардею, вышла замуж за вождя рутулов Пилумна — прапрадеда Турна.

Стих 391. ...*растила она священные кудри!* — Иногда древние отращивали волосы, посвящая их божеству, и срезали их лишь в жертву этому богу.

Стих 412. *Ардея.* — Как населенный пункт в эпоху Вергилия Ардея не существовала, но место ее известно; в наши дни оно входит в черту города Рима.

Стихи 516—518. ...*Тривии озеро... Нар с белесой водой... Веллина исток...* — озера и реки Лациума; озеро Тривии славилось

рошей и храмом Дианы, приток Тибра Нар — своей сернистой водой, ручей Велин был границей Умбрии и области сабинян.

Стих 532. *Альмон* назван по имени впадающей в Тибр реки, как и многие другие итальяские персонажи Вергилия: Галез (стих 535), Уфент (стих 745), Умброн (стих 751).

Стих 565. *Ампсанктские долины* были известны удушливыми испарениями, которые связывались с представлениями об одном из входов в подземное царство.

Стихи 606—607. *...значки легионов римских отнять у парфян.* — В действительности Август дипломатическим путем добился возврата римских боевых значков, за три десятилетия до того захваченных парфянами у полководца Красса.

Стих 608. *...двери... войны...* — См. примеч. к «Энеиде», I, 293.

Стих 612. *...по-габински надетою тогой...* — то есть таким образом, чтобы одна ее половина, переброшенная сзади, окутывала голову.

Стих 613. *Квиринальский плащ* — трабея (см. примеч. к стиху 187 этой книги «Энеиды»).

Стих 621. *...шил повернулся...* — В древности двери не навешивались на петли, а вращались на вертикальных шипах, входящих в пазы пола и верхней притоки.

Стих 630—631. *Крустумерий, Тибур, Ардея, Антемны, Атина* — города Лация.

Стих 637. *Дощечка с паролем* — навощенная дощечка с написанным на ней паролем.

Стих 641. *Богини* — здесь музы. *Геликон* — гора в Беотии, обиталище муз. Далее следует перечисление итальянских ратей, построенное по образцу гомеровского «списка кораблей» — перечисления ахейцев, пришедших под Троию («Илиада», II, 816 и след.).

Стих 659. *Авентинский холм* — один из семи холмов Рима.

Стих 661. *...убив Герiona...* — Похищение стад трехтелого великана Герiona — один из двенадцати подвигов Геркулеса. По местным преданиям, Герion жил в Иберии (Испания), и, возвращаясь в Грецию, Геркулес проходил через Италию.

Стих 662. *...тиринфский герой...* — то есть Геркулес; Тиринф — город в Арголиде, известный культом Геркулеса.

Стихи 670—672. *Следом два близнеца.... Кагилл, Кор и Тибурт* (Тибуртий) — основатели города Тибура, по римскому пре-

данию, внуки аргосского царя Амфиарая, погибшего в походе семерых против Фив.

Стих 674. *Офрийские вершины, Гомола* — горы в Фессалии.

Стих 678. *...твердынь пренестинских...* — Пренеста — город в Лации.

Стихи 682—683. *Аниен и Амазен* — боги рек Анио и Амазен в Лации.

Стих 695. *Фесценницы* — жители города Фесценния в Этрурии. *Эквы-фалиски* — племя, обитавшее в той же округе.

Стих 709. *...уделил место в Риме сабинянам Ромул*. — По преданию, для увеличения населения Рима Ромул пригласил на праздник соседей-сабинян, и во время пира римские юноши похитили сабинских девушек. После разгоревшейся из-за этого войны и примирения римляне и сабиняне составили единую общину.

Стих 710. *Амитернский отряд* — из древнего сабинского города Амитерна. *Древние квириги* — сабиняне, жители Курний (в другом произношении — куриты), в отличие от римлян, которые стали называться квиритами уже после слияния с сабинянами.

Стих 717. *...зловещей Аллии...* — Река Аллия названа зловещей, потому что римляне потерпели на ней поражение от галлов в 390 г. до н. э.

Стих 723. *Агамемнона друг, Алез...* — Алез, по свидетельству некоторых античных авторов, был возницей Агамемнона под Троей.

Стихи 725—726. *...Массик, счастливый Вакха дарами...* — См. примеч. к «Георгикам», II, 143.

Стихи 727—728. *Сидицин* — город в Кампании. *Калы* — город южной Кампании, известный виноделием. *Вольтурн* — река в Кампании.

Стих 729. *Оски* — древний италийский народ. *Сатикуланцы* — жители Сатикула, города в горах Кампании.

Стихи 739—740. *Батул, Руфры, Абеллы* — города Кампании. *Целемна* — местность, посвященная Юноне.

Стих 744. *Нерсы* — город в центральной Италии.

Стих 747. *...Эквикульских пашен...* — Имеются в виду земли эквов, одного из племен Центральной Италии.

Стих 750. *Марсы* — народ, имевший репутацию знахарей.

Стих 759. *Рош Английских*. — Ангичия, сестра Медеи (а по некоторым сказаниям — сама Медел), была занесена бурей в Умбрию, к марсам, и научила их колдовству. *Фуцин* — озеро; местность, где почитали Ангицию.

Стих 761. *Ипполит* — любимец Днаны, проклятый отцом, Тесеем, из-за клеветы мачехи Федры. Вергилий излагает другую версию мифа; она повторяется только у живших после него писателей.

Стих 762. *Ариция* — нимфа, любившая Ипполита; по другому толкованию, местность около Рима, родина Вирбия.

Стих 763. *Эгерия* — нимфа, под защиту которой отдали воскресшего Ипполита Вирбия.

Стих 769. *...воскрешен Пеана травой...* — травой Эскулапа, мифического целителя, бога врачевания. Пеан — название Феба-Аполлона и Эскулапа как его сына.

Стих 773. *Феборожденный* — Эскулап.

Стих 789. *...маторогоя Ио...* — Ио (см. примеч. к «Георгикам», III, 153), как дочь Инаха, — прародительница Турна.

Стих 792. *Инах* — см. примеч. к стиху 287 этой книги, считался также и богом реки.

Стих 794—796. *Аргивяне* — потомки аргивян, основавшие город Ардею в земле рутулов. *Сакраны* — скорее всего граждане, связанные с религиозным культом (sacra). *Аврунки, лабиция рать* (лабиканы) — соседи рутулов.

Стих 779. *Цирцейские горы* — Цирцейский мыс на побережье Лация.

Стих 800. *Анксур* — древнее италийское божество, слившееся впоследствии с Юпитером. *Ферония* — жена Анкура, которой была посвящена роща в трех милях от Рима.

Книга восьмая

Стих 1. *...выставил Турн на ...крепости знамя...* — По римскому обычаю, на Капитолии выставляли при объявлении войны два знамени: для конницы — красное, для пехотинцев — синее.

Стих 5. *...Лаций присягу дает...* — Римский военный обычай присяги под знаменами.

Стих 9. *Диомед* считался основателем нескольких городов на юге Италии.

Стихи 45—48. ...*матери белой*. — Альба по латыни значит «белая».

Стих 51. *Палланта потомки*... — Хр. Гейне так комментирует это место: «Эвандр со своей матерью пустился в путь из Аркадии, привел своих пеласгов в место над Тибром и на горе, с тех пор именуемой Палатином, основал город Паллантей, вскоре названный Паллантий или Палатий. Паллантийский округ был и в Аркадии, и среди пращуров их был Паллант, из-за чего в этом месте оные аркадцы наречены «Палланта потомки»... То же имя дано и сыну Эвандра».

Стих 77. ...*бог рога носный*... — речной бог (см. примеч. к «Георгикам», IV, 371).

Стих 103. *Сын Алкмены* — Геркулес.

Стих 130. ...*кровным родством с Агамемноном и Менелаем*. — Эвандр был сыном Меркурия, Меркурий — сын дочери Атланта Плеяды Майи. Дед Агамемнона и Менелая Пелоп — внук другой Плеяды — Стеропы. Третья Плеяда — Электра — была матерью Дардана, родоначальника троянских царей.

Стих 146. *Давново племя* — рутулы. Давн — отец Турна.

Стих 158. *Саламин* — остров в Сароническом заливе.

Стих 183. ...*части берут, что для жертв очистительных нужны*. — Имеются в виду внутренности жертвенных животных, обычно сжигавшиеся на алтаре; однако во время обрядов, посвященных Геркулесу, они съедались на жертвенном пиру.

Стихи 269—272. ...*будет зваться Великим*... — Рассказ о Каке объясняет происхождение культа Геркулеса в Риме и старинного алтаря, носившего название «Великий». *Потиции* и *Пинарии* — римские роды, обязанные совершать обряды на Великом алтаре Геркулеса. Когда роды эти угасли, культ Геркулеса (в начале III в. до н. э.) стал государственным.

Стих 285. *Салии* — жрецы культа Марса; их торжественные шествия сопровождалась магическими танцами и гимнами, слова которых в историческое время уже стали непонятны. По преданию, эту жреческую коллегию учредил царь Нума Помпилий. Однако вполне возможно, что в более древнюю эпоху «салиями» (прыгунами) назывались все жрецы, исполнявшие обрядовые танцы.

Стих 289. *Мачеха* — Юнона.

Стих 290. *Эхалия* — город на острове Эвбея, разрушенный, по преданию, Геркулесом из-за того, что царь Эврит не хотел

отдать ему в жены свою дочь Иолу. О взятии Геркулесом Трои см. примеч. к «Энеиде», II, 643.

Стих 294. *Критское диво* — огнедышащий бык.

Стих 295. *Немейская скала* — возле города Немен в Пелопоннесе.

Стих 298. *Тифей* — см. примеч. к «Георгикам», I, 279.

Стих 302. *...Олимпа новая гордость!* — Намек на недавнее обожествление Геркулеса.

Стихи 322—323. *...Латинской землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.* — Название «латинский» возводится к глаголу «latere» — скрывать, прятать.

Стих 329. *...менять имена...* — называться Гесперией, Авзонией, Энотрией.

Стих 335. *Нимфа Кармента* считалась в Риме пророчицей; ее имя связывалось с латинским словом «carmen» — предсказание, песня. В Риме был ее храм и ворота, именовавшиеся Карментальскими.

Стихи 342—343. *...Убежища имя Ромул дарует опять...* — Убежищем в эпоху Вергилия именовалось место между двумя вершинами Капитолийского холма. Тит Ливий пишет о том, что Ромул, не желая, чтобы новый город пустовал, «воспользовался старой хитростью основателей городов... и открыл убежище в том месте, что теперь огорожено... От соседних народов сбежались все жаждущие перемен — свободные и рабы без разбора, — и тем была заложена первая основа великой мощи».

Стихи 343—344. *...Луперкал... в честь... Пана-Ликей...* — Луперкал — посвященная Пану пещера в склоне Палатинского холма. Ее непонятное самим римлянам название связывали со словом «lupus» — волк и находили объяснение этому в культе Пана-Ликей («волчьего» — от греч. «λύκος» — «волк»). По другим версиям, имя пещеры связывали с волчицей, вскормившей Ромула и Рема. *Паррасия* — область в Аркадии, центр культуры Пана-Ликей.

Стихи 345—346. *Лес Аргилетский.* — Аргилет — квартал, находившийся в эпоху Вергилия в центре Рима. Для объяснения непонятого названия его разделили: Argiletum — Argi letum, «кончина Арга», и сочинили легенду о каком-то Арге, убитом аркадцами без ведома Эвандра.

Стих 347. *Тарпейская гора* — Капитолийский холм, религиозный центр Рима. Собственно, свое имя Тарпейский холм получил, согласно традиции, только при Ромуле, Капитолийским же был назван при шестом царе, Сервии Туллии.

Стих 361. *Карины* — аристократический квартал в Риме.

Стих 379. *...перед царскими я была в долгу сыновьями...* — Собственно, перед Парисом, отдавшим Венере первенство в споре о красоте.

Стих 384. *...внял ты Авроры слезам и мольбам Нереиды.* — Вулкан выковал доспехи для Мемнона, сына Авроры, и для Ахилла, сына Фетиды (Фетида была дочерью Нерея).

Стих 454. *Бог лемносский...* — На остров Лемнос Вулкан был сброшен с неба Юпитером.

Стих 480. *...прибыл из Лидии он...* — О лидийском происхождении этрусков говорят многие античные авторы.

Стих 499. *Меонийцы* — лидийцы, здесь в применении к этрускам.

Стих 587. *Церейская река* — Церетан близ города Цере в Этрурии.

Стих 625. *Щит несказанный.* — Описание изображений на щите — дань гомеровской традиции; образцом послужило описание щита Ахилла в «Илиаде» (XVIII, 478—607). Тема изображений на щите — события римской истории.

Стихи 635—636. *...похищены были... сабинские девы...* — См. примеч. к «Энеиде», VII, 709.

Стих 638. *Татий* — вождь сабинян.

Стих 639. *...прекратив сраженье...* — Похищенные сабинянки остановили битву между римлянами и сабинянами, Татий переселился в Рим, где царствовал вместе с Ромулом.

Стихи 643—644. *Меттий.* — Альбанский царь Меттий Фуффетий предложил решить спор между Римом и Альбой поединком сильнейших. После победы римлян Меттий задумал измену и за это был наказан: по приказанию римского царя Тулла Гостилия был разорван двумя колесницами, к которым его привязали.

Стихи 646—651. *Порсенна* — этрусский царь. Война с Порсенной (VI—V вв. до н. э.) началась потому, что он требовал возвращения изгнанного римлянами царя *Тарквиния* Гордого и его семьи. Гораций *Коклес* отбивал этрусков от деревянного моста и, когда он был сломан, бросился в Тибр, и в доспехах

переплыл его; *Клемя*, выданная заложницей Порсенне, вернулась в Рим, переплыв Тибр на коне.

Стих 653. *Манлий* — Тит Манлий Торкват, защитник Рима, осажденного галлами, которые ночью поднялись тайно на Капитолий (Тарпейскую твердыню). Однако священные гуси, услышав шорох шагов, подняли гогот и привлекли охранявших крепость римлян.

Стих 663. *Фламины* — римская коллегия жрецов.

Стих 664. *...щиты, упавшие с неба...* — По преданию, особый продолговатый щит упал с неба в руки царю Нуме Помпилию в дни чумы — в знак грядущего спасения. Чтобы лучше сохранить его, Нума приказал изготовить одиннадцать его копий и поручил все щиты попечению салиев.

Стих 665. *...луперков нагих...* — жрецов Пана и Луперка, отождествляемого с Паном. Во время празднества в честь божества («луперкалий») луперки в одних фартуках бежали по городу, нанося встречным удары ремнем из шкур жертвенных коз. Считалось, что удары луперков исцеляют от бесплодия. *...повозок праздничный поезд...* — Торжественное шествие женщин в повозках устраивалось в Риме на празднике в честь Цереры и в честь Феронии.

Стих 668. *Катилина* — вождь заговора против республики в середине I в. до н. э.

Стих 670. *...Катон, им дающий законы.* — Катон здесь в роли Миноса или Радаманта — судей в подземном царстве. Какой из Катонов — Марк Порций Катон (III—II вв. до н. э.), известный своей суровой добродетелью, или Катон Утический, политический деятель и философ-стоик (I в. до н. э.), здесь имеется в виду, — трудно определить. Катон Утический мог противопоставляться Вергилием Катилине, как ярый республиканец — врагу республики, по как покончивший с собой он не может находиться в «сонме праведных».

Стих 675. *Актийская битва* — битва при Акциуме.

Стих 681. *...звездой... отчей...* — В дни погребения Юлия Цезаря появилась комета, которую его сторонники объявили знаменем, свидетельствующим о его обожествлении. В битве Цезарь как бы осеняет сына своей божественной силой.

Стих 682. *Агриппа* — Марк Випсаний Агриппа, сподвижник Августа.

Стих 684. *Ростральный венок* — награда победителю в морском сражении, металлический венок, украшенный изображениями корабельных носов. Агриппа был награжден за победу над Секстом Помпеем — сыном Помпея, врагом Августа.

Стих 688. *Бактры* — племена, жившие к востоку от Каспийского моря. *Жена-египтянка* — Клеопатра.

Стих 696. *Систр* — металлическая трещотка, применявшаяся для обрядов в честь богини Изиды.

Стих 697. *...не видит змей ядовитых.* — Царица еще не знает о своей близкой смерти от укуса змеи, — таким способом Клеопатра покончила с собой после победы Октавиана.

Стих 698. *Анубис* — древнеегипетский бог смерти, изображался с головой шакала. Битва при Акциуме изображается как столкновение римских богов с восточными.

Стих 707. *...царица сама...* — Клеопатра бежала на своем корабле еще до того, как решился исход боя.

Стих 710. *...япигский ветер...* — западный ветер, дующий из Апулии (древняя Япигия).

Стих 712. *...одежды свои на груди распянул...* — Знак гостеприимства и прощания с гостем у древних.

Стих 714. *Тройной триумф* Август справил как победитель при Акциуме, победитель далматинских племен и завоеватель Александрии.

Стих 716. *...триста... освящая храмов...* — После битвы при Акциуме Август восстановил в Риме множество храмов.

Стих 725. *Мульцибер* — прозвище бога Вулкана.

Стих 725. *Гелоны* — см. примеч. к «Георгикам», II, 115. *Карийцы, лелеги* — народы Малой Азии.

Стихи 726—727. *Евфрат, Рейн, Аракс.* — Реки, названные Вергилием, олицетворяют народы, живущие около них; все они идут как пленники в триумфе Октавиана.

Стих 728. *Даги* — обитатели современного Дагестана. *Морины* — племена, населявшие побережья современной Бельгии.

Книга девятая

Стих 5. *Тавмант* — сын Земли и Океана, отец Ириды и Гарпии.

Стих 10. *Корит* — основатель одноименного города в Этрурии.

Стих 82. *Сын* — Юпитер. *Берекинфская Матерь* — Кибела.

Стих 112. *Хор идейский* — все спутники Кибелы.

Стих 121. Строка эта, повторяющая стих 223 книги X, является позднейшей вставкой и отсутствует в лучших рукописях.

Стих 177. *Охотница Ида* — нимфа горы Иды Фригийской.

Стих 264. *Арисба* — город в Трояде, покоренный Энеем еще до Троянской войны.

Стих 388. *Альбан* — местность под Римом, где в эпоху Вергилия находилось множество загородных вилл.

Стих 449. *Родитель римлян* — по одним толкованиям — Август, по другим — Юпитер Капитолийский.

Стих 505. *...черепашой построившись...* — подняв над головой и соединив щиты. На эти щиты взбирался новый строй, образуя новую «черепашу».

Стих 525. *Каллиопа* — муза эпической поэзии.

Стих 529. Эта строка, повторяющая стих 645 книги VII, является позднейшей вставкой.

Стих 566. *Марсов... волк...* — Волк посвящен Марсу, поскольку волчица вскормила близнецов Ромула и Рема, сыновей Марса.

Стих 582. *...иберийским... соком...* — испанским пурпуром.

Стих 584. *...над током Симета...* — Симет — река в Сицилии.

Стих 585. *...Паликов алтарь... примиренный.* — Культ близнецов Паликов, сыновей Зевса, в сицилийском городе Палике у подножия Этны был связан с человеческими жертвоприношениями. «Примиренный» означает, что божества были умиловлены и человеческие жертвы прекращены.

Стих 588. *...расплавляясь...* — Древние полагали, что свинцовые слитки, которые мечут из пращи, расплавляются в воздухе.

Стих 618. *Дундим* — фригийская гора, посвященная Кибеле.

Стих 644. *Троя тесна для тебя!* — «Македония тесна для тебя», — говорили об Александре Македонском.

Стих. 680. *Пад, Агез* — итальянские реки, ныне По и Адиджи.

Стих 710. *Байи* — курортная местность на берегу Неаполитанского залива.

Стихи 715—716. *Прохит, Инарима* — острова Неаполитанского залива.

Стихи 12—13. ...*Карфаген... будет гибелью страшной грозить...* — Здесь предсказываются Пунические войны. ...*отверстые Альпы...* — Вождь карфагенян Ганнибал совершил переход через Альпы и вторгся в Италию.

Стих 28. *Тидид* — Диомед. *Арпы* — позднейшее название города, основанного Диомедом.

Стих 30. ...*вновь против смертного биться оружия.* — В битве под Троей Диомед ранил Венеру («Илиада», V, 330 и след.).

Стих 51. *Амафунт, Пафос, Кифера* — центры культа Венеры, со знаменитыми храмами.

Стих 76. *Венилия* — нимфа; сравнение ее с Венерой оскорбительно для богини.

Стих 80. ...*оружье вешать на мачтах?* — Имеется в виду обычай римлян вывешивать на мачте или на носу преторского (флагманского) судна щит в знак начала войны.

Стихи 81—82. ...*спасти от рук ахейцев Энея...* — Нептун по просьбе Венеры скрыл Энея в тумане и унес его из поединка с Ахиллом («Илиада», XX, 318—335).

Стих 128. *Лирнесец* — из города Лирнесс в Мизии (Малая Азия).

Стих 136. *Теребинт орикийский* — черное дерево из города Орика в Эпире.

Стихи 141—142. ...*в краю Меонийском... Пактол золотой...* — Река Пактол в Лидии считалась золотоносной.

Стих 145. ...*Капис, что дал кампанскому городу имя.* — Капис считался основателем Капуи.

Стих 154. *От запретов рока свободен...* — Прибытие иноземного вождя снимает запрет, явленный в знаменьях (см.: «Энеида», VIII, 498—503), и дает этрускам возможность выступить против Мезенция.

Стихи 157—158. ...*на носу фригийские львы, и над ними Ида...* — Корабль Энея посвящен Кибеле, поэтому украшен эмблемами ее культа: львами из колесницы богини и символическим изображением Иды Фригийской — ее обиталища.

Стихи 168—172. *Коза, Клузий, Популония* — города Этрурии.

Стих 171. *Аполлон золоченый* — эмблема бога-покровителя корабля (как эмблемы Кибелы на корабле Энея),

Стих 173. *Остров Ильва* — ныне Эльба.

Стихи 176—177. *...чрева отверстые жертв...* — Вергилий называет четыре вида гаданий, которым римляне научились от этрусков: гадание по внутренностям принесенных в жертву животных, предсказание по звездам, гадание по птицам и по месту, в которое ударила молния.

Стих 188—193. *...чудесном отца превращенье?* — Лигуриец Купавон — сын Кикна, превращенного в лебедя в то время, когда он оплакивал смерть своего друга Фартона. *...под сенью сестер...* — сестер Фартона, превращенных в пирамидальные тополя.

Стих 199. *Манго* — дочь фиванского прорицателя Тиресия.

Стих 202. *...три здесь народа живут...* — греки, этрусски, умбры.

Стих 205. *...Минций, Бенака сын, тростником увенчанный бледным...* — На корабле Окна — изображение бога реки Минция. Бенак — бог озера Бенак, откуда вытекает Минций. Венок из тростника — атрибут речного божества.

Стих 250. *Ахлизид* — Эней, сын Анхиза.

Стих 315—316. *...посвященный Фебу...* — Дети, появившиеся на свет с помощью кесарева сечения, посвящались Фебу-Аполлону как богу-исцелителю.

Стих 350. *...Борей... потомков...* — Борей считался основателем царского дома во Фракии.

Стих 389. *...осквернивший мачехи ложе...* — Анхемол бежал к Давну, отцу Турна, спасаясь от преследований своего отца, узнавшего о любовной связи сына и своей жены (мачехи Анхемол) Касперии.

Стих 439. *...благая сестра* — нимфа Ютурна (Диутурна), древнее италийское божество.

Стих 470. *...многие дети богов погибли.* — Имеются в виду Сарпедон, сын Юпитера, убитый Патроклом; Ахилл, сын Фетиды, убитый Парисом; Кикн, сын Нептуна, убитый Ахиллом; Аскалаф, сын Марса, убитый Деифобом; Мемнон, сын Авроры, убитый Ахиллом.

Стихи 497—498. *...дев преступленье...* — На перевязи Палланта изображено преступление Данаид (дочерей Даная), которые, выйдя против воли за сыновей Египта, в ночь свадьбы умертвили мужей, по приказанию своего отца Даная.

Стих 517. *Сульмон* — местность в области вольсков; это же имя Вергилий дает Сульмону, убитому Нисом (IX, 412).

Стих 519. ...*в жертву манам принесть...* — то есть при погребении Палланта умиловить подземных богов и души умерших человеческими жертвами.

Стих 542. *Градив* — Марс.

Стих 564. ...*царь молчаливых Амикл...* — Амиклы — небольшой приморский город в Лации, основанный выходцами из одноименного лаконского города. Ко времени Вергилия город уже не существовал; по преданию, жители его, бывшие все учениками Пифагора, не смели убивать кишаших там змей и были вынуждены оставить город. Эпитет «молчаливый» может относиться к покинутому городу. Другое толкование связывает его с легендой о лаконских Амиклах, погибших из-за того, что, свято выполняя закон о молчании, изданный во избежание ложных слухов, граждане города не посмели нарушить его, даже когда город был извещен о приближении врагов — дорийцев.

Стих 704. ...*в чреве носившая факел...* — См. примеч. к «Энеиде», VII, 320.

Стих 761. *Тизифона* — одна из трех фурий; здесь она возбуждает ярость сражающихся.

Стих 764. *Орион* — великан-охотник; по некоторым сказаниям, он сын Нептуна, обладавший способностью ходить по воде. Однако у Феокрита и Вергилия он идет по морю благодаря своему непомерному росту.

Стих 773. *Вы, о боги мои, копье и рука!* — Вместо традиционного воззвания к богам и мольбы о помощи Мезенций, «враг надменный богов» (в оригинале — «презирающий богов»), обращается, как к божествам, к своей руке и копыю.

Стихи 774—775. *Победы памлтник...* — так называемый трофей: столб, который воздвигали на поле боя, повесив на него весь доспех побежденного. Мезенций намерен облечь этим доспехом сына.

Стих 872. Этот стих, повторяющий стих 668 книги XII, считается позднейшей вставкой.

Книга одиннадцатая

Стихи 3—4. ...*хоть печаль мрачит ему душу... спешит богам обеты исполнить.* — В комментариях Сервия это место толкуется следующим образом: по римскому обычаю, оскверненные похоронами не приносили жертвы. Если же приходилось объ-

единять похороны и жертвоприношения, то старались совершить сначала обряд жертвоприношения.

Стих 6. *Трофей*. — См. примеч. к «Энеиде», X, 774—775. *Владыка сражений* — Марс.

Стих 33. *Паррасийцы* — аркадцы (см. примеч. к «Энеиде», VIII, 344).

Стих 51. *...небесам ничего уж не должен!* — Римляне считали, что у человека при жизни долг по отношению к «вышним», «небесным» богам; после смерти он «должен» только богам подземного царства, «нижним», как их называли римляне.

Стих 93. *...с копьями вниз острием...* — воинский похоронный обычай; обратной стороной поворачивали и щиты, чтобы не осквернять видом мертвого изображенные на них божества.

Стих 143. *...как обычай велит...* — По римскому обряду погребения, умершего встречали вне стен города ночью с факелами. Вергилий приписывает этот обычай аркадцам.

Стих 194. *...с раскаленной осью колеса...* — Ось колеса боевой или спортивной колесницы раскалялась от быстрого движения. Эпитет «раскаленный» настолько прочно сросся для римских поэтов с понятием оси, что Вергилий употребил его и здесь, где речь идет о неподвижных колесницах.

Стих 215. *Души любимых сестер...* — В переводе сохранен поэтический перифраз (вместо «любимые сестры»), свойственный Гомеру и порой воспроизводимый Вергилием.

Стих 246. *...в честь города предков...* — Имеется в виду город Аргос-Гипион в Пелопоннесе. *Арпы* (стих 250) — позднейшее название Аргирипы.

Стих 247. *Гарган* — хребет в Апулии.

Стих 260. *...злая Минервы звезда...* — очевидно, буря, посланная Минервой, чтобы погубить флот Аякса, сына Оилея (см. «Энеиду», I, 39 и след.). Древние считали, что бури вызываются влиянием светила. *...Кафарей и утесы Эвбеи*. — Кафарей — скалистый мыс на острове Эвбея, где разбивались греческие корабли.

Стих 262. *Столбы Протея* — смелое поэтическое обозначение острова Фарос у берегов Египта, где Менелай получил предсказание от Протея (см. «Одиссею», IV, 351 и след.). Столбами Протея Фарос назван потому, что он представляет собой как бы крайнюю восточную точку Средиземного моря, подобно тому

как Столбы Геркулеса (Гибралтар) — его крайнюю западную точку.

Стих 266. ...*сам властитель Микен...* — Агамемнон. Перестановка стихов по сравнению с рукописью принята во всех изданиях.

Стих 268. *Прелюбодей* — Эгисф, любовник Клитемнестры, жены Агамемнона (см. также примеч. к «Энеиде», III, 331).

Стих 264. *Докры* — спутники Аякса, сына Оилея, отнесенные бурей к берегам Африки и там поселившиеся. Злоключения ахейцев на пути из Трои составляли сюжет не дошедшей до нас послегомеровской эпической поэмы «Возвращения».

Стих 272. ...*спутников вижу моих...* — Спутники Диомеда были превращены Венерой в стонущих птиц и должны были летать между рекой и морем.

Стих 286. ...*к стенам инахийским...* — то есть в Аргос.

Стих 405. *Авфид* — река в Апулии, впадающая в Адриатическое море.

Стих 457. *Падуза* — рукав реки Пада (По).

Стих 463. *Манипул* — римское воинское подразделение; легион состоял из тридцати манипулов.

Стих 540. *Приверн* — город Лация, принадлежавший сначала вольскам.

Стихи 542—543. *Касмила, Камилла* — древнейшее латинское имя, имеющее множество значений мифологического и религиозного характера: 1) Камилл — бог-служитель Великих богов в мистериях Самофракии, 2) Камилл — имя Меркурия у этрусков, 3) камиллы — низшие служители культов у пеласгов, этрусков и римлян, 4) камиллами называли детей знатных фамилий, специально определенных в культовых церемониях для поднесения обрядовых предметов — кувшина с водой, соли, муки. Вергилий делает Камиллу жрицей Дианы, посвященной богине с рождения, — имя «Камилла» сохраняет свой сакральный смысл.

Стих 659. *Так во Фракийском краю...* — Для Вергилия Фракия — крайний север, поэтому «застыла» вода реки Термодонта. Амазонки считались фракиянками.

Стих 661. *Ипполита* — дочь Марса, амазонка, взятая в плен Тесеем, мать Ипполита.

Стихи 701—702. ...*хитрец не последний среди лигурийцев...* — У лигурийцев была репутация обманщиков; Сервий при-

водит даже мнение Катона, что «все лигурийцы обманщики».

Стих 721. *...священный хищник...* — ястреб; по полету ястребов гадали прорицатели-авгуры.

Стих 737. *...кривые флейты...* — фригийские флейты с загнутым верхним концом и широким раструбом.

Стих 773. *...с рогом ликийским...* — с луком. *...гортинские стрелы...* — критские (Гортина — город на острове Крите). Ликийцы и критяне славились как стрелки из лука.

Стих 785. *...Аполлон, хранитель Соракта!* — На вершине горы Соракта в Этрурии, неподалеку от Риса, был культ древнеиталийского божества Вейовиса, в котором впоследствии признали Аполлона. Обряд жертвоприношений ему сопровождался шествием жрецов (гирпов, гирпинов) по пылающим бревнам. Сервий цитирует Варрона, утверждавшего, что ступни жрецов смазаны особым составом.

Книга двенадцатая

Стих 83. *Орифия* — жена северного ветра Борей.

Стих 91. *...в волны Стикса клинок погрузив...* — Согласно верованиям древних, меч, закаленный в воде Стикса, не мог ни переломиться, ни притупиться.

Стих 120. *...увенчавши вербеной.* — Римский обычай: особые жрецы, совершавшие обряды заключения мира или объявления войны, венчали голову сорванной на Капитолии вербеной. Но уже Сервий замечает по поводу этого стиха: «Однако мы уже неправильно именуем вербеной всякую освященную зелень: и лавр, и оливу, и мирт».

Стих 164. *...внуков Солнца...* — Марика, мать Латина, отождествлялась, по свидетельству Сервия, с дочерью Солнца Цирцеей.

Стих 200. *...Отец, освящающий молнией узы!* — Юпитер, поражающий клятвопреступников, нарушителей договора.

Стих 347. *Долон* — троянский герой, убитый Диомедом, когда он шел в ночную разведку к ахейскому стану («Илиада», X, 314 и след.).

Стих 366. *Эдонийский* — Фракийский (от названия горы Эдон).

Стих 401. *Пеаниды* — врачеватели, потомки Пеана, божественного врачевателя.

Стих 419. *Сок амвросии* — напиток богов, исцеляющий смертных.

Стих 474. *Атрий* — открытый внутренний дворик римского дома; в середине его всегда находился бассейн (первоначально — для сбора дождевой воды).

Стих 516. *Фебовы пашни*. — Имеется в виду Ликия, где в городе Патаре был знаменитый храм и прорицалище Аполлона (Феба).

Стих 518. *Лерна* — река в Аркадии.

Стихи 539—540. *...тебя, Купенк... боги твои не спасли...* — По толкованию Сервия, Купенк — жрец; его не спасли боги, служителем которых он был.

Стихи 612—613. Эти строки, повторяющие стихи 471—472 книги XI, являются позднейшей вставкой.

Стих 715. *Сила* — см. примеч. к «Георгикам», III, 219. *Табурн*. — См. примеч. к «Георгикам», II, 38.

Стих 725. *Сам Юпитер...* — Образ Юпитера, взвешивающего судьбы сражающихся, заимствован у Гомера («Илиада», VIII, 60—74; XXII, 209—213).

Стих 750. *Пугающие перья*. — Цепочкой красных перьев оцепляли лес, где травил зверя.

Стих 795. *...будет Эней Индигет, судьбой до звезд вознесенный*. — Юпитер предсказывает обожествление Энея. Культ Энея Индигета — культ Энея как местного бога.

Стихи 845—852. *Дуры* — по большей части преданий, то же, что фурии — обитающие в подземном царстве (см. «Энеиду», VI, 280). По преданию, использованному здесь Вергилием, в Тартаре находится только Мегера; Тизифона же и Аллекто — в преддверии Олимпа.

Н. Старостина

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Приложение» включает в себя как юношеские стихотворения Вергилия, так и приписанные ему позднее. На фоне несомненной авторской принадлежности «Буколик», «Георгик» и «Энеиды» в данном случае авторство Вергилия всегда представлялось сомнительным и вызывало неясные споры.

Еще знаменитый комментатор Вергилия Сервий (V в. н. э.) перечислил в своем обширном труде восемь юношеских произведений Вергилия: «Комар», «Скопà», «Проклятья», «Трактирщица», «Завтрак», «Этна», «Меценат», «Смесь». Упоминаются некоторые из этих стихотворений и у других античных авторов. Позднее, в эпоху гиперкритического подхода к текстам, все юношеское наследие Вергилия было отвергнуто как неподлинное. Исключение составили только V и VI стихотворения из «Смеси». Однако сейчас гиперкритический негативизм уступает место более гибкому анализу. Таким образом, можно полагать, что если и не все стихи, традиционно включаемые в «Приложение», написаны самим Вергилием, то некоторые из них все-таки принадлежат ему, а некоторые написаны членами того же поэтического кружка. Тем не менее и в настоящее время существуют крайние точки зрения: так, немецкий филолог Бюхнер (и его последователи) отрицает авторство Вергилия во всех случаях, кроме упомянутых двух эпиграмм, а итальянский литературовед Ростаньи (и большинство итальянских ученых) вслед за Сервием приписывает Вергилию все перечисленные произведения.

Из двух эпиллиев, помещенных в настоящем «Приложении», «Комар» почти наверняка принадлежит Вергилию — в отличие от «Скопы», написанной, по всей видимости, после «Энеиды» (о «Скопе» см. ниже). «Проклятья» и «Лидия» (объединявшиеся большинством манускриптов под общим названием «Проклятья») явно соотносятся с биографией Вергилия, и нет оснований считать, будто они написаны кем-то другим, как и большая часть «Смеси». В «Трактирщице» заметно подражание Катутлу (Бюхнер), однако Вергилий в годы ученичества не миновал влияния Катутла. «Завтрак», вероятно, представляет собой перевод, но тематика этого стихотворения столь близка склонностям и интересам Вергилия, что и тут нет оснований отрицать его авторство. «Этна» и элегия на смерть Мецената в «Приложение» не включены, поскольку несомненно не принадлежат Вергилию.

КОМАР

Этот эпиллий написан Вергилием в шестнадцатилетнем возрасте, когда он учился в Риме. По мнению большинства исследователей, в «Комаре» пародируется стиль ратора Эпидия, пре-

подававшего как Вергилию, так и его младшему другу Октавию, адресату поэмы. Однако Ф. Зелинский небезосновательно предполагает, что «Комар» — перевод с греческого.

Стих 1. *Октавий* — Октавиан Август, звавшийся Гаем Октавием до своего усыновления Юлием Цезарем.

Талия — см. «Буколики», VI, 2.

Стих 14. *Арна* — город в Ликии. *Ксанф*. — См.: «Энеида», IV, 143—144.

Химера — трехглавое огнедышащее чудовище, обитавшее в Ликии, а также название огнедышащей горы в Ликии.

Стих 15. *Астерия* — старинное название Делоса, родины Аполлона.

Стих 18—19. *...украшение Пиерии... наяды...* — музы, обитавшие на берегах пиерийских ручьев.

Стих 26—28. Имеется в виду битва на острове Флегре, где были побеждены гиганты и восторжествовали олимпийские боги.

Стих 29. О войне кентавров с лапидами см. примеч. к «Георгикам», II, 455—457.

Стих 30. Здесь речь идет о сожжении Афин персами (*Кекроп* считался первым царем Аттики).

Стих 31. *Афон* — см. примеч. к «Георгикам», I, 332.

Стих 33—34. Персы переправились в Европу из Азии в самом узком месте Геллеспонта — там, где этот пролив переплывал влюбленный Леандр, а впоследствии и Байрон.

Стих 63. *Аттал* — имя нескольких пергамских царей, отличавшихся неимоверным богатством. Один из них, Аттал III, составил завещание в пользу римского народа.

Стих 67. Скульптор *Боег* упоминается и в «Естественной истории» Плиния.

Стих 74. *Тмол*. — См. примеч. к «Георгикам», I, 56.

Стих 87. *...благовоный панхайский...* — См. примеч. к «Георгикам», II, 139.

Стих. 94. *Паны* — лесные и полевые божества (фавны и сильваны), отчасти сходные с греческим Паном по функции, но не по значимости.

Темпейские доли. — См. примеч. к «Георгикам», II, 469.

Стих 95. *Гамадриады*. — См. примеч. к «Буколикам», X, 62.

Стих 96. *Аскрейский поэт*. — См. примеч. к «Буколикам», VI, 70.

Стих 101. *Гиперионов огонь* — лучи солнца. Гиперион титан, отец Гелиоса и Селены, часто отождествляемый с Солнцем.

Стих 110. *Делийская дева-богиня* — Диана, отождествлявшаяся с Луной.

Стих 111—112. *Никтемий* — Вакх. *Агава* — фиванская царица, дочь Кадма и родная сестра матери Вакха Семелы. Охваченная дионисийским безумием, она растерзала своего сына Пенфея (на основе этого мифа написаны «Вакханки» Еврипида).

Стих 117. *Гебр*. — См. примеч. к «Буколикам», X, 65.

Стихи 123—126. Речь идет о встрече Одиссея с лотофагами («Одиссея», IX, 83 сл.), которые накормили его спутников лотосом, так что те, одурманенные, забыли о цели своего путешествия.

Стихи 131. Здесь имеется в виду Филлида, дочь фракийского царя Ситона, покинутая своим возлюбленным Демофоонтом, сыном Тесея, и обратившаяся в миндальное дерево.

Стих 134. Имеется в виду оракул Юпитера в Додоне (Эпир), знаменитый своей священной дубравой.

Стих 136. *Триптолем*. — См. примеч. к «Георгикам», I, 19.

Стих 137. *Арго*, корабль аргонавтов, был построен из сосны.

Стр. 145. В мирт обратилась Мирра, мать Адониса, находившаяся в кровосмесительной связи со своим отцом Киниром. Аналогичное предание имеется о Мирсине, жрице Венеры.

Стих 202. *Эреб*. — См. примеч. к «Георгикам», IV, 471.

Стих 203. *Веспер*. — См. примеч. к «Георгикам», I, 251. *Эта*. — См. примеч. к «Буколикам», VIII, 30.

Стр. 214. *Маны*. — См. примеч. к «Георгикам», I, 243.

Стих 216. *Харон*. — См. примеч. к «Энеиде», VI, 299.

Стих 218. *Тизифона*. — См. примеч. к «Энеиде», VI, 555.

Стих 220. *Цербер*. — См. примеч. к «Георгикам», IV, 483.

Стих 232. *...среди рощ киммерийских*. — Киммерийцы — фракийское племя, обитавшее в Крыму.

Стих 235. *От и Эфиальт* — близнецы Алоады (сыновья гиганта Алоэя), пытавшиеся взобраться на небо, взгромоздив Пелион на Оссу (Пелион и Осса — горы в Фессалии).

Стих 237. *Титий* — См. примеч. к «Энеиде», VI, 596.

Стих 241—242. Имеется в виду Тантал, сын Юпитера, разглашавший секреты, услышанные на пиру богов. За это он осужден томиться голодом и жаждой, хотя еда и питье находятся рядом.

Стихи 243—244. Имеется в виду Сизиф (см.: «Георгики», III, 39).

Стихи 245—247. Речь идет о Данаидах (см.: «Энеида», X, 487).

Стихи 249—250. Здесь речь идет о Медее, супруге аргонавта Ясона, которая, когда Ясон ей изменил, убила своих детей.

Стих 252. *Итис* — сын Прокны, племянник Филомелы (см.: «Буколики», VI, 79). *Бистонийский владыка* — Терей, супруг Прокны (бистонийский — фракийский).

Стих 254. Здесь имеются в виду фиванские царевичи Этеокл и Полиник, потомки Кадма, сыновья Эдипа, убившие друг друга во время войны за престолонаследие.

Стихи 262—264. *Алkestида* — супруга Адмета, царя Фер Фессалийских, согласившаяся умереть вместо своего мужа.

Стих 265. Речь идет о Пенелопе, дочери Икария, супруге Улисса, ожидавшей его двадцать лет.

Стихи 268—269. Когда супруга Орфея Эвридика погибла, укушенная змеей, он уговорил Дита и Прозерпину (очаровав их пением) отпустить ее из ада, однако в пути ему запрещено было оборачиваться. Спеша увидеть Эвридику, Орфей все-таки обернулся, и она вновь превратилась в тень.

Стихи 297—300. *Эак* — царь Эгины, за свою праведность назначенный судьей в подземном мире. Его сын Пелей был участником похода аргонавтов, супругом морской богини Фетиды и отцом Ахилла. Теламон убил третьего сына Эака (Фока), был изгнан и в конце концов стал царем Саламина и отцом Аякса, соперника Улисса, которому посвящена трагедия Софокла «Аякс биченосец». Матерью Аякса была Гесиона, доставшаяся Теламону от Геркулеса как пленница. И Ахилл, и Аякс погибли под Троей, причем последнего перед смертью Афина лишила рассудка.

Стих 306. *Тевкр*. — См.: «Энеида», I, 29.

Стих 307. *Симоент*. — См.: «Энеида», I, 100. *Сигейский берег* — «Энеида», II, 312.

Стих 309. ...до судов... пеласгийских... — см. примеч. к «Энеиде», I, 624.

Стих 311. *Ида*. — См.: «Георгики», IV, 41.

Стих 313. *Ретейский*. — См. примеч. к «Энеиде», III, 108.

Стих 323. ...дарданской кровью... — т. е. троянской, см.: «Буколики», II, 61.

Стих 327. *Отпрыск Лазрта* — Одиссей (Улисс).

Стих 328—329. *Рес*. — См.: «Георгики», IV, 462. *Долон*. — См.: «Энеида», XII, 347.

Стих 329—330. *Киконы*. — См. примеч. к «Георгикам», IV, 520. *Лестригоны* — племя, обитавшее в Кампанье или на Сицилии. Первоначально представлялись великанами-людоедами, живущими где-то на дальнем Западе. С ними встретился Улисс во время своих странствий.

Стих 331—332. *Сцилла* и *Харибда* описаны в «Энеиде» (III, 420—429). *Молосские псы* — охотничья порода, разводившаяся в Эпире.

Стих 332. *Скотник этнейский* — циклоп — Полифем, ослепленный Улиссом.

Стих 334. Тантал был прадедом Агамемнона.

Стих 335. *Эрихтония... стены* — здесь: Троя, так как Эрихтоний был сыном Дардана.

Стих 354. *Кафарей*. — См. примеч. к «Энеиде», XI, 260.

Стих 361. *Фабии*. — См. примеч. к «Энеиде», VI, 846. *Деций*. — См. примеч. к «Георгикам», II, 169. *Гораций* — это П. Гораций Коклес, который во время войны римлян с союзником изгнанных Тарквиниев, царем Порсенной (500 г. до н. э.), защитил мост через Тибр.

Стих 362. *Камилл*. — См.: «Энеида», VI, 825.

Стих 363. *Курций* — здесь Марк Курций, который в 362 г. до н. э. бросился на коне в полном вооружении в пропасть, образовавшуюся на римском форуме. После этого пропасть сокнулась. Отсюда название Курциева озера на Форуме.

Стих 365. *Муций* — знаменитый Г. Муций Сцевола, который, будучи схвачен Порсенной, сжег свою правую руку на очаге, чтобы показать царю бесстрашие римлян.

Стих 366. *Владыкой лидийцев* здесь назван этруск Порсенна, т. к. этруски, по преданию, происходили из Малой Азии. Эта легенда сейчас подтверждается лингвистическим и археологическим материалом (см. также: «Энеида», II, 782).

Стих 367. *Курий* — М. Курий Дентат, который успешно сражался с Пирром (275 г. до н. э.) и считался образцом староримской добродетели.

Стих 368. *Фламиний* — этот персонаж римской истории неизвестен. Однако, возможно, следует читать это неясное в рукописи имя «Цецилий», и тогда речь идет о Л. Цецилии Метелле, который в 141 г. до н. э. был великим понтификом и потерял зрение, вынося Палладий (изображение Минервы, залог сохранности Рима, вывезенный из Трои) из горевшего храма Весты.

Стих 370. *Сципионы*. — См.: «Георгики», II, 169—170.

Стих 402. В лавр обратилась Дафна, возлюбленная Феба-Аполлона — в ее честь бог носит лавровый венок.

Стих 406. *Боксом* звали мавританского царя, отца знаменитого Югурты, однако упомянутое растение названо, видимо, в честь какого-то более древнего Бокха. Неизвестно, что за растение имеется в виду.

Стих 408—409. *Нарцисс* — сын речного бога Кефиса, влюбился в свое собственное отражение в ручье и умер от любви. После смерти обратился в цветок.

СКОПА

Эта поэма вряд ли принадлежит Вергилию, так как многие ее строки перекликаются с более поздними произведениями поэта, в том числе с «Энеидой». Однако нельзя исключить, что «Скопа» была начата Вергилием в юности, а после его смерти этот труд закончил какой-то член того же поэтического кружка. Во всяком случае, имеется несомненный разрыв между обращением к Мессале и самой историей Сциллы.

Поэма названа именем птицы, в которую превращается главная героиня. Аналогичный сюжет (и то же название птицы) содержится в «Метаморфозах». В обоих случаях речь идет о морской птице *сiris*, название которой этимологически связывается с греческим *στρίων* (стричь, отсекаль). Поэтому автор и говорит, что имя это заслужено (ст. 488). Описание облика *сiris*, среды ее обитания и ее поведения заставляют с большой вероятностью предположить, что речь здесь идет о скопé. Ско-

па — крупная хищная птица, ведущая одинокий образ жизни на берегах морей (озер, рек), способная парить подобно орлу и обитающая, в частности, на юге Европы. В повадках и облике скопы есть много общего с орланом (в которого превратился отец Сциллы), но она меньше и слабее. Скопа — единственная птица, соответствующая всем «требованиям» поэмы (морская, хищная, одинокая, отчасти сходная с орланом, но уступающая ему в силе).

Стих 3. *Аттический сад* — сад в Афинах, где обычно учил Эпикур («сад Эпикура»).

Стих 15. *Четыре мудреца* — Платон, Аристотель, стоик Зенон и Эпикур, школы которых находились в Афинах.

Стихи 21—26. Здесь имеется в виду отмечавшийся в Афинах (названных градом Эрехтея по герою Эрехтею, воспитаннику Минервы, построившему для нее храм на Акрополе) праздник в честь Афины (Минервы) и Эрехтея, называемый Панафинейми. Малые Панафинейи устраивались ежегодно, Великие Панафинейи (о которых идет речь) — раз в четыре года, в третий год каждой олимпиады. Здесь Вергилий смешивает их с римским люстром (искупительным жертвоприношением), совершавшимся раз в пять лет. Кульминационным моментом торжества была процессия к храму Афины, где ее статуя одевалась новым роскошным покровом. Этот покров прикреплялся к мачтам священного «панафинейского корабля», который с помощью особых машин двигался по улицам (поэтому Вергилий и упоминает здесь ветры — Зефир и Эвр). На покрове были вытканы картины подвигов Афины, особенно ее победы над Гигантами.

Стих 31. *Кошениль* — красная краска, добывавшаяся из насекомых того же названия.

Стихи 32—34. *Тифей* — сын Земли, огнедышащий стоголовый великан, оспаривавший у Юпитера власть над миром. Был побежден и низвергнут в соответствии с большинством преданий самим Юпитером, но здесь — Минервой, так как упоминается именно ее оружие — золотое копьё. *Осса* — гора в Фессалии (в поэтическом языке называемой часто Эматией), недалеко от Олимпа. Легенда о попытках взгромоздить Оссу на Олимп,

чтобы добраться до неба, обычно связывается не с Тифеем (который в большинстве мифов просто бросает на небо камни), а с другими врагами Юпитера — великанами-близнецами Алоадами.

Стих 36. Поэма посвящена юному Мессале (см. стих 12), известному впоследствии покровителю поэтов М. Валерию Мессале Корвину. Он был на шесть лет моложе Вергилия, который далее и о себе пишет как о человеке, только что вышедшем из юношеского возраста. Со своим более влиятельным покровителем Меценатом Вергилий сошелся позже, будучи уже автором «Буколик», которым явно предшествует этот его первый «серьезный» опыт.

Стих 39. *Великая книга Природы*. — Намек на поэму эпикурейца Лукреция «О природе вещей». Вергилий имеет в виду, что хотел бы, но пока еще не может создать подобное произведение.

Стихи 40—41. *Неразлучно с.. мудростью... было бы имя твоё...* — скрытая цитата из знаменитой элегии Феогнида «Печать», обращенной к его другу Киру, имя которого должно стать печатью на всех стихах Феогнида.

Стих 55. *Полигимния* — муза, покровительствующая лирической поэзии.

Стихи 56—58. Сциллой называлась скала на италийской стороне Сицилийского пролива, где, по преданию, обитала чудовищная Сцилла с шестью песьими головами, губившая мореплавателей. Улисс (Одиссей) сумел, однако, проплыть между Сциллой и Харибдой (водоворотом на сицилийской стороне пролива).

Стих 60. *Кораблям Дулихийским*. — См. примеч. к «Энеиде», III, 271.

Стих 62. *Меониец* — Гомер (Меония — старое название Лидии или Трояды, а Гомер считался уроженцем Малой Азии).

Стих 63. *Ошибок виновник зловедный* — видимо, это Одиссей, поскольку в «Одиссее» он сам рассказывает о большей части своих приключений.

Стих 65. *Колофон* — город в Малой Азии, споривший со многими другими за право называться родиной Гомера.

Стих 66. *Нимфу Кратеиду* считает матерью Сциллы также и Овидий.

Стих 67. *Ехидна* — чудовище подземного мира, жена Тифея, мать различных хтонических существ. По некоторым мифам — мать Сциллы.

Стих 72. *Хозяин морской* — Нептун, супруг Амфитриты.

Стихи 74—76. Эти три стиха в рукописи неясны.

Стих 88. *Пафийский* — принадлежащей Венере (в Пафе на Кипре был ее храм). *Пагин* — мыс на юго-востоке Сицилии, где был храм Венеры, в котором, видимо, находилась надпись, содержащая упомянутый выше миф о преступлении храмовой жрицы.

Стих 92. *Пиериды* — см. примеч. к «Комару», 18—19.

Стих 101. Пандион — мифический царь Афин, отец Эрехта. *Пандионов* — афинский.

Стих 102—103. *Акгейский* — см. примеч. к «Буколикам», II, 24. *...берегов беломраморных Истма...* — Мегарида (на Коринфском перешейке), берег которой состоит из белого камня с вкраплениями розовых ракушек.

Стих 105—106. *Мегара* — город к западу от Афин, разрушенный критянами, о чем и рассказано ниже, и восстановленный Алкафоем, сыном Пелопа, давшего свое имя Пелопоннесу.

Стих 108. *Килленский шепот* — звуки лиры, подаренной Аполлону Гермесом (Меркурием), уроженцем Киллены Аркадской.

Стих 109. *...преданье о Фебе влюбленном.* — Видимо, имеется в виду любовь Аполлона к Дафне, постоянно им оплакиваемой.

Стих 110. *Минос* — см. примеч. к «Энеиде», VI, 432.

Стих 112. *Нис* — см. примеч. к «Буколикам», VI, 74.

Стих 113. *Полиид* — критский жрец, ожививший сына Миноса Главка, но отнявший у него искусство прорицания. *Керат* — река на Крите.

Стих 114. *Горгинский* — критский, см. примеч. к «Буколикам», VI, 60.

Стих 125. *Парки* (греч. мойры) — см. примеч. к «Буколикам», IV, 47.

Стихи 127—128. По Фукидиду (I, 6), древние жители Аттики закалывали волосы на голове в пучок, употребляя золотую пряжку в виде цикады.

Стихи 133—135. Речь идет об Амуре (греч. Эрот), сыне Венеры, родившей его от своего же отца Юпитера.

Стих 145. *Аквилон* — северный ветер (см. «Георгики», I, 460).

Стихи 154—155. Видимо, Сцилла должна была поклясться, что не осквернила обряд, но клятва эта была ложной.

Стих 157. *Брат Юноны* — Юпитер, родителями которого так же были Сатурн (Крон) и Рея.

Стих 161. Юнона боится стрел Амура, так как они вызывают постоянные измены ее супруга Юпитера. В Тиринфе был храм Юноны.

Стих 162. Обычно Амур поражает сердце одной стрелой. Для Сциллы он опустошает колчан, внушая ей тем самым неслыханную страсть.

Стих 165. *Земля Эдонийская* — Фракия (эдоны — название фракийского племени). Из самшита изготовлялись флейты, на которых играли в честь Кибелы, фригийской богини, культ которой носил дикие оргиастические формы. *Ида* — см. примеч. к «Георгикам», IV, 41.

Стих 169. *Сикионской кожей...* — Сикион — город в Пелопоннесе, центр обувного ремесла.

Стих 179. *Ливийское бердо* — то есть африканское, сделанное, видимо, из слоновой кости.

Стих 199. Давлида — город в Фокиде, в котором пытались укрыться Прокна и Филомела, называемые Вергилием описательно *давлидянками*. Они были дочерьми Пандиона, стало быть, родственницами Сциллы. Муж Прокны Терей, царь Давлиды, соблазнил Филомелу и вырезал ей язык, чтобы сохранить в тайне свое преступление. Но Филомела выткала письмо к Прокне, и сестры, сговорившись, убили Итиса, сына Терей и Прокны, и его мясом накормили Терей, после чего стали просить богов спасти их от гнева Терей, обратив в птиц. Филомела стала соловьем, Прокна ласточкой, а Терей удоном. Превращение в птицу в качестве семейной особенности потомков Пандиона восходит, возможно, к какому-либо архаическому мифу, еще связанному с почитанием животных (тотемов).

Стих 205. Обращение Сциллы в птицу (как и в случае с Прокной и Филомелой) не рассматривалось как наказание.

Стих 220. *Карма* — возлюбленная Юпитера, от которого родила дочь Бритомарту, любимицу Дианы, впоследствии почитавшуюся на Крите под именем Диктины, ипостаси Дианы — Луны. Первоначально Бритомарта действительно была местным критским божеством плодородия. *Феникс* — брат Кадма, первого царя Фив.

Стих 228. *Рамнусия* — богиня мести Немезида, особенно почитавшаяся в Рамнунте в Аттике.

Стих 238. *Мирра* — см. примеч. к «Комару», 145.

Стих 239. *Адрастия* (греч. «неизбежная») — эпитет Немезиды, богини мщения.

Стих 242. *Аматусия* — Венера (Аматунт — город на Кипре с храмом Венеры).

Стих 245. *Диктина* (греч. «расставляющая тенета») — эпитет Дианы как богини охоты. В данном случае речь идет о Луне, ипостаси Дианы или Бритомарты (см. примеч. к стиху 220).

Стихи 288—289. Родная дочь Кармы Бритомарта, спасаясь от преследования влюбленного Миноса, бросилась в пропасть.

Стих 299. Кносс — см. примеч. к «Энеиде», III, 11. Самые лучшие луки делали парфяне.

Стих 300. *Диктейский* — критский (Дикта — гора на Крите, посвященная Юпитеру).

Стих 303. *Афея* — эпитет Бритомарты в Эгине.

Стих 308. Гиркания — см. примеч. к «Энеиде», IV, 367.

Стих 317. Корик — город в Киликии, откуда вывозили шафран, которым окрашивались праздничные одежды.

Стих 326. *Илифия* — критская богиня, упоминающаяся в «Одиссее».

Стих 344. *Плошку с елеем склонив*. — Чтобы потушить светильник или уменьшить огонь, светильник наклонили, покрывая маслом горящий фитиль и тем уменьшая его длину.

Стих 350. *Эта* — см. примеч. к «Буколикам», VIII, 30.

Стих 353. *Эос* — заря. *Геспер* — см. «Георгики», I, 251. Здесь намек на стихи Катулла (LXII, 32—35) о стыдливых девах, которые боятся вечерней звезды.

Стих 361. Выдав Сциллу за Миноса, Нис породнился бы с Юпитером, отцом Миноса.

Стих 374. *Стигийский обряд* — обряд, посвященный подземным богам, обитающим на берегах Стикса.

Стих 376. *Амиклейская ветвь*. — Имеется в виду ветвь священного дерева, предположительно мирта или оливы, но, возможно, и лавра.

Стих 377. Фессалия считалась в древнем мире родиной и средоточием всякого рода ворожбы и черной магии. Фессалийские ведьмы подробно описаны Апулеем в «Золотом осле».

Стихи 386—390. Минос отверг Сциллу и наказал ее за предательство.

Стих 392. *Тефия* — см. примеч. к «Георгикам», I, 31.

Стих 393. *Галатея* — nereida (морская нимфа), в которую был влюблен описанный в «Одиссее» циклоп Полифем. Сестры Галатеи — nereиды (пятьдесят дочерей морского бога Нерея и Дориды, дочери Океана).

Стих 395. *Левкогея* (греч. «белая богиня») — культовый эпитет богини Ино, дочери Кадма и Гармонии, сестры Семелы, родной тетки и воспитательницы Вакха. В колесницу свою она запрыгает дельфинов и морских богов, здесь названных «двуногими конями».

Стих 396. *Палемон* — сын Ино, морской бог, отождествляемый с финикийским богом моря Мелькартом.

Стих 397. *Братья, что делают дни по жребию равною долей*. — Диоскуры Кастор и Полидевк, разделившие таким образом бессмертие, которым первоначально обладал только Кастор.

Стих 460. *Кор* — северо-западный ветер.

Стих 463. *Истм* — Коринфский перешеек, где раз в два года устраивались знаменитые Истмийские игры, посвященные Нептуну.

Стих 464. *Периандр* (668—585 гг. до н. э.) — коринфский царь, причисляемый к «семи мудрецам».

Стихи 465—467. *Скирон* — разбойник, живший в горах между Афинами и Мегарами и убитый Тезеем. Убитых Скироном путников пожирала огромная черепаха, жившая в горной пещере.

Стих 468. *Пирей* — порт Афин, небольшой город в устье реки Кефиса.

Стих 470. Саламин — остров в Саронском заливе, между Атикой и Арголидой, около которого была одержана знаменитая победа над персами (480 г. до н. э.).

Стих 471. *Киклады* — см. примеч. к «Энеиде», III, 128.

Стих 472. Гермiona — приморский город в Арголиде. На мысе Суний был на самом деле храм не Венеры, а Минервы (Афины) — тут Вергилий допустил неточность.

Стих 473. *Делос* — главный остров Кикладского архипелага, родина Аполлона и Дианы.

Стихи 475—477. *Кифн и Парос* — острова Кикладского архипелага. *Донуса* — островок из группы Спорадских, недалеко от Наксоса. *Эгина* — остров в Саронском заливе недалеко от Афин, перед Саламинским сражением давший убежище афинянам, которые покинули свой город, спасаясь от персов. *Сериф* — один из Кикладских островов.

Стих 480. *Афр* — ураганный ветер, бушующий зимой на Средиземном море.

Стих 489. *Леда* — супруга Тиндара, мать Елены и Диоскуров, возлюбленная Зевса (Юпитера), который соблазнил ее, приняв образ лебедя. Резиденция Тиндара была в Амиклах.

Стихи 496—507. Это постепенное превращение человека в птицу, видимо, навеяно знаменитой одой Горация (II, 20), в которой он описывает свое посмертное превращение в лебедя: «Уже я чувю: тоньше становятся // под грубой кожей скрытые голени — // я белой птицей стал, и перья // руки и плечи мои одели» (пер. Г. Церетели).

Стих 528—529. *Орлан* — морской орел, обладающий большим сходством с горными и иными орлами, хотя слова «орел» и «орлан» в латинском языке, в отличие от русского, не имеют звукового сходства.

Стихи 533—535. Сравнение скопы и орлана именно с созвездиями объясняется тем, что их вражда представляет собой нечто вроде конкуренции — орлан преследует и гонит скопу не для того, чтобы ее съесть, но чтобы прогнать со своей охотничьей территории.

ПРОКЛЯТИЯ

Это стихотворение относится к началу правления Октавиана Августа. В 41 г. до н. э. Август наделял землей своих ветеранов, используя для этой цели поместья как своих политических противников, так и частных лиц, имевших несчастье владеть плодородными угодьями. Таким образом на время лишился имения и Вергилий (вскоре Август вернул ему отнятые земли по протекции Мецената).

Стих 1. *Баттар* — видимо, сосед поэта, также изгнанный со своей земли.

Стих 8. *Ликург* — солдат, захвативший поместье Вергилия.

Стихи 37—39. *Борей*. — См. примеч. к «Энеиде», III, 688. *Эвр*. — См. примеч. к «Георгикам», III, 382. *Афр* — юго-западный ветер, ураганом налетавший с африканского побережья (обычно зимой).

Стих 41. Видимо, именно в этом лесу поэт встречался со своей подругой Лидией (о том, что встречи их были тайными, свидетельствует стихотворение «Лидия»).

Стих 52. Вулкан назван здесь кормильцем потому, что наиболее плодородные земли были удобрены вулканическим пеплом (имение Вергилия находилось в окрестностях Неаполя).

Стих 53. *Сирт* — здесь в поэтическом значении «жаркая пустыня» (см. также: «Энеида», IV, 41).

Стихи 89—103. Эти строки дали повод объединить «Проклятья» и «Лидию» в одну поэму, но реально между двумя стихотворениями не слишком много общего, если не считать темы разлуки с возлюбленной. В настоящее время обе элегии печатаются раздельно, но «Лидия» всегда следует за «Проклятьями».

ЛИДИЯ

Стих 26—27. Обернувшись быком, Юпитер похитил Европу, а в виде золотого дождя проник к Данае.

Стихи 40—42. Утром Луна-Селена отправляется на гору Латмос, где спит беспробудным сном ее возлюбленный Эндимион.

Стих 43. Во время посвященных Аполлону праздников по городам носили его статую в лавровом венке или разукрашенное лавровое дерево. В лавр обратилась красавица Дафна, чтобы избежать любви бога.

Стих 45. Пан не расстается со свирелью, Феб — с кифарой и т. д.

Стих 46. Имеются в виду созвездия, связанные в мифах с историей любви того или иного бога, например Орион (возлюбленный Авроры), Близнецы (Кастор и Поллукс, сыновья Юпитера) и др.

Стихи 49—50. Созвездие Венец Ариадны (или Кноссия) — к востоку от Волопаса. Ариадна, дочь Миноса, помогла Тесею убить Минотавра, однако была покинута им на острове Наксос. Там Дионис нашел ее и поместил среди звезд (по некоторым мифам — взял в жены).

Стих 54. Повязка на голове — знак достоинства свободно-рожденной женщины, связь с которой (в отличие от связи с рабыней или отпущенницей) считалась прелюбодеянием.

Стихи 69—70. То есть Венера совершила двойную измену — законному супругу Вулкану и «официальному» любовнику Марсу.

Стих 72. Речь идет об Орионе, убитом Дианой. «Старый» возлюбленный Авроры — Тифон, для которого она выпросила у богов вечную жизнь, забыв попросить о вечной молодости.

ТРАКТИРЩИЦА

Стих 1. Имя трактирщицы буквально значит «сирияночка», строго говоря, это не имя, а кличка. Раб Сириск выведен у комедиографа Теренция, что могло повлиять на выбор имени трактирщицы. Такого рода прозвища носили рабы и гетеры. Стало быть, имя указывает на чрезвычайно низкий социальный статус героини — по всей вероятности, она вольноотпущенница нестрогих нравов, зазывающая сомнительных гостей в сомнительное заведение.

Стих 16. *Ахелоида* — наядя (см.: «Георгики», I, 9).

Стих 20. *Бромий* (греч. «шумный») — эпитет Вакха.

Стих 24. Имеется в виду Приап (см. о нем: «Буколики», VII, 33, и «Георгики», IV, 111).

Стихи 35—38. Цветами украшались надгробные плиты. Героиня призывает путника использовать цветы не для похорон, а для праздника. Он, судя по всему, принимает ее приглашение, цитируя Эпикура — этой цитатой и завершается стихотворение.

ЗАВТРАК

Эта идиллия, по всей вероятности, является переделкой греческой поэмы элегика Парфения, который был взят в плен во время войны с Митридатом и затем жил в Неаполе, где обучал Вергилия греческому языку.

Стих 73. Речь идет о двух разновидностях порея: *rogius caritatus* и *rogius sectile*, различающихся луковидными.

Стих 74. *Латук* (кочанный салат) подавался к столу в конце обеда. Позднее пиршественный этикет изменился, и уже в эпоху Марциала латук стали подавать в самом начале.

Стих 111. *Палладино масло* — оливковое масло. По преданию, Афина Паллада (Минерва) подарила людям масличное дерево.

Стих 116. *Толченка* (лат. *moretum*) — острая приправа к пресной крестьянской пище.

СМЕСЬ

II. Эта эпиграмма, видимо, посвящена Т. Аннию Кимвру, ритору, который якобы отравил своего брата. В ораторском стиле он был последователем историка Фукидида, живо описавшего, в частности, афинскую чуму.

Стих 3. *Галльский тав* — указание на какую-то особенность произношения Кимвра и на его имя, совпадающее с этнонимом галльского (германского) племени кимвров. О специфическом произношении римских снобов той эпохи писал ранее и Катулл. *Мин* и *сфин* — архаические диалектные формы греческих местоимений, вновь указывающие на снобизм Кимвра.

III. По всей видимости, эта эпиграмма вдохновлена портретом Марка Антония, соперника Августа и супруга Клеопатры. Но, возможно, речь идет о Митридате или парфянском царе Фраате, которые также представляли опасность для Рима.

IV. Посвящено поэту Октавию Музе, другу Горация и Вергилия.

Стих 10. *Клио* — муза истории.

V. Эта эпиграмма написана Вергилием в юности, когда он кончил занятия риторикой и собирался изучать философию под руководством Сирона.

Стих 3. *Стилон*, *Тарквитий* и *Варрон* — риторы, у которых учился Вергилий (Варрон явно был просто тезкой знаменитого грамматика М. Теренция Варрона).

Стихи 6—7. *Секст Сабин* — видимо, друг Вергилия.

VI. Выказывалось предположение, что здесь выведен М. Антоний и его тесть Г. Антоний.

VII. Посвящено эпическому поэту Варию.

VIII. Эта эпиграмма написана в 41 г. до н. э., когда Вергилий лишился своего имени (см. «Проклятья»).

IX. Это стихотворение представляет собой эпкомий, посвященный, возможно, М. Валерию Мессале Корвину. Триумф Мессалы в честь победы над аквитанами был в 27 г. до н. э.

Стих 6. *Эрикс*. — См.: «Энеида», I, 570. Ойней — мифический царь Каледонии. *Ойнид* — или сын Ойнея Мелеагр, участник похода аргонавтов и Каледонской охоты, или внук его (сын Тидея) Диомед, участник Троянской войны.

Стих 14. Видимо, автор эпкомия перевел какие-то греческие стихи Мессалы.

Стих 15. *Фригиец* — Приам, царь Трои, доживший до глубокой старости.

Стих 16. *Пилосца век*. — Здесь имеется в виду Нестор, царь Пилоса, старейший участник Троянской войны, переживший (по Гомеру) три поколения людей.

Стих 18. Пастухи Мерис и Мелибей фигурируют также в «Буколиках».

Стих 20. *Тринакрийский певец* — поэт Феокрит (Тринакрия — Сицилия).

Стих 21. Видимо, здесь имеется в виду Сульпиция, дочь известного оратора Сервия Сульпиция.

Стих 25. Здесь имеется в виду Аталанта, аркадская охотница, участница похода аргонавтов и Каледонской охоты. Она обещала выйти замуж только за того, кто победит ее в беге. Один из юношей (различные мифы дают различные имена, но обычно это Гиппомен) сумел замедлить бег Аталанты, бросая на дорогу золотые яблоки из райских садов Гесперид, которые она поднимала — и таким образом проиграла состязание и стала женой Гиппомена.

Стих 27. *Что...рождена из яйца... Леды...* — Елена Троянская.

Стих 28. *Кассиопея* — супруга Кефeya и мать Андромеды, обратившаяся в созвездие.

Стих 29. Речь идет о Гипподамии, дочери Эномая (см.: «Георгики», III, 7).

Стих 33. *Акрисия дочь* — Даная (см.: «Энеида», VII, 371).

Стих 35. Здесь имеется в виду Лукреция, ставшая жертвой насилия со стороны Секста Тарквиния и покончившая жизнь самоубийством.

Стих 40. *Попликола* («заботящийся о народе») — одно из имен в роде Валериев, к которому принадлежал и Мессала.

Стих 52. *Таг* — река в Лузитании (Португалии), ныне Тахо.

Стих 60. *Кинфий*. — См. примеч. к «Буколикам», VI, 3. *Аглая* — одна из трех Граций (Харит), богинь красоты, спутниц Венеры.

Стих 61. *Кирена* — родина знаменитого эллинистического поэта Каллимаха, с которым хотел бы сравняться автор эпитафии.

X. Это стихотворение представляет собой пародию на Катуллу (IV): «Кораблик этот, // он пред вам, странники! // Клянется, что быстрее из судов морских // Когда-то был он...» (перевод Ф. Петровского). В Сабине изображен некий человек низкого происхождения, сумевший добиться значительных должностей и, видимо, в ознаменование благополучного окончания магистратуры посвятивший свою статую (или портрет) Кастору и Поллуксу.

Стих 4. *Бриския* — город в Цизальпинской Галлии, ныне Брешиа.

Стих 10. *Китор* — гора в Пафлагонии, богатая лесом.

Стих 25. Эта строка полностью заимствована из упомянутого стихотворения Катуллы.

XI. Эта эпитаграмма написана в форме шуточной эпитафии по Октавию Музе (см. «Смесь», IV).

XII. Возможно, что эпитаграмма эта соотносится с VI, в которой также фигурирует Ноктуин. Здесь он напивается на собственной свадьбе (дополнительное доказательство того, что под именем Ноктуина выведен Марк Антоний).

Стихи 6—8. Вторая «дочь» Атилия — кувшин с вином, который Ноктуин и вводит в дом вместо невесты.

Стих 9. «*Талассио*» — древнее приветствие невесте, вводимой в дом.

XIII. Это стихотворение так отлично от всего, написанного Вергилием, или приписанного ему, что некоторые ученые поднимают вопрос об авторстве Горация. Объект поношения в этих ямбах — видимо, все тот же Антоний.

XIV. Эта эпиграмма написана, по всей вероятности, вскоре после того, как Вергилий взялся за сочинение «Энеиды». Стихотворение обращено к Венере, которая должна покровительствовать труду поэта.

Стих 2. *Пафос* — город на Кипре с храмом Венеры. *Идалийский край*. — См. примеч. к «Энеиде», I, 692.

Стих 11. *Киферя* — Венера.

Стих 12. *Суррент* — ныне Сорренто.

Е. Рабинович

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>М. Гаспаров. Вергилий — поэт будущего</i>	5
БУКОЛИКИ. Перевод С. Шервинского	
Эклога I	37
Эклога II	41
Эклога III	44
Эклога IV	50
Эклога V	53
Эклога VI	57
Эклога VII	60
Эклога VIII	63
Эклога IX	67
Эклога X	70
ГЕОРГИКИ. Перевод С. Шервинского	
Книга первая	75
Книга вторая	89
Книга третья	104
Книга четвертая	120
ЭНЕИДА. Перевод С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского	
Книга первая	137
Книга вторая	157

Книга третья	179
Книга четвертая	199
Книга пятая	218
Книга шестая	241
Книга седьмая	265
Книга восьмая	287
Книга девятая	307
Книга десятая	329
Книга одиннадцатая	353
Книга двенадцатая	378

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАННЕЕ И СОМНИТЕЛЬНОЕ *

Комар. <i>Перевод С. Шервинского</i>	405
Скопа. <i>Перевод Е. Рабинович</i>	417
Проклятия. <i>Перевод Е. Рабинович</i>	431
Лдия. <i>Перевод Е. Рабинович</i>	434
Трактирщица. <i>Перевод С. Ошера</i>	437
Завтрак. <i>Перевод С. Ошера</i>	439

С м е с ь

I. «Делия ходит сюда...» <i>Перевод С. Ошера</i>	443
II. «Любитель слов старинных...» <i>Перевод М. Гаспарова</i>	443
III. «Вот он, взгляни на него...» <i>Перевод С. Ошера</i>	443
IV. «Где б ни носили меня...» <i>Перевод С. Ошера</i>	444
V. «Прочь, риторы...» <i>Перевод С. Ошера</i>	444
VI. «Несчастнейшего зятя...» <i>Перевод С. Ошера</i>	445
VII. «Право, по совести я говорю...» <i>Перевод С. Ошера</i>	445
VIII. «Был ты Сиронов...» <i>Перевод С. Ошера</i>	445
IX. «Молви немного мне...» <i>Перевод С. Ошера</i>	445
X. «Сабин вот этот...» <i>Перевод М. Гаспарова</i>	447
XI. «Кто из богов, Октавий...» <i>Перевод С. Ошера</i>	448
XII. «Спесивый Ноктуин...» <i>Перевод С. Ошера</i>	448
XIII. «Ты думаешь, я слаб...» <i>Перевод М. Гаспарова</i>	448
XIV. «Если начатый труд...» <i>Перевод С. Ошера</i>	449
Комментарии <i>Н. Старостиной и Е. Рабинович</i>	453

Вергилий

В 32 Буколики. Георгики. Энеида. / Пер. с лат.; Вступ. статья М. Гаспарова; Коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. — М.: Худож. лит., 1979 — 550 с. (Б-ка антич. лит-ры)

В книгу великого римского поэта Публия Вергилия Марона (70 — 19 гг. до н. э.) вошли его известные произведения: сборник пастушеских стихов «Буколики», дидактическая поэма «Георгики», эпос «Энеида», а также «Приложение», впервые издающееся на русском языке и включающее в себя юношеские стихи поэта.

В 70404-410 без объявления
028(01)-79

А (Рим)

Вергилий

БУКОЛИКИ. ГЕОРГИКИ. ЭНЕИДА

Редактор

М. То маш ев с к а я

Художественный редактор

Ю. Ко н н о в

Технические редакторы

О. Я р о с л а в ц е в а

А. Ку з не ц о в а

Корректор

Г. Ки с е л е в а

ИБ № 1882

Сдано в набор 27.03.79. Подписа-
но в печать 25.10.79. Формат
60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Гар-
нитурa «Елизаветийская». Печ-
ать высокая. 32,18 усл. печ. л.
28,648 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 564. Цена 2 р. 30 к.

Издательство

«Художественная литература»
107078, Москва, Ново-Басман-
ная, 19.

Ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производст-
венно-техническое объединение
«Печатный Двор» имени
А. М. Горького «Союзполиграф-
прома» при Государственном ко-
митете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной
торговли. 197136, Ленинград,
П-136, Чкаловский пр., 15

2p.30 н.

